

В. В. АДОРАТСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

*Государственное издательство
политической литературы*

В. В. АДОРАТСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

МОСКВА

1961

A192

~~3446~~

A31

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Викторович Адоратский (1878—1945), видный большевик и крупный ученый, внес существенный вклад в дело разработки истории марксизма, истории международного рабочего движения. Главным содержанием его деятельности была научная подготовка изданий Сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, пропаганда идей марксизма-ленинизма. Много сил он отдавал подготовке кадров историков-марксистов. Вся его жизнь была посвящена служению науке и Коммунистической партии.

В. И. Ленин, близко знавший Адоратского, характеризовал его как стойкого большевика, хорошо образованного марксиста, теоретика и пропагандиста (см. Ленинский сборник XXXVI, стр. 101—102, 469—470).

Сборник избранных произведений В. В. Адоратского посвящен вопросам истории марксизма, отдельным работам Маркса, Энгельса, Ленина, раскрытию значения этих работ в развитии марксистской теории, а также революционной практической деятельности основоположников марксизма как вождей международного пролетариата.

Сборник открывается работами, содержащими общую характеристику учения научного коммунизма. Работа «Научный коммунизм Карла Маркса» вышла в 1923 г. отдельной книгой. В ее основу были положены лекции, прочитанные Адоратским в первые годы Советской власти. Автор раскрывает здесь существо метода диалектического материализма и материалистического понимания истории. К достоинствам работы относится насыщенность ее конкретно-историческим материалом, иллюстрирующим основные положения марксистской теории, доступная форма изложения. Чтение этого произведения помогает читателю составить верное представление о происхождении и сущности великих коммунистических идей, о борьбе за коммунистическое мировоззрение.

В своих работах о «Манифесте Коммунистической партии» Адоратский показывает, как Маркс и Энгельс, критически переработав все то ценное, что было в философии Гегеля, Фейербаха, в утопическом социализме и в английской классической политической экономии, пришли к научному коммунизму. На основе ряда не опубликованных еще в то время на русском языке материалов Адоратский исследует вопрос о создании Марксом и Энгельсом теории исторического материализма. В статьях о «Коммунистическом манифесте» освещается состояние рабочего движения в главных странах Европы в сороковых годах и история создания Союза коммунистов, программой которого являлся «Манифест». Приводятся интересные сведения по истории написания этого замечательного документа, изложены его основные идеи, имеющие всемирно-историческое значение. Большое внимание уделяет автор борьбе Маркса и Энгельса против антипролетарских направлений внутри социалистического движения.

В статье «Маркс — вождь пролетариата», написанной к 50-летию со дня смерти Карла Маркса, дается обобщающая характеристика учения и революционной деятельности основоположника научного коммунизма. В противовес фальсификациям правых социал-демократов, ревизионистов, Адоратский показывает Маркса не только как гениального ученого, но и как до конца последовательного пролетарского революционера и вождя. Основное внимание уделяется в этой статье разъяснению отправных идей учения Маркса о диктатуре пролетариата.

Большую пользу принесет читателю очерк «Работа Маркса над «Капиталом»». Как известно, работа над этим величайшим произведением научного коммунизма была делом всей жизни Маркса. История создания этого произведения заслуживает самого внимательного изучения.

В работе В. В. Адоратского подробно охарактеризован огромный предварительный труд Маркса по изучению экономической теории (начиная с 1843 г. и до конца жизни), показаны тяжелые, временами трагически тяжелые, условия, при которых Маркс работал над «Капиталом». Маркс, блестящим образом проанализировавший положение пролетария в капиталистическом обществе, и сам, как однажды сказала о нем Клара Цеткин, «в душе своей стократно переживал жизнь пролетария».

Статьи о I Интернационале и о роли Маркса в его деятельности дополняют характеристику основоположника коммунистического учения, показывая его никогда не прекращавшуюся практическую революционную деятельность, его борьбу за создание и упрочение пролетарской партии. В статьях освещается значение I Интернационала в развитии массового рабочего движения, а также борьба, которую вели Маркс, Энгельс и их сорат-

ники с антипролетарскими течениями внутри рабочего движения.

Сборник содержит одну из работ В. В. Адоратского, посвященную другому основоположнику научного социализма — Фридриху Энгельсу. В ней разобраны вопросы об историческом месте произведений Энгельса в сокровищнице научного коммунизма, о великом творческом содружестве Маркса и Энгельса, о заслугах Энгельса в издании литературного наследия Маркса. Дана также характеристика литературного наследия Ф. Энгельса.

Статья В. В. Адоратского «Судьбы марксизма в России за последнее десятилетие», написанная им в 1923 году, характеризует В. И. Ленина как величайшего продолжателя учения Маркса, двинувшего вперед развитие марксистской теории. В статье подчеркивается значение научной разработки и развития В. И. Лениным важнейших вопросов о государстве диктатуры пролетариата и закономерностей переходного периода от капитализма к социализму.

В работе «О теории и практике революционного марксизма» на основе научных положений Маркса и Ленина рассматривается взаимоотношение теории и практики, подробно анализируются отличительные черты марксизма: материализм и диалектика, рассмотрение явлений во всей их совокупности и связи, умение выделить главное, изучение конкретной действительности. Автор особенно подчеркивает недостаточность одного лишь книжного изучения марксизма, говорит о необходимости овладения им и применения его в ходе практической деятельности по преобразованию общества, о творческом отношении к революционной теории.

В статье «О значении работ Ленина для философии» говорится о том новом, что внес Ленин в развитие марк-

систской философии. Главное внимание автор уделяет марксистской диалектике. Он рассматривает применение материалистической диалектики к вопросам естествознания и к анализу общественных отношений.

Статьи Адоратского о занятиях В. И. Ленина философией, о значении его философских работ отличаются конкретностью постановки теоретических вопросов и доступной для массового читателя формой изложения. Анализ ленинского философского наследия, данный Адоратским в статье «О занятиях Ленина философией», получил высокую оценку Н. К. Крупской.

Воспоминания В. В. Адоратского о его встречах с В. И. Лениным за период с 1904 по 1922 г. воспроизводят содержание бесед с вождем партии по различным вопросам, в том числе и теоретическим. Эти воспоминания являются ценным историко-партийным документом, правдиво и ярко рисуящим образ В. И. Ленина.

При подготовке сборника к печати составители пользовались текстом статей, опубликованных при жизни В. В. Адоратского, за исключением статьи «За восемнадцать лет», которая публикуется по изданию 1956 года. Даты опубликования указаны в конце каждой статьи.

Статьи публикуются в сборнике в том же виде, в каком они ранее были изданы.

Незначительные изменения и редакционные сокращения соответствуют правке самого автора, готовившего некоторые статьи к переизданию, а также касаются совершенно устаревших данных.

Имеющиеся в статьях цитаты из трудов К. Маркса и Ф. Энгельса сверены с последними изданиями их Сочинений, а В. И. Ленина — с четвертым изданием его Сочинений. В соответствии с этим внесены уточнения в подстрочные примечания. Примечания, сделанные автором, оговорены в тексте.

В конце сборника помещается краткий биографический очерк о жизни и деятельности В. В. Адоратского, написанный *Р. П. Конюшей*.

Сборник выходит под редакцией профессора *В. В. Максакова* и кандидата исторических наук *О. К. Сенекиной*. В подготовке сборника принимали участие *К. И. Коннова* и *О. Е. Долгушина*.

*Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ КАРЛА МАРКСА

Глава I

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

§ 1. Утопический социализм и научный коммунизм

Социалистический строй — это общественный строй, отличающийся следующими признаками:

Средства производства находятся не в частной собственности отдельных лиц, а принадлежат всему обществу, являются общественной собственностью.

Производство и снабжение идет организованно, по выработанному плану; нет анархии производства.

Этими чертами этот строй существенно отличается от строя капиталистического. При таком строе не может быть эксплуатации.

Мысль о таком строе родилась и сложилась в головах отдельных выдающихся мыслителей вместе с возникновением и развитием капиталистических отношений. Этот первоначальный социализм — прекрасная мечта, доброе пожелание, социализм, основанный на соображениях нравственности — такой социализм называется *утопическим*. (От имени фантастического острова Утопии, куда Т. Мор поместил свое идеальное общество. Слово «утопия» — греческое. Оно составлено из двух слов «у» — отрицание и «топос» — место: нет такого места на земле, где существует такой строй — он в мечте).

Утопический социализм возник рано, когда капиталистические отношения не достигли еще полного развития. Но когда они созрели и стала близиться их гибель, когда вырос пролетариат, — социализм превратился из прекрасной мечты в неизбежность. Осуществление его стало обосновываться не требованиями нравственности,

но научными доводами необходимости. Такой социализм получил название *научного*.

В основе утопического, с одной стороны, и научного социализма — с другой, лежат две совершенно разные точки зрения на человечество и историю его развития. В основе утопического социализма лежит идеалистический взгляд на историю, то есть, согласно этому взгляду, строй общества зависит от сознания людей, определяется сознанием. Эта точка зрения опровергается действительным ходом развития человеческого общества. В действительности, развитие общества совершается вопреки сознанию отдельных личностей. Оно идет не охватываемое сознанием, сознание является лишь после того, как общественные отношения уже успели принять сложившиеся формы: сознание всегда обусловлено, следовательно, не является первоначальным. Утописты на это не обратили должного внимания.

К низшим слоям населения домарксовские социалисты относились своеобразно. Они смотрели на низшие слои населения, на «народ», сверху вниз, видели в этом народе страдающую темную и вполне беспомощную массу. Образец такого отношения — «Сонет» Томазо Кампанеллы, итальянского социалиста-утописта (родился 5 сентября 1568 года, умер 21 мая 1639 г.).

НАРОД

Народ, изменчивый и неразумный зверь,
Не знает сил своих и терпеливо переносит рабство.
Он повинуется ребенку, которого бы мог
Одним толчком свалить на землю.

Нет, он боится этого ребенка и служит всем его капризам,
Он не знает, как самого его бояться,
Не знает, что его владыки для него питье готовят,
И оттого он делается глупым.

Сам себя народ порабощает и заковывает в цепи
И борется, и умирает за каждый грош,
Который сам же доставляет королю.

Весь мир принадлежит ему, а он
Того, кто указать ему на то посмеет,
Немедленно готов побить камнями.

Об этом «народе» в «Истории одного города» Салтыкова Вор-Новотор отзывается: «Драть их, ваша княжеская светлость, завсегда очень свободно».

В своей сказке «Коняга» Салтыков следующим образом описывает состояние этого народа, символом, олицетворением которого является избитый, измученный непрерывным трудом, не живущий и не умирающий мужичий коняга. «Не благополучие его нужно, а жизнь, способная выносить иго работы. Сколько веков он несет это иго, — он не знает. Сколько веков предстоит нести его впереди, — не рассчитывает. Он живет, точно в темную бездну погружается, и из всех ощущений, доступных живому организму, знает только ноющую боль, которую дает работа». Сен-Симон характеризует рабочий класс, как класс наиболее трудолюбивый и наиболее жалкий (*classe la plus laborieuse et la plus misérable*).

Такое воззрение на «народ» объясняется неразвитостью классового строения в начале капиталистического развития. Классовые противоречия, ярко проявляющиеся при развитом капитализме, находились тогда еще в зародыше. Эксплуатируемые массы были темны, неорганизованны и не в состоянии были защищать свои интересы. Люди, искренне сочувствующие этим страдающим массам, думали, что можно с помощью проповеди, обращенной к высшим слоям, облегчить положение масс.

Но есть писатели и деятели, живущие среди вполне развитого капиталистического общества и все-таки не видящие или не желающие видеть непримиримости противоречий между буржуазией и пролетариатом, старающиеся примирить и согласовать интересы эксплуататоров и эксплуатируемых.

Причина этого — то обстоятельство, что такой писатель стоит на точке зрения мелкого собственника, пропитан воззрениями и понятиями буржуазии и не хочет порывать с буржуазным строем, не хочет изменить того порядка, к которому приспособлены его взгляды, хотя крупный капитал его давит, и потому он против эксплуатации, производимой крупным капиталом. На основе этих взглядов развиваются системы так

называемого мелкобуржуазного социализма. Стараться примирить интересы буржуазии и пролетариата — тоже утопия.

Такие взгляды буржуазия охотно использует для того, чтобы держать пролетариат в узде и ослабить натиск революционного передового отряда пролетариата.

Мыслитель, стоящий на идеалистической точке зрения, не в состоянии удовлетворительно объяснить причину такого общественного порядка, при котором наиболее трудолюбивые являются наиболее несчастными и жалкими, и не в состоянии указать выхода из этого положения.

Только Марксу, разгадавшему тайну закона развития человеческого общества, удалось дать объяснение происхождения классовой борьбы, угнетения и эксплуатации, объяснить историческую неизбежность возникновения эксплуататорского строя и неизбежность его гибели и вместе с тем указать и путь, каким именно осуществится коммунизм через классовую борьбу пролетариата.

Но теория Маркса явилась уже в результате развитых отношений капиталистического общества. Исследуя причины, обуславливающие развитие мышления людей, теория Маркса объясняет и свое собственное возникновение.

Для социалистов-утопистов — пролетариат самый жалкий и страдающий класс. Для научного коммунизма Маркса пролетариат — это революционный класс, который сумеет взять в свои руки устройство своей жизни. Для социалистов-утопистов и для социалистов мелкобуржуазных — социализм это примирение всех классов. Для научного коммунизма — коммунизм это борьба пролетариата и его торжество над врагами. Утописты собирались проводить в жизнь изобретенные ими системы, пользуясь проповедью, убеждением и примером. Научный коммунизм есть выполнение классовых задач пролетариата, выдвигаемых самой жизнью, осуществление необходимости.

Утописты стоят на идеалистической точке зрения. Маркс — материалист.

Чтобы усвоить основы научного коммунизма, надо:

1) Познакомиться основательно с произведениями его лучших теоретиков.

2) Надо наблюдать и изучать современную действительность, применяя к объяснению ее метод диалектического материализма. Теория Маркса это метод исследования действительности. Это не есть раз навсегда открытая и всюду применимая схема. Только тот понял Маркса вполне, только тот стал настоящим коммунистом, кто овладел методом Маркса и, разбираясь во всей сложной действительности, умеет построить правильное суждение, вполне считающееся со всей конкретной обстановкой.

3) Наконец, надо не только ограничиваться теорией, но и практически действовать. «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹, — говорит Маркс в своих тезисах о Фейербахе. Теорию нельзя отделять от практики. Только сочетание теории с практической деятельностью может дать положительные результаты, внести жизнь в науку и науку в жизнь. Практическая работа в организации воспитывает характер и ум, предоставляя на каждом шагу тысячи поводов применять материалистический анализ и проверять себя. Теоретик пролетариата никогда не должен отрываться от передовых масс рабочего класса. Даже для блестящих умов такая оторванность — гибель. Пример — Плеханов, Каутский.

§ 2. Утопический социализм

Философы просветители XVIII века. Великие социалисты-утописты имеют много общего с великими просветителями XVIII века. Поэтому необходимо дать краткую характеристику этих мыслителей. Важнейшие имена: Вольтер (1694—1778), Руссо (1712—1778), Дидро (1713—1784), Гельвеций (1715—1771), Гольбах (1723—1789).

Большинство просветителей XVIII века было материалистами в естествознании и идеалистами в обществоведении. Они являлись представителями революционной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, 2 изд., стр. 4.

буржуазии, которая тогда еще не имела власти и желала свергнуть господство привилегированных сословий дворянства и духовенства. Этим объясняется революционный дух просветителей. Они проповедовали, что нет авторитетов, надо уничтожить привилегии, ибо все люди должны быть равными.

Вражда против церкви и атеизм. Эти мыслители вели проповедь против церкви. Так называемые деисты были противниками только церкви, но не религии, не веры в бога вообще. Вольтер и Руссо отрицали официальную религию, но желали сохранения религиозной идеологии.

Атеисты, более последовательные, бесстрашные сторонники научной точки зрения, отрицали самую идею бога. Таковы Гельвеций, Гольбах, Дидро, Ламетри, Буланже, Лаланд, Дюпюи.

Рационализм. Революционные философы XVIII века признавали разум всемогущим, выдвигали его на первый план. По-латыни разум — *ratio*; отсюда и название этого направления — рационализм. Новый деятельный революционный класс — буржуазия несла с собой на смену старых, установленных обычаем, порядков новый строй отношений, сознательную реформаторскую деятельность, новую науку, технические открытия. Открывалась широкая деятельность уму, предприимчивости. Ум казался поэтому всемогущим. Весь мир, по выражению Гегеля, был поставлен на голову. Порядок феодальных отношений, который казался новым буржуазным деятелям противоречившим здравому рассудку, неудержимо разрушался, как бы подтверждая торжество и правоту разума. Решающее влияние разума признавалось во всех областях жизни.

Сознательным руководством, воспитанием можно достичь всего, — учили просветители XVIII века. Основной нравственности они считали стремление к наслаждению и хорошо понятый личный интерес. И тут, следовательно, опять-таки выдвигался на первый план разум (рационалистическая мораль). По мнению просветителей, феодальный строй, власть церкви, все учреждения, которые мешали развитию буржуазии, все это ошибки, заблуждения, уклонения от истинной и низмен-

ной природы человека, результат невежества. Наука победит тьму. Истинный справедливый строй открыт философами — его надо осуществить.

Просветители XVIII века были буржуазными мыслителями. Они идеализировали буржуазный строй. Все неустройство жизни, все недостатки общественного строя приписывали пережиткам феодализма. С достижением буржуазной свободы и равенства рассчитывали достичь всеобщего счастья. Буржуазный строй еще не успел достичь развития. Его предстояло еще осуществить. Практика жизни еще не успела развернуть и вскрыть все противоречия, присущие капитализму. Буржуазия была тогда передовым классом. Она руководила всем общественным движением, являясь представительницей интересов всего общества. Противоречия между буржуазией и пролетариатом еще не успели вполне обнаружиться. Отдельные личности, как, например, Бабёф, понимали, что следом за первой революцией должна быть вторая, которая установит равенство экономическое. Но это были только единицы. Чрезвычайно интересно на подлинных документах французской революции проследить, как жизнь наталкивала на социалистические меры последовательных людей, желавших искренне отстаивать интересы масс. Но мысль как этих вождей, так и самих масс, была все еще в рамках буржуазных представлений. Они не могли представить себе никакого иного общества, кроме общества товаро-производителей.

Зародыш материалистического взгляда на общество. Что человек есть продукт окружающих условий, среды, — это материалисты XVIII века уже понимали. Но они не могли ответить на вопрос, что же определяет эту среду, эти общественные отношения людей.

Заколдованный круг, который не могли разорвать ни просветители XVIII века, ни позднейшие социалисты до Маркса, состоял в том, что, по их мнению:

1) Общественным строем (средой) определяется сознание человека (взгляд материалистический).

2) Но сам общественный строй определяется в свою очередь сознанием человека (идеализм).

Великие социалисты-утописты. После революции капитализм во Франции мог развиваться более свободно. Однако обещанного рая на земле не наступило. Обнаружились следующие отрицательные черты капитализма:

1) Свободная конкуренция, анархия производства. Неорганизованность хозяйственной жизни. Кризисы.

2) Противоречие нищеты и богатства. Рабочий попадает в кабалу капитала. Рабочая сила — товар. Буржуазия богатеет и рядом с этим вопиющая нищета рабочих масс.

Мыслители, наблюдавшие эти развивавшиеся отношения капитализма, дали его критику. В общих чертах они наметили идеал социализма. Осуществление этого идеала, по их мнению, осчастливит все человечество (для утопистов характерна внеклассовая точка зрения. Они собирались облагодетельствовать всех).

Сходство великих социалистов-утопистов с просветителями XVIII века. Социалисты-утописты стояли на внеклассовой точке зрения, считали, что представляют интересы всего общества в целом. Так же, как и просветители, верили во всемогущество разума, во всемогущество воспитания. Утописты стояли на идеалистической точке зрения, то есть думали, что общественный строй определяется сознанием людей. Но в то же время знали, что человек, а следовательно, и его сознание обусловлены общественной средой.

Разница между просветителями XVIII века и утопистами. Просветители идеализировали буржуазный строй. Социалисты-утописты уже считали его неразумным. (Маркс показал закономерность возникновения капитализма и неизбежность его гибели). По мнению социалистов-утопистов, равенство перед законом недостаточно. Необходимо организовать производство, уничтожить товарное обращение с его конкуренцией, анархией рынка и т. д. Необходимо уничтожить нищету производителей.

Это различие объясняется тем, что социалистам-утопистам пришлось наблюдать капиталистическое общество в его дальнейшем развитии, когда уже вскрылось основное противоречие внутри него.

Отличительные черты утопического социализма. Характерными чертами утопического домарксовского социализма являются:

1) *Критика капиталистического строя.* В этом сильная сторона этих писателей. Критика эта в некоторых своих образцах, как например у Фурье, еще и до сих пор не потеряла своего значения.

2) *Рационализм.* Социализм, по мнению утопистов, есть выражение совершенной истины, совершенной справедливости, совершенного разума. Стоит эту истину открыть, и она собственной своей силой покорит весь мир. Утописты хотели осуществлять планы, выработанные ими в своих кабинетах на основании открытых ими отвлеченных истин. Научный социализм или коммунизм выполняет только те задачи, которые сама жизнь ставит на очереди.

Представители старых революционных теорий привыкли строить программы и планы «деятельности на основании абстрактных идей, а не на основании учета действующих в стране реальных классов, поставленных историей в такое-то взаимоотношение» («Задачи русских социал-демократов») ¹.

3) *Внеклассовая точка зрения.* Утописты стремились смягчить противоречия капиталистического общества, сгладить их. Они хотели облагодетельствовать всех. Утопизм тут заключался в том, что средства, рекомендованные утопистами, совсем не ведут к желанной цели. Утописты желали помочь страдающим массам. Смягчать противоречия — это значит усиливать положение эксплуататоров, ослаблять единственную силу, которая может разрушить эксплуатацию — силу пролетариата. Утописты всей душой сочувствовали пролетариату, но в силу его не верили. Для них он был лишь наиболее страдающим классом общества. С проповедью они обращались не к низам, а к верхам общества, к власти имущим. Освободить угнетенных хотели сверху.

Научный социализм в противоположность этому стоит на классовой точке зрения. Пролетариат — это есть та живая сила, которая одна может выполнить

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, 4 изд., стр. 314.

великую, всемирно-историческую задачу, организовать коммунистический строй на основе крупной машинной промышленности. Потому-то пролетариат и должен быть в переходный момент господствующим классом — отсюда неизбежность диктатуры пролетариата. Утописты боялись революции и основания к освобождению пролетариата от эксплуатации искали в сердцах и умах его эксплуататоров.

Из социалистов-утопистов остановимся здесь на двух: Шарле Фурье и Роберте Оуэне.

§ 3. Отдельные представители утопического социализма

1. *Шарль Фурье (1772—1837 гг.)*. Сын купца. Отец принуждал его работать в торговом предприятии. Фурье ненавидел торговлю. Два раза пытался бежать, в конце концов ему пришлось подчиниться. В связи с коммерческими делами Фурье пришлось много путешествовать. Он жил долгое время в Лионе (центр шелкового производства), где наблюдал капиталистическую промышленность. Во время революции потерял свое небольшое состояние и после этого жил в бедности.

В своих *произведениях* (сначала ряд статей, затем книги: «Теория четырех движений» 1808 г.; «Теория всеобщего единства» 4 тома — 1822 г.; «Новый мир» 1829 г.; «Ложная промышленность» 1835—36 гг. Статьи в журнале «Фаланстер») Фурье является блестящим критиком и сатириком буржуазного общества, мастером диалектики, экономистом и историком. Фурье указал на то обстоятельство, что в капиталистическом обществе нищета порождается богатством. Критикуя капитализм, он указывал, что отличительная черта капитализма — неорганизованность. «Напрасно вы, философы, написали груды книг в поисках счастья человечества. Вы не уничтожили главной причины зла — промышленного раздробления и несогласованного труда». Конкуренция — зло. Человечество страдает от дезорганизации. Трудятся несогласованно. Всякий действует самостоятельно, за свой страх. Производительные силы используются не экономно. В обществе существует множество паразитов. Фурье приходит к выводу, что при

ликвидации этого паразитизма много сил может быть привлечено к полезному общественному труду.

Критикуя буржуазную свободу, Фурье говорит: «Голодному нет никакой пользы от того, что он может вместо обеда читать хорошую конституцию». Социалистический строй можно строить, по его мнению, организуя сельскохозяйственные коммуны. Общество людей в числе 1500—1600 человек, которое он называет фалангой, живет в прекрасном дворце-фаланстере, выстроенном среди природы. Работа там бесконечно разнообразна и потому чрезвычайно привлекательна. Фурье не собирался уничтожить частную собственность. В его фаланге равенства нет, продукт делится таким образом: капиталист получает $\frac{4}{12}$ всего продукта, труду идет $\frac{5}{12}$ и таланту $\frac{3}{12}$.

Фурье говорит, что это открытие его, этот план подобного устройства общества не есть результат развития, такой план мог бы появиться и раньше. В этом отношении Фурье держится совсем не исторического взгляда. Но несмотря на это у Фурье большие заслуги перед историей. Он различал четыре ступени развития культуры:

- 1) дикое состояние; 2) варварство; 3) патриархат;
- 4) цивилизация: буржуазное общество с XVI века.

Для того чтобы выполнить свои планы, которые должны были, по его мнению, осчастливить человечество, Фурье рассчитывал получить средства от богатых людей, убежденных его идеями. Он ждал, что в его бедную комнатку на чердаке придет миллионер и скажет ему: «вот вам мои миллионы, осуществляйте свою программу».

2. *Р. Оуэн (1771—1858 гг.)*. Рано начал работать в торговом предприятии. Изучил прядильное производство. Очень молодым сделался директором фабрики. С 1800 г. сам стал владельцем фабрики в Нью-Ланарке. Прекрасно поставил дело, поднял благосостояние рабочих, устроил образцовые школы. Но такая деятельность не удовлетворила его. Он старался открыть способ уничтожения эксплуатации. Делал попытки организовать коммуны в Америке.

У Роберта Оуэна громадные заслуги перед рабочим движением. Из всех социалистов-утопистов он всего ближе стоял к рабочему движению. Это явилось результатом того, что в Англии капитализм был более развит, и Оуэну пришлось иметь дело с более развитым рабочим движением. Оуэн явился отцом фабричного законодательства. Благодаря его пятилетним усилиям и настойчивости в 1819 г. прошел в парламенте первый закон, ограничивающий работу женщин и детей на фабриках. Под председательством Оуэна прошел первый съезд профессиональных союзов, на котором впервые произошло объединение в один общий большой рабочий союз. Оуэн первый организовал кооперативы, являющиеся блестящим практическим доказательством ненужности купцов.

Об Оуэне есть несколько ценных замечаний у Маркса в «Капитале»¹.

Оуэна не удовлетворила деятельность в качестве директора фабрики, улучшающего положение рабочих. Рабочий и в улучшенном положении останется рабом при господстве капиталистических отношений. Обдумывая вопрос о положении рабочих, Оуэн пришел к следующим выводам. При развитой технике 2500 человек рабочих создали столько, сколько 50 лет тому назад создали бы 600 000 человек. «Я спросил себя, — рассказывает Оуэн, — куда же девается разница между количеством продуктов, потребляемых 2500 людьми, и тем количеством, которое потребовалось бы для прежних 600 000»? Ответ ясен — эта величина в виде 3 000 000 р. ежегодного дохода попадает собственнику фабрики, сверх тех 5%, которые составляют доход на основной капитал.

Придя к этому выводу, Оуэн выступил с проектом реформы всего общественного строя. По его мнению, государство должно устраивать общины, в которых не существовало бы ни наемного труда, ни эксплуатации человека человеком. Земля — общественная собственность. Производство на товарищеских началах. Ячейка общества — «домашняя колония» от 500 до 2500 человек. Члены занимаются земледелием и промышлен-

¹ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 83, 101, 304, 409, 489, 507.

ностью. Уничтожается противоречие между городом и деревней. «Домашняя колония» напоминает фаланстеру Фурье. Разница лишь в том, что Оуэн собирался ввести коммунизм. Управление ведется собранием делегатов. Они управляют производством и потреблением, сносятся с союзными хозяйствами и с границей, где хозяйство организовано на таких же началах.

Утопичность такого плана ясна. Оуэн хотел искусственным путем «насадить» в буржуазном обществе социализм, сообразно «разумной системе», которую он изобрел.

Система Фурье и Оуэна имеет то сходство, что та и другая предполагают: 1) мирный путь введения социализма; 2) путь мелких начинаний среди капиталистических предприятий; 3) ожидают сочувствия со стороны эксплуататоров убежденных гениальностью открытия.

Разница между Фурье и Оуэном в том, что первый не коммунист. Он в будущем организованном обществе собирался сохранить некоторое неравенство состояний. Оуэн — коммунист, он хотел ввести организованное коммунистическое производство и потребление.

Утопичность этих систем состоит в том, что осуществление социализма основывается не на классовой борьбе пролетариата, а на добрых пожеланиях, на ожидании, что все устроится мирным путем, что эксплуататоры не будут сопротивляться, а, наоборот, будут сочувствовать введению социализма.

Стремление начинать с мелких опытов тоже является ошибкой. Такие хозяйства неизбежно вовлекаются в борьбу с крупными капиталистическими хозяйствами и, как показал опыт, борьбы этой не выдерживают.

Социалистический строй может осуществить только пролетариат. Этот порядок общественных отношений ему удастся установить только после долгой борьбы, после того как он сломит отчаянное сопротивление эксплуататоров, преодолет все трудности и в процессе борьбы перевоспитает самого себя. Осуществление социализма — это классовое дело пролетариата. Интересы буржуазии и пролетариата непримиримы. Тут учит нас практика жизни. Отчетливо и ясно высказывает это теория научного коммунизма.

§ 4. Мелкобуржуазный социализм

Положение мелкой буржуазии при капитализме. Мелкобуржуазные социалисты, критикуя капиталистический строй, не могут, не умеют или не хотят встать на точку зрения пролетариата. (Это не мешает им, впрочем, заявлять о том, что они всего лучше защищают интересы рабочих). Такие писатели и деятели *не желают видеть непримиримости противоречия между пролетариатом и буржуазией*. Они не понимают неизбежности классовой борьбы, не понимают, что для пролетариата путь борьбы и свержение власти буржуазии — единственный возможный путь освобождения. У них нет понимания сущности капиталистических отношений, понимания неизбежности их гибели, наоборот, они твердо верят в могущество и непоколебимость капитализма. Мелкобуржуазные социалисты являются агентами буржуазии, укрепляющими буржуазный строй, мешающими пролетариату выполнить его задачу разрушения эксплуатации.

Такие социалисты мечтают о примирении классовых противоречий, о сотрудничестве классов, о переходе к социализму мирным путем, без борьбы и т. д. На словах они служат делу пролетариата, на деле приносят огромный вред, ослабляя силу движения рабочих, затемняя сознание, дезорганизуя пролетариат, развращая его сознание. В сущности *такие деятели являются самыми злейшими и опаснейшими врагами рабочего класса*. Это враги, но такие, которых сразу трудно распознать, это не те враги, которые возмущают, будят протест, обостряют борьбу, но такие, которые усыпляют, развращают, разлагают. «В утопиях таких людей, как Фурье, Оуэн и др., есть предвосхищение и фантастическое изображение нового мира», — писал Маркс Кугельману¹. Они гениально предвидели будущее. Мелкобуржуазный социализм и утопизм является по существу своему реакционным, желающим возврата прошлого. «Утопизм, который до появления материалистически-критического социализма носил в себе этот последний в зародыше,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 184.

теперь, выступая на сцену с опозданием, может быть только нелепым, пошлым и в самой основе своей реакционным»¹.

В основе всевозможных оттенков такого непролетарского социализма лежит классовая точка зрения мелкого буржуа. Таких деятелей и их идеалы буржуазия охотно использует для того, чтобы затемнить классовое сознание рабочих и таким образом сохранить свою власть. Это одно из оружий ее классовой борьбы против пролетариата и в зависимости от обстоятельств иногда одно из самых могущественных.

Каждому сознательному пролетарию и всему рабочему классу в целом необходимо ясно отдать себе отчет в том, что такое из себя представляет мелкий буржуа, и противопоставить его классовой точке зрения свою пролетарскую.

Мелкий буржуа, мелкий собственник, мещанин — это «мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, — вот два признака, составляющие понятие «мелкого буржуа»².

Мелкие производители, именно крестьяне, обособлены друг от друга, разобщены. Они ведут самостоятельное хозяйство и привыкли заботиться о себе. Они индивидуалисты. По выражению Маркса, множество мелких крестьян образуют такое же единство, как картофель, насыпанный в мешок³.

Мелкий собственник стремится к хозяйственной самостоятельности, желает иметь свою собственную мастерскую, где он полный хозяин. Так он понимает свободу. Централизованная организация кажется ему рабством. Спасение свое мелкий производитель видит в своей личной собственности, не понимая, что рядом с крупным капиталом, при господстве товарного хозяйства, при конкуренции он — нуль. Или пролетарский коммунизм, или диктатура крупного капитала — такова действительность.

Мелкая буржуазия породила крупную. Крупный капитал выдвинулся и упрочил свое положение в борьбе

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 313.

² В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 375.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, 2 изд., стр. 207—208.

на поле свободной конкуренции. Победа его неизбежна. Если имеется мелкое товарное производство, можно с уверенностью сказать: рано или поздно в таком обществе восторжествует власть крупного капитала, если только пролетариат не сможет организовать крупного общественного производства.

Но мелкая буржуазия стоит на одной почве с крупной, на почве частной собственности, и не понимает неизбежности господства крупного капитала, пока сохраняются буржуазные формы хозяйства, частная собственность на средства производства.

«Мелкая буржуазия в жизни зависит от буржуазии, живя сама по-хозяйски, а не по-пролетарски (в смысле *места* в общественном *производстве*), и в образе мыслей она идет за буржуазией»¹. Нужно помнить, что пока сохраняется частная собственность на средства производства и товарное хозяйство—власть крупного капитала обеспечена, и все меры, не затрагивающие этих основ господства буржуазии, не уничтожают эксплуатации.

Крупный капитал давит мелкого собственника и порождает в нем протест. Богатство класса буржуазии создается лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и при росте пролетариата. В силу законов буржуазного хозяйства идет непрерывная экспроприация буржуазии, дающая перевес и власть крупному капиталу. Мелкий буржуа протестует против этого болезненного процесса, но не понимает его неизбежности. Процесс этот должен завершиться окончательной экспроприацией экспроприаторов, которую проведет пролетариат².

Таков закон буржуазного строя, таково действие конкуренции, законов рынка. Но мелкий буржуа всего этого не в состоянии понять.

Протестуя против крупного капитала, мелкий буржуа не умеет покинуть собственническую точку зрения, не умеет выйти из рамок буржуазного строя и потому протест его и борьба его против крупной буржуазии бессильны. Он воюет против буржуазности средствами

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, 4 изд., стр. 41.

² См. К. Маркс. «Капитал», т. I, гл. 24, § 7.

буржуазного же общества. Тут трагическая ограниченность мелкого собственника. Действительный процесс пролетаризации вышвыривает мелких собственников фактически из класса собственников и лишает их даже призрачной собственности. Но и тогда сознание плетется медленно следом за действительностью, и целые слои пролетариата остаются зараженными мелкобуржуазными предрассудками (например, иллюзия свободы труда при капитализме и якобы нарушение ее коммунистами). Необходимо усиленно бороться с такими предрассудками, разъясняя действительное положение дела и истинные интересы пролетариата.

У мелкого буржуа идеал реакционный — устройство нового улучшенного издания мелкобуржуазных общественных отношений: он хочет создать буржуазное общество без крупного капитала.

Но уничтожить крупное производство — реакционная утопия. А все крупными капиталистами сделаться не могут: стремление — «выйти в люди», создать себе привилегированное положение, сесть на шею другому не может же увенчаться успехом для всех.

Сделать доступным культурные удобства для всех невозможно при сохранении частной собственности на средства производства. А мелкий буржуа больше всего на свете боится коснуться собственности. Все меры к поднятию образования, к поощрению трудолюбия и т. д. при сохранении собственности на средства производства только усилят эксплуатацию, только упрочат положение крупного капитала.

Чтобы уничтожить эксплуатацию рабочего класса классом капиталистов, надо уничтожить частную собственность на средства производства, уничтожить буржуазную форму хозяйства и организовать общественное производство. Программа реформ, не затрагивающая основ буржуазного строя, оставляющая на деле власть в руках крупного капитала, не опасна для капиталистов. Социализм — фраза, если он не основан на классовой борьбе.

Из потребностей мелкого собственника вытекают мероприятия, проведения которых требуют мелкобуржуазные социалисты.

Крупный капитал побивает мелких собственников концентрацией. Поэтому мелкий буржуа требует мер, направленных к задержанию концентрации, ограничению наследования, выполнению крупных работ государством.

Мелкого собственника душит конкуренция крупного капитала, и он требует организации обществ, артелей, поддерживаемых государством. Крупный капитал выступает в качестве кредитора. Мелкий буржуа требует организации кредитных учреждений, дарового кредита и т. д.

Государство является органом крупного капитала, оно является враждебной силой для мелкого собственника. Налоги, рост государственного долга, авантюры крупного капитала, международная политика — все это особенно задевает мелкого собственника. Мелкий буржуа может откровенно ненавидеть государство. Он может быть даже революционером, но мелкобуржуазная революционность своеобразна. Она заключается в том, что бунтуют с целью разрушить власть, не затрагивая основ буржуазного строя, не работая для сознательно поставленной главной цели: в конце концов создать коммунистический строй, все подчинить этой конечной цели, ни на минуту не забывая о ней и воспитывать в этом духе рабочий класс. Только при таком условии можно говорить всерьез о стремлении к коммунизму.

Организованному и вооруженному до зубов крупному капиталу страшен только организованный и вооруженный рабочий класс, с ясным классовым сознанием, стремящийся осуществить свою классовую задачу, организовать коммунистический строй и понимающий, что капитал бессилён, если рабочий класс объединен и сознателен.

§ 5. Анархизм

Говоря о мелкой буржуазии и о мелкобуржуазной революционности, о ненависти мелких собственников к крупнокапиталистическому государству, нельзя не сказать несколько слов об анархизме — этом типично мелкобуржуазном учении.

Не в том разница между коммунистами и анархистами, что эти последние против государства, против власти человека над человеком, а коммунисты за власть, за государство.

«Анархизм есть отрицание *необходимости государства и государственной власти* для эпохи *перехода* от господства буржуазии к господству пролетариата»¹. Марксизм отличается от анархизма тем, что признает необходимость государства для перехода к социализму, — но (в этом отличие от Каутского и К⁰) не такого государства, как обычная парламентская, буржуазная, демократическая республика, а такого, как Парижская Коммуна 1871 г., как Советы рабочих депутатов 1905 и 1917 гг.².

Пролетариат, сложившийся в класс и руководимый передовым отрядом, наиболее полно выражающим классовые интересы рабочих — коммунистической партией — такой пролетариат тоже хочет уничтожить эксплуатацию, власть человека над человеком — государство. Но выполняет это он единственно возможным путем, не ограничиваясь фразой, а действительно уничтожая. Анархисты в силу своей мелкобуржуазной ограниченности не понимают сущности капиталистического общества и не могут постичь, каким способом можно разрушить эксплуатацию. Образцом мелкобуржуазной анархистской путаницы являются идеи Прудона и Бакунина³. Идеи современных анархистов — вариации на те же темы. Пролетариат не может отказаться от крепкой боевой политической организации, подавляющей сопротивление эксплуататоров. Отказ от диктатуры пролетариата означал бы сдачу на милость буржуазии.

Чтобы у рабочих и крестьян *не было власти*, чтобы они были *безвластны*, чтобы их организации были бессильны — этого, конечно, пламенно желает всякий добрый буржуа. Мелкий буржуа-анархист в данном случае добросовестно служит на пользу своему патрону — крупному капиталисту.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, 4 изд., стр. 29.

² См. там же, стр. 47.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 22—33 и 276—282.

§ 6. Сознание мелкого буржуа

Ненавидя крупный капитал и его государство, будучи способным отрицать государство, власть человека над человеком вообще (но не товарное производство, не свое самостоятельное хозяйственное положение, не частную собственность на средства производства), мелкий буржуа ненавидит и коммунизм, а если заявляет себя коммунистом, то больше в области дележки, поравнения, о коммунизме же в производстве и слышать не хочет.

Мелкий буржуа на словах может доходить до полного социализма и становится похожим как будто на настоящего сторонника пролетариата. Но на деле всегда в конце концов проявится его буржуазная сущность. По всякому поводу может вскрыться противоречие между мелким буржуа и рабочим.

«Рабочий требует высокой платы, больших доходов, подобно рантье, подобно монополисту, подобно собственнику. Он не знает, что повышение заработной платы составляет причину нищеты», — писал Прудон. Чьей нищеты? — надо спросить. Уж никак, конечно, не рабочего.

Тут вскрывается противоречие интересов между мелким собственником и эксплуатируемым им рабочим. Мелкий хозяйчик является злейшим эксплуататором. Он проповедует бережливость и самоотречение, жалуется на расточительность рабочих. В этой проповеди и приниженность мелкого собственника, единственное спасение видящего в самоурезывании, и хозяйское стремление выжать побольше из рабочего. Чем рабочий невзыскательнее, тем легче его ободрать.

Классически невежественно указание, что повышение заработной платы ведет к поднятию цен. Мелкобуржуазные экономисты и вообще обыватели твердо уверены, что это так. На самом деле это — чистый вздор. Подробное разъяснение неправильности такого взгляда можно найти в брошюре Маркса «Заработная плата, цена и прибыль»¹. Для того, кто принимает трудовую теорию стоимости, а это единственно правиль-

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 16, 2 изд., стр. 101—155.

ная теория, для того стоимость измеряется количеством общественно-необходимого труда, затраченного на производство товара. Цены в среднем соответствуют стоимостям. И потому то обстоятельство, сколько прибавочной стоимости присваивает себе капитал и какую часть из массы созданных вещей отвоевывает рабочий класс, — это обстоятельство для цен в конечном счете никакого значения не имеет.

Ненавидя крупное капиталистическое государство, мелкий буржуа бывает революционер. Но когда дело доходит до осуществления требования рабочих, буржуазные республиканцы выступают палачами рабочих. Пример — Кавеньяк в 1848 г., Церетелли в 1917 г.

Мелкобуржуазные интеллигенты, социал-демократы, меньшевики превратились в злейших врагов революционного рабочего класса, как только дело дошло до действительного (а не только словесного) осуществления интересов рабочего класса.

Итак, вот каков мелкий буржуа, — его хозяйственное положение, весь строй его психики и его политическая позиция обусловлены тем местом, какое он занимает в производстве при капитализме. Промежуточное положение в хозяйственной системе, опасение за собственность или за призрак ее, постоянная возможность разориться и судорожное стремление сберечь свое добро — все это объясняет и мышление, и поведение мелкого собственника.

Мелкий буржуа неустойчив в политике. Не привык трезво смотреть на действительность, потому что действительность непонятна и враждебна для него. Может унывать и бояться революции, дрожа за свою собственность. Может быть революционным и несуразно революционным, увлекаться революционной фразой. Ненавидит крупный капитал, но порой в нем ярко вспыхивают недоверие и ненависть к рабочим, к пролетариату. Эгоист — старается хапнуть для себя. Придерживается правила: всякий за себя, а бог за всех, карьерист — стремится выдвинуть свою фигурку. Сила же пролетариата — в организованности, объединенности, в солидарности и централизации. Лозунг пролетариата: все за одного и один за всех.

§ 7. Отдельные представители мелкобуржуазного социализма

Представителей мелкобуржуазного социализма много. Из более ранних укажем на Сисмонди, Луи Блана, на наших народников. Современные нам мелкобуржуазные социалисты — это оппортунисты вообще, в частности наши русские меньшевики и эсеры.

а) Луи Блан (1811—1882)

Мелкобуржуазный социалист. Критиковал конкуренцию, ибо конкуренция крупного капитала именно и губит мелкую буржуазию. Предлагал улучшить положение рабочих путем организации труда. В отличие от великих утопистов признавал необходимость политической борьбы. (Луи Блан был вообще гораздо ближе к рабочему движению, чем утописты). Требовал государственной помощи рабочим, забывая, что государство буржуазное. Вообще основная ошибка Луи Блана, характерная для всякого буржуа — это непонимание необходимости и неизбежности классовой борьбы пролетариата. Он воображал, что рабочий класс можно освободить в сотрудничестве с буржуазией, желал сотрудничества классов. Его план осуществить социализм с помощью государственных мастерских — мечта человека, боящегося революционных потрясений.

Луи Блан жил позднее великих утопистов, и он уже понимал, что социализм осуществится путем рабочего движения, с помощью государственной власти. Но он ошибался, думая, что путь осуществления социализма — мирный и что задачу осуществления социализма можно выполнить в сотрудничестве с буржуазией.

Взгляды Луи Блана пользовались широким сочувствием в рабочих кругах 40-х годов. Общее неразвитое состояние классового сознания французского пролетариата было причиной ряда ошибок во время революции 1848 г. Рабочие не воспользовались властью в феврале 1848 г., когда могущество пролетариата было безгранично, дали буржуазии организовать военную силу. Французский рабочий класс расплатился за эти ошибки кровавыми июньскими днями 1848 г.

Июнь 1848 г. наглядно показал, что ни о каком со-трудничестве пролетариата и буржуазии не может быть и речи — такова действительность отношений капиталистического общества.

Капитализм — это грабеж и обдиране. Интересы капиталистов и пролетариев совершенно противоположны. Не видеть и не понимать этого и есть отличительная черта мелкого буржуа.

Луи Блан — буржуазный социалист, но он рисует идеал чистого коммунизма. Его формула: «от каждого по способностям — каждому по потребностям». Мелкобуржуазность Луи Блана обнаруживается не в области идеала, а в области тактических вопросов. Это нужно отметить. Наступило время, когда развитие капиталистических отношений классов капиталистического общества, в частности пролетариата и его классового сознания, зашло уже далеко. Буржуазные деятели, чтобы сохранить свое влияние на массы и идейно руководить рабочим классом, вынуждены были на словах уже полностью признать идеал пролетариата.

б) Народники

Народниками назывались русские мелкобуржуазные социалисты. Основной идеей народничества была идея о том, что русская община — есть прогрессивная форма общественного строя, которая поможет России безболезненно, минуя капитализм, перейти прямо к социализму. Эта основная идея встречается еще у Герцена. Поэтому Герцена принято считать отцом народничества. Виднейшие представители народничества — П. Л. Лавров (1823—1900 гг.) и Н. К. Михайловский (1842—1904 гг.).

Сущность народничества в протесте против 1) крепостничества, 2) буржуазности в России, с точки зрения крестьянина, мелкого производителя. Народники, особенно старые, давали порой очень удачную критику капитализма, но она была недостаточна. Капиталистическая эксплуатация представлялась им делом случайным, делом рук всевозможных пройдох и прохвостов, пристегивающихся к жизни. Мелкий буржуа не видит класса, а видит только «пройдох». Он не понимает

механизма буржуазного общества в целом, не понимает, что свободная торговля, конкуренция неизбежно приводит к господству капитала. Народник считал капитализм «грустным явлением», Маркс считал его неизбежной и прогрессивной, по сравнению с феодализмом, ступенью общественного развития.

Важные общественные функции буржуазии заключаются в том, что она подчиняет себе народный труд, руководит им и повышает его производительность. Народники считали, что капитализм в России не имеет почвы для своего развития. Они не замечали проникновения капитализма в деревню и расслоения крестьянства. Марксист знает, что развитие капитализма не случайность, а неизбежное последствие отношений, складывающихся в товарном обществе, когда труд превращается в товар и подчиняется буржуазии.

В области практических мероприятий народники рекомендовали устраивать кооперативы, артели, помогать поднятию производительности народного труда, развивать общинное начало и ждать, когда оно победит и установится социализм. Все меры к поднятию производительности народного труда при сохранении господства капитала, а оно сохраняется, если не ведется прямой политической борьбы против капитализма, все эти меры служат на пользу эксплуататорам, укрепляют их положение.

Социализм народников для буржуазии не страшен, потому что не основан на классовой борьбе и, следовательно, остается фразой. Для крупного капитала все теории хороши, лишь бы из них вытекало, что сейчас свергать власть капитала нельзя, что надо подождать. Потом можно будет свергнуть, а сейчас надо повременить. Умное капиталистическое правительство такие теории всегда будет поддерживать, как бы страшны на словах эти течения ни были. Для крупного капитала иллюзии мелкого собственника драгоценны, потому что:

1) мелкий буржуа, подвергающийся эксплуатации крупного капитала, сохраняет тот фон, на котором махровым цветом расцветает крупный буржуа, фон этот — товарное хозяйство;

2) мелкие буржуа разделены конкуренцией и обособлены от своих сотоварищей по классу;

3) мелкий буржуа хоть и протестует против эксплуатации, но мыслит и чувствует, как буржуа;

4) он не имеет классового сознания пролетария;

5) мечтает о сотрудничестве и соглашении с буржуазией, а не объявляет беспощадной войны капиталистическим отношениям¹.

**в) Современный мелкобуржуазный социализм
(оппортунизм, меньшевизм)**

В главах об утопическом и научном социализме главное внимание приходится обращать на системы социалистов до Маркса и на теорию Маркса. О современных нам оппортунистических течениях в социализме, выражающих интересы современной мелкой буржуазии, уместно говорить в отделе о II и III Интернационалах. Здесь лишь несколько слов.

Современные мелкобуржуазные социалисты ничего общего со старыми утопистами не имеют. Эти последние в какой-то мере были друзьями пролетариата, они первые формулировали идеалы пролетариата и тот строй, который соответствует интересам и потребностям этого класса.

Недостатки их мысли, утопичность, несбыточность их мечты есть результат неразвитости капиталистических отношений. Пролетариат — нищий, темный, страдающий, казалось, можно облагодетельствовать только сверху. Казалось, нет ничего общего между бунтом темных рабочих и светлым идеалом социализма.

Развился капитализм, вырос пролетариат, развились его борьба и его классовое сознание. Дело социализма неразрывно слилось с классовой борьбой пролетариата. Сама жизнь превратила самый угнетенный и самый страдающий класс в передового борца за спасение человечества.

Современные мелкобуржуазные социалисты и меньшевики в противоположность великим социалистам-утопистам — злейшие враги пролетариата. Недостатки

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 315—484.

их мышления обусловлены не неразвитостью капиталистических отношений, а их классовой точкой зрения. А что касается ясности современных отношений, то с этой стороны эти последние не оставляют желать ничего большего. Пролетариат — класс революционный, у него революционная задача овладеть политической властью и создать коммунистический строй. Специальность меньшевиков — измена делу революции, пролетарскому делу. Меньшевики расстреливали рабочих в 1917 г., были заодно с Деникиным в 1919 году. Лидер меньшевиков Мартов был на деле заодно с западноевропейскими капиталистами в 1920 г. и т. д.

Приверженность меньшевиков к буржуазии обнаруживается в основном — они непоколебимо верят в могущество и незыблемость капитализма. Они в ужас приходят от настоящего пролетарского массового движения. Будучи глубоко буржуазными, меньшевики вредны тем, что, усвоив внешний вид «своего» для пролетариата человека, вносят незаметно разврат в умы отсталых и малосознательных слоев пролетариата.

В основе меньшевизма лежит мелкобуржуазная классовая психология. Только это мелкая буржуазия современная, отличающаяся от прежней тем, что стала еще больше реакционной и очутилась в еще большем рабстве у крупного капитала.

Оппортунисты вообще, в частности меньшевики, отражают интересы лучше обставленных в жизни слуг капитала, лучше оплаченных, лучше устроенных и потому преданных существующему капиталистическому строю, боящихся его изменений. Буржуазия ни в коем случае не желает отказаться от своих доходов и от своей власти. Поэтому никакого социализма буржуазия допустить не может. Буржуазные писатели, идеологи буржуазии, так прямо откровенно об этом раньше и заявляли. Это наивное время прошло. Так откровенно не считаться с психологией подвластных можно было только в том случае, когда массы были малосознательны, слабы, пропитаны еще буржуазными понятиями и терпеливо выносили ярмо.

Когда пролетариат вырос, когда в его собственной среде стало находиться много образованных людей,

отлично разбирающихся в вопросах общества и понимающих интересы своего класса, тогда буржуазные деятели переменили тактику. Они стали заявлять, что они тоже за социализм и сделают переход к социализму гораздо лучше, с гораздо меньшими жертвами, гораздо более по Марксу, потому что они гораздо образованнее, гораздо больше понимают, гораздо опытнее. Целый ряд наиболее умных буржуазных идеологов стал почти как две капли воды походить на лучших друзей пролетариата, отличаясь от них только самой маленькой на первый взгляд разницей. Только придерживаясь такой тактики, стало возможно буржуазии удержать власть над пролетариатом. Такие социалисты из буржуазии, своей проповедью ослабляя революционность пролетариата, служат интересам буржуазии как класса, ибо усиливают этим господство буржуазии. Энгельс в предисловии ко 2-му изданию своего «Положения рабочего класса в Англии» писал:

«В 1844 г. еще не существовало современного интернационального социализма, который с тех пор, прежде всего и почти исключительно благодаря достижениям Маркса, развился в науку. Моя книга представляет собой только одну из фаз его эмбрионального развития. И подобно тому, как человеческий зародыш на самых ранних ступенях своего развития воспроизводит еще жаберные дуги наших предков — рыб, так и в этой книге повсюду можно найти следы происхождения современного социализма от одного из его предков — немецкой классической философии. Так, например, в книге (особенно в конце) делается сильное ударение на то, что коммунизм есть не просто партийная доктрина рабочего класса, а теория, конечная цель которой — освобождение всего общества, включая и капиталистов, от тесных рамок современных отношений. В абстрактном смысле это утверждение верно, но на практике оно бесполезно, и большей частью даже хуже того. Поскольку имущие классы не только сами не испытывают никакой потребности в освобождении, но даже противятся всеми силами самоосвобождению рабочего класса, постольку рабочий класс должен один

подготовить и провести социальную революцию. Французские буржуа 1789 г. тоже объявили, что освобождение буржуазии является освобождением всего человечества; но дворянство и духовенство не пожелали с этим согласиться, и это утверждение — хотя оно, поскольку имелся в виду феодализм, было неоспоримой абстрактной исторической истиной — быстро выродилось в чисто сентиментальную фразу и совершенно улетучилось в огне революционной борьбы. И сейчас есть не мало людей, которые с высоты своей якобы беспристрастной точки зрения проповедуют рабочим некий социализм, парящий высоко над всеми классовыми антагонизмами и классовой борьбой. Но это или новички, которым нужно еще очень многому поучиться, или же злейшие враги рабочего класса, волки в овечьей шкуре»¹.

Глава II

НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ И ЕГО ОСНОВАТЕЛИ МАРКС И ЭНГЕЛЬС

§ 8. Научный коммунизм Маркса

Научный коммунизм Маркса состоит из следующих частей:

1. *Метод диалектического материализма.* Сущность этого метода мышления состоит в том, что он учит особому подходу к изучаемому материалу, учит рассматривать все в движении, как это и соответствует объективной действительности.

Тут Маркс опирается на классическую германскую философию, главными представителями которой являются Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах. В этой области Маркс — самостоятельный крупный философ, основатель метода диалектического материализма. Метод Маркса — это важнейшая часть «марксизма», это основа. Вполне сознательным может стать только тот

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. 1953, стр. 20—21.

коммунист, который вполне усвоил себе сущность метода диалектического материализма и научился его применять. Поэтому при изучении марксизма на этот пункт надо обратить самое серьезное внимание.

2. *Материалистическое понимание истории.* Заслуга Маркса состоит в применении метода диалектического материализма к изучению человеческого общества и его истории. Исторический идеализм выражает точку зрения эксплуататоров. Исторический материализм соответствует точке зрения трудящихся.

Материалистическое понимание истории различает, с одной стороны, общественное бытие, с другой, — сознание о нем. Сознание определяется бытием. Идеалисты полагают, что общественное бытие исчерпывается сознанием, им кажется чудовищным противопоставление общественного бытия и общественного сознания.

Ключом к пониманию исторического развития человечества является изучение материальных условий существования человеческих обществ и их материальной деятельности. Важнейшим моментом для жизни общества являются производительные силы. Маркс подверг анализу строй общественных отношений, определяемый состоянием этих производительных сил. Он изучал, как складывается общественное бытие людей. Что касается сознания людей — их идей, то задачей материалистического понимания истории является изучение происхождения всех идей человека, обнаружения их материальных корней. Надо вывести из данных отношений реальной жизни соответствующие им формы сознания.

Очень важной частью материалистического понимания истории является теория классовой борьбы. Очень продолжительный период истории человечества, начиная с разложения общества на классы, является в сущности историей классовой борьбы. Предшественниками Маркса в области материалистического понимания истории были французские и английские социалисты и историки.

В этой области Маркс — великий историк. Ему впервые удалось сделать изучение человеческой истории

настоящей точной наукой. Его открытие в этой области равняется по своему значению открытию Коперника, Дарвина и т. п.

3. *Экономическое учение Маркса.* В области политической экономии Маркс явился первым исследователем, применившим метод диалектического материализма к изучению экономических явлений. Предшественниками Маркса являются экономисты классической школы политической экономии. Важнейшие из них — Адам Смит и Давид Рикардо. Сам Маркс является самостоятельным крупным теоретиком-экономистом — ему принадлежит много ценных теоретических завоеваний также и в области политической экономии. Например, он выяснил, что отношения товаров на рынке выражают общественные отношения людей, что в буржуазном обществе продукты принимают двойкий характер стоимостей — потребительных и меновых, что и труд в буржуазном обществе имеет двойкий характер — труда производительного и труда создающего стоимости, но что это явление присуще только буржуазному строю и исчезнет вместе с его исчезновением, что предприниматель, нанимая рабочего, покупает не труд его, а его рабочую силу и многое другое.

Характеризуя значение Маркса как мыслителя Ленин говорит следующее: «гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, 4 изд., стр. 3—4.

§ 9. Карл Маркс (1818—1883)

Карл Маркс родился 5-го мая 1818 года в Трире. Умер 14 марта 1883 г. в Лондоне.

По окончании гимназии поступил в университет, где изучал право, историю и философию. В 1835—36 гг. был в университете в Бонне. 1836—1840 гг. — в Берлине. В 1841 г. — в Йене получил степень доктора философии.

Сначала Маркс был идеалистом-гегельянцем и радикальным буржуазным демократом. Вместе с левыми гегельянами, Бруно Бауэром и Кеппенем, Маркс стоял на точке зрения философии самосознания (классовое сознание передового отряда немецкой буржуазии).

Затем на Маркса оказал громадное влияние материализм и гуманизм Фейербаха. Но материализм Фейербаха не был последовательным и всесторонним. В области вопросов, касающихся человеческого общества, Фейербах стоял на идеалистической точке зрения.

Маркс дал критику идеализма в книге «Святое семейство». Тут он разывает с философией самосознания Бауэра. В тезисах о Фейербахе Маркс обнаруживает недостатки фейербаховского материализма. Столкнувшись с необходимостью разбираться в экономических вопросах, вставших перед ним, когда он работал в качестве журналиста, Маркс основательно занялся изучением политической экономии, изучил экономистов-классиков, французских и английских социалистов.

Революционный момент (в Германии в 40-х годах буржуазия стремилась к власти, надо было объединить страну, ввести народное представительство, провести ряд реформ, создать условия, при которых мог бы развиваться капитализм), революционный темперамент бойца, исторический опыт борьбы классов, прошедшее философскую школу мышление, изучение экономической науки и жизни помогли Марксу последовательно применять материалистическую точку зрения и в вопросах, касающихся жизни человеческого общества.

В 1845—46 г., работая вместе с Энгельсом над обширным трудом «Немецкая идеология», Маркс произвел окончательный расчет с идеализмом и утопизмом.

Он открыл великую всемирно-историческую задачу пролетариата и научно обосновал неизбежность ее осуществления. В начале 1847 г. появилось в печати первое произведение зрелого марксизма «Нищета философии». Последующая жизнь Маркса была посвящена громадной теоретической работе изучения капиталистического строя и практической деятельности по организации пролетариата. Маркс создал теоретическое оружие для освободительной борьбы пролетариата. При этом он постоянно старался использовать всякий случай организовать и просветить пролетариат: организация Союза коммунистов в 1847 г., выступления Маркса в кружках рабочих с докладами, организация I Интернационала и работа в нем с 1864 по 1873 год.

«Он выступал публично с одной лишь целью, — рассказывает Лафарг в своих воспоминаниях, — способствовать торжеству дела рабочего класса, историческая задача которого, как только этот класс возьмет в свои руки политическое и экономическое руководство обществом, — создать коммунизм»¹... подобно тому, как миссией буржуазии, достигшей власти, было разрушить основы феодализма и бессознательно подготовить материальные и умственные условия для коммунистического строя в будущем.

«К коммунистическим убеждениям Маркс пришел не путем сентиментальных размышлений, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям рабочего класса, а путем изучения истории и политической экономии. Он утверждал, что всякий беспристрастный ум, свободный от влияния капиталистических интересов и не ослепленный классовыми предрассудками, непременно должен прийти к тем же выводам»².

Для характеристики Маркса может служить интересный документ — ответы на вопросы, которые давал Маркс, принимая участие в игре со своими дочерьми. Некоторые ответы шуточные, другие вполне серьезные и дают несколько любопытных черточек к характери-

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, 1956, стр. 62.

² Там же.

стике вкусов и склонностей Маркса. Вот некоторые из них:

«Ваша отличительная черта — единство цели». «Ваше представление о счастье — борьба». «Ваше представление о несчастье — подчинение». «Недостаток, который Вы скорее всего склонны извинить — легковерие». «Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение — угодничество». «Ваша антипатия — Мартин Таппер» (бесталанный поэт, пользовавшийся большим успехом среди английской буржуазии — воплощение непроходимой, самодовольной пошлости. — В. А.). «Ваше любимое занятие — рыться в книгах». «Ваши любимые поэты — Шекспир, Эсхил, Гёте». «Ваш любимый прозаик — Дидро». «Ваш любимый герой — Спартак, Кеплер». «Ваше любимое изречение — ничто человеческое мне не чуждо». «Ваш любимый девиз — подвергай все сомнению»¹.

§ 10. Фридрих Энгельс

Родился 28 ноября 1820 г. в Бармене. Умер 5 августа 1895 г. в Лондоне. Учился сначала в школе в Бармене, потом в гимназии в Эльберфельде до 1837 года. Вышел за год до окончания курса и поступил на службу в одну торговую фирму в Бармене, где служил с 1837 г. по 1838 год. Считал в то время своим призванием — поэзию. Писал стихи, подражая поэту Фрейлиграту. С 1838 г. по 1840 г. работал в торговой фирме в Бремене. Постепенно освободился от традиционных верований. Сначала был под влиянием спекулятивной теологии Шлейермахера; потом под влиянием Д. Ф. Штрауса («Жизнь Иисуса») стал изучать Гегеля.

В 1841—1842 гг., будучи вольноопределяющимся в Берлине, вступил в кружок левых гегельянцев. В апреле 1842 г. вышло первое философское произведение Энгельса «Шеллинг и откровение. Критика новейшего покушения реакции на свободную философию». В нем Энгельс выступает уже определенным атеистом. В конце ноября 1842 г. проездом в Англию в Кёльне встретился

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, 1956, стр. 274—275.

с Марксом в редакции «Рейнской газеты». С декабря 1842 г. по август 1844 г. работал в предприятии отца в Манчестере. Сотрудничал в чартистской газете «Northern Star» («Северная звезда») и в газете Роберта Оуэна «New Moral World» («Новый нравственный мир»). Знакомство с промышленностью Англии, с английскими и французскими социалистами сделало из Энгельса социалиста. Он дал критику буржуазной политической экономии в блестящей статье «Наброски к критике политической экономии», напечатанной в «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французский ежегодник»). К 24 годам сложились таким образом взгляды Энгельса совершенно самостоятельно. Осенью 1844 г., возвращаясь из Англии домой, Энгельс встретился с Марксом в Париже. На почве сходства взглядов установилась их дружба и сотрудничество. Энгельс принял участие в работе над книгой Маркса «Святое семейство». Зимой 1844 г. до весны 1845 г. Энгельс провел в Германии. За это время им была написана книга «Положение рабочего класса в Англии».

Весной 1845 г. он поехал в Брюссель к Марксу, который был выслан в Бельгию из Парижа в январе 1845 г. правительством Гизо. В Брюсселе Маркс и Энгельс с осени 1845 г. по осень 1846 г. совместно написали большую работу по философии — «Немецкая идеология», которая оставалась ненапечатанной. К циклу работ по этой рукописи относятся известные тезисы Маркса о Фейербахе. Энгельс рассказывает об этой работе в брошюре «Людвиг Фейербах». С 1845 г. до 1848 г. Энгельс жил за границей: то в Брюсселе, то в Лондоне, то в Париже. Работал в кружках немецких рабочих. Организовал вместе с Марксом Союз коммунистов. Первый съезд его был в Лондоне летом 1847 года; второй — в ноябре — декабре 1847 г. там же.

Вместе с Марксом написал «Манифест Коммунистической партии». Об этом рассказано в статье Энгельса «К истории Союза коммунистов», написанной как предисловие к брошюре Маркса «Кёльнский процесс коммунистов». В апреле 1848 г. возвратился в Германию. Вместе с Марксом издавал «Новую Рейнскую газету». В сентябре 1848 г. был дан приказ об аресте Энгельса.

Он уехал за границу. В начале 1849 г. снова возвратился в Кёльн. Принимал участие в баденском восстании в качестве адъютанта Виллиха. Вместе со своим отрядом отступил в Швейцарию. О своем участии в восстании сам Энгельс рассказывает в письме к жене Маркса из Швейцарии от 25 июля 1849 года¹.

Осенью 1849 г. Энгельс через Геную морем переехал в Англию. Пробыв недолго в Лондоне, он переехал в Манчестер, где жил до 1869 г., работая в предприятии отца.

За это время Энгельс вел громадную работу. Руководил коммерческим предприятием. Оказывал всяческую помощь Марксу. Кроме денежной помощи, ради чего он и занимался «собачьей коммерцией», Энгельс оказывал Марксу поддержку в литературной работе. Он писал статьи для «Нового Рейнского обозрения», для «Нью-Йоркской трибуны», писал к сроку статьи для американского энциклопедического словаря, переводил на английский язык статьи Маркса и т. д., и т. д. В то же время он изучал разнообразные языки — древнеготский, англосаксонский и другие древнегерманские наречия, скандинавские наречия, романские наречия, персидский язык (в письме от 6 ноября 1853 г. Энгельс пишет, что читает в подлиннике Гафиза); русский язык и т. д. Интересовался различными вопросами — философскими, естественнонаучными. Специально изучал военное искусство, готовясь принять активное участие в революции.

В 1870 г. Энгельс переехал в Лондон, где жил до самой своей смерти. Умер 5 августа 1895 года.

Отличительными чертами личности Энгельса были — веселый, ровный характер, юмор, твердость и постоянство, громадная трудоспособность, прекрасный литературный талант, блестящий стиль, ясная мысль, разносторонность интересов, благородство в личных отношениях, истинная дружба.

Энгельс завещал, чтобы после его смерти тело его сожгли, а пепел опустили в море, для того чтобы не

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 40—41.

было фетишизма, связанного с его могилой и чтобы имя Энгельса, когда его самого не будет в живых, соединилось бы только с тем, что осталось от него действительно бессмертного — с его идеями. И действительно, произведения Маркса и Энгельса бессмертны. Уже много поколений коммунистов воспиталось на таких произведениях, как «Капитал», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах» и др., на классических предисловиях Энгельса к произведениям Маркса. Еще много поколений будет воспитываться на работах Энгельса. Память о Марксе и Энгельсе будет жить вместе с человечеством, потому что они первые провозгласили конец «пролога истории человечества», указали на близость начала «настоящей истории» и были первыми деятелями этой совершенно новой эпохи развития. Маркс и Энгельс первые стали звать рабочих к восстанию против ига капитала, сознавая вполне ясно, какие задачи пролетариат должен выполнить и при каких обстоятельствах это ему придется делать.

Глава III

МЕТОД ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

§ 11. Логика формальная и диалектическая

Люди живут, двигаются и действуют в определенных окружающих их условиях, в определенной обстановке. Эти условия как природные, так главным образом и общественные и определяют мышление людей. Каждый человек, воспринимая окружающий его мир, воспринимает своими чувствами ряд явлений, предметов, отношений и т. д. Он видит и ощущает землю, по которой ходит, жилище, в котором живет, окружающие предметы ежедневного обихода, людей в разных взаимоотношениях и в совместной с ними деятельности и т. д. Некоторые из предметов и явлений кажутся воспринимающему их постоянными и неизменными, другие заметно меняются. Между некоторыми предметами и явлениями заметна иногда связь, — другие же кажутся друг от друга совершенно независимыми. У предметов

человек наблюдает определенные свойства: круглоту, твердость, прозрачность, тяжесть и т. д.

Все то, что люди воспринимают своими чувствами в процессе своей деятельности, перерабатывается известным образом в голове людей, и у них создается вызванная окружающей его действительностью картина мира. Чем более точно соответствует действительности мышление людей, тем это для них лучше, потому что в их деятельности, в их борьбе за жизнь им нужны представления об этой действительности правильные, соответствующие ей.

Действительность необычайно сложна и бесконечно разнообразна, но вместе с тем в ней существует известная закономерность. Эта закономерность должна получить свое отражение в мышлении человека, являющемся отражением окружающего его мира. Человек необходимо должен внести известный порядок, систему в свои получающиеся из окружающего его мира природы и общества впечатления, представления, понятия и при этом необходимо, чтобы порядок идей соответствовал бы порядку вещей. Человечество на опыте вырабатывало себе руководство для правильного мышления.

Первым шагом в деле систематизации упорядочения мышления является логика в ее низшей форме — так называемая формальная логика. Она учит человека строго разграничивать предметы и понятия о предметах и устанавливает точно, что такой-то предмет или понятие означает именно то-то и не может обозначать ничего другого.

Формальная логика дает определения предметам, строго отграничивая их друг от друга. Свойственное обычному рассудку мышление, определяя предмет, выдвигает на первый план те его качества, которые наиболее обычны и наиболее бросаются в глаза. Формальная логика не терпит противоречий в понятии, для нее противоречие — это бессмыслица. Она старается установить прочные истины, которыми можно руководствоваться всегда, при всяких обстоятельствах. Основные законы формальной логики сводятся к тому, чтобы не допускать в понятиях противоречия.

1. Первый закон формальной логики — *закон тождества*. Согласно ему всякая вещь равна самой себе. Она имеет только свою, присущую ей, индивидуальность. Она может быть только самой собой. Земля есть земля. Капитал есть капитал. Этот первый закон изображается в виде формулы $A = A$. Каждая вещь всегда равна себе и кажется неизменно существующей в том виде, как она представляется обыденному рассудку. Земля — это есть известное твердое тело, составленное известным образом. Капитал — это богатство, родящее богатство, приносящее доход.

2. Второй закон формальной логики является лишь дальнейшим выводом из первого. Он называется *законом противоречия*. A не может быть A и не A . В этом законе отрицается возможность противоречия. Земля не может быть землей и огненным шаром. Капитал не может быть капиталом и нищетой и т. д. Если имеется противоречие в мышлении или в действительности, то это лишь случайность, ненормальность или ошибка.

3. Третий закон формальной логики называется *законом исключенного третьего*. Нечто есть A или не A — третьего быть не может. Об одном и том же не может быть двух различных сказуемых. Это положение, как и второе положение, в сущности неверно.

Во-первых, все меняется, и потому в разное время вещь или явление может быть различным, и о них можно сказать разное.

Во-вторых, всякая вещь находится в самых разнообразных отношениях к окружающему. Не приняв в расчет *всего*, нельзя вполне понять эту вещь. Два человека могут, например, говорить об одной и той же вещи противоположное, и оба будут правы. Если они сидят друг против друга, а на столе, находящемся между ними, стоит стакан, то для одного ложка в этом стакане будет наклонена направо, а для другого — налево.

Согласно этому третьему закону про землю, например, нельзя сказать, что она нетвердое тело. Если это нечто — нетвердое тело, то землей оно быть не может. Но мы знаем теперь, что земля была жидким, раскален-

ным шаром. И в настоящее время в земном шаре «твердого» возможно меньше, чем жидкого.

Про капитал нельзя сказать, что он есть и богатство и нищета. Но после Маркса мы уже хорошо знаем, что сущность капитала определяется особым общественным отношением. Мы знаем, что капитализм это особый строй общества с такими свойствами, что одновременно в нем создается и богатство и нищета.

Формальная логика, как и Эвклидова геометрия, в известных пределах правильна и сохраняет значение в этих рамках. Это неизбежная ступень познания. Мефистофель говорит в своем разговоре с учеником совершенно правильно:

«Кто хочет что-нибудь живое изучить,
Сперва его всегда он убивает,
Потом на части разбирает,
Хоть связи жизненной — увы, — там не открыть»¹.

Для глубокого изучения предмета, для того чтобы познать его вполне — этого недостаточно. Логика диалектическая учит изучать предмет всесторонне и в процессе развития. Если рассматривать явления внимательнее и глубже, то мы увидим, что правила формальной логики не только недостаточны, но прямо неверны. Противоречие не только не является чем-то невозможным, но, наоборот, оно является непрременным и неизбежным свойством всей действительности, потому что действительность непрерывно движется и меняется, а природа движения противоречива.

Сущность диалектического мышления сводится к тому, что надо уметь изучать вещи в движении, уметь понять всякое явление как один из моментов процесса, надо уметь установить процесс во всем его объеме, от момента возникновения до исчезновения этого явления, изучить, как происходит процесс возникновения и т. д.

При этом надо помнить, что действительность — это процесс хотя и бесконечно сложный и огромный, но целостный, единый и надо уметь отчетливо установить звенья этого процесса и охватить его в целом.

¹ Гёте. «Фауст», часть I, сцена пятая («Погреб Ауэрбаха в Лейпциге»).

То обстоятельство, что с формальной логикой не все обстоит благополучно, отметили еще философы древней Греции. Первым мыслителем, отдавшим себе в этом отчет, был элеец Зенон, живший в V веке до н. э., прозванный отцом диалектики.

Зенон, пользуясь законами формальной логики, доказывал невозможность движения и множественности. Он указывал на заключающиеся в этих понятиях противоречия, не разрешимые с точки зрения формальной логики. Каждое из этих понятий включает в себе признаки A и не A .

Множество должно быть бесконечно малым и бесконечно большим, ограниченным и неограниченным. Всякая вещь есть в одно и то же время и множество и единство.

Всякое множество состоит из единиц. Единица, как единица, неделима, так как, если единица делима, то чем же она отличается от множества? То, что неделимо, не имеет никакой величины, так как всякая величина делима до бесконечности. Стало быть, части, из которых состоит множество, не имеют никакой величины. Но то, что не имеет никакой величины, не может ни увеличивать чего-либо, ни уменьшать и есть поэтому чистое ничто, т. е. не существует. Следовательно и множество, как совокупность единиц, не имеет никакой величины и есть ничто.

Движение невозможно. Пространство можно разделить до бесконечности. Приходится предположить, что тело в каждый данный момент находится в покое в данной точке пространства, но если есть покой, то нет движения. А если предположить, что тело не находится в данной точке, то где-нибудь оно должно находиться. Движущееся тело должно быть в этой точке и в то же самое время не быть в ней. Но такого противоречия формальная логика не выносит. Летящая стрела в каждое данное мгновение не движется, стало быть, и вообще не движется.

Эти рассуждения кажутся какой-то казуистикой, но они с точки зрения формальной логики совершенно правильны. Зенон, конечно, и не думал доказывать, что движения вообще не существует. Заслуга его заклю-

чается в том, что он вскрыл недостаточность формальной логики, невозможность объяснить движение, признавая незыблемыми истинами три основных положения обычной логики.

Живший приблизительно в то же время философ Гераклит применил принцип движения к объяснению всего сущего и положил диалектику в основу своей философии.

Основным принципом философии Гераклита является положение: все течет, все изменяется. Бытие и небытие соединяются в становлении. Становление есть единство противоположностей мира и всего в нем. Все само себе противоположно, ибо во всем бытие и небытие. Все происходит вследствие противотечений в потоке. Становление, изменение — все состоит в противоположении противоположностей, содержащихся в этом потоке. Все возникает из раздора, борьбы, войны. Раздор есть отец и царь всех вещей. Если бы исчезли раздор, война, борьба из среды богов и людей, как молил о том Гомер, то исчезло бы все, ибо покой только у мертвых.

Из противоположности высоких и низких звуков и возникает прекрасная гармония. Без противоположных начал мужского и женского не существовало бы ни одного живого существа. Но если для становления необходимы противоположности и борьба, т. е. противоположение между вещами, то в это же время для становления необходимо и соединение, примирение противоположностей. Ибо становление есть соединение бытия и небытия как противоположностей. Таковы важнейшие мысли Гераклита.

Из новейших философов Гегель изобразил вполне сознательно и исчерпывающе общие формы диалектического движения.

Чернышевский так изображает сущность диалектического метода. «Как необходимое предохранительное средство против поползновений уклониться от истины в угождение личным желаниям и предрассудкам, был выставлен Гегелем знаменитый «Диалектический метод мышления». Сущность его состоит в том, что мыслитель не должен успокаиваться ни на каком положительном

выводе, а должен искать, нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд: таким образом мыслитель был принужден обзрывать предмет со всех сторон, и истина являлась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений. Этим способом вместо прежних односторонних понятий о предмете, мало-помалу являлось полное, всестороннее исследование и составлялось живое понятие о всех действительных качествах предмета»¹.

§ 12. Основные принципы диалектики

В основе диалектического метода лежат два основных принципа. Это, во-первых, мысль о связи всех вещей: диалектика проникнута духом монизма. И, во-вторых, мысль о непрерывном движении, развитии, в котором предыдущее отрицается последующим.

Дух диалектики это тот самый революционный дух, которому в «Фаусте» Гёте дается характеристика в следующих словах. На вопрос Фауста, обращенный к Мефистофелю: «Кто он такой?» — последний отвечает: «Часть вечной силы я, всегда желавшей зла, творившей лишь благое.

Фауст. Кудряво сказано. А, проще — что такое?

Мефистофель. Я отрицаю все и в этом суть моя.

Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,

Годна вся эта дрянь, что на земле живет.

Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться!

Короче, все, что злом ваш брат зовет, —

Стремление разрушать, дела и мысли злые,

Вот это все — моя стихия.

Фауст. Ты мне сказал: «я часть»; но весь ты предо мной?

Мефистофель. Я скромно высказал лишь правду, без сомненья,

Ведь это только вы мирок нелепый свой

Считаете за все, за центр всего творенья!

А я — лишь части часть, которая была

В начале всё той тьмы, что свет произвела.

Надменный свет, что спорить стал с рожденья

С могучей ночью, матерью творенья»².

¹ Чернышевский. «Очерки гоголевского периода русской литературы», стр. 187. (Прим. В. В. Адрацкого.)

² Гёте. «Фауст», часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»).

Один из основных предрассудков логики и обычного здравого рассудка, говорит Гегель, заключается в том, что противоречие будто не является таким же существенным и присущим для мышления и бытия определением, как и тождество. На самом же деле тождество в противоположность противоречию является определением простого, непосредственного, мертвого бытия. Противоречие же есть корень всякого движения и жизни. Только то, что имеет в себе самом противоречие, только то переходит в движение, имеет подвижность и деятельность.

«Слаб человек: покорствуя уделу, он часто засыпает,
Он рад искать покоя, — потому
Лам беспокойного я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу»¹.

Без движения, без борьбы наступает смерть. Нет изолированных, застывших, неподвижных вещей, все находится во взаимной связи, все движется, возникает и исчезает, развивается и меняется.

Движение, развитие совершается путем борьбы противоположностей: борющиеся силы отрицают одна другую. На место одного состояния наступает другое, первое отрицается; если начальное состояние считать положительным, то другое состояние, сменяющее это положительное, будет отрицанием его. В ходе дальнейшего развития наступает, наконец, отрицание этого отрицания. Является нечто третье, высшее, в чем сочетаются известным образом черты борющихся сил. Краткой формулой такого процесса у Гегеля является термин «*отрицание отрицания*».

Переходы из одного состояния в другое совершаются своеобразно, скачками. Постепенное накопление мелких изменений, нарастание их, сменяется периодом резких потрясений; происходит, согласно выражению Гегеля, качественный скачок в количественном ряде или переход количества в качество.

Итак, диалектическое мышление — есть особый, высший вид мышления, открытый мыслителями, старавшимися изучить действительность более подробно, охватывая ее в то же время более широко.

¹ Гёте. «Фауст», часть I («Пролог на небесах»).

Диалектику надо таким образом отличать от других типов мышления, менее правильных, менее совершенно отражающих совершающийся вне нас ход вещей.

1) Логику *диалектическую* надо отличать от *формальной*. Последняя не терпит противоречия. Диалектика же, наоборот, учит искать везде противоречия, учит, что противоположные силы, борющиеся друг с другом, являются неперменным условием движения и развития; противоположность есть неперменное свойство действительности. Противоположности неразрывно связаны, переходя одна в другую, друг друга отрицают и помогают возникновению нового, сочетающего в себе черты борющихся противоположностей.

2) Диалектику надо противопоставить метафизике. Метафизическое мышление видит везде неподвижные и разобщенные друг от друга вещи. Диалектика учит видеть везде непрерывно изменяющиеся процессы и все явления изучать в их связи, смотреть на них как на части единого мирового процесса.

3) Затем надо различать диалектику и эклектику. Мы уже указывали на то, что всякая вещь, всякое явление многосторонне. Люди говорят о вещах противоположные мнения и оказываются правыми. Мыслители, старающиеся примирить разные мнения, беря от каждого из них кое-что, кажущееся им правильным, и оставляя в стороне «заблуждения» — такие мыслители называются эклектиками.

Диалектическое мышление учит не примирять искусственно непримиримое, а, изучив подробнейшим образом весь процесс в целом, понять взаимную связь и необходимость всех противоречий во всей их полноте — объединить в познании всего процесса все явления в целом, ничего не выбрасывая и правильно оценивая каждую часть, стараясь строго приспособить свое суждение к познанию всего процесса в целом, исходя из мысли, что действительность есть единый, целостный, непрерывный процесс.

«Существование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним

этим сразу кладет конец диалектическому движению. Перед нами уже не категория, полагающая себя и противопологающая себя самой себе в силу своей противоречивой природы, а г-н Прудон, приходящий в движение, барахтающийся и мечущийся между двумя сторонами категории»¹.

4) Наконец, надо различать диалектическое развитие с разрывами, скачками, относительно быстрыми и бурными переходами из одного состояния в другое и вульгарное представление об эволюции, как о непрерывном, медленном процессе роста без всяких переходов и скачков.

«Когда хотят понять возникновение или исчезновение чего-либо, то воображают обыкновенно, что уясняют себе дело посредством представления о постепенности такого возникновения или уничтожения. Однако изменения бытия совершаются не только путем перехода одного количества в другое, но также путем перехода качественных различий в количественные и, наоборот, того перехода, который прерывает постепенность, ставя на место одного явления другое», — говорит Гегель в своей «Логике»².

Всякий раз, когда прерывается постепенность, происходит скачок. Гегель показывает далее целым рядом примеров, как часто имеют место скачки и в природе и в истории, и обнаруживает смешную логическую ошибку, лежащую в основе вульгарной «теории эволюции».

«В основе учения о постепенности лежит представление о том, что возникающее уже существует в действительности и остается незаметным только вследствие своих малых размеров. Точно так же, говоря о постепенном уничтожении, воображают, будто небытие данного явления, которое должно занять его место, уже находится налицо, хотя пока еще незаметно... Но таким образом устраняется всякое понятие о возникновении и уничтожении... Объяснять возникновение или уничтоже-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 136.

² «Wissenschaft der Logik». Bd. I, Nürnberg, 1812. § 313. (Прим. В. В. Адоратского.)

ние постепенностью изменения, значит сводить все дело к скучной тавтологии и представлять себе возникающее или уничтожающееся в уже готовом виде» (Гегель).

§ 13. Все в движении, а не в покое

Как совершенно правильно заметил Маркс в предисловии ко 2-му изданию «Капитала», Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину общих форм движения. Но диалектика Гегеля — это диалектика понятий. На самом же деле диалектическое движение присуще самой материальной действительности. Диалектика — это есть действительный процесс вне нас объективно существующего мира, влияющего на наши чувства.

Противоположный диалектическому методу — метафизический — рассматривает окружающий нас мир, как собрание вещей, разобщенных друг от друга, неизменных и неподвижных.

Это последнее воззрение на первый взгляд представляется будто бы и верным. Ограниченные чувства человека, существа недолговечного, как будто подтверждают эту точку зрения. Но более глубокое познание окружающего опровергает этот ограниченный взгляд. Возьмем, например, камень; кажется, вещь неподвижная и неизменная. Сегодня он такой же как вчера, как и был десятки лет тому назад и останется таким же после нас. Мимо Жигулевских гор плавали хозарские купцы, плавал Степан Разин, ходили пароходы капиталистических акционерных обществ — «Самолет», «Кавказ и Меркурий» и т. д., ходят советские пароходы первой социалистической республики, а горы все по-прежнему стоят...

На самом деле камень далеко не такая неподвижная вещь, как это кажется на первый взгляд. Только движение и изменение в нем совершаются более медленно, медленнее, чем изменения в жизни отдельного человека или даже в жизни целого человеческого общества. Геология дает нам историю камня. Он находился когда-то в расплавленном жидком состоянии, а еще раньше в газообразном огненном состоянии, в каком находится в настоящее время Солнце. Астрофизика изучает те состоя-

ния материи, которые предшествуют затвердению. Вальтер в статье «Die Vorzeit der Erde» изображает следующим образом различные ступени состояния материи. «В еще более раннее время материя, из которой впоследствии образовалась солнечная система, представляла собой космическое облако, состоящее из слабо светящихся газов, среди которых можно было бы заметить лишь немного элементов. Следующая ступень — это туманность со светящимися ядрами. Затем образуются светящиеся белым светом веретенообразные светила, разделяющиеся на горящие шары разной величины. Когда материя находится в таком состоянии, то является все большее количество отдельных элементов. В это время температура увеличивается, состав сгущается и происходит образование элементов. Белый свет этих тел означает, что температура их выше 7000° . Желтый свет, каким светит Солнце, означает температуру от 7000° до 5000° . При дальнейших ступенях охлаждения свет изменяет окраску в оранжево-желтый, красный и в темно-красный, что свидетельствует уже о более низкой температуре — в 4000° — 2000° . «Надо заметить, что периоды, в течение которых совершаются переходы этих состояний из одного в другое, если мерить их нашими годами, измеряются цифрами с такими количествами нулей, что их предпочитают изображать в виде количеств, возведенных в степень — например 10^{10} (десять в десятой степени)»¹.

Вся масса Земли охлаждалась очень медленно, и лишь постепенно этот газообразный и жидкий шар покрылся коркой, образовавшейся из застывших, расплавленных пород. Образовались массивные, так называемые первозданные породы: граниты, порфиры и т. д. Эти породы разрушались под действием охлаждения, перемен температуры, водой и воздухом, и из них образовались все земные почвы. Эта медленная история камня занимает сотни миллионов лет. (Согласно мнению современных ученых — может быть, более одного миллиарда лет).

¹ Weltgeschichte. Herausgegeben von Dr. J. on Pflugk-Harttung, Bd. I. (Прим. В. В. Адоратского.)

Но, несмотря на медленность процесса, все же он совершается и камень не остается неизменным¹.

В так называемом неорганическом мире нет постоянства и устойчивости. Железо — твердое тело, но его можно расплавить и оно будет жидкостью. При еще более высокой температуре железо может превратиться в газ. Вода может быть твердым телом. Что может быть более противоположным, чем огонь и вода? Но химия учит нас, что те две составные части, из которых состоит вода и на которые вода разлагается очень легко при помощи электрического тока, — кислород и водород, — эти две составные части воды представляют из себя два газа, из которых один — кислород, вообще есть непреременное условие горения. Таким образом, «вода и пламень» не так уж далеки друг от друга, как это кажется на первый взгляд.

Таких примеров можно привести очень много. Из них ясно, что нет ничего неизменного, устойчивого, все течет и меняется, все зависит от обстоятельств, и все находится в известной связи.

Движение есть неотделимое от материи свойство ее, или форма ее существования. Нет материи без движения.

Органический мир. Если в мертвой и неподвижной на первый взгляд природе все движется и непрерывно меняется, то тем осязательнее, понятнее, доступнее восприятию изменение и движение животного мира.

Живой организм это не есть застывшая, неподвижная вещь, но непрерывный процесс, совершающийся более заметно, чем процессы так называемой живой природы. Жизнь организма состоит в непрерывном обмене веществ. В каждый данный момент организм по своему составу является новым. Живые клетки его воспринимают в себя разными путями из окружающей среды нужные им элементы, обновляют свой состав, выделяя из себя ненужное и вредное, продукты распада.

¹ О том, как мрамор превращается в тело, см. остроумный «Разговор Дидро с Д'Аламбером». Избранные сочинения Д. Дидро. Пер. Сережникова. С.-Петербург, стр. 200—201. (Прим. В. В. Адоратского.)

Виды животных не являются неизменными. Каждый вид имеет свою историю, которую повторяет каждое отдельное существо того вида в своем развитии. (Зародыш человека, например, как и всякого млекопитающего, во чреве матери имеет некоторое время жабры, которые потом исчезают.)

Дарвин открыл, что животные организмы изменяются, приспосабливаясь к окружающим условиям, в борьбе за существование. Полезные качества передаются по наследству, и таким образом выживают в борьбе за существование наиболее приспособленные организмы, вырабатывается жизнеспособный тип. Но окружающие условия меняются, меняется растительный мир, а вместе с ним и животный.

Мир человеческого общества. Он тоже кажется некоторым неизменным, но такой взгляд уже совершенно несоснователен, особенно в настоящее время. В эпоху величайшей из революций всякий может наблюдать бесконечное количество примеров неустойчивости и изменчивости общественных отношений и учреждений человеческого общества.

В глухое время, в конце 80-х годов, молодой В. И. Ленин, бывший тогда студентом Казанского университета, был арестован за участие в студенческих беспорядках. Арестовавший его пристав вез его на извозчике, и между ними произошел следующий разговор: «Ну что вы бунтуете, молодой человек, — говорил пристав, — ведь стена!» — «Стена, да *гнилая*, — тхни, и развалится»¹, — отвечал молодой студент, приведя своим упорством пристава в неопишувемый ужас.

В 1917 г. рассыпалось в прах здание империалистического государства, и всякий мог воочию убедиться, как неустойчивы и изменчивы общественные отношения. Миллионы умов были убеждены в непоколебимости и прочности самодержавия в России, как тот пристав, который вез Ленина. Жизнь показала, как неверно было это мнение.

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, ч. I, 1956, стр. 310—311.

Многие сейчас убеждены в непреодолимой мощи капитала, но неизбежно наступит время, когда от власти капиталистов во всем мире не останется и следа.

Таково первое основное положение диалектического метода мышления. Нет ничего неизменного, все течет, изменяется, возникает, развивается и исчезает.

Всякий мыслитель, изучающий действительность, должен помнить об этом и должен уметь рассматривать вещи в их возникновении, развитии и уничтожении. Эта сторона диалектического мышления ненавистна эксплуататорам. Буржуазии хотелось бы навеки упрочить свое господство, а учение о развитии, подтверждаемое бесчисленными фактами, говорит, что и эксплуататорский строй осужден на гибель.

§ 14. Всеобщая связь

Второй принцип диалектического мышления заключается в том, что все рассматривается в связи. Наоборот, метафизическое мышление рассматривает вещи разобщенными, резко ограниченными друг от друга, не зависящими друг от друга.

Изолирование и расчленение есть неизбежное зло, обусловленное ограниченностью кругозора человека, ограниченностью его органов восприятия, слабостью его интеллектуальных способностей, сравнительно с огромностью и сложностью мирового процесса. Можно образно представлять себе человеческое сознание, как небольшое светлое пятно, отбрасываемое фонариком на предметы темной ночью. Человек может охватить своим сознанием лишь небольшой определенный кружок, каким является светлое пятно, отбрасываемое светом фонаря. То, что видно, кажется резко отграниченным от всего остального. Но в действительности это не так. Отграниченное и изолированное тесно связано с окружающим. Диалектическое мышление и помогает нам представить верно всю действительность, несмотря на то, что мы сразу не можем видеть и воспринять ее в целом. Мы как бы двигаем этот маленький освещенный кружок и угадываем то, что происходит за его пределами, в темноте недоступной зрению. Непонимание

связи — результат невежества. Невежество это, конечно, может быть различных степеней. Для одного человека может быть совершенно ясной и очевидной связь явлений, представляющихся для другого совершенной неожиданностью. Но, вообще говоря, современное научное сознание считает, что вся окружающая действительность, непрерывно двигающаяся, меняющаяся и развивающаяся по определенным законам, представляет собой единый, неразрывный процесс,двигающийся под влиянием внутренних, присущих этой действительности, причин. В «Фаусте» Гёте Дух Земли рисует картину такого процесса:

«В буре деяний,
В волнах бытия,
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рождение —
Вечное море;
Жизнь и движенье
В вечном просторе.
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов»¹.

Единство и связь, как уже сказано, часто представляются неожиданными. Небесные тела удалены от Земли на огромное расстояние, но связь между ними и жизнью на Земле существует весьма осязательная. Например, вся жизнь на Земле возможна благодаря свету и теплу, получаемому от Солнца, находящегося на расстоянии 150 000 000 км от Земли. Ежедневно повторяющееся явление приливов и отливов океана, явление прекрасно знакомое всем прибрежным жителям океана, вызывается силой притяжения Луны и Солнца, приводящей в движение всю массу воды, находящейся на земном шаре.

В мире органической жизни обнаруживается тесная связь между отдельными организациями и отдельными группами органических существ. Существование хищных животных зависит от наличия пищи, которой они питаются, т. е. от количества и условий жизни тех животных, которые служат добычей хищников. Травоядные

¹ Гёте. «Фауст», часть I, сцена первая («Ночь»).

животные зависят от мира растений. Мир растений зависит от наличности известных неорганических веществ — от воды, газов и т. д. — и таким образом все эти, на первый взгляд разобщенные, предметы являются неразрывными частями одного целого.

В мире общественных явлений мы наблюдаем те же связи, сплошь и рядом скрытые, незаметные, наличность которых для многих является совершенной неожиданностью.

Положение крестьянского хозяйства в России XIX века определялось в значительной мере состоянием мирового хлебного рынка, с которым Россия была в это время уже тесно связана. Связь эта была, но множество жителей различных Сосновок и Вавиловок ничего об этой связи не подозревали, объясняя свои страдания гневом божьим, своими грехами и т. д.

Или, еще пример, — индусские ткачи, вымиравшие в Индии под влиянием того, что рождающаяся английская ткацкая промышленность вытесняла их с рынка. Связь их страданий с развивающимся капитализмом в Англии, конечно, для большинства из них, если не для всех, была совершенно непонятна. Но связь эта несомненно существовала.

Члену капиталистического общества — буржуа с индивидуалистическим сознанием, кажется, что он, частный товаровладелец, владелец капитала, является частным лицом, совершенно независимым от остальных членов общества. Буржуа любит противопоставлять личность обществу. Но, несмотря на отсутствие сознания, существует связь между членами общества, и деятельность капиталиста, которую он считает своим личным, частным делом, является безусловно общественной деятельностью. Отдельный товар есть часть общественного богатства. Частный, отдельный труд — есть лишь часть единого общественного труда.

На эту связь указывает Маркс в первой же главе «Капитала». С установления этого факта он и начинает свое главное произведение.

Существует рассказ о том, как в Олимпии философ Анаксагор предсказал грозу. Было жарко, солнце светило ярко, на небе не было ни облака, а философ надел

на себя волчью шкуру. Над ним стали смеяться, а он сказал, что не пройдет и часа, как разразится страшная гроза, что действительно и произошло. Общим мнением было, конечно, — что он узнал это при помощи колдовства и особого дара прорицания. Анаксагор, однако, объяснил, что предсказать грозу можно без всякого колдовства, надо только следить за шапкой горы Эримантоса, как его научил один пастух из Аркадии. (Эримантос — это гора, находящаяся на том месте, где сходятся границы Аркадии, Ахайи и Элиды). Если из Олимпии видно, как в жаркую погоду, при северо-восточном ветре, вершина этой горы покроеется легким облаком как шапкой, то меньше чем через час разразится гроза, с холодным ливнем. Вот в чем заключалось все колдовство Анаксагора.

Развитие и сообразительность собеседников Анаксагора были весьма невысокого уровня. Понимания связи явлений у них было мало. Так же мало понимания и у тех, кто полагает, что капиталистический строй жизнеспособен и что диалектический материализм — заблуждение. Если на первый взгляд между явлениями не видно связи, то надо ее искать и понимать, что даже совершенно противоположные, кажущиеся совсем не соединимыми, вещи могут находиться в известной связи и, более того, не могут друг без друга существовать, переходя в процессе развития в свою противоположность.

§ 15. Борьба противоположностей. Переход в противоположность

Движение, развитие совершается путем борьбы противоположностей. Только там есть движение и жизнь, где есть борьба. Современная биология определенно указывает, что причиной развития организмов является борьба за существование. Организм преодолевает сопротивление, борется с противодействием, преодолевая его, отстаивает свою жизнь. В этой борьбе организм приобретает известные, нужные для существования качества, совершенствуется, приспособляется. Таким путем идет развитие животного мира.

В мире общественных отношений мы видим то же самое — идет борьба человеческого общества за свое существование, оно борется с окружающей природой. В этой борьбе вырабатывается техника производства, растут производительные силы общества, являющиеся в конечном счете решающим моментом для всего строя общественных отношений. Та борьба, то сопротивление, которое люди должны преодолевать, воспитывает их способности. Противоречие толкает вперед, как говорит Гегель.

С распадением общества на классы и с развитием классовой борьбы внутри самого общества, эта классовая борьба становится школой, в которой воспитываются в людях качества, помогающие им выполнять задачи, которые требуются от них обстоятельствами.

Буржуазия, когда-то бывшая передовым классом, закалилась и окрепла в борьбе с феодальным дворянством. Современный пролетариат — могильщик буржуазии, тоже проходит школу, воспитывается в борьбе против буржуазии, и из него формируется человеческий тип, способный построить новое общество. Одним словом, везде, во всех областях, обстоятельством, толкающим по пути развития, является противоречие и борьба. Если этого сразу не видно, то надо искать, и в конце концов это движущее вперед противоречие обнаружится.

Причем для диалектического движения характерно, что противоположности неразрывно связаны друг с другом, и в процессе развития может совершаться переход одной противоположности в другую.

В качестве примера такого явления можно привести тот пример, который приводит Гегель в «Феноменологии духа», в этом замечательном произведении, где изображается развитие форм сознания. Речь идет о господстве и рабстве. Перед нами отношения между двумя личностями. Одна существует для себя — это господин. Другая существует не для себя, а для другого — это раб. Господин и раб — противоположности. Господин — приказывает, раб — исполняет.

Для раба естественное, чувственное бытие его дороже его личности. Для него бытие в форме вещи или вешности имеет существенное значение, а сознание не

играет существенной роли. Именно в этом состоит рабское сознание.

Отношение установилось. Раб работает, а господин наслаждается. Тут начинается процесс, непредусмотренный участниками отношения. Повиновение и служба раба состоит в работе, в труде. В труде раб образует самого себя, труд есть образование и приводит к образованию. У раба, благодаря его деятельности, начинается развиваться самосознание. В конце концов отношение превращается в свою противоположность. Господин наслаждается тем, что создал раба, и таким образом становится зависимым от раба, а этот последний, обрабатывая вещи, приобретает господство над ними и вместе с тем также и над господином. Все отношения становятся обратными. Господин становится зависимым от раба, а раб независимым от господина. Господин становится рабом своего раба, а раб господином своего господина. Таким образом, господство показывает, заключает Гегель, что его сущность противоположна тому, чем оно хотело быть. Рабство в окончательном результате становится скорее противоположностью того, чем оно было непосредственно.

Это место из Гегеля в абстрактной форме рисует общий ход борьбы в человеческом обществе. Тут наглядно выступает революционная сторона диалектики, которая отмечает, что все меняется и все существующее осуждено на гибель. Герцен правильно назвал философию Гегеля алгеброй революции. Так как все меняется, то меняются и соотношения вещей и роль их. То, что было сначала добром, превращается в зло; то, что способствовало развитию, становится его препятствием. Мудрость превращается в безумство и т. д.

«Безумством мудрость станет, злом — благое»¹.

В процессе развития, силы, толкающие, беспокоящие, побуждающие, могут ощущаться как зло, но, в конце концов, благодаря их действию, создается протест против них, вырабатываются качества положительные, зло рождает добро.

¹ Гёте. «Фауст», часть I, сцена четвертая («Кабинет Фауста»).

Феодал в известный момент общественного развития был необходим. Это был необходимый защитник мирного земледельца. Через некоторое время необходимый защитник превратился в угнетателя, эксплуататора и вредного паразита, когда феодальные отношения собственности стали препятствием для дальнейшего развития производительных сил (бесконечное раздробление на мелкие территории, отсутствие свободы движения, свободы занятий, монополия цехов и т. д.)

Добро стало злом, нужное когда-то стало ненужным. Мелкий ремесленник, которого разорил капиталист с помощью конкуренции, ощущал это действие капитала, как зло. Но при господстве капиталиста развивались производительные силы. Господство капитала было неизбежным моментом в развитии общества. Буржуазия «впервые показала, — говорит Маркс в «Манифесте», — чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы»¹.

Она создала в короткое время своего господства более многочисленные и более могущественные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения вместе. Господство буржуазии, следовательно, было добром. Всемирно-историческая роль буржуазии состояла в том, что при ней быстро развивались производительные силы. Но теперь буржуазия превратилась во вредного паразита, ее нужно сбросить, и пролетариат неизбежно должен выполнить свою всемирно-историческую задачу — разрушить ярмо эксплуатации, уничтожить классовое общество и создать достойный человека коммунистический строй.

§ 16. Отрицание отрицания

В процессе развития, идущего путем борьбы противоположностей, наступает смена фазисов развития. В этих фазисах, как уже указано выше, следующая ступень развития является отрицанием первой, а затем наступает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 427.

отрицание и этой новой ступени или отрицание отрицания и получается третья ступень, нечто высшее, причем в результате борьбы гармонически сочетаются черты борющихся и отрицавших друг друга тенденций.

Этот закон, в общей формулировке высказанный Гегелем, вообще вполне отвечает действительности. Энгельс в своем «Анти-Дюринге» привел много примеров, взятых из действительности, подтверждающих этот закон. Во-первых, он приводит пример из области природы — как растет овес. Растение есть отрицание зерна. (При этом надо заметить, что диалектическое отрицание не есть просто уничтожение, а должно происходить по известному, в каждом отдельном случае установленному, закону.) Растение растет, цветет, оплодотворяется и, наконец, получают снова зерна. Когда зерна созревают, самое растение умирает, превращается в сухую солому. Как результат этого отрицания получают снова зерна овса, но в количестве значительно (в 10, 20, 30 раз) превосходящем прежнее. Далее приводится пример, как развивается насекомое и т. д. Затем следуют примеры из математики. Из области истории Энгельс приводит пример развития собственности, которая, будучи в начале общественной, затем превращается в частную. Общественная форма отрицается. А в настоящее время эта частная собственность становится препятствием развитию производительных сил и необходимость заставляет отрицать отрицание¹.

В виде иллюстрации приводим выписку из брошюры Ленина «Шаг вперед, два шага назад», Женева, 1904, где имеются очень ценные замечания относительно диалектики.

Борьба (большевиков с меньшевиками) проходила разные стадии, — пишет Ленин, — «каждая из этих стадий характеризуется существенно отличной конъюнктурой борьбы и непосредственной целью атаки; каждая стадия представляет из себя, так сказать, отдельное сражение в одном общем военном походе. Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно

¹ См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 127—130.

увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (§ 1) «отрицается», уступая место все заполняющей дразге, но затем начинается «отрицание отрицания» и, «ужившись» кое-как, с грехом пополам, с богоданной женой в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот «тезис» обогащен всеми результатами «антитезиса» и превратился в высший синтезис, когда изолированная, случайная ошибка по § I выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю.

Но великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. *Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна*¹. (Курс. В. В. Адоратского.)

Капитализм вырвал из рук мелких производителей средства производства. Он разрушил бесчисленное количество ограниченных и скромных мелких буржуа, он уничтожил собственность миллионов людей, обратив их в живые придатки машины. Никогда эксплуатация не была такой всеобъемлющей, основательной и жестокой,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 7, 4 изд., стр. 379—380.

как при капитализме. Но капитализм развивает огромные производительные силы, при нем ускоряется темп жизни, при нем люди научаются работать быстро, развитие производительных сил движется вперед так, как оно не двигалось за сотни тысяч лет, и притом в это развитие была внесена в значительной степени сознательность. При капитализме массы организовались, сплотились, дисциплинировались. Теперь капитализм ждет своего отрицания, но такого, которое сохранит, разовьет все положительные качества крупного производства. Мелкие производители тоже отрицают капитализм, но это отрицание не диалектическое, от капитализма возвратом к прошлому не отделаешься. При наличности электрических станций, аэропланов, современных фабрик смешно мечтать о восстановлении мелкого ручного производства.

Пролетариат, овладев крупной промышленностью, сумеет уничтожить капитализм диалектически и на прочной основе огромного развития техники установить общественную собственность.

Таким образом происходит и здесь отрицание отрицания, создается новое, сочетающее в себе, в новом единстве, свойства борющихся начал.

§ 17. Переход количества в качество

Диалектическое мышление отмечает еще одну характерную особенность в процессе развития — это именно качественный скачок в количественном ряде.

Медленное накопление мелких изменений сменяется революционным потрясением.

Еще элейская школа греческих философов приводила примеры: куча (*soreitos*) и лысый (*falakros*), которые должны были доказывать невозможность множества. Одно зерно не составляет кучи, второе и третье зерно тоже еще не образуют кучи. В конце концов какое-нибудь одно зерно, прибавленное к тому, что не есть куча, должно составить кучу, но одно зерно не может образовать кучи. То же самое происходит и при уменьшении кучи. Потеря одного волоса не делает человека лысым, так же как потеря другого и третьего волоса, но в конце концов

потеря одного волоса должна сделать не лысого — лысым? Следовательно, по-видимому, приходится заключить, что куча, лысый и т. п. невозможно, так как они не могут ни возникнуть, ни исчезнуть¹.

Правда, здесь нет собственно перехода количества в качество, но лишь переход небольшого количества в большое количество, в множество, как правильно указал Гегель. Но пример, который приводит Гегель дальше, именно пример перехода воды из жидкого состояния в газообразное или в твердое, является уже блестящим примером перехода количества в качество.

Разные состояния, твердое, жидкое, газообразное, в котором находятся вещества, зависят в сущности от количества теплоты; изменения в количестве на известной ступени вызывают качественное изменение, которое при этом наступает внезапно и сразу, так сказать катастрофически. Вода при температуре ниже нуля сразу превращается в лед, в твердое тело без средних переходных ступеней — медленного сгущения и постепенного превращения в твердое тело. Из примеров перехода количества в качество укажем на приведенный у Энгельса в «Анти-Дюринге» пример, как отдельные мелкие отряды иррегулярной конницы мамелюков в 2—3 человека побеждают отряды французской конницы превосходящей численностью в 3—4 человека. 100 мамелюков = 100 французам. Но 300 французов непременно опрокинут отряд в 300 мамелюков, а 1000 справятся с 1500. Тут лишь на известной ступени количественного ряда обнаруживается качественная разница дисциплинированного и недисциплинированного отряда².

Переход количества в качество каждый может наблюдать на своем личном опыте. Когда изучается какой-нибудь трудный вопрос, то в начале такого изучения нет и не может быть ясного представления об изучаемом предмете. Но в процессе изучения накапливается большое количество сведений по данному вопросу и наконец на-

¹ См. *Куно Фишер*. «Гегель», т. I, стр. 489. (Прим. В. В. Адоратского.)

² См. *Ф. Энгельс*. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 121, а также пример, указанный Марксом в «Капитале» т. I, гл. IX. (Прим. В. В. Адоратского.)

ступает момент, когда трудный и непонятный до того времени вопрос становится вдруг ясен. Количество накопленных знаний перешло в качество понимания.

Хороший пример подобного перехода количества в качество приводит в своих воспоминаниях шлиссельбуржец Н. Морозов. Он рассказывает, как он долго не мог понять дифференциального исчисления, оно казалось ему чем-то совершенно недоступным, непонятным, и он был в отчаянии, что ему никогда не удастся постичь эту премудрость. Но после известного промежутка времени, в течение которого он усердно занимался дифференциальным исчислением, он как-то сразу понял, в чем дело. Он подчеркивает в своих воспоминаниях именно эту быстроту наступления понимания, что, конечно, было подготовлено предыдущими занятиями.

Типичным случаем перехода количества в качество можно считать также такое явление, как акт родов. Процесс развития плода доходит до известной ступени, когда медленно накопившиеся свойства, развившиеся органы дошли до такого состояния, что образовалось существо качественно уже совершенно отличное от первоначального зародыша. Наступает кризис родов, появляется существо, органы которого, подготовленные прежним развитием, начинают функционировать по-новому. До рождения плод питался через организм матери. После рождения легкие начинают дышать, рот принимает пищу в желудок и т. д., все органы уже готовы и действуют.

Переход количества в качество происходит в области классовой борьбы. При господстве буржуазии пролетариат лишь постепенно организуется в класс. Сначала это лишь разрозненные индивиды, класс в себе, потом образуется классовое сознание, класс становится уже классом для себя. Пролетариат растет количественно, растет его сознание и, наконец, наступает момент, когда невозможно уже ему оставаться под игом изжившей себя буржуазии. Пролетариат превращается в господствующий класс. Количественные изменения привели к изменениям качественным, к совершенно иному строю.

Мы видим таким образом, что так называемый переход количества в качество — это явление, встречающееся

на каждом шагу. В ряде количественных изменений наступает скачок, явление изменяется качественно, возникает нечто совсем новое, совершается переход из одного состояния в другое. В каждом отдельном конкретном случае надо этот процесс изучать и следить за тем, как это происходит.

Среди писем Энгельса к Марксу есть одно письмо, в котором Энгельс дает диалектическое построение естественных наук. Он принимает во внимание одно основное явление — движение материи. В зависимости от характера и формы движения оно проявляется в виде явлений качественно совершенно различных¹.

§ 18. Материалистическая диалектика

Мы уже сказали выше, что Гегель изобразил общие формы диалектического движения. Но диалектика Гегеля имела один существенный недостаток. Она была идеалистической. Процесс мысли Гегель считал первоначальным.

Идеалистическая система должна решить вопрос о том, каким образом появляется материя, каким образом дух создает материю. Согласно Гегелю материя есть инобытие духа. Энгельс совершенно правильно указывает на то, что у Гегеля этот вопрос о переходе духа в материю решается ничуть не удовлетворительнее, чем в библии.

Материализм в вопросе о переходе материи в дух стоит на правильном пути. Дух — это есть человеческое сознание, присущее особо организованной материи, иначе говоря, людям, развившимся в течение долгого процесса, развившим в процессе общественной жизни свое мышление.

Чувствительность, способность так или иначе воспринимать различные воздействия и на них реагировать вообще есть свойство материи. Особая чувствительность, ощущение — есть более высокое и сложное свойство особо организованной материи органических существ. Высшее сознание — есть продукт деятельности людей,

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Избранные письма, 1953, стр. 283—284

живущих обществами. Чтобы изучить процесс превращения материи в «дух», надо изучить всю историю развития органического мира и историю развития человеческого общества.

Материалистическая диалектика Маркса отличается от диалектики Гегеля основной точкой зрения. Вот что говорит сам Маркс о своем методе в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», послесловии, помеченном 24 января 1873 года.

«Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург [творец, созидатель] действительного, которое представляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней.

Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде... Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно.

В своей мистифицированной форме диалектика стала немецкой модой, так как казалось, будто она прославляет существующее положение вещей. В своем рациональном виде *диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели*, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹. (*Курс. В. В. Адоратского.*)

¹ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 19—20.

Каким могучим оружием является диалектический метод и какую службу он сослужил Марксу, показывает, например, письмо Маркса к Энгельсу от 14 января 1858 г. Маркс в это время занимался экономической теорией.

«У меня порядочные успехи, — пишет он. — Например, я выбросил за борт все учение о прибыли в том виде, в каком оно имелось до сих пор. В *методе* обработки материала мне очень пригодилось то, что я вновь перелистал «Логикку» Гегеля, случайно попавшую мне в руки, — Фрейлиграт нашел несколько томов Гегеля, принадлежавших прежде Бакунину, и прислал мне их в подарок. Если бы когда-нибудь снова пришло время для подобных работ, я охотно изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной обыкновенному человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время подверг мистификации»¹.

Самому Марксу, к сожалению, не удалось выполнить этого намерения, как он это собирался сделать в приведенном выше письме, но в этом направлении все существенное сделано Энгельсом в «Анти-Дюринге» и «Людвиге Фейербахе».

Диалектический материализм — это последовательное отрицание всякой метафизики. Материализм, по словам Энгельса, подходит к изучению внешнего мира природы и истории без предвзятых идеалистических представлений, рассматривает его таким, каков он есть в действительности (т. е. именно и проводит последовательно правило: нет абстрактной истины, истина всегда конкретна). Материализм безжалостно отбрасывает всякое идеалистическое представление, если оно несовместимо с фактами действительности, познанными в их действительной, а не воображаемой связи. Вот и все содержание материализма².

«Понятие материи ничего иного, кроме объективной реальности, данной нам в ощущении, не выражает»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 95.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 366.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 14, 4 изд., стр. 254.

Материалист считает, что существует только природа и человеческое общество, являющееся тоже частью природы. Никаких сверхчувственных существ (духи, боги, ангелы и т. д.) нет — это лишь порождение человеческой мысли, это предвзятые идеалистические представления, которые нужно отбросить. Когда Наполеон I спросил знаменитого математика Лапласа, верит ли он в бога, тот отвечал, что в своих научных исследованиях он никогда не нуждался в этой гипотезе. Все ученые, которым удалось достичь положительных результатов своими исследованиями, стояли на материалистической точке зрения, или если их взгляды были заражены идеализмом, то они достигали своих открытий и завоеваний в области теории, *несмотря* на те идеалистические предрассудки, которые у них имелись. Прекрасное изложение материалистической точки зрения можно найти у Дидро в его небольшой вещи «Разговор Дидро с Д'Аламбером» и в другом его произведении «Сон Д'Аламбера».

С точки зрения материализма, дух, иными словами, человеческое сознание — есть явление, неразрывно связанное с человеческим организмом, живущим в определенных общественных условиях, т. е. сознание есть явление, присущее известным образом организованной материи. Человек — это продукт природы, развившийся в известной обстановке, в известной общественной среде. Мышление человека обусловлено тем, что человек воспринимает из окружающего. Мысли наши — это отражения в нашем сознании действительных вещей и процессов.

Идеальное — это известным образом переработанное в нашей голове материальное. Источником всякого познания является ощущение. (По-латыни — ощущение, чувство — *sensus*. Отсюда эта точка зрения называется *сенсуализм*). Ощущение, восприятие превращается в понятие в результате целого ряда изменений¹.

Объект, материя существует вне сознания и раньше сознания. Материя является первичным; сознание,

¹ См. интересное исследование Лафарга о происхождении отвлеченных идей. (Прим. В. В. Адоратского.)

ощущение, мысль — вторичным. Материя и ее свойства существуют и тогда, когда нет сознания.

Идеалисты полагают, что вещь существует только тогда, когда есть сознание о ней.

Существует объективная действительность, которая движется и развивается по особым законам. Существует сознание человека — в нем эта объективная действительность находит свое отражение в форме диалектики понятий. Движение в понятиях совершается, однако, благодаря их приближению к действительности, благодаря их конкретизации.

«Диалектика это не монолог умозрения с самим собой, это разговор (диалог) умозрения и действительности», — говорит Фейербах.

В отвлеченном мышлении, далеком от действительности, все понятия могут быть застывшими и абсолютными, могут изгладиться противоречия, но в таком мышлении мало толку — оно нереально.

Невежественный рассудок говорит: у человека есть душа — самостоятельная субстанция, существующая независимо от тела. Человек свободен в том смысле, что является каким-то таинственным пунктом самопроизвольно зарождающейся воли.

Материалист Маркс говорит: то, что называют душой, вовсе не самостоятельно, независимо существующая субстанция, а неразрывно связанная с телом особая способность к восприятию и переработке впечатлений внешнего мира. Психика человека — это тот же мир, отраженный (хотя и не всегда адекватно) в своем собственном произведении (т. е. в сознании человека, которое образуется в результате долгого развития общества), воздействующий на себя самого при помощи своего же собственного произведения, т. е. через человеческую деятельность. Разгадать это произведение, т. е. человека, можно, зная не только природу, но и тот строй общественных отношений, в которых живут люди, и которые развиваются по своим особым своеобразным законам.

Имеется целый ряд противоречащих друг другу противоположных понятий. Свобода и необходимость.

Субъект и объект. Идеал и действительность. Личность и общество. Причина и следствие. Теория и практика.

Каково их взаимное отношение? Абстрактное и метафизическое мышление готово настаивать на полной и непримиримой противоположности этих идей. Конкретное диалектическое мышление показало вздорность и бессилие такого понимания.

Эти непримиримые на первый взгляд противоположности на самом деле существуют неразрывно друг с другом и друг без друга не могут существовать. На самом деле, без необходимости не может быть свободы, об этом мы скажем несколько слов ниже. Без объекта нет субъекта, или, иными словами, без действительного живого человека, обладающего всеми органами и между прочим головой на плечах, не может быть и субъективного сознания, а человек есть один из результатов развития материи. (Идеалист держится совсем обратного мнения; согласно его убеждениям без субъекта нет объекта. Стул для вас перестает существовать, когда вы выходите из комнаты и перестаете его видеть, воспринимать и о нем думать.)

Без общества нет личности, без практики нет теории и т. д. Эти противоположности, неразрывно связанные, переходят одна в другую и обратно. Объект превращается в субъект в родящемся сознании человека. Действительность переходит в идеал в зарождающемся общественном движении.

Действительные потребности нового класса, назревающего общественного движения получают идеальное отражение в сознании людей, и последние в своей деятельности стремятся осуществить эти идеалы.

Наоборот, идеал переходит в действительность, воплощается в ней, в процессе совершающегося революционного преобразования. Личность переходит в общество в общественной деятельности человека. Общество переходит в личность в общественном воспитании и т. д. Все приведенные выше понятия *есть лишь разорванные отражения единой живой человеческой деятельности.*

«Общественная жизнь является по существу *практической.* Все мистерии, которые уводят теорию в мисти-

цизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики»¹.

Основная разгадка указанных выше противоречий в самом человеке, в той его особенности, что он является действующим и размышляющим над своими поступками и над самим собой, в том, что он обладает сознанием и свойством сознательно ставить цели и достигать их, в том, что человек со своей деятельностью является одновременно и субъектом и объектом.

Если мы будем смотреть на действующего человека, то он нам будет представляться свободным, действующим сообразно с его влечениями. Если мы обратим внимание на то, каким путем создавались и образовывались вкусы, взгляды и желания человека, сообразно которым он действовал, то мы увидим, чем обусловлено его сознание, под какими влияниями складывалась его личность, какая необходимость привела его к данному состоянию. Таким образом, мы можем рассматривать человека, как причину и как следствие — *comme l'effet* и *comme cause*, по выражению Дидро.

Но та область, которая влияет на человека, не есть нечто оторванное от него, изолированное, влияющее извне. Причина и следствие не разрываются. Внешняя необходимость, определяющая человека, создана была отчасти и его собственной деятельностью. Нет абсолютной причины и абсолютного следствия, нет абсолютной активности и нет абсолютной пассивности.

«Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»², так как нет человека без общества.

Разрывать, изолировать, воспринимать и изучать по частям — этого требует ограниченность человеческих способностей, ограниченность его чувств. Это необходимая стадия в процессе познания. Но надо помнить, что расчленение, разрывание и изолирование происходит

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, 2 изд., стр. 3.

² Там же.

лишь в уме человека, а не в действительности. Действительность не изменила своего характера от того, что человек стал думать о ней таким образом.

§ 19. Нет абстрактной истины, истина всегда конкретна

Согласно воззрению, лежащему в основе диалектического материализма, как уже сказано выше, мысль есть лишь отражение действительности. Движение в мысли отражает движение в действительности. Но если действительность находится в непрерывном движении, то ясно, что не может быть истины, открытой раз навсегда. Надо постоянно изучать меняющуюся действительность. Нет абстрактной, раз навсегда установленной истины, истина всегда конкретна. Если нет ничего неизменного в действительности, то и в сознании человека о ней не может быть неизменности.

Зимой над входом на каток была надпись: «В здоровом теле здоровый дух». Этот лозунг гармонировал с окружающим: яркое солнце, морозный воздух, веселая молодежь на коньках. Весной на этом месте образовалось гнилое болото, отравляющее воздух миазмами — место рождения всех семи сестер-лихорадок. Надпись по-прежнему продолжала болтаться там же, где висела прежде, красноречиво подтверждая приведенное выше одно из основных правил диалектического материализма. Фраза, лозунг, остающиеся неизменными, могут из удачного, подходящего изречения превратиться в насмешку, карикатуру.

В 1905 г. лозунг «Учредительное собрание» был революционным лозунгом. Через 13 лет обстоятельства так изменились, что «Учредилка» стала знаменем реакции. Политические лозунги, цели партии, стоящие на очереди в данный момент, — все это должно быть установлено в строгом соответствии со всей обстановкой. Необходимо подробно разобрать всю ситуацию, рассмотреть все классы общества, подметить самое существенное, охватить весь общественный процесс в целом и суметь рассматривать его в движении.

Мелкобуржуазные демократы, выдвигая лозунги свободы и равенства, не видят, что ни свободы, ни ра-

венства не может быть в классовом обществе, где защищается частная собственность, превратившаяся в привилегию небольшой кучки крупнейших капиталистов в силу свойств буржуазного общества. Это преклонение перед абстрактной формулой буржуазной демократии превращает защитников свободы и равенства (на словах) в защитников угнетения и неравенства на деле.

Коммунистическая партия, имея в виду основное и самое важное неравенство, присутствующее сейчас в жизни и являющееся причиной всех остальных видов неравенства, угнетения и рабства, говорит: кто хочет на деле служить задаче установления действительного равенства и свободы, тот должен способствовать уничтожению частной собственности на средства производства, уничтожению классов. Не добиваясь сознательно этого, продолжать твердить о равенстве есть просто болтовня и обман. А уничтожить основное неравенство нельзя иначе, как путем свержения власти буржуазии и подавления ее контрреволюционных попыток. Уничтожения классов можно добиться только путем классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Вот единственный правильный путь отрицания неравенства, вот программа действительности в ее целом. Прекрасное разъяснение того, как надо осуществлять свободу и равенство на деле и как этими лозунгами буржуазные деятели прикрывают сохранение и упрочение неравенства, имеется в речи Ленина на первом всероссийском внешкольном съезде в мае 1919 г. на тему об обмане народа лозунгами свободы и равенства.

Примеров мышления согласно правилам диалектики можно много найти в произведениях Ленина.

Определяя задачи, стоявшие на очереди перед революционной партией пролетариата, Ленин указывал, что после Февральской революции лозунг «революционная диктатура пролетариата и крестьянства» устарел, стал недостаточен, цеплянье за него в данный момент приводит на деле к переходу на позиции мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы. Он указывал, что марксизм не догма, а руководство для действия и требовал самого точного учета соотношения классов и

конкретных особенностей каждого исторического момента.

Лафарг в своих воспоминаниях о Марксе рассказывает о мышлении Маркса. Вико (знаменитый итальянский философ и историк, живший в 1668—1744 гг.) говорил: «для бога, которому все ведомо, все — тело, но для человека, познающего одну внешность, все — только оболочка».

Маркс познавал все, как бог. Он «постигал суть вещи. Он видел не только поверхность, он проникал вовнутрь, он исследовал составные части в их взаимном действии и в их взаимном противодействии. Он выделял каждую из этих частей и прослеживал историю ее развития. Затем от вещи он переходил к окружающей ее среде и наблюдал действие последней на первую и обратно». «Он видел перед собой не отдельную вещь самое по себе, вне связи с окружающей ее средой, но весь сложный, находящийся в постоянном движении мир»¹. Словом, Маркс умел рассматривать все в связи и в процессе движения, а в этом и есть суть диалектического метода.

§ 20. Основные правила диалектического метода

Мы в общих чертах изобразили основные свойства и сущность диалектического метода. Вот основные правила диалектического метода.

1. Надо изучать действительность во всей ее конкретности, принимая во внимание все, помня о всеобщей связи.

2. Надо помнить, что все движется и меняется. Надо искать противоречия, следить за борьбой, обращать внимание, как происходит диалектическое движение и совершается переход.

3. Помнить, что отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна, должна быть приурочена к данной определенной обстановке.

4. Не разрывать теорию и практику, помнить, что надо не только познать, но и переделать окружающее.

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, 1956, стр. 68.

Глава IV

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

§ 21. Идеалистический
и материалистический взгляд на историю

Согласно идеалистическому взгляду на человеческое общество, сущность общественных отношений сводится к области психики. Для идеалиста общество есть психическое явление и только. Общество и общественные отношения существуют лишь настолько, насколько есть сознание об этих отношениях в головах людей. Нет сознания, нет и общества. Эта точка зрения представляется всякому буржуазному мыслителю, всякому идеалисту настолько само собой разумеющейся истиной, что он, не поднимая вовсе этого вопроса, не отдавая себе отчета в том, насколько вопрос о природе и сущности общественного отношения важен, стоит на этой точке зрения.

Отсюда, как вывод, вытекает своеобразное объяснение изменений, происходящих в общественном строе. Общественный строй изменяется, благодаря изменениям в общественном сознании, которое развивается по своим собственным внутренним законам независимо от чего-либо и вполне самостоятельно.

Писатели XVIII века на вопрос о том, как возникло государство, отвечали, что оно произошло благодаря договору. Людям *надобело* жить в беспорядочных неорганизованных условиях, они *сообразили*, что гораздо лучше организовать условия, согласиться, и установили политическую власть, установили управление, суд и т. д., известный порядок в обществе. Таким образом основой, причиной, почему возник известный строй общественных отношений, эти писатели считали то или иное состояние *сознания* людей.

Эта «договорная теория» впоследствии была оставлена буржуазными учеными, потому что из нее можно было делать очень неприятные выводы революционного свойства. Но идеалистического понимания буржуазные ученые не покинули.

Например, профессор Еллинек пишет в своей большой книге «Право современного государства» (по этой книге

учились и учатся все студенты в Германии, она переведена на другие языки и была широко распространена в России) следующее: «Все учреждения обязаны своим происхождением *сознательным волевым актам* и только вследствие изменения цели становятся чуждыми первоначальной причине их возникновения и поэтому получают вид образований, бытие которых не зависит от воли человека».

Мы привели случайный пример, таких примеров можно было бы привести множество. Буржуазные ученые ограничиваются указанием на психическую деятельность, на то или иное состояние сознания *и в этом видят конечную причину всех общественных явлений*.

Они не задают себе вопроса, а чем же обусловлена эта психическая деятельность, какие материальные причины создают такое именно сознание.

Материалистический взгляд, конечно, не отрицает психики человека, он старается лишь поместить ее в цепь причинности. Это несколько труднее, но для правильного научного познания это необходимо.

Приведем еще пример идеалистического взгляда на историю. В книге профессора В. М. Хвостова, вышедшей в Москве в 1919 г., под заглавием «Теория исторического процесса», говорится, между прочим, следующее: «Я убежден, что главной причиной неудачи аграрной реформы братьев Гракхов в Риме было полное незнакомство их с экономическими явлениями, против которых им пришлось бороться. Им не приходило в голову бороться с теми общими процессами, которыми вызывалось обезземеление крестьян в Италии, как-то: с отсутствием дешевого кредита, с конкуренцией дешевого хлеба...»

Так изображает дело буржуазный ученый. Если бы Гракхи были просвещеннее, если бы они знали, как организовать кооперативы и дешевый кредит, то им удалось бы спасти мелкого крестьянина.

Маркс и его школа подходит к вопросу совершенно иначе. Ученых, стоящих на материалистической точке зрения, интересует прежде всего вопрос о той материальной обстановке, в которой происходила борьба классов в Риме II века до н. э. Нам известно, что мелкое крестьянское хозяйство неудержимо разорялось конкурен-

цией крупного рабского хозяйства. Хлеб и другие сельские продукты производились рабским трудом дешевле. Рабское хозяйство вообще забивало свободное. Мелкий крестьянин разорялся, уходил в город и превращался в пролетария-босняка или в профессионального солдата. Римское государство постепенно превращалось в организацию рабовладельцев, завоевавших все земли вокруг Средиземного моря и грабивших их. В руках крупных рабовладельцев сосредоточивалось все могущество, они распоряжались войском, которое было заинтересовано в их колониальной политике, состоявшей в грабеже, так как добыча шла и войску, они распоряжались массой рабов — их материальной силой, в их руках было множество материальных благ.

Мелкий производитель был распылен, неудержимо разорялся, в его руках не было ни военной, ни технической силы, он не был организован.

Чтобы помочь мелкому сельскому хозяйству, надо было бы подорвать материальную основу могущества крупных рабовладельцев: 1) надо было освободить колонии; 2) разрушить войско рабовладельцев и 3) распустить рабов.

Этим был бы уничтожен класс земле- и рабовладельцев. Этого мелкий крестьянин в силу целого ряда причин сделать не мог. Прежде всего он не мог и не хотел отказаться от грабежа колоний.

Нет никакого сомнения, что если бы в Риме в 130 году появился вместо Гракха современный буржуазный профессор с его знаниями (Гракху не приходило в голову, а профессор знает, что надо делать), то и тогда дело спасения мелкого землевладения не подвинулось бы, так как материальные условия от этого нисколько не изменились бы. Класс мелких собственников в силу целого ряда причин не мог победить. Он не победил бы, если бы даже у него были более удачные советники, чем современные профессора, которые предлагают дешевый кредит, когда надо свергать власть враждебного класса путем восстания.

В Риме были более способные деятели. Приблизительно 50 лет спустя после Гракхов явился Спартак. Вооруженное восстание рабов потрясло рабовладельческое

государство. Это было серьезнее дешевого кредита, но и это движение не подорвало власти крупных рабовладельцев, только власть организовалась несколько иначе. Республиканская форма сменилась монархической.

Идеалист находится во власти своих представлений, он не видит подлинной действительности общественной жизни, не видит борьбы классов, порождаемой материальными условиями, в которых эти классы и группы находятся в общественном производстве.

«Одной из важных причин гибели республиканского строя в древнем Риме было отсутствие в тогдашних политических программах идеи народного представительства», — говорит тот же Хвостов в указанной выше своей книге. Тогдашним римлянам «не пришла в голову» идея народного представительства, поэтому отчасти и пала республика. Буржуазный профессор забывает, что иногда политическим деятелям приходят в голову прекрасные мысли, но они не осуществляются оттого, что выражают интересы класса, не имеющего силы их осуществить. Вот в чем все дело.

Идея играет громадную роль, но только тогда, когда увлекает широкие массы, выражая их интересы. Только тогда идея представляет исторический интерес, играет роль в общественной жизни, в историческом процессе.

Повторяем: материалист не отрицает роли идеи, это было бы неправильно, он только не ограничивается простым указанием, что вот тогда-то было такое сознание, а поэтому произошло то-то. Историк материалисту необходимо объяснить, откуда произошло такое сознание, почему некоторые деятели рекомендуют кооперативы и дешевый кредит в то самое время, когда другие зовут к забастовке или даже к вооруженному выступлению, почему одним мила «Учредилка», а другие стоят за «власть Советов» и т. д. Но, интересуясь происхождением идей, историк-материалист не останавливается на этом. Он старается понять весь общественный процесс в целом и ответить на вопрос, как та или иная идея, выражающая интерес того или иного класса, осуществляется в жизни, или, другими словами, как и почему в классовой борьбе побеждает тот или иной класс и каким образом его «идея», его интерес получают свое воплощение в жизни.

Материалист рассматривает общество людей прежде всего, как явление объективной действительности, существующее независимо от субъективного сознания. Известное количество людей, находящихся в известных отношениях друг к другу (сотрудничество, эксплуатация, власть и подчинение и т. д.) живет на земле в определенных природных условиях, в различных группировках и занимается трудом. Этот факт — жизнь людей, занимающихся совместным трудом, — общественное бытие, существует независимо от сознания, прежде чем вырабатывается правильное понимание этого факта. В головах отдельных членов общества есть сознание, но оно не охватывает всего этого общественного бытия в целом. Есть очень важные общественные отношения, существующие фактически, определяющие судьбу огромного количества людей, но ясного сознания об этих отношениях в головах людей нет.

Люди вместе работают: 3—4 человека катят бревно, поднимают тяжелые ящики, сотни людей строят дома, корабли и т. д. Эти люди находятся в известных отношениях друг к другу независимо от того, что они об этих отношениях думают. Это физическое отношение сотрудничества есть общественное отношение. Друг без друга эти люди не выполняют работы. А если они не выполняют работы, следовательно, не будет создано целого ряда продуктов труда, материальных вещей, без которых тем же людям трудно будет обойтись или даже невозможно будет существовать. Без еды, без топлива, без одежды, без помещения для жилья люди не могут существовать физически. Все эти вещи являются результатом *общественного* труда. Следовательно, без общества, без общественного труда, без его материальных результатов человек не может существовать физически, сознает ли он это или нет. Вот в чем основа общества, а отнюдь не в сознании. Общество прежде всего материальный факт совместного общественного труда людей.

Можно сказать, таким образом, что основой общества людей является не сознание их, а невозможность материально существовать друг без друга. Причем совместная жизнь и деятельность людей влечет за собой последствия, неожиданные для них, непредвиденные ими.

Только потом, после размышления над этими последствиями, люди начинают вполне понимать сущность своих общественных отношений.

В XVIII в. английская промышленность своей конкуренцией разорила индусских ткачей-кустарей. Индусткачи вымирали, даже и не подозревая, может быть, о причинах своих мучений.

Миллионы русских рабочих создавали на капиталистических фабриках разнообразные продукты, еще больше русских крестьян обрабатывало землю. На отобранные у производителей богатства существовали правящие классы: капиталисты и помещики. Правительство господствующих классов готовило войну, которую оно хотело вести руками трудящихся и почти никто не отдавал себе отчета в смысле совершающегося и в том, какие будут из этого последствия. (Крах капитализма, неизбежная победа рабочего класса).

Власть империалистов развалилась, а русские рабочие и трудящиеся крестьяне работают над самостоятельным устройством своей жизни. Последствия империалистической войны для бесконечного множества людей были неожиданны и только после наступления этих последствий, в результате размышлений над ними, выяснилась для многих сущность эксплуататорских отношений и как с ними бороться — и то еще не вполне, и то еще не для всех.

Так существовал ряд чрезвычайно важных общественных отношений, непокрываемый сознанием людей, участвовавших в них.

Не сознание определяет отношения людей, но отношения складываются в силу внешней необходимости, независимо и часто вопреки сознанию.

Сознание имеет второстепенное значение: 1) потому, что конечные результаты действий нередко оказываются прямо противоположными желаниям и целям, к которым сознательно стремились деятели; 2) сознание всегда обусловлено определенными причинами, стало быть, не оно первоначально; 3) общественное бытие существует раньше сознания, независимо от сознания. Сознание является лишь после.

«Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим *общественное бытие*. Сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты *законы* этих изменений, показана в главном и в основном *объективная* логика этих изменений и их исторического развития... общественное бытие *независимо* от *общественного сознания* людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно-необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда. Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить *к ней* свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран»¹ (*разр. В.В. Адоратского*).

О своем материалистическом методе в применении к истории Маркс говорит следующее:

«Критическая история технологии вообще показала бы, как мало какое бы то ни было изобретение XVIII столетия принадлежит тому или иному отдельному лицу. Но до сих пор такой работы не существует. Дарвин направил интерес на историю естественной технологии, т. е. на образование растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации? И не легче ли было бы написать ее, так как, по выражению Вико,

человеческая история тем отличается от естественной истории, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами? Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса, — не критична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод. Недостатки абстрактного естественно-научного материализма, исключающего исторический процесс, обнаруживаются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы своей специальности»¹.

Отыскивать земное ядро религиозных туманных представлений — таков был метод материалиста Фейербаха. Этот метод недостаточен.

Тот метод, который Маркс называет единственно материалистическим: исходя из данных действительно существующих общественных отношений, выводить идеализированные формы этих отношений, — этот метод применял сам Маркс и его ученики.

Этим методом должен руководствоваться каждый образованный марксист.

§ 22. Доказательства правильности материалистического взгляда на общество

Мы указали выше те доводы, которые на наш взгляд вполне подтверждают правильность материалистической точки зрения.

1) Конечные результаты действий в ряде случаев оказываются прямо противоположными желаниям и целям, к которым сознательно стремились некоторые деятели.

¹ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 378, прим. 89.

Стало быть не сознание определяет строй общественных отношений.

На этом пункте особенно долго останавливаться не стоит. Он и так ясен. Если сделать беглый обзор истории человечества, мы на каждом шагу наткнемся на то, на что указывал еще Жан Жак Руссо, именно, что народ всегда стремился к свободе и счастью, но он повсюду в цепях.

Возьмите картину крупного капиталистического города, как он описан в книге Джека Лондона «Под гнетом империализма». Такой строй существует во всяком случае не согласно желаниям громадной массы людей (Джек Лондон пишет, что, по его расчетам, в Лондоне до 400 000 людей находятся в состоянии, близком к голодной смерти).

Далеко не вполне согласно также и желаниям господствующих классов идет история. Капиталистический строй неудержимо разваливается, и это совершается, конечно, вопреки желаниям, стараниям и даже сознанию господствующего класса. И он развалится так же, как развалились существовавшие раньше порядки общественных отношений.

2) Другим доводом, опровергающим идеалистов и подтверждающим правильность материалистической точки зрения, является то обстоятельство, совершенно несомненное, что общественное бытие существует раньше, чем является правильное сознание о нем.

Самым ярким примером таких отношений между людьми, общественных отношений, *которым* сплошь и рядом не соответствует сколько-нибудь полное и ясное сознание, является капиталистический строй. Как известно, при капитализме существует рынок. На нем обмениваются товары. Члены буржуазного общества считают, что отношения на рынке существуют только между вещами и этим дело ограничивается, а связи между людьми, производившими эти товары, доставлявшими их, владевшими ими, буржуа не замечают.

Общественная связь при капитализме разрослась до крайних пределов, а в то же время мало кто из членов капиталистического общества отдает себе ясный отчет в этом. В капиталистическом обществе преобладает ин-

дивидуалистическое сознание, люди воображают, что они могут жить независимо от других, что их не касается то, что происходит с другими людьми.

В буржуазном обществе, члены которого ощущают себя независимыми друг от друга индивидами, утеряно всякое сознание того, что общество прежде всего производительная организация, что цель этой организации — материальное производство. Отсутствует сознание общности, каждый склонен считать себя самодовлеющим единством. Утеряно сознание необходимости материального труда, так как умственный труд выделен в особую специальность — существует довольно многочисленный слой бездельников-паразитов, а обмен находится вне сознательного руководства людей. В этом обществе могут верить, что материальное богатство свалилось с неба, что его бог послал. О вещах как будто забывают, что они продукт труда, как будто не видят, что если кто оказался обладателем очень большого количества вещей, то могло это произойти не иначе, как путем отбирания этих вещей от их производителей. Путем каких-то сложных, на первый взгляд непонятных махинаций приплывают эти вещи в руки их обладателей, вырвавшись из рук непосредственных производителей и оставив там только скудные крохи, достаточные лишь для того, чтобы позволить этим непосредственным производителям вести самое жалкое существование.

Это отсутствие объективного сознания есть результат особенности общественного строя, так как общество товаропроизводителей устанавливает свои связи, свою общность не прямо, а косвенно, через товары. Люди в этом обществе не относятся друг к другу, как люди, как существа, объединенные общими задачами и интересами, связанные совместным трудом, который надо сделать как можно более целесообразным, богатым результатами и наилучше обеспечивающим всех членов общества.

Нет, люди относятся друг к другу, как враги, как существа, отграниченные друг от друга непримиримыми противоречиями, как индивиды, из которых каждый прежде всего думает о себе, боится за свою независимость, но которые все целиком рабы обстоятельств, оказывающихся неизмеримо сильнее людей.

Члены товарного общества имеют дело сначала с вещами, как с товарами, как с ценностями. Они чувствуют себя сначала и прежде всего товаровладельцами, а затем эти вещи вступают в отношения друг с другом, как равные ценности на рынке. И вот через посредство этой вещной формы, посредством соотношения их частных работ, как продуктов одинакового отвлеченного человеческого труда, люди приходят, наконец, в соприкосновение друг с другом. Только в этой форме и существует главным образом общественное отношение частных товаровладельцев.

Таким образом, в капиталистическом обществе масса отношений людей существует без соответственного сознания, масса общественных процессов совершается без сознательного руководства, при помощи несовершенных идей, говорящих о действительности не то, чем она является на самом деле.

Но несмотря на то, что в головах огромного большинства нет сознания, охватывающего весь процесс в целом, нет ясного сознания, что задача общества — материальное производство, — все же общественное производство и обмен идет, хотя и анархическим, бессознательным путем, и к этому процессу приспособляется сознание отдельных людей, изучающих экономический строй.

Знание и понимание этого факта дает силу и прочность позиции марксистского теоретика перед буржуазным, который этого факта не видит, не воспринимает, не понимает в силу того, что находится в сетях буржуазных понятий и не может из них выпутаться.

Несмотря на то, что в головах процветает сознание изолированности индивида и независимости его от общества, несмотря на то, что в сознании индивид противопоставляется обществу, все же человек без общества существовать не может. Целый ряд реальных общественных фактов существует вопреки тому, что сознание необходимости их отсутствует. Целый ряд общественных отношений — сотрудничества, обмена и эксплуатации существует в капиталистическом обществе, не покрываемый вполне сознанием участников этих отношений.

То обстоятельство, что капиталистическое хозяйство есть особый вид *общественного хозяйства*, причем общественная связь в нем гораздо шире, разнообразнее и прочнее, чем при прежних формах строения общества, — это обстоятельство далеко не всем вполне ясно. Не понимают этого, например, писатели-экономисты, стоящие на реакционной, мелкобуржуазной точке зрения.

«Обыкновенно противопоставляют союз крестьян данной общины или ремесленников (или кустарей) данного ремесла — капитализму, разрушающему эти связи, заменяющему их конкуренцией. Это рассуждение повторяет типичную ошибку романтизма, именно: заключение от противоречий капитализма к отрицанию в нем *высшей формы общественности*. Разве капитализм, разрушающий средневековые общинные, цеховые, артельные и т. п. связи, не ставит на их место других? Разве товарное хозяйство не есть уже *связь* между производителями, связь, устанавливаемая *рынком*? Антагонистический, полный колебаний и противоречий характер *этой связи* не дает права отрицать *ее существования*. И мы знаем, что именно развитие противоречий все сильнее и сильнее обнаруживает силу этой связи, *вынуждает* все отдельные элементы и классы общества стремиться к соединению, и притом соединению уже не в узких пределах одной общины или одного округа, а к соединению всех представителей данного класса *во всей нации* и даже в различных государствах»¹.

Лишь впоследствии толчки действительной жизни исправляют неверное сознание.

Можно привести множество примеров того, как сначала складываются отношения в обществе и только после этого люди отдают себе отчет в том, что произошло, — является сознание.

Классы сложились, их фактическое положение в производстве определилось. Но пролетариат еще долгое время остается зараженным мелкобуржуазными предубеждениями. Лишь постепенно вырабатывается настоящее пролетарское классовое сознание. Как совершался этот процесс, есть указания: у Энгельса в «Положении

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, 4 изд., стр. 192.

рабочего класса в Англии», у Маркса в «Нищете философии» и в «Коммунистическом манифесте».

Доводом в пользу правильности материалистического взгляда на историю может также служить тот факт, что мышление всегда обусловлено бытием и, следовательно, не является первоначальным.

В крепостной России существовало два типа хозяйств — оброчное и барщинное. Соответственно привычным общественным отношениям и выработалось два типа идей в головах помещиков.

Помещик, живший барщиной, считал, что город для крестьян — разврат. Крестьянин должен быть на земле помещика, чтобы производить работу на барина.

Наоборот, помещик, державший крестьян на оброке, гнал их в город.

В этом случае ясно видно, как «мышление» определяется «бытием».

Политические партии различно отвечают на все вопросы политики. Каждый ответ обусловлен классовыми интересами. В частности в 1917 г. так было и в России.

На вопрос, *надо ли крестьянам брать помещичьи земли*, ответы получились различные.

Кадеты и правее кадетов отвечали: «Ни в коем случае. Надо ждать Учредительного собрания. Шингарев уже разъяснил, что если капиталисты захватывают власть у царя, то это есть великая и славная революция, а если крестьяне отбирают земли у помещиков, то это есть самоуправство. Нужны примирительные комиссии, в которых помещиков и крестьян будет поровну, а председатели будут из чиновников, т. е. из тех же капиталистов и помещиков».

Большевики отвечали иначе: «Надо брать всю землю тотчас; устанавливать строжайший порядок через Советы кр. деп. Производство хлеба и мяса должно увеличиться: солдаты должны питаться лучше. Портить скот, орудия и пр. безусловно недопустимо»¹.

На вопрос, *как относиться к захвату власти*, что называть порядком, — ответы тоже были различны. *Правее кадетов*: «Если царь или бравый генерал захватит

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 24, 4 изд., стр. 79.

власть, то это от бога, это порядок. Остальное — анархия». *Кадеты*: «Если капиталисты захватят власть, хоть бы насилем, то это порядок. Захватить власть против капиталистов было бы анархией». *Большевики*: «Вся власть должна быть только у Советов раб. и солд., крест., батрацких и др. депутатов. Всю пропаганду, агитацию и организацию миллионов и миллионов людей надо тотчас *направить* к этой цели»¹.

Буржуа рассуждает: украсть гривенник — преступление, жить нищетой целого класса — самый справедливый, нормальный порядок; уничтожить этот порядок эксплуатации — это значит разрушить всю культуру.

Таких примеров можно привести без конца. Все они показывают, что мышление человека, его взгляды, стремления определяются теми общественными отношениями, в которых живет данный человек.

Еще материалисты XVIII века понимали, что мышление человека обусловлено тем, что человек воспринимает из окружающей его обстановки. Человек есть порождение общественной среды, тех общественных отношений, в которых он вырос, с которыми сжился. Сознание человека определяется общественными отношениями, в которых он живет, в первую очередь его классовым положением.

Для таких выдающихся личностей, как Маркс — личности гениальной, с широким кругом интересов, с исключительно восприимчивой психикой, — для такой личности «среда» и «бытие» гораздо шире узкого круга, той общественной группы, откуда он происходит.

Как правило, психика человека определяется его классовым положением. Но есть выходцы из рабочего класса, пропитанные буржуазными взглядами, сделавшиеся слугами буржуазии. Тут определяющими обстоятельствами являются: личные качества человека, общая обстановка, в которой складывается его судьба, та обстановка, в которую он попадает. Попадает рабочий в устойчивую буржуазную среду, отрывается от своего класса, буржуазные взгляды и склонности в нем воспитываются, он становится буржуазным журналистом,

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 24, 4 изд., стр. 74.

парламентарием, занимает тепленькое местечко в буржуазном обществе. Из рабочего получается буржуазный общественный деятель. Примеров можно привести достаточно. Например, англичанин Джон Бернс, бывший докер (грузчик), в конце концов буржуазный министр. Шейдеман, Эберт, Носке — бывшие рабочие, теперь же самые верные слуги буржуазии и сами насквозь буржуа.

Наоборот, лица из привилегированных классов могут уйти от своего класса при известных обстоятельствах. Личная судьба их связывается с классом революционным, и они могут явиться верными выразителями интересов пролетариата.

§ 23. Развитие взглядов на человеческую историю

Сознание человека обусловлено его бытием, строем общественных отношений, в которых живет человек.

Но чем обусловлен этот самый строй общественных отношений, который его определяет. Этот вопрос долгое время оставался неразрешенным для мыслителей, изучавших общественный строй и историю человеческих обществ.

Заслуга Маркса состоит в том, что он первый удовлетворительно ответил на этот вопрос. Он указал, что строй общественных отношений зависит от уровня развития материальных производительных сил. Общественное бытие человека складывается вопреки его воле, но сообразно с уровнем развития производительных сил общества. Г. Плеханов следующим образом изображает ход развития взглядов на человеческую историю.

«Французские материалисты, последовательно развивая свои сенсуалистические взгляды, пришли к тому выводу, что человек со всеми своими мыслями, чувствами и стремлениями составляет продукт окружающей его общественной среды. Чтобы идти дальше в применении материалистического взгляда к учению о человеке, надо было решить вопрос о том, чем же обуславливается строение общественной среды и каковы законы ее развития. Француз-

ские материалисты не умели ответить на этот вопрос, и тем самым вынуждены были изменить себе, вернуться на старую, ими столь резко осужденную *идеалистическую* точку зрения: они говорили, что среда создается «*мнением*» людей. Не довольствуясь этим поверхностным ответом, французские историки времен Реставрации поставили себе целью анализировать общественную среду. Результатом их анализа был тот чрезвычайно важный для науки вывод, что *политические конституции* коренятся в *социальных отношениях*, а социальные отношения определяются *состоянием собственности*... *от чего же зависит состояние собственности?»* (Разр. В. В. Адоратского). На это не могли ответить. Отговаривались бессодержательными фразами о свойствах человеческой природы.

«Жившие и действовавшие одновременно с ними великие идеалисты Германии — Шеллинг и Гегель — уже хорошо понимали неудовлетворительность точки зрения человеческой природы. Гегель едко подсмеивался над нею. Они понимали, что ключ к объяснению исторического движения человечества надо искать *вне* природы человека. Это было большой заслугой...» Но «надо было показать, *где же именно следует искать этого ключа*. Они искали его *в свойствах духа*, в логических законах развития *абсолютной идеи*»¹. Это в сущности возврат к точке зрения человеческой природы.

Маркс показывает, что состояние собственности, а вместе с ним и все свойство социальной среды, «определяются не свойствами абсолютного духа и не характером человеческой природы, а теми взаимными отношениями, в которые люди по необходимости становятся друг к другу, «в общественном процессе производства своей жизни», т. е. в своей борьбе за существование»².

А взаимные отношения людей по производству обуславливаются уровнем развития материальных производительных сил.

¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, 1956, стр. 634—635.

² Там же, стр. 635.

Общественные отношения *изменяются* в зависимости от развития материальных производительных сил. «Люди, развивая свои производительные силы, т. е. живя, — развивают определенные отношения друг к другу, и характер этих отношений неизбежно должен меняться вместе с преобразованием и ростом этих производительных сил».

§ 24. Что такое материальные производительные силы

Такую важную роль играют именно материальные производительные силы оттого, что для жизни человека нужен ряд материальных вещей, которые нужно выработать, создать.

Еще Сен-Симон указал, что главная цель общественного союза есть производство. *Le but de l'organisation sociale est la production.* Подавляющее большинство людей в современном обществе занято физическим трудом, участвует так или иначе в материальном производстве.

Материальные производительные силы — это не только механические двигатели, но и сам человек со своей нервной и мускульной энергией, поскольку он участвует в процессе производства.

В процессе производства непременно должно участвовать следующее: *сырые материалы*, которые человек перерабатывает; *те ранее переработанные материалы*, которые служат человеку инструментами, приспособлениями, машинами, двигателями; *те физические и химические силы*, которыми человек пользуется. Наконец в центре всего *сам человек*, во всей его целостности, физически существующий человек, с мускулами, нервами, с его знаниями и навыками, направляющий и руководящий всем делом. В результате усилий, работы является некая материальная вещь, которая и служит человеку. Таков процесс производства. Если в нем отсутствует хоть один элемент — процесс не может состояться.

В своем анализе процесса производства в первом томе «Капитала» Маркс разделяет необходимые элементы производства на две группы: рабочая сила и средства производства.

«Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости»¹.

Кроме этой рабочей силы, нужны еще *средства производства*. Под этим подразумеваются сырые материалы, инструменты и т. д.

В результате соединения этих двух элементов — рабочей силы и средств производства, получается процесс производства, в конце которого появляется предмет, имеющий потребительную стоимость, приготовленный для удовлетворения какой-нибудь человеческой потребности.

«Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд — как производительный труд»².

Так как предмет, получившийся в результате производственного процесса, материальный, то и силы, действовавшие в этом процессе, были материальными.

Говоря в предисловии «К критике политической экономии» о материальных производительных силах, Маркс именно и стоял на точке зрения результата производства, производства именно материального предмета, — потому и силы, производящие этот предмет, он называет материальными.

Под словами материальные производительные силы Маркс понимал не одни только машины и инструменты — для этого у Маркса было определенное название — средства производства. Если бы речь шла только об этом, не надо было бы выдумывать новый термин.

Маркс ясно говорит о материальных *силах* производства. Средства производства — пассивный элемент. Рабочая сила — активный элемент. Все вместе соединенное составляет производительные силы, которые

¹ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 173—174.

² Там же, стр. 188.

вполне материальны, так как перерабатывают материю и в результате создают материальные вещи.

Некоторых может смутить то обстоятельство, что к материальным силам причисляется и психика человека. Это обычный предрассудок непоследовательного недиалектического мышления, которое не умеет свести концы с концами. Нет противоположности между душой и телом. Дух без материи не может существовать. Дух это мыслящая материя. Если мы имеем дело с человеком, то нужно брать его со всеми его качествами, а следовательно и с его способностью мыслить, с его психикой, которая неотделима от человека, ибо дух без тела не существует.

С другой стороны, без психической деятельности невозможно существование человека. Без деятельности психики человек не только поест, но даже и переварить пищу не может. Ни одна функция живого человеческого организма не отправляется без участия нервной системы. Высшая умственная деятельность есть деятельность особых нервных центров головного мозга.

Та часть психики, которая участвует в производительной деятельности, развилась под влиянием той естественной среды, в которой действовал человек. Содержание этих представлений человека должно всегда строго соответствовать порядку и причинности, господствующей в природе, находящейся вне человека. Только тогда производительная деятельность может быть успешной. Производящий человек на практике всегда неисправимый материалист. Эта часть представлений никогда не теряет и не теряла сознания связи с той материей, которую ей приходится познавать и перерабатывать. Это правильные идеи, а не извращенная идеология.

Но и самые абстрактные представления, самые идеалистические бредни есть результат мозговой деятельности человека и возникают, порождаемые определенными причинами. Теперь, однако, эта часть психики нас пока не интересует, мы рассмотрим ее ниже.

Сейчас нам интересна та часть представлений и психических навыков человека, которая играет роль в производстве.

Научное теоретическое мышление, поскольку оно играет роль в процессе материального производства, входит неизменным членом в состав материальных производительных сил.

На вопрос, кто же делает историю — надо ответить, что историю делают сами люди, но делают они ее до сих пор не как сознательные деятели по плану, выработанному заранее, а как трудящиеся, занимающиеся производством, перерабатывая обществами материю, производя вещи, необходимые для жизни людей, вырабатывая технику производства. В их руках оказываются определенные производительные силы. Сообразно состоянию этих сил складываются общественные отношения людей. Сообразно строю общественных отношений вырабатывается сознание людей и совершается то, что называют историей человеческого общества. Изменяя природу, человек изменяет и самого себя. Процесс жизни общества — процесс весьма сложный. Как он происходит, надо основательно изучать в каждом отдельном случае.

«Люди не свободны в выборе *своих производительных сил*, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше развились производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения. Отсюда необходимый вывод: общественная история людей есть всегда лишь история

их индивидуального развития, сознают ли они это, или нет. Их материальные отношения образуют основу всех их отношений. Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность»¹.

В письме к Ф. А. Ланге Энгельс писал о производительных силах следующее: «те же самые силы, которые создали современное буржуазное общество — паровая машина, современное машинное производство, массовая колонизация, железные дороги и пароходы, мировая торговля — и которые теперь благодаря непрерывно повторяющимся торговым кризисам уже работают над его разрушением и над его окончательным уничтожением, — что эти средства производства и обмена будут также вполне достаточны для того, чтобы в течение короткого времени превратить все соотношение в противоположное и настолько поднять производительную силу каждого отдельного человека, что он сможет производить достаточное количество для потребления двух, трех, четырех, пяти, шести человек; что городская промышленность сможет обойтись без достаточного количества людей для того, чтобы направить в сельское хозяйство совсем иные силы, чем это было до сих пор; что теперь, наконец, наука сможет быть применена в сельском хозяйстве в массовом масштабе и с той же последовательностью, как и в промышленности; что эксплуатацию областей Юго-Восточной Европы и Западной Америки, неисчерпаемо плодородных, удобренных самой природой, можно будет производить в грандиозных размерах, совсем иначе, чем это делалось до сих пор»².

§ 25. Уровень развития материальных производительных сил обуславливает строй общественных отношений

Первобытный коммунизм, отсутствие неравенства, невозможность эксплуатации объясняется ничтожной производительностью труда, отсутствием излишков, ко-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 423—424.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 172—173.

торые можно было бы отбирать у непосредственного производителя, оставляя ему достаточное количество продуктов труда, необходимых для поддержания его жизни.

Под влиянием развития производительных сил, с переходом к земледелию и оседлости первоначальная общность имущества исчезает. Зарождается обмен, частная собственность на орудия производства, неравенство, эксплуатация.

После разложения первобытных коммунистических общин, образования частной собственности на средства производства и классов — рост материальных производительных сил сопровождается классовой борьбой и революциями. Без насильственных переворотов в обществе производительные силы не могут развиваться.

В истории человечества типы отношений эксплуатации соответствовали уровню развития производительных сил. Рабство было результатом роста производительных сил и в то же время результатом недостаточного их развития. В древнем Риме конкуренция крупных рабских хозяйств побивала свободный труд мелкого ремесленника благодаря неразвитости техники. Ремесленник не мог повышать производительность своего труда повышенной техникой, а с нечеловеческой эксплуатацией рабского труда он не мог конкурировать. Крушение крупного рабского хозяйства в Риме произошло в силу ряда причин — главная: рабы не могли плодиться и таким образом не пополнялся запас рабов новыми силами. У рабов не было семьи и владения.

В конце римской истории наблюдается переход к системе крепостнических отношений — колонат. У крепостных семья и владение. Кабальные отношения складываются так, что рабочий люд мог плодиться.

В обществе с развитой современной техникой судьбы рабского хозяйства были совсем иные.

Развитие ремесел в городах привело к оживлению обмена и развитию производства для рынка. Обмен внутри общины развился благодаря развитию материальных производительных сил. Сложившиеся отношения мелкобуржуазного общества дали рамки, в которых техника производства могла получать новое развитие.

Частная собственность на средства производства способствовала ускоренному росту техники.

Развитие производительных сил в мелкобуржуазном обществе создает основу для крупной капиталистической промышленности. Конкуренция благоприятна развитию производства. Промышленный капитал взрывает остатки средневекового общественного строя, развивается современное капиталистическое общество. Рабские и крепостнические отношения становятся невозможными при машинном производстве. Распоряжение всем материальным производством попадает в руки крупного капитала. Капиталистическая конкуренция вызывает громадный рост материальных производительных сил.

По мере того как в рамках капиталистического строя развиваются могучие производительные силы, они начинают перерастать эти общественные отношения, им становится узко и тесно в рамках общества торгашей и частных товаропроизводителей.

Растет самосознание рабочего класса, господство корыстной буржуазии становится невозможным, необходимо в интересах сохранения человеческого общежития и спасения культуры организовать общественное производство.

На основе огромного развития материальных производительных сил возможна организация современного коммунистического общества с отменой холопской иерархии людей при разделении труда, возможно устранение противоположности между физическим и умственным трудом.

Из этого краткого обзора мы видим, как строй общественных отношений изменялся под влиянием уровня материальных производительных сил.

Кратко можно формулировать ход развития материальных производительных сил так:

По причине низкого уровня развития производительных сил, в течение всего дня продолжался необходимый труд, — эксплуатации не было.

Техника усовершенствовалась, производительность повысилась, появились некоторые излишки. Барин стал выколачивать их палкой.

Дальше усовершенствовалась техника, и «свободный» рабочий, загоняемый голодом на фабрику, стал создавать прибавочную стоимость для капиталиста. Образовалось отношение наемного рабства.

Накопляя массы прибавочной стоимости, капиталисты выращивали производительные силы. При дальнейшем развитии современной техники можно сократить необходимое время до минимума и необходимость эксплуатации отпадает. Такое развитие техники может произойти лишь при условии, что пролетариат овладеет политической властью.

§ 26. Диалектический метод в применении к основному вопросу о человеческом обществе

Люди, трудясь, перерабатывают вещи, взятые ими из природы и создают свою культуру. Перерабатывая природу, люди косвенным образом влияют и на себя.

Сообразно степени развития материальной культуры, материальных производительных сил, складываются общественные отношения человеческого общества, строй общества. Так своей общественной производительной деятельностью люди обуславливают строй общественных отношений. Общественные отношения, общественная среда, в которой человек живет, определяют сознание человека. Таким образом люди сами, своими руками делают свою историю, но как существа трудящиеся, бессознательно.

Сознательно руководить процессом своего общественного развития люди до сих пор не могли. Самая важная сторона общественной деятельности человека — общественное материальное производство, идет вне сознательного руководства.

Отдельные факторы производства, без соединения которых процесс производства немыслим, отделены друг от друга и противостоят друг другу в виде общественных классов с противоречивыми интересами.

Человечеству необходимо подчинить сознательному руководству весь общественный производительный процесс.

Чтобы быть в состоянии перестроить общественное бытие, сознательно на него влиять, необходимо познать его научно, понять законы его развития, создать понятия об общественных отношениях, соответствующие объективной действительности. Препятствием к правильному пониманию общественной действительности является в значительной мере так называемое идеологическое сознание.

«А, вот как!» — воскликнет идеалист, — «Вы сами говорите, что на общество можно сознательно влиять. При социализме значит будет такой порядок, где строй общественных отношений будет определяться сознанием людей, и весь ваш материализм, следовательно, идет к черту».

Если бы кто-нибудь возразил нам так, то он обнаружил бы полное непонимание диалектического материализма. Материализм не отрицает сознания, умственной деятельности человека, он только ее объясняет. В сознательном руководстве человеческим общественным производственным процессом идеализма не больше, чем в сознательном выращивании капусты огородником. И там и тут человеческая деятельность достигает результатов, направляя познанные законы природы. Узнал человек, как надо выращивать капустную рассаду — и стал получать прекрасную капусту. Знание это он получил, воспитанный природой. Так и история человечества воспитала в человеческом обществе такой класс, который учится понимать, что организовать по плану товарищеское крупное, общественное производство лучше, чем грызть друг другу горло в остервенелой конкуренции и кряхтеть под прессом жестокой эксплуатации.

Это только для метафизика дух и материя разделены непроходимой пропастью. Для идеалиста-метафизика дух — это область свободы, материя же в цепях причинности. В действительности дух, или человеческое сознание, самым нераздельным образом связан с материей, без физически существующего человека не может быть никакого человеческого сознания. Свобода не может существовать без необходимости, и на многих примерах можно видеть неразрывную связь этих противоположностей и переход одной в другую.

Свобода без необходимости не может существовать. Если свобода есть полная противоположность необходимости, если только тогда человек может считаться свободным, когда он в своих желаниях не руководится никакой закономерностью, — тогда невозможна была бы вообще никакая деятельность. Все другие люди, столь же свободные, поступали бы так же, так что нельзя было бы учесть и предвидеть их поступки. Осуществить при таких условиях свою волю было бы невозможно. Следовательно, такое понятие о свободе есть пустая абстракция невышколенного действительностью ума. Это вздорное представление разрушается под действием самой легкой критики. Это в сущности пустая выдумка взбесившегося рабовладельца, воображающего, что во всем мире только он один может желать, только одна его воля и существует.

Только тогда я смогу осуществить свою волю, проявить свою свободную деятельность и достичь каких-либо результатов, когда я сумею заставить и других людей служить моим целям. Это возможно лишь при том условии, если воля других людей определяется какой-нибудь последовательностью, какой-нибудь закономерностью, какой-нибудь необходимостью. Тогда, познав эту необходимость, я сумею привлечь других людей как сотрудников. Свобода оказывается неразрывно связанной с необходимостью. *Свобода есть познанная необходимость.* В основе всякой свободной целесообразной деятельности человека лежит познание законов необходимости, законов природы или общества.

Человек хочет развести огород. У него получится что-нибудь только в том случае, если он будет действовать правильно, на основании опыта, как учит природа. Он должен соответствующим образом удобрить и приготовить землю, вовремя посадить семена или высадки, поливать — словом, действовать согласно с познанной необходимостью.

Первобытный человек, до открытия им полезных свойств огня и умения добывать его и обращаться с ним, мог обитать только в теплых поясах земли. Познание физических законов, т. е. той необходимости, на основании которой живет и движется природа, например,

открытие огня, дало человеческому роду возможность расселиться по всей земле. Увеличилась свобода человека. Таково всякое открытие в области техники. Открыл человек беспроволочный телеграф и стал в известной степени свободнее. Построил аэроплан и стал летать. Все это и многое другое удалось ему сделать на основании познания законов природы, на основании познания той естественной необходимости, которая лежит в основе всех явлений. Таким образом, мы видим, как необходимость переходит в свободу.

Свобода переходит в необходимость. В России империалисты господствовали и были свободны в преследовании своих целей. Они хотели овладеть Константинополем и сознательно вели дело к войне, как это показывают документы архива бывшего министра иностранных дел. Но империалисты не получили Константинополя, а революционная волна вышвырнула их из пределов России и свела к жалкой роли прихлебателей западного империализма. Их свобода сменилась для них очень неприятной необходимостью обивать пороги английских и французских министерств. Свобода перешла в необходимость.

Обратно: необходимость переходит в свободу. Рабочий в капиталистическом строе — в тисках нужды и в каторжной работе. Перед ним жестокая необходимость продавать свою рабочую силу, идти в кабалу капиталиста или умирать с голода. Но развитие капитализма и классовая борьба воспитывает пролетариат. Растет его численность, самосознание, организованность. Он борется за свои цели и в настоящее время близок к тому, чтобы завоевать себе свободу: несмотря на отчаянное сопротивление эксплуататоров, построить общество трудящихся. Тут, наоборот, мы присутствуем при процессе перехода необходимости в свободу.

§ 27. Об идеологиях

Материалистический взгляд на человеческое общество учит главное внимание обращать на их материальное бытие, на действительные отношения, существующие между людьми. При изучении идеологий надо все

время помнить, что одно дело фактические отношения между людьми, как они существуют в объективной действительности, другое дело отражение этих отношений в сознании людей. Изучая идеологии, надо исходить из первого, — из действительных отношений, а отражение этих отношений в сознании не смешивать с этой объективной действительностью.

Идеологии надо противопоставить факты, объективную материальную действительность. Наука стремится изучить эту материальную действительность, она *сознательно* стремится наиболее полно и точно отразить эту действительность. Для истинной науки центр тяжести лежит не в субъективном сознании человека, а в объекте изучения. К этому объекту и надо приспособить свое мышление. Этим сознательным стремлением наука и отличается от оторванной от материальной действительности идеологии, потерявшей сознание о связи с материальной действительностью. Мышление человека развивалось постепенно. В сознании людей получает свое отражение окружающий их мир природы и их общественных отношений. Производительная деятельность людей, их воздействие на природу в целях переработки ее и приспособления ее для их целей — эта сторона деятельности людей является прочной основой теоретического научного познания объекта. Без правильного познания, без представлений, которые в общем правильно отражают материальную действительность, невозможна плодотворная производительная деятельность. На этой почве развивается познание природы, открываются законы естествознания. Это твердая почва, на которой покоятся материалистические взгляды.

Что отражение объекта в головах людей в общем правильно, что слишком уж больших нелепостей в их воззрениях нет, — лучшим доказательством этого является то, что человеческий род существует. Прежде чем размышлять, человек действовал. В той же цепи явлений, которую представляет собой бытие людей, их мысли играют известную весьма существенную роль. Правильность, предметность этих отражений действительности доказывается практикой.

Но кроме этого «предметного» сознания, проверяемого и исправляемого практикой, существует еще «идеологическое» воззрение, неправильно, в перевернутом виде отражающее действительность.

Идеологическое мышление считает порождения человеческой головы самостоятельными сущностями, которые существуют независимо от материальной действительности, развиваются из самих себя и подчиняются своим собственным законам. «Тот факт, что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот мыслительный процесс, в конечном счете определяют собой его ход, остается неизбежно у этих людей неосознанным, ибо иначе пришел бы конец всей идеологии»¹.

В письме Мерингу от 14 июля 1893 г. Энгельс говорит об идеологическом мышлении: «Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах»².

«Отражение экономических отношений в виде правовых принципов точно так же необходимо ставит эти отношения на голову. Это отражение совершается так, что этот процесс не доходит до сознания действующего; юрист воображает, что действует априорными положениями, а это всего лишь экономические отражения. Таким образом, все стоит на голове. А что это извращение, создающее, пока оно еще не раскрыто, то, что мы называем *идеологическим воззрением*, в свою очередь оказывает обратное действие на экономическую основу и может ее в известных пределах изменить, — это мне кажется само собой разумеющимся» (письмо Энгельса Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г.)³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 378.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 462.

³ Там же, стр. 428—429.

Что же является причиной этого «идеологического воззрения»? Что лежит в основе воззрений, выдвигающих на первый план «дух»?

В рукописи «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс писали:

«Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного»¹.

Общественные отношения, основанные на эксплуатации, способствуют укреплению идеологического мышления. Отделение умственного труда от физического укрепляет своеобразное представление о том, что мышление является первоначальным, что оно является первопричиной. Умственный труд, размышление о судьбах человечества, занятия историей — все это было делом людей, освобожденных от непосредственного физического труда. На почве эксплуататорского строя ошибки мысли и идеалистические бредни развиваются и расцветают пышным цветом. Оторванные от реальной действительности классы, лишённые здорового воздействия физического труда, оторванные от воспитывающего влияния природы, смогли развивать самые разнообразные извращённые идеалистические представления.

В предисловии «К критике политической экономии» Маркс перечислил важнейшие идеологические формы сознания.

«При рассмотрении таких переворотов, — писал там Маркс, — необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, 2 изд., стр. 30.

на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию»¹. Вот каковы главнейшие идеологии.

При идеологическом воззрении целый ряд человеческих мыслей принимает характер самостоятельных сущностей. Идеи права, справедливости, красоты, абсолютной истины, бога и т. д. кажутся самостоятельно существующими сущностями, обретающимися где-то в сверхъестественном мире и оказывающими определяющее влияние на действительность.

Диалектический материализм указывает путь, как надо разрушить представления об этих самостоятельных сверхчувственных сущностях, показав их происхождение и вскрыв, что под ними кроется.

«Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого», — писали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»².

Всякий, желающий понять сущность научного коммунизма, должен, овладев методом диалектического материализма, произвести радикальный пересмотр всего своего идейного багажа, подвергнуть критике все идеологические представления, изучить историческое развитие мышления и отдельных идеологий, сознательно отнестись к процессу мышления, определить все его значение, не преуменьшая и не преувеличивая его, и научиться безжалостно отбрасывать все представления, пришедшие в несоответствие с фактами действительности, понятыми в их не воображаемой, а действительной связи. Одним словом, научиться научному теоретическому мышлению.

Рассмотрим же теперь отдельные идеологии. Остановимся подробнее на разборе религиозных, нравственных, правовых, политических и философских воззрений.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, 2 изд., стр. 7.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 446.

Из более внимательного рассмотрения их станет ясно, что:

1) все эти идеологические воззрения не остаются неизменными, а непрерывно меняются и

2) что изменения эти всегда вызывались в конечном счете изменениями материальных условий существования того общества, в котором эти идеи зарождались и существовали.

Это важно заметить, потому что если это так, — а это несомненно так, — то тех неизменных самостоятельных сущностей, в которые верит идеолог, не существует.

При изучении идеологий надо уметь всегда видеть за представлениями и фразами — ту материальную действительность, которая получает в сознании людей определенное отражение. Надо всегда уметь видеть действительные отношения общественной жизни людей и из них выводить соответствующие им идеологические формы.

§ 28. Развитие религиозной идеологии

Религия — это одна из идеологий.

При идеологическом мышлении, как уже сказано было выше, порождения человеческого мозга кажутся независимыми и самостоятельными сущностями. В такой примитивной и грубой идеологии, как религия, мысль человека принимает даже форму существа — бога.

Сверхчувственная субстанция, выработанная в религиозной идеологии и кажущаяся самостоятельно существующей — это бог.

Религия — это вера в бога и в потусторонний мир, недоступный обычному восприятию человека. Частью этого «нездешнего» мира является душа человека. Религия объясняет непостижимые, непонятные силы, от которых человек чувствует себя зависимым. Плеханов определяет религию как более или менее стройную систему идей, настроений и действий. Идеи — это мифология, настроения — это религиозное чувство, действия — это культ.

Религиозные представления определяются особенно стилями мышления, развивающегося естественным путем. Религиозные идеи отражают на себе изменения общест-

венного бытия человека, так как мышление определяется бытием.

Идеи, рожденные в невежественной голове дикаря, изменяются и приспособляются к дальнейшим изменениям быта. Сначала человек стоит перед решением загадок природы. В дальнейшем развитии религиозных представлений проявляется потребность решать общественные вопросы.

Когда религии еще не было, у человека выработалось постепенно понятие о душе, как об особом существе, отличном от тела, одухотворяющем, оживляющем, приводящем тело в действие. Если это существо присутствует в теле человека, человек живет и движется. Душа отсутствует — человек без движения. Таким образом, первобытная теория жизни объясняет душой, ее присутствием и отсутствием ряд явлений, как, например, сон, смерть. Душа объясняет не только жизнь человека и живых существ, но и является вообще универсальным объяснением, универсальной теорией причинности для первобытного сознания.

Создается так называемый первобытный анимизм: воззрение, по которому все предметы, явления, силы природы имеют свою душу.

Душа сначала не бессмертна. Она лишь живет дольше тела. Бессмертие души — позднейшее изобретение.

Чтобы воздействовать на духов, у первобытного человека вырабатывается ряд правил и приемов, так называемая магия. В первобытном обществе очень видную роль играет шаман, духовное лицо, умеющее влиять на духов.

Самая древняя форма религии — почитание мертвых. Принимаются меры, чтобы оградить себя от вредного влияния злых сил. Мифологии еще почти вовсе нет — культ совсем еще не развитый.

Дальнейшей ступенью развития религиозных представлений является культ предков. Эта ступень указывает на существование уже известной организации рода.

Весь быт первобытного человека, положение его в природе, низкий уровень развития производительных сил

кладут отпечаток на религиозные представления. Очень древней формой религии является обоготворение зверей — тотемизм, почитание божественного предка — зверя. Человечество при слабом развитии культуры не далеко ушло от остальных животных. Зверь кажется могущественным существом. Следы таких представлений сохранились в русских народных сказках. Следы тотемизма очень распространены: священные животные евангелистов, голубь — святой дух, святые с головами зверей (боги египтян с головами кошек, крокодилов, ибисов, львиц и т. д.) — все это не что иное, как остатки древнего культа зверей. У каждого народа в его верованиях сохранились следы почитания зверей.

Мифы первобытных людей рассказывают о происхождении мира, а не о создании его. Причина — видимо, слабое развитие производительных сил, малая власть над природой. Человек, который живет больше добыванием того, что существует в природе, в готовом виде, не может еще создать себе представления о созидательной силе.

Строй общественных отношений определяет свойства божества. При родовом быте богов-родоначальников много, каждый род имеет своего божественного предка. Они не отрицают друг друга. Между ними господствует мир или война, в зависимости от отношений данных родов. Переход к оседлому земледелию отражается на религиозных представлениях тем, что в роли богов вместо предков начинают выступать обожествленные силы природы.

Власть людей над природой увеличилась, человечество возвысилось над остальным животным миром, боги принимают человеческий облик, так как человек с развитием техники возвышается над остальным животным миром, становится высшим существом. Многобожие земледельцев объясняется потребностью объяснить разнообразные явления природы, связь которых между собой еще не ясна.

Божества крестьян-земледельцев материальны. Типичными религиями земледельцев (политеизм) являются: браманизм, религия греков и римлян, средневеко-

вое католичество и православие с бесчисленным пантеоном богов, полубогов, героев, святых, ангелов и пр.

Разработкой понятия божества и выработкой более абстрактного представления занимаются жрецы. Выработка более отвлеченного представления о божестве идет рука об руку с развитием эксплуатации, разделения труда, обмена и городской жизни.

С развитием буржуазных отношений разрывается связь рода, начинает вырабатываться индивидуализм. Разрушением прежних форм общегития и возникновением новой своеобразной общественной связи через рынок, через товары объясняется то, что отдельная личность в чужой среде ищет поддержки и опоры в личном отвлеченном существе. Создается почва для мистицизма.

С другой стороны, расширение связи между обществами через торговлю и действие непонятных общественных сил, развитие национального объединения и стремление торгового капитала распространять свое влияние — все это создает благоприятную почву для выработки идеи о едином человечестве и едином боге, перед которым все люди равны, как на рынке все товары равны. Каждый народ, в среде которого зарождается стремящаяся к распространению буржуазия, является благоприятной почвой для развития новой религии. Буржуазия этого народа начинает выдвигать свой народ, как избранный народ, своего бога объявляет единственно истинным богом.

«Для общества товаропроизводителей, характерное общественно-производственное отношение которого состоит в том, что продукты труда являются здесь для них товарами, т. е. стоимостями, и что отдельные частные работы относятся друг к другу в этой вещной форме как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.»¹.

В разрушающемся рабском обществе выработалось христианское движение, искавшее в организации потре-

¹ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 85.

бительских коммун выхода из невыносимого положения, — это было движение разорившихся крестьян, городских нищих, рабов и пр.

Католическое средневековое христианство было религией феодального общества.

Это средневековое христианство реформировалось вместе с развитием буржуазных отношений, оно приспособилось к ним.

Католичество контрреформации — это новая религия, приспособленная к потребностям буржуазного общества. Это католичество сильно отличается от средневекового.

С разрушением буржуазного общества исчезает всякая почва для религии. Понятия о боге, о душе, о потустороннем мире, сложившиеся при первобытном мышлении, разрушаются научным мышлением. Естествознание дает научное объяснение явлениям природы, вскрывает причинность всех явлений и устраняет бога из природы. Диалектический материализм, объясняющий все загадки общества и выводящий человеческие идеи из чисто материальных причин, устраняет идею бога из области обществоведения.

Указан и объяснен путь эксплуатации крестьян и рабочих. Указан смысл классовой борьбы, происхождения кризисов, войны и других общественных бедствий.

Идея бога нужна только эксплуататорам. Отрицать загробную жизнь — это значит требовать справедливости сейчас же. Вот как оценивал религию Наполеон I: «Что касается до меня, в учениях христианской церкви я вижу не таинство воплощения, а таинство общественного порядка; религия переносит на небо идею равенства и это позволяет богатым жить, не опасаясь, что бедные их истребят...

Общество не может существовать без неравенства состояний, неравенство же состояний — без религии. Когда один человек умирает с голоду рядом с другим, который утопает в роскоши, то ему невозможно с этим примириться, если нет авторитета, вещающего: такова небесная воля, на земле подобает быть бедным и богатым, но в загробном мире, в вечности блага будут распределены иначе».

Рабочему классу не нужна идея бога, так как он не нуждается в утешении и усыплении. Помочь себе он может только самодеятельностью. Пролетариат овладеет всем процессом производства, покорит сознательному руководству все общественные силы и создаст здесь на земле достойную человека жизнь, и мышление человека очистится от первобытных дикарских идей.

«Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства жизни, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собою естественно выросший продукт длинного и мучительного процесса развития»¹.

Таким образом, бог в своем развитии пережил удивительную, полную всяких превращений и приключений, карьеру. Вызванный к жизни анимистическими представлениями, бог сначала дробится на бесконечное количество духов, враждебных или дружественных человеку. Тут и мертвецы, и животные, игравшие почему-либо роль в жизни человека (тотемизм), и неодушевленные предметы, для дикаря вовсе не являвшиеся таковыми (фетишизм).

Один из древнейших видов бога — тотем — почти всегда зверь. Он родоначальник данного рода и имеет значение только для него. Тотемов много, они иногда враждуют между собой (когда дерутся их потомки), но они и не думают отрицать друг друга, никогда не доходят до такой степени неделикатности, чтобы отрицать своего коллегу, тотема другого племени, как это делает такой воинственный и жадный бог, как еврейский, магометан-

¹ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 86.

ский или христианский. Но с течением времени добрый старый бог-зверь начинает совлекать с себя звериную шкуру, он становится человеком, и только изредка на нем или около него остается след его прежнего образа в виде какой-нибудь песьей головы или священного животного. Однако превратившись в человека, бог еще далеко не становится человеческим, совсем наоборот, его душевные качества становятся более зверскими, он становится решительно кровожаден и нетерпим. Такой бог-человек, забывший свое прошлое звериное благодушие, начинает претендовать на единодержавие и часто действительно добивается его. В полном расцвете своих сил и в упоении своей властью он топчет народы, «как виноград в точиле», и кровь льется, как вино. Такой бог является знаменем для массовых завоевательных движений, что мы видим и в воинственном исламе и в лицемерном христианстве.

Но с появлением на сцену нового способа производства — буржуазного — этот бог бледнеет и теряет все свои живые качества. В рационалистической теологии его фигура теряет свой брызжущий здоровьем, чувственный образ, худеет, одухотворяется, принимает вид тени, его положительные качества превращаются в отрицательные.

С появлением деизма богу приходится совсем плохо. Он, можно сказать, испаряется совсем, становится какой-то старинной торжественной ненужностью, излишним привеском, пятым колесом в телеге или чем-то вроде короля в английской конституции.

Но он все еще сохраняет личность. Как и король, он получает кое-что на свои личные потребности, и если он и не всемогущ, а связан конституцией, т. е. законами природы (чудо деизм изгоняет), то, по крайней мере, может вести почтенное и приличное своему сану существование.

Но с появлением пантеистов и это последнее достоинство у бога хотят отнять. Как он ни цепляется за свою личность, но и ее у него победоносно вырывают и от него остается только какое-то абстрактное представление, проявляющееся то в виде самосознания, то в виде субстанции.

Как бы то ни было, но все же тут есть хоть призрак существования. Однако параллельно с этими направлениями, так жестоко мучащими, распластывающими, обрезающими, извлекающими, опустошающими и абстрагирующими, идут самые страшные люди — это люди совершенно все отрицающие — так называемые материалисты. А самый страшный из них — новейший материалист Маркс, так основательно знакомый с философией, прошедший такую школу, который так больно режет и потрошит, добирается до самых последних внутренностей и обнаруживает, что все это только простые предрассудки, и который готов каждую минуту пожертвовать безжалостно любым идеалистическим предрассудком.

Тогда уже, видимо, жизнь кончена, и бог оказался бы совершенно выставленным за двери, если бы ему не сохранилось еще место во всех головах, зараженных темнотой, в понятиях всех невежественных людей, живущих еще под властью традиционных идей, не натолкнутых еще жизнью на их критику, или уже критикующих, но не могущих еще справиться с подобными идеями. Сохранилось также теплое местечко для бога и в сердцах всех эксплуататоров и паразитов, намеревающихся еще долго повластвовать, обслуживая себя разными средствами, а между ними и этим средством, богом и религией. Религия — это превосходное средство власти, это крючок, запущенный в самое «нутро» подвластного. Религия такое дьявольское средство, что с помощью его можно сделать человека врагом, полицейским и палачом самых близких своих и даже врагом самого себя. Маркс совершенно правильно назвал религию «опиумом народа»¹.

Но все же там, где приют этому отживающему представлению — богу уготован не своекорыстными интересами, а только темнотой и привычными формами мышления, там везде сам жизненный процесс безжалостно разрушает всякий предрассудок. И это орудие власти, как и все остальные, должно рано или поздно изменить эксплуататорам.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, 2 изд., стр. 415.

§ 29. О нравственности

У каждого человека имеются те или иные понятия о дурном и хорошем, имеется нравственное чувство, подсказывающее ему, что надо делать и чего делать не следует.

Согласно буржуазной идеологии дело представляется так, что вообще существует определенный для всех времен и для всех людей обязательный кодекс нравственности, есть где-то выше всего находящаяся идея добра, к которой, как к идеалу, приближаются нравственные воззрения духовно несовершенных людей.

Если разобрать действительное содержание нравственных правил моралиста, стоящего на такой точке зрения, то окажется, что его нравственные понятия приспособлены к буржуазным отношениям. Это нравственность буржуазии, так как она порождена тем строем, в котором человек живет, а современное общество все еще продолжает сохранять буржуазные отношения.

В обществе, разделенном на классы, не может быть общечеловеческой надклассовой нравственности. «Люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых происходят производство и обмен»¹. Нравственные воззрения меняются вместе с изменением общественного строя. В классовом обществе нравственность у различных групп различная. Нравственность может быть там только нравственностью класса. Идеологическое понимание нравственности, затемняющее ясность классового сознания пролетариата, очень вредно. Оно подчиняет на деле пролетариат буржуазии. Примером того, как человек, не освободившийся от идеологических представлений, неизбежно выражает нравственные принципы буржуазии, может быть Фейербах².

¹ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 88.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1953, стр. 358—365.

Чтобы убедиться, что нравственные понятия обусловлены строем общества, надо только внимательно отнестись к истории развития нравственных понятий.

Лафарг в своей очень интересной статье о развитии нравственности изображает ход развития нравственности следующим образом.

Он начинает свое исследование с того момента, когда сложился так называемый *героический нравственный идеал*. Он стал складываться в период первобытного родового быта и был в полной силе в период варварства. Идеалом героической нравственности была храбрость, физическая сила и выносливость. Худшим пороком считалась трусость. Почему это было так, станет понятно, если вспомнить, что первобытным людям приходилось быть в вечной войне между племенами и в борьбе с природой, со зверями и т. д. Программа всего морального и физического воспитания варвара состояла:

- 1) в развитии физической силы и выносливости,
- 2) в подготовке человека к войне,
- 3) в развитии стойкости при перенесении страданий.

С развитием производительных сил общества, с тех пор как люди стали заниматься скотоводством и первобытным земледелием, род стал разлагаться, стала выделяться родовая знать. Обогащение через войну считалось вполне естественным. По римскому праву, например, сын семейства был подчинен отцу и не имел права иметь своего личного имущества, но то имущество, которое он приобрел на войне (оно называлось *resulium castrense* — лагерное имущество), считалось его личной собственностью.

Главным путем накопления богатств в этот период человеческой истории была война и личная храбрость.

Тот, кто обладал имуществом, — стадами, землей, тому приходилось защищать их с оружием в руках.

Это было время, когда нельзя было представить собственника без воинственных свойств. Все равно, как теперь нельзя себе представить директора рудников без организаторской способности и без различных научных знаний.

Родовая аристократия монополизировала за собой храбрость и защиту отечества. Фукидид рассказывает,

что правители Спарты перебили 2000 илотов (низший слой населения) за то, что те обнаружили чрезмерную храбрость. Богатые сами шли сражаться. Это считалось тогда так же естественным, как теперь буржуа считает естественным посылать на войну рабочих. Так как храбрость и другие качества, которые считались хорошими, были тесно связаны с богатством, то богатство и обозначалось как раз тем словом, которым обозначалась добродетель. С этим явлением мы встречаемся во всех почти языках. По-русски добро означает имущество и нравственное качество, по-латыни — bonus сильный, добрый, храбрый, bona — богатство. По-немецки gut означает добрый и материальные блага и т. д.

Когда стал развиваться обмен, разрослись торговля, ремесла, явился новый путь обогащения. Но любопытно отметить, что новая аристократия сначала приспособлялась к старой. Она воспринимала старый героический идеал и принимала участие в войне лично.

Разложение героического нравственного идеала. Дальнейшее развитие торговли привело к тому, что исчезла связь между богатством и теми качествами, которые раньше считались идеальными. Лафарг в своем изложении имеет в виду частный случай, как это происходило в Греции. Но этот ход дела характерен. По словам Аристотеля, богатство, перестав быть наградой за добродетель, освобождало от обязанности быть добродетельным. Дело защиты имущества постепенно перешло в руки наемного войска. Экономические явления и порожденная ими классовая борьба совершенно перевернули те условия жизни, в которых сложился героический идеал.

Строй хозяйства изменил военное дело. Пиратство и разбой стали затруднительными, благодаря укреплению городов. Торговля развилась, были основаны колонии, и торговый класс приморских городов стал заботиться о полиции морей, об охране грузов от пиратов.

Военная техника изменилась. Прежде у греков времен Гомера, как у скандинавов VIII—IX вв., были небольшие корабли, вмещающие от 50 до 120 человек. Эти люди сами гребли, а затем на суше являлись воинами. Коринфяне усовершенствовали постройку судов,

появились специальные гребцы и наемные матросы. Битвы стали даваться не только на суше, но и на море. Во флот стали нанимать сначала для сражения, а потом и для военной службы. Вслед за этим появились наемные солдаты и в сухопутной армии. Сначала в войне участвовали только граждане. Они сами доставали лошадей, провиант, вооружение. Войны были непродолжительны и велись поблизости от города, где жили воины.

Когда развилась торговля, и города вроде Афин стали вести «мировую политику», включая в область своих операций и Эгейское море, и Черное море, и Адриатику, и т. д., тогда постепенно стал образовываться такой порядок, что государство стало брать на себя снабжение войска, войны стали продолжительными.

В начале Пелопоннесской войны Перикл впервые стал платить жалованье воинам. Тяжеловооруженному воину — около 1 рубля в день. Когда стали платить воинам жалованье, военное дело стало оплачиваемой профессией. Название солдат происходит от латинского слова *solidus* — 2 копейки. Исторически первый наемный рабочий — это солдат¹.

Как уже было сказано выше, люди, разбогатевшие путем торговли, приспособлялись сначала к прежним нравам — они сами участвовали в войне. Впоследствии они научились заменять себя наемниками, 100 лет спустя после Перикла большинство афинских войск состояло из наемников. Демосфен говорит в одной из своих речей, что в войске, которое послали против Олинфа, было 4000 граждан и 10 000 наемников. Перестав участвовать в сражении, богатые пожинали, однако, выгоды войны. Отделавшись от военной службы, они постепенно теряли физические и нравственные свойства героического идеала, а имущество сохраняли. Героические добродетели перешли к наемникам, вольноотпущенникам и рабам, у которых не было богатства. Раньше эти добродетели приносили обладание богатством, теперь за них эти люди получали жалкое содержание. Экономическое развитие разорвало связь между мате-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 92.

риальным имуществом и нравственными качествами, которые когда-то были связаны неразрывно.

Наступало царство буржуазного общества, основанного на частной индивидуальной собственности и производстве на продажу. Героический идеал распался, и это произвело путаницу в области нравственных идей. Необходимо было выработать новый нравственный идеал, который соответствовал бы новому общественному строю. В Греции философы-софисты в общих чертах создали новую религию и новый нравственный идеал. То, что сделали Сократ и Платон для выработки буржуазной нравственности, осталось непревзойденным.

Буржуазный нравственный идеал. Героический идеал, простой и стройный, отражал без прикрас и изменений окружающую действительность. Добродетелью считались физические и нравственные качества, благодаря которым варвар-герой добывал и сохранял материальные вещи, что давало ему выдающееся положение и счастье.

С установлением буржуазного порядка дело изменилось в том смысле, что богатство перестает быть наградой за героические добродетели. Но богатство по-прежнему — цель и даже, более того, оно становится единственной и высшей целью. Героические свойства не помогают в деле приобретения богатства, даже наоборот, они становятся препятствием к тому, что человек «преуспел», «вышел в люди». Эти героические свойства становятся причиной бунтов, гражданских войн. Их надо укротить, обезвредить, дав им платоническое удовлетворение.

Общественный строй варваров доводит до высокого развития благородные качества человеческого существа: физическую силу, храбрость, нравственную выдержку и стойкость, преданность общине.

В буржуазном строе, наоборот, полезными для успеха в жизни качествами являются худшие черты человеческого духа — эгоизм, мошенничество, лицемерие, подвохи, интриги, скрытность, неискренность, хитрость и т. д.

Когда в Греции произошло полное разложение героического идеала, философы делали попытки создать

новую нравственность, применительно к новым сложившимся отношениям. Образовалось три направления.

1. Киренайки заявляли прямо: цель — наслаждение и богатство. Надо их добиваться всеми мерами, все равно — законными или нет, хотя бы и с нарушением обычаев. Такая прямолинейность была неудобна. Нельзя было признать высшей целью богатство в обществе, где массы были нищи.

2. Циники и стоики решали вопрос иначе. Они открыто заявляли о своем презрении к богатству: «Богат только мудрец». Они протестовали против законов и обычаев и хотели вернуть тот быт, который существовал до образования цивилизованного общества — «жить по природе». Эта философия была удобна тем, что богатство не объявлялось целью. Но презрение к богатству было слишком резким протестом против заведенного ежедневного порядка.

Буржуазия должна поддерживать свою власть или грубой силой или должна усыпить революционную энергию угнетенных классов. Для этой последней цели лучше всего оказалась приспособленная философия Сократа, Платона и большей части стоиков.

Они учили, что богатство не надо презирать, хотя оно и перестало быть наградой за добродетель. Человек не должен требовать от внешнего мира платы за добродетель. Награда добродетели внутри, в совести, руководящейся вечными принципами, находящимися вне действительного мира. Удовлетворение, награду человек получит только в иной жизни. Эта философия была удобна тем, что в области нравственного идеала были соблюдены приличия, и в то же время не было опасности нарушения установившихся буржуазных порядков, не было протеста против существующего.

Сократ и Платон — эти основатели буржуазной нравственности, прекрасно понимали, что религия и нравственность должны стать орудиями для управления людьми. Так создалась лицемерная буржуазная нравственность. Она лицемерна оттого, что действия у нее расходятся со словами. Жизнь разделяется на две части:

1. Жизнь идеальная, чистая и 2. Жизнь практическая, действительная, нечистая. Основания этого деле-

ния в противоречиях буржуазного строя. Чтобы подкупить общественное мнение, буржуа должен блистать добродетелями. Но для действительного успеха своих дел он этих добродетелей осуществлять не должен. Но он желает, чтобы эти добродетели, существующие у него для выставки, были обязательны для других. Если он сам поставляет дрянной товар, то платы он требует настоящим чистым золотом.

Таким образом, мы видели, что нравственные понятия меняются в связи с изменением общественных отношений. В классовом обществе существуют у каждого класса свои нравственные понятия, которые не остаются неизменными.

«Мораль истинно человеческая, стоящая выше классовых противоречий и всяких воспоминаний о них, станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда не только будет уничтожена противоположность классов, но изгладится и след ее в практической жизни»¹.

§ 30. О праве

Право — это по преимуществу буржуазная идеология. Буржуазные идеологи любят говорить о внеклассовом праве, о высшей справедливости, годной для всех людей, на все времена. Естественное, само собой разумеющееся, право, справедливость буржуазных писателей есть право буржуазного общества. Они считают это общество единственно возможным и неизменным в своих основах.

Буржуазные историки любят изображать дело так, что история человечества — это процесс движения в направлении к праву, к лучшему осуществлению справедливости.

Но история до сих пор была лишь рядом изменений в формах подчинения, рабства и эксплуатации, и только последнее время началась борьба за отмену всякой эксплуатации. (Этой борьбе все защитники движения к праву и прогрессу отчаянно сопротивляются, ибо борьба

¹ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 89.

эта угрожает существованию милых их сердцу буржуазных отношений).

Право возникает там, где возникает порядок неравенства, и по существу сводится к собранию правил, как надо поступать, чтобы поддерживать определенный общественный строй и защищать интересы господствующих.

Право неразрывно связано с порядком неравенства, с делением общества на классы. Это одно из орудий в классовой борьбе.

При зарождении отношений неравенства, при возникновении меновых отношений, торговли, задолженности, при возникновении споров о собственности и т. д., когда возникают споры и столкновения, в которых надо что-то делить, разграничивать, тогда зарождается обычное право. У народов, переходящих к оседлому земледельческому быту, мы всюду встречаем на более высокой степени их развития собрания этих обычаев. Таковы «Русская правда», закон салийских франков, законы бургундцев, законы брегенов и пр.

В этих законах видно, как начинают складываться отношения неравенства, как поднимающийся господствующий класс начинает защищать свои интересы, как разлагается коммунизм рода.

С дальнейшим развитием феодализма вырабатывается феодальное право, право земельных отношений, защищающее интересы господствующего класса — феодалов. Таковы, например, сборники французского обычного права, появившиеся в средние века.

С развитием торговли, частной собственности, всевозможных сделок и договоров, связанных с этим, словом, с развитием буржуазных отношений, развивается право буржуазного общества, т. е. собрание правил, защищающих интересы буржуазии.

Выделяются особые органы, ведающие правосудием, и особые специалисты — юристы, формулирующие право, создающие нормы права. Развитое право общества товаропроизводителей — римское право.

В исходе средних веков, когда стало развиваться буржуазное общество, выдвинулась потребность в буржуазном праве. Феодальному грабежу была противо-

поставлена буржуазная сделка. Право явилось первой идеологией революционной, возвышающейся буржуазии. Система этой идеологии была готова — римское право. Рукописи римских законов, — институции Юстиниана и пр. сохранились с почти религиозным благоговением в городах южной Италии, оттуда эти законы и распространялись по всей Европе (рецепция римского права).

Это буржуазное право, этот порядок буржуазных отношений надо было защищать, конечно, физическими средствами: городскими стенами, городской пехотой и артиллерией и т. д.

Идея права была одной из идеологий, а должным образом разработанное буржуазное законодательство — необходимым условием нормально действующего буржуазного хозяйства.

Это буржуазное право с некоторыми усовершенствованиями существовало все время при капиталистическом строе. Оно перестает действовать там, где власть переходит в руки пролетариата.

Дух буржуазного права — это защита частной собственности. При диктатуре пролетариата, в переходный период пока еще сохраняются классы, существует право. Пролетариат преследует особую самостоятельную цель — уничтожение эксплуатации. Из этой цели вытекают все мероприятия пролетарского государства, и буржуазное право терпит существенную ломку.

С развитием производительных сил и увеличением количества материальных благ, с отмиранием классов, с исчезновением торгашества и дележки, исчезнет и потребность в праве.

«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт

буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям»¹.

Интересное исследование о происхождении права дал Лафарг в одной из своих статей. Ввиду того что эта статья русскому читателю пока еще малодоступна, мы позволяем себе передать здесь ее содержание.

Справедливость возмездия. Зачатки мыслительных способностей, привычки, инстинкты предок человека имел еще в то время, когда он не выделялся из остального животного мира до своего превращения в человека.

У предков человека был общий всем животным инстинкт самосохранения. Из инстинкта самосохранения произошла необыкновенно сильная в первобытном человеке страсть мщения. Из естественной потребности самозащиты проявляется стремление обороняться, давать сдачи. Отсюда развивается слепая страсть, заставляющая ребенка и дикаря бить неодушевленный предмет, о который он ударился.

Первобытный человек живет небольшими коммунистическими общинами. В первобытных людях чрезвычайно живо чувство равенства и чувство солидарности. Сама жизнь учит членов рода поддерживать друг друга, стоять друг за друга, быть солидарными в суровой борьбе за существование. У первобытного человека необыкновенно сильно развито сознание групповое. Каждый человек прежде всего часть рода. В членах рода течет одна кровь, у них общая собственность, общий брак. Если пролита кровь одного из членов рода — это значит пролита кровь рода. Мстить за это должен весь род. Убийство совершено одним — но отвечает за это опять-таки весь род убийцы.

Страсть мести достигает необычайного напряжения. (Самоубийство из-за невозможности отомстить у североамериканских индейцев). Между родами возникают бесконечные войны, чрезвычайно опустошительные из-за этой напряженной страсти. Это грозит опасностью са-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 15.

тому существованию человека, весь род может погибнуть. В целях самосохранения необходимо обуздать эту страсть, ввести ее в рамки.

Выше было указано, что в первобытных обществах был чрезвычайно силен дух равенства. В силу применения принципа равенства в вопросе об удовлетворении за преступления, выработалось так называемое начало равного возмездия — талион. Око за око, зуб за зуб. Благодаря этому принципу страсть мести вводится в рамки. Сокращается круг лиц, несущих ответственность. Отвечает только сам причинивший ущерб. Размеры ответственности подвергаются определению.

Отсюда возникла потребность регулировать отношение при помощи третьих лиц. Возникает подобие суда. Первобытный суд — это общее собрание всех членов рода. Это многочисленное собрание обсуждает лишь случаи убийства и тяжких увечий. Менее важными делами ведают старейшины. Совет друидов у галлов, ареопаг у греков и т. д. Роль этого первобытного суда состояла не в том, чтобы судить, т. е. устанавливать виновность и ответственность, он должен был просто найти виновного и выдать его потерпевшей семье.

Окончательно чувство мести было побеждено собственностью. Когда установилась собственность, за кровь стали требовать не кровь, а собственность. Русская правда устанавливает за убийство виру. За убийство княжего мужа — 80 гривен, княжего слуги — 40 гривен, за ремесленника — 12 гривен, за холопа — 5 гривен и т. д. Изменению талиона помогло установление рабства. Убийцу выдавали, но его можно было продать, сменить на быка, оружие или заставить работать.

Справедливость распределения. Другим источником, откуда развилась идея права и развился правопорядок, был дележ земель, вошедший в обычай в результате развития техники производства. Инстинкт самосохранения, о котором говорилось выше, заставляет дикаря, как и животное — его предка, захватывать нужные ему предметы. Отсюда развивается инстинкт захвата. Для сохранения рода необходимо было обуздать этот инстинкт. Процесс, которым старались ввести его в рамки, способствовал дальнейшей разработке идеи правосудия,

которая возникла, как мы видели выше, в процессе обуздания чувства мести.

Когда маленькие орды первобытных людей бродили по не заселенной еще людьми земле, вдоль морей и рек, останавливаясь там, где больше пищи, — тогда инстинкт захвата мог проявляться без всяких ограничений. Но уже в отдаленные доисторические времена пришлось этот инстинкт ограничивать. Роды разделяют между собой места охоты, между которыми установлены широкие нейтральные полосы. Кто нарушает запрет охотиться на чужом месте, того убивают. Внутри отведенной роду области можно захватывать, за границей — опасно.

Нарушения территории поощрялись, как упражнения в храбрости и воинских доблестях молодых воинов. Эти нарушения — главная причина войны между родами. Чтобы избежать этих войн и жить в мире с соседями, первобытные люди должны были обуздать инстинкт захвата. Внутри территорий, принадлежащих роду, тоже необходимо было обуздать беспредельное истребление дичи. Австралийцы, например, запрещают убивать кур и свиней во время неурожая, запрещают сбор бананов и иньяме¹, когда грозит плохой сбор хлебного дерева, запрещают ловить рыбу в некоторых заливах, когда рыба становится реже, словом, в случае недостатка продукта, «берут его на учет». Краснокожие не убивают самок бобра. Дикари, даже умирающие с голода, не касаются растений и животных — тотемов.

Эти ограничения носят религиозный характер. Запрещенный предмет — *табу*. Боги накажут нарушителя запрета. Такие запрещения коммунистические — они в интересах рода.

Есть и другие запрещения необщего характера, например, запрещения для отдельных групп. В начале группы образуются благодаря разделению полов. В основе разделения полов лежит разница занятий. Разделение вводится, чтобы помешать беспорядочным половым сношениям. Разделение поддерживается и усили-

¹ Плоды, употребляемые австралийцами в пищу. (Прим. В. В. Адоратского.)

вается религиозными обрядами и таинствами, отдельными для каждого пола. Особам другого пола запрещается под страхом смерти проникать в эти таинства.

Разделение полов привело к противоречию между ними и это выразилось в разных табу, но не для всех членов рода, а лишь для особ одного пола. Классовая борьба проявляется вначале в виде борьбы полов, как говорит Маркс. У племен, практикующих людоедство, например, женщинам есть человеческое мясо запрещается. В Австралии мясо бобра, эму и др. разрешается употреблять только воинам. Греки запрещали потребление вина женщинам.

С установлением семейной собственности, с разделом пахотной земли появляются новые ограничения инстинкта захвата. Раздел земель происходит при условии полного удовлетворения инстинкта равенства. Формула афинского законодателя Тезея: «чтобы все имели одно и то же» — инстинктивное требование первобытной крестьянской демократии.

Разделение добычи происходит поровну. Иного способа человек не может допустить. Равный раздел — это неизбежность. И вот слово *Мойра* — часть трапезы — означает вместе с тем и высшую богиню судьбы, неизбежного рока, которой подчинены все люди и боги.

Слово *Дике*, употреблявшееся для обозначения равного раздела, впоследствии стало именем богини правосудия.

В одном отрывке из сочинений греческого философа Гераклита Понтийского (ученика Платона) дается описание коммунистической трапезы дорян. Общая трапеза мужчин называется Андрейес. Всякий получает равную часть. Архонт — член совета старейшин получает 4 порции. Одну, как гражданин, другую, как председатель стола, и еще две на прислугу в зале. Каждый стол находится под надзором женщины — Матриархе, распределявшей пищу между сидевшими за столом.

Эта роль женщины при распределении так врезалась в воображение доисторических греков, что Рок, Судьба у них воплощается богинями *Мойра*, *Аиса*, *Керы*.

Первоначально эти слова обозначали долю, которую каждый получает при распределении съестного или

добычи. На дальнейшее развитие идеи справедливости оказал большое влияние раздел земель.

Слово *право, правда*, — противоположность кривда, кривой, лукавый, не прямой. Со словом право связано понятие о прямом. То же в других языках. Французское *droit* — право и прямой. Немецкое *recht*, английское *right* — прямой и справедливый, также истина, правосудие.

Если идея числа укрепилась и развилась с появлением стад, если сосуд породил идею объема, то идею меры породил раздел полей. Для того чтобы делить поля, открыли геометрию, и прежде всего была открыта прямолинейная геометрия.

Землю делили на длинные полосы. Для деления употребляли длинную палку, которой отмеривали. Эта палка считалась священной. Египетские иероглифы изображают идею правосудия и истины мерой длины (локоть). Участки земли, ограниченные двумя прямыми линиями одинаковой длины, успокаивали сознание первобытного человека, проникнутое идеей равенства. Этим устранялся повод к спорам. Прямая линия была главной участницей операции дележа. Прямые линии проведены. Отцы семейства довольны — этим вполне удовлетворялся их инстинкт равенства.

При разделах кидали жребий с помощью камешков, клерос — камень, потом — жребий, часть имущества, имение, страна. Идея справедливости так тесно связана в своем происхождении с разделом земли, что слово номос — обычай, закон выражает идею пастбища и раздела.

Номос — означало сперва исключительно пастбище, а потом у него появился целый ряд значений: пребывание, жилище, дележ, обычай, закон.

Хронологически Лафарг восстанавливает такую последовательность этапов пройденных доисторическими народами и в связи с этим изменением значений слова «номос».

1. Номос — пастбище — древняя, бродячая, пастушеская эпоха.
2. Кочевник оседает — номос — пребывание, жилище.
3. Осевшие начинают делить земли — номос — дележ.

4. Переделы, разделы вошли в обычай. Номос — обычай, закон.

Раздел земель рода представляет собой огромный переворот. С ним связан переворот в понятиях. Переворот этот более значительный, чем переход к коммунизму от капиталистической собственности. Чтобы внедрить чуждые понятия, прибегают к разным средствам и, между прочим, к санкции религией. В священных книгах встречаются проклятия на головы нарушителей границ. Например, «Второзаконие», «Книга Иова». Неприкосновенность границ в Риме, где пограничные камни — термины приобрели характер божества. См., например, Овидий — *Fastes*.

Но обуздать захватный инстинкт одними религиозными страхами нельзя. Поэтому вместе с переходом к земледелию и развитием собственности развиваются свирепые наказания против нарушителей собственности. XII таблиц разрешают убить вора. Если кто сжигает скирды, — того сжигают самого. Один бургундский закон назначает наказание жене и детям, если они не донесли на мужа и отца, укравшего лошадей и быка.

Частная собственность на движимые и недвижимые вещи родит инстинкты, чувства, страсти и идеи. Под ее воздействием они развиваются и будут существовать вплоть до исчезновения собственности.

Талион заложил в голове человека зародыши идеи правосудия. Раздел земель, положивший начало частной собственности на землю, оплодотворил эти зародыши, вырастил и помог принести плоды. Талион научил человека обуздывать свою страсть мщения и подчинять ее регламентации. Собственность наложила ярмо религии и законов на первобытный инстинкт захвата.

1) Око за око; 2) равные части при разделе — таковы идеи справедливости, права, которые мог вместить первобытный человек.

Вначале идея справедливости, идея правосудия есть проявление духа равенства, но под действием собственности эта идея способствует установлению, освещению неравенства, которое порождает между людьми собственность.

Собственность может существовать при единственном условии — обуздании захватного инстинкта. Это право обуздания становится независимой общественной силой. Эта сила начинает господствовать над человеком и обращаться против него.

Право собственности завоевывает такое всеобщее признание, что Аристотель отождествляет правосудие и уважение тех именно законов, которые защищают собственность. Неправосудие — это нарушение законов, охраняющих собственность. Декларация прав 1789 г. провозглашает собственность естественным и неотчуждаемым правом человека.

Папа Лев XIII в своей знаменитой энциклике о рабочих объявляет право собственности догматом католической церкви.

Варвар пролитие крови заменил собственностью. Собственность заменила собой человека. (В цивилизованных буржуазных обществах человек лишь постольку обладает правами, поскольку у него есть собственность).

Правосудие подобно насекомым, пожирающим свою мать, разрушило дух равенства, породивший его, и освятило порабощение человека.

Коммунистическая революция, уничтожив частную собственность и «давши всем одно и то же», освободит человека и возродит дух равенства, но уже на иной, неизмеримо более широкой основе.

§ 31. О государстве

«В государстве перед нами выступает первая идеологическая сила над человеком».

Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах»¹.

Согласно идеологическому пониманию государства буржуазными идеологами, которые видят в государстве упорядоченный строй общежития и не желают видеть в нем орудия эксплуатации и угнетения, государство есть высшее единство, организация, существующая для

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 376.

охраны общих интересов. Это единственно возможная высшая форма культурного общения. Существуют частные, групповые, классовые и т. д. интересы, но выше всех их стоят интересы общегосударственные, являющиеся интересами всего общества в целом. Носителем, защитником таких интересов является государственная власть. Таково понимание буржуазных идеологов.

Критическое изучение действительных отношений разрушает это идеологическое представление. В действительности государство есть организация классового господства. «Государственная власть есть не что иное, как организация, которую создали себе господствующие классы — землевладельцы и капиталисты — для того, чтобы защищать свои общественные привилегии»¹.

Основа, смысл и цель государственного властвования — эксплуатация. Сообразно формам хозяйственного строя складывается и организация господства. Государственная организация тесно связана с классовым строением общества. Государства не было, когда не было классов. С уничтожением классов исчезнет и государство.

«Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества, вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура (Gestalt. — В. А.). Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 277.

и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влиянием и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»¹.

Классовая борьба есть борьба за власть, борьба политическая. В процессе этой борьбы менялись учреждения и формы политической организации. Для образца возьмем судьбы двух учреждений: 1) народного представительства и 2) единоличного главы правительства.

1) *Народ и народное представительство*. При родовом коммунизме в народном собрании участвуют все члены рода; тут собственно нет правительства — это так называемая первобытная непосредственная демократия. При феодальных порядках крепостные рабы лишены представительства. Существуют представительные учреждения для феодалов. Господство торгового капитала лишает представительные учреждения политической власти и влечет за собой их отмирание. Развивается чиновничий абсолютизм. С развитием промышленного капитализма снова появляются представительные учреждения. Главное влияние в них обеспечено за буржуазией. При господстве финансового капитала роль представительных учреждений сокращается. Государство пролетариата устанавливает представительные учреждения только для трудящихся — советы. Развитой коммунизм должен повлечь за собой полное уничтожение классов и власти.

2) *Единоличный глава правительства* переживает следующие изменения своей роли. Вначале это старшина при родовом строе. У него еще нет власти, есть лишь моральный авторитет. С установлением неравенства является патриарх милостью божией. В сословной монархии — глава правительства, монарх, является первым

¹ К Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 804.

между равных ему феодалов. При торговом капитализме самодержавный монарх абсолютного государства является представителем нации (национальной буржуазии, организованной в государство). При промышленном капитализме — конституционный монарх, или президент, принимает черты чисто буржуазные, становится сам акционером, промышленником, а с развитием финансового капитала — банкиром и спекулянтом.

Когда совершалась буржуазная революция, некоторые монархи, как например в Англии в 1648 г. и во Франции в 1793 г., лишились голов, но единоличный глава государственной власти в буржуазном государстве сохранился. Пролетарская революция окончательно устраняет единоличного представителя или носителя власти. При развитом коммунистическом строе произойдет полное уничтожение как единоличной, так и вообще всякой власти человека над человеком.

Таковы судьбы и изменения политических учреждений. Они меняются в зависимости от изменений общественного строя, вызываемых ростом производительных сил общества.

Под влиянием этих изменений меняются классы, их роль в производстве, их сила и значение в обществе, меняются политические учреждения, воззрения на власть, политические идеи.

Государственная организация не остается неизменной и не является какой-то самостоятельной, независимой сущностью, как представляет себе буржуазный идеолог.

За политической идеологией необходимо отыскивать действительную классовую борьбу. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самобмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов», — говорит Ленин¹.

Буржуазное государство. Идеологическому, неверному пониманию буржуазных идеологов следует противопоставить более соответствующую действительности

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, 4 изд., стр. 7—8.

картину буржуазного общества и существующей в ней организации власти.

В действительности капиталистическое государство является организацией, помогающей капиталистической эксплуатации, охраняющей ее.

Никакая власть не может опираться на одно лишь голое насилие, на одну лишь вооруженную силу. Прочной опорой эксплуатации является привычный строй, сложившийся исторически.

1. Основой власти капиталистов является унаследованный от прошлого, исторически развившийся, освященный привычкой эксплуататорский строй, обладающий известной устойчивостью, инерцией. Тиски, в которых находится рабочий — это отсутствие у него средств производства. Мелкие собственники в городах и крестьяне в деревне — в тисках, благодаря малому количеству собственности и задолженности. Защита частной собственности обеспечивает полновластие крупного капитала.

2. Этот порядок поддерживается организацией власти, располагающей мерами физического принуждения. Бюрократия, полиция, армия буржуазного государства — всецело в руках буржуазии и служит ее интересам, зверски подавляя массы трудящихся, когда это требуется. Аппарат буржуазного государства рос, усовершенствовался и приспособлялся для того, чтобы обслуживать интересы буржуазной эксплуатации, держать массы в узде и обдирать их.

3. Помогает власти буржуазии привычка повиноваться, благоприятные для властвующих устои и навыки в умах подвластных. Чем больше головы широких масс забиты всяким идеологическим вздором (обывательские предрассудки, как у салтыковского «премудрого пещаря», религиозные верования, собственные инстинкты и т. д.), тем легче буржуазии править.

4. Материальное воздействие всегда дополняется соответственным воздействием на умы и чувства управляемых при помощи печати, школы, церкви, политических манипуляций (болтовня о борьбе с реакцией, борьба с клерикализмом для видимости во Франции, борьба с палатой лордов для видимости в Англии, раз-

жигание национализма, шовинизма, подкуп, подачки, развращение и т. д.).

Значительной поддержкой власти буржуазии является соответственное воздействие на умы, заражение и развращение буржуазным влиянием классового сознания эксплуатируемых.

Диктатура пролетариата. Диалектический переход от общества с властью к обществу без власти должен произойти в результате уничтожения классов, с помощью своеобразной организации власти диктатуры пролетариата.

Громадная машина капиталистического государства должна быть сломана, уничтожена. Необходимо уничтожить политическую организацию буржуазии. «Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности»¹.

Рабочий класс, организованный в государство, перестраивает всю жизнь так, чтобы старый пресс капиталистической эксплуатации не смог бы восстановиться. А для этого надо разрушить основы власти капиталистов.

1. Прежде всего создаются органы власти и принуждения пролетарского государства (поголовное вооружение трудящихся) для подавления сопротивления эксплуататоров и для защиты от покушений со стороны иностранных буржуазных государств.

2. Рабочий класс через органы своей власти принимает меры для поднятия культурного уровня, сознания и просвещения самых широких слоев, задавленных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 444.

нуждой, нищетой и темнотой. Классовая борьба продолжается, но в иной обстановке.

3. Принимаются меры для развития производительных сил и для постепенного перехода к более совершенным формам организации материального производства.

На основе колоссально развившейся техники возможно установление коммунистического общества, в котором исчезнет холопская иерархия индивидов, труд станет потребностью всех, занятие физическим трудом несколько не будет препятствовать самому широкому образованию.

§ 32. Философия

Религия — это грубая, примитивная идеология. На те же вопросы, что и религия, отвечает идеалистическая философия — это более утонченное издание религиозной идеологии, приспособленное для людей, которые уже научились мыслить.

В основе идеалистической философии лежит та же мысль, что и в основе религии — именно мысль об особой сущности, отличной от видимого, воспринимаемого чувствами мира. Сущность эта родственна человеческому духу. Величайший из философов-идеалистов Гегель называет эту сущность абсолютным духом.

Начало философии в Греции. Вместе с развитием городской жизни и с освобождением класса прежней родовой аристократии от непосредственного участия в практической жизни, целый ряд представителей этого класса получил досуг для размышления. Из этого класса выходит ряд мыслителей, впервые пытавшихся разрешить ряд вопросов, на которые и современная наука ищет ответов. Сначала это были по преимуществу вопросы натурфилософии. Потом на первый план выступили вопросы общественных, вопросы нравственности.

Первые натурфилософы пытались разрешить вопрос, откуда произошел мир: из воды, из огня и т. д. Задавали вопрос о единой сущности всего существующего (элеицы), ставился вопрос о строении вещества. Чисто умозрительным путем древние материалисты пришли к атомистической теории (Демокрит, Эпикур). Но научное

исследование было еще в зародыше, у человечества было еще мало положительных знаний.

С выступлением на сцену буржуазии, вместе с развитием торговли вопросы о природе сменяются вопросами об обществе, о том, что такое нравственность, совесть и т. д.

Софисты, Сократ, Платон, Аристотель являются буржуазными философами в том смысле, что они обосновали буржуазную нравственность — идеалистическую.

У Аристотеля сводка всего научного мышления древности.

В средние века умственная жизнь замирает и возрождается снова лишь вместе с новым расцветом торговли, с расцветом буржуазии и вместе с борьбой буржуазии за власть.

Развитие буржуазии дало толчок к развитию естественных наук. Это дало новую основу современному материализму, родиной которого была Англия, где первым философом материалистом был Бэкон.

Философия была в руках буржуазии оружием освобождения. Критический метод прежде всего испробовали на священном писании. Церковь была представительницей феодализма. Идеология церкви и испытала на себе оружие критики в первую очередь.

Английская революция XVII века (революция буржуазная) пользовалась еще религиозными формами, революционные деятели брали себе примером героев библии, революционные войска вдохновлялись пением псалмов. Только эта религиозность была еретической, враждебной католицизму, в дело понимания священного писания была внесена критическая мысль, которая неизбежно должна была впоследствии привести к разрушению религиозной идеологии.

Материализм в Англии не стал достоянием более широких слоев революции буржуазии и не стал оружием революции. Материалист Гоббс — по существу чисто буржуазный философ — был сторонником абсолютизма. Это было в то время, когда абсолютная монархия переживала свой период расцвета, говорит Энгельс.

Дальнейшее развитие философии связано с революционным движением буржуазии во Франции (француз-

ский материализм) и в Германии (немецкий идеализм).

Отцом французского материализма был Локк (1632—1704). Отцом немецкого идеализма Юм (1711—1776).

Французские материалисты XVIII века были последовательными материалистами в естествознании. Знаменитый памятник французского материализма — Энциклопедия. Материалистическая философия была могучим оружием, помогшим разрушить феодальную идеологию. Но материализм XVIII века не мог удовлетворительно разрешить вопроса о человеческом сознании и вопроса об обществе.

Вопросами сознания весьма плодотворно занялись великие идеалисты Германии Кант, Фихте, Гегель. Кант ввел идею развития в естествознании. Он построил теорию развития солнечной системы и высказал мысль, что человек постепенно развивался и поднялся из животного мира. Исследовав познавательную способность человека, Кант разрушил обычное представление о мире вещей. Он считал, что мы не видим мира вещей, каков он есть. Вещь в себе не доступна нашему познанию. Наши представления лишь неверные отражения. В критике чистого разума Кант указал на противоречия (антиномии), как например, ограниченность и безграничность; делимость и неделимость материи; свобода и необходимость. Но Кант не был диалектиком.

Поэт Гейне, бывший учеником Гегеля и знатоком германской философии, дал такую характеристику «Критики чистого разума» Канта, придавая, правда, несколько преувеличенное значение Канту:

«Говорят, что ночные привидения пугаются при виде меча, которым палач совершает казнь. Но как же они должны бы были испугаться, если бы показать им кантовскую «Критику чистого разума». Книга эта была тем мечом, которым был казнен деизм в Германии.

Собственно говоря, вы, французы, по сравнению с нами, немцами, чрезвычайно умеренный и ручной народ. Вам удалось всего-навсего казнить короля, который потерял голову еще прежде, чем ее ему отрубили. И при этом вам пришлось так много барабанить, кричать и топтать ногами, что это потрясло весь земной шар. Тот.

кто сравнивает Максимилиана Робеспьера с Эммануилом Кантом, оказывает первому чересчур много чести. С Максимилианом Робеспьером, — этим великим обывателем с улицы Сент Оноре, случались правда приступы разрушительного бешенства, когда заходила речь о королевской власти, и судороги его цареубийственной падучей были достаточно страшны. Но когда речь заходила о высшем существе, он вытирал со своих губ белую пену и кровь со своих рук, надевал свой голубой воскресный фрак с блестящими пуговицами, а к широкому отвороту прищипливал букет цветов.

Со времени появления в свет «Критики чистого разума» в мире спекулятивного умозрения деизм скончался. Эта скорбная весть о кончине распространилась не сразу. Может быть пройдет несколько столетий, прежде чем все об этом узнают. Но мы то давно уже ходим в трауре. Со святыми упокой!

Вы думаете, что нам можно теперь разойтись по домам. Ничуть не бывало. Будет представлена еще одна пьеса. После трагедии идет фарс. До сих пор Эммануил Кант разыгрывал из себя беспощадного философа, он шел на приступ самого неба, он заставил весь гарнизон прыгать через свой клинок.

Вседержитель мира недоказанный плавает в своей собственной крови. Нет больше милосердия, всепрощения, нет на том свете награды за воздержание на этом. Бессмертие души лежит при последнем издыхании. Слышны предсмертные хрипы и стоны.

И тут же стоит старый Лампе¹ со своим дождевым зонтиком под мышкой, смотрит на это в смятении, и холодный пот и слезы струятся по его лицу.

Эммануил Кант сжалился и доказал, что он не только великий философ, но и добрый человек. Он несколько минут стоит в раздумье, а потом на половину добродушно, на половину иронически заявляет: «Старому Лампе нужен бог, иначе бедняга не может быть счастлив — это говорит практический разум, так пусть же

¹ Лампе — старый слуга Канта. Кант ежедневно имел обыкновение гулять, невзирая ни на какую погоду. Когда было пасмурно, за Кантом шел старый Лампе с зонтиком под мышкой — воплощенное PROVIDENCE. (Прим. В. В. Адоратского.)

практический разум докажет бытие божие». Основываясь на этом, Кант делает различие между теоретическим разумом и практическим разумом, и при помощи этого последнего он снова оживил труп деизма, убитого теоретическим разумом»¹.

Фихте исходил из субъективного сознания человека (самосознания), но не отдельной личности, а целого вида. Человеческое сознание не зеркало, а творец мира. Формы бытия предметного мира порождены чистым мышлением. Из чистого мышления Фихте выводит пространство и время, количество и качество, возможность, действительность, необходимость.

Мышление есть самостоятельный процесс, совершающийся с внутренней необходимостью. Вместе с каждым положением дается противоположение и мысль движется вперед, непременно преодолевая это постоянное противоречие, находя высшее единство. Таким образом, Фихте снова перешел к диалектическому методу греческой философии.

«Я» для Фихте — субъект-объект.

Заслуга Гегеля заключается в том, что он ввел в научное мышление последовательно и всесторонне идею развития. Он исследовал формы и законы диалектического движения.

Непоследовательность Гегеля состояла в том, что он остался на точке зрения идеализма.

Фейербах начал развивать материалистическую диалектику. Он много сделал для разрушения религиозной и философской идеологии. В своих «Предварительных тезисах к реформе философии», вышедших в 1842 г., Фейербах писал: «Тайна теологии — это антропология. Абсолютный дух Гегеля есть не что иное, как отвлеченный, от самого себя оторванный, так называемый конечный дух, подобно тому, как бесконечное существо религии (бог) есть не что иное, как отвлеченное конечное существо — человек». Существо религии есть отвлеченное, помещенное вне человека, существо человека. Но такая критика была недостаточной, такое разрушение недоста-

¹ Г. Гейне. «Германия». К истории религии и философии в Германии. (Прим. В. В. Адоратского.)

точным. Фейербах, как и Гегель, жил в жалких, неразвитых условиях германских общественных отношений. В вопросах общества Фейербах не сумел стать материалистом.

Маркс, пользуясь созданным им методом диалектического материализма, наконец, разрешил загадку человеческого общества. Диалектический материализм помогает разрушить всякую идеологию, в том числе и идеалистическую философию.

«Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительные науки о природе и истории»¹.

*В. В. Адоратский,
«Научный коммунизм Карла Маркса».
М. 1923*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 124.

МАРКС — ВОЖДЬ ПРОЛЕТАРИАТА

I

Великий вождь пролетариата, основатель научного коммунизма Карл Маркс сочетал в своем лице гениальнейшего ученого и практического деятеля-революционера. Он открыл всемирно-историческое призвание пролетариата, состоящее в том, что пролетариат должен завершить «пролог» истории человечества и начать его действительную историю: свергнуть буржуазию, установить свою диктатуру, разрушить строй наемного рабства, ликвидировать классы, построить коммунизм, создать человеческое общество, сознательно регулирующее процесс своего материального производства, свое отношение к природе¹. В то же время Маркс первый организовал практическую борьбу за действительное осуществление этой величайшей исторической задачи пролетариата. Маркс организовал пролетарскую партию и выработал основы ее стратегии и тактики. Выполнить эту роль первого вождя пролетариата Маркс именно

¹ «Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще. Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем все более возможной. От нее начнет свое летоисчисление новая историческая эпоха, в которой сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор». (Ф. Энгельс. «Диалектика природы», 1955, стр. 15).

потому и мог, что, будучи великим революционером и практическим деятелем, он проделал гигантскую работу великого ученого, революционера науки. Его труды оказали и оказывают огромное влияние (а в будущем окажут еще большее влияние) на все области человеческого знания и общественной жизни. Творчески переработав историю английского и французского практического и теоретического развития, материалистически переработав наследство немецкой классической философии — гегелевскую диалектику, Маркс создал современный диалектический материализм. Применение созданного им метода как для изучения природы и истории, так и для практической деятельности людей дало блестящие результаты. Разработанное Марксом материалистическое понимание истории привело его к выводу о неизбежности величайшей революции всех времен — пролетарской революции. Пользуясь выработанным им методом, Маркс «вскрыл всю природу и историческую конечную судьбу капиталистического производства» и указал в общих чертах тот путь, идя которым пролетариат выполнит свою историческую задачу. Гениальные научные работы Маркса послужили теоретическим фундаментом для выработки политики, стратегии и тактики пролетарской партии. В течение всей своей жизни Маркс практически руководил борьбой пролетариата, давая образцы конкретного руководства борьбой за коммунизм.

Для того чтобы дать характеристику всей научной и практической деятельности Маркса во всем ее объеме, нужна целая серия статей. Мы ограничим свою задачу. Мы дадим краткую характеристику *Маркса как вождя пролетариата*, организатора его борьбы за завоевание власти, потому что это есть центральный пункт жизненного дела Маркса, и остановимся только на одном основном вопросе марксистской теории — на вопросе о *диктатуре пролетариата*. Этот вопрос как раз является решающим в учении Маркса.

Образ Маркса как революционера усиленно искажался ренегатами марксизма. В своих писаниях они превратили Маркса в либерального филистера, страдавшего якобы только в молодости революционными увлечениями, отдавшего этому дань в ранних своих произ-

ведениях, между прочим в «Манифесте Коммунистической партии», а потом «поумневшего», превратившегося в кабинетного ученого, отрекшегося от революционных увлечений и сделавшегося добрым «социал-демократом» в стиле Шейдемана — Носке.

Уместно поэтому к пятидесятилетию со дня смерти великого революционера еще раз разоблачить эту гнусную клевету, напомнить о том, каков был Маркс на самом деле и какую выдающуюся историческую роль сыграл он как вождь самого революционного в мировой истории класса.

Учение Маркса о диктатуре пролетариата — это ядро его исторической теории — подверглось наибольшему извращениям и искажениям со стороны вождей II Интернационала. Поэтому не бесполезно будет лишний раз напомнить об основных мыслях Маркса по этому вопросу. Неправильно изображать Маркса только как ученого. Не это в нем главное. Он прежде всего революционер, вождь. Все разговоры о научном коммунизме вне связи с действительным массовым движением рабочего класса, вне связи с революционной борьбой, с практическими действиями масс — пустая болтовня.

II

Внимательно изучив систему капиталистических отношений во всех ее подробностях, вскрыв тенденцию развития капитализма, концентрирующего все богатства в руках немногих монополистов и увеличивающего, с другой стороны, массу нищеты, определив историческую роль рабочего класса в общественном развитии, Маркс выдвинул идею о руководящей роли пролетариата, о его гегемонии в борьбе за коммунизм.

«Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 434.

Отмечая характерные особенности положения рабочего класса при капитализме, Маркс беспрестанно подчеркивал, что, вопреки той гигантской роли, которую пролетариат играет в производстве, положение его в рамках капиталистических отношений с их развитием относительно и абсолютно ухудшается.

«Наоборот, современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона»¹.

«Как бы ни был мал какой-нибудь дом, — писал Маркс в 1849 г. в своих статьях «Наемный труд и капитал», печатавшихся в «Новой Рейнской газете», — но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины. Теперь малые размеры домика свидетельствуют о том, что его обладатель совершенно нетребователен или весьма скромнен в своих требованиях; и как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах все более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено»².

Наиболее ярко и резко бросается в глаза невыносимое положение пролетариата в период кризисов. Тут с особой силой проявляется противоречие между узкими рамками буржуазных отношений и теми гигантскими производительными силами, которые создались в ходе капиталистического развития.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 435.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, 2 изд., стр. 446.

С развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии, таким образом, «вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты»¹. Кризисы наглядно показывают, что общество не может более жить под властью буржуазии, что ее жизнь несовместима с жизнью общества, потому что она «неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования» («Коммунистический манифест»)².

Рассматривая положение мелкой буржуазии, крестьянства, Маркс указывал на то, что эти классы, хотя и борются с буржуазией, но, поскольку они стремятся отстоять прежние условия существования своего класса, постольку они консервативны и даже реакционны, так как стараются восстановить свое прежнее положение, т. е. вернуться к прошлому, «повернуть назад колесо истории»³. Революционно эти классы могут выступать лишь тогда, когда они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, когда они покидают свою точку зрения, чтобы встать на точку зрения пролетариата. Это они могут делать только под руководством пролетариата, который с ходом капиталистического развития становится естественным вождем и руководителем крестьянства. «Крестьяне, — говорит Маркс, — поэтому находят своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате*, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок» («18 брюмера Луи Бонапарта»)⁴.

Излагая и развивая существо учения Маркса о гегемонии пролетариата, Ленин писал в своей знаменитой работе «Государство и революция»: «Только пролетариат, — в силу экономической роли его в крупном производстве, — способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение»⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 436.

² Там же, стр. 435.

³ Там же, стр. 434.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, 2 изд., стр. 211.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 25, 4 изд., стр. 376.

III

Развивая дальше и конкретизируя свое учение о гегемонии пролетариата в социалистической революции, Маркс обобщил весь исторический опыт революционной борьбы рабочего класса в своем учении о *диктатуре пролетариата* как организации господства пролетариата, необходимой для перехода к бесклассовому обществу. Это положение является основным, центральным в учении Маркса о пролетарской революции. Величайшей наглостью фальсификатора и ренегата марксизма Каутского является его заявление о том, что Маркс нигде подробно о диктатуре пролетариата не говорит, что это будто бы просто «случайно оброненное словечко».

О диктатуре пролетариата Маркс и Энгельс говорят уже в «Манифесте Коммунистической партии», правда, не употребляя еще термина «государство», т. е. организованный в господствующий класс пролетариат. «Эта теория Маркса, — говорит Ленин, — неразрывно связана со всем его учением о революционной роли пролетариата в истории. Завершение этой роли есть пролетарская диктатура, политическое господство пролетариата»¹.

В своей исторической работе, подводящей итоги опыта революции 1848 г., «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», написанной в 1850 г., Маркс уже отчетливо формулирует лозунг диктатуры рабочего класса. *Революционный социализм — коммунизм*, — пишет там Маркс, — «есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура* пролетариата как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще*, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений»². В 1852 г. в письме к Вейдемейеру, давая характеристику своих открытий в области материалистического понимания истории и в созданной им теории классовой

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, 4 изд., стр. 376—377.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, 2 изд., стр. 91.

борьбы, Маркс говорит о диктатуре пролетариата как о своем важнейшем открытии.

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*¹.

Здесь особенно важно обратить внимание на то, как Маркс подчеркивает *необходимость* диктатуры пролетариата. Это краеугольный камень революционного учения Маркса о классовой борьбе. Научное убеждение в необходимости диктатуры пролетариата основано на глубоком понимании существа капиталистических отношений и природы порождаемой ими классовой борьбы. Никакого примирения, никакого соглашения между буржуазией и пролетариатом быть не может, речь идет о революционном свержении буржуазии, о разрушении буржуазного государства, о ликвидации капиталистических отношений, о выходе из рамок этих отношений. Для осуществления этого и нужна диктаторская власть. И никогда Маркс не пересматривал этого своего убеждения, не отрекался от него. Он оставался ему верен до конца своей жизни.

Отрицание этого основного положения в учении Маркса, отречение от него есть реформизм, есть предательство интересов пролетариата, измена марксизму.

Особенно подробно развивает Маркс свое учение о диктатуре пролетариата на основе опыта Парижской Коммуны. Он это делает блестяще в работе «Гражданская война во Франции». В своей «Критике Готской программы» (1875) Маркс говорит: «Между капиталисти-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 63.

ческим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*¹. Подробные разъяснения по этому вопросу Маркс дает в своих заметках 1874 г. на книгу Бакунина «Государственность и анархия», в заметках, которые социал-демократы скрывали от рабочих в течение десятков лет.

Диктатура пролетариата, разъясняет Маркс, — это «*классовое господство рабочих над сопротивляющимися им пережитками старого мира*». Это классовое господство будет продолжаться до тех пор, «пока не будут уничтожены экономические основы существования классов»². Учитывая роль революционного насилия, Маркс говорит о значении диктатуры пролетариата следующее: «Это значит, что покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять меры насилия, стало быть, правительственные меры; если сам он остается еще классом и если еще не исчезли экономические условия, на которых основывается классовая борьба, и существование классов, они должны быть насильственно устранены и преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен»³.

Если то, что говорит здесь Маркс, и то, что он и Энгельс повторяли тысячи раз о революционном насилии⁴, сопоставить с контрреволюционными воплями ренегатов марксизма из II Интернационала против «насилий» большевиков, сопоставить с болтовней Гильфер-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 23.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1 изд., стр. 192.

³ Там же, стр. 186.

⁴ См. «Капитал», т. I, о насилии, играющем роль повивальной бабки при рождении нового общества (стр. 754). В письме В. Блосу от 21 февраля 1874 г. Энгельс писал: «все мы знаем, что без насилия нельзя, в конечном счете, ничего добиться» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, 1 изд., стр. 363). (Прим. В. В. Адоратского.)

дингов, Каутских и т. д. в защиту «демократии», против «диктатуры», то станет ясно, что эти лица, претендующие называться марксистами, — на самом деле с марксизмом не имеют ничего общего. Если бы живы были Маркс и Энгельс, то едва ли бы у господ ренегатов хватило смелости ссылаться на их авторитет. Все знают отлично, как Маркс и Энгельс клеймили современный им оппортунизм и реформизм. И можно себе представить, с каким негодованием и презрением отнеслись бы они к такому злоупотреблению их именами, к такому извращению их учения, какое проделывают современные социал-демократы, защитники «демократии».

В 1869 г. 10 августа Маркс писал Энгельсу (это место в переписке, изданной в 1913 г. Бернштейном, было опущено) о В. Либкнехте, который был во власти мелкобуржуазных иллюзий относительно «демократии» или «народного государства». «Это животное верит в будущее *«государство демократии»!* При этом мыслится то конституционная Англия, то буржуазные Соединенные Штаты, то жалкая Швейцария. О революционной политике *«оно»* не имеет ни малейшего представления»¹. Под этой политикой Маркс явно понимает политику революционного насилия, политику пролетарской диктатуры.

Конечно, Либкнехта нельзя ставить на одну доску с Гёхбергами, Бернштейнами и т. д., потому что при всех его ошибках, при всей той путанице, которая у него была в вопросе о «государстве демократии», о «свободном народном государстве», он все же под руководством Маркса и Энгельса являлся представителем политики революционного марксизма, проповедовал классовую борьбу. Отзыв Маркса приведен нами здесь, чтобы показать, с какой резкостью Маркс бичевал даже своих ближайших сорудников за ошибки подобного рода. Причина этого понятна. Отступление от революционной линии в этом важнейшем вопросе означало предательство дела рабочего класса.

«Контрреволюционные болтуны», «социал-демократические филистеры», «социал-филантропы» и т. д. — вот какими эпитетами наделяли Маркс и Энгельс в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 221.

70-х годах и позднее оппортунистов в рядах социал-демократии, отрекавшихся от диктатуры пролетариата, от революционного пути свержения буржуазии и ликвидации классового общества путем применения революционного насилия.

IV

Учитывая природу капиталистических отношений, глубину и непримиримость противоречий между буржуазией и пролетариатом, Маркс и Энгельс обосновали неизбежность революции и последовательно боролись за революционный путь развития.

Маркс высоко ценил преобразующее действие революций. В революции классовая борьба приобретает особую остроту. Массы становятся активными, самые широкие слои угнетенных и эксплуатируемых поднимаются на борьбу, втягиваются в движение, быстро приобретают политический опыт, происходит крутая ломка отношений эксплуататорского строя, ход исторического развития становится чрезвычайно быстрым. *«Революции — локомотивы истории»*, — говорил Маркс¹. Он особо ценил революционные периоды за то, что в них один день равняется двадцати годам медленного развития так называемых «мирных» периодов². Маркс и Энгельс в своей переписке много раз возвращаются к теме о грядущей революции, наступление которой они ожидали и к которой постоянно готовились.

Залогом успеха революции, наступления которой Маркс ожидал с нетерпением, условием ее победы он считал сочетание пролетарской революции с крестьянской войной. Маркс придавал очень большое значение революционной энергии крестьянских масс и одну из важнейших задач пролетариата видел в том, чтобы пролетариат руководил революционной борьбой крестьянства. Об этом Маркс говорит в ряде своих произведений.

В «Гражданской войне во Франции», где Маркс подводит итоги исторического опыта Парижской Коммуны, он перечисляет, что пролетариат, взявший в свои руки

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, 2 изд., стр. 86.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 139.

власть, должен сделать для крестьянства. «Коммуна освободила бы крестьянина от налога крови (т. е. от участия в грабительских войнах буржуазии. — В. А.), дала бы ему дешевое правительство, заменила бы нотариуса, адвоката, судебного пристава и других судебных вампиров, высасывающих теперь его кровь, наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она избавила бы его от произвола сельской полиции, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем»¹.

Далее Маркс упоминает о том, что только Коммуна освободила бы крестьянина от ипотечного долга, «который как кошмар тяготел над крестьянской parcelлой»², что только Коммуна положила бы конец экспроприации крестьян, происходящей при капитализме благодаря конкуренции капиталистического земледелия.

Учение Маркса о взаимных отношениях пролетариата и крестьянства, его учение о той политике, которую пролетариат должен вести по отношению к крестьянству, нашло свою проверку и блестящее подтверждение в дальнейшем ходе исторического развития. Особенно ярко оправдалось предвидение Маркса о сочетании пролетарской революции с крестьянской войной в русской революции. Успех большевиков с Лениным во главе в 1917 г., победа пролетарской революции явилась результатом того, что Ленин, гениальнейший ученик и продолжатель дела Маркса, в новой обстановке сумел применить указания Маркса, развил выдвинутое им учение, подготовил и осуществил победу пролетарской революции, поддержанной «вторым изданием крестьянской войны»³. Ленин создал и организовал Советскую власть как форму диктатуры пролетариата в новых исторических условиях и тем самым обогатил учение Маркса о диктатуре пролетариата. Под руководством Ленина победоносный пролетариат организовал защиту завоеванной им власти от нападения контрреволюционной бур-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 349.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 86.

жуазии всего мира и отстоял первое в мире государство трудящихся именно потому, что в своей политике руководствовался учением Маркса и Энгельса и наиболее последовательно проводил его в жизнь.

В своем научном предвидении хода пролетарской революции Маркс намечал, каковы должны быть взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством после взятия пролетариатом власти. Установив свою диктатуру, пролетариат продолжает руководить массами крестьянства. Он помогает массе мелких производителей перейти от мелкого индивидуального хозяйства к крупному общественному, производя коренной переворот в сельском хозяйстве.

«Это значит, что там, где крестьянин существует в массовом масштабе как частный земельный собственник, там, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех странах западноевропейского континента; где он не исчез и не заменен сельскохозяйственными батраками, как в Англии, — там произойдет следующее: либо крестьянин станет препятствовать и будет приводить к крушению всякую рабочую революцию, как он это делал до сих пор во Франции, либо же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он не думает, что принадлежит к нему) *должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится и которые, таким образом, привлекут его на сторону революции; меры, однако, которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной*, так что крестьянин сам приходит к этому хозяйственным путем»¹. (*Курс. В. В. Адоратского.*)

Мы видим, как Маркс намечает здесь как раз ту самую политику по отношению к крестьянству, которую проводил в жизнь *Ленин* и проводит сейчас наша партия, которая является единственно правильной политикой революционного пролетариата, строящего

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1 изд., стр. 187.

коммунизм. Этой политике обязано своими успехами так могуче развивающееся социалистическое строительство СССР.

V

Учение Маркса о диктатуре пролетариата оппортунисты II Интернационала замалчивали и старались предать забвению. Ленин восстановил это учение и развил его дальше, обогатив его содержание подытоженным опытом всего новейшего развития пролетарской революции.

Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию *политического господства* пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в *господствующий класс*, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства *все* трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства.

Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии. Наоборот, господствующий ныне оппортунизм воспитывает из рабочей партии отрывающихся от массы представителей лучше оплачиваемых рабочих, «устраивающихся» сносно при капитализме, продающих за чечевичную похлебку свое право первородства, т. е. отказывающихся от роли революционных вождей народа против буржуазии.

«Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат», — эта теория Маркса неразрывно связана со всем его учением о революционной роли пролетариата в истории. Завершение этой роли есть пролетарская диктатура, политическое господство пролетариата»¹.

В этих словах Ленин точно выразил сущность задачи, стоящей перед пролетариатом и его вождем. Для того чтобы пролетариат смог выполнить свое всемирно-историческое призвание, он должен быть организован, и его организация должна руководиться революционной теорией. При этих условиях пролетариат становится величайшей революционной силой. Организации пролетариата должны быть, не могут не быть разнообразны, чтобы охватить его различные слои, различные по своей зрелости. Центром же, фокусом всех организаций рабочего класса, высшей формой его организации является коммунистическая *партия* — его передовой отряд.

Только при наличии связанной с массами классово сознательной, классовой пролетарской партии, партии, руководству которой массы доверяют, за которой они идут, пролетариат становится классом, сознательно борющимся за свои исторические цели. Коммунистическая партия должна руководить всей классовой борьбой пролетариата. Она необходима для подготовки к завоеванию власти, при взятии власти и при диктатуре, при строительстве коммунистического общества. Только при таком руководстве пролетариат в революции может свергнуть господствующий класс, стряхнуть со своей шеи всю старую мерзость и стать способным выполнить свое историческое призвание. Создание такой партии — длительный процесс.

Громадная работа по созданию такой партии выпадает на долю вождя. Маркс, который, вместе со своим другом Энгельсом, всю свою жизнь отдал борьбе за дело рабочего класса, как раз и явился именно таким вождем, первым организатором пролетарской партии.

Если неизмеримо велика заслуга Маркса как теоретика, открывшего историческое призвание пролетариата,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, 4 изд., стр. 376—377.

то заслугой не меньшего исторического значения является создание коммунистической партии, выработка ее программы, стратегии и тактики, образцовое конкретное руководство массовым движением.

Свою роль вождя пролетариата Маркс выполнял именно как вождь пролетарской партии. В этом центр, ядро, весь фокус его жизни и деятельности.

VI

В соответствии с ходом исторических событий деятельность Маркса распадается на следующие пять периодов: 1) до революции 1848 г.; 2) период революции 1848—1849 гг.; 3) период реакции, продолжавшийся приблизительно до начала 60-х годов; 4) период нового подъема рабочего движения — период I Интернационала (высшей точкой этого подъема была Парижская Коммуна 1871 г.); 5) период после Парижской Коммуны.

Во все эти периоды, в различных условиях исторической обстановки, на различных этапах, которые проходило рабочее движение, Маркс был гениальным вождем рабочего класса, показавшим образцы конкретного руководства революционным рабочим движением.

Еще до революции 1848 г., к весне 1845 г., Маркс закончил в основном выработку своих исторических и политических взглядов. Маркс и Энгельс, после того как они свели счеты со своей философской совестью¹ и вскрыли в основном законы капиталистического развития и историческую роль пролетариата, немедленно же приступили к сплочению его передового отряда — коммунистической партии. В борьбе против утопизма, мелкобуржуазных взглядов, против заговорщичества и сектантства они убедили в правильности своих взглядов революционную организацию Союз справедливых, включившую в себя профессиональных революционеров из интеллигенции и рабочих.

«В то же время мы выпустили ряд памфлетов, частью печатных, частью литографированных, в которых, — говорит Маркс в своей книге «Господин Фогт», —

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, 2 изд., стр. 8.

подвергли беспощадной критике ту смесь французско-английского социализма или коммунизма с немецкой философией, которая составляла тогда тайное учение Союза; вместо этого мы выдвигали научное изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно прочную теоретическую основу и, наконец, в популярной форме разъясняли, что дело идет не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества»¹.

За 1845—1847 гг. Маркс и Энгельс написали ряд работ полемического характера: «Святое семейство» (1845 г.), «Немецкая идеология» (1845—1846 гг.) (работа, которая оставалась ненапечатанной, потому что не нашлось издателя, но результаты которой были использованы Марксом в его книге против Прудона и позднее в «Манифесте Коммунистической партии»), «Нищета философии. Ответ на „Философию нищеты“ г-на Прудона», ряд памфлетов и статей против буржуазного демократа Гейнцена, против «истинных социалистов» К. Грюна, Г. Криге и др. Маркс и Энгельс организовали Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет, пропагандировавший идеи научного коммунизма и укреплявший международные связи между коммунистами с целью подготовки почвы для создания международной пролетарской партии. Они организовали Рабочее просветительное общество в Брюсселе, где Маркс читал лекции по политической экономике и т. д. Результаты этой энергичной организационной и пропагандистской деятельности не замедлили сказаться.

В 1847 г. Союз справедливых окончательно перешел на почву идей научного коммунизма. Он был переименован в Союз коммунистов и на втором съезде Союза коммунистов в ноябре — декабре 1847 г. (на этом съезде присутствовал и Маркс) после длительной дискуссии единогласно было вынесено решение поручить Марксу и Энгельсу написать программу Союза.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, 2 изд., стр. 451.

«Манифест Коммунистической партии», являющийся первой программой пролетарской партии, сохраняет все свое значение до настоящего времени. В нем «с гениальной ясностью и яркостью, — как говорит Ленин, — обрисовано новое мирозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»¹.

В «Манифесте» изложены основные принципы учения Маркса и Энгельса о партии — передовом отряде рабочего класса, неразрывно с ним связанном, самом активном, всегда побуждающем к движению вперед, отличающемся тем, что ему ясны условия освобождения пролетариата. Коммунистическая партия представляет общие интересы движения в его целом независимо от национальных и местных интересов и в настоящем отстаивает будущее движения.

От той цели, которая поставлена в «Манифесте Коммунистической партии», — «формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти»², Маркс никогда не отступал за все время своей жизни. Эту цель он неизменно имел в виду на всех этапах своей работы. И Маркс вел последовательную борьбу со всеми, кто старался отвлечь пролетариат от этой цели, как с изменниками делу рабочего класса. Последовательность в достижении именно этой основной цели была залогом того, что коммунистическая партия действительно отстаивала и отстаивает интересы пролетариата и содействует ему в выполнении им его исторической роли. В «Манифесте» Маркса и Энгельса указана еще одна существеннейшая черта марксизма, о которой часто упоминал Маркс:

«Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 32.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 437—438.

Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения»¹.

Основа научного коммунизма — это происходящая в действительности массовая историческая борьба пролетариата.

VII

В революции 1848 г. Союз коммунистов не мог сразу занять руководящее место, так как он не был массовой организацией. «Пролетариат же, не сознавая еще своей собственной исторической роли, вынужден был на первых порах в подавляющей своей массе выполнять роль наиболее передового, крайнего левого крыла буржуазии. Немецкие рабочие должны были прежде всего завоевать себе те права, которые были им необходимы для самостоятельной организации в классовую партию: свободу печати, союзов и собраний, — права, которые сама буржуазия обязана была завоевать в интересах своего собственного господства, но которые она из страха перед рабочими стала теперь у них оспаривать. Две-три сотни разрозненных членов Союза затерялись в огромной массе, внезапно приведенной в движение. Немецкий пролетариат появился поэтому в первый раз на политической сцене сначала как крайняя демократическая партия» (Ф. Энгельс. «Маркс и «Новая Рейнская газета»)².

Это, как говорит Энгельс, предопределило для него и Маркса то знамя, с которым они выступили в революции 1848 года. Если бы они выступили непосредственно сразу же со знаменем коммунизма, массы их не поняли бы, и им пришлось бы «проповедовать коммунизм в каком-нибудь захолустном листке»³.

Чтобы идти во главе масс пролетариата, Маркс и Энгельс выступили со знаменем демократии, но такой демократии, которая выдвигала «повсюду, по каждому

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 438.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 313.

³ Там же.

отдельному случаю, свой специфический пролетарский характер, о чем она еще не могла раз навсегда написать на своем знамени»¹. И эта тактика характерна для марксизма. Для Маркса характерно умение не забегать вперед, не отрываться от масс, а, примыкая к массовому движению на любом его этапе, содействовать его движению вперед к полному пониманию массами пролетариата их исторических задач.

Основав «Новую Рейнскую газету», Маркс создал лучший, непревзойденный орган революционного пролетариата², в котором резко критиковалась непоследовательность и половинчатость либерализма и мелкобуржуазной демократии, систематически и непрерывно велась линия на то, чтобы, как это сказано в «Манифесте Коммунистической партии», в среде рабочих выработать «возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом»³.

Преследуя задачу насильственного свержения буржуазии, Маркс в революционные 1848—1849 годы призывал к восстанию и всеми средствами содействовал его организации вплоть до того, что тратил имевшиеся у него небольшие средства для вооружения рабочих.

Маркс и Энгельс учили относиться к восстанию со всей серьезностью, готовить массы к неизбежному захвату власти путем восстания, но ни в коем случае не играть с восстанием. В работе Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии», а также в других его статьях, просмотренных и одобренных Марксом, дается ряд правил, как надо относиться к восстанию как к искусству⁴.

После поражения восстания парижских рабочих в июне 1848 г. «Новая Рейнская газета» была в Германии и почти во всей Европе единственной газетой, «которая высоко держала знамя разгромленного пролетариата»⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 313.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 64.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 459.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, 2 изд., стр. 100—101.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 317.

После кровавого подавления восстания пролетариата буржуазией, которая спровоцировала это восстание, специально подготовившись к его разгрому, вооружив и организовав мобильную гвардию, стянув большое количество войск, Маркс выступил в защиту пролетарского дела в тот момент, «когда буржуазия и мещанство всех стран изливали на побежденных свою грязную клевету»¹. И здесь, как и во многих других случаях, с особой яркостью обнаруживалась стойкость Маркса как вождя пролетариата. Перед стеной врагов, в наиболее тяжелые минуты поражений Маркс ни разу не дрогнул, не поколебался. Он смело выступал представителем пролетарского дела, вождем пролетариата — непримиримо враждебного буржуазии, не отказывающегося от возобновления борьбы с новой энергией в будущем, когда рабочий класс опять соберется с силами.

В 1851 г., подводя итоги опыта революции 1848 г. в Германии, Энгельс писал:

«Пролетарской, или подлинно революционной, партии лишь постепенно удавалось освобождать массу рабочих от влияния демократов, в хвосте которых они плелись в начале революции. Но в надлежащий момент нерешительность, дряблость и трусость демократических вождей довершили дело, и теперь можно сказать, что один из главных результатов потрясений последних лет состоит в том, что повсюду, где рабочий класс сосредоточен в сколько-нибудь значительных массах, он совершенно освободился от упомянутого демократического влияния, которое в 1848 и 1849 гг. привело его к бесконечному ряду ошибок и неудач»².

В результате революции у рабочих сознание враждебной противоположности их интересов и интересов буржуазии было углублено и укреплено. В конце шестидесятых годов в Германии возникла уже самостоятельная рабочая партия, противопоставлявшая себя буржуазии, — «социал-демократическая рабочая партия»

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 317.

² К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 8. 2 изд., стр. 44—15.

(образовалась в 1869 г. на Эйзенахском съезде рабочих обществ). До этого образовался лассалевский Всеобщий немецкий рабочий Союз (1863 год).

VIII

В обстановке наступившей реакции, после разгрома революции 1848 г., в эмиграции в Лондоне Маркс продолжал принимать активное участие в политической жизни, немедленно откликаясь на текущие события статьями и брошюрами, в которых он давал гениальный анализ текущих событий и делал выводы для пролетарской партии, развивая стратегию и тактику пролетарской классовой борьбы, конкретизируя и уточняя свою теорию.

Наряду с этим главное внимание, большее количество времени Маркс отводил разработке экономической теории, создавая и совершенствуя таким образом научную основу программы и тактики пролетарской партии. Он выполнял эту работу, пользуясь временными перерывами в своей практической деятельности. В течение 50-х и начале 60-х годов Маркс проработал гигантский материал и подготовил в основном рукопись своего главного труда «Капитал», над которым он продолжал работать до конца дней. Он спешил обработать свой огромный научный труд, чтобы закончить его до наступления нового революционного подъема, для того чтобы создать новое теоретическое оружие для рабочего класса.

Наблюдая во второй половине 50-х годов явления приближающегося кризиса, Маркс писал Энгельсу 26 сентября 1856 г.: «Я не думаю, чтобы мы еще долго оставались здесь зрителями... «мобилизация» наших особ на носу»¹. Ожидая, что кризис вызовет новую революцию, и прекрасно понимая, что тогда уже не будет времени заниматься научными исследованиями, Маркс спешил закончить разработку своей экономической теории.

8 декабря 1857 г. он писал Энгельсу: «Я работаю, как бешеный, ночи напролет над систематизацией своих

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1 изд., стр. 156.

экономических исследований, чтобы успеть еще до déluge [потопа] закончить работу в общем виде»¹. Маркс имел все время свою цель перед глазами — руководство борьбой пролетариата, служение пролетарской революции, выковывание теоретического оружия, необходимого пролетариату для его борьбы.

Ведя борьбу против мелкобуржуазного соглашательства, старающегося превратить пролетариат в придаток буржуазии, старающегося заставить его плестись в хвосте либералов, Маркс и Энгельс боролись также и с революционным авантюризмом, с левачеством, не желавшим считаться с действительными отношениями существующей классовой борьбы, ведущим к отрыву от массы в конце концов приводящим к тому, к чему ведет оппортунизм правый — к отказу от революционной политики, к отдаче рабочих масс под руководство буржуазии.

Когда в Союзе коммунистов образовалось «левое» течение во главе с Шаппером и Виллихом, занимавшееся игрой в революцию, Маркс со всей энергией выступил против этого авантюризма, игравшего на руку контрреволюции. Ведя борьбу против «леваков», Маркс писал: «На место критического воззрения меньшинство ставит догматическое, на место материалистического — идеалистическое. Вместо действительных отношений меньшинство сделало движущей силой революции *одну лишь волю*. Между тем как мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству, вы говорите наоборот: «Мы должны тотчас достигнуть власти, или же мы можем лечь спать». В то время как мы специально указываем немецким рабочим на неразвитость немецкого пролетариата, вы самым грубым образом льстите национальному чувству и сословному предрассудку немецких ремесленников, что, разумеется, популярнее. Подобно тому как демократы превращают слово *народ* в святыню, вы проделываете это со словом *пролетариат*.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1 изд., стр. 266.

Подобно демократам, вы подменяете революционное развитие фразой о революции» и т. д. и т. д. (Маркс. «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов») ¹.

И Маркс добился того, что представители авантюристской тактики — меньшинство во главе с Шаппером и Виллихом — вышли из Союза коммунистов.

В период контрреволюции в 50-х годах рабочее движение пошло значительно на убыль, прекратил свое существование и Союз коммунистов, а также, как говорит Энгельс, и «Манифест Коммунистической партии», как программа рабочего движения, тоже был оттеснен на задний план.

IX

В начале 60-х годов наступил новый подъем рабочего движения, и Маркс выступил как организатор Международного Товарищества Рабочих (Интернационал) — этой первой массовой международной пролетарской организации, заложившей, как говорит Ленин, «фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал» ².

Маркс и Энгельс считали, что «освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом» ³, что путь к освобождению рабочего класса лежит через завоевание им власти. Это положение было для Маркса и Энгельса неоспоримой истиной. Оно было включено как основное положение в Устав I Интернационала. Примкнув к вновь поднимавшемуся рабочему движению, Маркс сумел встать во главе его. Ни в чем не отступая от принципов научного коммунизма, Маркс так составил Учредительный манифест и Устав I Интернационала, что доступ в организацию не был закрыт ни зараженным либерализмом английским рабочим тред-юнионистам, ни находившимся под влиянием прудонизма рабочим Франции, Бельгии, Италии и Испании, ни немецким рабочим, бывшим под влиянием ласальянства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, 2 изд., стр. 431.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, 4 изд., стр. 280.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, 2 изд., стр. 12.

Руководя Интернационалом, принимая постоянное участие в работе Генерального Совета, составляя для Интернационала все его важнейшие манифесты, обращения, воззвания, ведя систематическую разъяснительную работу, Маркс содействовал развитию в умах рабочих правильного понимания условий их освобождения, содействовал изживанию всякого рода иллюзий. Он добился того, что за время существования Интернационала широким слоям рабочих домарксовских форм социализма стали вполне ясны причины банкротства. На повседневной практике убеждались они в правоте идей марксизма. «Рабочие в 1874 г., — говорит Энгельс в предисловии к английскому изданию «Коммунистического манифеста», — в период распада Интернационала, были уже совсем не такими, какими они были в 1864 г.»¹

Особенно ярким образцом того, как Маркс оценивал исторический опыт революционной массовой борьбы и как он руководил на основе этого рабочим движением, является отношение его к Парижской Коммуне. Маркс поддерживал с Коммуной регулярные связи, оказывал ей всяческую поддержку, выступал в ее защиту, старался организовать систематическое руководство ею через организации Интернационала и через специальных делегатов. Можно прямо сказать, что Маркс принимал все меры, чтобы руководить восстанием пролетариата против буржуазии. И немедленно же вслед за разгромом Коммуны Маркс выступил с одним из своих гениальнейших произведений «Гражданская война во Франции», в котором, изучая опыт Коммуны, учитывая историческое творчество масс, сделал выводы, какова должна быть организация диктатуры пролетариата, пролетарской власти, которая должна заменить разбитую машину буржуазного государства. Отношение Маркса к Коммуне и его высказывание о ней (напр. в письмах к Кугельману²) во весь рост показывают Маркса как вождя пролетариата.

Ленин, ведя борьбу с меньшевиками, для того чтобы показать, как мало общего имеет с марксизмом их

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, 1 изд., стр. 306.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 339—354, а также Избранные письма, 1953, стр. 263—264.

отношение к массовому революционному движению, сравнивал отношение Маркса к Парижской Коммуне с отношением Плеханова — одного из лучших теоретиков социал-демократии II Интернационала — к восстанию русских рабочих в декабре 1905 года. Как известно, Плеханов после разгрома восстания выступил со статьей, в которой заявил: «не надо было браться за оружие».

«Маркс, — говорит Ленин, — в *сентябре 1870 года, за полгода* до Коммуны, прямо предупредил французских рабочих: восстание будет *безумием*, сказал он в известном адресе Интернационала. Он вскрыл *заранее* националистические иллюзии насчет возможности движения в духе 1792 г. Он умел *не задним числом*, а за много месяцев сказать: «Не надо браться за оружие»»¹. Но когда массы, поставленные в такие условия, что они не могли не восстать, взяли на себя инициативу и подняли восстание в конце марта 1871 г., Маркс с восторгом приветствовал эту инициативу масс. «*Творить мировую историю, — писал Маркс Кугельману 17 апреля 1871 г., — было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов*»². И Ленин комментирует эти слова Маркса: «Маркс в сентябре 1870 года называл восстание безумием. Но когда *массы* восстали, Маркс хочет идти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбы, а не читать канцелярские наставления. Он понимает, что попытка учесть наперед шансы *с полной точностью* была бы шарлатанством или безнадежным педантством. Он *выше всего* ставит то, что рабочий класс героически, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее *творит*, не имея возможности наперед *непогрешимо* учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализует «легко было предвидеть... не надо было браться...».

Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба *масс* даже за без-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 12, 4 изд., стр. 87.

² Там же, стр. 90.

надежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей борьбе*»¹.

Проигранная после долгой и упорной борьбы битва в классовой борьбе пролетариата имеет не меньшее революционное значение, чем без труда доставшаяся победа. Такова установка научного коммунизма, учитывающего все значение всей борьбы пролетариата в ее целом за окончательное торжество его дела.

Еще одно необходимо отметить в деятельности Маркса в I Интернационале — это его борьбу с анархизмом и его главарем Бакуниным, проповедовавшим отказ от политической борьбы. Дезорганизаторская демагогическая деятельность анархистов объективно вела к обессиливанию рабочего класса.

«Там, где рабочий класс, — писал Маркс Ф. Больте 23 ноября 1871 г., — еще недостаточно развил свою организацию, чтобы начать решительный поход против коллективной власти, т. е. политической власти господствующих классов, его нужно во всяком случае готовить к этому при помощи постоянной агитации против этой власти и при помощи враждебной позиции по отношению к политике господствующих классов. В противном случае рабочий класс останется игрушкой в их руках, как это доказала сентябрьская революция во Франции и как это до известной степени доказывает игра, которая до сих пор удается г. Гладстону и К⁰ в Англии»².

Ввиду того что проповедь и деятельность Бакунина на деле вела к обезоружению рабочего класса, к превращению рабочего класса «в игрушку в руках господствующего класса», Бакунин был исключен Гаагским конгрессом 1872 г. из I Интернационала как изменник делу рабочего класса. Энгельс в письме Бебелю от 20 июня 1873 г. писал о том, что тактика на раскол, которую тогда проводил Маркс, целиком была правильной: «мы отделались с честью для нас от гнилых

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 12, 4 изд., стр. 90.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 271—272.

элементов». И Энгельс огмечал дальше, какое сильное впечатление на присутствующих произвел этот «суд над предателями европейского пролетариата»¹.

Х

После поражения Парижской Коммуны, в новой обстановке, создавшейся в результате этого поражения, Интернационал не мог уже существовать в прежнем виде. Но Маркс и Энгельс продолжали руководить рабочими партиями в разных странах, поддерживая с ними связи. В относящихся к этому периоду различных работах, партийных документах и письмах мы имеем дальнейшие образцы конкретного руководства. Ленин, говоря об этом периоде деятельности Маркса в предисловии к «Переписке Маркса и Энгельса с Зорге», указывал на то, как поучительно сопоставление того, что говорили Маркс и Энгельс по вопросам англо-американского и немецкого рабочего движения.

Отличительной чертой англо-американского рабочего движения того времени было то, что там «намека не было ни на какую политическую самостоятельность рабочих». «Рабочие волочили и волочатся в политике больше всего за буржуазией»². Маркс и Энгельс как на очередную задачу указывали на необходимость создать действительную рабочую партию, противопоставляющую себя всем другим партиям, резко отмежевывающуюся от всяких буржуазных и мелкобуржуазных партий. Больше всего критикуют Маркс и Энгельс здесь сектанство, оторванность от масс, неумение связаться с массами, овладеть их движением, содействовать их освобождению из буржуазного плена.

Но особенно много внимания уделяют Маркс и Энгельс рабочему движению в Германии. Ленин так характеризует обстановку, создавшуюся в начале 70-х годов в Европе: «развращенный империалистскими прибылями рабочий Англии, разбитая Коммуна в Париже, только что победившее (в 1871 г.) буржуазно-на-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 287.

² В. И. Ленин. Соч., т. 12, 4 изд., стр. 325.

циональное движение в Германии, спящая вековым сном полукрепостная Россия.

Маркс и Энгельс верно угли момент, поняли международную ситуацию, поняли задачи *медленного* подхода к началу социальной революции»¹.

В Германии в это время уже существовала рабочая партия. Через все отзывы Маркса и Энгельса о германском рабочем движении проходит предостережение против «правого крыла» рабочей партии. Маркс и Энгельс ведут беспощадную (у Маркса в 1877—1879 гг. «бешеную») войну с оппортунизмом в социал-демократии. Они борются здесь на два фронта: против правого оппортунизма, отрекающегося от классовой борьбы, открыто проповедующего соглашение с буржуазией, стремящегося уничтожить классовую борьбу, желающего превратить конечную катастрофу в постепенный и по возможности мирный процесс перерождения (Гёхберг, Шрамм, Э. Бернштейн и др.), и против левого фразерства, прикрывающего свою измену пролетарскому делу, свой отказ от действительной классовой борьбы звонкой и пустой «революционной» фразой (И. Мост и др.).

Германская социал-демократия при своем возникновении с самого начала примкнула к теоретическим положениям Маркса. Но в ней были оппортунистические элементы, и ее вожди Бебель, Либкнехт и другие проявляли нередко примиренчество к оппортунизму, не всегда достаточно энергично давали ему отпор. Такие ошибки в действиях вождей Маркс резко критиковал. Даже самое название «социал-демократия» Маркс и Энгельс считали неправильным. Энгельс в письме Марксу от 16 ноября 1864 г. писал по поводу того, что Швейцер назвал свою газету «Социал-демократ»: «Что это за дурацкое название!»² И Маркс соглашался с ним, что название действительно «плохое»³. В 1894 г. в предисловии к сборнику своих статей 1871—1875 гг. Энгельс разъяснял, что название это «неподходящее для такой партии, экономическая программа которой является не

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, 4 изд., стр. 64.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 215.

³ Там же, стр. 217.

просто социалистической вообще, а прямо коммунистической, — для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а следовательно, также и демократии». Энгельс прибавляет: «Названия *действительных* политических партий, однако, никогда вполне им не соответствуют, партия развивается, название остается»¹. Социал-демократами (в 40—60-х годах) называли себя люди, «которые вовсе не писали на своем знамени лозунга о переходе всех средств производства в руки общества»² (такими были тогда демократические республиканцы 40-х годов типа Ледрю-Роллена, прудонистски окрашенные «радикальные социалисты» в 1874 г., наконец, лассальянцы, ограничивавшиеся в своей программе требованием производительных товариществ с государственной помощью). Маркс и Энгельс отмежевывались от подобных политических течений и вели с ними решительную борьбу. Они называли себя коммунистами и считали это название единственным теоретически правильным названием пролетарской партии. Но когда возникшая в 1869 г. эйзенахская партия, назвавшая себя тоже социал-демократической, открыто признала своей основной целью обобществление средств производства, тогда Маркс и Энгельс сочли устраненным основное препятствие и нашли возможным примкнуть к этой партии, временно мирясь с ее неправильным названием.

Мы видим здесь еще один из образцов подхода Маркса к рабочему движению, метод руководства Маркса и Энгельса. Тогда, в 70—80-е годы, как говорит Ленин, — «Маркс и Энгельс сознательно мирились с неверным, оппортунистическим термином: «социал-демократии». Ибо *тогда*, после поражения Парижской Коммуны, история поставила на очередь дня: медленную организационно-просветительную работу. Иной не было»³.

Маркс и Энгельс «мирились» с названием, не выражающим правильно существо пролетарской партии,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, 1 изд., стр. 387.

² Там же, стр. 386.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 24, 4 изд., стр. 64.

лишь при том условии, что партия, признавая основную цель — свержение буржуазии, отмену частной собственности на средства производства, овладение ими пролетариатом, революционное преобразование буржуазного общества, — развивалась в направлении более правильного понимания и выражения пролетарских интересов.

«Диалектик Энгельс, — писал Ленин в «Государстве и революции», — на закате дней остается верен диалектике. У нас с Марксом, говорит он, было (в 40-х годах. — *В. А.*) прекрасное, научно-точное, название партии, но не было действительной, т. е. массовой пролетарской партии. Теперь (конец XIX века) есть действительная партия, но ее название научно неверно. Ничего, «сойдет», лишь бы партия *развивалась*, лишь бы научная неточность ее названия не была от нее скрыта и не мешала ей развиваться в верном направлении!»¹.

Влияние Маркса и Энгельса обеспечивало движение в этом направлении. Блестящие образцы борьбы Маркса и Энгельса против оппортунизма — «Критика Готской программы» (1875 г.) и «Циркулярное письмо» (1879 г.). Они последовательно, систематически учили революционной политике, готовили массы к пролетарской революции, в неизбежности которой они ни на минуту не сомневались.

В письме Бебелю от 14 ноября 1879 г. Энгельс пишет: «Несомненно, что критика наша многим неприятна, но больше, чем от всяких некритических комплиментов, партия выигрывает от того, что за границей у нее есть люди, свободные от влияния запутанных местных условий и частных эпизодов борьбы, которые время от времени измеряют партийные события и выступления масштабом теоретических положений, действительных для современного пролетарского движения во всех странах, и отражают перед партией то впечатление, которое эти выступления производят за пределами Германии»².

Критикуя оппортунистические ошибки вождей, Маркс и Энгельс основную свою задачу видели в том, чтобы обеспечить правильную линию партии, правильное

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, 4 изд., стр. 427.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 333.

выражение интересов пролетариата, обеспечить влияние партии на массы, еще не захваченные движением. Они систематически подготавливали пролетариат к выполнению им его всемирно-исторического призвания.

XI

Изучая внимательно произведения Маркса, его переписку, воспоминания ряда знавших его лично людей, изучая по документам всю его деятельность, мы видим, что Маркс был в течение всей своей жизни верен своей революционной теории и революционной политике, основные принципы которой он выдвинул в начале своей деятельности и которую он в течение всей своей жизни конкретизировал, развивал, проводил в жизнь в самой разнообразной обстановке, на всех этапах развития рабочего движения. Перед изучающим его жизнь встает образ непреклонного революционера, борца, беззаветно преданного делу пролетариата.

Маркс первый глубоко изучил и до конца понял природу капиталистического производства и его конечную историческую судьбу. Основываясь на этом, Маркс ясно понимал задачи и конечную цель пролетарской классовой борьбы, понимал условия, ход и общие результаты пролетарского движения¹. Маркс умел сочетать глубокое проникновение в детали с широтой обобщений, с охватом предмета в целом, в его развитии, с пониманием прошлого и будущего данного явления. Он умел «на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией»², всегда представлять интересы «движения в целом», в борьбе пролетариев отдельных наций выделять и отстаивать «общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата»³, ясно понимать как прошлое, так и будущее движения.

Маркс всегда был близок к массам, умел установить с ними связь, выразить отчетливо то, что они смутно

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 4, 2 изд., стр. 437—438.

² Там же.

³ Там же.

ощущают. Он был чуток к запросам масс и умел воспринимать уроки массового движения, историческое творчество масс. Гениально правильно схватывая конкретную обстановку, учитывая все условия борьбы, Маркс умел давать массам конкретные лозунги, конкретно ими руководить. Помогая им на практике убеждаться в правильности коммунистической программы и тактики, содействуя подъему движения на новые, высшие ступени, Маркс умел на каждом этапе движения, не отрываясь от масс, идти во главе их, способствуя их движению вперед, отыскивать в практической работе то звено, на котором надо в данный момент сосредоточить все внимание, приложить все усилия.

Непреклонная, непримиримая, последовательная борьба за революционный путь развития. И в то же время — гибкость тактики, умение отступить, вести подготовительную пропагандистскую работу, для того чтобы в дальнейшем, при новом подъеме революционного движения, тем энергичнее повести наступление. Борьба против мелкобуржуазного соглашательства и против всех и всяческих буржуазных и мелкобуржуазных влияний на пролетариат, использование всех возможных союзников и в то же время линия на разрыв с оппортунизмом, беспощадная критика половинчатости и непоследовательности либерализма и мелкобуржуазной демократии — вот что было отличительной чертой деятельности Маркса на всем протяжении его жизни. Величайшая безграничная преданность делу рабочего класса, глубокая партийность всех выступлений, всей научной и политической деятельности — вот одна из основных отличительных черт великого борца за гегемонию пролетариата, за его диктатуру.

Борьба за осуществление диктатуры пролетариата составляет основное содержание всей политической и научной деятельности Маркса и никакие выдумки лавкеев буржуазии, никакая клевета ренегатов марксизма не могут скрыть и извратить этот факт, исказить образ великого революционера. Во время восстаний пролетариата против буржуазии, происходивших при жизни Маркса дважды (1848 и 1871 гг.), он безоговорочно был с пролетариатом. А в течение всего остального времени

своей жизни Маркс подготовлял пролетариат к тому, чтобы он, свергнув власть буржуазии, взял власть в свои руки и установил свою диктатуру.

ХII

При жизни Маркса и Энгельса не наступила мировая социалистическая революция, неизбежность которой они предвидели. Только с наступлением эпохи империализма настала эпоха пролетарских революций, и за это время коренным образом изменилась вся международная обстановка.

В статье «Третий Интернационал и его место в истории», написанной в 1919 г., Ленин так охарактеризовал обстановку, сложившуюся в международном рабочем движении XIX века, и ту перемену, которая произошла ко второму десятилетию XX века.

«Англия дала образец страны, в которой, по выражению Энгельса, буржуазия рядом с обуржуазившейся аристократией создала наиболее обуржуазившуюся верхушку пролетариата. Передовая капиталистическая страна на несколько десятилетий оказалась отсталой в смысле революционной борьбы пролетариата. Франция как бы исчерпала силы пролетариата на два геройских, давших необычайно много во всемирно-историческом смысле, восстания рабочего класса против буржуазии в 1848 и в 1871 годах. Гегемония в Интернационале рабочего движения перешла затем к Германии, с 70-х годов XIX века, когда Германия была экономически позади и Англии и Франции. А когда Германия обогнала экономически обе эти страны, то есть ко второму десятилетию XX века, тогда во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной продавшейся капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контрреволюционной буржуазии.

Всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, 4 изд., стр. 283.

II Интернационал, проделавший «исторически-необходимую, полезную работу»¹, когда на очереди дня стояла подготовка рабочих масс в рамках этой буржуазной демократии»², отжил и превратился из организации, содействовавшей политическому росту и развитию рабочего класса, в организацию, подчиняющую его буржуазии. Это перерождение произошло в результате подкупа верхних прослоек рабочего класса буржуазией из тех империалистических сверхприбылей, которые получались от грабежа колониальных и полуколониальных стран капиталистами каждой империалистической страны.

II Интернационал, в котором еще до войны постепенно получил преобладание оппортунизм, опошлил, искажил учение Маркса.

Знамя пролетарской революции, революционной классовой борьбы пролетариата победоносно отстояла партия большевиков, которая под руководством Ленина вела борьбу против оппортунизма с самого возникновения марксистской партии в России. Большевики «выросли из борьбы с оппортунизмом 1894—1914 гг.»³, — писал Ленин в начале 1917 г. в своей тетради «Марксизм о государстве».

В начале Октябрьской революции с особой остротой встал вопрос о восстановлении правильного названия пролетарской партии, того названия, которое приняли Маркс и Энгельс, когда они в самом начале своей деятельности организовали свою партию. В 1917 г. в статье «Задачи пролетариата в нашей революции» Ленин, отмечая неверность названия «социал-демократия» (и в первой и во второй его половине), указывал, что со времени рождения Советского государства это название стало совершенно нетерпимо, так как слово демократия есть «шора, одеваемая на глаза революционному народу и мешающая ему свободно, смело, самочинно строить

¹ Об этой работе по пропаганде социализма в массах говорит и Энгельс во «Введении к брошюре К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»». (Прим. В. В. Адоратского). (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 463—486).

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, 4 изд., стр. 285.

³ В. И. Ленин. Марксизм о государстве. 1958, стр. 96, 97.

новое: Советы рабочих, крестьянских и всяких иных депутатов, как *единственную власть* в «государстве», как предвестник «отмирания» *всякого* государства»¹.

В 1918 г. на VII съезде партия большевиков была переименована в *Коммунистическую партию*, а в 1919 г. под руководством Ленина возник *Коммунистический Интернационал*, и, таким образом, полностью оправдатель предвидение Энгельса, писавшего в сентябре 1874 г. Зорге, что Интернационал, который возникнет в обстановке обостренной классовой борьбы, будет уже прямо коммунистическим².

Ход исторического развития полностью подтвердил научные открытия Маркса. Выработанная им стратегия и тактика пролетарской партии оправдала себя в ряде революций. Продолжатели дела *Маркса* — большевики во главе с *Лениным* — одержали ряд побед именно потому, что они целиком стояли на почве марксизма, последовательно боролись за созданную Марксом теорию, за осуществление учения Маркса о диктатуре пролетариата на практике. Коммунистическому Интернационалу, который руководится теорией Маркса — Ленина и среди успехов которого самым выдающимся триумфом является социалистическое строительство в СССР, развивающееся под руководством Коммунистической партии, обеспечены в будущем и дальнейшие триумфы. Они еще ярче обнаружат всю правоту и все величие учения Маркса, все грандиозное значение жизни и деятельности великого вождя пролетариата.

«Пролетарская Революция»
№ 1, 1933

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, 4 изд., стр. 63.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 290—291.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ «КОММУНИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА»

(ПОДГОТОВКА И РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ ИДЕЙ.
НАЧАЛО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ)

В феврале 1923 г. исполнилось 75 лет со времени выхода в свет «Коммунистического манифеста». Но содержание этого исторического документа до сих пор современно. Когда теперь в пропагандистском кружке или на лекции приходится знакомить с этой первой программой коммунистической партии современных рабочих, — она и в настоящее время захватывает и читающего и слушателей. В «Манифесте» гениально представлен ход всемирной истории и определены классовые задачи пролетариата. Для современных рабочих он продолжает оставаться одной из самых дорогих и понятных книг.

Объем «Манифеста» невелик, но он плод огромной работы мысли. Он плод напряженного научного труда, продолжавшегося не менее 5 лет (приблизительно с 1843 г. по 1848 г., — с переезда Маркса во Францию до выхода «Манифеста» в свет в начале 1848 г.) и охватывающего громадный материал. «Коммунистический манифест» — это не только программа политической партии, но и гениальное научное произведение, отмечающее начало новой эпохи научной мысли.

Путь от идеализма, утопизма и вообще от буржуазных предрассудков к ясному научному мировоззрению приходится проходить всякому, кто желает разобраться в совершающемся историческом процессе и отнестись к нему вполне сознательно. Заслуга Маркса и Энгельса в том, что они этот путь прошли первыми и вслед за ними теперь стало легче идти каждому рабочему, вырабатывающему себе ясное классовое сознание, освобож-

дающемуся от буржуазной идеологии для того, чтобы лучше выполнить эту задачу своего класса, поставленную на очередь ходом всемирной истории.

Марксу и Энгельсу далеко не сразу удалось выработать свою теорию. От идеализма они не могли вполне отделаться даже еще и в 1844 г., когда они уже определенно высказывались за коммунизм. Об этом свидетельствует, например, статья Маркса «К критике гегелевской философии права», помещенная им в «Немецко-французских ежегодниках» в 1844 году¹. В этой статье есть уже почти все отдельные элементы материалистического понимания истории. Маркс уже видит сущность борьбы классов современного общества, понимает неизбежность классовой борьбы пролетариата, предвидит победу его. Он уже определенно говорит, что материальная сила может быть свергнута только материальной же силой. Он приходит к выводу, что формы государства и правовые отношения обусловлены отношениями по производству. Но рядом с этим у него еще имеются остатки идеалистических взглядов. Он там еще думает, что «Крестьянская война, это наиболее радикальное событие немецкой истории, разбилась о теологию»², т. е. причиной неудачи крестьянского движения в Германии в XVI веке Маркс склонен был считать известное состояние умов, известную систему мыслей — богословие.

Еще ярче выраженные идеалистические взгляды встречаем мы в статьях Энгельса. В его статье «Положение Англии» (серия статей под этим заглавием была напечатана в парижской газете «Vorwärts» («Вперед») от 31 августа до 16 октября 1844 г.) встречаются также чисто идеалистические объяснения исторических явлений: «Древний мир, который ничего еще не знал о праве субъекта, — пишет Энгельс, — и все мировоззрение которого было по существу абстрактно, всеобщно, субстанциально, не мог поэтому существовать без рабства»³. Таким образом, известное состояние умов выступало причиной определенного общественного строя.

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, 2 изд., стр. 219—368 и 414—429.

² Там же, стр. 423.

³ Там же, стр. 604.

Древние люди не знали о праве субъекта, и потому тогда существовал рабский строй.

Идеалист — левый гегельянец Энгельс, приехав осенью 1842 г. в Англию, был твердо убежден, что движущей силой истории были идеи-принципы. «Закопснелому британцу никак не втолковать того, что само собой понятно в Германии, а именно — что так называемые материальные интересы никогда не могут выступить в истории в качестве самостоятельных, руководящих целей, но что они всегда, сознательно или бессознательно, служат принципу, направляющему нити исторического прогресса»¹.

Итак, вот каково было мнение Энгельса в 1842 году. Ведет нить общественного прогресса, двигает вперед историю — принцип, идея. В кружке левых гегельянцев в начале 40-х годов в Германии это было само собой разумеющейся истиной. Материальный интерес мог лишь *служить* «принципу», был лишь второстепенным, подчиненным явлением, о котором даже и не вспоминали.

В Англии Энгельс встретился с фактами, свидетельствовавшими о совершенно обратном. Там о принципах никто ничего не знал и не хотел знать, а движущей силой были материальные интересы. Это можно было наблюдать на каждом шагу; и Энгельс не мог не увидеть, к чему сводится сущность борьбы этих интересов. В той же корреспонденции он говорит, что от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ всего населения Англии принадлежит к пролетариату. Энгельс указывает на безработицу и неизбежность ее дальнейшего увеличения в будущем и заключает такими словами: «при том положении Англии, какое мы обрисовали выше, невозможно, чтобы в скором времени не наступила всеобщая нищета среди рабочих, и тогда страх перед голодной смертью окажется сильнее страха перед законом. Эта революция неизбежна для Англии, но как во всем, что происходит в Англии, эта революция будет начата и проведена ради интересов, а не ради принципов; лишь из интересов могут развиться принципы, т. е. революция будет не политической, а социальной»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, 2 изд., стр. 499.

² Там же, стр. 503.

Мы видим, каким образом Энгельс, наблюдая жизнь капиталистической Англии, научился понимать, что главное содержание современной истории сводится к назревающему столкновению между буржуазией и пролетариатом, что классовая борьба составляет основу всей политической истории, что не принципы, а материальные интересы являются в конечном счете двигателями истории.

За свою двухлетнюю жизнь в Англии Энгельс стал коммунистом, но еще не вполне освободился от идеализма и утопизма. Письмо его от конца сентября 1844 г. Марксу, с которым он осенью 1844 г. уже сошелся, выяснив согласие во всех основных вопросах, полно молодого воодушевления, но показывает, что коммунизм его еще в значительной мере утопический. Энгельсу казалось, что, прежде всего, для успеха дела требуется вывести «принципы» коммунизма из *воззрений, существовавших до сих пор*. Ему казалось, что распространение идей коммунизма среди буржуазной молодежи является для дела коммунизма большим успехом.

«В Кёльне я провел три дня и был поражен невероятными успехами нашей пропаганды. Наши люди там очень деятельны, но чувствуется недостаток в надлежащей опоре. Пока наши принципы не будут развиты — в двух-трех книгах — и не будут выведены, логически и исторически, из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение, вся эта работа останется половинчатой, и большинство наших будет блуждать, как в темноте.

Затем я был в Дюссельдорфе, где мы тоже имеем нескольких дельных ребят. Больше всего, однако, нравятся мне мои эльберфельдцы, у которых гуманистическое мировоззрение действительно вошло в плоть и кровь. Они серьезно взялись за революционизирование своих семей и читают своим родителям проповеди, если те осмеливаются обращаться с прислугой или с рабочими, как аристократы. А это в нашем патриархальном Эльберфельде много значит. Кроме этой группы имеется еще одна неплохая группа, но недостаточно еще определенная. В Бармене сам полицейский комиссар счи

тает себя коммунистом. Третьего дня был у меня старый школьный товарищ, учитель гимназии: он тоже сильно заражен, хотя не встречался с коммунистами. Если бы можно было воздействовать непосредственно на народ, то мы скоро заняли бы господствующее положение. Но это невозможно, особенно для нас, литераторов, которые должны держать себя тихо, чтобы не попасть сейчас в кутузку. Впрочем, тут пока совершенно безопасно, на нас обращают мало внимания, пока мы сидим тихо, и я думаю, что Г[есс] с его опасениями видит лишь призраки. По крайней мере, меня нисколько не беспокоят, и только один раз прокурор справлялся обо мне у родных. Это все, что до сих пор дошло до меня...

...С тех пор как я уехал, Вупперталь проделал во всех отношениях больший прогресс, чем в течение пятидесяти лет. Весь тон общественной жизни стал гораздо цивилизованнее, политика и оппозиционное настроение охватывают все слои населения, промышленность сделала огромные успехи, построены новые кварталы, вырублены целые леса, вся область теперь стоит скорее выше среднего уровня немецкой цивилизации, тогда как еще четыре года назад она стояла ниже этого уровня, — словом, тут создается прекрасная почва для наших принципов, и если нам удастся вовлечь в движение наших диких, горячих красильщиков и белильщиков, то наш Вупперталь тебя еще удивит. Рабочие года два уже как достигли последней ступени старой цивилизации и протестуют против старого общественного строя путем быстрого роста преступлений, грабежей и убийств. Улицы вечером весьма небезопасны, буржуазию бьют, режут и грабят, и если здешние пролетарии будут развиваться по тому же закону, что и английские, то они скоро поймут, что этот способ индивидуального протеста против старого общества, путем насилий, бесполезен, и будут протестовать против него, как люди, путем коммунизма. Если бы только можно было указать им путь! Но именно это невозможно...

...С тех пор как я написал предыдущие строки, я был опять в Эльберфельде и вновь натолкнулся на некоторых, прежде мне совершенно не известных, коммунистов.

Куда ни кинь, куда ни повернись, всюду натыкаешься на коммуниста...»¹

Что этот коммунизм, которым увлекались даже полицейские чиновники, был лишь формой проявления буржуазной революционности, — вещь обычная в эпоху нарастания буржуазной революции, — что такому коммунизму грош цена, — Энгельс убедился на опыте впоследствии, в 1848 году. Его попытки собирать средства на издание газеты среди своих старых знакомых «коммунистов» имели слабый успех. Он писал Марксу из Бармена 25 апреля 1848 г., что на акции на газету мало можно рассчитывать, что его знакомый Бланк, оказавшийся еще лучше других, все-таки стал настоящим буржуа. Все прежние друзья, увлекавшиеся коммунизмом, оперились, обосновались и вступили в столкновения с рабочими, словом, сделались настоящими буржуа. «Эти люди боятся, как чумы, обсуждения общественных вопросов; они называют это подстрекательством»². Напрасно Энгельс расточал перед этой публикой «перлы красноречия», как он выражается, ответы получались всегда уклончивые. В 1848 г. Энгельс был уже опытнее, ему были уже вполне ясны противоречия классовых интересов и он делает соответственный вывод: дело в сущности в том, пишет он дальше в том же письме, что «даже эти радикальные буржуа видят в нас своих будущих главных врагов и не хотят давать нам в руки оружие, которое мы очень скоро обратим против них самих»³.

В 1844—1845 гг. такого опыта у Энгельса еще не было, ему еще казалось, что увлечение коммунизмом, распространявшееся в буржуазных кругах, имело действительно серьезное значение для торжества коммунизма. В письме от 22 февраля 1845 г. он с торжеством сообщал Марксу о том, что в Эльберфельде происходят чудеса. Состоялось третье коммунистическое собрание в самой большой гостинице города, в самом большом зале. «На первом присутствовало 40, на втором — 130, на тре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, 1 изд., стр. 1—3.

² Там же, стр. 100.

³ Там же.

гьем, по меньшей мере, — 200 человек. Весь Эльберфельд и Бармен, от денежной аристократии до лавочников, за исключением лишь пролетариата, был там представлен... Вообще, — продолжает Энгельс дальше, — успех колоссальный. Коммунизм является главной темой разговоров... Самые глупые, беззаботные, проникнутые филлистерством люди, ничем в мире не интересовавшиеся, начинают увлекаться коммунизмом»¹.

Зиму 1844—1845 гг. Энгельс использовал для работы над своей книгой «Положение рабочего класса в Англии». Он пишет Марксу из Бармена 19 ноября 1844 года: «Я зарылся с головой в английские газеты и книги, по которым составляю свою книгу о положении английских рабочих. К середине или к концу января я надеюсь кончить ее, так как с наиболее трудной работой, с подбором материала, я уже справился около двух недель тому назад. Я составляю англичанам славный перечень их грехов. Перед лицом всего мира я обвиняю английскую буржуазию в массовых убийствах, грабежах и других преступлениях. Я пишу особое английское предисловие к книге, которое напечатаю отдельно и разошлю английским партийным лидерам, литераторам и членам парламента. Пусть они помнят обо мне. Впрочем, само собой разумеется, что хотя я и быю по мешку, но имею в виду осла, т. е. немецкую буржуазию. Я достаточно ясно говорю ей, что она так же плоха, как английская, но далеко не так мела, последовательна и искусна в своем живодерстве»².

В своем предисловии ко второму изданию этого своего юношеского труда, вышедшем в 1892 г., Энгельс писал, что в этой книге коммунизм находится еще в зародышевом состоянии — в нем были еще следы утопизма, состоявшего в том, что тогда Энгельс считал коммунизм не просто партийной доктриной рабочего класса, но теорией, конечной целью которой является освобождение всего общества, в том числе и капиталистов, от современных общественных отношений. «В абстрактном смысле это утверждение верно, — прибавляет Энгельс, —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, 1 изд., стр. 14.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 12.

но на практике оно бесполезно, и большей частью даже хуже того»¹.

Живя зимой 1844—1845 гг. в Бармене, Энгельс очень тяготился и своим буржуазным положением и своей оторванностью от рабочих, и принадлежностью к эксплуататорскому классу. Вот что он пишет Марксу 20 января 1845 г. из Бармена: «Но мне все это опротивело, и на пасху я хочу уехать отсюда, вероятно, в Бонн. Уступая настояниям моего зятя и не желая огорчать моих стариков, я опять попытался взяться за коммерцию и вот уже две недели захаживаю в контору. Отчасти меня побудил к этому и мой роман. Но это мне надоело раньше, чем я начал как следует работать. Торговля — гнусность, гнусный город Бармен, гнусно здешнее времяпрепровождение, а в особенности, гнусно оставаться не только буржуа, но даже фабрикантом, т. е. буржуа, активно выступающим против пролетариата. Несколько дней, проведенных на фабрике моего старика, снова воочию показали мне и заставили меня сильнее почувствовать всю эту мерзость. Я, конечно, рассчитывал остаться в деле только пока мне это будет удобно, а там написать что-нибудь с полицейской точки зрения предосудительное, чтобы иметь благовидный предлог перебраться за границу. Но я не выдержу так долго. Если бы я не должен был ежедневно регистрировать в моей книге отвратительнейшие картины из жизни Англии, я, вероятно, уже успел бы прокиснуть, но именно это давало новую пищу моему бешенству. Можно еще, будучи коммунистом, оставаться по внешним условиям буржуа и вьючной скотиной торгашества, если *не заниматься литературной деятельностью*, — но вести в одно и то же время широкую коммунистическую пропаганду и занятия торгашеством, промышленными делами, этого нельзя»².

Приведем еще одно письмо Энгельса из Бармена, где он пишет Марксу о Штирнере. Письмо интересно не только тем, что в нем излагаются мысли Энгельса о

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии, 1953, стр. 20.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, 1 изд., стр. 12—13; см. также Избранные письма, 1953, стр. 14—15.

Штирнере, встретившие со стороны Маркса возражения, но и тем, что из этого письма можно увидеть тот путь, каким Маркс и Энгельс стали отходить от Фейербаха, перестав удовлетворяться феербаховским «человеком», сыгравшим в свое время роль в процессе перехода от идеализма к материализму, но являвшимся все же отвлеченностью. Вот что пишет Энгельс Марксу из Бармена 19 ноября 1844 года:

«Ты, вероятно, уже слышал о книге Штирнера «Единственный и его собственность», а может быть даже имеешь ее. Виганд прислал мне корректурные листы. Я взял их с собою в Кёльн и оставил у Гесса. Принцип благородного Штирнера, — ты помнишь берлинца Шмидта, который в сборнике Буля писал о «Парижских тайнах» [о романе Сю. — В. А.] — это тот же эгоизм Бентама, в одном отношении проведенный более последовательно, в другом — менее. Более последовательно потому, что Ш[тирнер], как атеист, ставит личность выше бога или, вернее, видит в ней наиболее крайнее звено, тогда как Бентам оставляет над ней в туманной дали бога; одним словом, потому, что Штирнер стоит на плечах немецкого идеализма, является идеалистом, обращенным в материалиста и эмпирика, тогда как Бентам — простой эмпирик. Менее последователен Штирнер потому, что он желал бы, но не может избежать реконструкции разложенного на отдельные атомы общества, — операции, которую Б[ентам] производит. Этот эгоизм есть только осознавшая себя сущность современного общества и современного человека, последнее, что современное общество может сказать против нас, кульминационный пункт всякой теории в пределах существующей глупости.

Поэтому теория [Штирнера] имеет гораздо большее значение, чем думает Гесс. Мы не должны отбросить ее в сторону, а, наоборот, использовать как современное выражение существующей глупости и, *перевернув ее*, строить на ней дальше. Этот эгоизм введен до такой крайности, до того нелеп и в то же время самонадеян, что, в своей односторонности, он не может удержаться ни одного мгновения и должен сейчас же превратиться в коммунизм. Во-первых, нет ничего легче, как доказать

Штирнеру, что его эгоистические люди уже из одного эгоизма неизбежно должны стать коммунистами. Это необходимо ему доказать. Во-вторых, нужно ему сказать, что человеческое сердце, прежде всего, непосредственно, является именно в своем эгоизме неэгоистичным и способным на жертвы и что он, таким образом, возвращается к тому, на что он нападает. Этими общими местами можно опровергнуть его *односторонность*. Но мы должны воспринять то, что в этом принципе является истиной. А верно в нем во всяком случае то, что если мы хотим сделать что-нибудь для какого-нибудь дела, то мы это дело должны превратить в свое собственное, в эгоистическое дело, — что мы в этом смысле, даже помимо каких-либо материальных ожиданий, просто в силу эгоизма, являемся коммунистами и именно из эгоизма хотим быть *людьми*, а не только индивидуумами. Или, выражаясь иначе: Штирнер прав, когда он отвергает «человека» Фейербаха, по крайней мере человека из «Сущности христианства». Фейербаховский «человек» есть производное от бога, и потому его «человек» еще увенчан теологическим сиянием абстракции. Настоящий же путь, которым мы можем прийти к «человеку», — путь совершенно обратный. Мы должны исходить из «я», из эмпирического, телесного индивидуума, но не для того, чтобы застрять на нем, как Штирнер, а чтобы от него подняться к «человеку». Этот «человек» всегда остается фантастическим призраком, если он не имеет своей основы в эмпирическом человеке. Одним словом, мы должны исходить из эмпиризма или материализма, если мы хотим, чтобы наши идеи и, в особенности, наш «человек» были чем-нибудь реальным; мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из себя или из воздуха, как Гегель.

Все это общие места, которые сами собой разумеются и которые уже сказаны были Фейербахом. Я не повторил бы их, если бы Гесс, — как мне кажется, в силу своей старой привязанности к идеализму, — не подверг такой жестокой критике эмпиризм, в особенности Фейербаха, а теперь Штирнера. Во многом, что он говорит о Фейербахе, Гесс прав, но, с другой стороны, он сохранил еще некоторые идеалистические повадки — когда он

начинает говорить о теоретических вещах, то он выражается категориями. Поэтому он не умеет писать популярно, он для этого чересчур абстрактен. По той же причине он ненавидит также всякий и всяческий эгоизм и проповедует любовь к людям и т. д., что опять сводится к христианскому самопожертвованию. Но если телесный индивидуум представляет истинную основу, истинный исходный пункт для наших «людей», то, само собой разумеется, эгоизм, — конечно, не *один только* штирнеровский рассудочный эгоизм, но и *эгоизм сердца*, — должен быть также исходным пунктом для нашей любви к людям, иначе последняя висела бы в воздухе. Так как Гесс к вам скоро приедет, то ты можешь с ним сам побеседовать на эту тему. Впрочем, вся эта теоретическая болтовня мне с каждым днем все больше надоедает, и всякое слово, которое приходится сказать о «человеке», всякая строка, которую приходится писать или читать против теологии и абстракции, а равно и против грубого материализма, раздражают меня. Со всем другое дело, когда, вместо всех этих призраков, — ведь и не реализовавшийся еще человек остается до своей реализации таким призраком, — занимаешься действительными, живыми предметами, историческим развитием и его результатами. Это, по крайней мере, лучшее, что нам остается, пока мы вынуждены пользоваться еще пером и не можем воплощать наши идеи в действительность непосредственно руками или, если это необходимо, кулаками.

Книга Штирнера показывает опять, как глубоко лежит в характере берлинца абстракция. Из всех «свободных» Штирнер несомненно наиболее талантливый, самостоятельный и прилежный. Несмотря на все это, он перескакивает только из идеалистической абстракции в материалистическую и, таким образом, не приходит ни к чему¹.

Ответа Маркса на это письмо в переписке не имеется. Он, вероятно, возразил Энгельсу, отвечая ему на это письмо, что, исходя от «Я», от «действительного телесного индивида», он тоже рискует быть абстрактным.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, 1 изд., стр. 6—8.

Чтобы быть действительным материалистом в области истории, нужно исходить из изучения всего человеческого общества в целом и не в том виде, как оно отражается в сознании участников, а изучая его таким, каким оно является в материальной действительности.

В письме от 20 января 1845 г.¹ Энгельс отвечает, что он согласен с возражениями Маркса, что письмо его было написано под свежим впечатлением книги, которую он вначале несколько переоценил.

Вырвавшись весной 1845 г. из своего Бармена, Энгельс поехал за границу к Марксу. За время отсутствия Энгельса Маркс успел в теоретическом отношении сделать очень многое. У него сложился уже вполне определенный и ясный взгляд на общество. Изучая историю французской революции, он научился видеть и понимать борьбу классов. Работа его критической мысли, созревшей благодаря изучению действительности, окончательно рассеяла туман идеологии, и он смог изложить Энгельсу при встрече с ним вполне ясно в общих чертах свои исторические взгляды. В упомянутой выше статье «К истории Союза коммунистов», являющейся предисловием к работе Маркса «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов», Энгельс говорит, что, когда весной 1845 г. он снова встретился с Марксом в Брюсселе, тот развил уже в главных чертах свою материалистическую теорию истории, и они принялись за детальную разработку этого вновь открытого метода исследования в самых разнообразных направлениях².

Об этой первой словесной формулировке исторической теории Маркса Энгельс рассказывает в своем предисловии к третьему изданию «Коммунистического манифеста», 28 июня 1883 года. В этой формулировке отмечено три пункта:

1. Что экономическое производство и вытекающий из него общественный строй каждой исторической эпохи образует основу политической и умственной истории этой эпохи.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, 1 изд., стр. 9.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 326.

2. Что история была до сих пор историей борьбы классов, подчиненных и господствующих, эксплуатируемых и эксплуатирующих на разных ступенях общественного развития.

3. В настоящее время эта борьба достигла той ступени, когда эксплуатируемый класс не может освободиться, не уничтожая навсегда классы¹.

Этой теоретической победы Маркс достиг только после почти двухлетней жизни за границей и после упорной работы над вопросами истории и социализма.

Чтобы выработать теорию научного социализма, надо было противопоставить идеологической точке зрения теоретическое изучение действительного человеческого общества, действительно существующих общественных отношений. Препятствием к этому были различные идеологические неправильные представления, мешавшие видеть действительность такой, какова она была на самом деле.

В первой словесной формулировке своих взглядов мы видим, что Маркс наметил общую точку зрения. Основным решающим в обществе является не состояние сознания, а состояние производства, определяющее общественный строй, а через него и сознание. Далее требовалось более подробно развить эту точку зрения и разрушить основательно все те теории, которые мешали видеть действительность.

Мешала идеалистическая философия самосознания, представителем которой был Бруно Бауэр.

Мешала точка зрения эгоистической личности (тоже отвлеченность), представителем которой был Штирнер.

Мешал гуманизм Фейербаха, останавливавшийся тоже на отвлеченном человеке, не умевший перейти к действительному изучению человеческого общества. «Человек» Фейербаха был, конечно, лучше бога, ближе к действительности, но все же не сама действительность.

Мешала утопическая точка зрения философских или «истинных социалистов», обосновывавших необходимость социализма философскими доводами.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 4.

Критику Бауэра Маркс и Энгельс дали еще в «Святом семействе» в 1844 году¹.

Но окончательный расчет со своей философской совестью они произвели в 1845—46 годах. Плодом их совместной работы явилась рукопись — два толстых тома в 8-ю долю листа под заглавием: «Немецкая идеология (Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков)»². Эта рукопись писалась с сентября 1845 г. до августа 1846 года.

Прежде чем отправить в печать свою работу о Фейербахе в 1888 г., Энгельс перечитал эту старую рукопись 1845—1846 годов. «Отдел о Фейербахе в ней не закончен, — пишет Энгельс в своем предисловии к брошюре. — Готовую часть составляет изложение материалистического понимания истории; это изложение показывает только, как еще недостаточны были наши тогдашние познания в области экономической истории»³. Из печатаемого ниже изложения отрывка из этого отдела можно убедиться, что теоретические воззрения Маркса и Энгельса в то время уже содержали в себе все существенное, что является характерным для теории научного социализма.

Кроме этой части, посвященной Фейербаху, были отделы, посвященные Бруно Бауэру (Святой Бруно), Максу Штирнеру (Святой Макс) и «истинным социалистам». Бернштейн опубликовал в 1903—1904 гг. отдел, посвященный Штирнеру. Эта работа переведена на русский язык под заглавием «Святой Макс».

Мы приведем здесь изложение той части этой рукописи, где содержится формулировка исторических взглядов Маркса и Энгельса в том виде, как она дается в биографии Энгельса, написанной Георгом Майером⁴. Интерес этой формулировки в том, что она является

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 2, 2 изд., стр. 3—230.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 3, 2 изд., стр. 7—544.

³ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения*, т. II, 1955, стр. 340.

⁴ Имеется в виду первая глава I тома «Немецкой идеологии». (См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 3, 2 изд., стр. 7—78).

первым изложением на бумаге теории исторического материализма.

Точкой отправления при изучении общества должны быть не представления людей, не отвлечения от действительности, а «действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»¹.

Всегда можно без спекуляции и мистификации вполне ясно и точно в каждом отдельном случае установить зависимость общественного и политического строя от материального производства. Также и производство идей и представлений в более ранние периоды непосредственно и теснейшим образом связано с материальной деятельностью людей и с их материальными отношениями. Люди сами производят свои собственные представления и идеи, действительные люди, занимающиеся разнообразной деятельностью, — и делают они это так, как их к тому побуждает определенное развитие их производительных сил и соответствующее этому развитию состояние производства и их взаимоотношений.

Бытие людей — это действительный процесс их жизни. Сознание не может быть ничем иным, как только познанным бытием.

Если в каждой идеологии люди и их отношения представляются перевернутыми вверх ногами, как в камере-обскуре, так это является таким же следствием их исторического жизненного процесса, как и перевернутое положение всех предметов на сетчатой оболочке глаза, являющееся непосредственным следствием их физического процесса. Исходным пунктом идеологов является то, что сами люди говорили, думали, воображали, представляли. Только через рассказанного, выдуманного, воображаемого, представленного человека доходили они до человека телесного. Они отыскивали землю, исходя из неба. Но не правильное было бы обратное. Подлинная, положительная наука начинается именно там, где прекращается умозрение — около действительной жизни. Надо исходить от действительного,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, 2 изд., стр. 18.

действующего человека и постараться понять, каким образом из действительного жизненного процесса развиваются идеологические отражения и отзвуки этого процесса. Отвлеченные туманные представления в мозгу людей являются неизбежными продуктами возгонки их материального жизненного процесса. Таким образом, нравственность и метафизика теряют всякую видимость самостоятельности и претензии на какую-то особую историю, на какое-то независимое развитие, потому что люди, развивая свое материальное производство и свое материальное общение, вместе с изменением этой стороны своей жизни, меняют также и свое мышление и продукты своего мышления. Если же мы пришли к выводу, что действительная положительная наука должна исходить из изучения только действительной жизни, тогда ясно, что философия не может служить изображением действительности. Место философии может в лучшем случае занять сведение воедино общих результатов, которые можно вывести из исследования исторического развития человека.

А история? Только в том случае история перестанет быть собранием мертвых фактов, какой она является у эмпириков, тоже, собственно говоря, страдающих отвлеченностью, или перестанет быть собранием рассказов о воображаемых действиях воображаемых лиц, как у идеалистов, когда она полностью изобразит деятельный процесс жизни. До сих пор история или совсем не обращала внимания на материальную основу, или рассматривала ее как второстепенное явление, стоящее вне связи с всеобщим развитием. Особенно этим отличается немецкая история. Она искала вне себя находящейся мерки, действительное производство жизни считала неисторическим, историческим же считала только то, что «отвлеченно», что парит над миром, удалено от обычной жизни. Французы и англичане движущей силой истории считали, по крайней мере, политическую иллюзию, «которая ближе всего к действительности». У них все-таки делались попытки писать истории гражданского общества, торговли и промышленности. Немцы же истинную движущую силу усматривали в религиозной иллюзии. Обращая внимание только на это, они забыли

обо всех других нациях и обо всех действительных событиях и мировой сценой (*Theatrum mundi*) считали Лейпцигскую книжную ярмарку и споры между «Критикой», «Человеком» и «Единственным»¹.

В конце концов, они собирались завоевать Эльзас-Лотарингию, обворовывая вместо французского государства — французскую философию и онемечивая вместо французских провинций — французские мысли.

Но как только господствующие идеи оказываются отделенными от отношений, порожденных определенной степенью развития способов производства, и когда, следовательно, пришли к выводу, что, стало быть, в истории господствуют мысли, тогда ничего уже не стоило вывести из всех этих разнообразных мыслей определенную мысль — господствующую идею — и изобразить историю в виде промысла божия (теодицеи), как это сделал Гегель. История до сих пор чересчур доверчиво относилась к словам каждой эпохи, которые та говорила о себе, верила тому, что эта эпоха сама о себе думает, и не ставила вопроса о том, в какой мере играют тут роль классовые иллюзии.

Чтобы доказать положение, что производство есть самый выдающийся, все определяющий факт исторической жизни, чтобы обратить на него достаточное внимание читателя, Маркс и Энгельс начинают свои доказательства с первобытных времен. Производство материальной жизни является для них основным историческим действием, потому что оно безусловно является предпосылкой для производства средств, удовлетворяющих различные дальнейшие потребности. Прежде всего надо поддержать физическое существование. Собственная жизнь производится трудом, посторонняя жизнь — рождением. Сознание же есть продукт общества — оно появляется в языке. Сознание и язык возникли из потребности в сношениях с другими людьми. Эта потребность тем сильнее, чем более требований предъявляется

¹ «Критика» — философская точка зрения Бруно Бауэра с его самосознанием критической личности. «Человек» — философская точка зрения Фейербаха с его гуманизмом. «Единственный» — философская точка зрения Штирнера с его анархическим индивидуализмом. (Прим. В. В. Адоратского).

производству благодаря росту населения и чем более развивается разделение труда. Это развивающееся разделение труда создает предпосылки для возникновения частной собственности и классов. Разделение труда и частная собственность — это два разных выражения, обозначающих одно и то же. Только тогда, когда произошло разделение между трудом материальным и духовным, сознание смогло освободиться от существующей практики и вообразить себе, что оно действительно что-то представляет, не представляя в сущности ничего действительного. С разделением труда, отделившим потребление от производства, смогли вступить в противоречие друг с другом три момента: производительная сила, общественный строй и сознание. Разделение труда породило противоречие интересов отдельных лиц, отдельных семейств, с одной стороны, и общих интересов людей, находящихся в общении, — с другой. Оно обусловило господство одного класса над другим.

Вся борьба внутри государства, борьба между аристократией, демократией и монархией, борьба за избирательное право и другие вещи — все это обманчивые формы, под прикрытием которых ведутся действительные битвы различных классов друг с другом. Всякий класс, стремящийся к господству, должен прежде всего завоевать политическую власть. При этом сначала такой класс, стремящийся к власти, должен выставить свой интерес в виде всеобщего интереса всех членов общества, или, выражаясь идеально, должен придать своим мыслям форму всеобщности, представить их единственно разумными и заслуживающими всеобщего признания. Уже тем, что революционный класс противопоставляет себя всегда другому классу, он выставляет себя не классом, а представителем всего общества. Либералы не признаются в том, что их речи, лозунги являются идеальным выражением реальных интересов буржуазии. Тот класс, который господствует материально, является в то же время и господствующей духовной силой. Тот, кто располагает средствами материального производства, располагает также и средствами производства духовного. Мысли, которые господствуют в каждой эпохе, являются идеальным выражением господствующих в эту эпоху

материальных отношений. Там, где власть делится между королевской властью, аристократией и буржуазией, разделение властей считается вечным законом. Форма государства всегда есть практически-идеалистическое выражение господства определенного класса. Государство — это та форма, в которой индивиды господствующего класса осуществляют свои общие интересы, форма, в которой объединяется все гражданское общество известной эпохи. Государство — это гражданское общество в действии. Чем больше развивается капитализм и чем сильнее вместе с этим становится воздействие государства на собственность, тем более начинает исчезать призрак самостоятельности государства, независимости его от гражданского общества. Этот призрак встречается только в странах, где сословия не вполне еще развились в классы и где поэтому одна часть населения не может еще подняться до владычества над остальной частью. На такой переходной ступени находится Германия, и этим как раз объясняются явления, не встречающиеся в других местах: честное сознание чиновника, все иллюзии о государстве и относительная независимость теоретиков от граждан.

Маркс и Энгельс считают, что самым ранним значительным разделением труда в истории было разделение между городом и деревней. Непосредственным следствием этого разделения является резкий разрыв между материальным и умственным трудом.

Далее идет краткий общий очерк экономической истории.

В нем изображается, каким образом круг лиц, оказывающих друг на друга влияние своим производством, постепенно расширяется. Разделение труда происходит сначала между отдельными личностями и, наконец, становится международным. Таким образом, история областей и народов расширяется во всемирную историю. Чем больше развитый способ производства соединяет друг с другом национальности, тем больше эти народы и отдельные личности среди них оказываются в зависимости от мирового рынка, тем более полно все развившиеся естественным путем отношения начинают растворяться в денежном обращении. Тем скорее наступает в развитии

производительных сил такой момент, когда машины и деньги становятся не столько производительными, сколько разрушительными силами, когда всесторонняя зависимость — эта первая естественно образовавшаяся форма всемирно-исторического взаимодействия индивидов — достигает полного завершения. С появлением пролетариата выходит на мировую сцену могильщик этого старого порядка. Все столкновения в истории происходили из подобного противоречия между производительными силами и формой общения.

Победа города над деревней, крупной промышленности над другими формами производства порождает в общем повсюду одинаковые отношения между классами и вместе с тем уничтожает национальные особенности. У буржуазии еще имеются особые национальные интересы, но в лице пролетариата возникает класс, имеющий во всех нациях одинаковые интересы, в нем национальность уничтожена, он освободился от всего старого мира и противостоит ему враждебно. У пролетариата нет таких особых классовых интересов, которые бы требовали установления особых привилегий в отличие от привилегий господствующего класса. Пролетариат явится представителем той революции, которая положит конец классам и классовому господству. При прежних революциях оставался незатронутым характер деятельности, происходило только иное распределение этой деятельности. Пролетарская революция превращает всестороннюю взаимную зависимость — эту первую, естественно образовавшуюся форму всемирно-исторической совместной деятельности отдельных людей — превращает ее в контроль и сознательное господство людей над хозяйственными силами, которые до сих пор противостояли людям враждебно и господствовали над ними. Эта революция будет коммунистической, потому что уничтожить разделение труда, превратившее личные отношения в вещные, возможно только при условии действий сообща, согласованных всем обществом. Личная свобода станет возможной только при коммунизме, потому что только тогда индивид сможет беспрепятственно развить всесторонне свои способности. Только в коммунистическом обществе своеобразное и свободное развитие индивидов не

будет фразой. В государстве и в других существовавших до сих пор суррогатах общежития такое развитие было доступно исключительно только для тех индивидов, которые развивались в условиях господствующих классов и лишь поскольку эти лица были членами именно этого класса. В истинном общежитии отдельные личности в своем объединении и при его помощи достигнут также и свободы. Под личной свободой понимали до сих пор право для лиц в рамках известных условий беспрепятственно подвергаться случайностям. В буржуазную эпоху господство вещных отношений над людьми, подавление индивидуальности разными случайностями достигло высших пределов, стало наиболее всеобщим и резким. При коммунизме вместо господства над личностью случайностей и обстоятельств установится господство личности над случайностями и обстоятельствами. Но для того чтобы такое состояние наступило, необходимо уничтожить разделение труда и частную собственность. Чтобы отстоять свою личность и завоевать влияние, пролетарии должны свергнуть государство — ту самую форму, в которой выражалось общение индивидов в современном обществе. Это возможно сделать лишь путем революции. Господствующий класс не уступит власти добровольно, а революционный класс в ходе революции станет способным к тому, чтобы основать новое общество.

Коммунизм отличается от всех движений, имевших место до сих пор, тем, что он производит полную революцию основы всех существовавших до сего времени отношений производства и обмена. Коммунизм впервые сознательно лишает естественности все сложившиеся естественным путем предпосылки производства и обмена, не подчинявшиеся до сих пор общему плановому руководству, и покоряет их власти объединенных индивидов. Но подчинить современное мировое хозяйство индивидам можно только в том случае, если подчинить его всем. Присвоение (*Aneignung*) можно осуществить только объединением, а оно в силу самого характера пролетариата может быть только всеобщим. Только на этой ступени труд, сделавшийся наконец самостоятельностью, совпадает с материальной жизнью и только

тогда, после того как будет уничтожена всякая естественность, самопроизвольно развивающаяся (Naturwüchsigkeit), возможно станет развитие индивидов в целостных индивидов, всестороннее осуществление индивида.

Для классового движения пролетариата не будет препятствием то обстоятельство, что крупная промышленность не во всех странах одинаково развита, а в каждой отдельной стране точно так же неодинаково распределена. Отсталые страны находятся под влиянием передовых, при помощи мирового рынка последние затягивают первых в международную борьбу конкуренции. Внутри же страны промышленный пролетариат увлечет за собой всю остальную массу, потому что благодаря крупной промышленности все трудящиеся, не включенные в нее, оказываются в гораздо более худшем положении благодаря ее росту. Однако не следует отождествлять положение пролетариата с пауперизмом. Пауперизм обозначает состояние пролетариата, окончательно разоренного (ruinierten) и не способного сопротивляться гнету буржуазии. Революционный же пролетариат, понявший свое положение и добивающийся его улучшения, является стремящимся вперед и полным сил. При выполнении им своей революционной роли изменение им самого себя совпадает с изменением обстоятельств.

Вот ход мыслей первой формулировки исторической теории Маркса, имеющийся в той части рукописи «Немецкая идеология», которая посвящена Фейербаху.

Читая «Коммунистический манифест», встречаешь в сжатом виде, а иногда и в той же самой формулировке, мысли, развитые в рукописи, и становится ясно, что эта рукопись была частью той подготовительной работы, которая дала возможность придать весь блеск, сжатость и вместе с тем глубину и богатство содержания «Коммунистическому манифесту». Такие вещи, как «Манифест», пишутся только в результате очень большого предварительного труда.

1844—1846 гг. были временем преимущественно теоретических занятий Маркса и Энгельса. Выяснив окончательно основные черты своих новых теоретических взгля-

дов, произведя расчет с идеологическими воззрениями, Маркс и Энгельс перешли к практике.

«Мы отнюдь не намеревались сообщить о новых научных результатах исключительно «ученому» миру, изложив их в толстых книгах, — пишет Энгельс. — Наоборот. Мы оба уже глубоко вошли в политическое движение; у нас уже были последователи среди интеллигенции, особенно в западной Германии, и значительные связи с организованным пролетариатом. На нас лежала обязанность научно обосновать наши взгляды, но не менее важно было для нас убедить в правильности наших воззрений европейский и прежде всего германский пролетариат»¹.

Если Марксу и Энгельсу приходилось освобождаться от идеализма, утопизма и буржуазных взглядов, то и рабочим, вырабатывавшим свое классовое сознание, тоже приходилось и приходится отделяться от своегообразного идеализма, утопизма и предрассудков, присущих рабочим, не порвавшим еще со своим мелкобуржуазным ремесленным прошлым.

Арнольд Руге в своей книге «Два года в Париже», изданной в Лейпциге в 1846 г., рассказывает, что в парижских кружках рабочих обсуждались в то время общественные вопросы, главным образом вопрос об общности имущества как о средстве уничтожить рабство рабочих, и вопрос религиозный. «Столяры (ébénistes), — говорит Руге, — это свободомыслящие ремесленники, освободившиеся от христианства и опирающиеся на Фейербаха. Их противниками являются портные, придерживающиеся вместе с Вейтлингом христианства. Они внесли мистику также и в политику и мечтают о таинственном, внезапном освобождении независимо от государства».

Как у Энгельса не было еще в начале опыта и ясного понимания полной непримиримости классовых интересов буржуазии и пролетариата, не было еще ясного представления о том пути, каким может быть установлен коммунизм, так не было этого и у передовых рабочих

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 327.

того времени. У них, как у пролетариев, был классовый инстинкт, но смутный и в значительной мере еще совпадавший с революционным инстинктом мелкого буржуа, возмущенного гнетом крепостнического государства и крупного капитала. У рабочих не было еще правильного понимания классовой борьбы пролетариата и ее неизбежности, не было строгого отграничения от буржуазии не только от крупной, но и от мелкой. Они склонны были верить в то, что можно достичь социалистического строя без борьбы, что он наступит сразу, и пассивно терпели и ждали чудес, увлекаясь различными пророками вроде Кульмана, о котором упоминает Энгельс в своей статье¹.

Противопоставляя всем этим неправильным взглядам свою теорию, Маркс и Энгельс должны были указывать рабочим на необходимость и неизбежность классовой борьбы, на необходимость «пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству»².

Научный коммунизм Маркса означал «уже не фантастическое измышление возможно более совершенного общественного идеала, а понимание природы, условий и вытекающих из них общих целей борьбы, которую ведет пролетариат»³.

Влияния, с которыми Марксу и Энгельсу приходилось бороться в рабочих кружках — влияние Прудона, Грюна, Вейтлинга, опирались на неясность классового сознания пролетариата в начале его исторической карьеры.

Рабочих, не имеющих пролетарского классового сознания, находящихся еще целиком во власти старых отсталых понятий, соответствующих ремесленному быту, Маркс и Энгельс называли штраубингерами (Straubinger) — слово, постоянно встречающееся в ранних письмах Энгельса. Штраубингер — это или ремесленный под-

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения*, т. II, 1955, стр. 328.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 8, 2 изд., стр. 431.

³ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения*, т. II, 1955, стр. 327.

мастерье, пропитанный целиком старыми цеховыми понятиями, или рабочий, лишенный какой-либо широты взгляда, считающий своими лишь «людей с мозолистыми руками», легко поддающийся влиянию различных «рабочих оппозиций». Словом, отсталые, малосознательные элементы рабочего класса.

В работе «Карл Фогт» Маркс писал о своей деятельности того времени, что он старался в популярной форме разъяснить в целом ряде памфлетов, частью печатных, а частью литографированных, что дело идет не о том, чтобы осуществить какую-нибудь утопическую систему, а о том, чтобы принять сознательное участие в историческом процессе преобразования общества, совершающемся на наших глазах¹.

В 1846 г. Маркс выступил против Германа Криге, одного из представителей немецкого «истинного социализма».

Против Прудона Маркс выпустил в 1847 г. свою «Нищету философии»².

Против Грюна был напечатан специальный памфлет в журнале «Вестфальский пароход» за 1847 год³.

С начала 1847 г. стала выходить «Немецкая Брюссельская газета», в которой Маркс и Энгельс принимали близкое участие. Но дело шло не об одной только идейной пропаганде. Маркс и Энгельс стремились создать также и организацию коммунистов. Вокруг Маркса в Брюсселе, куда он переехал с января 1845 г. вследствие высылки из Парижа, собрался постепенно кружок друзей и последователей. Ко времени 1846 г. у Маркса и Энгельса возник план организации особых групп коммунистов, разделявших их взгляды.

Для того чтобы укрепить позицию среди парижских кружков рабочих, Энгельс переехал в Париж во второй половине августа 1846 года.

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 14, 2 изд., стр. 451.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 4, 2 изд., стр. 1—16 и 65—185.

³ Имеется в виду критический очерк Маркса о книге К. Грюна «Социальное движение во Франции и Бельгии» — глава «Немецкой идеологии», опубликованная в августовском и сентябрьском выпусках «Das Westphälische Dampfboot» за 1847 год. (См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 3, 2 изд., стр. 489—534).

В первом томе переписки между Марксом и Энгельсом имеется целый ряд писем, рисующих внутреннюю жизнь парижских кружков и организационно-пропагандистскую деятельность Энгельса.

В письме, помеченном октябрь 1846 г., Энгельс пишет: «Со здешними ремесленниками я надеюсь справиться. Правда, эти парни ужасно невежественны и по условиям своей жизни совсем не подготовлены. Конкуренции между ними нет никакой. Заработок стоит всегда на одном и том же уровне. Борьба с мастером идет вовсе не из-за платы, а из-за «высокомерия подмастерьев» и т. д. На портных оказывают теперь революционизирующее действие магазины готового платья. Если бы только портняжное дело не было таким гиблым ремеслом!

Грюн страшно навредил. Все, что было определенного в головах этих людей, он превратил в расплывчатые фразы, в «общечеловеческие» стремления и т. д. Под тем предлогом, что он борется с вейтлинговским и прочим доктринерским коммунизмом, он набил им головы самыми неопределенными, пустозвонными и мелкобуржуазными фразами, а все остальное объявил погоней за системами. Даже столяры, никогда не бывшие, за отдельными исключениями, последователями Вейтлинга, даже они проникнуты суеверной боязнью «грубого» коммунизма (*Löffelkommunismus*) и, по крайней мере, до принятия решения, охотнее поддерживали всякую пустую болтовню, мирные планы осчастливить человечество и т. д., чем этот «грубый» коммунизм. Здесь царит безграничная путаница»¹.

В письме от 23 октября 1846 г. Энгельс дает подробный отчет об одном из тех сражений, которые ему приходилось вести в кружках рабочих, и о том, каким образом удалось ему провести то постановление, о котором упоминается в первом отрывке.

Письмо Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету, Париж, 23 октября 1846 г.

«О здешних историях с филистерами-ремесленниками рассказывать почти нечего. Самое главное состоит в том,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 21.

что споры, которые мне до сих пор приходилось вести с этой публикой, сейчас уже разрешены. Главный сторонник и ученик Грюна, папаша Эйзерман, вышиблен, влияние остальных его приверженцев на массу окончательно подорвано, и я провел наперекор им решение, которое было принято единогласно.

Дело было так.

Три вечера мы спорили о плане прудоновских ассоциаций. Сначала против меня были все, а под конец — только Эйзерман и еще три грюнианца. Главное, что приходилось мне доказывать, это — необходимость насильственной революции и, вообще, антипролетарский, мелкобуржуазный, филистерский характер грюновского «истинного социализма», почерпнувшего новые жизненные силы в прудоновской панацее. В конце концов я стал бешеным из-за вечного повторения моими противниками одних и тех же доводов и повел лобовую атаку на этих филистеров, что вызвало сильное возмущение среди грюнианцев. Зато я вынудил благородного Эйзермана *прямо высказаться* против коммунизма. После этого я так его отделал, что он больше не появлялся.

Тогда я ухватился за оружие, данное мне в руки Эйзерманом, — нападки на коммунизм, — тем более, что Грюн продолжал интриговать, бегал по мастерским, по воскресеньям приглашал публику к себе и т. д. и т. д., а в воскресенье после вышеупомянутого заседания *он сам* совершил безграничную глупость: в присутствии восьми или десяти ремесленников стал нападать на коммунизм. Еще до начала обсуждения я потребовал голосования по вопросу о том, коммунисты мы или нет. Если мы коммунисты, то надо прекратить нападки на коммунизм, которые позволил себе Эйзерман. Если же нет, если здесь собрались первые встречные потолковать о том, о сем, то мне нет дела до них, и я больше не приду. Это вызвало величайшее возмущение грюнианцев, которые стали уверять, что они собрались обсуждать «благо человечества», собрались для просвещения, что они люди прогресса, а не односторонние доктринеры и т. д. и т. д. Как можно таких порядочных людей называть «первыми встречными»? К тому же они *хотели бы прежде всего знать*, что собственно есть коммунизм (подлецы! ведь в

течение многих лет они называли себя коммунистами и отреклись только из страха перед Грюном и Эйзерманом, когда те втерлись к ним под предлогом коммунизма). Я, конечно, не был застигнут врасплох их любезной просьбой рассказать им, неучам, в двух-трех словах, что такое коммунизм. Я дал им тогда самое простенькое определение, которое, не выходя из рамок обсуждавшихся вопросов, заключало в себе требование общности имущества, и тем самым *исключало*, как всякое миролюбие, мягкость и почтение к буржуазии и к мещанству, так и прудоновское акционерное общество с его сохранением индивидуальной собственности и всего, что с этим связано. В остальном это определение не содержало ничего такого, что давало бы им повод увильнуть от предложенного голосования. Я определил намерения коммунистов следующим образом: 1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества; 3) не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции.

Об этом спорили два вечера. Под конец лучший из трех грюнианцев, заметив настроение большинства, целиком перешел на мою сторону. Остальные двое, сами того не замечая, все время противоречили друг другу. Многие из присутствующих, до того момента не подававшие голоса, вдруг неожиданно заговорили и решительно высказались за меня. Раньше это осмеливался делать только Юнге. Некоторые из этих новых людей говорили очень хорошо, хотя и дрожали от страха, боясь запутаться; они, по-видимому, обладают достаточным здравым смыслом. Одним словом, когда дело дошло до голосования, собрание объявило себя коммунистическим, в духе вышеприведенного определения. Решение было принято тринадцатью голосами против двух, оставшихся верными, грюнианцев; один из них, впрочем, потом заявил, что ему хотелось бы самому уверовать в коммунизм.

Таким образом, получилась, наконец, *tabula rasa*, и теперь можно будет что-либо начать с этими молодцами,

поскольку это удастся. Грюн, который легко мог выпутаться из своей денежной истории, потому что главными кредиторами были те же самые грюнианцы, его главные последователи, теперь сильно потерял в глазах большинства и даже части самих его последователей и, несмотря на все интриги и эксперименты, блестяще провалился со своим прудоновским обществом. Если бы меня не было здесь, то наш друг Э[вербе]к во всяком случае запутался бы...

Вышеупомянутая публика, пред которой разыгрывалась эта история, состоит приблизительно из 20 столяров, которые собираются у заставы с различной чернью; кроме певческого клуба, у них нет прочных связей, вообще же это *rudega* [отбросы] Союза справедливых. Если бы можно было собираться открыто, у нас скоро было бы больше ста человек одних столяров. Из портных я знаю только нескольких, которые также приходят на собрания столяров. О кузнецах и кожевниках ничего нельзя узнать во всем Париже. Никто ничего о них не знает...»¹

В парижских кружках Энгельсу приходилось воевать с влиянием Прудона и Грюна. Вейтлинг там уже не имел влияния. В 1847 г. усилия Маркса и Энгельса, направленные к тому, чтобы создать организацию коммунистов, увенчались успехом. В этом году возник Союз коммунистов. Идейное влияние и руководство в этой организации принадлежало Марксу. Перед тем как Союз коммунистов окончательно сорганизовался, что произошло в конце 1847 г. на 2-м съезде, в кружках передовых рабочих и революционеров шло предварительное обсуждение целого ряда теоретических вопросов, требовавших разрешения. Грюнберг в пятой тетради изданной им серии «*Hauptwerke des Sozialismus und der Sozialpolitik*» приводит ряд интересных документов, дающих ценные сведения о том, какие это были вопросы, какие на них давались ответы и от каких предрассудков надо было отделяться передовым рабочим и револю-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 19—20, а также Соч., т. XXI, 1 изд., стр. 48—50.

ционерам конца 40-х годов, когда возникала первая коммунистическая партия.

Кроме упомянутого уже комитета, в Брюсселе наиболее видной организацией была лондонская организация, в которую входили бывшие члены Союза справедливых, а также и чартисты, например Гарни.

Процесс возникновения Союза коммунистов интересен тем, что он был процессом преобразования заговорщического общества мелкобуржуазных революционеров в первую пролетарскую коммунистическую партию. Подробности этого процесса рассказаны Энгельсом в статье «К истории Союза коммунистов», являющейся предисловием к переизданной им в 1885 г. брошюре Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов»¹. Этот рассказ дополнен предисловием Меринга к изданию этой брошюры в 1914 году. Нам хотелось только отметить, что у лондонских деятелей будущего Союза коммунистов теоретические взгляды еще далеко не достигли ясности, как это видно из ряда документов, опубликованных Грюнбергом.

Лондонский комитет обратился в ноябре 1846 г. с письмом к прочим организациям; в письме говорилось, что в вопросе о необходимости уничтожения современного порядка или вернее беспорядка вещей согласны все. Сначала думали, что надо действовать, выставляя социалистические или коммунистические системы, но вскоре убедились, что это путь неправильный. Еще не установлен общепризнанный «символ веры», и оттого нет дружного сотрудничества и между социалистами идет борьба. Это необходимо устранить. Необходимо созвать съезд, так как письмами не поможешь. Время созыва назначалось на 1 мая 1847 года. На этом съезде предполагалось выработать общепризнанный «символ веры», содержащий простое и ясное изложение принципов коммунизма. Согласно планам авторов письма, съезд этот должен быть подготовкой к всеобщему коммунистическому съезду.

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения*, т. II, 1955, стр. 320—338.

В письме предлагалось предварительно перед съездом обсудить следующие вопросы:

1. В каком положении находится пролетариат по отношению к высшей и низшей буржуазии (к крупной и мелкой). Нужно ли сближение пролетариата с низшей и радикальной буржуазией и если нужно, то каким образом достичь его практичнее?

2. Каково положение пролетариата по отношению к различным религиозным партиям? Нужно ли сближение и если да, то каким образом?

3. Наше отношение к коммунистической партии? Надо ли добиваться объединения всех социалистов?

Это письмо было написано без ведома Маркса и Энгельса, но в нем заметно их идейное влияние; например, мысль о бесполезности выработки заранее планов будущего общества. Работа брюссельского комитета не пропала даром.

Через некоторое время обнаружилось, что без участия Маркса не удастся созвать съезда и создать намеченную программу.

И вот, 28 января 1847 г. лондонский комитет послал в Брюссель к Марксу Иосифа Молля¹ для дипломатических переговоров.

В результате переговоров с Моллем произошло сближение брюссельского комитета с лондонским, и на 1 июня 1847 г. был назначен съезд.

В порядке дня съезда намечалось: выработка устава, программы или, как тогда выражались, «символа веры» и основание партийного органа.

В феврале 1847 г. лондонский комитет обратился с новым письмом к организациям и намечал в нем новые вопросы, которые надо было обсудить перед съездом.

¹ Иосиф Молль — часовщик из Кёльна — «это был силач, среднего роста, — сколько раз они вдвоем с Шаппером победоносно оттаивали двери зала против сотни вляпывавшихся противников» (см. вышеупомянутое предисловие Энгельса, стр. 322). Молль принял участие в восстании в Южной Германии и был убит в сражении на Мурге 19 июня 1849 года. (Прим. В. В. Адоратского).

В постановке этих вопросов чувствуется влияние Маркса. Вопросы были следующие:

Можно ли ввести общность (имущества) сразу, или надо признать необходимость переходного периода, чтобы за это время воспитать народ и, если это так, то как долго будет продолжаться этот период?

Можно ли сразу ввести в крупном размере, или следует сначала произвести мелкие попытки?

Нужно ли применять при введении насилие, или переустройство должно совершиться мирным путем?

Первый съезд, как и предполагалось, состоялся в июне 1847 г. в Лондоне. Маркса на нем не было, он не смог приехать из-за отсутствия средств¹. От Брюсселя представителем был Вильгельм Вольф², от Парижа — Энгельс.

Положительных результатов на съезде было достигнуто немного. Решено было издавать свой журнал и называть новую организацию Союзом коммунистов. По всем же остальным вопросам ни к каким окончательным решениям не пришли. Устав в окончательной формулировке принят не был. Решено было передать его на обсуждение местных организаций. Не было достигнуто соглашения и в вопросе о «символе веры».

Проект Маркса и Энгельса не встретил полного согласия. Лондонский комитет внес свой проект, но с ним, конечно, не мог согласиться Энгельс.

Проект Энгельса теперь стал доступен и русским читателям³.

¹ См. письмо Маркса от 15 мая 1847 г. «В Лондон я не могу ехать. Денежные дела не позволяют мне этого. Но Вольфа, я надеюсь, мы отправим туда. И тогда будет достаточно того, что вы оба будете там». (Прим. В. В. Адоратского). (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, 1 изд., стр. 69).

² Вильгельм Вольф, друг Маркса, которого последний очень ценил и памяти которого посвятил первый том своего «Капитала». В одном письме к Вейдемейеру Маркс пишет о Вольфе: «Ни один из нас не умеет писать так популярно, как он. Он чрезвычайно скромно». (Прим. В. В. Адоратского). (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, 1 изд., стр. 121).

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 322—339.

Проект лондонского комитета опубликовал Грюнберг в 5-й тетради своего собрания «Основные произведения социализма и социальной политики»¹.

На первый вопрос — что такое коммунизм и чего хотят коммунисты? — в проекте Союза ответ давался следующий: коммунизм — это система, согласно которой земля является общим достоянием людей, всякий работает сообразно своим способностям и всякий потребляет сообразно своим потребностям. Стало быть, коммунисты хотят разрушить весь общественный порядок и на его место поставить совершенно новый.

В проекте Энгельса коммунизм определялся, как учение об условиях освобождения пролетариата.

Определение понятия «пролетарий» обнаруживало большую неясность в области теории.

«Пролетарии в современном обществе — это все те, которые не могут жить доходом со своего капитала. Таким образом, пролетариями являются не только рабочие, но и ученые, артисты и мелкие буржуа. Если мелкая буржуазия обладает еще пока имуществом, то она быстро движется благодаря страшной конкуренции крупного капитала к такому состоянию, которое сравнивает ее со всеми остальными пролетариями. Поэтому мы уже сейчас можем считать мелкую буржуазию своей (союзницей). Она также заинтересована в том, чтобы застраховать себя от состояния полного отсутствия собственности, точно так же, как и мы хотим выйти из этого состояния. Поэтому если мы соединимся, то это поможет и им и нам».

Вопрос о мелкой буржуазии и об отношении к ней затрагивался еще раз специально, и ответ лондонского проекта был такой: «Мелкую буржуазию теснит денежная аристократия. Мелкая буржуазия желает социальной реформы. Сближение с мелкой буржуазией необходимо. Если нам удастся добиться объединения радикальной буржуазии с пролетариатом, то начнется

¹ Hauptwerke des Sozialismus und der Sozialpolitik. Heft 5. «Die Londoner Kommunistische Zeitschrift und andere Urkunden aus den Jahren 1847—48». Eingeleitet und mit Anmerkungen versehen von Karl Grünberg. Verlag von C. L. Hirschfeld. Leipzig 1921. (Прим. В. В. Адоратского).

совершенно новый период — такой блестящий, какого еще не видала история».

Из этих выписок видно, насколько еще неясны были теоретические взгляды авторов лондонского проекта.

В исполнение постановления съезда об издании своего журнала в сентябре 1847 г. вышел № 1 «Коммунистического журнала» под редакцией Карла Шаппера¹.

Подзаголовком на этом журнале было — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Таким образом, этот лозунг появился в печати раньше «Коммунистического манифеста» и был напечатан впервые на издании, далеко еще не свободном от теоретических ошибок, примеры которых были приведены выше. Определение пролетариата, приведенное выше, целиком было включено в воззвание «К пролетариям», напечатанное на втором месте в журнале.

После первого съезда Марксу и Энгельсу пришлось еще много поработать в области теоретической подготовки передовых рабочих. На втором съезде в декабре 1847 г. только после долгих прений взгляды Маркса окончательно восторжествовали. В конце августа 1847 г. Маркс основал в Брюсселе «Немецкое рабочее общество», где он стал читать свои лекции о наемном труде и капитале².

Энгельсу же в Париже пришлось воевать с Гессом³, выработавшим свой «символ веры», крайне неудачный, по отзыву Энгельса.

¹ «Карл Шаппер был родом из Вейльбурга в Нассау; будучи студентом лесоводческого института в Гисене, он в 1832 г. участвовал в заговоре, организованном Георгом Бюхнером, 3 апреля 1833 г. участвовал в нападении на франкфуртский полицейский пост, бежал за границу и в феврале 1834 г. принимал участие в походе Мадзини на Савойю. Богатырского сложения, решительный и энергичный, всегда готовый рисковать житейскими благами и самой жизнью, он был образцом революционера-профессионала» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения*, т. II, 1955, стр. 321—322.) Шаппер умер в Лондоне в 1870 г. 57-ми лет. (*Прим. В. В. Адоратского*).

² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 6, 2 изд., стр. 428—459.

³ Моисей Гесс (Moses Hess) — журналист, мелкобуржуазный социалист. Сотрудник «Рейнской газеты», в которой Маркс начинал свою карьеру журналиста. Гесс был сначала в дружеских отношениях с Марксом и Энгельсом. Рукопись «Немецкая идеология» написана большей частью рукой Энгельса, часть же (несколько страниц) от-

В письме от 26 октября 1847 г. Энгельс пишет:

«У наших ремесленников невероятная путаница. За несколько дней до моего приезда были вышвырнуты последние грюнианцы, целая община, из которой половина, однако, вернулась назад. Нас теперь всего-навсего 30 человек. Я сейчас же организовал пропагандистский кружок, бегаю целый день и произношу речи. Я тотчас же был выбран в кружок и назначен секретарем. Мы имеем от 20 до 30 кандидатов, ждущих приема. Мы скоро будем еще сильнее. Над Моисеем я, *между нами будь сказано*, дьявольски подшутил. Ему удалось провести богоугодно исправленный катехизис. И вот в прошлую пятницу я его разобрал в кружке, вопрос за вопросом, и не дошел еще до половины, как публика объявила себя *satisfaite* [удовлетворенной]. *Без всякой оппозиции* мне было поручено составить новый катехизис, который в следующую пятницу будет обсуждаться в кружке и отправлен непосредственно в Лондон, *за спиной здешних общин*. Но об этом, конечно, не должен знать ни один черт, иначе нас всех сместят и получится ужасный скандал. Борн¹ будет у вас в Брюсселе, он едет в Лондон. Может быть, он будет у вас еще до получения этого письма. Он настолько безрассуден, что хочет ехать вниз по Рейну через Пруссию; лишь бы только он не попался! Когда он придет, накачай его немного, этот парень лучше всех усваивает наши взгляды, и он может нам оказывать в Лондоне большие услуги, если его немного подготовить»².

В письме от 24 ноября 1847 г. Энгельс пишет: «Я уже давно не понимаю, почему ты не запретил Моисею (Гессу. — В. А.) распространять свои сплетни. Здесь это создает ужасную путаницу и вызывает нуднейшие

дела, посвященного Штирнеру, написана рукой Гесса. В 1848 г. произошел полный разрыв между Гессом и Марксом и Энгельсом. (Прим. В. В. Адоратского).

¹ Стефан Борн — наборщик. Очень способный человек, игравший видную роль в рабочем движении в Берлине в 1848—49 годах. Окончил жизнь швейцарским профессором. Имеются его «Воспоминания участника революции 1848 г.» («Erinnerungen eines Achtundvierzigers»). (Прим. В. В. Адоратского).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, 1 изд., стр. 82.

пререкания среди рабочих. Целый ряд окружных заседаний был из-за этого потерян, а в общинах, в особенности перед выборами, совершенно невозможно справиться с этой пустой болтовней¹.

Выборы на съезд в Лондон происходили в Парижской организации 14 ноября 1847 года. Энгельс пишет об этом в письме от 15 ноября: «Вчера вечером были выборы депутатов. После очень беспорядочного заседания я был выбран двумя третями голосов. На этот раз мне совершенно не пришлось интриговать, да для этого было мало поводов. Оппозиция была только для видимости; для виду был предложен один рабочий, но те, которые его предложили, голосовали за меня»².

К съезду надо было подготовить проект программы, или, как тогда называли в рабочих кружках, «символ веры». Мысль написать «символ веры» в форме катехизиса в вопросах и ответах, в той форме, как написан первый набросок коммунистического манифеста, принадлежит не Энгельсу. Эта форма возникла очевидно в тех кругах, которые требовали создания этого «символа веры». В дальнейшем процессе работы Энгельс счел необходимым отказаться от этой формы и его набросок, который он показал Марксу перед вторым съездом, был составлен уже в повествовательной форме. Вот что пишет он в письме от 24 ноября 1847 года.

«Подумай над «Символом веры». Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим манифестом». Ведь в нем придется в той или иной мере осветить историю вопроса, для чего теперешняя форма совершенно не подходит. Я привезу с собой здешний проект, составленный мною. Он написан в простой, повествовательной форме, но ужасно плохо, наспех отредактирован. Я начинаю с вопроса, что такое коммунизм, и затем перехожу прямо к пролетариату — история его происхождения, отличие от прежних работников, развитие противоположности пролетариата и буржуазии, кризисы, выводы. Попутно — различные второстепенные вещи (Nebensachen. —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, 1 изд., стр. 87.

² Там же, стр. 85.

В. А.), и в конце партийная политика коммунистов, поскольку о ней можно говорить открыто. Здешний проект целиком еще не утверждался, но я надеюсь добиться того, чтобы в него не попало — за исключением некоторых, не имеющих значения мелочей — ничего такого, что противоречило бы нашим взглядам»¹.

27 ноября на пути в Лондон Маркс и Энгельс встретились в Остенде и здесь они, видимо, обсудили подробно проект Энгельса.

Съезд в Лондоне продолжался до 8 декабря. 10 дней продолжались горячие споры. В заключение было поручено единогласно Марксу и Энгельсу написать манифест, который и должен был явиться программой Союза коммунистов. На этом же съезде был принят в окончательном виде и Устав Союза коммунистов².

Вернувшись в Брюссель, Маркс продолжал свои лекции «Наемный труд и капитал». За различными текущими делами выполнение поручения затягивалось. Тогда ему было послано напоминание. Письмо ЦК Союза коммунистов окружному комитету в Брюсселе от 6 января 1848 г. приводится Мерингом в предисловии к новому изданию «Кёльнского процесса». В этом письме в довольно суровой форме делается напоминание гражданину Марксу, что если поручение, данное ему на съезде, не будет выполнено, — «то против него будут приняты дальнейшие меры».

«Манифест» вышел в свет за несколько недель до февральской революции, как об этом свидетельствует Энгельс³.

Первая коммунистическая партия создалась из потребности передовых рабочих организовать и выработать себе ясную программу действий, теоретически ее обосновав. Только постепенно и с трудом изживались мелкобуржуазные предрассудки и создавалось правильное понимание задач и целей, добиваться которых заставляет пролетариат историческая необходимость.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 34—35.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 524—529.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 330.

Выработал теорию пролетариата гениальный человек, вышедший не из пролетарской среды. Но благодаря своему гению, блестящему образованию и революционному темпераменту, он сумел первый понять и совершенно правильно определить смысл назревших отношений, определить задачи пролетариата и его всемирно-историческую роль.

Общественное бытие капиталистического общества определило теоретическое сознание Маркса. При его зорком взгляде и обширном образовании это общественное бытие представилось ему не в виде неподвижного отрывка человеческой истории. Маркс смог охватить весь ход общественного развития и понять возникновение буржуазных порядков и неизбежно приближающуюся гибель их. Открыв всемирно-историческую роль пролетариата, Маркс связал себя с рабочим классом неразрывной связью. Оттого-то основные мысли сочинений Маркса остаются для рабочих понятными и близкими.

Сочетание блестящей мысли и революционной страсти, проникающей все, что писали Маркс и Энгельс, делают то, что «Манифест» сохраняет до сих пор свою могучую силу зажигать сердца рабочих пламенной страстью борьбы за освобождение от гнета и эксплуатации.

*«Памяти Карла Маркса.
(К сорокалетию со дня его смерти.
14 марта 1883 — 14 марта 1923)».*
М., 1923

ВЕЛИЧАЙШИЙ ПРОГРАММНЫЙ ДОКУМЕНТ МАРКСИЗМА

(90 ЛЕТ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»)

«Манифест Коммунистической партии» вышел в свет незадолго до февральской революции 1848 года. В этом гениальном произведении, написанном 90 лет тому назад, за 70 лет до победы Великой пролетарской социалистической революции, одержанной в 1917 г., Маркс и Энгельс возвестили о грядущей пролетарской революции, дали строго научное обоснование ее исторической неизбежности, предсказали неминуемую гибель буржуазии и победу пролетариата.

Маркс и Энгельс научно обосновали свое учение о той всемирно-исторической роли, какую должен выполнить пролетариат — класс, порожденный развитием промышленного капитализма, самый революционный в мировой истории класс.

Исторической задачей пролетариата является уничтожить классы, создать бесклассовое, коммунистическое общество и двинуть дальнейшее развитие общественных производительных сил в невиданных до этого размерах. Вековое здание классового общества может быть разрушено, господство буржуазии, ставшее несовместимым с дальнейшим существованием и развитием общества, может быть сметено лишь при том условии, если пролетариат — вождь всех угнетенных и эксплуатируемых — завоеует власть, установит свою диктатуру. Только при диктатуре пролетариата, под руководством пролетариата, может быть построено трудящимися коммунистическое общество.

Ленин, давая характеристику «Манифеста Коммунистической партии», писал в 1914 году:

«В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мирозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»¹.

Здесь Ленин отмечает и величайшее революционное значение «Манифеста Коммунистической партии» и глубокое теоретическое содержание этого произведения, его крупнейшее научное значение. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс возвестили о наступлении новой эпохи в истории человечества, и в то же время это произведение открыло новую эпоху в развитии науки.

* * *

«Манифест Коммунистической партии» — плод гигантского предварительного научного труда, огромной подготовительной работы.

Начав еще в университете (с 1836—1837 гг.) изучение философии, истории и права, Маркс к 1847 г. критически переработал все лучшее, что дало предшествующее развитие научной теоретической мысли в произведениях немецкой классической философии, английской политической экономии, французского (и английского) социализма.

В том же направлении, в каком шло развитие Маркса, шло развитие и Энгельса. С 1844 г. установились их неизменная дружба и сотрудничество. Энгельс, как и Маркс, прошедший школу гегелевской философии, совершенно самостоятельно подходил к выработке взглядов, изложенных в «Манифесте». В 1845 г. он выпустил свою замечательную книгу «Положение рабочего класса в Англии». Приехав в 1845 г. к Марксу в Брюссель, он совместно с Марксом произвел пересмотр и критику

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 32.

теоретического наследства буржуазии. К тому времени, когда был написан «Манифест Коммунистической партии», Маркс и Энгельс выполнили огромную теоретическую работу.

Маркс подверг критике гегелевскую идеалистическую философию. Он очистил диалектический метод Гегеля от идеализма, стал применять его материалистически. Эту работу он произвел в 1843—1846 гг., перейдя вслед за Фейербахом на почву материализма. Но Маркс пошел дальше Фейербаха. Он не удовлетворился фейербаховским созерцательным материализмом, а создал революционный, диалектический материализм, сочетал науку с революционной практикой, распространил материализм на изучение истории человеческого общества, чего Фейербах сделать не сумел.

Маркс подверг критике гегелевскую философию права (1843 г.), совместно с Энгельсом он подверг критическому разбору идеалистическую философию Гегеля и его учеников — левых гегельянцев («Святое семейство», 1844 г.), гегелевский идеалистический взгляд на историю развития природы, человеческого общества и человеческого мышления («Немецкая идеология», 1845—1846 гг.).

Диалектический метод учит брать все явления природы, истории и мышления в их развитии, в их целом, в связи со всеми условиями, их порождающими. Причину развития он ищет не в какой-то внешней силе, а внутри самих явлений, в борьбе противоположностей, через которую идет всякое конкретное развитие во всем мире. Освободив диалектический метод от идеализма, находящегося в вопиющем противоречии с самой природой диалектического мышления, которое требует глубокого, всестороннего познания конкретных явлений, как они происходят в объективной материальной действительности, Маркс и Энгельс блестяще разрешили задачу изучения законов развития природы и человеческого общества.

Маркс и Энгельс устранили разрыв, существовавший между теорией и практикой, поставив теорию, науку на службу революционной борьбе пролетариата за освобо-

ждение всего трудящегося человечества от капиталистической и всякой иной эксплуатации. Заставив науку служить величайшей революции, Маркс и Энгельс развернули перед наукой новые, необъятные перспективы, создали впервые строго научную основу для изучения общественных явлений.

Основоположники марксизма ясно показали, что движущей причиной развития являются не противоречия в понятиях, как учил Гегель, а противоположности, существующие в самом материальном мире. Движущей силой общественного развития является происходящая в капиталистическом обществе революционная борьба пролетариата. Вооруженный методом материалистической диалектики, Маркс выработал материалистическое понимание истории на основе изучения истории французской буржуазной революции и последующего развития классовой борьбы в буржуазном обществе, свергнувшем оковы феодализма.

Подытоживая исторический опыт революций, основываясь на глубоком понимании существа капиталистических отношений, Маркс создал свою теорию классовой борьбы, свое учение о всемирно-исторической роли пролетариата.

Энгельс рассказывает, что эта теория созрела у Маркса к 1845 году. Он изложил ее Энгельсу при встрече с ним в Брюсселе весной 1845 года. Вот ее содержание в сжатом изложении Энгельса:

«...экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории; что в соответствии с этим (со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития, и что теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества

навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы...»¹

Убедившись в неверности идеалистического взгляда на человеческое общество, Маркс увидел, что основными, решающими отношениями в человеческом обществе являются экономические отношения, складывающиеся на основе развития материальных производительных сил общества. Поэтому Маркс занялся политической экономией — наукой, которая изучает именно эти отношения.

Изучив во время своего пребывания в Париже (1843—1844 гг.) работы лучших представителей буржуазной политической экономии (в первую очередь Адама Смита, Д. Рикардо) и продолжив свои занятия по изучению и критике буржуазной политической экономии в Брюсселе (1845—1847 гг.), Маркс создал свою теорию прибавочной стоимости².

Капиталисты — владельцы средств производства — присваивают себе неоплаченный труд пролетариев — класса, лишенного собственных средств производства, вынужденного продавать свою рабочую силу.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 4. (К этому месту В. В. Адоратский дает примечание). Энгельс считал необходимым неоднократно заявлять о том, что основная мысль «Манифеста», изложенная в приведенной выписке, «всцело и исключительно» принадлежит Марксу, что «огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области, и, еще больше, их окончательная резкая формулировка принадлежит Марксу... Маркс был гений... Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она справедливо называется его именем». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 366).

² К тому времени, когда был написан «Манифест Коммунистической партии», Маркс изучил огромное количество специальной экономической литературы. В ИМЛ сохранились 24 большие тетради от 1843—1847 годов, содержащие выписки и конспекты книг, прочитанных Марксом за это время. В этих тетрадях проконспектированы произведения приблизительно 70 экономистов XVII, XVIII и XIX веков (Смит, Рикардо, Джемс Милль, В. Петти, Томас Тук, В. Коббет, В. Томпсон, Юр. Баббедж, Оуэн, Дж. Уэд, Ф. М. Иден, Сисмонди, Бланки, Кенэ, Дестют де Траси, Буагильбер, Перейра, Росси, Пекио, Шторх, Гюлих и ряд других). Объем этих тетрадей, если их напечатать, составит около 140 печатных листов. (Прим. В. В. Адоратского).

Созданная Марксом теория прибавочной стоимости, разрешающая основной вопрос — как происходит эксплуатация в капиталистическом обществе, — легла в основу первого произведения Маркса по экономической теории — «Нищета философии» (вышедшего летом 1847 года) — и лекций о наемном труде и капитале, прочитанных им в брюссельском «Немецком просветительном рабочем обществе» в конце 1847 года.

Все перечисленные выше научные работы явились основой разработанной Марксом и Энгельсом теории научного социализма.

Маркс основательно проанализировал капиталистические отношения и полностью вскрыл революционную природу пролетариата, вытекающую из самого его положения в капиталистическом обществе, из его роли в производстве.

Не в головах одиночек-мудрецов, а в действительной революционной борьбе угнетенных и эксплуатируемых масс пролетариата, в росте их организованности, сознательности, революционной решимости, развивающейся в ходе борьбы, — вот в чем Маркс и Энгельс видели гарантию торжества социализма. Коммунизм для Маркса и Энгельса — не просто доктрина, не догма: он основан на самом революционном движении пролетарских масс, на их борьбе, происходящей в действительности.

Для социалистов-утопистов пролетариат был самым несчастным, самым страдающим классом, который они собирались облагодетельствовать сверху. Маркс и Энгельс увидели в пролетариате величайшую революционную силу; для них это был класс, в руках которого будущее: надо лишь сплотить пролетариат, объединить и организовать его для борьбы и руководить его борьбой на основе науки, революционной теории.

Но теория не может быть преподнесена в виде готовой догмы: она должна быть усвоена массами из собственного опыта. Отсюда вытекает роль вождя, вооруженного революционной теорией, являющейся итогом всего опыта исторической борьбы.

«Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира.

Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения»¹.

Участвуя в непосредственной борьбе масс, руководя ею, передовой отряд пролетариата — коммунистическая партия — неразрывно связан с массами рабочего класса, а через них — со всеми массами трудящихся.

Коммунистическая партия, ведя непримиримую борьбу со всеми буржуазными влияниями на пролетариат, противодействуя всем попыткам притупить борьбу, примирить пролетариат с его рабским положением под ярмом буржуазии, содействует росту сознательности, организованности пролетариата, превращению его в класс, завоеванию им власти, осуществлению им своей задачи построения коммунистического общества.

* * *

Маркс — первый вождь и теоретик пролетариата — вышел из среды зажиточной буржуазной интеллигенции (отец его был видный адвокат в Трире, в Рейнской Пруссии).

Почему же Маркс полностью порвал с буржуазией, целиком перешел на сторону рабочего класса, а созданное Марксом учение стало лучшим теоретическим оружием рабочего класса?

В то время, в 30—40-х годах XIX века, когда складывались взгляды Маркса, капитализм имел уже длительную историю развития. Промышленный капитализм стал развиваться в странах Западной Европы (Англия) с середины XVIII века. Во Франции и особенно в Англии противоречия, присущие капитализму, полностью вскрылись ко второй четверти XIX века. Крупная промышленность в Англии, развивавшаяся особенно быстро, революционизировала все основы буржуазного общества. Многочисленный революционный пролетариат, наполнивший промышленные центры и крупные города, грозно выступил как самостоятельная историческая сила. Во

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 438.

Франции, в Лионе, где был центр текстильной промышленности, в 1831 г. произошло первое рабочее восстание. С 1838 по 1842 г. достигло своей высшей точки первое национальное рабочее движение — движение английских чартистов. В Германии капиталистическое развитие, правда, едва лишь начиналось, но и здесь в 40-х годах пролетарские массы стали выступать со своими требованиями, как это было, например, в восстании силезских ткачей летом 1844 года.

Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом стала в это время занимать первое место в истории наиболее развитых стран Европы. Борьба между пролетариатом и буржуазией приняла крайне бурный и резкий характер.

Маркс в силу своего гения был первым, кто возвысился до теоретического понимания всего хода исторического развития. Великий революционер, гениальный ученый Маркс целиком перешел на сторону пролетариата, связал свою судьбу с его судьбой, стал первым его вождем, организатором его передового отряда — коммунистической партии (Союз коммунистов — в 1847—1851 гг., Международное Товарищество Рабочих — I Интернационал — в 1864—1873 гг.), выработал основы теории, стратегии и тактики пролетарской партии.

Для Маркса и Энгельса, открывших историческую роль пролетариата, создавших новое, революционное мировоззрение, важно было привлечь на свою сторону европейский и в первую очередь немецкий рабочий класс, убедить его в правильности открытого ими понимания задач и условий освобождения рабочего класса.

В то время, в середине и во второй половине 40-х годов, когда Маркс и Энгельс начинали свою революционную деятельность, наступал перелом в развитии революционного движения в Западной Европе. Тогда, по выражению Ленина, «...революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, 4 изд., стр. 10.;

Капитализм в то время переживал еще период восходящего развития, господствовал прогрессивный промышленный капитал, а пролетариат не успел еще освободиться от идейного и политического влияния буржуазии.

Рабочие, особенно немецкие, не порвали еще полностью со своим ремесленным, мелкобуржуазным прошлым. В большинстве своем это были, в сущности, ремесленники, мелкие мастера и подмастерья, занятые преимущественно ручным трудом (портные, столяры и т. д.). Ремесленный подмастерье хотя и вел борьбу с мастером, но все же его идеалом было самому стать в конце концов мастером, завести самостоятельное мелкое предприятие.

Но рост промышленного капитализма шел неудержимо. Ремесленное производство уступало место крупному машинному производству; мелкие ремесленные мастера попадали под власть крупного капитала. Эти сдвиги находили свое отражение и в сознании рабочих. В рабочей среде росла потребность понять совершающиеся в обществе перемены, пробуждался живейший интерес к теоретическим вопросам. Рабочие кружки представляли благодарную почву для восприятия выдвинутых Марксом и Энгельсом идей.

Сочетая легальную и нелегальную работу, используя легальную печать, поддерживая связи со всеми деятелями тогдашнего социалистического движения во Франции, Англии, Швейцарии и Германии, Маркс и Энгельс вели систематическую пропаганду своих взглядов. Они выступали с резкой критикой буржуазных идей и предрассудков, мешавших выработке отчетливого и ясного классового сознания пролетариата, сознания его непримиримой противоположности буржуазии, неизбежности коммунистической революции. Маркс выступал против старых, заговорщических форм движения, против организации заговоров, оторванных от масс. Свою задачу Маркс и Энгельс видели в том, чтобы организовать массовую пропаганду идей научного коммунизма в среде рабочих и подготовить таким образом пролетариат к самостоятельному выступлению, к завоеванию власти.

Маркс и Энгельс давно уже поддерживали связь с тайным коммунистическим обществом Союз справедливых.

После неудачного восстания в Париже 12 мая 1839 г., организованного французским тайным революционным Обществом времен года, с которым Союз справедливых (в него входили немецкие эмигранты) был связан, главные деятели Союза справедливых Карл Шаппер и Генрих Бауэр, должны были покинуть Францию и переехали в Лондон. С 1840 г. центр Союза справедливых был перенесен в Англию, в Лондон. Переезд в Лондон придал Союзу интернациональный характер. В организации стали принимать участие, кроме немцев, рабочие разных национальностей (скандинавы, голландцы, венгры, чехи, южные славяне, русские, эльзасцы), пользовавшиеся немецким языком как общим, для всех них понятным. С другой стороны, Союз справедливых стал все более и более принимать характер чисто пропагандистского общества, потому что опыт убеждал в безнадежности оторванных от масс заговоров. В 1840 г. в Лондоне было основано легальное Просветительное общество немецких рабочих, которое находилось под руководящим влиянием нелегального Союза.

Маркс и Энгельс всячески поддерживали эти новые тенденции: сосредоточение внимания на задачах пропаганды, изживание старых заговорщических традиций; поощряли стремление к интернационализму. Свою пропаганду они вели путем переписки, рассылки циркулярных писем, систематически работали в рабочих кружках, читали лекции в рабочих обществах. Беспощадно критикуя различные учения мелкобуржуазного социализма, Маркс и Энгельс за 1846—1847 гг. сумели оказать решающее влияние на Союз справедливых.

Вспоминая о тех временах, Маркс писал в 1860 году:

«...мы выпустили ряд памфлетов, частью печатных, частью литографированных, в которых подвергли беспощадной критике ту смесь французско-английского социализма или коммунизма с немецкой философией, которая составляла тогда тайное учение Союза; вместо этого мы выдвигали научное изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно

прочную теоретическую основу и, наконец, в популярной форме разъясняли, что дело идет не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества»¹.

Утопическим и мелкобуржуазным идеям, распространенным тогда среди передовых рабочих, Маркс и Энгельс противопоставили свою проповедь организованной классовой борьбы пролетариата, являющегося по своему положению в производстве и в обществе вождем всех угнетенных и эксплуатируемых.

Маркс разъяснял рабочим, как опасны и вредны все теории и учения, стремящиеся отвести рабочий класс от пути пролетарской классовой борьбы, от борьбы за овладение государственной властью — единственного пути, на котором может быть разрушено классовое угнетение и завоевано бесклассовое коммунистическое общество.

Маркс критиковал утопический коммунизм Вейтлинга, фантастически представлявшего себе освобождение пролетариата путем организации заговора. Он выступил также с резкой критикой сентиментального социализма Г. Криге, родственного по взглядам нашим народникам. Криге в основанном им в Нью-Йорке журнале «Народный трибун» развивал мелкобуржуазный утопический план: он собирался навеки разрешить «социальный вопрос», превратив всех в мелких крестьян, использовав для этого огромные пространства девственной почвы в Америке.

В особом циркулярном письме Маркс подверг критике и этот план Криге, и его журнал, и все представляемое им направление. Маркс показал, что Криге совсем не понимает действительных отношений капиталистического общества, совершенно не понимает всего значения крестьянской борьбы и земельной реформы.

«Если бы Криге взглянул на движение, стремящееся к освобождению земли, как на необходимую при известных условиях первую форму пролетарского движения, —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, 2 изд., стр. 451.

писал Маркс в своем циркуляре, — если бы он оценил это движение, как такое, которое в силу жизненного положения того класса, от которого оно исходит, необходимо должно развиться дальше в коммунистическое движение, если бы он показал, каким образом коммунистические стремления в Америке должны были первоначально выступать в этой аграрной форме, на первый взгляд противоречащей всякому коммунизму, — тогда против этого ничего нельзя было бы возразить. Криге же объявляет эту форму движения известных действительных людей, имеющую лишь подчиненное значение, делом человечества *вообще*. Криге выставляет это дело — хотя он и знает, что это противоречит истине, — как последнюю, высшую цель всякого движения вообще, превращая таким образом определенные цели движения в чистейшую напыщенную бессмыслицу»¹.

Далее Маркс писал о Криге:

«В той же статье 10-го номера он поет такие триумфальные песни:

«И вот, таким образом исполнились бы, наконец, исконные мечты европейцев, для них была бы приготовлена по сю сторону океана земля, которую им оставалось бы взять и оплодотворить трудом рук своих, чтобы бросить в лицо всем тиранам мира гордое заявление:

Это *моя* хижина,
Которой вы не строили,
Это *мой* очаг,
Наполняющий ваши сердца завистью».

Криге мог бы добавить: это *моя* куча навоза, произведенная мною, моей женой и детьми, моим батраком и моим скотом. И какие же это европейцы увидели бы тут осуществление своих «мечтаний»? Только не коммунистические рабочие! Разве те обанкротившиеся лавочники и цеховые мастера или разорившиеся крестьяне, которые стремятся к счастью снова стать в Америке мелкими буржуа и крестьянами! И в чем состоит «мечта», осуществляемая при помощи этих 1400 миллионов акров? Ни в чем другом, как в том, чтобы превратить *всех людей в частных собственников*. Такая мечта столь же не осуществима и столь же коммунистична,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 8—9.

как мечта превратить всех людей в императоров, королей и пап»¹.

Циркулярное письмо Маркса было одобрено на собрании организованного Марксом Коммунистического комитета в Брюсселе 11 мая 1846 года. На этом собрании присутствовали, кроме Маркса, Энгельс, бельгиец Жиго, немецкие эмигранты — журналисты Себастьян Зейлер и Гейльберг, брат жены Маркса Эдгар Вестфален, Вильгельм Вольф и Вейтлинг. Все перечисленные лица, кроме Вейтлинга, одобрили резкую критику, направленную против Криге. На собрании было вынесено следующее решение, против которого был один только Вейтлинг:

«1) Тенденция, проводимая в газете «*Volks-Tribun*» ее редактором Германом Криге, не является коммунистической.

2) Детски напыщенный способ, при помощи которого Криге проводит эту тенденцию, в высшей степени компрометирует коммунистическую партию как в Европе, так и в Америке, поскольку Криге считается литературным представителем немецкого коммунизма в Нью-Йорке.

3) Фантастические сентиментальные бредни, которые Криге проповедует в Нью-Йорке под именем «коммунизма», оказали бы в высшей степени деморализующее влияние на рабочих, если бы они были ими приняты.

4) Настоящее постановление вместе с его обоснованием будет сообщено коммунистам в Германии, во Франции и в Англии.

5) Один экземпляр посылается редакции «*Volks-Tribun*» с требованием напечатать это постановление вместе с его обоснованием в ближайших номерах этой газеты.

Брюссель, 11 мая 1846 г.»²

Маркс и Энгельс вели борьбу против мелкобуржуазного соглашательского направления К. Грюна — представителя немецкого «истинного социализма» — и против

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 9.

² Там же, стр. 1—2.

учения Прудона, который желал сохранить буржуазные отношения, освободив их от «темных сторон», утопически воображая, что это невозможное дело может быть осуществлено. Прудон был противником революции, проповедовал, что можно улучшить положение рабочих, сохраняя буржуазные отношения.

В кружках немецких рабочих в Париже Грюн проповедовал прудоновские проекты организации производительных товариществ рабочих; с помощью таких товариществ, на сбережения рабочих можно якобы мирным путем освободиться от капиталистической эксплуатации и таким образом благополучно разрешить все социальные вопросы. Энгельс, с осени 1846 г. переехавший в Париж, чтобы вести там среди немецких рабочих пропаганду взглядов научного коммунизма, писал оттуда Марксу 18 сентября 1846 г. о своей борьбе с Грюном и излагал содержание нелепой проповеди последнего:

«Представь себе: пролетарии должны *копить* мелкие акции. На эти средства (для начала требуется, конечно, не меньше 10 000—20 000 рабочих) открывается сначала одна или несколько мастерских в одной или нескольких отраслях ремесла, и часть акционеров начинает там работать. Продукты, произведенные там: 1) продаются акционерам по цене сырого материала плюс цена труда (акционеры, таким образом, не должны оплачивать прибыль) и 2) остающиеся продукты продаются на мировом рынке по рыночной цене. По мере того как капитал общества будет увеличиваться за счет взносов вновь вступающих членов или новых сбережений старых акционеров, на этот капитал будут создаваться новые мастерские и фабрики и т. д. и т. д., пока, наконец, *все* пролетарии не получат работу и *все* производительные силы страны не будут скуплены. Благодаря этому капиталы, находящиеся в руках буржуазии, потеряют свою власть над трудом и не смогут приносить прибыли! Таким образом, капитал будет упразднен благодаря тому, что «найдена инстанция, где капитал, т. е. источник процента» (понимай как старое *droit d'aubaine*, получившее несколько более четкие очертания и грюнизированное) «как бы исчезает». В этих, бесчисленное

множество раз повторяемых папашей Эйзерманом слова, которые, очевидно, вдолбил ему Грюн, ясно проглядывает старая прудоновская риторика. Эти господа собираются, ни много, ни мало, постепенно *скупить всю Францию*, а потом, пожалуй, и весь остальной мир, скупить на пролетарские сбережения, путем отказа пролетариев от прибыли и процентов на их капитал. Раз уж придуман такой великолепный план и собираются проделать подобный фокус, то не проще ли сразу начеканить пятифранковых монет из серебра лунного света? А здешние глупцы среди рабочих, — я говорю о немцах, — *верят* подобной ерунде. Люди, у которых не бывает в кармане и шести су, чтобы в дни своих собраний пойти вечерком посидеть в кабачке, хотят на свои сбережения скупить всю прекрасную Францию. Ротшильд и компания — просто крохоборы по сравнению с этими колоссальными спекулянтами. Есть от чего прийти в ярость. Грюн до такой степени сбил с толку этих людей, что самая бессмысленная фраза кажется им более убедительной, чем самый простой факт, который приводится в качестве экономического аргумента. Просто позор, что приходится всерьез воевать против подобного вздора. Но надо иметь терпение, и я не оставляю эту публику в покое, пока не разобью Грюна наголову, пока не прочищу их засоренные мозги...»¹

В кружке рабочих-столяров Энгельс, излагая точку зрения свою и Маркса, так определил намерения коммунистов:

- 1) Отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа.
- 2) Осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества.
- 3) Не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции.

В результате горячей дискуссии, длившейся несколько вечеров подряд, все доводы сторонников Грюна оказались разбитыми. Рабочих, находившихся под

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 17—18.

влиянием проповеди Грюна, удалось полностью убедить в правильности взглядов Маркса и Энгельса.

Выступая с резкой критикой вздорных, реакционных, вредных для освободительной борьбы рабочего класса теорий, Маркс сталкивался с тем, что многие из числа людей, считавших себя его сторонниками, осуждали его за резкость. Его уговаривали смягчить свою полемику против Грюна, Криге, против «истинных социалистов», против Прудона и т. д. Ему писал об этом, например, Люнинг, редактор немецкого социалистического журнала «Вестфальский пароход».

Маркс резко отзывался об этих мелкобуржуазных обывателях, вообразивших себя революционерами и социалистами. Среди эмигрантов в Париже было немало таких господ. Они сильно раздражали Маркса своими приставаниями и полной неспособностью понять капиталистический строй во всем его целом. Продолжая целиком оставаться во власти буржуазных представлений, эти люди не могли понять необходимости непримиримо, беспощадно бороться в интересах пролетариата против всякой проповеди о примирении и соглашении с буржуазией.

«От таких дураков можно отделаться только крайней грубостью,— писал Маркс Гервегу 8 августа 1847 года.— Для этих старых баб характерно то, что они стремятся замазать и подсластить всякую действительную партийную борьбу, а старую немецкую привычку сплетничать и подстрекательство они выдают за революционную деятельность. Несчастные! Здесь, в Брюсселе, у нас нет, по крайней мере, этой мрази»¹.

Результаты проводившейся Марксом и Энгельсом пропагандистской работы не замедлили обнаружиться. Зимой 1846—1847 гг. к Марксу в Брюссель был делегирован из Лондона, от Союза справедливых, один из членов его центрального комитета — Иосиф Молль. Он был уполномочен своими товарищами передать Марксу и Энгельсу приглашение вступить в Союз и передал Марксу просьбу, в случае если он и Энгельс согласятся вступить в Союз, принять участие в ближайшем съезде

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, 1 изд., стр. 34.

Союза, изложить там свои теоретические взгляды с тем, чтобы это можно было опубликовать как официальную программу Союза.

Ввиду того что Марксу и Энгельсу была гарантирована полная возможность содействовать реорганизации Союза, выработке теоретически выдержанной программы, они дали свое согласие на вступление в Союз.

На съезде Союза, состоявшемся летом 1847 г. в Лондоне (Маркс на этом съезде не присутствовал, на нем были Энгельс и В. Вольф), была произведена реорганизация Союза и принят Устав, в котором задача Союза определялась следующим образом: «свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности»¹.

После реорганизации Союз переименовал старое название — Союз справедливых на новое — Союз коммунистов.

Организация Союза, согласно принятому Уставу, была полностью демократической, и это закрывало путь всякому стремлению к заговорам. Первичной организацией Союза были «общины» (Gemeinde), состоявшие минимум из трех человек и максимум из двадцати. От двух до десяти общин составляли «округ» (Kreis). Округа отдельной страны или области подчинялись руководству «руководящего округа» (Leitender Kreis). «Руководящие округа» были подотчетны Центральному комитету, а в конечном счете — съезду. Союз, продолжая оставаться в тех условиях нелегальным, превращался в общество для пропаганды идей научного коммунизма. Устав, принятый на первом съезде Союза коммунистов, был, согласно решению съезда, передан на обсуждение общин. На ближайшем съезде его надлежало окончательно утвердить и принять новую программу Союза.

Как руководители Союза, так и большинство его членов постепенно убеждались в правильности взглядов Маркса и Энгельса, но все же в ряде теоретических вопросов у них далеко еще не было полной ясности.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 524.

Вот, например, какие вопросы ставились в одном из писем лондонского комитета Союза от февраля 1847 года:

«Можно ли ввести общность имущества сразу, или нужен переходный период, чтобы за это время воспитать народ? Как долго будет продолжаться этот переходный период? Можно ли сразу ввести коммунизм в крупном размере, или сначала надо производить мелкие опыты? Нужно ли применять при введении коммунизма насилие, или переустройство общества должно совершиться мирным путем?»

В промежутке между первым и вторым съездами Союза коммунистов в местных организациях Союза разрабатывались проекты «символа веры» (так называли тогда в Союзе изложение основных положений программы). Эти проекты свидетельствовали о том, что во взглядах членов Союза коммунистов было еще не мало путаницы. Например, в проекте лондонского комитета Союза пролетариями объявлялись все, «кто не может жить доходом от своего капитала». Отсюда делался вывод: «Следовательно, пролетариями являются не только рабочие, но и ученые, артисты и мелкие буржуа».

В парижских общинах Союза обсуждался и имел успех проект, составленный Моисеем Гессом. По словам Энгельса, этот проект был полон невероятной теоретической путаницы. В противовес этому проекту Гесса Энгельс изложил основные вопросы программы в форме вопросов и ответов.

Для того чтобы обеспечить принятие теоретически выдержанной программы, надо было еще провести большую разъяснительную работу.

Эту работу провел Маркс на втором съезде Союза коммунистов, состоявшемся в Лондоне в конце ноября — начале декабря 1847 года. Прения, посвященные вопросам программы, продолжались целых десять дней. Маркс разъяснил все сомнения; все разногласия были устранены. Съезд единодушно признал правильность взглядов, которые развивал и отстаивал Маркс. Вынесено было решение — поручить Марксу и Энгельсу со-

ставление манифеста и опубликовать его как официальную программу Союза коммунистов.

Рукопись «Манифеста» была отправлена в конце января 1848 г. из Брюсселя в Лондон, где «Манифест» был напечатан и вышел в свет в феврале 1848 года. Незадолго до июньских дней 1848 г. в Париже вышел первый французский перевод «Манифеста Коммунистической партии».

Молодой Маркс, которому во время создания «Манифеста» было 29 лет, выступил уже во всеоружии созданной им теории. Он был признанным вождем коммунистической партии, организация которой была в силу тогдашних условий нелегальной. Официально и публично Маркс выступал под знаменем последовательной современной революционной демократии, ядром которой является пролетариат.

О целях пролетариата было сказано в «Манифесте Коммунистической партии»:

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир»¹.

Во время второго конгресса Союза коммунистов в Лондоне Маркс выступал не только в прениях на съезде, но и на более широких собраниях. Молодой немецкий рабочий (портной) Фридрих Лесснер, бывший тогда уже членом Союза коммунистов, на самых заседаниях съезда не присутствовавший, так как не был делегатом съезда, слышал выступления Маркса на митингах, видел его в промежутках между заседаниями съезда и так описал его наружность и то впечатление, которое он производил своими речами и пропагандируемыми им взглядами:

«Маркс был тогда еще молодым человеком, лет 28—30. Он был среднего роста, широкоплеч, крепко сложен.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 459.

энергичен, с высоким благородным лбом, густыми иссиня-черными волосами и пронизательным взглядом. Рот его уже тогда обладал тем саркастическим выражением, которого так боялись его противники. Маркс был рожден народным вождем. Его речь была краткой, связной, неумолимо логичной; он никогда не говорил лишних слов; каждая фраза — мысль, каждая фраза — необходимое звено в цепи доводов. В Марксе не было ничего от мечтателя. Чем больше я сознавал разницу между коммунизмом вейтлинговского периода и коммунизмом «Коммунистического манифеста», тем яснее становилось для меня, что Маркс представлял зрелый возраст социалистической мысли¹.

* * *

«Манифест Коммунистической партии» состоит из четырех частей или глав.

В первой главе, носящей название «Буржуа и пролетарии», дан краткий обзор исторического развития европейского общества, прослежено возникновение и развитие буржуазии, говорится о той роли, какую она сыграла в истории, о противоречиях, развившихся внутри буржуазного общества, из-за которых оно неминуемо осуждено на гибель, прослеживается история развития пролетариата, дается характеристика его положения в буржуазном обществе, изображается процесс превращения его в класс, вскрывается революционная природа пролетариата — «могильщика» буржуазии.

Буржуазия прошла длительный путь развития и «сыграла в истории чрезвычайно революционную роль»². Она показала, что может создать человеческая деятельность. Она «создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы»³.

Выбившись из угнетенного, податного, неравноправного состояния в феодальном обществе, буржуазия в

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, 1956, стр. 151.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 426.

³ Там же, стр. 427.

длительной борьбе достигла власти, «завоевала себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве»¹ и создала себе мир по своему образу и подобию — буржуазный мир, в котором все покупается и продается, где даже личное достоинство и честь человека превращены в «меновую стоимость», где всюду господствует голый интерес, бессердечный «чистоган»².

При господстве буржуазии производительные силы общества быстро достигли громадного развития. Но эти новые производительные силы, созданные под руководством буржуазии, переросли узкие рамки буржуазного общества. Буржуазные порядки превратились в оковы для этих мощных общественных производительных сил, представителем которых является новый революционный класс — пролетариат, развившийся и выросший вместе с буржуазией, созданный крупной машинной промышленностью.

Пролетариат в буржуазном обществе поработен классом буржуазии, в руках которого находятся все средства производства. Чтобы жить, пролетарии вынуждены продавать свою рабочую силу. За свой тяжелый, лишенный привлекательности труд, за каторгу на капиталистической фабрике рабочий получает лишь минимум средств существования, необходимый для воспроизводства рабочей силы.

С развитием промышленности растет производительность труда, товары дешевеют. Дешевле становится и товар рабочего — его рабочая сила; «...в той же самой мере, в какой растет непривлекательность труда, уменьшается заработная плата»³.

С прогрессом промышленности положение рабочего ухудшается. Рост богатства при капитализме неминуемо влечет за собой рост нищеты пролетариата.

Маркс и Энгельс прослеживают путь, который пролетариат проходит в своем развитии. Сначала это рассеянная по всей стране, раздробленная конкуренцией

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 426.

² См. там же.

³ Там же, стр. 431.

масса. На этой ступени буржуазия господствует над рабочими безраздельно и является их политическим руководителем.

Но с ростом пролетариата возрастает его сплоченность и сознание его силы. Промышленная буржуазия, борясь против своих врагов — аристократии и тех частей буржуазии, интересам которых противоречит развитие промышленности, против буржуазии иностранных государств, вынуждена обращаться к помощи пролетариата. Она сама толкает его на путь политического движения. Созревает политический опыт пролетариата.

Положение пролетариата в буржуазном обществе делает его самым революционным классом. Все остальные классы общества разоряются и приходят в упадок с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт.

Маркс и Энгельс показывают, как гражданская война, идущая в буржуазном обществе непрерывно, должна неизбежно дойти до такого острого момента, когда происходит открытая революция и пролетариат «основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»¹.

Во второй главе, «Пролетарии и коммунисты», говорится о роли коммунистической партии, о том, что она неразрывно связана с рабочим классом и является его передовым отрядом.

В борьбе пролетариев различных наций коммунисты «выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата»²; в ходе борьбы пролетариата с буржуазией, на различных ее ступенях, коммунисты «всегда являются представителями интересов движения в целом»³; научный коммунизм требует глубокого изучения и понимания «условий хода и общих результатов пролетарского движения»⁴.

Далее, в этой главе подробно разбирается и вскрывается лживость и лицемерие защитников буржуазного

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 435.

² Там же, стр. 437.

³ Там же.

⁴ Там же.

строя, обвиняющих коммунистов в желании разрушить самые устои общества, свободу, семью, культуру, образование, национальность. Маркс и Энгельс показывают, что лишь уничтожение буржуазной собственности может обеспечить личную собственность всех трудящихся, что лишь уничтожение буржуазных порядков, буржуазной эксплуатации создаст условия развития истинно культурного человеческого общежития.

В заключение главы перечислены революционные мероприятия, которые должен провести пролетариат, взявший в свои руки власть.

В 1872 г. в предисловии к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс отметили, что правильность основных положений «Манифеста» ходом исторического развития полностью подтверждена; практическое же применение этих основных положений всегда будет зависеть от имеющихся налицо исторических условий.

В третьей главе дается критический разбор различных форм социализма — 1) реакционного социализма: а) феодального, б) мелкобуржуазного, в) немецкого или «истинного»; 2) консервативного или буржуазного социализма, представителем которого Маркс и Энгельс называют Прудона; и 3) критически-утопического социализма и коммунизма, давшего во многих отношениях гениальную критику буржуазного строя.

Наконец, в четвертой главе говорится кратко о тактике коммунистической партии, которая поддерживает всякое революционное движение, направленное против капиталистического строя.

Уже в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс дали основные наброски о партии. Ленин развил эти мысли Маркса и Энгельса о партии применительно к изменившимся условиям борьбы пролетариата в эпоху империализма.

* * *

Судьба «Манифеста» была самым тесным образом связана с судьбой рабочего движения. В июне 1848 г. рабочий класс, выступивший в Париже, не был поддер-

жан массами мелкой буржуазии и крестьянства и потерпел поражение. После поражения революции 1848—1849 гг. в Европе восторжествовала реакция. Рабочее движение на время «исчезло с общественной арены»; вместе с этим «отшел на задний план и «Манифест»»¹.

Перед капитализмом в то время было еще широкое поле для дальнейшего развития. Полного развития капиталистические отношения достигли лишь в Западной Европе, в первую очередь в Англии и во Франции. В Германии развитие капитализма делало только свои первые шаги. Существовали еще огромные пространства, целые континенты (Америка, Африка, Австралия, в значительной мере Азия), девственная почва которых была еще мало затронута капитализмом. На востоке Европы, в России, развитие капитализма едва начиналось. В самой Европе господствующее положение занимал прогрессивный промышленный капитализм; ему предстояла еще восходящая линия развития.

Когда рабочий класс оправился от поражения и опять накопил силы для дальнейшей борьбы против власти господствующих классов, в 1864 г. возникло Международное Товарищество Рабочих—I Интернационал.

За девять лет существования I Интернационала европейский рабочий класс на собственном опыте имел возможность убедиться в том, что он может достичь победы лишь на том пути классовой борьбы и завоевания власти, установления пролетарской диктатуры, который указывал Маркс. Это особенно ярко показал опыт Парижской Коммуны—первой формы диктатуры пролетариата, осуществленной в истории. На основе этого опыта Маркс и Энгельс развили дальше свое учение о пролетарской революции, о борьбе за построение коммунистического общества.

В конце XIX века теория Маркса получила в среде европейского рабочего класса общее признание. В 1890 г. Энгельс с полным правом писал, что «Манифест» стал «самым распространенным, наиболее международным

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 5.

произведением всей социалистической литературы, общей программой многих миллионов рабочих всех стран от Сибири до Калифорнии»¹.

Немедленно же после выхода в свет немецкого издания «Манифеста» он был переведен на ряд языков. Вскоре появились переводы французский, польский и датский. В 1850 г. в Лондоне вышел английский перевод. В 1871 г. в Америке появилось, по меньшей мере, три английских перевода «Манифеста». Лучший английский перевод «Манифеста» был напечатан в 1888 году. Его сделал Самюэл Мур под редакцией Энгельса.

Первый русский перевод вышел в 1863 г. (перевод Бакунина); он был напечатан в типографии «Колокола». В 1882 г. появился новый перевод — Плеханова. К этому изданию Марксом и Энгельсом было написано специальное предисловие.

В 1892 г. вышло второе польское издание, для которого Энгельс написал предисловие, помеченное 10 февраля 1892 года. В 1893 г. вышло итальянское издание, тоже снабженное написанным специально для этого издания предисловием Энгельса.

Начиная с 70-х годов XIX века и в начале XX века «Манифест Коммунистической партии» был переведен на ряд языков: на португальский, испанский, румынский, голландский, еврейский, украинский, японский, финский, китайский и др.

Общее количество экземпляров «Манифеста Коммунистической партии», разошедшихся на разных языках за 90 лет, исчисляется миллионами.

* * *

Открывая перед рабочим классом грандиозную перспективу грядущих битв, указывая ясно цель и задачу, которую пролетариат должен выполнить, Маркс и Энгельс учили рабочих, что им предстоит длительная и трудная борьба. «Вам, может быть, придется, — говорил Маркс, — пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 6.

и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству»¹.

В тот исторический период, когда жили Маркс и Энгельс, условия для победы пролетариата еще не вполне созрели. Эпоха империализма и пролетарских революций наступила после смерти Маркса и Энгельса. Решительная победа пролетариата была одержана лишь в эту новую историческую эпоху. 25 октября (7 ноября) 1917 г. в России началась победоносная Великая социалистическая революция. Торжество идей «Манифеста Коммунистической партии» обеспечил гениальный продолжатель дела Маркса и Энгельса — Ленин и руководимая им большевистская партия.

В Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 г., записано все, что завоевали пролетариат и трудящиеся СССР в результате победоносной пролетарской революции. В СССР осуществлен социалистический строй, выполнена та задача, которая была поставлена в «Манифесте».

Во всех сферах народного хозяйства — в промышленности, в земледелии, в товарообороте социалистическая система одержала полную победу.

В советском обществе уничтожен классовый антагонизм: власть находится в руках двух дружественных друг другу классов — рабочих и крестьян, причем государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу как передовому классу общества.

В Конституции закреплены интернационалистский характер советского общества, развернутая, до конца последовательная демократия, не только провозглашающая права граждан, но и обеспечивающая осуществление этих прав на деле.

В СССР построен в основном социализм — первая, низшая фаза коммунизма. Осуществлен лозунг «От каждого по способностям, каждому по его труду». Но не осуществлена еще высшая стадия коммунизма, в ко-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, 2 изд., стр. 431.

торой найдет себе применение лозунг «От каждого по способности, каждому по потребности». Руководство Коммунистической партии обеспечивает наше движение вперед, к построению полного коммунизма.

За 90 лет, протекших со дня выхода в свет «Манифеста», коренным образом изменились историческая обстановка и условия борьбы за коммунизм. В дни, когда был написан «Манифест», коммунистическая партия была небольшой нелегальной группой, сравнительно еще малочисленным отрядом научного коммунизма. В начале «Манифеста» говорится о «призраке коммунизма», о грозном, тогда еще неуловимом предвестнике грядущей пролетарской революции.

Прошло уже 20 лет с тех пор, как с победой Великой Октябрьской социалистической революции совершился коренной перелом в истории человечества. Пролетариат и трудящиеся СССР доказали всему миру, что коммунизм — не призрак, а действительность. Первая стадия коммунизма — социализм является самой осязаемой реальностью, осуществленной в повседневной жизни в огромной стране со 170-миллионным населением.

Состязание двух экономических систем — системы капитализма и системы социализма — все более и более обнаруживает перед лицом трудящихся всех стран несостоятельность капиталистической системы хозяйства и преимущества социалистической советской системы. Капитализм несет народам всего мира рабство, нищету, зверства фашизма, ужасы войны. Осуществление социализма в СССР показало, что диктатура пролетариата, социалистическая пролетарская демократия обеспечивает трудящимся всех наций уничтожение рабства, нищеты, эксплуатации, счастливую жизнь, открывает новую эпоху в развитии человечества.

РАБОТА МАРКСА НАД «КАПИТАЛОМ»

I

ПЕРВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

(1843—1851)

История того, как Маркс создавал величайшее произведение научного коммунизма — «Капитал», заслуживает самого внимательного изучения.

Ленин, касаясь значения этой основной работы Маркса, писал: «Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя. Главный труд Маркса — «Капитал» посвящен изучению экономического строя современного, т. е. капиталистического общества»¹.

В «Капитале» Маркс с исчерпывающей полнотой осветил законы развития и гибели капитализма, дал наиболее полную и всестороннюю разработку своей теории.

Над «Капиталом» Маркс работал почти всю свою жизнь. История работы над этим произведением — один из центральных пунктов биографии Маркса. Тема эта очень обширна и многосторонняя. Революционная теория Маркса, диалектический материализм, законы развития человеческого общества, делающие неизбежной замену капиталистического строя коммунистическим, — все это получило свое наиболее полное выражение в «Капитале».

Когда окидываешь взглядом всю проделанную Марксом предварительную работу по накоплению и

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, 4 изд., стр. 5.

изучению материалов и результаты этой работы — его рукописи, то поражаешься громадными размерами труда, и кажется почти совершенно невероятным, что все это сделано одним человеком, да притом еще в условиях, очень мало приспособленных для столь обширных научных занятий.

Маркс сам, вскоре после того как он, закончив вчерне всю рукопись «Капитала», выпустил первый его том, говорил, что, «может быть, никогда ни одна работа подобного рода не писалась при более трудных обстоятельствах»¹ (письмо Кугельману от 11 октября 1867 г.). Маркс прав. Он выполнил свой труд только благодаря своей ни с чем не сравнимой трудоспособности и неизменной самоотверженной поддержке и помощи со стороны своего верного друга Энгельса. Без этой поддержки Маркс неминуемо погиб бы в тяжелых условиях эмигрантской жизни.

Маркс первый научно доказал неизбежную гибель буржуазной собственности и неизбежность победы коммунизма. Буржуазия и буржуазная наука мстили за это, как могли, великому революционеру и гениальнейшему ученому, впервые до конца понявшему законы исторического развития человечества. Буржуазная псевдонаука создала и всеми силами поддерживала против Маркса заговор молчания. Прислужники буржуазии нарушали это замалчивание только для того, чтобы осыпать Маркса самой гнусной, самой подлой клеветой, как это сделал, например, в 1859—1860 гг. бонапартистский агент, немецкий профессор Карл Фогт — достойный предшественник современных «ученых» холуев фашизма.

При жизни Маркса не наступило еще то время, когда пролетариат мог овладеть властью. Условия для победы пролетариата в тот исторический период пока не созрели. Эпоха империализма и пролетарской революции наступила лишь после смерти Маркса и Энгельса.

Решительная победа была одержана пролетариатом лишь в новую историческую эпоху империализма и пролетарской революции. Торжество идей Маркса и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, 1 изд., стр. 497.

Энгельса обеспечил гениальный продолжатель их дела Ленин — вождь партии большевиков.

Маркс самым тесным, неразрывным образом связал свою судьбу с судьбой рабочего класса и международного революционного движения пролетариата, став его первым теоретиком и вождем. После победы контрреволюции в 1849—1850 гг. Маркс должен был в эмиграции в полной мере испытать на себе все невзгоды пролетарского существования. Средства на жизнь он должен был зарабатывать трудом журналиста. Этот заработок был невелик и непостоянен. В эмиграции, особенно в первые годы, Марксу приходилось в подлинном смысле слова голодать. Он сам писал в своих письмах, что ему случалось бегать целый день, чтобы добыть «шесть пенсов на жратву».

Маркса преследовали и травили не только официальные правительства. Ожесточенными, остервенелыми его врагами были и буржуазные вульгарные демократы. Они ненавидели Маркса за то, что он беспощадно разоблачал их половинчатость, их трусость, их измены революционной борьбе, их предательство по отношению к интересам народных масс. Интересы всех угнетенных и эксплуатируемых Маркс отстаивал с пламенной страстностью.

В эмигрантской печати Европы и Америки вульгарная демократия вела против Маркса бешеную кампанию клеветы. «Ты находишься сейчас, — писал ему Энгельс 9 мая 1851 г., — в том завидном положении, что тебя одновременно атакуют два мира, а этого даже и с Наполеоном ни разу не случилось»¹.

Начав изучение и критику политической экономии с 1843 г., Маркс к 1847 г. овладел предметом и создал в основном свою теорию *прибавочной стоимости*.

Еще студентом Маркс усвоил привычку конспектировать все важнейшие прочитанные им книги и в сжатом виде критически излагать их содержание, снабжая выписки своими заметками. На основе всей этой обширной проконспектированной им литературы Маркс рабо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, 1 изд., стр. 201.

тал дальше. Время от времени он перечитывал свои тетради, чтобы восстановить в памяти проработанный материал. От первых четырех лет работы Маркса по политической экономии сохранилось большое количество тетрадей с такими выписками (около 140 печатных листов). За 1843—1847 гг. Маркс проработал гигантскую по объему историческую, экономическую и прочую литературу.

На основе проделанной им огромной работы Маркс написал такие произведения, как: 1) «Нищета философии» (вышла летом 1847 г.), в которой идеалистическим построениям Прудона он противопоставил свое материалистическое понимание истории, материалистический анализ экономического развития; 2) «Наемный труд и капитал» — лекции, прочитанные осенью 1847 г., в которых разъяснил сущность капиталистической эксплуатации; 3) вместе с Энгельсом «Манифест Коммунистической партии» (февраль 1848 г.), в котором дан сжатый обзор всемирной истории, общая картина развития классовой борьбы, неизбежно ведущей к победе пролетариата, — обзор, основанный на глубоком понимании законов возникновения, существования и гибели капиталистического общества. В «Манифесте» даны основы программы и тактики коммунистов.

За 1848—1850 гг. систематическая работа по политической экономии у Маркса прервалась. Он вернулся к ней с лета 1850 г., когда принялся регулярно заниматься изучением экономической истории истекшего десятилетия. В 1851 г. Маркс снова проделал большую работу в области критики буржуазной политической экономии и создания научной экономической теории. Начиная с зимы 1850—1851 гг. Маркс заново проработал произведения экономистов классической школы — Ад. Смита и Д. Рикардо и их учеников, перечитал произведения Р. Оуэна, прочел все выдающиеся работы о деньгах, кредите, финансах (работы Фуллартона, Тука и др.), опять-таки сделав из всей этой литературы огромное количество выписок. В январе 1851 г. Маркс разрабатывал вопрос о ренте (письмо Энгельсу от 7 января), в феврале — вопрос о денежном обращении (письмо Энгельсу от 3 февраля). Всей специальной

экономической литературой Маркс овладел тогда, можно сказать, полностью.

В апреле 1851 г. он писал Энгельсу, что скоро закончит «со всей экономической дрянью», подразумевая под этим специальную экономическую литературу¹, и сможет заняться разработкой экономических вопросов дома, а в библиотеке Британского музея, где он читал до сих пор главным образом экономическую литературу, приступит к изучению других наук, знакомство с которыми необходимо для понимания материальной основы процессов производства и всей общественной жизни капиталистического общества.

Следуя требованиям выработанного им метода диалектического материализма, Маркс ставил себе задачу изучать все вопросы во всей их конкретности, всесторонне. Разрабатывая вопросы производства прибавочной стоимости, Маркс изучал технологию, историю техники; изучая земельную ренту, он прорабатывал сочинения по агрохимии, геологии и т. д.

В течение 1851 г. Маркс регулярно посещал библиотеку Британского музея. 27 июня 1851 г. он писал Вейдемейеру: «От 9 часов утра до 7 часов вечера я бываю обычно в Британском музее. Материал, над которым я работаю, так дьявольски обширен, что, несмотря на все напряжение, мне не удастся закончить работу раньше, чем через 6—8 недель; кроме того, постоянно присоединяются всевозможные практические помехи, неизбежные при той лондонской обстановке, в которой здесь приходится прозябать. Но, несмотря на все, дело быстро двигается к концу. Надо же когда-нибудь во что бы то ни стало кончить. Демократическим «простакам», которым приходит наитие «свыше», таких усилий, конечно, не нужно. Зачем этим счастливицам мучить себя изучением экономического и исторического материала? Ведь все это *так просто*, как говорил бывало

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 33. «В сущности со времен Адама Смита и Давида Рикардо эта наука не продвинулась больше ни на шаг вперед, несмотря на достижения отдельных, подчас чрезвычайно тонких исследований» (письмо Энгельсу от 2 апреля, 1851 г.). (Примечание В. В. Адоратского).

достойный Виллих. Все так просто! Да, — в этих пустых башках! Вот уж действительно простаки!»¹

В конце 1851 г. в связи с событиями во Франции (государственный переворот Луи Бонапарта) эта систематическая работа прервалась. Маркс вернулся к ней вплотную только в 1857 году.

II

РУКОПИСЬ 1857—1858 гг.

И КНИГА «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»

В январе 1857 г. Маркс опять стал изучать вопрос о деньгах. В марте — апреле этого года он штудировал, делая обширные выписки, V и VI тома сочинения Тука «История цен».

Но затем работа опять прервалась из-за семейных дел: тяжело заболела жена Маркса, в июле умер новорожденный ребенок. Марксу некоторое время самому пришлось быть у постели больной жены, ухаживать за ней. В то же время материальное положение снова стало критическим. В 1857 г. в связи с наступившим экономическим кризисом «Трибуна» стала печатать меньше статей Маркса, а осенью этого года снизила гонорар Марксу наполовину. Энгельс в 1857 г. тоже был серьезно болен и не мог в той же мере, как обычно, помогать Марксу в его литературной работе для заработка.

Марксу пришлось гораздо больше работать над очередными статьями в «Трибуну» и над статьями для подготовлявшегося в Америке энциклопедического словаря, для которого он взялся доставлять статьи по военным вопросам. Обычно статьи на военные темы писал Энгельс. Теперь же Марксу пришлось подготовку таких статей взять на себя в гораздо большей мере, чем это он делал обычно.

Летом 1857 г. материальное положение Маркса было крайне тяжелым. 24 июля 1857 г. он писал Энгельсу: «В понедельник мне угрожает опись имущества за

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, 1 изд., стр. 102.

невзнос налогов и квартирной платы. Кроме того, полное безденежье за последние две недели лишило меня возможности создать для моей жены, выздоровление которой туго подвигается вперед (она все слабеет с каждым днем), необходимые удобства, предписанные врачом... Ничего не может быть фатальнее для меня, как обременять тебя, при твоей болезни, моими горестями, но я так страшно одинок, что мне ничего другого не остается»¹.

В таком затруднительном, иногда прямо отчаянном материальном положении Маркс и его семья находились все время и в 50-х и в 60-х годах, когда Маркс работал над своим основным произведением по политической экономии. При поддержке Энгельса, который всегда готов был помочь решительно всем, чем только возможно, удавалось преодолевать наиболее острые кризисы. Но периодически снова и снова повторялись подобные затруднения, когда нечем было платить «голодным волкам-кредиторам», податному инспектору и пр. и пр., когда Марксу снова приходилось изыскивать разные средства, обращаться к различным «денежным крокодилам», занимая небольшие суммы под неслыханные проценты, чтобы как-нибудь найти выход из финансовых затруднений. Нужда душила Маркса.

В таких условиях, вынужденный все время писать статьи на разные темы для газеты и для словаря, Маркс в 1857—1858 гг. с неослабной энергией работал (главным образом по ночам) над своим трудом по экономике (будущий «Капитал»). Книга Маркса «К критике политической экономии», вышедшая в 1859 г., представляла собой лишь небольшую часть I тома «Капитала», в который она потом вошла в измененном и переработанном виде. Громадной помехой в работе Маркса было состояние его здоровья.

«Я вынужден убивать день на работу для заработка, — писал Маркс 21 декабря 1857 г. в одном из своих писем. — Поэтому для *настоящей* работы мне остается ночь, но и тут плохое состояние здоровья часто мешает»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1 изд., стр. 214.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 57.

«К тому же я не господин своего времени, а скорее раб. Для себя самого у меня остается только ночь, да и этой ночной работе мешают часто повторяющиеся приступы болезни печени»¹ (письмо от 22 февраля 1858 г.).

Но энергия и бодрость не покидали Маркса. «Хотя я и нахожусь в нищете, — писал он Энгельсу 13 ноября 1857 г., — но с 1849 г. я не чувствовал себя так хорошо, как при этом крахе»². Маркс предвидел неизбежное наступление нового подъема революционной борьбы рабочего класса. Надо было во что бы то ни стало спешить с подведением итогов проделанной огромной теоретической работы.

В августе 1857 г. Маркс написал набросок «Введения» («К критике»), в котором излагал общие выводы своей критики политической экономии и основы своего метода. В начале октября он съездил на несколько дней к Энгельсу на остров Джерсей, где Энгельс отдыхал и восстанавливал свои силы после перенесенной им болезни. Вернувшись в Лондон, Маркс с октября 1857 г. вплотную принялся за рукопись, в которой поставил себе задачу — дать хотя бы в самых общих чертах набросок «всего в целом», т. е. дать (пока только для самого себя) общий обзор всей системы своих экономических взглядов. Рукопись эта — семь тетрадей (все они вместе составляют около 50 печатных листов) — была в основном написана в течение приблизительно 5—6 месяцев зимой 1857—1858 гг. (с октября 1857 г. по март 1858 г.). Все это время Маркс напряженно работал: днем для заработка, ночью над своей рукописью.

«Я работаю, как бешеный, ночи напролет над систематизацией своих экономических исследований, — писал он 8 декабря 1857 г. Энгельсу, — чтобы успеть еще до потопы закончить работу в общем виде»³.

В другом письме Энгельсу от 18 декабря 1857 г. Маркс писал подробнее, в чем состоит его работа:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 98.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1 изд., стр. 251.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1 изд., стр. 266.

«Работаю я колоссально много, большею частью до 4 часов утра. Работа двойкая:

1. Выработка основных положений экономии. (Совершенно необходимо для публики вскрыть самую основу вещей, а для меня лично — освободиться, наконец, от этого кошмара).

2. *Нынешний кризис*. Помимо статей для «Трибуны», я его лишь регистрирую, что, однако, отнимает много времени. Я рассчитываю, что к весне мы *сообща* напишем об этой истории памфлет... Я завел три больших регистрационных книги — Англия, Германия, Франция. Что касается Америки, весь соответствующий материал в «Трибуне». В дальнейшем можно будет его скомпановать»¹.

С неукротимой энергией и страстью, преодолевая все препятствия, Маркс вел свою титаническую работу для разрешения всех загадок капиталистического общества, по своей структуре самого сложного из всех общественных исторических формаций. Каковы бы ни были трудности и препятствия, Маркс решил во что бы то ни стало подвести итог 14-летней работе, изложив свою экономическую теорию в ее целом.

5 января 1858 г. он писал Энгельсу, что должен окончить рукопись «во что бы то ни стало, даже если б весь дом обрушился на мою голову»². Но в конце концов его могучий организм не выдержал такого чрезмерно напряженного труда. Приступы болезни печени стали обнаруживаться все сильнее и сильнее.

14 января 1858 г. Маркс сообщал Энгельсу: «Сам я снова в течение трех недель возился с лекарствами и только сегодня с ними покончил. Я чересчур злоупотреблял ночной работой, во время которой пил, правда, только лимонад, но зато выкурил огромное количество табаку. Впрочем, у меня порядочные успехи. Например, все учение о прибыли, в его прежнем виде, я выбросил за борт. По части *метода* обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности снова перелистал «Логик» Гегеля, — Фрейлиграт

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 56.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1 изд., стр. 284.

нашел несколько томов Гегеля, принадлежавших прежде Бакунину, и прислал мне их в подарок. Если когда-нибудь снова наступит время для подобных работ, я охотно изложу на двух-трех печатных листах в доступной обыкновенному человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал»¹.

В своей критике экономических теорий Маркс опирался на основательное знание исторического развития капитализма, на глубокое изучение капиталистического производства во всем его целом, как оно происходит в действительности. В этом отношении большую помощь Марксу оказывал Энгельс, давая фактические справки по ряду возникавших у Маркса вопросов.

29 января 1858 г. Маркс просил, например, у Энгельса фактических данных об *обороте* капитала, о его разнообразии в разного рода предприятиях, о его влиянии на прибыль и цену, о чем «в теоретических сочинениях об этом ничего нельзя найти»².

2 марта 1858 г. Маркс спрашивал в письме, в течение какого времени обновляется машинное оборудование на фабриках. Это нужно было ему «для объяснения многолетнего цикла, который проходит промышленное развитие с тех пор как консолидировалась крупная промышленность»³.

5 марта 1858 г. Маркс задавал вопрос: «Как на вашей фабрике или фабричном предприятии оборотный капитал подразделяется на сырье, заработную плату, и какую часть его в среднем держите вы у банкира? Далее, как *исчисляете* вы оборот по вашим книгам?»⁴

По этим запросам видно, что уже в то время Маркс разрабатывал вопросы, которые впоследствии были им с исчерпывающей полнотой освещены и развиты во второй и третьей книгах «Капитала» (II и III тома).

В апреле 1858 г. работа Маркса приостановилась. От напряженного труда он так переутомился, что работать дальше был уже более не в состоянии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 58.

² Там же, стр. 59.

³ Там же, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 63.

«Вот уже две недели, как я очень болен и лечу печень, — писал он Энгельсу 29 марта 1858 г. — Длительная ночная работа и множество мелочных огорчений днем, вытекающих из экономических условий моей домашней жизни, вызывают у меня за последнее время частые приступы болезни»¹. Совсем больной, Маркс через силу писал статьи в «Трибуну». 29 апреля 1858 г. он сообщал Энгельсу, что совершенно не в состоянии работать. «Несколько совершенно неизбежных статей в «Трибуну» я диктовал своей жене, но даже и это было возможно лишь употребляя сильные возбуждающие средства»². Все попытки снова взяться за работу оставались тщетны. «Если я усаживаюсь на пару часов за писание, то потом вынужден пару дней лежать пластом. С дьявольским нетерпением жду, что состояние это кончится на следующей неделе. Это случилось как нельзя более некстати. Очевидно зимою я чересчур злоупотреблял ночной работой. За это расплачиваюсь»³.

В конце концов Марксу пришлось всякую работу прекратить и поехать на несколько недель к Энгельсу в Манчестер, чтобы переменой места, физическими упражнениями (верховая езда, фехтование), просто отдыхом восстановить свое здоровье. За май 1858 г., который Маркс провел в Манчестере, он восстановил свои силы. В Манчестере Маркс вместе с Энгельсом обсуждал план своей работы.

В этом плане Маркс (он сообщил его Энгельсу еще до приезда в Манчестер в письме от 2 апреля 1858 г.) делил всю политическую экономию на шесть отделов (каждому отделу он рассчитывал посвятить отдельную книгу): 1. Капитал. 2. Земельная рента. 3. Заработная плата. 4. Государство. 5. Внешняя торговля. 6. Мировой рынок. Этот план мы находим также в письме от 22 февраля 1858 г. Лассалю и от 1 февраля 1859 г. Вейдемейеру.

Всю эту работу в целом Маркс охарактеризовал — «это критика экономических категорий, или, если угодно,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1 изд., стр. 325.

² Там же, стр. 336.

³ Там же.

система буржуазной экономики, критически представленная»¹. По словам Маркса, это должно быть одновременно и «изложение системы» и «критика ее, даваемая самим изложением»².

План этот выработался у Маркса по мере того, как он писал свою работу, подводя итоги своим экономическим исследованиям. Перед ним в ходе этой работы вставали новые вопросы. «Предметы, которые делаешь в течение многих лет главным объектом своих исследований, обнаруживают все новые и новые стороны и вызывают новые размышления»³, как только Маркс собирался подвести им, наконец, итог (письмо Лассалю от 22 февраля 1858 г.).

Из названных выше шести тем в семи тетрадях 1857—1858 гг. наиболее подробно были разработаны вопросы о капитале (превращение денег в капитал, процесс производства и обращения капитала, прибыль и норма прибыли), о земельной собственности и о государстве. Но в изложении были перерывы, отступления, имелось «многое, относящееся к дальнейшим частям»⁴, и, когда Маркс приступил к составлению для печати рукописи первой книги о капитале, ему пришлось делать для себя к своим семи тетрадям указатель, чтобы можно было найти, «в какой тетради и на какой странице находится место, нужное мне сейчас для работы»⁵. (Письмо Энгельсу от 31 мая 1858 г.).

Имея уже в основном общий предварительный очерк своей экономической системы в целом, Маркс стал думать об издании своей работы. На этот раз издателя помог найти Лассаль. Общие условия договора, на которые согласился Маркс, были таковы: все шесть книг должны были выходить выпусками по 5—6 листов каждый, но договор на все издание будет заключен лишь после выхода в свет первого выпуска. В зависимости от того, как пойдет продажа первого выпуска, издателю предоставлялось право решить: заключать ли договор

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 98.

² Там же.

³ Там же.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1 изд., стр. 340.

⁵ Там же.

на всю работу, или совсем отказаться от дальнейшего издания; гонорар был установлен — 3 фридрихсдора (т. е. 20—25 рублей) за лист. Все издание в целом, как предполагал тогда Маркс, должно было составить 30—40 листов.

В марте 1858 г. Маркс заключил с Дункером соглашение об издании первой книги «К критике политической экономии», причем рукопись он обязался представить в мае 1858 г. Болезнь помешала ему выполнить это обязательство в срок; рукопись была приготовлена и послана издателю только в январе 1859 г.

По плану, разработанному Марксом в мае 1858 г. совместно с Энгельсом, первая книга о капитале должна была состоять из трех частей: I. Процесс производства капитала; II. Процесс обращения капитала; III. Капитал и прибыль. В первой части (в будущем из нее образовалась первая книга (I том) «Капитала») были такие подразделения: 1) Превращение денег в капитал; 2) Абсолютная прибавочная стоимость; 3) Относительная прибавочная стоимость; 4) Первоначальное накопление; 5) Наемный труд и капитал. Кроме того, прежде чем приступить к вопросу о превращении денег в капитал, Маркс считал необходимым дать в виде вступления подробный анализ стоимости (товара) и денег.

По возвращении из Манчестера в конце мая 1858 г. Маркс принялся за подготовку рукописи первого выпуска для Дункера. Он мог бы сделать это быстро: весь материал был под руками. Но тут снова возникли препятствия: с одной стороны, необходимость улаживать опять пришедшие в расстройство денежные дела, а с другой — новые приступы болезни.

Летом 1858 г. финансы Маркса вновь оказались в катастрофическом состоянии. 15 июля Маркс в письме Энгельсу подробно изобразил свое положение. У него было около 85 фунтов долгу, причем 50—60 фунтов необходимо было уплатить немедленно. Маркс хотел было произвести коренную ломку всего своего жизненного обихода, отпустить прислугу, переселиться в рабочий квартал, но его удерживали от этого шага опасения, что такая ломка тяжело отразится на его семье.

«Для меня лично, — писал он Энгельсу, — ни черта не стоило бы жить в Уайтчепеле¹, лишь бы, наконец, снова иметь хоть час покоя и заняться своею работой. Но для жены в ее теперешнем состоянии такая метаморфоза могла бы повлечь за собою опасные последствия, да и для девочек она вряд ли была бы полезной.

Наконец, я решился излить свою душу, и уверяю тебя, что мне это было не легко. Но, в конце концов, хоть перед одним человеком я должен высказаться. Я знаю, что ты лично помочь делу не можешь. Но я прошу у тебя лишь твоего мнения: что делать? Моему злейшему врагу я не пожелал бы пробираться через грязную лужу, в которой я барахтаюсь уже восемь недель; с величайшим бешенством я думаю о том, что из-за гнуснейших мелочей гибнут мой интеллект и моя работоспособность»².

Энгельс, действительно, помочь непосредственно деньгами не мог. Он тогда работал простым приказчиком фирмы «Эрмен и Энгельс» и получал небольшое содержание. Но по советам Энгельса и при его содействии удалось все же добыть денег и выйти из трудного положения. Из-за денежных затруднений в июне и июле 1858 г. Маркс совсем не мог работать. В то же время мешало и состояние здоровья. Осенью 1858 г. Маркс работал через силу. Ему приходилось все время регулярно писать статьи в «Трибуну», а работа над рукописью шла туго.

21 сентября 1858 г. Маркс писал Энгельсу: «Хотя мне приходилось только отделять уже написанное, все же я сидел иногда часами, чтобы склеить пару фраз. Впрочем, за последнюю неделю мне лучше, и вообще прохладное время года действует на меня более благоприятно»³.

За время с августа по октябрь 1858 г. Маркс сделал первый набросок первых двух глав, составивших потом его книгу «К критике политической экономии». Но этот набросок его не удовлетворил.

¹ Квартал в Лондоне, заселенный беднойой. — *Ред.*

² *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, I изд., стр. 350.

³ Там же, стр. 357—358.

«Но что бы я ни писал, болезнь печени придавала особый привкус стилю письма. А у меня имеется двойного рода основание не допускать порчи сочинения, ссылаясь на медицинские аргументы.

1. Это — продукт пятнадцатилетних исследований, т. е. лучшего периода моей жизни.

2. В этом сочинении впервые выражен имеющий важное значение научный взгляд на общественные отношения. Поэтому мой долг перед партией не допускать того, чтобы вещь была испорчена тяжелой и деревянной манерой письма, которая бывает при болезни печени.

Я вовсе не добиваюсь какого-то изысканного стиля, хочу только соблюсти мой обычный стиль, чего я, по крайней мере в отношении этой темы, за эти месяцы страданий достичь не мог, за то же время я вынужден был написать, а потому и написал по меньшей мере два печатных тома английских передовиц о всякой всячине»¹.

С наступлением холодов Маркс почувствовал себя лучше и переделал всю рукопись, т. е. обе главы, заново. В декабре 1858 г. — январе 1859 г. жена Маркса переписала рукопись набело.

В окончательной редакции вводная часть разрослась: две первые главы пришлось развить подробнее, чем это предполагалось раньше. Обе эти главы Маркс, по-видимому, написал в ноябре — декабре 1858 г. заново, так как в письме Энгельсу от 29 ноября 1858 г. он писал сам, что первая глава — «*Товар*», вовсе не была написана в черновом наброске, а *вторая*, «*Деньги или простое обращение*», имела лишь в виде совсем краткого наброска»².

Сначала Маркс предполагал опубликовать сразу всю книгу о капитале, но потом он решил ограничиться только этими двумя первыми главами. У него были соображения такого рода: в первых двух главах речь шла пока только о простом товарном обращении, и лишь с третьей главы он переходил к вопросу о существовании капиталистической эксплуатации, о превращении денег в капитал, о производстве прибавочной стоимости, о том, как происходит в капиталистическом обществе,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 71.

² Там же.

основанном на свободе, равенстве и бентамовской морали, высасывание всех соков из рабочего класса, о том, как действует эта самая усовершенствованная, самая утонченная и вместе с тем самая беспощадная система эксплуатации. Маркс писал Лассалю 28 марта 1859 г., что он решил отложить изложение этого вопроса о превращении денег в капитал до следующего выпуска. «Я считал это целесообразным по *политическим* соображениям, так как с третьей главы начинается настоящая битва, и мне казалось неблагоприятным пугать людей с самого начала»¹.

Когда рукопись была уже совсем готова, у Маркса не оказалось денег, чтобы отослать ее издателю.

«...у меня нет ни гроша, — писал он Энгельсу 21 января 1859 г., — чтобы оплатить почтовые расходы и застраховать ее (рукопись. — В. А.). А последнее необходимо, так как копии у меня нет»².

Энгельс немедленно же перевел деньги. 25 января 1859 г. рукопись была отослана.

Пришлось пережить еще много тревог и огорчений: долго не приходило уведомление о том, что издатель получил рукопись, задерживались корректуры и печатание. Наконец, в июне 1859 г. книга вышла под заглавием «К критике политической экономии».

Выход в свет этой книги имел огромное значение. Научная работа Маркса была крупным партийным делом, потому что она создавала теоретический фундамент для партийной политической борьбы за коммунизм. Изучение законов возникновения и развития капитализма со всей последовательностью вскрывало также неизбежность гибели капиталистического строя.

В книге были впервые разъяснены загадки, над разрешением которых человеческая мысль билась в течение почти двух тысячелетий. Маркс подробно вскрыл природу стоимости и денег и тем самым выяснил самые основные устои менового, капиталистического общества. Маркс сам указывал на партийно-политическое значение книги: «В этих двух главах вместе с тем разбивается наголову модный теперь во Франции прудоновский

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 77.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, I изд., стр. 377.

социализм, который хочет сохранить частное производство, *но организовать* обмен частных продуктов, *хочет товара, но не хочет денег*»¹.

Из изложения Маркса с полной ясностью вытекало, что проекты прудонистов — нелепейшая утопия, что нельзя уничтожить эксплуатацию рабочего класса, сохраняя частновладельческое хозяйство, товарное производство, из которого с неизбежностью вырастает капитализм.

Прудоновский социализм имел успех во Франции, где в среде пролетариата были еще сильны мелкобуржуазные предрассудки. Но идеи Прудона получили распространение и за пределами Франции. Для успеха коммунистической пропаганды надо было доказать невозможность, нелепость прудоновских проектов. «Коммунизму необходимо избавиться прежде всего от этого «лжебрата»»², — писал Маркс в письме Вейдемейеру 1 февраля 1859 г.

Обращаясь к Энгельсу с просьбой написать рецензию на книгу «К критике», Маркс просил отметить в рецензии: «1) что прудонизм уничтожен в корне, 2) что уже в простейшей форме, в форме *товара*, анализируется *специфика*, а отнюдь не *абсолютный характер* общественного буржуазного производства»³.

Следует отметить, что даже некоторые из последователей Маркса оказались неспособными понять значение его книги. В том же письме, в котором Маркс просил Энгельса написать рецензию, он сообщал отзыв Либкнехта о книге «К критике»: «Никогда еще ни одна книга его так *не разочаровывала*»⁴. А Бискамп, редактор выходившей в Лондоне в 1859 г. газеты «Фольк», в которой Маркс принимал довольно близкое участие, заявил, что он вообще не понимает, «к чему это все»⁵, обнаружив тем самым свою тупость и ограниченность. Маркс в дальнейшем стал стремиться к тому, чтобы дать наиболее популярное и доступное изложение своей теории.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 74.

² Там же.

³ Там же, стр. 77—78.

⁴ Там же, стр. 78.

⁵ Там же.

Для характеристики метода работы Маркса, его исключительной научной добросовестности, здесь еще раз следует указать на ту огромную подготовительную работу, которую Маркс проделал, прежде чем счел, наконец, возможным опубликовать первые две главы (10—12 печатных листов) своего труда. Он полностью овладел проблемами товара и денег и литературой по этим вопросам. Он сделал к тому времени не менее двухсот печатных листов выписок из всей необъятной литературы, проработанной им. Кроме того, он составил предварительный набросок всей системы своих теоретических взглядов по вопросам экономики капиталистического общества — рукопись объемом около 45—50 печатных листов.

После выхода в свет «К критике» (в составе двух глав) Маркс продолжал работу над третьей главой. В октябре — декабре 1859 г. и в январе 1860 г. он снова стал ходить в читальный зал Британского музея, сделал множество конспектов и выписок, перечитал «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, изучал отчеты фабричных инспекторов за 1855—1859 гг., написав в связи с этим для «Трибуны» ряд статей по экономическим вопросам. Но в начале 1860 г. работа Маркса над экономической теорией прервалась до середины 1861 года.

Марксу пришлось целиком заняться борьбой против гнусной клеветнической кампании, поднятой бонапартистским агентом профессором Карлом Фогтом. Этому требовали интересы партии. Покончив с Фогтом, Маркс для устройства своих денежных дел предпринял в начале 1861 г. поездку в Голландию и Германию.

III

ГЛАВА «О КАПИТАЛЕ» ДЛЯ КНИГИ «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» (1861—1862)

Только по возвращении из своей двухмесячной поездки на континент (в марте — апреле 1861 г.) Маркс мог снова приняться за работу по политической экономии.

С начала июня он опять «серьезно занялся своей книгой»¹ (письмо Энгельсу от 10 июня 1861 г.).

В августе 1861 г. было положено начало большой рукописи, озаглавленной по-прежнему «К критике политической экономии». Над этой рукописью Маркс работал в течение почти двух лет — до июня 1863 г. Маркс начал писать ее, как непосредственное продолжение первого выпуска «К критике», как третью главу «О капитале». Но постепенно работа по своему объему разрослась далеко за намеченные вначале пределы. За два года Маркс написал 23 тетради, пронумерованные им сплошной нумерацией. Это показывает, что все эти тетради он рассматривал как некоторое единое целое. Всего в 23 тетрадях — 1472 страницы. Переписанная на машинке рукопись составляет более 4000 страниц, т. е. приблизительно 150 печатных листов.

Как мы уже знаем, согласно выработанному еще в 1858 г. плану, тема о капитале распадалась у Маркса на три части:

1. Процесс производства капитала.
2. Процесс обращения капитала.
3. Капитал и прибыль.

Начав свою рукопись в августе 1861 г., Маркс озаглавил ее: «К критике политической экономии. I. Процесс производства капитала». Означенная тема была разработана Марксом в этой его большой рукописи самым подробным, почти исчерпывающим образом. Поэтому рассматриваемую нами рукопись можно считать первой редакцией первой книги (I тома) «Капитала». Но этим содержание рукописи не исчерпывалось, в ней затрагивались также отдельные вопросы и второй и третьей части, получившие полное освещение впоследствии во второй и третьей книгах «Капитала».

Вся эта огромная работа (по объему она равняется всем трем опубликованным томам «Капитала», взятым вместе) была написана Марксом в таких же, если не в еще более тяжелых условиях, в каких он составил экономическую рукопись в 1857—1858 гг. По-прежнему душила нужда, одолевали домашние заботы, болезни:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 27.

отнимала время работа для заработка. В 1861 г. Маркс писал по-прежнему для «Трибуны» и стал писать также для венской газеты «Пресса», редактором которой был родственник Лассаля Фридендер. В 1862 г., когда сотрудничество Маркса в «Трибуне» прекратилось, он продолжал писать для «Прессы». Состояние здоровья Маркса в это время ухудшилось: начались приступы очень изнурительной и опасной болезни — его стали мучить появлявшиеся на теле один за другим фурункулы и карбункулы. Начавшись в 1863 г., эта болезнь мучила Маркса в течение всего того времени, пока он работал над «Капиталом». Сильный приступ был в конце 1863 и в начале 1864 гг.; в течение всего 1864 и 1865 гг. приступы периодически повторялись; особенно сильно Маркс болел в феврале 1866 г. («дело шло о жизни»¹ — письмо Энгельсу от 10 февраля 1866 г.). То же продолжалось и в 1867 г. Но крепкий организм Маркса преодолевал болезнь.

Работа Маркса неуклонно подвигалась вперед, хотя гораздо медленнее, чем ему хотелось и чем он рассчитывал.

В пяти тетрадях (№№ 1—5), которые были написаны с августа 1861 г. по начало 1862 г., Маркс заново разработал ряд вопросов будущей первой книги «Капитала». Здесь мы находим такие темы, как: превращение денег в капитал, покупка и продажа рабочей силы (в рукописи Маркс употребляет еще термин *Arbeitsvermögen* — способность к труду), двойкий характер труда в условиях буржуазного общества (с одной стороны, это труд, производящий предметы, назначение которых удовлетворять потребности людей, с другой — это труд, создающий стоимость).

Процесс капиталистического производства — это процесс производства прибавочной стоимости². Маркс изучает этот процесс во всех подробностях. Он устанавливает части, из которых составлен капитал: постоянный

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 322.

² «Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса». (В. И. Ленин. Соч., т. 19, 4 изд., стр. 6). (Примечание В. В. Адоратского).

капитал (с) — стоимость средств производства и сырья, в процессе производства остающаяся неизменной, переносящаяся по частям или целиком на продукт производства; переменный капитал (v) — стоимость затрат на покупку рабочей силы, не остающаяся неизменной, но возрастающая в ходе производства, — в процессе производства рабочие не только восстанавливают стоимость, затраченную на их заработную плату, но и создают сверх этого новую стоимость; наконец, — вновь созданная прибавочная стоимость (m). Маркс подвергает тщательному анализу взаимоотношение этих частей капитала. Он выводит норму прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$. Чем больше прибавочная стоимость m и чем относительно меньше v — часть капитала, которая идет на покупку рабочей силы, — тем выше норма прибавочной стоимости, тем больше высасывает капиталист прибавочной стоимости из рабочего. Маркс разбирает далее способы увеличения нормы прибавочной стоимости: абсолютная прибавочная стоимость, растущая в результате простого увеличения рабочего дня; относительная прибавочная стоимость, увеличение которой достигается поднятием производительности труда. Далее Маркс подробно разбирает способы поднятия производительности труда: разделение труда, кооперация, мануфактура, машинное производство.

Закончив разработку этих тем в начале 1862 г., Маркс перешел к составлению исторической части своего труда. В 1862 г. в тетрадях с VI по XV (объем этой части рукописи около 100 печатных листов) Маркс дал подробную критическую историю развития центрального вопроса экономической теории — *историю теорий прибавочной стоимости*¹.

Весной 1862 г. Маркс провел месяц у Энгельса (с конца марта до конца апреля). По возвращении в Лондон ему опять пришлось заниматься хлопотами по устройству денежных дел.

Несмотря на такие далеко не располагающие к спокойному научному труду условия, работа у Маркса в

¹ Эти тетради в основном опубликованы под заглавием «Теории прибавочной стоимости». (Прим. В. В. Адоратского).

1862 г. шла особенно быстро и плодотворно. 27 мая 1862 г. он писал Энгельсу: «Я сейчас, — с отчаяния, — здорово засел за работу и пишу напропалую, т. е. по экономии. В «Presse» каждую неделю появляется моя статья»¹.

18 июня 1862 г. в письме к Энгельсу Маркс снова сообщал об отчаянной нужде, в которой находится он и его семья. «Мне ужасно противно вновь занимать тебя моими злосчастьями, но что делать? Жена моя заявляет мне каждый день, что лучше бы ей с детьми лежать в могиле, и я, право, не могу на нее за это сердиться, ибо унижения, мучения и страхи, которые нам приходится переносить в этом положении, не поддаются описанию»². Сообщив подробности о своих денежных затруднениях, Маркс писал далее о ходе своей работы: «В общем я теперь усиленно работаю, и, как это ни странно, моя черепная коробка уже много лет не работала так хорошо, как сейчас, при всей окружающей меня нищете. Я значительно расширяю этот том, так как немецкие собаки измеряют ценность книги ее кубическим объемом. Попутно я уже, наконец, разделался окончательно с поганой земельной рентой (которой, однако, в этой части работы *не хочу даже и бегло касаться*). У меня уже давно были сомнения относительно полной правильности теории Рикардо, а теперь я, наконец, вскрыл обман. С тех пор как мы не виделись, я открыл также ряд очень интересных и неожиданно новых вещей, которые войдут у же в этот том»³.

В том же письме Маркс просил Энгельса составить ему образец итальянской бухгалтерии (с пояснениями), для того чтобы он мог воспользоваться этими материалами при объяснении «экономической таблицы» Кенэ. Речь о таблице Кенэ как раз шла в тетради X. Таким

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 77. (К этому месту В. В. Адоратский дает примечание). В статьях в венской «Прессе» Маркс писал о гражданской войне в Америке между северными и южными штатами из-за отмены рабства; о внутренних делах Англии, о бонапартистской Франции и внешней политике Бонапарта, о колониальных войнах (Мексика, Китай).

² Там же, стр. 80.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 126.

образом, можно установить точно, что за первую половину 1862 г. Маркс успел написать целых пять тетрадей — с VI по X.

В июле 1862 г. Маркс дал подробную критику теории земельной ренты Рикардо, содержащуюся в тетрадях XI, XII и отчасти в XIII. Итог тому, что содержится в них, им подведен в его замечательном письме Энгельсу от 2 августа 1862 г.

В июле 1862 г. в Лондон приехал Лассаль, проживший там около месяца. Маркс должен был отплатить Лассалю за гостеприимство, оказанное им Марксу в Берлине весной 1861 г. Визит Лассалья был не очень-то ко времени.

Лассалья надо было принимать, угощать, а денежные дела Маркса находились снова в состоянии острого кризиса. «Из прилагаемых бумажек, — писал Маркс Энгельсу 30 июля 1862 г., — ты отчасти увидишь, как меня терзают. Домохозяина пока что удалось утихомирить, ему я должен 25 ф. Фортепьянщик, которому я плачу в рассрочку за рояль, должен был получить у меня 6 фунтов еще 30 июня, а это очень грубая скотина. Повестка на 6 фунтов налогов лежит у меня дома. Школьный счет приблизительно в 10 фунтов я, к счастью, оплатил, ибо я делаю все, чтобы избавить детей от прямого унижения. Мяснику я уплатил в счет долга 6 фунтов (это весь мой доход за четверть года от «Прессы!»), но он опять пристаёт ко мне, не говоря уже о булочнике, бакалейщике, зеленщике и всяких других дьяволах»¹.

Присутствие Лассалья мешало работе Маркса, который как раз в это время работал, «как вол, над книгой»² (письмо Энгельсу от 11 июля 1862 г.). Лассаль совершенно не считался с временем Маркса. «Субъект этот отнял у меня много времени, — писал Маркс в том же письме. — Этот олух полагал, что так как у меня теперь нет никакого «дела», а я только делаю «теоретическую работу», то я с таким же успехом могу убивать свое время с ним! А ведь, чтобы соблюсти некоторый декорум по

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 86.

² Там же, стр. 83.

отношению к этому парню, моей жене пришлось снести в ломбард все до последней нитки»¹.

Тщеславие и самомнение Лассалья достигли к тому времени высшей точки. Осматривая вместе с Марксом египетский зал Британского музея, он вдруг спросил Маркса, не заняться ли ему египтологией, чтобы «импонировать» буржуазному обществу еще больше своей ученостью.

«Если бы я не был в таком ужасном положении, — писал Маркс Энгельсу, — и если бы меня не злило похлопывание этого выскочки по своей мошне, он бы мне доставил поистине царское развлечение. За этот год, что я его не видел, он совсем с ума сошел. Его пребывание в Цюрихе (вместе с Рюстовым, Гервегом и т. д.), затем его поездка в Италию и, наконец, его «Юлиан Шмидт» и т. д. совершенно вскружили ему голову. Он убежден теперь, что он не только величайший ученый, глубочайший мыслитель, гениальнейший исследователь и т. д., но и, кроме того, Дон-Жуан и революционный кардинал Ришелье. При этом непрерывная болтовня фальшиво-взволнованным голосом, неэстетичные демонстративные движения, менторский тон!»² (письмо Энгельсу от 30 июля 1862 г.).

Неизменный друг и член семьи Маркса — домашняя работница Ленхен — довольно правильно подметила характерные черты Лассалья, когда после знакомства с ним предостерегала Маркса: «Смотри, Мавр, он съест у тебя все лучшие куски ростбифа и украдет все твои лучшие идеи».

В ответ на хвастовство Лассалья своими «блестящими» «революционными» планами освобождения Италии, которые якобы были одобрены Гарибальди и Мадзини, Маркс с женой высмеивали его и дразнили «просвященным бонапартистом»³. Лассаль приходил от этого в совершенное неистовство — возмущался и своими бурными протестами лучше всего подтверждал, что насмешка метко попадала в самое больное место.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 86.

² Там же, стр. 86—87.

³ Там же, стр. 87.

Когда Лассаль снова завел речь о выдвинутом им еще год назад проекте издавать в Берлине газету совместно с Марксом, Маркс прямо заявил ему, что он согласен «за *хорошее вознаграждение*»¹ быть английским корреспондентом газеты Лассалья, но брать на себя какую-либо политическую ответственность за газету он не согласен, потому что политически с Лассалем «решительно ни в чем не сходимся, кроме некоторых весьма отдаленных конечных целей»² (письмо Маркса Энгельсу от 7 августа 1862 г.).

В разговорах с Лассалем Маркс подробно разъяснил ему, что та политическая линия, которую Лассаль собирался проводить (государственная помощь кооперативному движению рабочих), никуда не годится и заслуживает самого резкого осуждения, так как она способна возбудить в рабочих массах иллюзии, будто рабочему классу можно рассчитывать на помощь со стороны юнкерского государства Пруссии, будто это одно из самых реакционных государств Европы способно даже содействовать осуществлению социализма.

Лассаль, убедившись, что вместе с Марксом ему не удастся вести свою игру, решил в своей агитации, развернутой им в 1863 и 1864 гг., выступить против Маркса.

После отъезда Лассалья Маркс продолжал еще некоторое время работать над рукописью. 20 августа 1862 г. Маркс зовет Энгельса в Лондон. «Не можешь ли ты приехать сюда на несколько дней. Я в своей критике низверг так много старого, что мне хотелось бы предварительно посоветоваться с тобой относительно некоторых пунктов. Писать же обо всем этом скучно и мне и тебе»³. В этом же письме Маркс задавал Энгельсу вопрос, касающийся машин на фабрике. Как раз этим вопросом он снова занялся в конце XIII тетради.

Но работу вновь пришлось прервать из-за необходимости приняться за устройство денежных дел. В конце августа — начале сентября Маркс совершил поездку в Голландию к дяде и в Трир к матери. На этот раз

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 97.

² Там же.

³ Там же, стр. 104.

поездка была неудачна. Дядя оказался в отъезде, и Маркс его не видал, мать же в деньгах ему отказала. Лассаль во время пребывания в Лондоне, видя затруднительное положение Маркса, сначала обещал было ему помочь, дать займы любую сумму денег, но потом, уже после отъезда из Лондона, потребовал у Маркса письменного ручательства Энгельса, что долг будет действительно уплачен; вскоре Лассаль опротестовал вексель, потребовав немедленной уплаты долга.

Находясь в безвыходном положении, Маркс даже предпринял попытку поступить на службу в какое-то управление железной дороги, но не был принят из-за своего неразборчивого почерка. Он сам не знал, считать ли это для себя несчастьем или счастьем.

Понятно, что в таких условиях оставалось «мало времени и спокойствия для теоретических работ»¹ (письмо Маркса Кугельману от 28 декабря 1862 г.). Все же в течение 1862 г. Маркс закончил огромную работу по истории теорий прибавочной стоимости (последние две тетради — XIV и XV); сверх того к началу 1863 г. у него были готовы тетради XVI, XVII и XVIII, в которых речь шла о капитале и прибыли, о норме прибыли, о торговом капитале и денежном капитале, т. е. о таких темах, которые Маркс впоследствии развил в рукописи, относящейся к III книге (Энгельс. Предисловие ко II тому «Капитала»).

На запрос Кугельмана, который еще в 50-х годах стал горячим почитателем Маркса, как гениального теоретика, и усердно собирал все произведения Маркса и Энгельса, Маркс подробно ответил, в каком состоянии находится его работа. Он писал Кугельману 28 декабря 1862 г., что продолжение «К критике» у него готово, надо только его отделать для печати и переписать начисто, к чему он собирается приступить в январе 1863 г.

Маркс рассчитывал, что после обработки всего, что было уже подготовлено, получится том в 30 печатных листов. Ввиду того что глава о капитале так разрослась, Маркс решил выпустить эту работу отдельной самостоятельной книгой под заглавием «Капитал», а «К критике

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, 1 изд., стр. 411—412.

политической экономии» поставить только в виде подзаголовка.

Приблизительно к этому времени у Маркса был выработан уже следующий подробный план первой книги «Капитала»:

«Первый отдел — *«Процесс производства капитала»* — разделить следующим образом:

1) Введение: Товар, деньги.

2) Превращение денег в капитал.

3) Абсолютная прибавочная стоимость: а) Процесс труда и процесс увеличения стоимости; б) Постоянный капитал и переменный капитал; в) Абсолютная прибавочная стоимость; г) Борьба за нормальный рабочий день; д) Одновременные рабочие дни (число одновременно применяемых рабочих). Сумма прибавочной стоимости и норма прибавочной стоимости (величина и высота?).

4) Относительная прибавочная стоимость: а) Простая кооперация; б) Разделение труда; в) Машины и т. д.

5) Сочетание абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Соотношения (пропорция) между наемным трудом и прибавочной стоимостью. Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд.

6) Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал. Первоначальное накопление. Теория колонизации Уэйкфилда.

7) Результат процесса производства. (Переворот в проявлении закона присвоения может быть рассмотрен либо в пункте 6-м, либо в пункте 7-м).

8) Теории прибавочной стоимости.

9) Теории о производительном и непроизводительном труде»¹.

Первая книга «Капитала» в окончательном виде включила в себя первые шесть пунктов плана, которые Маркс в первом издании «Капитала» называл главами, а во втором — переименовал в отделы, причем отдел пя-

¹ К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», ч. I, 1954, стр. 399.

тый распался на два, и, таким образом, в первой книге «Капитала» в ее окончательном виде образовалось семь отделов.

IV

РУКОПИСЬ «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» И НАЧАЛО РУКОПИСИ «КАПИТАЛА»

(1863—1864)

В январе 1863 г. денежные дела Маркса снова стали настолько катастрофическими, что он опять, как в 1858 г., только на этот раз еще решительнее, собиравшись радикально изменить весь образ жизни, положить раз навсегда конец тому состоянию, которое он сам охарактеризовал как «поджаривание на медленном огне, сжигающее голову и сердце»¹. Эта жизнь отнимала у Маркса драгоценное время на хлопоты по устройству денежных дел. Маркс решил отказаться от всей домашней обстановки в уплату долга за квартиру, устроить двух старших дочерей (старшей было 19 лет, второй 17) на работу гувернантками, отпустить домашнюю работницу, а самому с женой и младшей 8-летней дочерью переехать в самую дешевую часть Лондона, поселившись там пролетарски, в доме казарменного типа для рабочих, в дешевой меблированной комнате.

Как раз в это время Энгельса постигло большое несчастье: 7 января 1863 г. внезапно умерла его жена Мэри Бернс, с которой он прожил много лет и которую горячо любил. Получив об этом известие от Энгельса, Маркс был до глубины души потрясен несчастьем друга, но, будучи в самом отчаянном состоянии из-за своих домашних дел, он в письме, которое написал вечером, не мог выразить все свое сочувствие горю Энгельса. Под впечатлением того, что происходило дома за день, подвергаясь всевозможным проявлениям «давления извне»² (как Маркс называл требования по разнообразным платежам: налоги, плата за квартиру и т. д.), Маркс, взбешенный, как он сам потом призна-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 126.

² Там же, стр. 155.

вался, заполнил свое письмо рассказом о всех бедствиях, сыпавшихся на его голову. Вышло так, что несколько слов сочувствия, написанных вначале, прозвучали холодно, сухо и формально.

Энгельс не сразу ответил на это письмо. Он потом писал Марксу, что письмо это целую неделю не выходило у него из головы. В своем ответе Энгельс, упомянув о том, что не мог ответить сразу из-за «собственного несчастья» и из-за «ледяного отношения»¹ к его горю Маркса, давал советы, как выйти из денежных затруднений. После этого Маркс, переждав десять дней, написал Энгельсу новое письмо, которое, как выразился Энгельс, полностью искупило холодность первого. «Я рад, — писал Энгельс, — что одновременно с Мэри я не потерял и своего самого старого и лучшего друга»².

В истории дружбы Маркса и Энгельса это был единственный случай, когда их отношения на несколько дней омрачились. Это произошло из-за несчастного стечения чисто внешних обстоятельств. Каких-либо разногласий и трений по более глубоким причинам между ними не было никогда.

Против плана Маркса радикально изменить весь жизненный обиход своей семьи Энгельс возразил самым решительным образом. Он и на этот раз, как всегда, пришел на выручку, добыв 100 фунтов стерлингов, которые помогли преодолеть самое трудное время.

Как ни трудно было Марксу работать при таких условиях, он все же продолжал свой труд. В январе 1863 г. Маркс вернулся к вопросу о машинах, перечитал свои собственные, сделанные им раньше, многочисленные и обширные выписки по технологии, слушал практический курс технологии проф. Уиллиса, который тот читал в Геологическом институте.

Маркс занялся еще более подробным исследованием истории развития машин, изучением самих технологических процессов, чтобы возможно более конкретно и точно выяснить положение и роль рабочей силы в производстве, еще глубже изучить материальные условия

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 124.

² Там же, стр. 127.

процесса производства прибавочной стоимости, как это требуется, согласно его методу диалектического материализма, ставящему перед исследователем задачу: изучая явления во всей их конкретности, вывести внутреннюю закономерность их развития.

28 января 1863 г. Маркс отправил Энгельсу замечательное письмо о машинах, которое было им написано, как он сам об этом говорит, для того, чтобы развлечь Энгельса и облегчить ему страдания. Тему о машинах Маркс подверг новой обработке в XIX и XX тетрадах, которые в этом отношении были непосредственным продолжением того, что им было сделано в V тетради. На основе этого материала Маркс потом написал XIII главу I тома «Капитала».

Начиная с февраля 1863 г. наступило ухудшение в состоянии здоровья Маркса. Он сильно переутомил свое зрение, и ему в течение 12 дней было строго запрещено писать, читать и курить из-за «воспаления глаз, связанного с весьма отвратительными болями головных нервов»¹.

Во время своего вынужденного бездействия Маркс, как он сообщал в письме Энгельсу, «занимался всякими психологическими мечтаниями, как это, вероятно, бывает у людей, которые слепнут или сходят с ума»².

В феврале 1863 года началось восстание в Польше. В связи с этим Маркс собирался вместе с Энгельсом написать и издать от имени Лондонского рабочего союза Манифест, освещающий политическое положение в Европе и разъясняющий значение восстания. Он хотел также выпустить целую брошюру о Польше, о ее разделах, о роли в этом деле правительств России и Пруссии. Для этого Маркс возобновил свои исторические занятия по этим вопросам. Он проработал огромное количество литературы и сделал много выписок. Среди подготовительных работ Маркса есть, между прочим, одна, озаглавленная: «Пруссаки — каналы», в которой подробно прослежены все акты насилий, грабежа и всевозможных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 133.

² Там же.

подлостей, совершенных пруссаками по отношению к Польше.

Маркс придавал большое значение польскому восстанию, надеясь, что оно откроет новый период революций в Европе. «Будем надеяться, — писал он Энгельсу 13 февраля 1863 г., — что лава потечет на сей раз с востока на запад, а не наоборот, так что мы избавимся от «чести» французской инициативы»¹.

Но восстание в Польше было подавлено. Его не поддержало, как на это рассчитывали Маркс и Энгельс, восстание крестьян в России. Эпоха буржуазных революций заканчивалась, новая эпоха — эпоха пролетарских революций — наступила только после смерти Маркса и Энгельса: крестьянство России завоевало свое освобождение под руководством пролетариата в Великой Октябрьской социалистической революции.

В первой половине 1863 г. работе Маркса сильно мешала вновь обострившаяся болезнь печени. Болезнь задерживала работу над политической экономией и помешала Марксу обработать собранный им материал для брошюры о Польше. В это время у Маркса наступил перерыв даже в переписке с Энгельсом: он не писал ему целый месяц. Энгельс, начав свое письмо 20 мая 1863 г. словами испанской песенки: «Старый Мавр, старый Мавр с пушистой бородой», — спрашивал, что с ним случилось, болен ли он или «застрял в дебрях своей экономики?»² В этот период как раз развертывалась в Германии агитация Лассалья, и Энгельс напоминал Марксу, что сейчас в особенности важен и нужен выход его книги, чтобы появились популяризаторы иного рода, чем Лассаль.

29 мая 1863 г. Маркс ответил Энгельсу:

«Ты поймешь сразу мое долгое молчание, если представишь себе наглядно опухшую печень со всем, что с этим связано. За последние 12 недель мне пришлось из-за этой бессмыслицы перенести больше страданий, чем когда-либо раньше. И ты не поверишь, как сильно это действует на дух человека: эта дрянь в голове и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 134.

² Там же, стр. 148.

паралич во всех членах. В частности, нельзя ни за что приняться, даже за писание писем. За последние две недели положение снова стало сносным. Эта история сделала для меня настолько невозможным всякое писание, что я, несмотря на многочисленные попытки, *никак не мог изготовить* польской штуки; впрочем, сейчас мне только приятно, что так вышло, ибо иначе я отрезал бы себе возможность поехать в Пруссию, не принеся непосредственно никакой пользы.

Конечно, я за это время отнюдь не бездельничал, но я не мог работать. Я занимался тем, что старался заполнить свои пробелы (дипломатические, исторические) в русско-польско-прусской истории, а также и тем, что читал и делал выписки по истории литературы политической экономии в связи с написанной уже частью моей работы. Это я делал в Британском музее. А теперь, когда я снова сравнительно работоспособен, я хочу сбросить с себя, наконец, обузу и переписать политическую экономию *начисто* для печати (а также и отделать ее окончательно). Если бы я мог теперь уединиться, дело пошло бы у меня очень быстро. Во всяком случае, я рукопись в Германию отвезу сам¹.

В этой выдержке из письма Маркса ярко обрисована и обстановка его жизни, и состояние его здоровья, и ход его работы. Лишенный возможности из-за болезни двигать вперед свою книгу, разрабатывать теоретические вопросы, Маркс не прерывал подготовительной работы собирания материалов, для того чтобы, когда снова здоровье позволит и станет опять возможна творческая работа, с новой энергией писать дальше и отделывать окончательно свой великий труд. В том или ином виде неустанная, титаническая умственная работа Маркса продолжалась непрерывно.

В мае 1863 г. Маркс написал XXI и XXII тетради, в которых разработал вопросы первой книги, намеченные им в приведенном выше плане, составленном в конце 1862 г., вопросы об обратном превращении прибавочной стоимости в капитал, о первоначальном накоплении, о колониальной системе.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 149—150.

В июне 1863 г. Маркс заполнил XXIII тетрадь, в которой были собраны дальнейшие цитаты и заметки. Готовясь приступить к окончательной отделке своей книги в целом, Маркс продолжал собирать для нее материалы. 22 июня 1863 г. он писал Энгельсу:

«Я все время провожу в Британском музее, и так будет продолжаться до конца этого месяца, ибо я хочу, по возможности, избежать всяких домашних историй, вызываемых «давлением извне». Это мне нужно хотя бы уже из-за одной «печенки». Как только наступит спокойствие, я возьмусь за переписку начисто моей проклятой книжищи, которую хочу сам отвезти в Германию и там сбыть»¹.

Поскольку вопросы первой книги у Маркса были к этому времени в основном уже проработаны, он перешел к разработке вопросов второй — к вопросам процесса обращения капитала. 6 июля 1863 г. в письме Энгельсу Маркс писал, что он стал регулярно, ежедневно по 10 часов заниматься политической экономией. В этом письме он сообщал выработанную им «экономическую таблицу»² с подробными объяснениями к ней. Таблица изображала схему всего обмена, совершающегося в капиталистическом обществе. То, что дает здесь Маркс, было им впоследствии развито во второй книге «Капитала», рукопись которой в первой редакции была им, по-видимому, написана во второй половине 1864 г.

Затем больше месяца Маркс усиленно работал над книгой и никому не писал. Лишь 15 августа 1863 г. он отправил Энгельсу письмо:

«Черт меня побери, как говаривал Красный [Ф. Вольф], если я вот уже целую неделю не вставал ежедневно с твердым намерением написать тебе. Но как только я входил в рабочую комнату, я успокаивал свою совесть тем, что хотел прибавить всего лишь шесть строк к тому, что написал вчера. Но «в том и проклятье зла, что, множась беспрерывно, порождает одно лишь зло»³.

В работе Маркса наступил новый этап. Закончив в основном предварительную обработку важнейшей (пер-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 155.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 141.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 161.

вой) части своего произведения, он мог теперь приступить к подготовке всего произведения в целом, основываясь на всем собранном и проработанном материале. В состав этой новой рукописи, начатой во второй половине 1863 г. и законченной к 1 января 1866 г., вошли все три теоретические части «Капитала», т. е. три тома «Капитала». Но оказалось, что и эта рукопись, когда Маркс ее закончил, не была еще, по его мнению, готова для печати. Она оказалась слишком большой по своим размерам, ее необходимо было снова обработать и сильно сжать. Только по окончании этой рукописи Маркс в начале 1866 г. приступил к подготовке своего произведения к печати. Но, начиная свою работу над рукописью в июле 1863 г., Маркс считал, что он готовит ее для печати.

«Моя работа (подготовка рукописи к печати), — писал Маркс Энгельсу в том же письме от 15 августа 1863 г., — в одном отношении подвигается хорошо. Вещи эти в окончательной обработке принимают, как мне кажется, довольно популярную форму, не считая некоторых неизбежных Д—Т и Т—Д. С другой стороны, несмотря на то, что я работаю целыми днями, дело все же подвигается не так быстро, как это желательно моему столь долго испытываемому терпению. Во всяком случае это будет на 100 процентов понятнее, нежели первая часть. Вообще же, когда я теперь смотрю на всю эту машину и вспоминаю, как мне пришлось решительно все опрокинуть и даже историческую часть обработать на основании частью совершенно неизвестного дотоле материала, мне прямо смешно становится глядеть на Итцига, у которого «его» экономия уже в кармане. А между тем, из всего того, что он до сих пор написал, видно, что это — приголовишка, трескуче и болтливо преподносящий миру — в качестве самоновейших открытий — истины, которые мы уже 20 лет тому назад — и вдесятеро успешнее — пустили в оборот среди своих сторонников в качестве ходячей монеты»¹.

Маркс в этом письме как бы подводит итог всей своей предыдущей работе, проделанной им за предшествовавшие

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 102.

20 лет. За это время он действительно «опрокинул»¹ всю систему буржуазной политической экономии, как она была создана его предшественниками — экономистами классической школы. Он выделил в ней все правильное и верное, вскрыл все ошибки, противоречия, неясности теории, выработал правильное теоретическое понимание всей совокупности отношений капиталистического общества в целом и во всех существенных подробностях.

Но это «опрокидывание» старого и выработка нового совершались далеко не сразу, а в результате все более глубокой критической обработки основных вопросов политической экономии.

До 1847 г. Маркс вскрыл основной секрет капиталистической эксплуатации, самую основу ее — присвоение чужого неоплаченного труда в форме *прибавочной стоимости*. «Маркс... уже тогда очень хорошо знал не только откуда, но и как «происходит прибавочная стоимость капиталиста», что доказывает «*Misère de la Philosophie*» [«Нищета философии»] 1847 г. и лекции о наемном труде и капитале, прочитанные в 1847 г. в Брюсселе и напечатанные в 1849 г. в «*Neue Rheinische Zeitung*», №№ 264—269»². (Энгельс. Предисловие ко II тому «Капитала».)

Буржуазное общество, кичившееся своей свободой и равенством всех граждан перед законом, противопоставляло себя старому феодальному строю, основанному на насилии и эксплуатации. Маркс в 1847 г., опираясь на переработанные им учения социалистов и буржуазных экономистов, вскрыл секрет буржуазной эксплуатации и создал в основном свою теорию прибавочной стоимости.

Открыв способ выжимания капиталистами прибавочной стоимости из наемных рабочих, Маркс доказал, «что обогащение у современных капиталистов не в меньшей степени, чем это было у рабовладельцев или эксплуатировавших крепостной труд феодалов, происходит посредством присвоения чужого неоплаченного труда и что все эти формы эксплуатации отличаются друг от друга лишь тем способом, каким этот неоплаченный труд при-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 102.

² К. Маркс. «Капитал», т. II, 1953, стр. 6.

сваивается. Но тем самым у имущих классов была выбита из-под ног последняя почва для лицемерных фраз, будто в современном общественном строе господствуют право и справедливость, равенство прав и обязанностей и всеобщая гармония интересов, и современное буржуазное общество было разоблачено не в меньшей степени, чем предшествующие, разоблачено как грандиозное учреждение для эксплуатации громадного большинства народа незначительным, постоянно сокращающимся меньшинством»¹.

Но в 1847 г. Маркс в области своих теоретических взглядов стоял еще в значительной мере на почве теории классической политической экономии. В «Нищете философии» он придерживался еще рикардовской теории денег. Теорию эту он «опрокинул» лишь в 1850—1851 гг. Тогда же он начал критику рикардовской теории ренты. В 1857—1858 гг. он «опрокинул» все учение о прибыли «в том виде, в каком оно имелось до сих пор»² (см. письмо от 14 января 1858 г.). В 1859 г. он впервые опубликовал созданную им новую теорию стоимости и денег. В 1862 г. им была окончательно «опрокинута» рикардовская теория ренты.

Работой над составлением своей новой рукописи всех трех книг «Капитала» Маркс был занят около двух с половиной лет — с середины 1863 г. до конца 1865 г. Работа затянута в силу того, что в этот период сильно увеличилась нагрузка Маркса — осенью 1864 г. возник созданный им I Интернационал, — а также из-за состояния здоровья.

Первый приступ новой болезни (карбункулы) произошел в октябре — ноябре 1863 г. Болезнь грозила опасностью для жизни. Маркс писал 2 декабря 1863 г., что он «стоял уже одной ногой в гробу»³. В этот же день было им получено известие о смерти его матери в Трире. Необходимо было поехать туда, и, хотя Маркс был еще очень слаб после болезни, доктор разрешил ему эту

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 155—156.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 95.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 166—167.

поездку, рассчитывая, что она даже может принести пользу его здоровью.

«Голова моя еще слаба, и колени еще трясутся, — писал Маркс Энгельсу 4 декабря 1863 г., — но я думаю, что мое путешествие ликвидирует все это»¹.

В Трире Маркс провел приблизительно неделю между 10 и 20 декабря. На обратном пути оттуда он заехал к своему дяде в Зальт Боммель, и там припадок вновь повторился. Маркс проболел целых два месяца. Ему снова пришлось лежать в постели. За ним очень заботливо ухаживали его дядя, «великолепный старик», и «милая, остроумная кузина, наделенная бедовыми черными глазами»². В Лондон Маркс вернулся только 25 февраля.

В марте и апреле 1864 г. Маркс продолжал работать над рукописью «Капитала».

В марте он получил наследство, оставшееся ему после матери. Это улучшило материальное положение Маркса, и он переехал на новую квартиру: *Modena Villas, Maitland Park, Haverstock Hill*.

В апреле 1864 г. в Лондон приезжал Гарибальди, герой борьбы за воссоединение Италии. Поведение Гарибальди в Англии, его общение с правящими аристократическими кругами в Лондоне дискредитировало его как демократа и революционера. Вместо того чтобы обратиться к демократическим слоям английского общества, Гарибальди братался с реакционным премьер-министром Пальмерстоном и предоставил себя в распоряжение аристократических франтов Лондона, видимо, считая именно их представителями английского народа.

Лондонское немецкое рабочее общество хотело, чтобы Маркс составил Гарибальди адрес и пошел к нему с депутатией, но Маркс наотрез отказался.

В начале мая Маркс, по вызову Энгельса, ездил в Манчестер, так как опасно заболел их общий друг В. Вольф. 9 мая Вольф скончался. В завещании он оставил все свое имущество Марксу. 800 фунтов стерлингов, доставшиеся Марксу после Вольфа, значительно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 168.

² Там же, стр. 170.

облегчили его положение и помогли тому, чтобы работа над «Капиталом» была, наконец, доведена до конца.

Вернувшись в Лондон в конце мая, Маркс принялся вновь усиленно работать над рукописью. Но состояние его здоровья снова ухудшилось. 26 мая 1864 г. Маркс писал Энгельсу: «К своему весьма «приятному» удивлению, я сегодня утром обнаружил у себя на груди два новых почтенных фурункула. (Я уже прошлую ночь не мог спать.) Спроси у Гумперта, что мне делать. Железа я не хочу теперь принимать, так как у меня и без того приливы крови к голове. К Аллену я тоже не хочу обращаться, так как я более всего боюсь начинать сызнова серьезное лечение, которое теперь помешало бы мне в моих работах, а я ведь должен их когда-нибудь закончить. Вопреки тому, что мне говорили по поводу моего здорового внешнего вида, я все время чувствовал некоторое недомогание, и то большое усилие, которое я вынужден был делать над собой при разработке более трудных тем, также, очевидно, вытекало из этого чувства неадекватности. Ты прости мне этот спинозистский термин»¹.

В июне и июле 1864 г. работа над рукописью приостановилась: Маркс был снова болен. Но все же и в это время он не переставал расширять свои знания.

«За это время своей полной неработоспособности, — писал он Энгельсу 4 июля 1864 г., — я прочел физиологию *Карпентера*, *Лорда* — то же, учение о тканях *Келликера*, анатомию мозговой и нервной системы *Шпурцгейма*, о клетках — *Шванна* и *Шлейдена*...

Ты знаешь, что, во-первых, все у меня приходит поздно и что, во-вторых, я всегда следую по твоим стопам. Поэтому я в ближайшее время думаю много заниматься анатомией и физиологией и, кроме того, буду посещать лекции (где предмет демонстрируется наглядно и анатомируется)»².

В это время у Маркса уже сложился план всего «Капитала» в целом; этот план он позднее изложил Кугельману в письме от 13 октября 1866 г.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 181—182.

² Там же, стр. 193.

«Вся работа распадается на следующие части:

Книга I) Процесс производства капитала.

Книга II) Процесс обращения капитала.

Книга III) Формы и виды всего процесса в целом.

Книга IV) К истории теории.

Первый том включает в себя 2 первые книги.

Я думаю, что 3-я книга составит второй том, 4-я — третий»¹.

Так в ходе работы увеличивался объем произведения. В 50-х годах Маркс весь материал собирался уместить в двух томах. В октябре 1866 г. он рассчитывал дать все в трех томах: в первый том он предполагал включить не только первую, но и вторую книгу.

После выхода в свет первого тома, содержавшего одну только первую книгу, Маркс предполагал выпустить второй том, включающий вторую и третью книги. Говоря о своей работе над вторым томом, Маркс все время подразумевал работу и над второй и над третьей частями своего плана. Третий том он предполагал посвятить истории теории.

В августе 1864 г. Маркс снова получил возможность работать над «Капиталом». 31 августа 1864 г. он писал Энгельсу: «Уже несколько дней, как я опять взялся за работу. До этого времени меня все еще мучило нездоровье, и я был неработоспособен»². К этому времени у Маркса была уже закончена рукопись первой книги, и всю вторую половину 1864 г. он употребил на подготовку первого варианта рукописи второй книги — «Процесс обращения капитала». До 1865 г. он написал все три части второй книги.

Об условиях, в каких Маркс работал в 1863—1864 гг., он писал Кугельману 29 ноября 1864 г. «Последние годы я очень часто болен (например, в течение 14 месяцев опять был болен карбункулами). Мои личные дела улучшились благодаря наследству, полученному после смерти матери.

Я надеюсь, что в будущем году будет готова, наконец, к печати моя работа о капитале (60 листов)»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 109.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 196.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, 1 изд., стр. 427.

В 1865 г. Маркс действительно закончил всю рукопись «Капитала», написав также и третью книгу, которую сначала назвал «Капитал и прибыль»; впоследствии она получила название «Процесс капиталистического производства в целом». Но рукопись эта не пошла в набор. Маркс решил подготовить новую редакцию своего труда.

V

ОКОНЧАНИЕ РУКОПИСИ ВСЕХ ТРЕХ КНИГ «КАПИТАЛА» И ВЫХОД В СВЕТ ЕГО ПЕРВОГО ТОМА

(1865—1867)

Условия, в которых Маркс работал над окончанием рукописи «Капитала» и выпускал первый его том, были в общем немногим лучше, чем те, в каких он ее начинал. К этому еще прибавилась огромная нагрузка в связи с созданием Интернационала.

Главной помехой в работе была болезнь. Еще 4 октября 1864 г. Маркс писал золингенскому рабочему Клингсу: «Весь последний год я болел (мучили карбункулы и фурункулы). Если бы не это, то моя работа по политической экономии — «Капитал» — уже вышла бы. Надеюсь, что через пару месяцев я ее, наконец, закончу и нанесу буржуазии в области теории удар, от которого она никогда не оправится»¹. Но намеченный Марксом срок значительно растянулся, в первую очередь из-за болезни, хотя, конечно, были и другие препятствия².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 103.

² В письме к Кугельману от 11 января 1868 г. Маркс писал, что Англия — это «страна карбункула», а этот последний является в сущности «пролетарской болезнью». У Маркса эта болезнь впервые началась осенью 1863 г.: в ноябре был оперирован первый карбункул, и «с тех пор эта история прекращалась только на короткие промежутки» (письмо Энгельсу, 10 ноября 1866 г.). Это продолжалось и в 1867, и в 1868, и в 1869, и в 1870 гг. Приступы повторялись периодически. Обычно карбункулы начинались с октября, и в январе болезнь «достигала полного расцвета» (письмо Энгельсу, 12 декабря 1866 г.). С наступлением теплой и жаркой погоды мучили боли в печени. (Прим. В. В. Адоратского).

4 марта 1865 г. Маркс писал Энгельсу: «Меня опять терзает в различных чувствительных и «неудобных» частях старая болезнь, так что мне трудно сидеть»¹. Но вопреки всему, невзирая на сильные мучения, он продолжал упорно работать. Работа подходила уже к концу. В конце марта 1865 г. Маркс заключил договор с издателем Мейснером (Гамбург) о предоставлении ему двух томов в объеме 60 печатных листов. Поэтому Маркс стал особенно спешить закончить рукопись, чтобы выполнить взятое на себя обязательство. В мае он писал, что надеется, несмотря на все перерывы, закончить книгу к 1 сентября (письмо Энгельсу, 9 мая 1865 г.). Каждую минуту, когда Маркс был работоспособен, он использовал для работы над «Капиталом».

«Я работаю теперь, как лошадь, так как должен использовать время, когда я работоспособен, а карбункулы все еще имеются, хотя причиняют мне теперь лишь местную боль, не влияя, однако, на черепную коробку.

В перерывах между работой, — нельзя же все время писать, — занимаюсь дифференциальным исчислением $\frac{dx}{dy}$. У меня не хватает терпения на иное чтение. Оно гонит меня обратно к письменному столу»². (Письмо Энгельсу 20 мая 1865 г.)

В новой квартире на Maitland Park Road, куда Маркс переехал весной 1864 г., его кабинет помещался во втором этаже (за границей этот этаж называется первым, так как нижний этаж, называемый у нас первым, за границей называется «партер»); «...широкое окно, через которое в комнату попадала масса света, выходило в парк. У стен, по обе стороны камина и напротив окна, стояли книжные шкафы, которые были полны книгами и до самого потолка загружены свертками газет и рукописей. Против камина и с одной стороны окна стояли два стола, заваленные бумагами, книгами и газетами; посреди комнаты, где было много света, стояли очень простой и небольшой рабочий стол (три фута в длину, два фута в ширину) и деревянное кресло. Между кре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 262.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 104.

слом и книжным шкафом напротив окна стоял кожаный диван, на который Маркс время от времени ложился, чтобы отдохнуть. Книги лежали и на камине; тут же были сигары, спички, коробки с табаком, пресс-папье, фотографии его дочерей, его жены, Вильгельма Вольфа и Фридриха Энгельса»¹. (П. Лафарг. «Воспоминания о Марксе»). Книги в библиотеке Маркса были расставлены по содержанию. В библиотеке, которую он собирал в течение всей жизни, имелось сравнительно небольшое количество книг, какие ему были нужны. Для своих занятий он пользовался библиотекой Британского музея. Время от времени Маркс регулярно ее посещал; там он находил почти всю нужную ему литературу, делал выписки. У себя дома, в кабинете, он уже обрабатывал собранный материал и работал над подготовкой рукописи.

Работая над своими сочинениями, Маркс много ходил по комнате, обдумывая то, что он должен был написать. «От дверей до окна была вытоптана на ковре полоска, которая резко выделялась, точно тропинка на лугу» (Лафарг. «Воспоминания»). В перерывах между работой Маркс ложился на диван и читал для отдыха романы, «причем иногда начинал сразу несколько книг, читая их попеременно»².

Полученные Марксом средства, доставшиеся ему после смерти его матери и Вильгельма Вольфа, дали возможность переехать на лучшую квартиру и работать некоторое время без помех над своим основным произведением. Но средства эти довольно быстро иссякли: больших расходов потребовало устройство новой квартиры, а заработков никаких не было, сотрудничество в «Трибуне» прекратилось, в газеты Маркс больше не писал, все время у него уходило на работу над «Капиталом» и в Международном Товариществе Рабочих. К середине 1865 г. денежные дела снова пришли в расстройство, нечего было больше закладывать в ломбард, приставали кредиторы. Положение стало безвыходным. Прервать работу над рукописью Маркс не мог, — она

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, 1956, стр. 63.

² Там же, стр. 64.

была уже близка к окончанию. Как ни тяжело Марксу было обременять Энгельса новой просьбой о денежной помощи, но иного выхода не было.

«Это может прямо довести до отчаяния, — писал Маркс Энгельсу 31 июля 1865 г., — мысль, что полжизни находишься в зависимости от других. Единственная мысль, которая меня при этом поддерживает, это то, что мы оба ведем дело на компанейских началах, причем я отдаю свое время теоретической и партийной стороне дела»¹.

Энгельс, как и всегда, немедленно же пришел на помощь².

В том же письме от 31 июля 1865 г. Маркс сообщал, что «осталось еще написать три главы, чтобы закончить теоретическую часть (первые 3 книги)»³. Для произведения, которое излагало теорию политической экономии и представляло собой «диалектически-расчлененное целое»⁴, совершенно необходимо было, чтобы оно было закончено во всем его объеме, прежде чем возможно было бы приступить к его публикации.

5 августа 1865 г. Маркс писал Энгельсу: «Так как... мне поставлены максимальные пределы в шестьдесят печатных листов, то мне абсолютно необходимо иметь перед собой всю книгу в целом, чтобы знать, где и сколько нужно вычеркнуть для того, чтобы равномерно и пропорционально развить отдельные части в рамках указанных мне пределов. А так ты можешь быть совершенно спокоен: делается все, чтобы *по возможности скоро закончить*, так как эта история давит меня, как кошмар. Это не только мешает мне заняться чем-либо другим, но также дьявольски тяжело, когда публику в большей или меньшей степени приходится кормить будущими лавровыми венками (правда, я этого не делаю, но это делают Либкнехт и другие). А я к тому же еще знаю, что времена не всегда будут такими спокойными, как теперь»⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 294.

² Но окончательно упорядочить материальное положение Маркса Энгельс смог только в 1869 г.; начиная с 1869 г., благодаря Энгельсу, Маркс более уже не страдал от нужды. (Прим. В. В. Адоратского).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 105—106.

⁴ См. там же, стр. 106.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 296—297.

В ответ на это Энгельс высказал живейшую радость, что конец близок и «Капитал» скоро будет готов. «В день, когда рукопись будет отослана, — писал Энгельс, — я напишу самым немилосердным образом; отложу это только в том случае, если ты приедешь сюда на следующий день и мы сможем это сделать совместно»¹. (Энгельс Марксу, 7 августа 1865 г.).

Во вторую половину 1865 г. Маркс напряг все силы, чтобы закончить рукопись. Он сам применял к себе (как он потом 13 февраля 1866 г. писал Энгельсу) «систему смен»² — работу сменами. Днем ходил в библиотеку Британского музея, где прорабатывал огромное количество новой литературы, а по ночам писал. За это время им были написаны как раз те самые три главы, о которых он сообщал 31 июля 1865 г. Одна из этих глав, предпоследняя, в которой речь шла о земельной ренте, выросла до размеров целой книги. Для нее Маркс прочитал огромное количество новой литературы, относящейся к земледелию. Среди этой литературы были работы по сельскохозяйственной химии в Германии (специально Либиха и Шенбейна), которые Маркс считал для выяснения вопроса о земельной ренте гораздо более важными, чем «всех экономистов, вместе взятых»³ (письмо Энгельсу от 13 февраля 1866 г.). С величайшей добросовестностью привлекал Маркс весь новый материал, появившийся после того, как закончились его последние занятия земельной рентой. Изучением земельного вопроса Маркс продолжал заниматься и в дальнейшем, до конца своей жизни, по материалам Ирландии, Соединенных Штатов и особенно России.

К 1 января 1866 г. рукопись I тома «Капитала» была закончена, и Маркс приступил к переписке ее набело для сдачи в печать. Маркс мог, наконец, быть доволен своей работой. За 24 года неустанного труда им был собран и изучен огромный фактический материал. Изучена была решительно вся экономическая литература, прослежено историческое развитие экономических явле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 299—300.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 108.

³ Там же, стр. 108.

ний и дано теоретическое их объяснение, понята и вскрыта вся структура сложнейшей общественно-экономической формации. Маркс так всесторонне изучил предмет, что овладел им полностью и мог изложить его диалектически. Процесс производства, положение рабочего класса в производстве и его борьба, процесс обращения капитала, реализация прибыли, раздел прибавочной стоимости и происходящая на основе этого борьба классов — все это получило изображение и исчерпывающее теоретическое объяснение в законченной Марксом рукописи. Как передает Лафарг, Энгельс сказал однажды о великом произведении Маркса: «Конечно, рано или поздно механизм капиталистического способа производства был бы понят и объяснен, были бы открыты и выяснены законы его развития. Однако на это потребовалось бы много времени и работа была бы сделана несовершенно, по кусочкам. Один лишь Маркс способен был проследить все экономические категории в их диалектическом развитии, связать моменты их развития с обуславливающими их причинами и воздвигнуть целостное теоретическое здание экономической науки, отдельные части которого взаимно друг друга подкрепляют и обуславливают»¹.

В обширной рукописи, которая Марксом была, наконец, к началу 1866 г. закончена, это «теоретическое здание» было в основном построено. В дальнейшем Маркс занимался только отделкой и усовершенствованием отдельных его частей, углубляясь в некоторые подробности, привлекая новые материалы, которые лишь подтверждали основные теоретические положения.

Маркс мог в начале 1866 г. с удовлетворением сообщить Либкнехту, что «работа удачная»² (письмо от 15 января 1866 г.).

Но чрезмерный, напряженный труд подорвал силы организма. У Маркса случился крайне тяжелый приступ болезни, грозивший опасностью для его жизни. Маркс слег. Но и лежа он продолжал, насколько был в состоя-

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, 1956, стр. 83.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, 1 изд., стр. 436.

нии, работать. 10 февраля 1866 г. он писал Энгельсу о серьезности своей болезни:

«На этот раз дело шло о жизни. Моя семья не знала, насколько случай был серьезен. Если эта история повторится еще в той же форме три-четыре раза, то я готов. Я отчаянно похудел и дьявольски ослабел, т. е. не голова, а бедра и ноги. Врачи совершенно правы, главная причина этого рецидива *чрезмерная ночная работа*. Но я не могу сообщить этим господам — да это было бы совершенно бесцельно — о причинах, *вынуждающих* меня к этой экстравагантности. В данный момент у меня еще имеются на теле всевозможные маленькие прыщи, это больно, но уже никоим образом не опасно.

Самым тяжелым была для меня необходимость прервать мою работу, которая с 1 января, когда исчезли боли в печени, великолепно подвигалась вперед. О «сидении», конечно, не могло быть речи. Это для меня и сейчас еще затруднительно. Но лежа я все же продолжал работать, хотя и очень немного. Собственно теоретическая часть не могла у меня подвигаться вперед. Для этого моя голова была слишком слаба. Но я исторически развил отдел о «*Рабочем дне*», что не входило в мой первоначальный план. Мой теперешний «вклад» представляет собой дополнение (*эскизное*) к твоей книге до 1865 года (о чем я и говорю в примечании) и полное оправдание различия между твоей оценкой будущего и действительным положением вещей»¹.

Лежа в постели и продолжая работать над «Капиталом», Маркс не переставал заниматься делами Интернационала. В его отсутствие буржуазные элементы в Совете перешли в наступление. Газета «*Workman's Advocate*» («Защитник рабочего») была переименована в «*Commonwealth*» («Республика»), и редактором ее готовились назначить какого-то буржуа. Маркс «путем письменных угроз настолько парализовал интригу»², что в результате редактором газеты стал Эккариус и была назначена редакционная комиссия из пяти человек, куда вошел и Маркс (письмо Энгельсу от 10 февраля 1866 г.).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд. стр. 322—323.

² Там же, стр. 323.

Встревоженный болезнью Маркса, Энгельс в середине февраля приезжал на несколько дней в Лондон. После его отъезда болезнь усилилась. 2 марта 1866 г. Маркс писал своему другу, что он уже девятый день лежит у себя в рабочей комнате на диване, недалеко от окна.

Самым ужасным для Маркса было то, что он не мог больше работать над окончательной подготовкой рукописи к печати. Его книга совсем была уже готова, она была до конца продумана, полностью созрела, вчерне была уже написана, и невозможность продолжать работу над окончательной подготовкой к печати была для Маркса особенно мучительна. По ночам Маркс бредил отдельными главами своей книги, мысль о которой не покидала его. Но ни о какой работе не могло быть и речи. Маркс даже читать не мог ничего, кроме самой легкой литературы. В это время он читал только романы Вальтера Скотта. Необходимо было основательно отдохнуть.

Энгельс достал денег, и Маркс с 15 марта по 10 апреля 1866 г. отдыхал в приморском городке Маргэйте. Он проводил там время как «профессиональный больной»¹ — ничего решительно не читал, не писал, много гулял в полном одиночестве. Уже за полторы недели такой жизни силы Маркса стали понемногу восстанавливаться. «Как хорошо я поправился, — писал он Энгельсу 24 марта 1866 г., — можешь видеть из того, что в последнее воскресенье я проделал пешком путь в Кентербери (семнадцать миль отсюда) менее чем в четыре часа»². А через три недели отдыха Маркса уже неудержимо потянуло к работе. «Я здесь вот уже скоро четыре недели и жил только для своего здоровья. Пора бы бросить это»³.

Несмотря на советы Энгельса продолжить еще некоторое время свой отдых, Маркс около 10 апреля вернулся в Лондон. Его личное присутствие было необходимо в интересах Интернационала. Нужно было дать отпор буржуазным элементам из англичан, держать в узде «французских друзей», которые пользовались от-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 332.

² Там же, стр. 332—333.

³ Там же, стр. 340.

сутствием Маркса, чтобы «делать глупости от имени Товарищества»¹. По возвращении Маркса дисциплина в Совете была полностью восстановлена (письмо Энгельсу от 20 июня 1866 г.).

Однако наладить по-прежнему интенсивную работу по подготовке рукописи Марксу удалось далеко не сразу. 10 мая 1866 г. он писал Энгельсу, что все еще чувствует «некоторую *слабость* в голове, и работоспособность возвращается лишь *очень медленно*»². И в июне 1866 г. работа «плохо подвигалась вперед вследствие чисто-физического состояния»³ (письмо от 9 июня 1866 г.). Маркс из-за слабости некоторое время не мог ходить даже на заседания Международного Товарищества. Работать ему удавалось только днем. Как только он попытался однажды поработать ночью, это немедленно же повлекло за собой неприятные последствия в состоянии здоровья. Но все же работа двигалась, и 7 июля 1866 г. Маркс писал, что надеется к концу августа закончить первый том.

Из-за болезненного состояния Маркс отправил издателю первую часть рукописи только в ноябре 1866 г. Вся же рукопись была закончена лишь в конце марта 1867 г. 27 марта 1867 г. Маркс сообщил Энгельсу, что не писал так долго потому, что спешил работать над I томом «Капитала», который теперь, наконец, весь готов к печати. «Не хотел я повторять тебе скучную историю о причинах вторичного опоздания, о карбункулах..., последние остатки которых теперь отцветают и при которых я мог сидеть (а следовательно писать) лишь ценою больших страданий»⁴.

10 апреля 1867 г. Маркс выехал из Лондона на пароходе в Гамбург, чтобы лично отвезти рукопись издателю. Во время переезда, продолжавшегося двое суток, море было бурное. Была «бешеная непогода и буря»⁵, — писал Маркс Энгельсу из Гамбурга 13 апреля 1867 г., описывая свое путешествие, — «после долгого заточения

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 178.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 348.

³ Там же, стр. 355.

⁴ Там же, стр. 398.

⁵ Там же, стр. 401.

мне было так каннибальски хорошо, как 500 свиньям»¹. Во время бури, которая особенно разбушевалась к вечеру накануне прибытия в Гамбург, Маркс, великолепно переносивший качку, коротал время в небольшом обществе из пяти человек за столом в кают-компани, слушая рассказы одного из присутствовавших — путешественника из Южной Америки.

Передав издателю рукопись и договорившись обо всем, Маркс недели три провел у Кугельмана в Ганновере. Эта поездка на континент, продолжавшаяся в общем около месяца, дала возможность Марксу отдохнуть от своего длительного труда и несколько развлечься. Кугельман и его жена радушно приняли Маркса.

В ответ на письма Маркса с описанием впечатлений от путешествия, Энгельс писал ему 27 апреля 1867 г.: «Мне всегда казалось, что эта проклятая книга, которую ты так долго вынашивал, была главною причиною всех твоих несчастий и что ты никогда не выкарабкался бы и не мог выкарабкаться, пока не отделался от нее. Эта вечно все еще не готовая вещь пригибала тебя к земле в физическом, духовном и финансовом отношениях, и я отлично понимаю, что теперь, стряхнув с себя этот кошмар, ты почувствовал себя совсем другим человеком, тем более, что и свет, как только ты опять вступил в него, показался тебе уже не таким мрачным, как раньше»².

Перспектива, что с выходом в свет «Капитала» денежные дела пойдут лучше, вызвала у Энгельса надежду, что и в его положении наступит перемена к лучшему: он сможет освободиться наконец из «египетского плена», бросить занятия торговлей. «Я ничего так страстно не жажду, — писал Энгельс в том же письме от 27 апреля, — как освобождения от этой собачьей коммерции, которая совершенно деморализует меня, отнимая все время. Пока я занимаюсь ею, я ни на что не способен; особенно плохо дело пошло с тех пор, как я сделался хозяином, по причине бóльшей ответственности»³. Если бы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 401.

² Там же, стр. 405.

³ С 1864 г. Энгельс стал компаньоном фирмы Эрмен и Энгельс. (Прим. В. В. Адоратского).

не шла речь об увеличении доходов, я, право, предпочел бы снова стать приказчиком»¹.

Но расчеты на то, что за «Капитал» Маркс получит достойное вознаграждение, оправдались в очень слабой степени. Маркс получил за свою книгу такой небольшой гонорар, что, как он сам говорил, этих денег едва хватило, чтобы окупить стоимость сигар, выкуренных во время работы над книгой.

Сдав рукопись I тома в печать, Маркс почувствовал большое облегчение и вздохнул свободнее. Была выполнена часть труднейшего дела, выполнен труд, ложившийся тяжким бременем и на самого Маркса и на его семью.

В одном из писем, написанных Марксом в то время, когда он жил в Ганновере у Кугельмана, очень ярко отразились условия и обстановка, в которых Маркс жил и работал. Мы приведем здесь почти полностью письмо Маркса горному инженеру Зигфриду Мейеру, который с ноября 1865 г. вступил с Марксом в переписку и писал ему дружеские письма. На первое письмо Маркс быстро ответил, а затем был неаккуратен в переписке, так как на протяжении всего 1866 г. и начала 1867 г. был, как мы знаем, или сильно занят или болен.

«Дорогой друг, — писал Маркс 30 апреля 1867 г. З. Мейеру, — Вы, вероятно, очень плохого мнения обо мне и будете еще худшего, если узнаете, что Ваши письма не только доставляли мне *большую радость*, но и были для меня *настоящим утешением* на протяжении того очень мучительного периода, когда они приходили ко мне. Сознание, что я привлек к нашей партии ценного человека, стоящего на высоте ее принципов, вознаграждает меня даже за самое худшее. К тому же Ваши письма были полны самых дружеских чувств по отношению ко мне лично, а Вы понимаете, что, ведя жесточайшую борьбу со всем (официальным) миром, я менее всего способен недооценивать это.

Итак, почему же я Вам не отвечал? Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я бывал

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 406.

в состоянии работать, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине *непрактичным*, если бы подох, не закончив своей книги, хотя бы только в рукописи.

Первый том работы появится через несколько недель в издании *Отто Мейснера* в Гамбурге...

Я надеюсь, что ровно через год вся работа будет напечатана. *Во II томе* дается продолжение и окончание теории, а в *томе III* — *история политической экономии с середины XVII столетия*¹.

По выходе в свет первого тома Маркс рассчитывал быстро выпустить в свет и второй, куда должны были войти вторая и третья книги. Но выполнить это намерение ему так и не удалось, главным образом из-за состояния здоровья.

Вернувшись 19 мая 1867 г. в Лондон и съездив на десять дней к Энгельсу в Манчестер, Маркс с начала июня до середины августа 1867 г. был занят чтением корректуры I тома «Капитала». 16 августа 1867 г. к 2 часам ночи он подписал последний, 49-й лист корректуры и немедленно же сообщил об этом Энгельсу: «...Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это оказалось возможным! Без твоего самопожертвования для меня я ни за что не смог бы проделать всю огромную работу для трех томов. Обнимаю тебя, полный благодарности!.. Привет, мой дорогой, верный друг!»².

В начале сентября 1867 г. гениальный труд Маркса вышел в свет.

По выходе в свет I тома «Капитала» надо было не мало поработать для распространения его. В этом отношении больше всего сделал Энгельс, написавший ряд заметок и рецензий, которые были помещены в разных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 185—186.

² Там же, стр. 191.

немецких газетах. Не мало сделал для распространения «Капитала» Кугельман. Одной из первых рецензий, исходивших от цеха ученых, была рецензия Дюринга, тогда приват-доцента Берлинского университета. Маркс в общем снисходительно отозвался об этой рецензии, но отметил, что его удивляет, как это рецензент «не уловил трех совершенно новых положений в книге:

1) Что, в противоположность *всей* прежней политической экономии, которая *с самого начала* исследует, как нечто данное, особые части прибавочной стоимости в их фиксированных формах ренты, прибыли, процента, — у меня прежде всего рассматривается общая форма прибавочной стоимости, в которой все это заключается еще в недифференцированном виде, так сказать, в состоянии раствора.

2) Что от внимания всех экономистов без исключения ускользнула та простая вещь, что если товар представляет собою нечто двойственное, а именно — потребительную стоимость и стоимость меновую, то и воплощенный в товаре труд должен иметь двойственный характер, в то время как простой анализ труда *sans phrase* [без дальнейших определений], как у Смита, Рикардо и т. д., постоянно должен наталкиваться на необъяснимые вещи. В этом, в сущности, и заключается вся тайна критического понимания вопроса.

3) Что впервые заработная плата представлена как иррациональная форма проявления скрывающегося за нею отношения, и это ясно показано на обеих формах заработной платы: повременной и сдельной...

Что касается сделанных г. Дюрингом скромных возражений против определения стоимости, то во втором томе он с удивлением увидит, как мало значит «непосредственно» определение стоимости в буржуазном обществе. На самом деле *никакая форма* общества не может помешать тому, чтобы рабочее время, имеющееся в распоряжении общества, тем или иным путем регулировало производство. Но пока это регулирование осуществляется не путем прямого сознательного контроля общества над своим рабочим временем, — что возможно лишь при общественной собственности, — а через движение товарных цен, до тех пор остается в силе то, что

ты весьма правильно сказал еще в «Deutsch-Französische Jahrbücher»¹ (письмо Энгельсу от 8 января 1868 г.).

Том I «Капитала» сейчас же после своего выхода нашел разнообразных читателей. Маркс получал через своих друзей отзывы. Ему был переслан в начале 1869 г. отзыв его старого противника Руге, который писал в письме: «Это сочинение *делает эпоху* и проливает яркий, на редкость резкий свет на развитие, гибель, родовые муки и страшные дни страданий периодов общественного развития. Объяснение *прибавочной стоимости* неоплаченным трудом, экспроприацией рабочих, которые прежде работали *на себя*, и доказательство предстоящей *экспроприации экспроприаторов* представляют собой нечто классическое. Маркс обладает обширной эрудицией и великолепным диалектическим талантом. Книга... окажет могучее влияние».

Среди множества других откликов было письмо одного молодого билефельдского фабриканта. По поводу этого письма Маркс писал Энгельсу 16 марта 1868 г.: «Особенно смешит меня его предположение, что я сам раньше был фабрикантом, применяющим швейные машины. Если бы эти люди знали, как мало знаю я о всех этих вещах.

И неизбежный вопрос: что же делать? Все эти господа хотят рецептов для чудодейственного исцеления, а довольно осязательно намечающегося уже лечения огнем и железом они не видят»².

VI

ПОСЛЕ ВЫХОДА I ТОМА «КАПИТАЛА»

(1868—1878)

По окончании работы над корректурой первого тома Маркс немедленно же приступил к работе над вторым томом, чтобы и его тоже подготовить к печати. 24 августа 1867 г. в письме Энгельсу Маркс сообщает, что в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 197—198.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, 1 изд., стр. 30.

данное время он пишет последнюю часть второй книги (процесс обращения). Но в результате переутомления он мог работать только немного.

19 октября 1867 г. он сообщал Энгельсу:

«В течение последних недель мне было положительно невозможно работать более двух часов в день. Помимо давления со стороны, еще домашние неурядицы, которые постоянно действуют мне на печень. Я опять начал страдать бессонницей»...¹

В декабре 1867 г. болезненное состояние не проходило.

В начале 1868 г. Маркс писать совершенно не мог.

Зимой 1867—1868 гг. Маркс был все время нездоров, работа над рукописью прервалась, но он продолжал собирать материалы. Так, в январе—марте 1868 г. он изучал литературу о земледелии и земельной ренте для третьей книги, которая по первоначальному плану должна была тоже войти во II том.

За рукопись этого тома Маркс снова принялся только в апреле 1868 г. «Я снова работаю, — писал он Энгельсу 22 апреля 1868 г., — и дело идет на лад. Мне приходится только ограничивать рабочее время, так как часа через три у меня начинается шум в голове и покалывание»². Работа продолжалась и в мае 1868 г.

Перечитав свою рукопись о норме прибыли, Маркс задал себе вопрос: как происходит такое явление, что «при падении стоимости денег, или золота, норма прибыли повышается, а при повышении стоимости денег — падает»³. В письме Энгельсу он дал теоретическое объяснение этого явления (см. письмо от 22 апреля 1868 г.). Маркс занимался в это время главным образом третьей книгой и 30 апреля 1868 г. в пространном письме Энгельсу сообщил содержание II тома, особенно подробно развив содержание третьей книги. В конце этого письма Маркс вспоминает, что через несколько дней ему исполнится 50 лет, и у него вырывается ироническое замечание по поводу тех условий, в которых ему приходилось и приходится работать.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 458—459.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 142.

³ Там же.

«Если прусский лейтенант говорил себе: «уже двадцать лет на службе, а все еще лейтенант», то я могу сказать: полвека тяну лямку, и все еще нищий! Как права была моя мать: «если бы Карлуша сколотил капитал, вместо того, чтобы и т. д.»¹.

В 1868 г. работа над рукописью подвигалась слабо, главным образом из-за болезни, а также из-за домашних дел и денежных затруднений. 16 мая 1868 г. Маркс писал Энгельсу, объясняя свое долгое молчание болезнью: «Два карбункула... привели бы в дурное расположение духа самого Суллу»². 23 мая он сообщил, что все время чувствует себя очень плохо, но все же несколько дней тому назад прочел лекцию о заработной плате (специально о *форме* ее) «перед сотней избранных немецких рабочих»³. Лекция прошла очень хорошо, и после нее Маркс почувствовал себя лучше.

В июне — июле 1868 г. болели скарлатиной его две дочери, Женни и Тусси, и его одолевали заботы о финансовых вопросах. 4 августа 1868 г. Маркс в письме Энгельсу отмечал, что «больше вожусь счастливой экономией... чем политической»⁴. 16 сентября 1868 г. он жаловался, что совершенно не может работать из-за денежных дел. За «Капитал» он не получил пока еще ни гроша.

А между тем распространение «Капитала» шло. В начале октября 1868 г. Маркс получил от Н. Ф. Даниельсона из России письмо с просьбой разрешить перевод «Капитала» на русский язык. Маркс ответил, что перевод I тома можно готовить и выпускать, не дожидаясь появления II тома, который может задержаться еще на полгода⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, 1 изд., стр. 51.

² Там же, стр. 58.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 156.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, 1 изд., стр. 83.

⁵ Перевод I тома «Капитала» на русский язык начал делать Бакунин. Но его перевод оказался неудачным. Работа по переводу была передана Г. А. Лопатину — молодому революционеру, который в начале 1870 г. эмигрировал из России, бежав из-под ареста. Принявшись основательно за работу, Лопатин прервал ее из-за отъезда в Россию с целью организовать побег Чернышевского. После этого за перевод пришлось взяться Даниельсону. Русский перевод I тома «Капитала» вышел в 1872 г. (Прим. В. В. Адоратского).

Зимой 1868—1869 гг. работе по-прежнему мешало болезненное состояние, но Маркс продолжал разработку отдельных вопросов второй и третьей книг. Он изучал отчеты об ирландских земельных отношениях (см. письмо Энгельсу от 10 октября 1868 г.): «Только если поставить на место противоречащих друг другу догм скрывающиеся за ними противоречивые факты и действительные антагонизмы, можно превратить политическую экономию в положительную науку»¹, собирал материалы о земельном вопросе и о положении сельского хозяйства в Соединенных Штатах. В письме Зигфриду Мейеру 4 июля 1868 г. Маркс просит прислать американские газеты и «...кое-что антибуржуазное о земельной собственности и состоянии земледелия в Соединенных Штатах. Так как во втором томе я рассматриваю *земельную ренту*, то мне нужен материал специально для полемики с «*Harmonien*» г. Кэри»². 14 сентября 1868 г. Маркс писал тому же Мейеру: «Пишите мне все, что сможете узнать об отношении железных дорог к землевладению»³.

Занимаясь вопросом о русской общинной собственности на землю, Маркс писал Энгельсу 7 ноября 1868 г., что в русской общине «все абсолютно, *до малейших деталей*, тождественно с *первобытной германской общиной*. Что является специфическим у русских (но это встречается также у *части индийских общин* — не в Пенджабе, а на юге), так это, во-первых, не *демократический*, а *патриархальный* характер управления общиной и, во-вторых, *круговая порука* при уплате государственных податей и т. д. Из второго пункта следует, что чем ближе русский крестьянин, тем больше эксплуатирует его государство, не только в форме податей, но и в форме натуральных повинностей, поставок лошадей и т. п. при постоянных передвижениях войск, казенных курьеров и т. д. Но вся эта дрянь на пути к разрушению»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 212.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 157—158.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, I изд., стр. 531.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 216.

14 ноября 1868 г. Маркс запрашивал у Энгельса о данных, освещающих отношения промышленника к банкиру: «Так как практика лучше любых теорий, то прошу тебя описать мне *вполне точно* (на примерах) систему ваших деловых отношений с банкиром и т. д.

Итак: 1) *Метод при закупках (хлопка и т. д.)*, принимаемая во внимание *только денежную сторону дела; векселя; время их трассирования* и т. д.

2) При *продаже*. Вексельные расчеты с вашими покупателями и вашим лондонским корреспондентом.

3) *Отношения и операции (текущие счета и проч.) с вашим банкиром в Манчестере*¹.

В декабре 1868 г. Маркс обсуждал с Энгельсом вопрос о снабжении сырьем английской текстильной промышленности в годы гражданской войны в Америке, когда доставка хлопка совершенно прекратилась. В письме от 9 декабря Маркс писал Энгельсу: «Теперь доказано (тебе это, может быть, было известно, но для меня ново), что в начале гражданской войны англичане имели *запасы* буквально *на три года* (разумеется, уменьшенных размерах производства). Какой же хороший кавардак произошел бы, если бы гражданская война *не вспыхнула!*»²

В январе 1869 г. Маркс был болен и работать не мог. Но после перерыва в несколько недель он «по-настоящему снова взялся за работу»³ (письмо Энгельсу от 13 февраля 1869 г.) и до наступления теплой погоды ему, видимо, удалось значительно подвинуть вперед обработку рукописи. Но работа шла не так быстро, как это ему хотелось бы. 3 марта 1869 г. Маркс сообщал, что II том ему удастся закончить не раньше лета 1869 г.

С наступлением теплой погоды Маркс продолжал работать уже с трудом. 26 апреля 1869 г. в ответ на приглашение Энгельса приехать к нему в Манчестер Маркс писал, что это невозможно из-за Интернационала и из-за того, что он должен, как ни плохо себя чувствует, регулярно писать «несколько страниц рукописи»⁴, так

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 166.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, 1 изд., стр. 141.

³ Там же, стр. 161.

⁴ Там же, стр. 194.

как снова возобновлять прерванную работу, когда какая-нибудь определенная тема осталась незаконченной, всегда бывает труднее, чем начинать писать о совершенно новом предмете. В мае появились боли в печени, сделавшие Маркса «почти совсем неспособным к умственной работе»¹. Работа у него прервалась. С конца мая до середины июня Маркс провел в Манчестере, а в первой половине июля ездил на неделю (от 7 до 12 июля 1869 г.) к своей дочери Лауре в Париж.

«Мне удалось вполне сохранить свое *инкогнито*, — писал Маркс Энгельсу 14 июля, возвратившись из своей поездки во Францию. — При высадке на берег в Дьеппе я преспокойно прошел мимо таможенных чиновников и полиции, не вызвав никакого вмешательства с их стороны, в то время как у некоторых невинных людей (между прочим у одного янки с очень черными волосами, которого приняли за итальянца) спрашивали, как это ни странно, паспорт, а господа французы должны были, согласно новейшим правилам, называть свои имена. В Париже, на rue St. Placide, в меблированных комнатах (улица по соседству с Лафаргом) я жил под именем А. Вильямс»².

В Лондон Маркс вернулся из Франции тоже без приключений, и, видимо, лишь после его отъезда полиция как-то пронюхала, что Маркс был в Париже. Энгельс потом установил, что все письма, которые он получал от Маркса с июля по август 1869 г., «носят более или менее ясные следы вскрытия»³ (письмо Энгельса Марксу от 27 марта 1870 г.).

По возвращении из Парижа Маркс был занят делами Интернационала; в конце августа — начале сентября он написал годичный отчет Международного Товарищества Рабочих для Базельского конгресса, доклад о праве наследования и некоторые резолюции. После этого с начала сентября до 11 октября 1869 г. Маркс совершил поездку на континент вместе со своей старшей дочерью Женни. За это время Маркс побывал в Бельгии

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, 1 изд., стр. 12.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, 1 изд., стр. 212.

³ Там же, стр. 313.

(в Брюгге и Льеже) и в Германии (был в Кёльне, навещал философа-рабочего Дицгена в Зигбурге — в 26 километрах от Кёльна); от Бонна на пароходе Маркс с дочерью проехали по Рейну до Майнца, где они провели один день у Штумпфа, побывали в Аахене у двоюродного брата Маркса — Карла Филиппса и около трех недель провели в Ганновере у Кугельмана.

В письме Энгельсу от 25 сентября 1869 г. Маркс писал о своих впечатлениях, полученных во время путешествия.

«Во время поездки через Бельгию, пребывания в Аахене и путешествия вверх по Рейну я убедился, что необходимо энергично бороться с попами, особенно в католических местностях. В этом духе я буду действовать через Интернационал. Эти собаки (например, епископ Кеттелер в Майнце, попы на Дюссельдорфском съезде и т. д.) заигрывают, где это им кажется удобным, с рабочим вопросом. Фактически мы на них работали в 1848 г., они одни пожали плоды революции в эпоху реставрации.

Всюду, где я проезжал, ничего не знали о моем «Луи Бонапарте». На этот счет я написал Мейснеру отнюдь не любезные замечания»¹.

В то время, когда Маркс путешествовал, состоялся IV (Базельский) конгресс Интернационала.

25 сентября Маркс писал своей дочери Лауре Лафарг об этом только что закончившемся конгрессе:

«Я рад, что Базельский конгресс закончился и что он прошел сравнительно хорошо. Я всегда испытываю беспокойство в случаях, когда партию публично выставляют напоказ «со всеми ее язвами». Ни один из актеров не был на высоте принципов, но идиотизм высших классов исправляет ошибки рабочего класса. Через какой бы крошечный германский город мы ни проезжали, всюду захолустные газетки были полны деяний этого «ужасного конгресса»².

Большой переполох в буржуазной печати поднялся «по поводу постановления Базельского конгресса о зе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, I изд., стр. 236.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, I изд., стр. 31.

мельной собственности»¹. В одном из писем к Энгельсу (от 30 октября 1869 г.) Маркс отмечал важное значение этого документа. «Одним из следствий Базельского конгресса можно считать организацию (созданную, между прочим, непосредственно Генеральным Советом) «Лиги земли и труда», с помощью которой рабочая партия совершенно отделяется от буржуазии; национализация земли как исходный пункт»².

По возвращении в Лондон, осенью 1869 г., зимой 1869—1870 гг., Маркс, не считаясь с состоянием своего здоровья, продолжал усиленно работать. Он много занимался изучением Ирландии, ее истории и специально ирландских земельных отношений, сильно был занят делами Интернационала и продолжал работать над II томом «Капитала».

С осени 1869 г. Маркс усердно принялся за изучение русского языка. К этому побуждало его, с одной стороны, желание изучить по русским источникам аграрный вопрос, что было ему необходимо для разработки вопроса о земельной ренте, с другой стороны — интерес к русскому революционному движению, первые признаки которого Маркс отмечал еще в конце 50-х — начале 60-х годов. В октябре 1869 г. он получил из Петербурга книгу Флеровского «Положение рабочего класса в России». Это послужило поводом к тому, чтобы приступить к изучению русского языка. От того времени сохранились тетради с записями слов, таблиц склонений и спряжений. Марксу стоило не малого труда усвоить такие особенности, как однократные и многократные формы глаголов, многочисленные падежи и т. д. Овладев языком настолько, что он мог уже свободно читать любую книгу, Маркс писал Зигфриду Мейеру 21 января 1871 г.: «Результат стоит усилий, которые должен потратить человек моих лет на овладение языком, так сильно отличающимся от классических, германских и романских языков»³. Изучая русскую научную, публицистическую и художественную литературу, Маркс делал свои выводы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, 1 изд., стр. 241.

² Там же, стр. 241—242.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, 1 изд., стр. 87.

об условиях и о социальных силах русской революции. «Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко внизу происходит брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа»¹.

Хотя Маркс больше всего заинтересовался книгой Флеровского, он не сразу приступил к ее изучению; первой книгой, которую он стал читать для предварительного овладения языком, была книга Герцена «Тюрьма и ссылка» (часть из «Былого и дум»). 22 января 1870 г. Маркс сообщал Энгельсу о своих занятиях русским языком, что он только еще начинающий и знает, конечно, неизмеримо меньше того, что знает Энгельс. Но Маркс оценивал свои успехи с чрезмерной скромностью. Приблизительно через две недели после этого — 10 февраля 1870 г. — он уже сообщал Энгельсу о том, что прочел из Флеровского первые 150 страниц. В письмах Энгельсу от 10 и 12 февраля он дал блестящую исчерпывающую характеристику книги Флеровского, оценив ее как «самую значительную»², которая появлялась после книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». «Из его [Флеровского. — В. А.] книги, — писал Маркс Энгельсу 12 февраля 1870 г., — неопровержимо вытекает, что нынешнее положение в России не долго удержится, что уничтожение крепостного права, в сущности, лишь ускорило процесс разложения и что предстоит страшная социальная революция. Отсюда видна и реальная основа школьного нигилизма, который теперь в моде среди русских студентов и т. д.»³.

Усиленная работа повлекла за собой новое обострение болезни. Около 17 января 1870 г. жена Маркса писала об этом Энгельсу: «Со времени его [Маркса] возвращения из Германии он был нездоров, непрерывно кашлял и, вместо того, чтобы принять меры к поправлению своего здоровья, стал с пылом и жаром изучать русский язык, стал мало выходить, нерегулярно питаться и показал карбункул под мышкой лишь после того, как он уже созрел и отвердел». Жена Маркса писала, что он

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, 1 изд., стр. 88.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 232.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, 1 изд., стр. 292.

сейчас в очень раздражительном состоянии и стал бы очень сердиться на нее, если бы узнал, что она жалуется на него Энгельсу.

«Гумперт¹ — единственный врач, — писала Женни Маркс, — к которому он [Маркс] питает доверие. В нашей семье господствует теперь всеобщее презрение ко всякой медицине и ко всяким врачам». Женни Маркс просила Энгельса посодействовать тому, чтобы убедить Маркса в необходимости лечиться и более бережно относиться к своему здоровью.

Но хотя состояние здоровья Маркса было неважное, он все же в начале 1870 г., несмотря на занятость делами Интернационала, усердно занимался и рукописью II тома «Капитала». В марте 1870 г. Маркс закончил первую предварительную обработку рукописи второй и третьей книг. Эта рукопись с некоторыми добавлениями из позднейших работ и была затем положена Энгельсом в основу изданных им II и III томов «Капитала».

В связи с переводом I тома «Капитала» на русский язык, в связи с тем интересом, какой Маркс проявлял к изучению России, у него завязывались знакомства с русскими. Летом 1870 г. Маркс познакомился с Г. А. Лопатиным².

¹ Гумперт — доктор, знакомый Маркса и Энгельса, живший в Манчестере. (Прим. В. В. Адоратского).

² Лопатин, явившийся к Марксу с рекомендацией Лафарга в первых числах июля 1870 г., провел у Маркса с самого же начала знакомства целый день (с 10 часов утра до 12 часов ночи). Марксу Лопатин понравился за его «очень живой критический ум, веселый характер, стойкий, как у русского крестьянина, который довольствуется тем, что имеет». По обыкновению Маркс «щупал зуб», как он выражался, своим молодым друзьям: проверял их взгляды на различные политические вопросы. У Лопатина он обнаружил «слабый пункт» — его отношение к Польше. «О ней он говорит точь-в-точь, как англичанин — например, английский чартист старой школы — об Ирландии». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, I изд., стр. 347—348). Но это Маркса не смущало. Он писал Энгельсу о Лопатине еще раз 3 августа 1870 г., что «он — единственный «солидный» русский, какого я до сих пор встречал, а национальные предрассудки я скоро из него выбью». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, I изд., стр. 372). Относясь с симпатией к Лопатину, Маркс постоянно справлялся в письмах к Даниельсону о Лопатине (о «нашем друге»), когда тот уезжал в Россию по разным революционным делам. (Прим. В. В. Адоратского).

Обилие и разнообразие занятий зимой 1869—1870 гг. задержали подготовку рукописи «Капитала». Кроме того, Маркс решил взяться за окончательную обработку рукописи, только изучив предварительно аграрный вопрос по данным России, Ирландии и Соединенных Штатов. Помешало окончанию работы над рукописью II тома и то, что Маркс решил сначала выпустить второе издание I тома «Капитала», подвергнув его некоторой переработке¹.

Но летом 1870 г. началась франко-прусская война и произошли события, выдвинувшие на первый план задачи практической борьбы. К рукописи II тома «Капитала» Маркс вернулся еще раз только в 1877—1878 гг.

Принимая участие в практической работе организации пролетарской партии, как ее вождь (1847—1851 — Союз коммунистов; 1864—1872 — I Интернационал), отражая нападки многочисленных врагов, стойко перенося все невзгоды, нужду, лишения, болезни, Маркс в 40-х, 50-х, 60-х, 70-х годах выполнил огромную научную работу. После него осталось громадное рукописное наследство, отражающее весь тот огромный труд, в результате которого Маркс смог в 1867 г. издать I том «Капитала» (содержащий в себе первую книгу задуманного им обширного труда по изучению законов возникновения, развития и гибели капитализма) и оставить обширные рукописи второй, третьей и четвертой книг (II и III тома «Капитала» и его IV том, опубликованный как «Теория прибавочной стоимости»). Энгельс опубликовал вторую и третью книги уже после смерти Маркса, а рукопись

¹ О причинах задержки с окончанием рукописи II тома Маркс писал Кугельману 27 июня 1870 г.: «...не одна моя болезнь мешала его окончанию в течение всей зимы. Я нашел нужным приняться за русский язык, потому что при изучении аграрного вопроса необходимо штудировать по первоисточникам русские отношения земельной собственности. К тому же случилось так, что вследствие возбуждения ирландского земельного вопроса английское правительство издало целый ряд «синих книг» (издание было скоро прекращено) об аграрных отношениях во всех странах. Наконец, — это между нами, — я желал бы сначала выпустить второе издание первого тома. Было бы неудобно, если бы оно совпало с окончательной подготовкой к печати второго тома» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 239—240.* (*Прим. В. В. Адоратского.*)).

четвертой книги («История теорий прибавочной стоимости») была опубликована только после смерти Энгельса.

Великое произведение Маркса, дающее научный анализ капиталистического способа производства, основанных на нем общественных отношений, исторических тенденций их развития, создало гранитную научную основу для дальнейшего развития революционной теории рабочего класса.

Дело Маркса как в области теоретической, так и в области практической революционной борьбы было продолжено и получило дальнейшее развитие. Гениальный Ленин явился продолжателем дела Маркса и Энгельса.

«Пролетарская революция»
№ 9, 1938

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

70 лет назад в Лондоне, на собрании в Сент-Мартинс-холле, был основан I Интернационал — первая массовая международная пролетарская партия. Под руководством Маркса, который с начала до конца был вдохновителем и вождем этой организации, Интернационал завоевал себе мировую славу и занял выдающееся место в истории человечества. В начале 70-х годов он, по выражению Энгельса, занял положение «седьмой великой державы»¹.

Впервые в мировой истории Интернационал показал всем и прежде всего самим рабочим, какую могучую силу представляет рабочий класс, когда он объединен и руководится передовой революционной теорией. Рабочий класс на собственном опыте увидел, каковы истинные условия его освобождения. Успехи Интернационала, руководимого Марксом, вселяли в массы рабочих бодрость и уверенность в победе, приводя буржуазию и всех врагов рабочего класса в неопикуемый страх.

Все правительства континентальной Европы пришли в ужас перед «могущественной и страшной организацией Международного Товарищества Рабочих и перед быстрым развитием, которого оно достигло в течение нескольких лет» (см. *циркуляр испанского министра иностранных дел испанским послам за границей*) «...папа и его епископы проклинали Интернационал, французский

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 151.

парламент аграриев объявил его вне закона, Бисмарк — при встрече императоров Австрии и Германии в Зальцбурге — угрожал ему крестовым походом Священного союза, а белый царь поручил его попечению своего страшного «третьего отделения»...»¹.

I Интернационал стоит у истоков того великого социалистического строительства, которое совершается в настоящее время в нашей стране.

Всемирно-историческое значение I Интернационала в том, что с его помощью *рабочий класс совершил переход от сектантства к массовой пролетарской партии*. В этой именно организации массы изжили прежние навыки утопизма и сектантства и получили первые уроки научного коммунизма Маркса.

Рассмотрим подробнее, из каких предпосылок и в каких условиях возник I Интернационал, с какими врагами приходилось ему бороться и каков был итог его славной деятельности и борьбы.

I

I Интернационал был подготовлен всем предшествующим ему развитием рабочего движения и социализма.

Более чем за 15 лет до возникновения Интернационала Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте», в программе Союза коммунистов четко и ясно сформулировали всемирно-историческую задачу рабочего класса — путем классовой борьбы, путем революции сделать господствующим классом, силой упразднить буржуазные производственные отношения и на основе гигантского развития производительных сил «ликвидировать классы», создать бесклассовое, коммунистическое общество, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»².

Но Союз коммунистов (тоже международная, только не массовая организация) не мог еще сыграть роли массовой партии в Германии в годы революции (1848—1849),

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1 изд., стр. 432—433.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 447.

потому что это была организация лишь небольшого количества передовых рабочих.

Маркс и Энгельс в «Новой Рейнской газете» подняли знамя пролетариата. Они последовательно проводили политику революционного пролетариата, и эта последовательная, систематическая работа принесла свои плоды.

«Восстание парижских рабочих в июне 1848 г. застало нас на посту, — пишет Энгельс в статье «Маркс и «Новая Рейнская газета»». — С первого же выстрела мы решительно стали на сторону повстанцев. После их поражения Маркс почтил память побежденных одной из своих самых сильных статей... Но удовлетворение мы находили в том, что в Германии и почти во всей Европе наша газета была единственной, которая высоко держала знамя разгромленного пролетариата в тот момент, когда буржуазия и мещанство всех стран изливали на побежденных свою грязную клевету»¹.

При всякой исторической обстановке, во всех условиях, Маркс всегда содействовал пролетариату в выполнении его исторической задачи. Ленин, давая характеристику революционной тактике марксизма, всегда подчеркивал как основу этой тактики умение связаться с массами, учет конкретной действительности, установление очередных задач на основе учета всей обстановки, не упуская из виду ни на минуту конечную цель и в то же время не отрываясь от масс, не допуская перепрыгивания через непройденные еще ступени.

«Когда кончилась эпоха революций 1848—1849 гг., — пишет Ленин в статье «Карл Маркс», — Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер — Виллих и борьба с ними), требуя уменьшать работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы «мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддерживать пролетарскую революцию каким-либо вторым из-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 317.

данием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108)¹. Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассалья он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 210) между прочим именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму»².

Находясь с 1849 г. в эмиграции, Маркс вел последовательную борьбу против всех враждебных пролетариату элементов и сил. Маркс боролся против представителей вульгарной демократии, стремясь отстоять незапятнанным знамя пролетарской партии.

В 1859—1860 гг. Маркс в тяжелых условиях должен был вести борьбу против подлой клеветы бонапартистского агента Карла Фогта. Это тоже была борьба за пролетарскую партию, организатором и вождем которой Маркс был в течение всей своей жизни, начиная с создания Союза коммунистов. Маркс расценивал клеветническую атаку Фогта как удар «буржуазной вульгарной демократии — и, одновременно, русско-бонапартистской сволочи — против всей партии»³.

В письме Фрейлиграту от 23 февраля 1860 г. Маркс говорит: «Ты... ошибаешься, по-видимому, относительно значения процессов, возбужденных мною в Лондоне и Берлине. Они имеют решающее значение для исторического оправдания партии и для ее будущего положения в Германии»⁴.

Будучи лишен возможности — вследствие произвольного отказа со стороны прусского суда — *судебным* порядком разоблачить Фогта и опровергнуть его клевету, Маркс написал блестящий памфлет «Господин Фогт», вышедший в 1860 году.

¹ Ленин ссылается здесь на издание переписки Маркса и Энгельса, опубликованное Бебелем и Бернштейном в 1913 году. (Прим. В. В. Адоратского). (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 86).

² В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 61.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1 изд., стр. 485.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, 1 изд., стр. 295.

Последовательная борьба Маркса против буржуазных и мелкобуржуазных влияний на пролетариат, против вульгарной демократии, мужественное отстаивание знамени самостоятельной пролетарской партии и упорная работа в тяжелых условиях эмигрантской жизни над теоретическим обоснованием задач пролетарской революции, работа над большим научным исследованием по теории политической экономии — все это было необходимейшими составными элементами в подготовке Интернационала, его будущей деятельности, его успехов. Политическая борьба и научная работа Маркса в 40—50-х годах обеспечили ту огромную историческую роль, которую сыграл Интернационал в 60—70-х годах.

Интернационал возник в условиях нового подъема и оживления революционного и рабочего движения, начавшегося после кризиса 1857 г. В 1859—1860 гг. прокатилась первая волна забастовок в Англии. Стачка строительных рабочих в Англии в 1861 г. закончилась победой рабочих: завоеванием 9¹/₂-часового рабочего дня, признанием за рабочими права собраний и союзов. В рабочем движении Франции тоже наступило оживление. В Германии в 1863 г. образовался Всеобщий германский рабочий союз. В 1859 г. произошла итальянская война. В Германии и в бонапартистской Франции оживилось оппозиционное движение. В 1861 г. началась Гражданская война в Америке, — бунт рабовладельцев, восставших против отмены рабства негров. В 1863 г. началось восстание в Польше.

13 февраля 1863 г. Маркс писал Энгельсу, что в Европе, видимо, снова начался период революций.

Предпосылками возникновения I Интернационала являются, таким образом, рост противоречий капитализма и движения, направленные к тому, чтобы завершить не выполненные еще задачи демократической революции (задачи национального объединения Италии, Германии); опыт предшествующего революционного рабочего движения, подытоженный и теоретически освещенный Марксом; стихийное стремление рабочих масс к интернациональному объединению в борьбе против капитала; наличие такого вождя и теоретика, как Маркс вместе с Энгельсом сплотившего вокруг себя небольшую группу

сотрудников, более десятка лет активно боровшихся под руководством Маркса за дело освобождения пролетариата, за его международное объединение для борьбы против буржуазной и всякой иной эксплуатации.

II

Интернационал формально возник на собрании 28 сентября 1864 г. в Лондоне, в Сент-Мартинс-холле, устроенном Оджером (сапожником) и Кримером (плотником) — вождями английских рабочих, организованных в тред-юнионы.

Незадолго перед этим Оджер и Кример при участии либералов Брайта и Кобдена организовали большие собрания для выражения симпатии Северной Америке и в честь Гарибальди.

Собрание в Сент-Мартинс-холле явилось одним из этапов уже раньше происходившего сближения французских и английских рабочих. На собрании, как говорит отчет о нем, напечатанный в газете «Bee-Hive» (вначале исполнявшей роль официального органа Интернационала), присутствовало «множество рабочих и в том числе почти все, кто принимает активное участие в современных прогрессивных движениях». Приглашен был и Маркс. Он, обычно избегавший всяких торжественных собраний и банкетов, решил присутствовать на этом собрании, так как знал, что там будут подлинные представители французских и английских рабочих, связанные с массовыми организациями. Зал был набит битком. Было много рабочих — англичан, французов, немцев, итальянцев.

Было принято решение — учредить Международное Товарищество Рабочих. Генеральный Совет Товарищества должен был находиться в Лондоне. Постановили созвать в 1865 г. в Бельгии общий конгресс рабочих. На собрании был также избран временный комитет, куда вошли: Оджер и Кример — от Англии; майор Вольф, Фонтана и другие итальянцы — от Италии; Ле Любе и другие — от Франции; от Германии в комитет были избраны Маркс и Эккариус. Комитету было предоставлено право пополнять свой состав кооптацией.

Комитет выделил комиссию для составления декларации принципов и «Временного устава»; Маркс был избран в эту комиссию.

Целью Интернационала было «сплотить воедино разрозненные силы мирового пролетариата и стать, таким образом, живым выразителем общности интересов, объединяющей рабочих» (брошюра об «Альянсе») ¹. Имея в виду именно эту цель, Маркс руководил организацией Интернационала; в таком духе и был составлен «Учредительный манифест» и Устав Интернационала. Новая организация должна была «иметь такую программу, которая не закрывала бы дверей перед английскими тред-юнионами, французскими, бельгийскими, итальянскими и испанскими прудонистами и немецкими лассальянцами» (Энгельс. Предисловие к нем. изд. «Коммунистического манифеста», 1890 г.) ². В то же время вся работа Интернационала была направлена к тому, чтобы помочь рабочим создать организацию, обеспечивающую выполнение исторических задач рабочего класса: «заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для борьбы» (Маркс — Ф. Больте от 23 ноября 1871 г.) ³.

Привилегированное, монопольное положение английской промышленности на мировом рынке в 50—60-е годы, сложившееся в силу ряда условий, привело к тому, что «английский рабочий класс стал в политическом отношении хвостом «великой» либеральной партии — партии, которой руководили фабриканты» (Энгельс. Предисловие ко 2-му изд. «Положения рабочего класса в Англии», 1892 г.) ⁴.

«Особенностью Англии, — говорит Ленин, — было уже с половины XIX века то, что по крайней мере *две* крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились налицо: (1) необъятные колонии и (2) монопольная прибыль (вследствие монопольного положения на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, 2 изд., стр. 327.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 5.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 269.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии, 1953, стр. 23.

всемирном рынке). В обоих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали *связь* его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении» (Ленин. «Империализм и раскол социализма») ¹.

В письме к Марксу от 7 октября 1858 г. Энгельс говорит: «...английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно» ².

Английская буржуазия производила подкуп верхушки пролетариата, уделяя крохи из своих гигантских монопольных прибылей, создавая некоторым слоям несколько лучшее, привилегированное положение; это обстоятельство приводило к тому, что рабочий класс Англии в политическом отношении шел на буксире у буржуазии. Выработался особый тип английских тред-юнионистов, ставящих себе только одну цель — улучшить положение квалифицированных рабочих в рамках буржуазного строя. Сравнительное улучшение положения ограничивалось, однако, лишь двумя слоями рабочего класса: фабричными рабочими и рабочими, организованными в крупные тред-юнионы, т. е. рабочими отраслей промышленности, «в которых применяется исключительно или, по крайней мере, преобладает труд *взрослых мужчин*. Ни конкуренция женского и детского труда, ни конкуренция машин не смогли до сих пор сломить их организованную силу», — писал Энгельс в 1892 году. — «Машиностроительные рабочие, плотники и столяры, строительные рабочие объединены в организации, из которых каждая в отдельности настолько сильна, что может, как это делают, например, строительные рабочие, с успехом

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, 4 изд., стр. 100—101.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 105.

противостоять введению машин. Несомненно, их положение с 1848 г. значительно улучшилось; наилучшим доказательством этого служит то, что в течение более 15 лет (т. е. в 70 — начале 80-х годов. — В. А.) не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они — хозяевами. Они образуют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это положение они рассматривают как конечную цель своих усилий»¹.

Привилегированное положение некоторых верхушечных слоев рабочего класса ни в каком случае не означало, что и остальные слои пролетариата испытывали такое же сравнительное благополучие. Положение широких масс, даже в самые благоприятные времена процветания промышленности в капиталистических условиях, всюду, в том числе и в Англии, не может не быть ужасным. Маркс указывает на это в «Учредительном манифесте», иллюстрируя эту истину яркими примерами, которые сами говорят за себя. Это положение было ужасным в 50—60-х годах; таким же осталось оно и позднее.

«Что касается широкой массы рабочих, то степень ее нищеты и необеспеченность ее существования в настоящее время так же велика, как была всегда, если только не больше», — писал Энгельс в 1892 г. (см. цитированное выше предисловие ко 2-му изд. «Положения рабочего класса в Англии»). — «Лондонский Ист-Энд представляет собой все расширяющуюся трясику безысходной нищеты и отчаяния, голода в период безработицы, физического и морального упадка при наличии работы. За исключением только привилегированного меньшинства рабочих то же самое происходит и во всех других больших городах; не лучше обстоит дело в менее крупных городах и сельских округах. Закон, ограничивающий стоимость рабочей силы ценой необходимых жизненных средств, и другой закон, понижающий, как правило, ее среднюю цену до минимума этих жизненных средств, — оба эти закона действуют с непреодолимой

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии, 1953, стр. 25.

силой автоматической машины, которая давит рабочих между своими колесами»¹.

Чтобы завоевать массы рабочего класса, Маркс считал целесообразным и необходимым вовлечь в организацию рабочей партии представителей тред-юнионизма, хотя большинство этих вождей ни по воззрениям своим, ни по своим личным качествам не могло внушать Марксу никакого доверия. Разъясняя основы своей тактики З. Мейеру, одному из живших в Америке рабочих, проводивших под руководством Маркса его линию в рабочих организациях Америки, Маркс писал о себе и Энгельсе: «Мы работаем здесь в Лондоне вместе с англичанами, часть которых нам совершенно не нравится, и мы прекрасно знаем, что они хотят использовать Интернационал лишь в качестве дойной коровы для своих мелких личных честолюбивых целей. И все же мы вынуждены делать *bonne mine au mauvais jeu* [довольное лицо при дурной игре]. Если бы мы из-за этих людей в негодовании удалились, мы только укрепили бы этим их влияние, которое парализуется в настоящее время нашим присутствием. Так же должны поступать и вы». (Маркс — З. Мейеру от 21 января 1871 г.)².

Узколобый практицизм, ограничение борьбы рабочего класса лишь экономической борьбой, борьбой за улучшение положения рабочих в рамках буржуазного строя, признание руководящей политической роли либеральной партии, отказ от борьбы за власть, от самостоятельной политики рабочего класса, направленной на свержение буржуазии, готовность всегда идти с буржуазией — вот основные черты тред-юнионизма, с представителями которого приходилось Марксу иметь дело в I Интернационале, так как других рабочих организаций в Англии тогда не было.

Маркс своей работой в Интернационале стремился помочь массам на собственном опыте убедиться, что их насущные задачи могут быть выполнены лишь при условии придания их борьбе характера политической борьбы, лишь при условии превращения ее в революционную,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии, 1953, стр. 26.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, 1 изд., стр. 86.

классовую борьбу. В этом духе Маркс и вел систематическую пропаганду.

Результат работы Маркса не замедлил сказаться. В начале 1870 г. он писал: «Англичане обладают всеми необходимыми *материальными* предпосылками для социальной революции. Чего им недостает, так это *духа обобщения и революционной страсти*. Только Генеральный Совет в состоянии восполнить этот пробел и ускорить таким образом подлинно революционное движение в этой стране, а следовательно, и *повсюду*. Крупные успехи, которых мы в этом направлении уже достигли, засвидетельствованы наиболее умными и влиятельными органами господствующих классов, как, например, «Pall Mall Gazette», «Saturday Review», «Spectator», «Fortnightly Review», не говоря уже о так называемых радикальных членах *палаты общин и палаты лордов*, которые еще недавно оказывали большое влияние на лидеров английских рабочих. Они открыто обвиняют нас в том, что мы отравили и почти искоренили *английский дух* в рабочем классе и толкнули его к революционному социализму» (Маркс. «Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии») ¹.

Представители французских рабочих тоже были очень далеки от правильного понимания исторической роли рабочего класса и стоящих перед ним задач. Находясь под влиянием идей Прудона, выразителя мелкобуржуазных взглядов, они были противниками коммунизма, ярыми защитниками мелкого производства и вообще имели чрезвычайно путаные представления в вопросах политики и тактики рабочего класса. «Коньком» прудонистов было «равенство», и, главное, спасение они рассчитывали получить от организации «взаимопомощи», дешевого кредита, от организации банка для регулирования обмена. Они стремились достичь идеального строя мирным путем. «Капитал рабочих» должен одержать победу над «привилегированным капиталом» в результате «взаимопомощи», дарового, беспроцентного кредита и организации кооперативных предприятий; этот идеальный строй должен был быть основан на то-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, 2 изд., стр. 405.

варном хозяйстве. Еще в 1846 г., когда Энгельс жил в Париже, ведя пропаганду научного коммунизма в кружках главным образом немецких рабочих, он писал о том, какой прудонистский вздор приходилось ему опровергать. «Пролетарии должны *копить* мелкие акции. На эти средства (для начала требуется, конечно, не меньше 10 000—20 000 рабочих) открывается сначала одна или несколько мастерских в одной или нескольких отраслях ремесла, и часть акционеров начинает там работать. Продукты, произведенные там: 1) продаются акционерам по цене сырого материала плюс цена труда (акционеры таким образом не должны оплачивать прибыль) и 2) остающиеся продукты продаются на мировом рынке по рыночной цене. По мере того как капитал общества будет увеличиваться за счет взносов вновь вступающих членов или новых сбережений старых акционеров, на этот капитал будут создаваться новые мастерские и фабрики и т. д. и т. д., пока, наконец, *все* пролетарии не получат работу и *все* производительные силы страны не будут скуплены. Благодаря этому капиталы, находящиеся в руках буржуазии, потеряют свою власть над трудом и не смогут приносить прибыли!.. Эти господа собираются, ни много, ни мало, постепенно *скупить всю Францию*, а потом, пожалуй, и весь остальной мир, скупить на пролетарские сбережения, путем отказа пролетариев от прибыли и процентов на их капитал» (Энгельс — Марксу от 18 сентября 1846 г.)¹.

Подобным же мусором были засорены и головы представителей французских рабочих, присутствовавших на собрании в Сент-Мартинс-холле. С ними пришлось иметь дело Марксу в комитете и в комиссии по выработке «Манифеста» Интернационала и его Устава.

Если в письме английских рабочих французским, зачитанном на собрании 28 сентября 1864 г., выдвигался как основная задача «союз со всеми людьми, которые стремятся к миру, к развитию промышленности, к свободе и счастью человечества во всем мире», то и французские рабочие в своем ответном письме выдвигали как идеал такую перспективу: «Свободный обмен в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 17—18.

соединении со свободой труда не повел бы к продолжению борьбы, наоборот, он развил бы способности и дарования каждого народа и превратил бы, наконец, врагов в соревнующихся».

Как уже было сказано, на первом заседании комитета была выбрана комиссия для выработки декларации принципов и Устава. Маркс не был на первых двух заседаниях комиссии. Членами комиссии — представителем итальянских рабочих мадзинистом Вольфом, старым оуэнистом Уэстоном и французом Ле Любе — были составлены декларация принципов и Устав.

«Я прямо ужаснулся, — рассказывает Маркс в письме к Энгельсу от 4 ноября 1864 г., — услышав (на заседании комитета 18 октября. — В. А.) прочитанное милейшим Ле Любе чрезвычайно фразистое, плохо написанное, совершенно незрелое введение, имеющее претензию быть декларацией принципов, где на каждом шагу проглядывал Мадзини из-под коры самых расплывчатых обрывков французского социализма. Кроме того, в общем и целом был принят итальянский устав, который, не говоря уже о других ошибках, ставил себе целью нечто действительно невозможное: нечто вроде центрального правительства рабочих классов *Европы* (конечно, с Мадзини на заднем плане)»¹.

После возражений Маркса и после долгого обсуждения было решено снова передать все в комиссию и подвергнуть документ новой «редакции». Марксу пришлось затем затратить целый вечер на заседании комиссии и тактично добиться того, чтобы получить в свои руки эти документы. Написанный Марксом заново «Манифест к рабочему классу» и проредактированный им Устав были приняты комиссией, Маркса только обязали вставить во введении к Уставу две фразы: о «долге» и «праве» и об «истине, нравственности и справедливости». Маркс вставил их так, чтобы они не могли причинить никакого вреда². На заседании Генерального Совета 1 ноября «Манифест» и Устав были единогласно приняты Советом, причем «Доктору Марксу, г. Уэстону и г. Ле

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 148.

² См. там же, стр. 148—149.

Любе» была выражена благодарность «за их труд и составление такого прекрасного манифеста».

В письме Энгельсу, рассказывая о всех перипетиях выработки «Учредительного манифеста» и Устава I Интернационала, Маркс говорит:

«Было очень трудно так поставить дело, чтобы наши взгляды были выражены в форме, которая делала бы их приемлемыми для современного уровня рабочего движения. Эти же самые люди недели через две будут устраивать митинги вместе с Брайтом и Кобденом по поводу избирательного права. Требуется время, пока вновь пробудившееся движение сделает возможной прежнюю смелость речи. Необходимо быть сильнее на деле и умереннее по форме. Как только эта вещь будет напечатана, ты ее получишь»¹.

«Я с любопытством ожидаю «Адреса» к рабочим, — писал в ответ Энгельс 7 ноября 1864 г., — после того, что ты мне пишешь об этих людях, это должно быть настоящим шедевром. Хорошо, что мы опять связываемся с людьми, которые представляют, по крайней мере, свой класс; в конце концов, это самое главное. Особенно важно влияние на итальянцев, тут все же имеются шансы на то, что лозунгу «бог и народ» будет положен конец среди рабочих; для бравого Джузеппе (Мадзини. — В. А.) это явится неожиданностью. Впрочем, я полагаю, что эта новая ассоциация очень скоро расколется на теоретически-буржуазные и теоретически-пролетарские элементы, лишь только вопросы будут немного уточнены»².

В «Учредительном манифесте» были по существу изложены идеи «Коммунистического манифеста», хотя самый термин «коммунизм» там не фигурировал. Маркс ссылается на успехи в области законодательного регулирования рабочего дня и на успехи кооперативного движения не для того, чтобы рабочий класс искал освобождения путем одних мирных реформ, — Маркс ссылается на эти успехи как на доказательство торжества принципа политической экономии рабочего класса над буржуазной политической экономией. Успех коопе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 149.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 212.

рации доказывает, что «производство в крупных размерах и ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих; они доказали, что для успешного производства орудия труда вовсе не должны быть монополизированы в качестве орудий господства над рабочим и для его ограбления»¹.

Таким образом Маркс, ставя эти условия, выдвигает коммунизм как цель рабочего движения. Указав, что землевладельцы и капиталисты добровольно своих привилегий не уступят, Маркс говорит, что *«завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса»*² (курс. В. В. Адоратского).

III

Давая характеристику роли Маркса в I Интернационале, делая обзор его работы за период существования Интернационала, в котором Марксу все время принадлежала руководящая, решающая роль, необходимо прежде всего подчеркнуть, что 1864—1874 годы были для Маркса годами напряженнейшей теоретической творческой работы. В эти годы Маркс на основании проделанной им огромной подготовительной работы написал всю основную часть «Капитала», подготовил к печати и опубликовал I том «Капитала», выпустил его второе издание, значительно переработанное, и проредактировал его французский перевод (о последнем Маркс говорит в предисловии, что он является новой переработкой и сохраняет самостоятельное значение наряду с немецким изданием I тома).

После выхода в свет первого выпуска «К критике политической экономии» Маркс заново изучил вопрос о производстве прибавочной стоимости. Он написал с августа 1861 г. по июль 1863 г. ряд монографий, содержащих обширный материал по всем вопросам, которые должны были быть освещены в «Капитале». Эти монографии составили 23 больших тетради. На основании

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, 2 изд., стр. 9.

² Там же, стр. 10.

этих тетрадей Маркс написал всю основную часть «Капитала», которая должна была составить, по его предположению, два тома. Начав работу над этой рукописью в июле 1863 г., Маркс закончил ее в декабре 1865 года. С 1 января 1866 г. Маркс принялся переписывать начисто («вылизывать дитя после родовых мук») ¹ I том «Капитала». Эту работу он закончил в апреле 1867 года. В августе 1867 г. он подписал последний лист к печати. После этого Маркс немедленно приступил к подготовке для печати рукописи II тома. Он занимался этим до начала 1870 года.

В 1871 г. Маркс, по-видимому, над «Капиталом» не работал. Но с конца декабря 1871 г. и в течение 1872 г. он работал над вторым изданием I тома. От начала 1872 г. до конца 1874 г. он проделал огромную работу над редактированием и обработкой французского издания.

Мы видим таким образом, что во все время существования I Интернационала Маркс с небольшими перерывами был занят «Капиталом»: сначала подготовкой рукописи к печати, а затем переизданием и переводом I тома.

Работа над основным теоретическим сочинением — чрезвычайно важная составная часть работы Маркса в Интернационале. Только на основе разработанной им революционной теории Маркс мог разгромить те сектантские, мелкобуржуазные, утопические формы социализма, которые еще оказывали свое влияние на рабочий класс.

11 сентября 1867 г. Маркс писал Энгельсу: «На ближайшем конгрессе в Брюсселе я лично покончу с этими ослими-прудонистами. Я вел все это дело дипломатически и не хотел выступать *лично*, прежде чем моя книга [«Капитал»] не вышла в свет, а наше Общество не пустило корней. Кроме того я отделаю их (прудонистов. — В. А.) в официальном отчете Генерального Совета. Несмотря на все свои усилия, парижские болтуны не смогли помешать тому, чтобы нас выбрали снова» ².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», 1948, стр. 108.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 193.

Маркс отмечает, далее, рост Интернационала и его влияние:

«Между тем наше Общество сделало крупные успехи. Паршивая «Star», пытавшаяся совершенно нас игнорировать, вчера в передовой статье объявляет, что мы имеем больше значения, чем Конгресс мира. Шульце-Делич не мог помешать своему «Рабочему союзу» в Берлине примкнуть к нам. Английские мерзавцы из числа тред-юнионистов, для которых мы идем чересчур «далеко», прибежали к нам. Кроме «Courrier Français» о нашем конгрессе поместили сообщения: «Liberté» Жирардена, «Siècle», «Mode», «Gazette de France» и т. д. События движутся. И когда наступит революция, которая, возможно, ближе, чем это кажется, то *в наших руках*, т. е. у тебя и у меня, будет эта могучая машина. Сравни с этим результаты махинаций Мадзини и других за тридцать лет! И притом без денежных средств! С интригами прудонистов в Париже, Мадзини в Италии, с завистливыми Оджером, Кримером, Поттером в Лондоне, с Шульце-Деличем и лассальянцами в Германии! Мы можем быть очень довольны!»¹.

Маркс писал это после Лозаннского конгресса (1867 г.), после трех лет существования Интернационала, когда результаты последовательного, систематического руководства в духе марксизма начали уже сказываться.

Напряженно работая над «Капиталом», находясь в периоде наиболее плодотворной теоретической творческой работы, Маркс в то же время был организатором и практическим руководителем Интернационала. Он регулярно присутствовал на всех заседаниях Генерального Совета. Среди протоколов Генерального Совета есть листы, где отмечалось посещение заседаний. Из отметок видно, что Маркс не пропустил ни одного заседания. Все важнейшие документы Интернационала, обращения (адресы), воззвания, манифесты написаны Марксом. Из конгрессов Маркс присутствовал только на одном — на последнем конгрессе Интернационала в Гааге в 1872 году. Но ни один конгресс не прошел без его непосредст-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 193.

венного руководства: он выработывал порядок дня, писал доклады, давал инструкции и директивы по важнейшим вопросам. Маркс систематически, последовательно работал над тем, чтобы выяснить борющимся рабочим всю недостаточность тех всеисцеляющих «знахарских средств», которых они придерживались, и «сделать их головы более восприимчивыми к основательному пониманию действительных условий освобождения рабочих» (Энгельс. Предисловие к «Коммунистическому манифесту») ¹.

В письме от 13 марта 1865 г. Маркс писал Энгельсу: «в последнее время, не говоря уже о продолжающихся фурункулах, дьявольски завален работой; вчера, напр., я лег лишь в 4-м часу утра. Наряду с моей работой над книгой невероятно много времени отнимает у меня Международное Товарищество, так как фактически я являюсь его руководителем. И что за потеря времени! (Как раз теперь, когда одновременно происходит история с французами, выборная кампания здесь и т. д.). Вот, например, французская кутерьма:

28 февраля. Приехали из Парижа Толен и Фрибур. Происходит заседание Центрального Совета, пред которым они дают свои объяснения и грызутся с Ле Любе до 12 часов ночи. После этого еще ночное заседание в боллетеровском кабаке, где мне пришлось подписать около 200 карточек...

1 марта. Польский митинг.

4 марта. Заседание подкомиссии по французскому вопросу до часу ночи.

6 марта. Заседание подкомиссии по тому же поводу до часу ночи.

7 марта. Заседание Центрального Совета до 12 ночи. Принятие решений...

(Это заседание от 7 марта, на котором Ле Любе был совершенно опрокинут, было очень мучительно, бурно и произвело, в особенности на англичан, впечатление, что французы действительно нуждаются в Бонапарте! А тут еще беготня ко мне и от меня людей по поводу

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 5—6.

конференции с Брайтом и т. д., которая состоялась в субботу, 11 марта. Я написал о ней критический отчет Джонсу (он запрашивал меня об этом заранее, в пятницу) и поручил ему передать тебе это письмо.

Ну, ладно, мой милый, что же делать? Приходится говорить Б, раз сказал А»¹.

Этот перечень заседаний относится к 1865 г., т. е. как раз к тому времени, когда Маркс усиленно работал над рукописью основной части «Капитала».

В первую половину существования Интернационала вопрос шел главным образом о том, чтобы выяснить самые основные условия освобождения рабочего класса, чего, собственно, следует добиваться, ту цель, к которой должен стремиться рабочий класс.

На конгрессах в Женеве (1866 г.), Лозанне (1867 г.), Брюсселе (1868 г.) шла дискуссия главным образом с прудонистами.

На Женевском конгрессе прудонисты выступали против стачек, против законодательного ограничения рабочего дня, против женского труда на фабриках (место женщины — у домашнего очага). При обсуждении предложенной Генеральным Советом резолюции против русского царизма и за восстановление Польши прудонист Фрибур внес предложение, чтобы конгресс воздержался от голосования по «запутанному национальному вопросу», а ограничился общими фразами против деспотизма и т. д. После Женевского конгресса Маркс писал о прудонистах Кугельману:

«Я очень опасался за первый конгресс в Женеве, но вопреки моему ожиданию он прошел в целом хорошо. Влияние его во Франции, Англии и Америке превзошло все ожидания. Я не мог и не хотел поехать на конгресс, но написал программу лондонских делегатов. Я ограничил ее намеренно такими пунктами, на которых рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок. У господ парижан головы набиты пустейшими прудонистскими фразами. Они болтают о науке,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 267—268.

а сами ничего не знают. Они презрительно относятся ко всякому *революционному*, т. е. вытекающему из самой классовой борьбы, действию, ко всякому концентрированному общественному движению, т. е. такому, которое может быть проведено также и *политическими* средствами (как, например, *законодательное* сокращение рабочего дня). Под *предлогом* свободы и антигувернаментализма [отрицания всякого правительства] или индивидуализма, враждебного всяким авторитетам, эти господа, — которые 16 лет преспокойно выносили и выносят самый позорный деспотизм, — проповедуют на деле лишь прудонистски идеализированное обыкновенное буржуазное хозяйство! Прудон принес громадный вред. Сначала его мнимая критика и его мнимая противоположность утопистам (сам он представляет собой мелкобуржуазного утописта, тогда как в утопиях таких людей, как Фурье, Оуэн и др., есть предвосхищение и фантастическое изображение нового мира) захватила и подкупила «блестящую молодежь», студентов, потом рабочих, особенно парижских, которые, будучи заняты производством предметов роскоши, сильно тяготеют, сами того не сознавая, к старому хламу. Невежественные, тщеславные, претенциозные, болтливые, надутые ложным пафосом, они чуть было все не испортили, явившись на конгресс в таком большом количестве, которое совершенно не соответствовало числу их членов. В отчете, не называя их прямо, я им воздам должное.

Большую радость доставил мне происходивший одновременно американский рабочий конгресс в Балтиморе. Лозунгом служила там организация для борьбы против капитала, и удивительное дело, большинство выработанных мной для Женевы требований было точно так же выдвинуто и там благодаря верному инстинкту рабочих.

Здесьнее движение за реформу, которое вызвал к жизни наш Центральный Совет (в чем не малая доля и моего участия), приняло теперь огромные размеры и становится непреодолимым. Я все время держался за кулисами и не беспокоюсь больше об этом, раз дело пошло на лад»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 183—184.

Большое значение для роста влияния Интернационала имела практическая помощь, которую оказывал Генеральный Совет стачкам, — этим партизанским боям между капиталом и трудом¹. Правительства и пресса капиталистов из всех сил стремились доказать, что стачки «вызваны не нищетой рабочих и не деспотизмом капиталистов, а тайными происками нашего Товарищества» (см. отчет Генерального Совета Базельскому конгрессу)². Рабочим же помощь Интернационала показывала, что рабочий класс, когда он организован, объединен и руководство его организацией находится в руках людей, действительно отстаивающих его интересы, представляет собой непреодолимую, могучую силу.

Приведем несколько примеров помощи Интернационала.

В апреле — мае 1866 г. разгорелся конфликт подмастерьев-портных с мастерами в Лондоне:

«Речь шла не только о том, чтобы привести заработную плату в соответствие с поднявшимися ценами на предметы потребления, но также и о том, чтобы положить конец исключительно грубому обращению с рабочими в этой отрасли промышленности. Мастера сделали попытку сорвать этот план путем вербовки портных-подмастерьев, главным образом в Бельгии, Франции и Швейцарии... секретари Центрального Совета Международного Товарищества Рабочих опубликовали в бельгийских, французских и швейцарских газетах предостережение, которое имело полный успех. Маневр лондонских мастеров был сорван, они должны были сложить оружие и удовлетворить справедливые требования своих рабочих»³.

В апреле 1867 г. благодаря поддержке из разных стран, организованной Генеральным Советом, рабочие-бронзовщики в Париже добились полного удовлетворения своих требований. В 1868 г. победой закончилась стачка строительных рабочих в Женеве. Бастовавшие рабочие получили денежную поддержку путем устроенных органами Интернационала в разных странах сбо-

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, 2 изд., стр. 386.

² Там же.

³ Там же, стр. 167.

ров; сборы среди рабочих давали большие суммы для поддержки борющихся товарищей по классу. В 1868—1869 гг. стачки становились все чаще, борьба обострялась и в ряде случаев конфликты (главным образом в Бельгии) сопровождались кровавыми событиями, зверскими избиениями стачечников.

Умело организованные Генеральным Советом помощь и поддержка стачечников, систематическое освещение в рабочей печати их борьбы, осязательные успехи — все это поднимало дух рабочих, укрепляло в них уверенность в своих силах, показывало мощь организации.

В Бельгии борьба рабочих, руководимая Интернационалом, вызвала со стороны правительства и органов буржуазии бешеную кампанию травли и клеветы.

«Международное Товарищество Рабочих, — писал Маркс в статье «Бельгийские избиения», — не оказалось желанным гостем в Бельгии. Преданное анафеме духовенством, осыпанное клеветой в респектабельной прессе, оно вскоре вступило в борьбу с правительством. Последнее усердно пыталось от него избавиться, возложив на него ответственность за стачки углекопов в Шарлеруа в 1867—1868 гг., стачки, которые закончились, по неизменному бельгийскому правилу, официальными избиениями, за конми последовали судебные преследования жертв. Эта интрига не только не удалась, но более того, Товарищество предприняло активные шаги, благодаря которым рудокопы в Шарлеруа были признаны *невинными*, а тем самым *виновным* было признано само правительство. Раздраженные этой неудачей, бельгийские министры излили свою злобу в яростных обвинениях *Международного Товарищества Рабочих* с трибуны палаты депутатов, они торжественно заявили, что никогда не допустят, чтобы *общий конгресс* Товарищества собрался в Брюсселе. Несмотря на их угрозы, конгресс состоялся в Брюсселе»¹.

Подобные факты неизменно служили росту престижа и успехам Интернационала. К нему стало примыкать все больше организаций, в разных странах образовывались

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, 2 изд., стр. 368.

новые секции, в значительном количестве к Интернационалу примыкали и неорганизованные рабочие.

На Лондонской конференции 1871 г. Маркс говорил о громадном значении этого факта. Он указывал на то, что тред-юнионы представляют собой аристократическое меньшинство среди английских рабочих того времени. Рабочие, пришедшие из деревни, долгое время в них не попадают, а сама обездоленная масса вовсе не состоит в тред-юнионах. Крестьяне, поденные рабочие никогда не входят в эти общества. Интернационалу же удается оказывать воздействие и на неорганизованных рабочих. Интернационал — единственное общество, внушающее рабочим полное доверие.

Стремясь организовать массовую борьбу рабочего класса за его освобождение в Англии, потому что именно в этой стране дальше всего зашло капиталистическое развитие и больше всего созрели условия социалистической революции, — Маркс глубоко, во всех подробностях, изучал условия существования английского капитализма. Он пришел к выводу, что одной из главных причин слабости английского рабочего класса является порабощение Англией Ирландии и вообще та политика колониального грабежа, на которой основывается могущество Великобритании. 1 января 1870 г. Маркс разослал конфиденциальный циркуляр, содержание которого он сжато излагает в письме З. Мейеру и А. Фогту от 9 апреля 1870 года.

Национальный вопрос Маркс и Энгельс решали на конкретном примере Польши и Ирландии: уничтожить угнетение и эксплуатацию одними нациями других наций; уничтожить раскол и вражду между пролетариатом разных национальностей; объединить и сплотить рабочих всех наций в их общей борьбе против капитализма, за полное освобождение рабочего класса. Такова была программа I Интернационала — программа Маркса и Энгельса.

IV

Высшей точкой развития деятельности I Интернационала и высшим расцветом его могущества была Парижская Коммуна. При всех ее ошибках — это был «вели-

чайший образец величайшего пролетарского движения XIX века»¹.

Маркс принимал самое живое, самое непосредственное участие в борьбе Коммуны. Он переживал эту борьбу со всем свойственным ему пылом и страстью. Им было написано в связи с Коммуной в интересах ее дела, «несколько сот писем во все концы света», где существовали секции Интернационала (Маркс — Франкелю и Варлену от 13 мая 1871 г.)². Маркс вопреки всем препятствиям поддерживал довольно регулярные сношения с Парижем. Генеральный Совет послал в Париж своего представителя — Серрайе. Связь с Коммуной поддерживалась через одного знакомого Маркса — купца, который по делам регулярно ездил во Францию; Маркс посылал через него членам Коммуны словесные, а иногда и письменные инструкции (Маркс — Бизли от 12 июня 1871 г.).

Когда же Коммуна потерпела поражение, Маркс, «не скрывая от пролетариата *ни одной* ошибки Коммуны, посвятил этому *подвигу* произведение, которое *до сих пор* служит лучшим руководством в борьбе за «небо», — и самым страшным пугалом для либеральных и радикальных «свиней»» (Ленин. Предисловие к русскому переводу писем Маркса Кугельману. 5 февраля 1907 г.)³.

В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, Маркс видел «исторический опыт», «практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений». «Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, — писал Маркс Кугельману 17 апреля 1871 г., — новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван»⁴. Маркс самым внимательным образом изучил этот исторический опыт, проанализировал его, извлек из него уроки тактики, учел то новое, что было создано историческим творчеством масс. В результате появилось одно из гениальнейших произведений Маркса — «Гражданская война во Франции». Оно

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, 4 изд., стр. 438.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 265.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 12, 4 изд., стр. 89—90.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 264.

было напечатано в июне 1871 г. как и «Манифест» Интернационала.

Здесь следует сказать, что Маркс должен был написать «Манифест» Интернационала, т. е. сжатое, краткое воззвание; но, изучая Коммуну, Маркс собрал материал для большой книги. Он набросал эту книгу, опубликовать же ему пришлось только два листа. Остальное осталось лежать под спудом. И только теперь вся работа в целом (все выписки из газет и все наброски) будет опубликована в выходящем из печати III томе «Архива Маркса и Энгельса».

Наброски Маркса нельзя назвать черновиками: изложение в них блестящее. Все мысли набросков переданы в опубликованной брошюре, но иногда в сильно сжатом виде; в набросках многое изложено подробнее.

Приведем несколько примеров.

В «Гражданской войне во Франции» мы читаем: «Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять по декрету народа готовые и законченные утопии. Он знает, что для того чтобы добиться своего освобождения и вместе с тем достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей»¹.

Этому месту соответствуют в набросках следующие страницы, где Маркс пишет об утопиях и утопистах:

«Все социалисты — основатели сект принадлежат к тому периоду, когда ни рабочий класс не был еще достаточно вышколен и организован ходом развития самого капиталистического общества, чтобы выступить на мировой арене в качестве двигателя истории, ни материальные условия его освобождения не созрели в достаточной мере в недрах самого старого мира. Нищета рабочего класса существовала, но еще не существовали условия для его собственного движения. Утописты, основатели сект, ясно описав в своей критике современного обще-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 347.

ства цель социального движения — отмену системы наемного труда со всеми ее экономическими условиями классового господства, — не нашли ни в самом обществе материальных условий его преобразования, ни в рабочем классе организованной и сознательной силы движения. Отсутствие исторических условий движения они старались возместить фантастическими картинками и планами нового общества, в пропаганде которых они усматривали истинное средство спасения. С того момента как движение рабочего класса стало действительностью, фантастические утопии исчезли — не потому, что рабочий класс отказался от цели, к которой стремились эти утописты, а потому, что он нашел действительные средства для ее осуществления, — но на смену фантастическим утопиям пришло действительное понимание исторических условий движения и все больше начали собираться силы боевой организации рабочего класса. Но две конечные цели движения, провозглашенные утопистами, являются и конечными целями, провозглашенными Парижской революцией и Интернационалом. Только средства различны, и реальные условия движения не окутаны больше туманом утопических басен. И потому эти друзья-покровители пролетариата, превратно толкуя громко провозглашенные социалистические тенденции нынешней революции, являются лишь жертвами своего собственного невежества. Не парижский пролетариат виноват в том, что для них утопические творения пророков рабочего движения все еще являются «социальной революцией», иначе говоря, что социальная революция для них все еще «утопична»¹. Сюда же относятся и следующее место: «Рабочий класс знает, что он должен пройти через различные стадии классовой борьбы. Он знает, что замена экономических условий рабства труда условиями свободного и ассоциированного труда может быть только прогрессивным делом времени (это экономическое преобразование), что эти условия требуют не только изменения распределения, но и новой организации производства или, вернее, избавления (освобождения) общественных форм произ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 562—563.

водства при существующем организованном труде (порожденном современной промышленностью) от пут рабства, от их нынешнего классового характера, и гармоничной национальной и интернациональной координации общественных форм производства. Рабочий класс знает, что эта работа возрождения будет снова и снова замедляться и задерживаться сопротивлением традиционных интересов и классовых эгоизмов. Он знает, что нынешнее «стихийное действие естественных законов капитала и земельной собственности» может быть заменено «стихийным действием законов общественной экономики свободного и ассоциированного труда» только в результате длительного процесса развития новых условий, как было заменено «стихийное действие экономических законов рабства» и «стихийное действие экономических законов крепостничества». Но рабочий класс знает в то же время, что огромные шаги по этому пути могут быть сделаны сразу же благодаря политической организации в форме Коммуны и что настало время начать это движение в своих собственных интересах и в интересах человечества»¹.

Приведем еще одно место из опубликованного текста: «Когда Парижская Коммуна взяла руководство революцией в свои руки; когда простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства» — на привилегию управления — и при неслыханно тяжелых условиях выполняли эту работу скромно, добросовестно и успешно, причем высший размер их вознаграждения не превышал одной пятой части жалованья, составляющего, по словам известного авторитета в науке, минимум для секретаря лондонского школьного совета, — старый мир скорчило от бешенства при виде красного знамени — символа Республики Труда, развевающегося над городской ратушей»².

Соответственное место в набросках выглядит так: «В том, что рабочие Парижа взяли на себя инициативу нынешней революции и с геройской самоотверженностью выносят главные удары в этой борьбе — нет ничего но-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 553—554.

² Там же, стр. 347.

вого. Это — поразительная черта всех французских революций! Это — лишь повторение прошлого! То, что революция произведена *от имени* и открыто в *интересах* народных масс, то есть производящих масс, — эта черта настоящей революции присуща также и всем ее предшественницам. Новая ее черта заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов, что, установив *Коммуну*, он взял в свои собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, держать это руководство в руках самого народа, заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов, своей собственной правительственной машиной. Вот в чем его неслыханное преступление! Рабочие посягают на привилегию управления государством «верхних десяти тысяч» и заявляют о своем твердом намерении разрушить экономическую основу того классового деспотизма, который в своих собственных интересах распоряжался организованной государственной силой общества! Вот что привело в иступление респектабельные классы в Европе и в Соединенных Штатах Америки, вот чем объясняются их негодующие вопли о святотатстве, их яростные призывы к кровавой расправе с народом, площадная ругань и клевета с их парламентских трибун и в их лакейской прессе»¹.

Эти два примера показывают достаточно ясно, сколько ценного содержат в себе неопубликованные наброски Маркса к «Гражданской войне во Франции». Таких примеров можно было бы привести чрезвычайно много. По вопросу об отношении пролетариата к мелкой буржуазии, о его политике по отношению к крестьянству, по вопросу о национализме и шовинизме и т. д. многое в набросках дополняет и развивает опубликованный текст.

Если в первом «Учредительном манифесте» Интернационала в 1864 г. Маркс принужден был в изложении своих мыслей быть умереннее по форме, то в «Мани-

фесте» 1871 г. о гражданской войне возродившееся движение позволило ему снова пользоваться прежней смелой речью¹.

Появление «Манифеста» даже буржуазная пресса не смогла замолчать. Частью лондонской прессы он был встречен «хором проклятий»², говорит Маркс в одной из своих статей. «Один еженедельник напал на «гносного автора», трусливо прячущего свое имя за ширмой Генерального Совета. В ответ на это я заявил в «Daily News», что автором манифеста был я»³.

Манифест о гражданской войне во Франции с такой резкостью поставил основные вопросы пролетарского движения, что в Генеральном Совете произошел некоторый раскол, раскол, который предвидел Энгельс в 1864 году. Тред-юнионисты Оджер и Лекрафт высказались против опубликования «Манифеста», а потом ряд тред-юнионистских вождей публично отрекался от него в печати.

В письме от 18 июня 1871 г. Маркс сообщает Кугельману, что «Гражданская война во Франции» «производит чертовский переполох, и я имею честь быть в настоящий момент человеком, на которого во всем Лондоне всего сильнее клеветают и которому более всего грозят. Это, право же, отлично после скучной двадцатилетней болотной идиллии. Правительственный орган «Observer» грозит мне судебным преследованием. Пусть осмелятся! Плюю я на этих каналий!»⁴ После разгрома Коммуны объем работы Маркса как руководителя Интернационала еще более возрос, к тому же в Лондоне был большой наплыв эмигрантов из Франции: «Работа для Интернационала огромна, а к этому еще прибавилось наводнение Лондона эмигрантами, о которых мы должны заботиться. Кроме того, мне не дают покоя журналисты и разные другие лица, желающие видеть «чудовище» собственными глазами» (Маркс — Кугельману от 27 июля 1871 г.)⁵.

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма*, 1953, стр. 149.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. XV, 1 изд., стр. 431.

³ Там же.

⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. XXVI, 1 изд., стр. 126.

⁵ Там же, стр. 133.

V

После Парижской Коммуны влияние Интернационала достигло небывалой высоты. Энгельс в письме Бебелю от 20 июня 1873 г. говорит, что в то время Интернационал «имел огромный успех. Перепуганные насмерть буржуа считали его всемогущим»¹.

Но в то же время складывалось такое положение, когда по чисто объективным условиям существование Интернационала в прежней форме становилось невозможным. В самом Интернационале развертывалась борьба с бакунизмом, закончившаяся исключением Бакунина и Гильома из Интернационала на Гаагском конгрессе 1872 г. и образованием самостоятельного анархистского интернационала.

1869 год — год Базельского конгресса — был поворотным в истории Интернационала. Выше мы уже указали, что в первые годы борьба в Интернационале шла главным образом вокруг вопроса о том, должен ли рабочий класс быть революционным борцом за коммунизм или он может в политическом отношении идти на буксире у либеральной буржуазии, а в области социальных мероприятий — ограничиваться прудоновскими знахарскими средствами: «даровым кредитом», «рабочим банком», «взаимопомощью», кооперативными предприятиями, организуемыми на гроши рабочих, и тому подобной прудонистской чепухой. Главным противником марксизма в этот первый период был прудонизм.

На конгрессах в Женеве (1866 г.), Лозанне (1867 г.), Брюсселе (1868 г.), Базеле (1869 г.) прудонисты терпели ряд поражений и постепенно сдавали свои позиции. Конгрессами был принят ряд постановлений, определенно высказывающихся за коммунизм. На Базельском конгрессе активно выступил новый враг — бакунизм. Новый противник объявлял себя пламенным сторонником коммунизма, якобы более решительным чем Генеральный Совет с Марксом во главе. Прикрываясь революционной фразеологией, выдвигая программу социальных мероприятий, нелепых самих по себе, но преследующих

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 286.

якобы цели коммунизма и способных «навести ужас на буржуазных кретин», Бакунин стремился изнутри овладеть организацией Интернационала, разрушить ее, подчинив ее своим личным целям. Борясь с Генеральным Советом, Бакунин стал центром, объединявшим вокруг себя все антимарксистские, антипролетарские элементы.

Социальные слои, на которые опирался Бакунин, идеологию которых выражал бакунизм, — это слои разоряющейся мелкой буржуазии, люмпен-пролетариат и отсталые элементы пролетариата, не порвавшие еще со своим ремесленным, мелкобуржуазным прошлым. Этим объясняется, что главной опорой бакунизма оказались как раз те страны, в которых был еще слабо развит капитализм, где массы пролетариата и разоряющейся мелкой буржуазии страдали еще не столько от капитализма, сколько от недостаточного развития капитализма: Италия, Испания, Швейцария (Юра). Кроме того, к бакунизму примыкали некоторые пустые, тщеславные интеллигентские элементы в романской Швейцарии и в Бельгии.

Мелкий ремесленник, кустарь, разоряющийся мелкий буржуа и тому подобные слои испытывают гнет капитализма, страдая в первую очередь и главным образом от налогов и ростовщичества. Этим объясняется их *ненависть к государству*. Бакунин и проповедовал как раз, что главное зло, подлежащее устранению, — не капитал, не классовые противоречия между капиталистами и рабочими, возникшие благодаря общественному развитию, а *государство*. Государство Бакунин объявлял основной причиной, создавшей капитал¹.

Проповедь воздержания от политики соответствует мелкобуржуазной революционности, которая не способна к выдержанной, систематической деятельности — непременно условию политической борьбы. Подобная проповедь не может встретить сочувствия у рабочих. Среди промышленных рабочих бакунизм успеха не имел.

Безвыходное положение разоренного, отчаявшегося мелкого хозяйчика обуславливало *мелкобуржуазную*

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 277.

революционность, бунтарство, принимавшее крайние формы, но разрозненное, бессильное, беспомощное потому, что носители его лишены понимания действительных пружин эксплуатации, не способны понять действительные условия освобождения угнетенных и эксплуатируемых масс. Эта мелкобуржуазная революционность ярко проявилась в выступлениях и писаниях Бакунина.

Теории Бакунина Маркс с полным правом охарактеризовал как «белиберду», составленную по кусочкам из прудоновских, сен-симонистских и других теорий¹.

Правда, теории эти были для Бакунина «дело второстепенное, лишь средство для его личного возвеличения»².

В теоретическом отношении Бакунин — нуль, говорит Маркс, но как интриган он на высоте. Не имея никаких теоретических знаний, Бакунин претендовал на то, чтобы быть представителем *научной* пропаганды в Интернационале.

Маркс перечисляет основные пункты программы Бакунина: он проповедовал *«равенство классов (!), отмена права наследования как исходная точка социального движения (сен-симонистская чепуха), атеизм, предписываемый членам Интернационала как догма, и т. д., а в качестве главной догмы (по-прудонистски) — воздержание от участия в политическом движении»*³.

Наряду с претензией на «науку» в бакунинской проповеди мы встречаем презрительное, нигилистическое отношение к теории. Это тоже отвечало культурному уровню и настроениям мелкобуржуазных и отсталых, не порвавших с мелкобуржуазным прошлым рабочих элементов. Но среди промышленного пролетариата бакунизм, конечно, сочувствия встретить не мог.

Выражением тех же отсталых настроений задавленного нищетой темного мелкого хозяйчика является в писаниях Бакунина враждебное отношение к промышленным рабочим, которые якобы «буржуазны».

Для мелкобуржуазных элементов характерны неустойчивость, колебания, противоречивость их поступков,

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 270.

² Там же.

³ Там же.

метания из стороны в сторону: то истеричная революционность, то переход к реакции. Сам Бакунин был так же далек от последовательности. Стремление создать вокруг него легенду, поднять его на высоту как исключительно выдающегося революционера не соответствует фактам.

В 40-х годах в Париже (с 1843 по 1848) Бакунин разыгрывал «решительного социалиста»¹, как говорит Маркс в письме Беккеру 2 августа 1870 года. В 1848 г., переехав в Бреславль, Бакунин «связался там с *буржуазными демократами*» и содействовал избранию во франкфуртский парламент Арнольда Руге, ярого врага социалистов и коммунистов². Затем Бакунин выступил как панславист, т. е. на деле как агент царизма.

Только один факт, достойный похвалы, отмечает Маркс в карьере Бакунина — это его участие в Дрезденском восстании 1849 года.

Бежав из ссылки в 1861 г., Бакунин в 1862 г. (ему было тогда уже 48 лет) выпустил брошюру «Народное дело, Романов, Пугачев или Пестель». В тот момент, когда революционная партия в России полностью была разгромлена, когда Чернышевский сидел в тюрьме, Бакунин на вопрос о том, какое политическое знамя поднять, за кем идти, отвечал: «Скажем правду: мы всего охотнее пошли бы за *Романовым*, если бы Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского... Мы еще потому пошли бы за ним, что *он один* мог совершить и окончить великую мирную революцию, не пролив ни одной капли русской или славянской крови. Кровавые революции благодаря людской глупости становятся иногда необходимыми, но все-таки они зло, великое зло и большое несчастье не только в отношении к жертвам своим, но и в отношении к чистоте и полноте достижения той цели, для которой они совершаются. Мы видели это на революции французской».

Встретившись в 1864 г. с Марксом, Бакунин вступил в Интернационал. Затем он уехал в Италию и в течение нескольких лет решительно ничего не делал для Интер-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 241.

² Там же.

национала. Попытавшись играть роль в буржуазной Лиге мира и потерпев там неудачу, он создал собственную организацию «Альянс социалистической демократии» и с помощью ее хотел овладеть Интернационалом.

В истории Бакунин занял определенное место врага марксизма, врага революционной теории самого революционного в мировой истории класса — пролетариата. Он вел упорную борьбу против гегемонии этого класса.

Бакунин в Интернационале стремился объединить вокруг себя все враждебные политике революционного пролетариата элементы. К нему примкнули не только революционеры-фразеры, но и правые тред-юнионистские вожди, интриговавшие против Маркса, завидовавшие его авторитету среди рабочих, злобствовавшие на Маркса за то, что он разоблачал их предательство по отношению к рабочему классу, их готовность продать буржуазии.

Основной вопрос, из-за которого шла борьба с бакунизмом, был вопрос о создании пролетарской массовой партии, которая руководит борьбой пролетариата, готовит пролетариат к выполнению его исторической задачи — к завоеванию власти, созданию бесклассового общества — партии, которая владеет всеми видами и формами организации и деятельности.

Бешеная борьба с марксизмом всеми возможными средствами, включая гнусную клевету, проповедь антиавторитаризма, борьба, имеющая целью разрушить революционную рабочую организацию, демагогия относительно антигувернаментализма (против политики, против государства), направленная на то, чтобы разоружить пролетариат, когда наступит революция, — все это объективно вело к одной цели — к разрушению рабочей партии, к разоружению рабочего класса.

Борьба Маркса против бакунизма окончилась полной победой марксизма, разгромом анархизма. Рабочие стран, где капитализм был развит, не пошли за Бакуниным. Потерпев поражение на Базельском конгрессе 1869 г., Бакунин, не стесняясь средствами, с помощью своего «Альянса», который продолжал существовать тайно внутри Интернационала, развернул целую сеть

интриг и повел в своих газетах систематическую кампанию против Генерального Совета.

На Лондонской конференции 1871 г. были приняты решения против Бакунина. Главное решение о политическом действии рабочего класса, окончательно положило «конец той путанице, которую Бакунин хотел создать в Интернационале, включив в свою программу доктрину об абсолютном воздержании в области политики» (брошюра об «Альянсе», написанная Энгельсом и Лафаргом)¹.

Вся деятельность, вся энергия Бакунина и бакунистов в Интернационале были направлены на борьбу против рабочего движения, против организации пролетариата, а не против буржуазии.

За обман партии, за создание тайной организации внутри партии, организации, которая преследовала антипартийные цели, Бакунин на Гаагском конгрессе был исключен из Интернационала. «Присутствовавшие на последнем, решающем заседании члены Коммуны говорят, — писал Энгельс Бебелю 20 июня 1873 г., — что ни одно заседание Коммуны не производило на них такого потрясающего впечатления, как этот суд над предателями европейского пролетариата»².

В Гааге Маркс провел также решение о переводе Генерального Совета из Лондона в Нью-Йорк.

Организованный Бакуниным анархистский интернационал в течение нескольких лет влачил жалкое существование, но для рабочего движения сколько-нибудь существенного значения не имел.

* * *

После падения Парижской Коммуны сложилась такая обстановка, в которой Интернационал не мог уже существовать в прежнем виде. Маркс, руководя Интернационалом, пытался, как это указывает Ленин в статье о Штутгартском международном конгрессе 1908 г., сверху создать международное единство борющегося пролетариата. Мы видели, каким успехом увенчалась

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, 2 изд., стр. 350.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 287.

эта попытка в условиях нараставшего революционного подъема. После разгрома Коммуны обстановка изменилась.

«Падение Парижской Коммуны, — говорит Энгельс в статье «Карл Маркс», — создало для Интернационала невозможное положение. Он был выдвинут на первый план европейской истории в такой момент, когда для него повсюду была отрезана возможность всякого успешного практического действия. События, поднявшие его до положения седьмой великой державы, в то же самое время не позволяли ему мобилизовать и пустить в ход свои боевые силы, иначе как под угрозой верного поражения и подавления рабочего движения на целые десятилетия. К тому же с разных сторон выдвигались элементы, которые пытались использовать так быстро выросшую славу Товарищества для удовлетворения своего личного тщеславия или личного честолюбия, не понимая или не считаясь с истинным положением Интернационала»¹.

В письме к Зорге от 27 сентября 1873 г. Маркс писал, что ввиду создавшегося в Европе положения полезно «временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала и только, если это возможно, не выпускать из рук центрального пункта в Нью-Йорке, чтобы идиоты, вроде Перре, или авантюристы, вроде Ключерэ, не захватили руководства и не скомпрометировали все дело»².

Но это временное прекращение деятельности Интернационала не означало, что прекратились рост и развитие рабочих партий, а вместе с тем и их интернациональное сотрудничество.

В статье, напечатанной 4 августа 1878 г., Маркс писал, что «рабочие партии, организованные в более или менее национальном масштабе в Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Италии, Бельгии, Голландии и Соединенных Штатах Америки, составляют международные группы, которые не являются уже разрозненными секциями, в небольшом числе рассеянными по

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 151.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 288.

различным странам и объединенными вовне стоящим Генеральным Советом, а образуются самими рабочими массами, находящимися в постоянном, активном, непосредственном общении, спаянными обменом мыслей, взаимной помощью и общими стремлениями»¹.

«Таким образом, — говорит Маркс, — Интернационал не изжил себя, а только перешел из первого периода зарождения в более высокий, в котором первоначальные его стремления отчасти стали уже действительностью. В ходе своего прогрессивного развития он должен будет претерпеть еще много изменений, прежде чем сможет быть написана последняя глава его истории»².

В одном из писем к Зорге (1878 г.) Маркс высказал надежду еще дожить до революции. Однако надежда эта не оправдалась: наступившая в Европе после разгрома Парижской Коммуны реакция затянулась слишком долго, русская революция, открывшая собой новый революционный период, наступила только в 1905 году.

В период II Интернационала, возникшего в 1889 г., рост пролетарского движения пошел *«вширь»*, что не обошлось, — как говорит Ленин, — без временного понижения высоты революционного уровня»³. Разлагающее влияние подкупа верхушек рабочего класса за счет империалистических сверхприбылей, установившиеся навыки к работе исключительно в условиях легальности сделали то, что организации II Интернационала подпали под влияние оппортунизма.

В новую эпоху империализма и пролетарских революций только партия большевиков с Лениным во главе высоко несла великое знамя марксизма. Ленин в условиях новой эпохи конкретизировал и развил дальше учение Маркса. Ленин продолжил и претворил в жизнь учение Маркса о гегемонии и диктатуре пролетариата и обогатил его подытожением нового исторического опыта Советского государства, основателем и руководителем которого он был.

«Большевик» № 17 и 18, 1934

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1 изд., стр. 433.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 29, 4 изд., стр. 280.

КАРЛ МАРКС И I ИНТЕРНАЦИОНАЛ (1864—1872)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Период I Интернационала был периодом наиболее напряженной и плодотворной теоретической и практической работы Маркса. В это время он в основном закончил рукопись всех трех теоретических книг «Капитала» (историческая часть работы — история теорий прибавочной стоимости у него была написана в 1862 г.), выпустил два издания первой книги, провел большую работу по редактированию французского перевода и вместе с тем, как никогда за время второй эмиграции, отдавал свои силы практическому руководству пролетарской партией, впервые распространившей свое влияние на широкие массы рабочих.

Интернационал возник как следствие нового подъема рабочего движения. В результате дальнейшего развития промышленного капитализма в Европе образовались новые многочисленные массы пролетариата. Противоречия, присущие капиталистическому строю, выступили еще резче и острее. Массы рабочих и трудящихся еще сильнее почувствовали гнет капитала. В то же время еще настоятельнее стала ощущаться потребность разрешить задачи незавершенной буржуазно-демократической революции в ряде стран (объединение Италии, Германии, освобождение Польши, Венгрии). Все это заставляло рабочие массы сильнее стремиться к объединению, энергичнее протестовать против невыносимого гнета капитала и против антинародной, реакционной, преступной политики буржуазных правительств.

Ближайшим поводом к возникновению Международного Товарищества Рабочих была встреча пролетариев Англии и Франции, желавших выразить протест в связи с кровавым подавлением царскими войсками восстания в Польше. Лондонские рабочие обратились к парижским рабочим, призывая их совместно выступить на поддержку польского народа. В ответ на этот призыв французские рабочие прислали делегацию. 28 сентября 1864 г. вожди английских рабочих профессиональных союзов (тред-юнионов) организовали большой митинг в Сент-Мартинс-холле — зале, где обычно устраивались многолюдные народные собрания.

Зал был переполнен до отказа. Маркс, присутствовавший на трибуне собрания как представитель немецких рабочих, был избран в состав Генерального Совета — руководящего учреждения Международного Товарищества Рабочих, международной рабочей организации, которую на этом митинге было решено создать.

Маркс стал бессменным членом Генерального Совета, главным руководителем всего Интернационала. Он составил «Учредительный манифест» и Устав Интернационала и в дальнейшем руководил всей работой Международного Товарищества Рабочих за все время его существования. Все важнейшие документы Интернационала принадлежат перу Маркса.

При возникновении Интернационала рабочий класс далеко еще не изжил старые утопические мелкобуржуазные иллюзии. Историческое значение I Интернационала состояло в том, что он содействовал переходу европейского пролетариата от сектантства к массовой пролетарской партии, от мелкобуржуазных утопий к пролетарскому социализму, основанному на классовой борьбе.

Английские рабочие, организованные в тред-юнионы, в политическом отношении находились в полной зависимости от либеральной буржуазии. В Англии уже в то время были отдельные явления, свойственные эпохе империализма. Из сверхприбылей, источником которых являлось монопольное положение английской промышленности на мировом рынке и систематический грабеж

огромных колоний, английская буржуазия подкупала верхушку рабочего класса. Положение масс, невыносимо страдавших от гнета капиталистической каторги, этим, конечно, не облегчалось нисколько, но это лишало рабочий класс самостоятельности, обессиливало, подчиняло его буржуазному руководству. У англичан, этой самой буржуазной нации, как выразился Энгельс, наряду с буржуазной аристократией существовал «буржуазный пролетариат»¹.

Французские рабочие, особенно парижские, находились под влиянием мелкобуржуазных прудонистских идей («будучи заняты производством предметов роскоши, — отмечал Маркс, — сильно тяготеют, сами того не сознавая, к старому хламу»²). В Германии лассальянская организация прививала рабочим вздорные сектантские взгляды, будто путь освобождения рабочих лежит через кооперацию, получающую субсидии от юнкерского прусского государства. Итальянские рабочие были всецело под влиянием идей Мадзини — мелкобуржуазного революционера, демократа-мистика, который вел борьбу за объединение Италии под лозунгом «бог и народ»³ и был «закоренелым врагом интересов пролетариата»⁴. Мадзини всеми силами стремился подчинить пролетариат своему руководству. При возникновении Интернационала фигурировал написанный им совершенно непригодный проект манифеста, и, не будь Маркса, вероятно, проект Мадзини был бы принят. Маркс предотвратил это.

Он так составил основные документы Интернационала, что ни одной рабочей группе, поддерживавшей то или иное направление, не были закрыты двери в новую организацию. В то же время Маркс не сделал ни малейших уступок предрассудкам представителей разных мелкобуржуазных течений. Он сразу же направил деятельность новой организации на путь классовой борьбы против буржуазии — единственный путь, на котором

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 105.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 441.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, 2 изд., стр. 471.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, 1 изд., стр. 454.

может быть разрешена задача освобождения рабочего класса.

В «Учредительном манифесте» Маркс прежде всего показал на фактах, что буржуазное «процветание» ни на йоту не уменьшило нищеты рабочих масс в Англии, а, наоборот, усилило ее. Отсюда вывод, что ни прогресс промышленности, ни новые рынки, ни новые колонии, ни эмиграция, ни все это вместе взятое не улучшит положения рабочего класса, пока существует капитализм. Указав на то, что ухудшение экономического положения рабочего класса вызвано его политическим поражением в 1848—1850 гг. (с победой реакции хозяева обнаглели и отобрали обратно все уступки и обещания, сделанные было ими из страха перед рабочими), Маркс вместе с тем отметил известные успехи рабочего класса: 1) законодательное регулирование рабочего дня, что означало капитуляцию политической экономии буржуазии перед политической экономией рабочего класса и 2) успехи кооперативного движения, в особенности кооперативных фабрик. Это доказывало, что крупное производство, соответствующее требованиям науки, возможно без класса хозяев — эксплуататоров наемного труда. Но кооперация поможет рабочим только тогда, когда они свергнут капиталистов и возьмут власть в свои руки. Поэтому рабочему классу необходимо *завоевать политическую власть* — это его «великая обязанность»¹. Рабочие в Англии составляют большинство населения. Но чтобы победить, мало обладать большинством. Это лишь один из элементов успеха. «Численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание»².

В Уставе Интернационала Маркс кратко сформулировал основные положения, против которых не мог возражать ни один рабочий, принимавший участие в организации Интернационала и желавший бороться против буржуазии. Освободить себя может только сам рабочий класс. Причина рабства рабочих — экономическая. Они рабы буржуазии, потому что средства труда принадле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, 2 изд., стр. 10.

² Там же.

жат не им, а находятся в монопольном обладании класса капиталистов. Экономическое освобождение рабочего класса — вот та «великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство»¹.

В первых документах Интернационала Маркс не говорил о коммунизме и диктатуре пролетариата, но он вплотную подводил рабочие массы к идеям «Коммунистического манифеста». Было нелегко дать в этих документах такое изложение задач вновь возникшей организации, чтобы это было приемлемо для «современного уровня рабочего движения»². «Необходимо быть сильнее на деле и умереннее по форме»³, — писал Маркс Энгельсу. Требуется время, чтобы вновь возродившееся движение дало возможность пользоваться прежним смелым языком. Но Маркс отмечал, что задача была не так уж трудна, — «так как все же ведь имеешь дело с «рабочими»»⁴.

Систематически работая в Интернационале, в его Генеральном Совете, Маркс неутомимо разъяснял существо теории и тактики научного коммунизма.

РАБОТА МАРКСА В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ. РУКОВОДСТВО ГЕНЕРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ

Работа Маркса в Интернационале была огромна. Он был самым аккуратным и самым постоянным участником всех заседаний, происходивших временами очень часто, чуть ли не каждый день, и затягивавшихся нередко до поздней ночи. Присутствие Маркса в Генеральном Совете, особенно вначале, было совершенно необходимо, чтобы направить работу по должному руслу.

Маркс не навязывал рабочим никаких выдуманных рецептов, взятых вне опыта их политической и экономической борьбы. Он формулировал отчетливо и ясно то, что диктовалось самой жизнью, интересами борьбы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, 2 изд., стр. 12.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 149.

³ Там же.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 214.

рабочего класса. Задачей, которую ставил себе Маркс, было объединить и направить в русло общей деятельности различные рабочие организации, развить самостоятельность и самодеятельность рабочего класса, помочь ему преодолеть устарелые сектантские взгляды, сплотить рабочие массы на почве общей борьбы с капитализмом. И Маркс показал, чего можно добиться умелым руководством даже в Англии, с ее «буржуазным пролетариатом»¹.

Лучшим методом просвещения рабочих Маркс считал содействие выяснению их собственного опыта. Он выдвигал практические задачи, сначала небольшие (например, собирание статистических сведений о положении рабочего класса), чтобы на конкретном деле могли выработаться практические деятели движения.

В Англии Марксу приходилось иметь дело с вожаками рабочих, хотя и вышедшими из среды рабочего класса, но привыкшими преклоняться перед «почтенностью» — т. е. попросту перед буржуазностью, перед нравами буржуазного парламентаризма. Он вел систематическую борьбу против тупых, узколобых тред-юнионистов, интересовавшихся только борьбой «за пятак», против их благоговейного отношения к буржуазным порядкам, против того, чтобы Интернационал стал пьедесталом для всевозможных карьеристов.

Но Маркс действовал чрезвычайно искусно и умело. Он добивался, чтобы всякое решение Генерального Совета было разъяснено всесторонне и до конца, чтобы оно было принято вполне сознательно, стремясь на каждом вопросе воспитывать членов Совета. Маркс пользовался всяким поводом, чтобы проводить и отстаивать принципы истинно пролетарского демократизма.

С первых же дней работы Маркс провел решение, что в Генеральном Совете не должно быть никаких неработающих «почетных членов»². Он добился того, чтобы туда не мог пролезть ни один буржуазный политик, а тред-юнионистские вожди, когда они переставали быть лояльными, немедленно же получали должное возмездие.

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма*, 1953, стр. 105.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. XXIII, 1 изд., стр. 227.

Однажды, в самом начале работы Генерального Совета, англичане внесли предложение ввести в его состав одного очень популярного в Лондоне буржуазного политика — некоего Бильса. Маркс не прибег к подавлению этой инициативы простым большинством, хотя у него была полная возможность это сделать совершенно беспрепятственно: представители континентальных рабочих все единодушно поддержали бы Маркса. Маркс избрал иной путь, — путь индивидуальных разъяснений каждому из тех, кто поддерживал эту кандидатуру. В личных беседах и в письмах Маркс доказал нежелательность допущения в руководящий орган Интернационала политика, который не может быть последователен в борьбе за интересы рабочих. Сами инициаторы потом отказались от выдвинутой ими кандидатуры.

При проведении в Генеральном Совете своей линии Марксу приходилось наталкиваться на уязвленное честолюбие, карьеристские вождедения различных «вождей». К ряду лиц из числа тред-юнионистских вожжаков Маркс относился с величайшим недоверием, как к карьеристам, «желающим использовать Интернационал в качестве дойной коровы»¹ для своих личных мелких, честолюбивых целей. Но Маркс умел осаживать и держать в руках подобных субъектов.

«Обиженные» не раз затевали интриги. Маркс своим умелым и искусным руководством, сила которого состояла в строгой принципиальности его политики, в глубокой продуманности и обоснованности всех решений, отвечающих действительным интересам рабочего класса, — неизменно разрушал все интриги, выбивал из рук интриганов их оружие, принуждал их к капитуляции, показывал наглядно и убедительно правильность проводимой им линии, нелепость и вред некоторых решений, принятых вопреки его указаниям.

В начале 1866 г. Маркс от крайнего переутомления (он был очень занят делами Интернационала и, кроме того, работал над «Капиталом») сильно заболел и некоторое время не мог присутствовать на заседаниях Генерального Совета. Кое-кто из таких «обиженных»

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, 1 изд., стр. 86.

задумал «восстать против отсутствующего «тирана»»¹ — Маркса. Дело шло о том, кому быть редактором газеты Интернационала. На этот пост было несколько претендентов. К недовольным тред-юнионистским вождям (Кример, Хауэлл) присоединился и один француз, некто Ле Любе, обладавший непомерным честолюбием, совершенно не соответствовавшим его весьма ограниченным личным способностям и весьма малому значению и влиянию в рабочем движении. За спиной этого французского стоял Мадзини, крайне враждебный Марксу из-за того, что тот с самого начала не допустил подчинения Интернационала влиянию Мадзини.

Марксу, едва оправившемуся от болезни, пришлось появиться лично в редакции и в Совете. Его вмешательство расстроило все интриги. На заседании правления газеты 12 марта 1866 г. Кример, подготовивший все к тому, чтобы вышибить прежнего редактора с его поста и самому занять это место, был так уличен Марксом, что сам «добровольно» вышел из состава редакции. А на заседании Генерального Совета 13 марта 1866 г. Маркс с успехом восторжествовал над интриганом Ле Любе, болтавшим о «немецком влиянии», которое, якобы опираясь на англичан, подавляет «континентальный элемент». Англичане, в том числе и враждебные Марксу, из прений убедились, что ни о каком «немецком влиянии» не может быть и речи, как, равным образом, не может быть речи и о подавлении «континентального элемента»² при помощи англичан. Наоборот, сами же англичане вынуждены были признать, что Маркс, опираясь на представителей рабочих континентальных стран, пользуется своим влиянием, чтобы мешать англичанам делать глупости. И обратно, своих французских друзей, бывших раньше прудонистами³, он сдерживал с помощью других элементов от совершения не меньших глупостей.

На заседаниях Генерального Совета Маркс умел создавать деловую атмосферу. Методы политиканства

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, 1 изд., стр. 331.

² Там же, стр. 333—334.

³ Имеются в виду Поль Лафарг и Жан Лонге. (Прим. В. В. Адоратского).

там успеха не имели. Характер прений был «сердечный, искренний и откровенный»¹.

Состав Генерального Совета был чисто рабочий. Кроме Маркса, там был еще только один интеллигент — англичанин, адвокат Питер Фокс.

В Генеральном Совете Маркс терпеливо разъяснял основы пролетарской политики, вскрывал допущенные теми или другими руководителями ошибки и на деле, на опыте показывал правильность проводимой им политической линии. Маркс пользовался при этом всяким поводом для популяризации правильных теоретических взглядов. По мере того как в Генеральном Совете возникали различные вопросы, связанные с текущей политикой, Маркс разъяснял их, мобилизуя свои обширные и глубокие знания в области экономики, политики, истории.

Когда в декабре 1864 г. только что упомянутый Фокс представил Генеральному Совету написанное им обращение к полякам, в котором идеализировал политику Франции по отношению к Польше, Маркс в ряде выступлений, в том числе в большой речи, произнесенной на заседании Генерального Совета 3 января 1865 г., основываясь на подробнейшем историческом обзоре внешней политики Франции в XVIII и XIX веках, показал, что французы, начиная с Людовика XV вплоть до Наполеона III, систематически изменяли полякам. Генеральный Совет вынес решение, что было бы чрезвычайно ценно «опубликовать эту речь, изобиловавшую важными историческими фактами». У Маркса был собран огромный материал по истории разделов Польши, — материал, ярко рисующий роль правительств Пруссии, Австрии и царской России. Не меньше материала собрано было у него и по истории Англии и Ирландии, Франции и Испании, Скандинавских и Балканских стран. Этими материалами он пользовался в своих выступлениях в Генеральном Совете.

Марксу приходилось разъяснять не только политические и исторические, но и теоретические вопросы. Один из членов Генерального Совета, старый оуэнист

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, 1 изд., стр. 436.

Уэстон, развивал мысль о том, что стачки вредны, что рабочие не должны бороться за повышение заработной платы. Если рабочие добьются повышения ее, говорил Уэстон, предприниматели соответственно набавят цены на товары, жизнь вздорожает, достигнутое повышение заработной платы сведется на нет.

Маркс, весь 1865 г. усиленно работавший над окончанием рукописи «Капитала», прервал на время свою работу и написал подробный доклад, произнесенный им на двух заседаниях Генерального Совета, 20 и 27 июня 1865 г.

В докладе Маркс дал блестящее популярное изложение труднейших вопросов экономической теории и убедительно показал нелепость взгляда, будто цена товаров определяется заработной платой. Доклад этот, как и многие другие речи Маркса в Генеральном Совете, остался ненапечатанным при его жизни. Он был опубликован только после смерти Маркса под названием «Заработная плата, цена и прибыль».

Говоря об успехах, достигнутых Интернационалом, Маркс в одном из писем Энгельсу (11 сентября 1867 г.) отметил, что за три года удалось создать такую организацию, какую Мадзини не сумел создать за 30 лет своей работы. «И притом без денежных средств! С интригами прудонистов в Париже, Мадзини в Италии, с завистливыми Оджером, Кримером, Поттером в Лондоне, с Шульце-Деличем и лассальянцами в Германии!»¹ Либерал Шульце-Делич не мог помешать тому, чтобы организованный им рабочий союз присоединился к марксистскому Интернационалу. А «английские мерзавцы из числа тред-юнионистов», по мнению которых Маркс заходил «чересчур «далеко»»², вынуждены были волею неволей присоединиться к Интернационалу.

Успех Интернационала, рост его авторитета обеспечивался правильной политической линией, неуклонно проводимой Марксом. Интернационал поддерживал всякое демократическое и революционное течение. В Америке он поддерживал борьбу северных штатов против

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 193.

² Там же.

южных за отмену рабства, в Европе — борьбу Польши, Италии, Венгрии, Ирландии за независимость. Он смело разоблачал антинародную реакционную природу правительств Европы: царского правительства — крупнейшей реакционной силы того времени; правительства Бонапарта — одного из активнейших деятелей европейской реакции, применявшего шарлатанскую демагогию, использовавшего идею защиты угнетенных национальностей в целях упрочения своего деспотизма; английского правительства, всячески поддерживавшего рабовладельцев в Америке, зверски подавлявшего борьбу ирландского народа за независимость, совершавшего гнуснейшие преступления, прикрываясь маской либерализма, просвещения и культуры. Резолюция Интернационала заклеила позором зверское обращение английского правительства с ирландскими политическими заключенными и назвала действия английского кабинета «подлостью».

В Англии Маркс стремился всеми мерами развить классовое сознание пролетариата и организовать его политическую борьбу. Под руководством Генерального Совета была организована Лига реформ (1865 г.), обеспечившая проведение избирательной реформы. Под его же влиянием была создана Лига земли и труда (1869 г.) для борьбы за национализацию земли и т. д.

В официальных документах Интернационала, адресованных лучшим представителям демократии (например, президенту Северо-Американских Соединенных Штатов Линкольну), в специальных воззваниях, в резолюциях по поводу важнейших политических событий (например в резолюции об ирландской амнистии 1869 г., в воззвании в связи с франко-прусской войной 1870 г.).

Маркс отстаивал интересы пролетариата, разоблачал и клеймил политику буржуазных правительств.

Популярности Международного Товарищества Рабочих чрезвычайно содействовала успешная поддержка, какую оно оказывало экономической борьбе рабочих. Благодаря его помощи была обеспечена победа крупной стачки портных в Англии в 1866 г., рабочих-бронзовщиков в Париже в 1867 г., строительных рабочих в Женеве в начале 1868 года. Рабочему классу становилось

все яснее, какую огромную силу он представляет собой, когда объединен и им «руководит знание»¹.

К Интернационалу присоединялись одна за другой рабочие организации и в Англии и в других странах. Конференция английских тред-юнионов в 1866 г. в Шеффилде приняла резолюцию, рекомендовавшую всем рабочим союзам Англии примкнуть к Международному Товариществу Рабочих, считая, что существование этой организации «необходимо для прогресса и благосостояния всех трудящихся».

Насколько высок был авторитет Интернационала, показывает, например, тот факт, что бельгийское правительство не решилось воспрепятствовать устройству в Брюсселе в сентябре 1868 г. конгресса Интернационала из-за боязни вызвать массовое возмущение рабочих Бельгии, хотя еще в мае 1868 г. один из бельгийских министров осмелился заявить публично, что он не потерпит конгресса в столице Бельгии.

Английская буржуазия была крайне встревожена тем, что в лице Международного Товарищества Рабочих, руководимого Марксом, создалась организация, пользующаяся громадным авторитетом в глазах масс, поднимающая политическую активность рабочего класса, мобилизующая его на борьбу, отстаивающая самостоятельную пролетарскую линию, не поддающаяся буржуазному влиянию и подкупу.

В своем письме организациям Интернационала от 28 марта 1870 г. Маркс отметил, что ряд буржуазных органов, ряд официальных представителей буржуазии, так называемых «радикальных» членов палаты общин и палаты лордов, недавно оказывавших «большое влияние на *лидеров* английских рабочих», открыто признали решающее влияние Интернационала. «Они открыто обвиняют нас в том, — говорит в этом письме Маркс, — что мы отравили и почти искоренили *английский дух* в рабочем классе и толкнули его к революционному социализму»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, 2 изд., стр. 10.

² Там же, стр. 436.

БОРЬБА МАРКСА С ПРУДОНИЗМОМ, ТРЕД-ЮНИОНИЗМОМ И БАКУНИЗМОМ

В первые годы существования Интернационала главным противником Маркса, кроме узколобого, зараженного буржуазностью тред-юнионизма, был прудонизм. Споры шли главным образом вокруг программных и тактических вопросов: должен ли рабочий класс быть революционным борцом за коммунизм или он может в политическом и в социальном отношении идти на буксире у либеральной буржуазии. Чего желать рабочему классу, к чему стремиться: к завоеванию власти, к уничтожению классов, к созданию бесклассового коммунистического общества или примириться с существованием буржуазного строя, добиваясь лишь того, чтобы улучшить буржуазные порядки, сделать их более сносными. Ведет ли пролетариат длительную, упорную борьбу за свои интересы в классовом обществе (весьма сложном по своему строению), которое нужно тщательно изучать и на таком изучении строить свою тактику, или достаточно какому-нибудь ученому-шарлатану изобрести рецепт социальных мероприятий, вроде дарового кредита, «рабочих банков» и т. п., чтобы применение их вылечило одним взмахом все общественные недуги. Должен ли пролетариат, считаясь с действительными общественными отношениями, как они сложились исторически, добиваться осуществления не выполненных еще задач буржуазно-демократической революции, как например, национального объединения, или все это, в том числе и национальности, устарелые предрассудки, с которыми и считаться-то нечего, а во всем надо полагаться на применение весьма легких и простых решений, изобретенных разными благодетелями человечества, основателями тех или иных социалистических сект, — т. е. по существу дела оставлять все в том виде, как это угодно господам капиталистам.

Решения конгрессов показывали, что рабочие, входившие в Международное Товарищество Рабочих, постепенно отказывались от решений всех этих вопросов в духе утопического, домарксовского, сектантского

социализма и поддерживали решения, предлагавшиеся Марксом.

Маркс сам обычно на конгрессах не присутствовал. Он был лично только на двух конференциях, происходивших в Лондоне (1865 и 1871 гг.), и на конгрессе в Гааге (1872 г.). Но систематически работая в Генеральном Совете, Маркс идейно руководил всеми конгрессами. Он выработывал порядок дня конгрессов. Он писал отчеты Генерального Совета конгрессам, доклады по важнейшим вопросам. Он составлял резолюции, строго сообразуясь с интересами пролетариата, что обеспечивало принятие этих резолюций конгрессами, даже в тех случаях, когда прудонисты присутствовали в очень большом количестве.

В порядок дня Женевского конгресса Интернационала (1866 г.) Маркс включил пункты, по которым рабочим было легко прийти к единодушным решениям. По таким вопросам, как международное объединение в борьбе за сокращение рабочего дня, за лучшие условия труда, за охрану труда женщин и детей, о профессиональных союзах, о необходимости поголовного вооружения рабочего класса и т. д., были единодушно приняты резолюции, написанные Марксом. Нелепость прудонистского вздора в этих вопросах была слишком очевидна.

Особенно много прудонистов присутствовало на Лозаннском конгрессе (1867 г.). Хотя на этот раз прудонистам и удалось протащить ряд своих резолюций, они все же не в состоянии были помешать тому, чтобы руководство Маркса было признано конгрессом целиком правильным и Маркс был избран в Генеральный Совет. К тому же по ряду вопросов были приняты решения, обратные тому, что предлагали прудонисты. Так, была принята резолюция, которая признавала необходимость перехода в общественную собственность средств транспорта, путей сообщения и крупных отраслей добывающей промышленности. По вопросу о государстве также была принята антипрудонистская резолюция, отстаивавшая необходимость политической борьбы и завоевания политической свободы.

В 1867 г. Маркс, занятый изданием I тома «Капитала», не мог уделить так много внимания подготовке

конгресса, как он это сделал год тому назад. Он считал, что для разгрома прудонизма важнее всего доказать ложность самой его теоретической основы. В «Капитале» он это сделал исчерпывающим образом. Опираясь на такой теоретический фундамент, нетрудно было разделаться с прудонизмом окончательно. На Брюссельском конгрессе в 1868 г. была принята резолюция, подтверждавшая и расширившая решение предыдущего конгресса об общественной собственности на средства сообщения, горнопромышленные предприятия и на землю. Была принята также специальная резолюция о признании величайшего значения теории Маркса, изложенной им в «Капитале».

Окончательный удар прудонизму нанес опыт Парижской Коммуны. Но и до этого, в 1868 и 1869 гг., все яснее становилось, что прудонизм потерял свое влияние в Интернационале, что борьба мелкобуржуазных, оппортунистических элементов против марксизма, против революционной пролетарской партии не могла уже продолжаться в прежнем виде. На смену прудонизму, открытому врагу коммунизма, выступил бакунизм, объявивший себя ярким сторонником коллективного владения средствами производства, сторонником идей «Коммунистического манифеста» якобы даже более решительным и революционным, чем Генеральный Совет с Марксом во главе.

Бакунизм выражал идеологию разоряющейся мелкой буржуазии, люмпен-пролетариата и отсталых элементов рабочего класса, не порвавших еще со своим мелкобуржуазным прошлым. Опорой бакунизма оказались именно те страны, где капитализм был слабо развит, где масса пролетариата и мелкой буржуазии страдала не столько от капитализма, сколько от недостаточного его развития: Италия, Испания, Швейцария (Юра). Кроме того, к бакунизму примыкали некоторые интеллигентские элементы в романской Швейцарии и в Бельгии.

Мелкий ремесленник, кустарь, разоряющийся мелкий буржуа испытывают гнет капитализма, страдая в первую очередь от ростовщичества и государственного налогового гнета. Претензии ростовщика-заимодавца, требования казны предъявляет и отстаивает государст-

венный аппарат. Отсюда понятна ненависть этих слоев к государству. Идеологию их и отразил Бакунин, объявивший главным злом, против которого надо бороться, не капитал, а государство, будто бы и создавшее капитал.

Мелкий буржуа, поскольку он не покидает своей классовой точки зрения, лишен понимания существа капиталистических отношений. Занимая промежуточное положение в обществе, озлобленный, доведенный до отчаяния гнетом крупного капитала, мелкий буржуа в то же время целиком остается в плену буржуазных отношений; он отделяет себя от пролетариата, боится лишиться собственности и не способен к настоящей революционной борьбе против устоев капиталистического общества, против частной собственности. Он мечется из стороны в сторону. В политических симпатиях мелкого буржуа сказываются колебания и неустойчивость его социального положения.

Бакунин выступил представителем «бунтарства» — типичной неустойчивой революционности отчаявшегося мелкого буржуа, неспособного к выдержанной политической борьбе.

«Теория» Бакунина — мешанина, составленная из кусочков, понадерганных отовсюду: у Прудона, Сен-Симона и др., — была для него вещь второстепенной, служила «лишь средством для его личного возвеличения»¹.

Прикрываясь революционной фразой, выдвигая программу социальных мероприятий, хотя и нелепых, но преследующих якобы цели коммунизма и способных «запугать идиотов-буржуа», Бакунин поставил себе целью овладеть изнутри организацией Интернационала и подчинить ее своему личному влиянию. При этом он не стеснялся в средствах, применял методы двурушничества и обмана.

Начав борьбу с Генеральным Советом, руководимым Марксом, Бакунин стал центром притяжения всех антимарксистских, антипролетарских элементов. Бакунизм

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 446.

стал злейшим врагом пролетарской партии, союзником и агентурой буржуазных правительств.

Анархисты в своей бешеной борьбе с марксизмом не останавливались ни перед чем, не брезгуя ни гнуснейшей клеветой, ни подлогами. Всеми средствами они стремились к одной-единственной цели — разрушению рабочей партии.

Бакунистская проповедь антиавторитаризма, «безвластия» обезоруживала пролетариат перед лицом вооруженной до зубов буржуазии, располагающей могущественной силой государства, войском, полицией, разветвленным административным аппаратом.

Основной вопрос, из-за которого шла борьба с бакунизмом, это — вопрос о революционной пролетарской партии, руководящей всей борьбой пролетариата, владеющей всеми видами и формами организации и деятельности, ведущей пролетариат к выполнению его исторической задачи — завоеванию власти, диктатуре пролетариата, созданию бесклассового общества, построению коммунизма.

МАРКС И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

За время существования Интернационала крупнейшим событием международного движения рабочего класса, великим героическим подвигом пролетариата была Парижская Коммуна, поднявшая значение и влияние Интернационала на небывалую высоту. 18 марта 1871 г. парижский пролетариат взял в свои руки политическую власть, т. е. осуществил то, что было провозглашено Марксом еще за четверть века до этого.

Со времени провозглашения Коммуны борьба рабочего класса с землевладельцами, капиталистами и государством, представляющим их интересы, вступила в новую фазу. Коммуна на деле показала, как должен пользоваться пролетариат политической властью. И хотя в силу ряда неблагоприятных условий практические мероприятия Коммуны не могли быть осуществлены полностью (Коммуна просуществовала всего 2½ месяца, с 18 марта по 28 мая 1871 г.), она все же дала пролетариату ценнейший исторический опыт — был завоеван

«новый исходный пункт всемирно-исторической важности».

Рабочий класс мог на собственном опыте убедиться в ошибочности и вздорности прудонистских и бланкистских догм, мог убедиться в правильности того пути классовой борьбы, по которому вел Маркс, в правильности советов, какие он давал.

Когда летом 1870 г. вспыхнула франко-прусская война, возникновению которой способствовали интриги реакционных правительств Бонапарта и Бисмарка, организованные рабочие Франции и Германии протестовали против этой войны. К сожалению, они не были в состоянии ни воспрепятствовать ее началу, ни оказать решающего влияния на ее ход.

Когда начались военные действия, Марксу пришлось целиком отдаться делам Интернационала. Работа над «Капиталом» прекратилась более чем на год.

Война началась 19 июля 1870 г. Уже 23 июля Маркс опубликовал от имени Интернационала воззвание, которое разъясняло истинное значение войны, разоблачало подлую политику и тайные намерения правительств, затеявших войну. В воззвании Маркс предсказал неизбежность краха империи Наполеона III. Это предсказание подтвердилось очень скоро.

Французские войска потерпели поражение. 4 сентября 1870 г. империя Луи Бонапарта рухнула. Интернационал немедленно откликнулся на это событие. 9 сентября 1870 г. Маркс написал второе воззвание по поводу войны во Франции. Оба воззвания являются крупнейшими документами международной политики пролетариата. Во втором воззвании Маркс дал подробный анализ сложившейся обстановки, приветствовал учреждение во Франции республики, предостерегая в то же время против возникшего после падения империи буржуазного республиканского правительства, состоявшего из подлейших буржуазных элементов с орлеанистом Тьером во главе. Маркс требовал немедленного признания Французской республики и почетного мира с Францией. Он предостерегал рабочий класс, что если не удастся положить предел проискам европейских правительств и прекратить войну, то «настоящая ужасная

война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, владык земли и капитала»¹. Но помешать продолжению военных действий пролетариат не мог. Прусские войска вторглись в глубь Франции и осадили Париж.

Положение Франции было очень тяжелое, но силы ее еще далеко не были исчерпаны. Борьбу можно было с успехом продолжать. Положение прусских войск на оккупированной территории, с враждебным населением, становилось все труднее, все рискованнее. Однако французское «правительство национальной обороны»² не умело и не желало организовать действительное сопротивление врагу. Оно думало совсем о другом. Его занимал в первую очередь вопрос о том, как разоружить парижский пролетариат, который защитил Париж от пруссаков, выдержал пятимесячную осаду и отстоял республику. Когда 28 января 1871 г. Париж из-за голода вынужден был капитулировать, то героической борьбой парижских рабочих были обеспечены исключительно благоприятные условия перемирия: артиллерия и все вооружение осталось за национальной гвардией, в которой большинство составляли рабочие; прусские войска не посмели войти в Париж.

Пытаясь силой отнять оружие у парижских рабочих, 18 марта 1871 г., перед лицом вражеских войск, вторгшихся во Францию, правительство палача и выродка Тьера начало гражданскую войну. Но эта попытка нападения на рабочих кончилась полной неудачей. В Париже образовалось правительство рабочих. Буржуазные элементы бежали в Версаль, ставший центром буржуазной контрреволюции. Война между Коммуной и версальским контрреволюционным правительством продолжалась 2¹/₂ месяца.

В конце концов версальцам удалось задушить Коммуну. В этом им помог Бисмарк. Париж был окружен прусскими войсками и отрезан от остальной Франции. Ценой измены национальным интересам Франции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 281.

² Там же, стр. 321—322.

полной капитуляцией, сдачей на милость победителя, уплатой 5 миллиардов контрибуции и уступкой значительной части территории Франции «правительство национальной обороны»¹ купило помощь пруссаков. Тьер выторговал у Бисмарка возвращение пленных бонапартовских войск, опираясь на которые версальское правительство смогло утопить в крови рабочую революцию.

В борьбе Коммуны Маркс принимал самое живое участие. Он переживал эту борьбу со всеми свойственными ему пылом и страстью. Всеми находившимися в его руках средствами он организовал помощь и поддержку Коммуне. В связи с Коммуной, в интересах ее дела им было написано «несколько сот писем во все концы света», где существовали секции Интернационала. В этих письмах Маркс разъяснял истинный характер революции в Париже.

Вопреки всем препятствиям, Маркс поддерживал регулярные сношения с Парижем. Генеральный Совет послал в Париж своего представителя Серрайе. Связь с членами Коммуны поддерживалась через одного знакомого Марксу купца, регулярно ездившего по своим делам во Францию. Через него Маркс посылал членам Коммуны советы и указания, иногда письменные, но большей частью устные. К сожалению, руководители Коммуны, бланкисты и прудонисты, не сумели выполнить директив Маркса, совершили ряд крупнейших ошибок.

Из-за этих ошибок руководства, из-за отмеченных выше неблагоприятных условий Коммуна пала. 28 мая версальцы захватили последний укрепленный пункт. Через два дня после этого, 30 мая 1871 г., Маркс прочел в Генеральном Совете Интернационала написанный им манифест, озаглавленный: «Гражданская война во Франции 1871 г.».

В этом произведении Маркс пригвоздил к позорному столбу подлых врагов Коммуны — «правительство национальной измены»², заклеил «волков, свиней и подлых псов» буржуазии, учинивших зверскую расправу над побежденным и обезоруженным парижским проле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 321—322.

² Там же, стр. 322.

тариатом, и, не скрывая от пролетариата ни одной ошибки Коммуны, полностью разъяснил ее величайшее всемирно-историческое значение.

Маркс указал, что Коммуна создала республику, «которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство»¹.

Ошибками руководителей Коммуны Маркс считал недостаток централизации власти, отсутствие энергичного наступления на буржуазную контрреволюцию, чрезмерную мягкость, что дало врагам пролетариата возможность оправиться, организовать и перейти в наступление.

После провозглашения Коммуны 18 марта следовало немедленно идти на Версаль, повести решительное наступление на контрреволюцию, пока она еще не успела собраться с силами. Следовало взять в свои руки банк с его денежными запасами. Банк в руках Коммуны, говорил Маркс, имел больше значения, чем десятки тысяч заложников. «Одним только захватом Французского банка был бы сразу же положен конец бахвальству версальцев»² (из письма Маркса Нивенгейсу, 22 февраля 1881 г.).

Маркс был в восторге от геройства и исторической инициативы парижского пролетариата. Он особо подчеркивал отличительные черты созданного парижскими рабочими государственного строя, который они стали осуществлять на практике. Коммуна начала с уничтожения аппарата буржуазного государства — армии, полиции, чиновничества. Армия была заменена поголовным вооружением трудящихся. Высшие государственные чиновники были прогнаны, остальные сведены на роль простых исполнителей, во всякое время сменяемых, оплачиваемых не выше ставок квалифицированных рабочих.

Буржуазный парламент, в котором подвизаются политические карьеристы и говоруны, Коммуна заменила работающим «коммунальным» представительством, т. е.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 342.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 345.

в одно и то же время и законодательным и исполнительным органом, который действительно заботится об осуществлении законов. При этом депутаты, если они не выполняют воли своих избирателей, могли быть в любое время отозваны и заменены другими. Коммуна стремилась ввести местное самоуправление, не стесняемое опекой государства сверху. Она желала обеспечить наиболее полное развитие самостоятельности рабочего класса и всех трудящихся.

Коммуна ставила себе целью осуществить на деле полную демократию — в противоположность буржуазной демократии, лишь на словах провозглашающей демократические принципы, а в действительности осуществляющей подавление трудящихся капиталистами и землевладельцами.

Маркс внимательно изучал новые формы революционной борьбы пролетариата. Он никогда не считал свое учение чем-то застывшим и неизменным, а непрерывно обогащал его на основе изучения революционного опыта.

Исходя из опыта Парижской Коммуны, Маркс и Энгельс внесли существенную поправку в «Манифест Коммунистической партии» по вопросу о взятии пролетариатом политической власти. В предисловии к «Манифесту» в 1872 г. Маркс и Энгельс отмечают, что программа революционных мероприятий, данная в конце второй главы «Манифеста», к тому времени уже «местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»¹.

Практический опыт Парижской Коммуны, а еще ранее опыт революционных 1848—1851 гг., дал возможность Марксу развить дальше свое учение о государстве, обогатить его выводом о необходимости слома старой государственной машины. В этом еще раз сказалась основная черта марксистского учения, его революционный творческий характер.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 2.

Опыт Коммуны имел величайшее историческое значение для всего мирового пролетарского движения, для победы социалистической революции. Коммуна создала новую форму, новый тип государства. Блестящий анализ государства типа Парижской Коммуны дал В. И. Ленин в книге «Государство и революция» и в других своих работах. «Коммуна,— писал Ленин,— первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которую можно и должно *заменить* разбитое»¹.

Коммуне, окруженной врагами и отрезанной от Франции, не удалось установить связь с крестьянами. Если бы она смогла это сделать, она нашла бы в крестьянстве могучую поддержку. Коммуна освободила бы крестьянина от векового гнета землевладельцев и ростовщиков, от «налога крови» — службы в армии, служащей корыстным целям эксплуататоров, дала бы ему дешевое правительство, «заменила бы нотариуса, адвоката, судебного пристава и других судебных вампиров, высасывающих теперь его кровь, наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним»². Только пролетариат был в состоянии до конца разрешить аграрный вопрос, улучшить жизнь сельскохозяйственных рабочих.

Коммуна порвала с буржуазным национализмом и шовинизмом, провозгласив принцип международной солидарности, утвердив выбранных в Коммуну представителей международного пролетариата.

В Манифесте Маркс отметил неизбежность продолжения гражданской войны между трудом и капиталом до тех пор, пока будет существовать «деспотическое господство капитала над трудом»³.

Железная рука наемной солдатчины может на время придавить оба класса — буржуазию и пролетариат, но, говорит Маркс, «борьба их неизбежно снова возгорится и будет разгораться все сильнее, и не может быть никакого сомнения в том, кто, в конце концов, останется

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, 4 изд., стр. 404.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 349.

³ Там же, стр. 366.

победителем: немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся»¹.

Появление «Манифеста о гражданской войне во Франции» произвело в буржуазном мире ошеломляющее впечатление. Его сначала старались замолчать, но это не удалось. В письме одному из своих друзей Маркс сообщал, что «Гражданская война во Франции» производит «чертовский переполох» и что автору ее (а Маркс в скором времени опубликовал, что автор этого документа именно он) во всем Лондоне всего больше грозят и на него всего больше клеветуют. «Это, право же, отлично после скучной двадцатилетней болотной идиллии. Правительственный орган «Observer» грозит мне судебным преследованием. Пусть осмелятся! Плюю я на этих каналий!»²

Маркс был не из тех, кого можно было запугать. Буржуазные каналы не осмелились, конечно, привлечь Маркса к суду. Они отлично знали, какой опасный противник Маркс, как он умеет разоблачать обманы, плутни и подлость буржуазных правительств.

Замалчивать деятельность Маркса теперь уже было невозможно. Его портрет и биография были напечатаны в парижском буржуазном иллюстрированном журнале «Illustration» и оттуда перепечатывались в бесчисленных газетах Европы и Америки. Маркса стали осаждать журналисты с просьбами об интервью. Возрос интерес к «Коммунистическому манифесту». Его стали перепечатывать в переводах по-английски и по-французски. Летом 1872 г. вышло второе немецкое издание «Манифеста» с предисловием авторов.

БОРЬБА С БАКУНИЗМОМ.

ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В СЕНТЯБРЕ 1871 г.

После падения Коммуны объем работы Маркса в Интернационале еще более возрос. Маркс делал все, что было возможно для разоблачения подлых врагов Коммуны, для охранения ее чести, для борьбы против той отвратительной и грязной клеветы, которой буржуа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 365.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, 1 изд., стр. 126.

зия обливала Коммуну и ее деятелей. Кроме того, Маркс без устали работал, чтобы организовать помощь эмигрантам, найти им работу, помочь им пережить первые, особенно тяжелые месяцы жизни на чужбине.

Буржуазия повела бешеную кампанию против Интернационала. Особенно отличалось французское республиканское правительство, жестоко мстившее коммунарам. Этот момент Бакунин считал подходящим для того, чтобы поднять еще более ожесточенную борьбу против Генерального Совета, против пролетарского Интернационала.

При вступлении в Интернационал в 1869 г. Бакунин официально объявил созданную им организацию «Альянс социалистической демократии» распущенной. Но это было ложью. На самом деле эта организация продолжала существовать тайно. У нее был свой устав, и она вела в Интернационале подрывную работу, стремясь взорвать пролетарскую партию изнутри.

Однако в среде промышленного пролетариата идеи Бакунина, его проповедь воздержания от политической борьбы не встречали сочувствия. На конференции Интернационала, созванной в Лондоне 17—22 сентября 1871 г., бакунисты потерпели полное поражение. Решения Лондонской конференции были признаны правильными, за немногими исключениями, всеми местными организациями Интернационала.

Ввиду того что в обстановке, создавшейся после падения Коммуны, когда против Интернационала ополчилась полиция всех стран, провести открытый конгресс Интернационала стало невозможно, Генеральный Совет решил созвать негласную конференцию, чтобы полиция континентальных государств не могла выследить участвующих в ней делегатов.

Основным вопросом, стоявшим на конференции, был вопрос о пролетарской партии, о необходимости для пролетариата завоевать политическую власть. Для руководства борьбой пролетариата должна быть создана крепкая, сплоченная, дисциплинированная партия, неуклонно проводящая самостоятельную пролетарскую политику, свободная от каких бы то ни было буржуазных влияний. Только при наличии такой партии пролетариат сможет взять власть и удержать ее, осуществить

диктатуру пролетариата. Пример ошибок и слабостей Коммуны, которая пала именно из-за отсутствия твердого руководства, из-за отсутствия революционной, пролетарской партии, был у всех на глазах.

Маркс и Энгельс, принимавшие самое деятельное участие в конференции, со всей убедительностью доказали значение пролетарской партии и необходимость решительной борьбы против сектантства. В своих выступлениях они вскрывали весь вред «левого» фразерства бакунистов, прикрывавших болтовней свою политику полной капитуляции перед буржуазией, свое бездействие, отказ от политической борьбы. Равным образом Маркс и Энгельс вскрывали вред сектантско-заговорщических тенденций бланкистов и политики тред-юнионистских вождей, действовавших по указке либеральной буржуазии.

Маркс показал на примерах, к чему ведет бакунистское воздержание от политики. «Во Франции, — говорил он в одной из своих речей, — это преступное воздержание от политики позволило Фавру, Пикару и другим завладеть 4 сентября властью; подобное же воздержание дало возможность 18 марта образовать в Париже диктаторский комитет, в котором было много бонапартистов и интриганов, умышленно потерявших в бездействии первые дни революции, которые они обязаны были посвятить ее укреплению»¹.

В той же речи Маркс подчеркивал огромное значение использования парламентской трибуны истинными представителями рабочего класса (бакунисты были решительными противниками этого). Маркс указывал, что к речам Бебеля и Либкнехта в германском рейхстаге прислушивается весь мир. Наши газеты не доходят до массы, трибуна — лучшее средство для завоевания популярности.

Показывая необходимость политической борьбы, Маркс учил пролетариат революционной политике. Воздержание от политики, говорил Маркс, толкает народ в ряды «буржуазной оппозиции, против которой мы обязаны бороться одновременно с борьбой против правительств. Мы должны разоблачить Гамбетту для того,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 646.

чтобы народ не оказался еще раз обманутым... В ответ на преследования, которым подвергается Интернационал, нам необходимо бросить вызов всем правительствам», в том числе правительствам Швейцарии и Соединенных Штатов. «Реакция существует на всем континенте; она повсеместна и перманентна — даже в Соединенных Штатах и в Англии, лишь в иной форме.

Мы должны заявить правительствам: мы знаем, что вы — вооруженная сила, направленная против пролетариев; мы будем действовать против вас мирно там, где это окажется для нас возможным, оружием — когда это станет необходимым»¹.

Конференция приняла резолюцию «О политическом действии рабочего класса», написанную Марксом и всем ходом своей мысли направленную против бакунистов. В ней еще раз была подтверждена необходимость организации самостоятельной пролетарской партии, а также неразрывная связь политической и экономической борьбы рабочего класса, необходимость завоевания политической власти пролетариатом.

«...Против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами;

что эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов;

что то объединение сил, которое уже достигнуто рабочим классом в результате экономической борьбы, должно служить ему также рычагом в его борьбе против политической власти крупных землевладельцев и капиталистов»².

После закрытия конференции, 26 сентября 1871 г., состоялось празднование семилетия Интернационала. Маркс, избранный председателем собрания, произнес речь, в которой охарактеризовал значение Интернацио-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 648—649.

² Там же, стр. 427.

нала, содержание его работы. Маркс еще раз разъяснил, какие цели ставит себе пролетариат и каковы пути к достижению этих целей.

«Уничтожив существующие условия угнетения путем передачи всех средств труда производителю и заставив, таким образом, каждого физически пригодного индивидуума работать, чтобы обеспечить себе существование, мы устраним единственную основу классового господства и угнетения. Но прежде чем осуществление такой перемены станет возможным, необходима диктатура пролетариата, а первым ее условием является армия пролетариата. Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы. Задача Интернационала — организовать и объединить силы рабочего класса для предстоящей борьбы»¹.

КОНЕЦ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Парижская Коммуна подняла авторитет Интернационала на громадную высоту. Ее поражение создало в то же время в Европе такую обстановку, что дальнейшее существование международной политической организации пролетариата в том виде, как она сложилась в лице Интернационала, стало невозможным.

Интернационал приобрел огромный авторитет, но этот авторитет был пока еще чисто моральный. Орудиями материального воздействия Интернационал не располагал, организованной пролетарской армии у него не было. Он должен был создать ее. Но сделать это он мог лишь в ходе обостренной революционной борьбы. А нового революционного подъема непосредственно не предвиделось. Буржуазное общество еще не подошло к такому всеобщему кризису, который настолько обострил бы положение, чтобы остро встал вопрос о близком социальном перевороте. Дело не дошло до того, чтобы в движение пришли самые широкие массы.

Буржуазия, до смерти напуганная Интернационалом, трепетала перед «могущественной и страшной организацией» Международного Товарищества Рабочих. Она

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 438.

была в ужасе от того быстрого развития, которого достиг Интернационал в течение нескольких лет.

Интернационал, говорит Энгельс, был «выдвинут на первый план европейской истории в такой момент, когда для него повсюду была отрезана возможность всякого успешного практического действия. События, поднявшие его до положения седьмой великой державы, в то же самое время не позволяли ему мобилизовать и пустить в ход свои боевые силы, иначе как под угрозой верного поражения и подавления рабочего движения на целые десятилетия. К тому же с разных сторон выдвигались элементы, которые пытались использовать так быстро выросшую славу Товарищества для удовлетворения своего личного тщеславия или личного честолюбия, не понимая или не считаясь с истинным положением Интернационала»¹.

Борьба бакунистов против пролетарской партии становилась все ожесточеннее. В ноябре 1871 г. бакунисты собрали в швейцарском городке Сонвилье группку своих сторонников, окрестив это собрание громким названием «Конгресс юрских секций».

Этот конгресс, состоявший всего из 16 человек, был использован для организации самой злостной кампании против Интернационала. Ввиду того что борьбу бакунистов в Интернационале стала использовать полиция буржуазных правительств, Маркс счел необходимым в особой брошюре, озаглавленной «Мнимые расколы в Интернационале», написанной им в конце февраля — начале марта 1879 г., осветить подробно бакунистские интриги, вскрыть глубоко враждебную пролетариату сущность этого сектантского направления.

В циркуляре, составленном конгрессом в Сонвилье, бакунисты подняли бешеную травлю против Генерального Совета и против Лондонской конференции. Маркс в своей брошюре подробно разобрал все их нападки, изложил факты, как они происходили в действительности, разоблачил истинные цели бакунистов. Он осветил причины, почему, согласно решению всего Интернацио-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 151.

нала, была созвана закрытая конференция, а не открытый конгресс. Далее Маркс подробно изложил, как возник бакунистский «Альянс социалистической демократии». Он показал, что эта организация, старавшаяся всеми возможными способами внедриться в Интернационал, служила в руках ее основателя Бакунина средством, с помощью которого он стремился превратить пролетарскую партию в свое личное орудие и совершенно ее дезорганизовать. Маркс показал, как вместе с начавшейся после Парижской Коммуны особенно ожесточенной борьбой буржуазных правительств против Интернационала оживилась и бакунистская борьба против него; как вздорные анархистские идеи бакунистов использовались буржуазными правительствами для еще более остервенелой травли Интернационала; как бакунистская печать повторяла против пролетарской партии ту же ложь и клевету, какую распространяли органы реакционной буржуазии.

«Анархия — вот боевой конь их учителя Бакунина, заимствовавшего из социалистических систем одни лишь ярлыки, — писал Маркс о бакунистах. — Все социалисты понимают под анархией следующее: после того как цель пролетарского движения — уничтожение классов — достигнута, государственная власть, существующая для того, чтобы держать огромное большинство общества, состоящее из производителей, под игом незначительного эксплуататорского меньшинства, исчезает, и правительственные функции превращаются в простые административные функции. Альянс ставит вопрос навыворот. Он провозглашает анархию в пролетарских рядах как наиболее верное средство сокрушить мощную концентрацию общественных и политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы в тот момент, когда старый мир стремится его раздавить, он заменил свою организацию анархией. Международной полиции ничего больше и не требуется для того, чтобы увековечить республику Тьера, прикрыв ее императорской мантией»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, 2 изд., стр. 45—46.

В рабочем движении эпохи I Интернационала бакунисты играли такую же подлую, двурушническую, предательскую роль, как позднее троцкисты. Анархо-бакунисты действовали как злобные враги рабочего класса, ненавидящие пролетарскую партию и диктатуру пролетариата и маскирующие свое раболепие перед буржуазным обществом «левыми», провокаторскими фразами. Маркс вел беспощадную борьбу с бакунистами, которые стремились внести дезорганизацию в ряды рабочего класса и совлечь его с пути революционной классовой борьбы против капитализма за социализм.

Буржуазным правительствам было весьма на руку провоцировать отдельные безрассудные выступления рабочих. Авантюристские, разлагающие пролетарскую партию элементы в контакте с полицией из кожи лезли, чтобы побудить Интернационал к таким действиям, которые бы его дискредитировали в первую очередь в глазах рабочих. Маркс принял очень важное решение, которое он и провел на конгрессе Интернационала, собравшемся в первой половине сентября 1872 г. в Гааге.

Маркс самым категорическим образом выступил против авантюристских анархистских элементов и решил на время отодвинуть организацию Интернационала с европейской политической сцены. Национальные организации рабочего класса в разных странах, входившие в Интернационал, продолжали существовать и развиваться. Генеральный Совет решено было на время перенести в Америку. При изменении условий, когда начнется новый революционный подъем, его местопребывание могло быть немедленно перенесено обратно. Но таких условий не создалось, попытка созвать в 1873 г. конгресс Интернационала не удалась, и в 1874 г. фактически прекратил свою деятельность нью-йоркский Генеральный Совет I Интернационала.

Немало пришлось Марксу потратить энергии, чтобы обеспечить нефальсифицированное представительство на Гаагском конгрессе. Бакунисты пускались на всякие проделки, чтобы пролезть на конгресс в большем количестве. Целых три дня ушло на заседания мандатной комиссии конгресса, которая признала в конечном счете бесспорными 57 мандатов.

При обсуждении мандата одного из делегатов, англичанина Барри, кое-кто из тред-юнионистских вождей стал возражать, что Барри не был в Лондоне признанным вождем рабочих.

Маркс по этому поводу заявил, что это только делает ему честь, потому что в Лондоне каждый «признанный вождь рабочих» состоит на жаловании у буржуазии, подкуплен ею. Продажная шайка подобных «вождей» подняла впоследствии лицемерный вой, обвиняя Маркса в клевете. Но серьезно опровергнуть утверждение Маркса было невозможно, так как оно было правдой.

Английская буржуазия постепенно провела законы, осуществившие основные требования чартистской партии. Тред-юнионистских вождей буржуазия купила легализацией тред-юнионов. Наличие необъятных колоний и монопольных прибылей надолго упрочило то положение, когда подкупленная капиталистами верхушка рабочего класса в политическом отношении оставалась придатком буржуазии.

На конгрессе Маркс повел беспощадную борьбу против беспринципного блока с Бакуниным во главе; к блоку примкнули и некоторые либеральные тред-юнионисты, которых ничуть не смущали ультралевые бакунистские фразы. Правые и «левые» враги пролетариата объединились в борьбе против пролетарской партии. На заседаниях Гаагского конгресса прежде всего были приняты решения в антибакунистском духе. Генеральному Совету было дано право распускать всякое общество, всякую секцию, если он найдет деятельность ее не соответствующей принципам Интернационала. Затем было принято решение о перенесении местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк и утверждена резолюция прошлогодней Лондонской конференции «О политическом действии рабочего класса».

Вслед за этим состоялся суд над «предателями европейского пролетариата» — бакунистами. Бакунин и его ближайший подручный Гильом были исключены из Интернационала за обман партии, за создание внутри партии тайной организации, которая преследовала антипартийные цели. Особой комиссии было поручено

произвести расследование деятельности бакунистов и опубликовать собранные материалы.

На основе этого решения летом 1873 г. была издана брошюра, подготовленная Энгельсом и Лафаргом и просмотренная Марксом, под заглавием «Альянс социалистической демократии». В брошюре была подробно разобрана и осуждена тактика бакунистов и разоблачена их тайная организация.

Ввиду перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк Маркс уже не принимал непосредственного участия в его работе. Но выход Маркса из Генерального Совета ничуть не означал для него отказа от активной роли в международном рабочем движении. В своей речи, произнесенной 8 сентября — после Гаагского конгресса на митинге в Амстердаме, Маркс говорил о необходимости международной солидарности рабочих, объединении их и согласованности их действий. Коммуна пала, говорил Маркс, потому что ее не поддержало мощное рабочее движение во всех столицах.

Маркс заявил, что как вся его деятельность до настоящего времени, так и остаток его жизни будет посвящен борьбе за победу пролетарской революции.

Сколоченный Бакуниным анархистский «Интернационал» влачил еще некоторое время жалкое существование и закончил бесславно свои дни, не найдя сочувствия в передовом промышленном пролетариате, но принеся немалый вред борьбе рабочего класса.

Идеи Маркса завоевывали все большее число сторонников в рамках национальных движений разных стран. Возникавшие в дальнейшем рабочие партии повсюду принимали принципы, изложенные в «Коммунистическом манифесте». Марксизм в последнюю четверть XIX века одержал полную победу в международном рабочем движении.

«Интернационал не изжил себя, — писал Маркс в одной из своих статей в 1878 г., — а только перешел из первого периода зарождения в более высокий, в котором первоначальные его стремления отчасти стали уже действительностью. В ходе своего прогрессивного развития он должен будет претерпеть еще много изменений, прежде чем сможет быть написана последняя глава его

истории»¹. А Энгельс высказал уверенность, что после того как произведения Маркса получат действительное распространение и рабочие их поймут, возродившийся Интернационал будет чисто коммунистическим и его знаменем будет учение Маркса.

Великая историческая роль I Интернационала, как отмечал Ленин, именно в том и состоит, что он заложил фундамент международной пролетарской борьбы за социализм. I Интернационал заложил первые камни того здания, которое трудящиеся СССР построили при поддержке пролетариата всего мира, — здания социализма.

*«Пролетарская революция»,
№ 1, 1939*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1 изд., стр. 433.

О РАБОТАХ ЭНГЕЛЬСА И ИХ ИЗДАНИИ¹

Жизнь и деятельность Энгельса неразрывно слилась с жизнью и деятельностью Маркса. «На страницах истории они будут навсегда связаны»². Невозможно поэтому, говоря об Энгельсе, о его работах и их издании, не сказать о Марксе, не коснуться вопроса о взаимоотношениях между двумя вождями всемирной рабочей революции, двумя основоположниками научного коммунизма.

40 лет назад, в 1895 г., Ленин в своей статье-некрологе о Ф. Энгельсе писал: «Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе»³.

Энгельс сам, говоря много раз о своих взаимоотношениях с Марксом, постоянно подчеркивал, что в их совместной политической и научной работе Марксу принадлежало первое место. В предисловии к «Коммунистическому манифесту», написанном Энгельсом вскоре после смерти Маркса (июнь 1883 г.), Энгельс счел нужным определенно заявить, что не он, а Маркс является

¹ Настоящая статья представляет собой стенограмму доклада т. В. Адоратского, сделанного им на торжественном собрании, посвященном сорокалетней годовщине со дня смерти Ф. Энгельса. Раздел об издании произведений Энгельса в данном сборнике опущен.

² Воспоминания о Марксе и Энгельсе, 1956, стр. 74.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 2, 4 изд., стр. 11—12.

автором идей, развитых в этом произведении. Но в то же время Энгельс отмечает, что он самостоятельно шел по пути выработки именно этих же взглядов¹.

В другом месте (в брошюре «Людвиг Фейербах») Энгельс говорит, что хотя он самостоятельно содействовал как обоснованию, так и преимущественно разработке теории, но огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области и, еще больше, их окончательная отчетливая формулировка принадлежит Марксу.

«Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и скорее всех нас, — говорит Энгельс. — Маркс был гений, мы, в лучшем случае, — таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она справедливо называется его именем»².

Это верно, что, работая со своим гениальным другом, Энгельс занимал второе место («играл вторую скрипку»³, как он сам выразился в письме Беккеру от 15 октября 1884 г.), но не надо забывать, что это было второе место *рядом* с одним из величайших гениев человечества. Энгельс сам по себе представляет огромную величину. Он был великим революционером, крупнейшим ученым, глубоким исследователем, новатором в ряде областей человеческого знания, блестящим полемистом, неустрашимым борцом за пролетарское дело.

Есть некоторые работы, которые приписывались Марксу, а потом выяснилось, что автор их — Энгельс, например «Революция и контрреволюция в Германии». Есть ряд крылатых слов, кратких и ярких изречений, которые любил цитировать Ленин, как например: «наше учение не догма, а руководство для действия»⁴. Это и ряд подобных изречений принадлежат Энгельсу.

Формулируя идеи научного коммунизма, Энгельс делал это с такой силой, с таким талантом, что его формулировки необыкновенно верно, ясно, сжато и точно

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения*, т. I, 1955, стр. 5.

² Там же, т. II, 1955, стр. 366.

³ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. XXVII, 1 изд., стр. 415.

⁴ *В. И. Ленин. Соч.*, т. 17, 4 изд., стр. 20; т. 24, стр. 24; см. также *К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма*, 1953, стр. 396.

выражали учение Маркса. Энгельс сам был соавтором идей, выдвинутых Марксом.

«Для правильной оценки взглядов Маркса, — говорит Ленин, — безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и сотрудника *Фридриха Энгельса*. Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со *всеми* сочинениями Энгельса»¹.

Энгельс был крупнейшим ученым, сумевшим сказать свое слово в ряде научных областей.

В молодые годы, еще до того как Маркс начал свои занятия политической экономией, в 1844 г. Энгельс написал статью², в которой подвергал критике экономические категории; Маркс называет эту статью гениальным наброском³. В области политической экономии Марксу неоспоримо принадлежит первое место; Энгельс с такой полнотой не разрабатывал вопросы этой науки, как это сделал Маркс, опрокинувший «всю старую экономическую науку»⁴. Но смело можно утверждать, что не будь Энгельса — Маркс не написал бы своего «Капитала»: без дружеской поддержки Энгельса он погиб бы в тисках нужды, и кроме Энгельса никто не смог бы справиться с труднейшей задачей издания рукописей II и III томов «Капитала» и переиздания первого тома, согласно инструкциям, оставленным Марксом. Работая над переизданием I тома «Капитала», Энгельс писал Зорге, что это «каторжный труд»⁵. Надо было делать добавления и изменения по французскому изданию, а французский текст несколько упрощен по сравнению с немецким изданием. «По-немецки Маркс никогда не стал бы так писать», — говорит Энгельс в письме Зорге от 29 июня 1883 года⁶. Энгельсу пришлось произвести огромную и трудную работу, чтобы дать немецкий текст

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 74.

² Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, 2 изд., стр. 544—571).

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, 2 изд., стр. 8.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, 1 изд., стр. 394.

⁵ Там же, стр. 482.

⁶ Там же, стр. 323.

I тома (3-го и 4-го изданий). Он смог это сделать наилучшим образом, а также издать II и III тома «Капитала», о которых Ленин говорит, что это «труд двоих: Маркса и Энгельса»¹. В течение долговременной совместной работы с Марксом Энгельс овладел в совершенстве приемами добросовестнейшей, основательной научной работы, обеспечивающей безусловно высокое качество продукции.

В письме Бебелю от 24 июля 1885 г. Энгельс сам говорит, как много дало ему сотрудничество с Марксом. До совместной работы с Марксом у него, по его словам, не было еще опыта, «что значит действительно научная работа», и только у Маркса он «научился тому, как нужно работать»².

Небольшая иллюстрация метода работы Энгельса по изданию «Капитала»: 3 декабря 1891 г. он писал Каутскому, что целый месяц не отвечал на письмо. Причина этого в том, что он вплотную принялся за работу над самой трудной частью III тома «Капитала» (денежный капитал, банки, кредит и т. д.). «Мне придется, — пишет Энгельс, — основательно поработать, не допуская никаких перерывов, придется снова просмотреть литературу, словом, быть совершенно в курсе дела, вероятно, для того, чтобы, в конце концов, оставить почти все в том виде, как оно есть, но зато в полной уверенности, что я не сделал ни прямо, ни косвенно ни одной ошибки»³ (курс. В. В. Адоратского).

Вот образец добросовестной научной работы, работы издателя. Вот пример того, как надо ее вести, какая требуется для этого квалификация.

«Маркс гордился своим другом..., — говорит Лафарг в своих воспоминаниях, — приходил в восторг от необыкновенной разносторонности научных познаний Энгельса»⁴.

Вот отзыв Маркса об Энгельсе в одном из писем 50-х годов в Америку, когда речь шла о сотрудничестве

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, 4 изд., стр. 11.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, 1 изд., стр. 482.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, 1 изд., стр. 391—392.

⁴ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, 1956, стр. 75—76.

Энгельса в газете: «Он — настоящая энциклопедия. Способен работать во всякий час дня и ночи... быстро пишет и сообразителен, как черт!»¹.

Только благодаря неизменной, самоотверженной дружеской поддержке и активной помощи Энгельса Маркс смог выполнить дело своей жизни, разработать свои гениальные идеи, заложить основы организации, стратегии и тактики пролетарской партии, создать науку, теорию, которая стала величайшей силой рабочего движения.

В тяжелых условиях эмигрантской жизни, переживая потерю своего ребенка, Маркс писал Энгельсу *12 апреля 1855 г.*: «При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что мы вдвоем сможем сделать еще на свете что-либо разумное»².

Заканчивая корректуру I тома «Капитала», Маркс писал Энгельсу *16 августа 1867 г.*, что только благодаря ему он заканчивает свой труд: «Без твоего самопожертвования для меня я ни за что не смог бы проделать всю огромную работу для трех томов»³.

Поддержку Марксу Энгельс мог обеспечить только тем, что двадцать лет провел на ненавистной ему работе в конторе фирмы Эрмен и Энгельс в Манчестере.

Дочь Маркса Элеонора (Тусси) гостила у Энгельса в Манчестере летом 1869 г., как раз когда он заканчивал свое «вавилонское пленение». Ей было тогда 14 лет. Двадцать лет спустя в своей статье к 70-летию Энгельса (ноябрь 1890 г.) она вспоминала об этом: «Я никогда не забуду его ликующего возгласа: «В последний раз!», когда он утром натягивал свои сапоги, чтобы в последний раз отправиться в контору.

Несколько часов спустя мы, стоя в ожидании у ворот, увидели Энгельса, идущего по небольшому полю, которое находилось перед его домом. Он размахивал в воздухе своей тростью, пел и весь сиял от радости.

¹ Ф. Меринг. «Карл Маркс», М. 1957, стр. 258.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, I изд., стр. 94.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 191.

Затем мы по-праздничному усадились за стол, пили шампанское и были счастливы.

Я тогда была слишком молода, чтобы все это понять. Но теперь я не могу вспомнить об этом без слез»¹.

Нельзя не отметить здесь также и громадной работы, проделанной Энгельсом для того, чтобы пропагандировать «Капитал» Маркса, содействовать его распространению, разрушить тот гнусный заговор, с одной стороны — клеветы, с другой стороны — замалчивания, который организовала буржуазия вокруг имени и произведений Маркса.

Энгельс написал ряд рецензий на «Капитал», и в значительной мере его энергия и деятельность способствовали тому, чтобы продвинуть к читателю это основное гениальное произведение научного коммунизма.

И не только в научной, но и в практической работе Энгельс был незаменимым соратником и другом. В революции 1848—1849 гг., в борьбе с представителями вульгарной демократии в эмиграции (см., например, написанную в 1852 г. Энгельсом вместе с Марксом и оставшуюся тогда не опубликованной рукопись «Великие мужи эмиграции»²), в I Интернационале, в борьбе с бакунизмом и прочими формами и видами оппортунизма, в деле руководства рабочей партией Германии — Энгельс был активнейшим борцом за пролетарскую партию.

После смерти Маркса Энгельс энергично, до конца своих дней, продолжал вести борьбу за их общее дело, за революционный марксизм. И в то же время он занялся изданием работ Маркса, отложив свои собственные работы, не закончив их. А работы Энгельса представляли огромную самостоятельную научную ценность.

Энгельс был крупнейшим, выдающимся философом. В предисловии к «Анти-Дюрингу» он писал: «Маркс и я были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории»³.

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, 1956, стр. 185.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, 2 изд., стр. 247—352.

³ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 10.

В этом деле очищения диалектики от идеализма, переработки ее в материалистическом духе большая доля принадлежит Энгельсу. Изложение основ марксистского мировоззрения — диалектического материализма — Энгельс сделал блестяще. Его «Анти-Дюринг» был и будет одной из основных книг, по которой изучали и будут изучать диалектический материализм.

Специально занимаясь вопросами естествознания, Энгельс, мастерски владевший диалектикой, непоколебимый представитель материалистического мировоззрения, дал в своих рукописях и заметках о диалектике природы ряд ценнейших указаний (в математике, физике, химии, биологии), указаний, которые учат специалистов, недостаточно знакомых с диалектикой, как овладеть этим методом, без которого никакое движение вперед в науке невозможно.

В своих крупных работах (таких, как «Людвиг Фейербах», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др.), в ряде блестящих статей и писем, освещающих как конкретные вопросы исторического развития, так и общие вопросы исторического материализма, Энгельс дал ценнейшие указания историкам, как надо применять диалектический материализм в исторических исследованиях.

Наряду с этим он дал ряд исторических работ, в которых осветил отдельные эпохи всемирной истории.

В блестящей статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Энгельс осветил вопрос о происхождении человека. Вопросы первобытной истории и истории античной древности освещены частью в упомянутой уже книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В трех статьях Энгельса — «Бруно Бауэр и раннее христианство» (1882), «Книга откровения» (1883), «К истории раннего христианства» (1894) — превосходно освещено происхождение и развитие христианства.

Но особенно много внимания в работах Энгельса уделено *истории Германии*. Если бы собрать все это вместе, образовалось бы, вероятно, не менее двух-трех объемистых томов. Эти работы Энгельса освещают историю Германии, начиная с древнейших времен (рукопись

«К истории древних германцев») и кончая историей современной Энгельсу Германии («Революция и контрреволюция в Германии», «Роль насилия в истории» (рукопись 1888 г.) — незаконченная работа, 4-я глава к отдельному изданию трех глав из «Анти-Дюринга» о «теории насилия»).

Ряд работ Энгельса посвящен специально истории немецкого крестьянства: «Крестьянская война в Германии» (1850), «Марка» (1882) (история крестьянской общины в Германии), «К истории прусского крестьянства» (1885) (из предисловия к книге В. Вольфа «Силезский миллиард»), «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (1894).

Наконец, необходимо особо отметить занятия Энгельса *филологией и военными науками*.

Несколькими языками (английским, французским) Энгельс владел в совершенстве — он говорил и писал на них. Но, кроме того, ему были знакомы чуть ли не два десятка других языков. Он изучал их грамматику и знаком был с ними настолько, что мог на этих языках читать различную литературу.

Энгельс знал ряд германских языков (древнегерманские наречия, древнескандинавские, датский, голландский), кельтские наречия, романские языки (итальянский, испанский, португальский, румынский), славянские языки (русский, чешский, польский, сербский), персидский язык (читал в подлиннике Гафиза — письмо Марксу от 6 июня 1853 г.)¹. Он знал классические языки древности — латинский и греческий и был знаком с древнееврейским. В ИМЭЛ есть рукопись 1841 г. — доклад о «Книге откровения» («Апокалипсис» Иоанна) и материалы к этому докладу, в которых собрано большое количество выписок на древних языках. Этот доклад Энгельс читал в семинаре берлинского профессора Бенари в 1841 г., когда он в Берлине отбывал воинскую повинность, играл видную роль в кружке левых гегельянцев, занимался различными искусствами и науками, в том числе критическим изучением источников первобытного христианства. 43 года спустя Энгельс исполь-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, I изд., стр. 491—496.

зовал проработанный им тогда материал для статьи «Книга откровения», напечатанной в 1883 г. по-английски в журнале «Progress».

От тех же ранних времен Энгельс сохранил также и еще одно увлечение, приведшее к тому, что он стал крупным специалистом еще в одной области, именно — в области *военной науки*.

В тесном кругу ближайших друзей, в кругу семьи Маркса, Энгельс получил прозвище «генерал» (причем это слово произносилось по-английски — «дженерал»). Во время франко-прусской войны он в своих статьях, печатавшихся в английской газете «Pall Mall Gazette» без подписи автора, предсказал битву при Седане и разгром французской армии. Одна из дочерей Маркса назвала его за это «General staff» (генеральный штаб), и с тех пор за ним удержалось прозвище «General»¹. Энгельс написал огромное количество работ по военным вопросам. Все вместе эти работы составят ряд томов.

В годы революции 1848—1849 в «Новой Рейнской газете» Энгельс давал систематически обзоры и оценку всех военных событий (например, статьи об июньском восстании в Париже, о венгерской кампании). Все войны, происходившие в 50-х, 60-х, 70-х годах, были в работах и корреспонденциях Энгельса внимательно изучены и проанализированы. Он написал ряд статей по истории развития оружия и по истории военного дела. Его статью по истории армии (1857) Маркс оценил очень высоко: «Твоя «Армия» великолепна». Маркс сделал только три указания, чем следовало бы эту статью дополнить: об армиях древних азиатских народов (персы), получивших потом развитие у монгольских и тюркских народов, об армии карфагенян и об итальянском военном искусстве XV и начала XVI века².

Брошюры Энгельса «По и Рейн» (1859) и «Савойя, Ницца и Рейн» (1860), появившиеся без подписи автора, сыграли в свое время огромную роль в деле борьбы против бонапартизма и защиты правильной политики

¹ См. Воспоминания о Марксе и Энгельсе, 1956, стр. 188.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1 изд., стр. 239—240

пролетарской партии. Они произвели также сильное впечатление и в кругах социалистов. Широко распространилось тогда мнение, приписывавшее авторство этих брошюр различным видным военным специалистам того времени.

Энгельс был первым военным теоретиком пролетарской партии, представителем политики, науки и культуры нового класса — пролетариата, воспитываемого историей в таком направлении, чтобы своей высшей техникой, высшей культурой он разбил наголову буржуазию — класс эксплуататоров, осужденный историческим развитием на гибель.

В статье «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г.», т. е. реакционной войны против Франции как представительницы буржуазно-демократической революции, Энгельс писал:

«Итак, современный способ ведения войны предполагает эмансипацию буржуазии и крестьянства, он является *военным выражением* этой эмансипации.

Эмансипация пролетариата, в свою очередь, будет иметь свое особое выражение в военном деле и создаст свой особый, новый военный метод. Это ясно. Можно уже сейчас до известной степени предвидеть, в чем будут заключаться материальные основы этой новой системы ведения войны»¹...

«И точно так же, как пролетарская революция в промышленности будет заключаться отнюдь не в упразднении паровых машин, а в увеличении их числа, — так и в военном деле речь пойдет не об уменьшении массовости армий и их подвижности, а, наоборот, о поднятии того и другого на более высокую ступень»².

Когда в связи с развившимся в 1857 г. кризисом Маркс и Энгельс ожидали, как его неизбежного последствия, наступления революции, Энгельс писал Марксу, что свои теоретические и практические занятия военным делом (верховую езду он считал материальной основой своих занятий военными науками) (письмо Марксу от 18 февраля 1858 года) он надеется снова применить на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, 2 изд., стр. 509.

² Там же, стр. 510.

практике в вооруженной борьбе за победу пролетарской революции¹.

Именно Энгельс в своей работе «Революция и контр-революция в Германии» говорил о *восстании как искусстве* и сформулировал там основные правила тактики вооруженного восстания².

Под гениальным руководством Ленина, под руководством большевистской партии, применяя учение Маркса и Энгельса о вооруженном восстании как искусстве, пролетариат победил в Октябрьской революции.

Фридрих Энгельс — верный друг и соратник Маркса, работавший с ним рука об руку в течение сорока лет, продолжатель его дела после его смерти, — живет в памяти всего международного пролетариата как пламенный революционер, активный борец за победу пролетарской революции, пролетарский вождь и один из величайших мыслителей и крупнейших теоретиков пролетариата.

Вместе с Марксом Энгельс создал научный коммунизм, вместе с Марксом вел борьбу за торжество пролетарского дела, вместе с Марксом учил пролетариат, как он должен организоваться и бороться за осуществление великой исторической цели — победы коммунистической революции.

«Пролетарская революция»
№ 6, 1935

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1 изд., стр. 306.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, 2 изд., стр. 100.

СУДЬБЫ МАРКСИЗМА В РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Марксизм — это не только научная теория, — это в то же время и руководство к действию, теория борьбы рабочего класса за его освобождение. Научное открытие Маркса имеет огромное значение для рабочего движения и поэтому нет ничего удивительного в том, что Маркс и Энгельс, считая важным делом научную разработку своих взглядов, не менее важной считали задачу привлечь на сторону своих воззрений весь европейский пролетариат. С самого начала они стали заботиться об организации рабочего класса для его борьбы за освобождение из-под власти капитала. (См. Энгельс. «К истории Союза коммунистов») ¹.

Делая обзор состоянию марксизма, нельзя ограничиться теоретической областью, еще более необходимо остановиться на марксистской практике, в которой теория помогает борьбе рабочего класса против капиталистического рабства. В нашу эпоху эта сторона на первом плане и это обстоятельство дает в то же время необыкновенно сильный толчок развитию теоретического понимания. «Практика лучше всяких теорий», — писал Маркс Энгельсу в письме от 14 ноября 1868 г. ², — тем более это правильно по отношению к практике такой богатой содержанием революционной эпохи, какой является переживаемая нами.

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения*, т. II, 1955, стр. 326—327.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. XXIV, I изд., стр. 131.

Маркс говорил, что только обыватели могут думать, будто 20 лет в таких громадных процессах развития, как превращение капиталистического общества в коммунистическое, могут значить больше, чем один день, хотя потом возможно, что наступят дни, в которых содержатся сразу целые 20 лет¹.

Такие дни, которые содержат в себе целые периоды, в которых сразу обнаруживаются результаты процессов, совершающихся в течение десятилетий, — подобные дни приходилось переживать за последние годы. В одной статье невозможно дать сколько-нибудь полный обзор состояния теории и практики революционного марксизма за это время, — настолько оно богато и разнообразно содержанием. Мы ограничим поэтому свою задачу более узкими рамками, а именно отметим лишь важнейшие моменты и события и укажем, какое теоретическое объяснение и освещение этих событий давалось представителями теории революционного марксизма. Дальнейший ход событий в общем подтверждал правильность этих объяснений. Такая проверка теории на практике является лучшим средством испытания правильности теории. Маркс выработал свой метод и показал его плодотворность и правильность на очень большом количестве практических примеров его применения. Таким путем обогащался опыт и достигалось более глубокое понимание исторического процесса.

Два крупнейших события последнего времени оказали громадное влияние на современный марксизм. Этими событиями были война и революция. Эти два основных явления вызвали ряд чрезвычайно важных последствий.

В области практической политики достигнуты были крупные результаты: гораздо более широкие слои, чем прежде, были втянуты в движение и стали принимать участие в политической борьбе. Более широким слоям чем прежде стала ясна истинная сущность буржуазного государства, «демократизма» и политического оппортунизма. Возникла и укрепилась на месте бывшей Российской империи Советская власть, — власть трудящихся.

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма*, 1953, стр. 139.

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика и возникший впоследствии Союз Советских Социалистических Республик являются фактами огромного международного значения. Пролетариат, взявший в свои руки власть, на деле показал, как можно разрешить национальный вопрос, неразрешимый для буржуазии. Война привела в движение массы, и пролетариат начал учиться делу борьбы за непосредственное осуществление социализма. Возник III Интернационал, проникнутый духом революционного марксизма.

Из числа теоретических завоеваний марксизма за последнее время необходимо указать на теоретическое выяснение вопроса о государстве и более глубокое и подробное выяснение вопроса как о политической, так и об экономической стороне переходного периода, выяснение связанное с тем огромным практическим опытом, который накоплен был за пять лет пролетарской революции.

1914 г. — год начала империалистической войны — следует считать началом новой эпохи в развитии классовой борьбы в современном обществе. В эту эпоху вопрос о борьбе пролетариата за власть встал непосредственно на очередь дня, настала эпоха социалистических революций.

Характеризуя начавшуюся империалистическую войну, Ленин писал в статье «Положение и задачи социалистического Интернационала», что эта война «не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма *капиталистической* жизни, как и мир»¹. Эта война — война империалистическая. Она происходила в обстановке, отличающейся от обстановки прежних войн. Отношение передовой пролетарской партии к ней должно было быть соответственно иным. «Прежние войны решали вопросы буржуазно-демократических преобразований»² и «свержения чуже-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 23.

² Там же, стр. 162.

национального гнета»¹. Теперь новая эпоха, отличительной чертой которой является то, что капитализм созрел для социалистической революции. Современная война никаких буржуазно-демократических преобразований не совершает, ничего недоделанного прежними буржуазными революциями не выполняет (как выполняли, например, войны 1866 и 1870 гг.). Современная война империалистическая ведется только из-за вопроса, кто будет владеть той или иной колонией и грабить ее.

«Всякая война есть продолжение политики иными средствами» («О брошюре Юниуса», октябрь 1916 г.)². Империалистическая война «продолжает политику перзревшей, реакционной буржуазии, грабившей мир, захватывавшей колонии и т. д. Эта война, на почве буржуазных отношений, *не может*, в силу объективного положения не может, вести ни к какому демократическому «прогрессу», а только к усилению и расширению всякого гнета вообще, национального в частности, — и это при любом исходе войны» («О «программе мира»», 25 марта 1916 г.)³.

Уже в самом начале войны, вполне ясно видя ее сущность, руководители партии большевиков выставили лозунг «превращение империалистической войны в гражданскую». «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству», — писал Ленин 26 июля 1915 г. в статье «О поражении своего правительства в империалистской войне»⁴. «Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией» (Маркс и Энгельс. «Коммунистический манифест»)⁵. «Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией «национальной войны». Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 272.

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, 4 изд., стр. 296.

³ Там же, стр. 152.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 247.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 435.

войну» («Положение и задачи социалистического Интернационала») ¹.

Одним из первых последствий войны для марксизма явилось крушение иллюзии буржуазной демократии, обещавшей мирное развитие и крушение оппортунизма, выдвигавшего мысль о сотрудничестве классов. «Капиталистическое общество было и всегда является *ужасом без конца*, — писал Ленин в одной из своих статей периода войны. — И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн подготавливает *конец с ужасом*, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние» ².

То обстоятельство, что война, поставив остро и резко все вопросы сделала неизбежным разрыв между оппортунистами и революционным марксизмом, — это обстоятельство принесло большую пользу развитию рабочего движения. «Единство пролетариата есть величайшее оружие его в борьбе за социалистическую революцию. Из этой бесспорной истины столь же бесспорно вытекает, что, когда к пролетарской партии примыкают в значительном числе мелкобуржуазные элементы, способные *мешать* борьбе за социалистическую революцию, единство с такими элементами вредно и губительно для дела пролетариата» ³. Война помогла революционному марксизму освободиться от своего «лжебрата» — оппортунизма.

«Европейская война... обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнить авторитеты» («Мертвый шовинизм и живой социализм») ⁴. «Война убьет и добьет все слабое, в том числе социал-шовинизм и каутскианство. Империалистический мир делает *эти* слабости еще нагляднее, еще позорнее, еще отвратительнее». («О сепаратном мире», 6 ноября 1916 г.) ⁵.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 23.

² В. И. Ленин. Соч., т. 23, 4 изд., стр. 69.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 91.

⁴ Там же, стр. 81.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 23, 4 изд., стр. 122.

«Империалистская эпоха не мирится с сосуществованием в одной партии передовиков революционного пролетариата и полумещанской аристократии рабочего класса, пользующейся крохами от привилегий «великодержавного» положения «своей» нации. Старая теория об оппортунизме, как «законном оттенке» единой, чуждой «крайностей», партии превратилась теперь в величайший обман рабочих и величайшую помеху рабочему движению» («Крах II Интернационала», 1915 г.)¹.

Соглашательство, оппортунизм, питавшие мелкобуржуазные предрассудки с самого возникновения революционного марксизма, было тем врагом, с которым Маркс и Энгельс вели энергичную войну. Сущность мелкобуржуазных, реформистских течений, боящихся революционных потрясений и резких кризисов, состояла всегда в стремлении ослабить, смягчить зло, а не уничтожить его. Марксизм же с самого своего возникновения стоял на той точке зрения, что освобождение рабочих может произойти только революционным путем. «Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества», — писали Маркс и Энгельс в своем «Обращении Центрального Комитета к Союзу коммунистов, март 1850 г.»².

Течения, подчинявшие пролетариат буржуазному влиянию, помогавшие буржуазии господствовать над пролетариатом, принимали различные формы, облекались в различные костюмы.

До войны оппортунизм и реформизм отстаивал мысль о сотрудничестве классов. При начале империалистической войны это течение приняло форму социал-патриотизма или социал-шовинизма, сущность которого состояла в том, что он проповедовал поддержку пролетариатом своей буржуазии в империалистической войне.

Течение центра, главным представителем которого являлся Каутский, не призывая открыто к такой под-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 229—230.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, 2 изд., стр. 261.

держке, не пуская в ход открытые патриотические лозунги, оказывало все же буржуазии поддержку путем ряда умолчаний. Течение центра молчало о том, что эпоха социальной революции наступила, что капитализм созрел для социальной революции и пролетариат непосредственно стоит перед задачей борьбы за власть. Умное буржуазное правительство очень ценит такие течения, которые, сохраняя радикальную внешность, на деле притупляют классовую борьбу, тормозят, успокаивают революционное настроение.

Во время войны для ее продолжения и для того, чтобы буржуазия могла продолжать эксплуатировать пролетариат, соглашательство, мелкобуржуазное течение, подчинявшее рабочих влиянию буржуазии, принимало формы социал-патриотизма. Буржуазия разжигала страсти национализма и шовинизма и на этой почве добивалась сотрудничества классов, притупляла классовую борьбу пролетариата. В империалистический период капитализма, когда грабеж колоний и вывоз капитала приносил буржуазии громадные сверхприбыли, ей удавалось некоторыми крохами от этих прибылей подкупать небольшие привилегированные слои рабочих, отрывать их «от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы» («Крах II Интернационала») ¹.

Но война, обостряя страдания этих масс, представляла большую опасность тем, что грозила вызвать революцию, и потому среди части буржуазии всегда было течение за мир. Ленин в статье «Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия» от 1 мая 1915 г. указывал, что в политике капиталистических стран имелись три течения за мир. 1) Сознательные миллионеры хотели ускорить мир, боясь революции. Они считали, что демократический мир при капитализме утопия. Эту утопию проповедовали оппортунисты, сторонники Каутского. 2) Несознательные народные массы (мелкие буржуа, полупролетарии, часть рабочих и т. д.) пожеланиями мира в самой неопределенной форме выражали нарастающий протест против войны, нарастаю-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 216.

щее смутное революционное настроение. 3) Сознательные передовики пролетариата, революционные социал-демократы, внимательно присматривались к настроению масс, использовали нарастающее стремление их к миру «не для поддержки пошлых утопий «демократического» мира при капитализме, не для поощрения надежд на филантропов, на начальство, на буржуазию, а для того, чтобы революционное настроение из смутного сделать ясным; — чтобы систематически, упорно, неуклонно, опираясь на опыт масс и на их настроение, просвещая их тысячами фактов... доказывать необходимость массовых революционных действий против буржуазии и правительств своей страны, как *единственного* пути к демократии и к социализму»¹.

Революционная партия пролетариата намечала тогда свою программу мира следующим образом: 1) в-первых, необходимо разоблачать лицемерие деятелей вроде Каутского, иначе можно сделаться тоже пособником обмана масс; 2) необходимо быть последовательным в вопросе о самоопределении наций вплоть до отделения. В этом отношении партии революционного марксизма равным образом оставались верными принципам политики Маркса, как напр., они проявились в ирландском вопросе (см. Маркс и Энгельс. «Письма», стр. 171—180); 3) Наконец разъяснить, «что империалистские державы и империалистская буржуазия *не могут* дать демократического мира. Его *надо* искать и добиваться — но *не позади*, в реакционной утопии *не-империалистского* капитализма или союза равноправных наций *при* капитализме, — а *впереди*, в социалистической революции пролетариата. Ни одно коренное демократическое требование не осуществимо сколько-нибудь широко и прочно в передовых империалистских государствах иначе как *через* революционные битвы под знаменем социализма.

И кто сулит народам «демократический» мир, не проповедуя в то же время социалистической революции, отрицая борьбу за нее, борьбу уже во время войны,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 170.

тот обманывает пролетариат» («О «программе мира»», 25 марта 1916 г.)¹.

Таков был взгляд на войну партии большевиков, таковы были предлагавшиеся ею меры. Правильность этого взгляда, выработанного с помощью марксистского метода, блестяще подтвердилась последующим ходом событий. Равным образом подтвердилась правильность и тактической линии. Демократического мира в Европе нет и до сих пор, а путь к нему указан и практически начато движение по этому пути Союзом Советских Социалистических Республик через победу пролетариата над капитализмом.

За период войны с 1914 до конца 1916 г. большевики последовательно отстаивали позиции революционного марксизма — в «Социал-Демократе», «Коммунисте» и «Сборнике Социал-Демократа». Ленинские статьи этого периода являются блестящим образцом марксистского анализа. Они показывают как надо применять марксистский метод к разрешению ряда сложнейших вопросов политики, перед которыми остались бессильными «теоретики», не сумевшие удержаться на точке зрения революционного марксизма.

Вторым крупнейшим событием последних десяти лет была русская революция, явившаяся ближайшим последствием войны.

Русскую революцию Маркс и Энгельс предвидели задолго до ее наступления. В письме от 23 мая 1851 г. Энгельс писал Марксу, что революция в России случится гораздо скорее, чем в Польше, благодаря национальному характеру русских и благодаря более развитым буржуазным элементам России². В письме от 14 апреля 1856 г. Энгельс писал, что в России с ее тысячеверстными пространствами спекуляция скоро сломит себе шею. Когда «мы услышим о великом Иркутском пути с веткой на Пекин»³ и т. д., тогда наступит революция, которая по своей глубине и размаху превзойдет все предыдущие.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 156.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, 1 изд., стр. 211.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1 изд., стр. 134.

В письме от 11 января 1860 г. Маркс предвидел грандиозность русской революции в связи с предстоящим крушением в центральной Европе. В письме к Зорге от 1 сентября 1870 г. Маркс писал, что после франко-прусской войны неизбежна будет война России с Германией — и эта война сыграет по отношению к неизбежной русской социальной революции роль повивальной бабки. 27 сентября 1877 г. Маркс писал тому же Зорге: «Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции»¹.

Наличие крепкой организованной партии большевиков, сохранившей традиции революционного марксизма, воспитанной в целом ряде битв сначала только идейных, а затем принимавшей участие в действительных классовых битвах русской революции 1905—1907 гг., партии, подготовленной к роли вождя пролетариата продолжительным участием в практической борьбе², наличие такой марксистской партии сыграло крупную роль в русской революции 1917 г. и оказало помощь борьбе масс, определяя правильно общее политическое положение и намечая правильно практические задачи.

«В том-то и состоит, между прочим, значение партийной организации и партийных вождей, заслуживающих этого звания, чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое — кроме знания и опыта — политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов»³. Такому школу прошли вожди партии большевиков и она была пройдена не даром.

В одном из писем Бебелю Энгельс писал, что благодаря Марксу теперь возможно понимание «причин экономического и политического развития и условий предстоящей революции, каким не обладал никто из

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, 1 изд., стр. 480.

² Блестящий краткий очерк истории этой подготовки читатель найдет в книге Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», гл. III и IV. (Прим. В. В. Адоратского).

³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, 4 изд., стр. 50.

наших предшественников. Но зато мы и *обязаны* победить»¹. На основании такого понимания Ленин еще в октябре 1916 г. мог предвидеть в общих чертах содержание и общий ход предстоящей революции в Европе.

«Социалистическая революция в Европе, — писал Ленин в октябре 1916 г., — *не может быть* не чем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия *не возможна массовая* борьба, не возможна *никакая* революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но *объективно* они будут нападать на *капитал*, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков»².

Исходя из марксистского понимания пролетарской классовой борьбы, неизбежно порождаемой развитием капитализма, большевики ясно видели, что пролетариат является единственным до конца революционным классом и что в предстоящей революции он сыграет роль вождя, который сумеет организовать массы трудящихся, эксплуатируемых капиталом, и руководить их борьбой.

«Сыграть роль якобинцев 1793-го года может в войне 1914—1915 гг. только пролетариат, совершающий победоносную социалистическую революцию. Значит, русский пролетариат в теперешней войне мог бы «защищать отечество», мог бы счесть «характер войны коренным образом изменившимся» исключительно в том случае, *если бы* революция именно партию пролетариата поставила у власти, именно этой партии позволила бы всю

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, 1 изд., стр. 436.

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, 4 изд., стр. 340—341.

силу революционного подъема и государственного аппарата направить на немедленное и непосредственное осуществление союза с социалистическим пролетариатом Германии и Европы». («Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами». 21 декабря 1915 г.)¹.

Теперь у нас имеется опыт, накопленный более чем за пять лет, относящийся к вопросу о том, как руководит революционной борьбой масс пролетариат, взявший в свои руки власть.

Бесчисленное количество раз в процессе развития революции, при всех поворотах и кризисах ее развития, марксистский метод неизменно помогал правильно намечать очередные задачи и таким образом проверялся на деле.

Мы не можем здесь подробно разобрать все подобные случаи². Остановимся лишь на некоторых моментах, чтобы отметить, какую важную роль сыграл трезвый марксистский анализ для правильного понимания момента и как партия большевиков, благодаря правильно намеченной тактике, содействовала развитию революции, и временами правильное теоретическое понимание буквально спасало правительство пролетариата и помогало ему находить правильный выход из создавшихся чрезвычайно запутанных и сложных обстоятельств. А сохранение власти в руках последовательно революционного правительства является, конечно, чрезвычайно важным фактором развития революции.

В начале русской революции Ленин в письме к швейцарским рабочим указывал на то, что особо сложившиеся «исторические условия сделали пролетариат России *на известное, быть может очень короткое, время* застрельщиком революционного пролетариата всего мира»³. Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую рево-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 398.

² Нами сделана попытка краткого обзора применения марксистского метода в русской революции в статье «Марксистская диалектика в произведениях Ленина» (см. настоящее издание, стр. 443--459). (Прим. В. В. Адоратского).

³ В. И. Ленин. Соч., т. 23, 4 изд., стр. 361.

люцию. Но он может придать русской революции размах. «Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего *главного*, самого верного, самого надежного сотрудника, *европейского* и американского *социалистического* пролетариата»¹. Каким образом на основании марксистского анализа Ленин определял общее положение дел и намечал ближайшие задачи — примеров этого можно найти очень много.

Перед октябрьским переворотом тот же самый марксистский метод помог большевикам вполне ясно видеть не только возможность, но и необходимость взятия власти.

Политические деятели, зараженные мелкобуржуазными предрассудками, приходили в ужас от перспективы, что власть возьмет пролетариат. Если пролетариат возьмет власть один, — он будет изолирован, это вызовет реакцию, реакция будет ужасной, — восклицали на разные голоса меньшевики и эсеры подобно тому, как мелкобуржуазный демократ Флокен около 70 лет раньше этого пугал Энгельса, приблизительно в тех же выражениях.

Революционный пролетариат не дал себя запугать, а его великий вождь В. И. Ленин, трезво учитывая действительные отношения, предвидел тот гигантский размах, который придаст революции взятие власти пролетариатом, тем классом, который не боится быть революционным до конца.

«Силу сопротивления пролетариев и беднейших крестьян *мы еще не видали*, — писал Ленин перед Октябрем, — ибо эта сила выпрямится во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата, когда десятки миллионов людей, раздавленные нуждой и капиталистическим рабством, увидят на опыте, *почувствуют*, что власть в государстве досталась угнетенным классам, что власть помогает бедноте бороться с помещиками и капиталистами, *ломает* их сопротивление. *Только* тогда мы сможем увидеть, какие непочатые еще силы отпора капиталистам таятся в народе, только тогда проявится то, что Энгельс называет «скрытым социализ-

мом», только тогда на каждые *десять тысяч* открытых или прячущихся, проявляющих себя действием или в пассивном упорстве врагов власти рабочего класса поднимется *по миллиону* новых борцов, доселе политически спавших, прозябавших в мучениях нужды и в отчаянии, потерявших веру в то, что и они люди, что и они имеют право на жизнь, что и им может служить вся мощь современного централизованного государства, что и *их* отряды пролетарской милиции с полным доверием зовут к непосредственному, ближайшему повседневному участию в деле управления государством.

Капиталисты с помещиками, при благосклонном участии гг. Плехановых, Брешковских, Церетели, Черновых и К^о, сделали *все*, чтобы *испоганить* демократическую республику,ispoганить ее услужением перед богатством до того, что народом овладевает апатия, равнодушие, *ему все равно*, ибо голодный не может отличить республики от монархии, озябший, разутый, измученный солдат, гибнущий за чужие интересы, не в состоянии полюбить республики.

А вот, когда последний чернорабочий, любой безработный, каждая кухарка, всякий разоренный крестьянин увидит — не из газет, а собственными глазами увидит, — что пролетарская власть не раболепствует перед богатством, а помогает бедноте, что эта власть не останавливается перед революционными мерами, что она берет лишние продукты у тунеядцев и дает голодным...

когда беднота увидит это и почувствует это, тогда никакие силы капиталистов и кулаков, никакие силы воруящего сотнями миллиардов всемирного финансового капитала не победят народной революции, а, напротив, *она* победит весь мир, ибо во всех странах зреет социалистический переворот» («Удержат ли большевики государственную власть?», 1 октября 1917 г.)¹.

Русские рабочие сумели власть не только взять, но и удержать ее. С полным правом можно утверждать, что благодаря Марксу и созданному им методу большевики не только победили, но и сумели свою победу закрепить и взятую власть удержать.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, 4 изд., стр. 101—102.

Первыми действиями Советской власти в октябре 1917 г. было издание декретов о мире и о земле, наметивших разрешение насущных вопросов, разрешения которых ждал весь народ.

Дальнейший ход событий показал, какого труда стоило добиться некоторой передышки, являвшейся необходимостью для дальнейшего развития революции. Борьба за мир и подписание мира с Германией 6 марта 1918 г. были одним из труднейших моментов в истории русской революции.

В октябре 1917 г. русская революция пережила невиданный период подъема. За победой в октябре следовал ряд успехов. Но когда ей пришлось столкнуться с таким серьезным врагом, как западный капитализм, наступил период тяжелых испытаний, пришлось подписывать унижительный мир. «Нам пришлось видеть в прямой стычке не такого врага, как Романов и как Керенский, которые не могут быть взяты всерьез, — нам пришлось встретиться с силами международной буржуазии во всем ее военно-империалистическом могуществе, стать лицом к лицу с мировыми хищниками. И понятно, что, ввиду запоздания помощи со стороны международного социалистического пролетариата, нам пришлось принять на себя столкновение с этими силами и понести тяжчайшее поражение»¹. Если бы революционное правительство дало бы увлечь себя революционной фразой, если бы оно вступило на путь продолжения войны, революция, несомненно, потерпела бы значительный ущерб, могла бы даже потерпеть поражение. Но партия сумела найти правильную линию. Учитывая создавшееся положение, Ленин указывал на то, что в настоящее время приходится при оценке положения исходить из интересов развития революции в России, так как пока это единственное место, где революция началась и дошла до победы. Надо укрепить ее и развить дальше. Крестьяне получили декрет о земле, но пока они еще не имели времени применить свободный (от помещика и от мучений войны) труд к полученной земле.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, 4 изд., стр. 150.

Необходимо было заключить мир «для передышки». Войска не было, оно совершенно разложилось и потому оказать сопротивление наступающим германцам было невозможно. Если бы Россия стала немедленно вести революционную войну, то это было бы выгодно Антанте и могло погубить революцию. Германцы, наступая, не встречали бы сопротивления и забирали бы все, что встречалось бы им по пути. Мир с ними все равно пришлось бы подписать, но мир пришлось бы подписать на еще более худших условиях и его подписало бы новое правительство, а не то, которое старалось бы организовать войну, упрямо не видя невозможности сделать это немедленно. Правда, при известных условиях мог бы наступить момент, когда вести такую войну было бы необходимо, другого выхода не было бы. Но тогда такого момента пока еще не было, можно было выбирать. Выход России из войны тогда имел, кроме того, еще и огромное агитационное значение.

Правильность намечавшейся Лениным тактики оправдалась последующим ходом событий. Разбирая впоследствии, несколько лет спустя, обстоятельства, при которых был заключен Брестский мир, и те результаты, к которым он привел, Ленин писал: «Партия, заключившая компромисс с германскими империалистами, который состоял в подписании Брестского мира, вырабатывала свой интернационализм на деле с конца 1914 года. Она не боялась провозгласить поражение царской монархии и клеймить «защиту отечества» в войне между двумя империалистическими хищниками. Депутаты-парламентарии этой партии пошли в Сибирь, вместо дорожки, ведущей к министерским портфелям в буржуазном правительстве. Революция, свергшая царизм и создавшая демократическую республику, дала новую и величайшую проверку этой партии: она не пошла ни на какие соглашения со «своими» империалистами, а подготовила свержение их и свергла их. Взяв политическую власть, эта партия не оставила камня на камне ни из помещичьей, ни из капиталистической собственности. Опубликовав и расторгнув тайные договоры империалистов, эта партия предложила мир *всем* народам и подчинилась насилию брестских хищников лишь после того,

как англо-французские империалисты мир сорвали, а большевиками было сделано все человечески возможное для ускорения революции в Германии и в иных странах. Полнейшая правильность такого компромисса, заключенного такой партией при такой обстановке, с каждым днем становится яснее и очевиднее для всех» («Детская болезнь «левизны» в коммунизме») ¹.

Другим трудным моментом в ходе русской революции был момент перехода к миру после окончания войны в конце 1920.— начале 1921 года. Надо было снова пересмотреть вопрос об отношениях между рабочим классом и крестьянством, этот основной вопрос нашей революции. «Мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической, — говорил Ленин в своей речи на X съезде РКП (б). — И чудом было, что такую войну выдержала разоренная страна, и это чудо не с небес свалилось, а оно выросло из экономических интересов рабочего класса и крестьянства, которые создали это чудо своим массовым подъемом... Но, в то же время, факт несомненный, и его не нужно скрывать в агитации и пропаганде, что мы зашли дальше, чем это теоретически и политически было необходимо» ². Отношения между рабочим классом и крестьянством, установившиеся на время гражданской войны, которая велась пролетариатом и крестьянством против буржуазно-помещичьей контрреволюции, дольше сохраняться в том же виде не могли. Разверстка в связи с неурожаем, бескормицей, падежом скота стала для крестьянства тяжела. Необходимо стало строить экономику Советской России, более применяясь к экономике средних крестьян, составляющих громадное большинство населения. Ленин в своих речах указывал на то, что необходимо дать известную свободу мелкому частному хозяину и доставить крестьянству нужные ему товары. Необходимо в известных пределах допустить свободу торговли, но только сделать это так, чтобы это не разрушало, а укрепляло политическую власть пролетариата.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, 4 изд., стр. 21—22.

² В. И. Ленин. Соч., т. 32, 4 изд., стр. 196—197

Разрешение такой задачи трудно, но, вообще говоря, возможно. «Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если организуем бедноту, т. е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос»¹.

Здесь нет места приводить блестящий марксистский анализ состояния общества Советской России в начале 1921 года и соотношения между классами, который давал Ленин в речи на X съезде РКП на заседании 15 марта 1921 года или в речи на съезде транспортных рабочих 27 марта того же года.

Ход событий выдвигал новые задачи хозяйственного строительства. Жизнь заставляла вкладывать конкретное содержание в общую формулу «диктатура пролетариата», она заставляла изыскивать те экономические формы, из которых должна была складываться экономика переходного периода.

Задача, разрешение которой ставилось на очередь жизнью, была очень трудна, положение противоречиво, но надо было исходить из того, что есть, надо было находить диалектический выход из противоречий, не закрывая на них глаза, а, наоборот, принимая в расчет все и находя правильную линию при данном положении. Если бы РКП упрямо продолжала проводить прямолинейную политику, идущую вразрез с интересами большинства крестьян, хотя и построенную, может быть, на основании стройных теорий, но оторванных от действительности, тогда неизбежен был бы крах власти такой партии.

В данном случае счастьем для революции явилось то обстоятельство, что наиболее революционная партия, представляющая действительно интересы рабочих и масс бедноты, руководилась марксистским методом и оказалась способною трезво учитывать действительность, не

увлекаясь революционной фразой, безжалостно отбрасывать все теории, пришедшие в несоответствие с фактами действительности.

Из теоретических завоеваний революционного марксизма необходимо отметить прежде всего выяснение вопроса о сущности государства — тут на первом плане стоит сочинение Ленина «Государство и революция» и другие его статьи, относящиеся к этому вопросу. Необходимо отметить далее блестящую кампанию против оппортунизма и каутскианства. Тут нужно указать такую работу как: «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Кроме того, важным теоретическим завоеванием марксизма является выяснение подробностей переходного периода. Тут прежде всего надо указать на упомянутое выше сочинение Ленина «Государство и революция» и ряд статей и речей его же за период революции.

Как крупное событие в области распространения теории революционного марксизма надо отметить выход в свет Собрания сочинений Ленина. В этом издании читатели получают чрезвычайно ценное собрание прекрасных примеров применения марксистского метода. Это Собрание сочинений имеет большое значение с чисто теоретической стороны. Кроме того, оно является незаменимым источником для всякого, кто занимается историей партии большевиков, партии, всегда остававшейся верной теории революционного марксизма.

Говоря о состоянии марксизма за последнее время, о его теоретических и практических завоеваниях, нельзя не отметить, что в стране, где власть принадлежит трудящимся, где партия, проникнутая духом революционного марксизма, является верховным руководителем государства трудящихся¹, в центре СССР возникли учреждения, о которых необходимо упомянуть в сорокалетнюю годовщину памяти Маркса.

1) *Институт Маркса и Энгельса* при ВЦИК является первым в мире ученым учреждением, в котором соби-

¹ Краткое изображение общего механизма пролетарской государственной власти в Советской России можно найти в брошюре Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (см. *В. И. Ленин. Соч.*, т. 31, 4 изд. стр. 1—97). (Прим. В. В. Адоратского).

раются все источники для научной разработки истории и теории марксизма. В кабинете Маркса и Энгельса имеется наиболее полное собрание их рукописей в подлинниках и в виде фотографических снимков. В институте положено начало собиранию библиотеки, в которую вошли, между прочим, частные собрания Маутнера и Грюнберга — редактора «Архива по истории социализма и рабочего движения», и которая обещает быть наиболее полной библиотекой по марксизму и по истории социализма.

2) *Социалистическая академия* — являющаяся учебным учреждением, объединяющим научные марксистские силы наряду с Институтом красной профессуры, готовящих образованных теоретиков-марксистов, соединяющих теоретическое образование с большим практическим опытом, накопленным за годы величайшей революции. Ряд кабинетов, как например, кабинет по истории, кабинет права, советского строительства и пр. собирают и систематизируют всю литературу по данному предмету и являются таким образом центрами, где исследователь-марксист сможет найти много ценного.

3) *Истпарт*. Комиссия историков-марксистов, изучающая историю Октябрьской революции и историю Коммунистической партии большевиков. Историческое исследование до сих пор всегда находилось в зависимости от эксплуататорских классов. Взавший в свои руки власть пролетариат впервые смог организовать ученое учреждение, в которое входят коммунисты-историки, свободные от буржуазных предрассудков.

4) Наконец, нельзя не упомянуть об Архиве Октябрьской (пролетарской) революции, в котором собираются материалы по истории классовой борьбы, эпохи войны и революции. Впервые в истории все исторические документы находятся в руках пролетариата, и изображение процесса революции может быть основано на подлинных документах, которых нельзя ни скрыть, ни фальсифицировать. Этот Архив, содержащий большое собрание таких материалов, как архив Сов. Нар. Комиссаров, ВЦИК, Временного правительства, контрреволюционных правительств Колчака, Деникина и пр., бога-

тый отдел печатных изданий за время революции, этот Архив представляет собой хранилище, доступное не буржуазным фальсификаторам, а историкам, близким пролетариату, связанному с ним неразрывной связью, историкам, которые сумеют правдиво изобразить сложную и длинную историю его борьбы за свое освобождение от гнета капиталистической эксплуатации, а вместе с тем и за освобождение всего человечества от узких рамок капитализма, сделавшихся тесными для развившихся в нем сил.

При возникновении революционного марксизма в сороковых годах XIX века всего лишь небольшая группа передовых рабочих и революционеров читала и понимала «Манифест». В 40-х годах рабочее движение существовало лишь в Англии и даже во Франции было лишь в зародыше, в ряде же стран его совсем не было. В настоящее время идеи коммунистического учения Маркса и Энгельса овладевают все большими и большими массами людей. Теперь нет страны, где не было бы организации, проникнутой духом революционного марксизма. Имеется обширное государство — СССР с рабочим правительством, руководимым Коммунистической партией. Партия в этой стране насчитывает сотни тысяч членов, находящихся под влиянием идей революционного марксизма, изучающих его. Не только среди членов партии, но и среди беспартийных рабочих существует сильное стремление изучать марксизм, о чем свидетельствуют возникающие в большом количестве марксистские кружки. Марксистская литература распространяется в сотнях тысяч экземпляров. Существует ряд научных учреждений и специальных учебных заведений разных ступеней, начиная с Института красной профессуры и Социалистической Академии и кончая районными школами, где изучается марксизм. Кроме того, преподавание марксизма сделано обязательным во всех высших учебных заведениях.

В 1874 г. Энгельс писал Зорге: «Но в старой форме он [Интернационал] себя пережил. Для того, чтобы был создан новый Интернационал наподобие старого, союз всех пролетарских партий всех стран, для этого было бы необходимо всеобщее подавление рабочего движения,

подобно 1849—1864 гг. Но для этого пролетарский мир стал теперь слишком велик, слишком обширен. Я думаю, что следующий Интернационал — после того как произведения Маркса в течение ряда лет будут оказывать свое влияние — будет чисто коммунистическим и провозгласит именно наши принципы»¹. Излишне говорить о том, насколько прав был Энгельс. Каковы бы ни были судьбы дальнейшей борьбы, нет в мире сил, которые могли бы вернуть пролетариат к прежнему состоянию и вычеркнуть из истории все те победы, которые он одержал в своей борьбе. Преследования современному пролетариату не страшны, он вырос в несокрушимую силу и окончательная победа его, какие бы трудности не предстояли впереди, неизбежна.

*«Памяти Карла Маркса.
К сорокалетию со дня его смерти.
14 марта 1883 — 14 марта 1923».*
М., 1923

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 291.

О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА

I

«Наша сила — полная ясность и трезвость учета *всех* наличных классовых величин, и русских и международных, а затем проистекающая отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы».

В. И. Ленин. «О продналоге». 1921¹

Изучая марксизм, необходимо отдать себе ясный отчет в том, что марксизм не догма, а руководство к действию². Это научная теория борьбы рабочего класса, возникшая и развивавшаяся в результате развития капитализма и классовой борьбы пролетариата. Эта теория черпает свое содержание из опыта этого движения. Точка зрения марксизма впервые дает возможность научного изучения истории человечества, истории, которая рассматривается как закономерный естественный процесс³. Марксизм подводит итоги опыта классовой борьбы на различных ступенях ее развития, изучает ее различные формы, соотношения этих форм и переходы из одной в другую. Теория марксизма неразрывно связана с практикой и нужна для практики. Без революционной теории невозможен успех революционного движения. Революционная теория наиболее полно и наиболее ясно объясняет строй общества, ход его развития, его направление и его будущее, основные силы движения и задачи революционного класса, которые он должен осуществить в силу своего положения. Для практики борющихся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариев всего мира теория необходима

¹ *В. И. Ленин.* Соч., т. 32, 4 изд., стр. 340.

² См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, 1953, стр. 396.

³ См. прекрасное популярное изложение сущности исторической теории Маркса в книге Ленина «Что такое «друзья народа»». (*Прим. В. В. Адоратского*). (См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, 4 изд., стр. 118—120, 121 и сл.).

потому, что она помогает им, говорит Ленин, «яснее сознать цели своей борьбы, тверже идти по наметившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и закреплять победу»¹. Успешное руководство борьбой невозможно без выработки правильного, ясного теоретического сознания.

Ошибки в области теории, отклонения от правильной линии революционной теории могут иметь самые роковые последствия, могут наносить борьбе рабочего класса серьезнейший вред. Вокруг таких идейных уклонений группируются враги пролетариата. Поэтому к теории надо относиться со всем вниманием и со всей серьезностью. Необходимо посвящать максимум сил выработке ясного теоретического понимания, твердо помня, что это трудное и ответственное дело имеет чрезвычайно важное значение для *практической борьбы*. Теоретический фронт имеет не меньшее значение, чем все остальные фронты, хотя, может быть, последствия побед и поражений на нем сказываются не так непосредственно и осязательно, как победы и поражения на военных фронтах.

Отличительные черты марксизма таковы. Во-первых, марксизм — это материализм. Марксист должен изучать тот диалектический процесс, который совершается в материальной действительности, изучать этот сложный процесс развития через борьбу противоположностей. Деятельность марксиста построена на подробном изучении этого процесса. При этом нельзя смешивать действительные отношения людей, действительный строй общества с отражениями этих отношений в сознании. «Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота (о революционной эпохе. — В. А.) по ее сознанию»². При этом, однако, это противопоставление сознания бытию не должно быть чрезмерным.

Марксист должен уметь понять общество в его действительном *движении и развитии*, помня, что история

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, 4 изд., стр. 456.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, 2 изд., стр. 7.

есть процесс, в котором нет ничего застывшего, все находится в непрерывном изменении. Этот процесс необходимо охватить во всей его *сложности*, учитывая *связь* явлений и *выдвигая главное* на первый план. Необходимо учитывать *соотношения* явлений, принимая в расчет в то же время *изменчивость* этих соотношений, определяя направление, в каком они меняются.

Самое основное в марксистском методе — это изучение *конкретной* действительности. Не может быть отвлеченных общих положений, которые можно заучить и затем спокойно всюду применять. Надо изучать подробно каждую конкретную обстановку для того, чтобы правильно судить о каждой отдельной подробности и обо всем обществе в целом. Необходимо отбрасывать то, что перестало соответствовать действительности. Нельзя допускать, чтобы застывшие лозунги мешали правильно понимать очередные задачи.

Наконец, существенная характерная черта теории марксизма — это ее неразрывная связь с революционной практикой, с революционной деятельностью. Мало изучать, надо *действовать*, проводить в жизнь то, что нужно пролетариату, выполнять его практические задачи, осуществлять то, что понято из опыта движения.

Характерные особенности марксизма, как руководства к действию, подчеркнуты Лениным в его известной работе «*Очередные задачи Советской власти*» в следующем образном сравнении:

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь *найти* в каждый особый момент то *особое* звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи»¹. (*Курс. В. В. Адоратского*).

Здесь обращается внимание на *недостаточность общих положений* и на необходимость *изучать подробно конкретные особенности* каждого момента, резко под-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, 4 изд., стр. 244.

черкнута *практическая сторона*, и указывается на сложность исторического процесса, который должен быть изучен, охвачен и понят, несмотря на все затруднения, какие представляются при таком сложном деле. Исторический процесс совершается независимо от того — хотят ли это или не хотят отдельные личности и целые слои общества, знают ли они об этом или не знают. Революционная теория поможет лучше осуществить всемирно-исторические задачи, поставленные историей перед современным пролетариатом.

Марксизму необходимо учиться на практике. Одно книжное изучение недостаточно. Надо стараться самостоятельно пользоваться методом Маркса. Пусть это трудно, пусть будут ошибки — надо учиться на этих собственных ошибках, другого способа обучения нет. Сочинения Маркса, Энгельса, Ленина служат образцами, примерами того, как надо владеть этим методом, чего можно с помощью его достичь. Но все же применять его надо научиться самостоятельно, стараясь охватить и овладеть всем сложным материалом конкретной действительности.

Перед октябрём 1917 г. новожизненцы предрекали, что большевики не удержат власти, ибо «обстановка исключительно сложная»... Возражая на это, Ленин писал: «О мудрецы! Они готовы, пожалуй, помириться с революцией — только без «исключительно сложной обстановки».

Таких революций не бывает, и ничего кроме реакционных lamentаций буржуазного интеллигента нет в воздыханиях по такой революции. Если даже революция началась при обстановке, которая кажется не очень сложной, то сама революция в своем развитии *всегда* создает *исключительно* сложную обстановку. Ибо революция, настоящая, глубокая, «народная», по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождение нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей. Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революция в истории не обходилась без гражданской войны. А думать, что гражданская война

мыслима без «исключительно сложной обстановки», могут только человеки в футляре»¹. В этой сложной обстановке надо разбираться. Для этого надо иметь свою голову на плечах и усвоить тот опыт и ту науку, которую дали пролетариату Маркс и Ленин.

II

«Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы».

В. И. Ленин. «Три источника и три составных части марксизма». 1913 г.²

Выше было указано на то, что марксизм — это материализм. Маркс увидел (в этом и состоит его открытие в области понимания истории), что правовые отношения, формы государства и все вообще идеологические отношения людей (т. е. такие отношения, которые прежде, чем сложиться, должны пройти через сознание) не могут быть поняты и объяснены ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, но что они коренятся в материальных условиях существования общества. Строение человеческого общества можно понять, изучая *экономический* строй данного общества.

Поверхностному взгляду кажется, что определяющей, главной силой в обществе является государство. По-видимому, политическая деятельность высшей власти в обществе определяет весь ход общественного процесса. Но более глубокое изучение и более внимательное рассмотрение показывает, что политическая власть обусловлена экономическими отношениями. Оказывая значительное влияние на ход общественной жизни, политическая власть, в свою очередь, определена и обусловлена, и политическая борьба является формой, в которой происходит борьба за материальные, экономические интересы классов. «*Существование классов* связано лишь с

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, 4 изд., стр. 93—94.

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, 4 изд., стр. 8.

*определенными историческими фазами развития производства»*¹. Изучая общество, нельзя оставаться на поверхности явлений, надо идти глубже.

«Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе»².

Маркс в своей книге «18 брюмера Луи Бонапарта» писал: «Если орлеанисты, легитимисты, каждая фракция старалась уверить себя и других, что их разделяет привязанность к двум различным династиям, то факты впоследствии доказали, что, наоборот, противоположность их интересов делала невозможным слияние двух династий»³.

Вот один из многочисленных примеров, как надо вскрывать действительное содержание, не сразу обнаруживающееся за видимостью явлений. Династия Орлеанов в 30—40-х гг. служила политическим лозунгом, объединявшим крупную финансовую аристократию. Вокруг же династии Бурбонов группировалась землевладельческая аристократия. Центр тяжести находился в противоречиях между материальными интересами этих двух общественных групп. Эти противоречия мешали объединению этих двух ветвей королевского дома. Но чтобы понять это, надо было проникнуть несколько глубже первого поверхностного впечатления, которое дает бросающаяся в глаза политическая борьба. По-видимому, борьба идет за политические теории и принципы, из-за симпатий к той или иной династии. На деле подкладка иная.

Изучая строй общества, не нужно смешивать общественное бытие и общественное сознание. Это не одно и то же. Одно дело общественные отношения как они существуют в действительности, другое дело, как строй этих отношений отражается в сознании членов данного общества.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 63.

² В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 193—194.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, 2 изд., стр. 145.

«Общественное бытие и общественное сознание не тождественны, — совершенно точно так же, как не тождественно бытие вообще и сознание вообще. Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена. Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса»¹.

Страницей ниже Ленин в той же книге говорит о соотношении между общественным сознанием и общественным бытием следующее:

«Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим *общественное бытие*. Сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты *законы* этих изменений, показана в главном и в основном *объективная* логика этих изменений и их исторического развития, — объективная не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ... а в том смысле, что общественное бытие *независимо* от *общественного сознания* людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно-необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного*

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, 4 изд., стр. 309.

сознания, не охватываемая им полностью никогда. Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к ней свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран»¹.

Овладев своим общественным производством, подчинив его сознательному контролю и руководству, человечество овладеет, наконец, теми слепыми и враждебными общественными силами (своими же собственными силами), которые до сих пор действовали разрушительно, например, в империалистической войне. Но это будет возможно, когда будет изменено общественное бытие, когда производительные силы общества будут так развиты, что отпадет необходимость разделения труда, исчезнут классы и производство будет организовано коммунистически на основе гигантского развития производительных сил.

Собственно говоря, открытие Маркса и состояло в том, что он сумел под пестрой и запутанной внешностью общественных отношений современного общества уловить и понять в основных чертах действительное содержание общественной борьбы, направление общественного развития и неизбежный исход борьбы классов в капиталистическом обществе. Маркс уже в 1845 году понял, что: «1) экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории; что 2) в соответствии с этим (со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития, и что теперь 3) эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, 4 изд., стр. 310—311.

общества *навсегда* от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы»...¹

На основании внимательного изучения действительных общественных отношений, как они есть при капитализме, у Маркса сложилось непреклонное убеждение в революционной миссии пролетариата, и на этом прочном фундаменте познания того, что есть, основывалась его тактика. Он был готов всегда беззаветно «поддерживать всякое революционное движение широких масс, обострять борьбу и доводить ее до конца»², раз налицо была революционная ситуация, но он умел и отступить, используя для революционной деятельности всякую обстановку.

Зимой 1844—1845 гг. Маркс писал в «Святом семействе» о пролетариате:

«Он (пролетариат. — В. А.) не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу *труда*. Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, согласно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предугадываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»³.

Здесь мы видим уже чисто материалистический подход к изучению общества. Главное внимание надо обращать на то, что представляют из себя на самом деле все общество в целом и отдельные его классы. Из изучения этого и надо исходить, это и надо класть в основу.

Одним из наиболее совершенных образцов изучения общественного развития является «Капитал» Маркса. Русский рецензент первого тома «Капитала» в майской

¹ Ф. Энгельс. Предисловие к немецкому изданию «Коммунистического манифеста» 28 июня 1883 г. (Курсив везде мой. — В. А.). С 1845 г. Марксу удалось, наконец, найти правильную материалистическую точку зрения на общество и освободиться окончательно от всяких следов идеализма. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, 1955, стр. 4).

² В. И. Ленин. Соч., т. 15, 4 изд., стр. 35.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, 2 изд., стр. 40.

книжке «Вестника Европы» за 1872 г. так охарактеризовал метод Маркса (Маркс сам эту характеристику признал правильной):

«Маркс заботится только об одном: чтобы *точным научным исследованием доказать необходимость определенных порядков общественных отношений* и чтобы возможно безупречнее констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и опорой. Для него совершенно достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход от первого, все равно, думают ли об этом или не думают, сознают ли это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения... Если сознательный элемент в истории культуры играет такую подчиненную роль, то понятно, что критика, имеющая своим предметом самую культуру, всего менее может иметь своим основанием какую-нибудь форму или какой-либо результат сознания. Т. е. *не идея, а внешнее явление одно только может ей служить исходным пунктом*. Критика будет заключаться *в сравнении, сопоставлении и сличении факта не с идеей, а с другим фактом*. (Курсив мой. — В. А.) Для нее важно только, чтобы оба факта были возможно точнее исследованы и действительно представляли собою различные степени развития, да, сверх того, важно, чтобы не менее точно были исследованы порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития»...¹

Факты нищеты пролетариата, наемной каторги и выжимания сверхстоимости из рабочих капиталистами Маркс сопоставил не с идеей лучшего, более справедливого строя, а с фактами же все растущего возмущения и протеста пролетариата, с фактами развития его борьбы. Маркс показал, что пролетариат, созданный крупной

¹ Выписка из рецензии приведена в послесловии Маркса ко 2-му изданию I т. «Капитала» (прим. В. В. Адоратского). (См. К. Маркс. «Капитал», 1955, стр. 17—18).

промышленностью, подготавливается самой жизнью к роли *вождя* всех угнетенных в их борьбе против капитала, что пролетариат — это могильщик буржуазии. При *диктатуре пролетариата* совершится переход к коммунизму. Только таким образом возможно будет дальнейшее развитие производительных сил общества, которым тесно в рамках буржуазного строя, основанного на частной собственности.

Таким образом, Маркс открыл историческую роль пролетариата. Но, сделав свое открытие, Маркс установил лишь общее направление развития. Для того чтобы овладеть движением рабочего класса, этого было мало. Надо было стараться примкнуть к рабочему движению в том виде, как оно в действительности существует, и завоевать его в пользу идей революционного марксизма, доказав рабочим массам на практике правильность этих идей, показав, что только таков может быть путь освобождения рабочего класса от капиталистического рабства.

Неумение исходить из изучения материальной действительности, из изучения действительного общества, как оно есть, дает в результате идеалистическую и утопическую точку зрения. Человек, на словах признающий правильность материалистической точки зрения, но не умеющий применить ее в своем изучении, — скатывается к идеализму.

К идеалистической точке зрения скатывались, например, Шаппер и Виллих, руководители «левого» меньшинства в Союзе коммунистов в 1850 году. Маркс писал об этом в послесловии ко 2-му изданию «Кёльнского процесса коммунистов» в 1875 году:

«Насильственное подавление революции оставляет в головах ее участников, в особенности выброшенных с отечественной арены в изгнание, такое потрясение, которое даже сильных людей делает на более или менее продолжительное время, так сказать, невменяемыми. Они не могут дать себе отчета в ходе истории, они не хотят понять, что форма движения изменилась. Отсюда игра в тайные заговоры и революции, одинаково компрометирующая как их самих, так и то дело, которому они служат»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1 изд., стр. 201—202.

Полемизируя с «левыми» в 1850 г., Маркс писал: «На место критического воззрения меньшинство ставит догматическое, на место материалистического — идеалистическое. Вместо действительных отношений меньшинство сделало движущей силой революции *одну лишь волю*. Между тем как мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству, вы говорите наоборот: «Мы должны тотчас достигнуть власти, или же мы можем лечь спать». В то время как мы специально указываем немецким рабочим на неразвитость немецкого пролетариата, вы самым грубым образом льстите национальному чувству и сословному предрассудку немецких ремесленников, что, разумеется, популярнее. Подобно тому как демократы превращают слово *народ* в святыню, вы проделываете это со словом *пролетариат*. Подобно демократам, вы подменяете революционное развитие фразой о революции» и т. д. и т. д.»¹

Как на один из примеров подмены материализма идеализмом у такого выдающегося знатока марксизма и материалиста, каким был Плеханов, можно указать на его статью в «Призыве» № 3; в 1915 г. Ленин в своей статье «О двух линиях революции»² подробно разбирает взгляды, развитые там Плехановым. На этих примерах ясно видно, в чем ошибка идеалистического объяснения исторических событий и всех объяснений, скатывающихся к идеалистической точке зрения. Ошибка в том, что *причин исторических событий и объяснений идеалисты ищут в понятиях, тогда как надо их искать в фактах материальной действительности*.

Указывая на необходимость подробного изучения материальной действительности, Маркс предостерегал от того, чтобы результаты такого изучения переносить на другие общественные явления и некритически, в виде шаблона, применять их ко всяким, хотя бы даже и сход-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, 2 изд., стр. 431.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 378—383.

ным общественным явлениям. Маркс неоднократно повторял, что только в результате внимательного изучения именно данного процесса в целом, во всех подробностях, во всей его сложности, можно составить правильное теоретическое понимание данного явления, которое всегда имеет свои индивидуальные особенности. В своем замечательном письме в редакцию журнала «Отечественные записки» в 1877 г. Маркс писал, что в «Капитале», в главе «О первоначальном накоплении» он имел намерение «обрисовать тот путь, которым в Западной Европе капиталистический экономический строй вышел из недр феодального экономического строя»¹. Этот процесс происходит в разных странах по-разному, и дальше в том же письме Маркс указывает на то, что процесс пролетаризации, разорения мелкого крестьянства в древнем Риме, процесс, очень похожий на процесс пролетаризации в новое время, привел совсем к иным результатам, благодаря разнице исторических условий, и, главным образом, благодаря различному уровню развития производительных сил.

Можно, изучая различные процессы, сравнивать их между собой и таким путем находить ключ к уразумению явлений, «но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности»², т. е. с помощью ее ничего объяснить и понять нельзя.

III

..Диалектический метод — обязывающий смотреть на общество, как на живой организм в его функционировании и развитии.

В. И. Ленин. «Что такое «друзья народа»». 1894 г.³

Мы указали выше, что марксизм изучает все общественные явления в их *развитии*. Один из блестящих образцов такого подхода к изучению мы имеем в «Ка-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 314.

² Там же, стр. 316.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 148.

питале» Маркса. Для буржуазных экономистов, привыкших мыслить по законам одной лишь формальной логики, — капитал — это средства производства. Буржуазные экономисты полагали, что это свойство средств производства быть капиталом присуще им неизменно, при каких бы условиях они ни существовали. У дикаря орудие производства — его удочка, следовательно, удочка дикаря — это его капитал.

Маркс обнаружил, что сущность капитализма не в свойстве вещей, а в *тех общественных отношениях*, в которые люди становятся друг к другу. Сущность капитализма в том, что в обществе есть масса людей, вынужденных продавать свою рабочую силу собственнику средств производства, только это превращает средства производства в капитал.

Отношения наемного рабства существовали далеко не всегда. Они возникли и неизбежно должны исчезнуть.

Каждое экономическое явление Маркс изучает с исторической точки зрения, и в результате подробного, детального исследования получается картина развития, роста и неизбежно наступающей гибели капиталистического строя. Итог подробному изучению массы фактического материала Маркс подводит в главе 24 первого тома «Капитала», в отделе, который он озаглавил: «Историческая тенденция капиталистического накопления». Здесь вкратце изображается «порядок, последовательность и связь звеньев исторической цепи». Этот небольшой очерк, дающий на трех страницах сводку предыдущего огромного труда по изучению фактов, превосходно изображает действительную диалектику общественного процесса. Вот основные звенья этого процесса.

1) При капитализме рабочий не имеет собственных средств производства, они принадлежат капиталисту. *Но до капитализма существовал общественный строй, когда средства производства находились в частной собственности самого производителя.* Такой строй был необходимым звеном в цепи экономического развития. «Частная собственность работника на средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индиви-

дуальности самого работника. Правда, этот способ производства встречается и при рабском, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает полного расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз»¹.

Этот способ мелкого индивидуального производства на рынок *дает значительный толчок развитию техники*. В рамках его создаются основы для более совершенного, уже не мелкого и раздробленного, а для крупного общественного производства.

2) «На известном уровне развития он (этот способ мелкого производства. — В. А.) сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и распыленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, — эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала»². В особой главе Маркс подробно изложил результаты своего изучения этого процесса, как он совершался в Англии. В других странах этот процесс происходил с некоторыми иными особенностями, но общий смысл его был один и тот же: *экспроприация мелких производителей* и постепенная замена мелкого производства крупным общественным производством под командой класса собственников средств производства — капиталистов, выколачивающих

¹ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 764—765.

² Там же, стр. 765.

из своих предприятий прибыль, сосущих из наемных рабочих прибавочную стоимость.

3) Когда этот процесс перехода от мелкого производства к крупному успел уже довольно разложить старое общество, когда крупное производство создалось, хотя наряду с ним еще продолжают существовать и мелкие производители, но попадающие целиком в зависимость к крупному капиталу, когда, как выражается Маркс, «капиталистический способ производства становится на собственные ноги»¹, тогда образовалась новая общественная формация, и мы имеем дело с новым звеном в цепи экономического развития. «Дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих»².

Маркс кратко резюмирует результаты исследования условий существования и законов уже сложившегося капиталистического строя и показывает, как в результате конкуренции один более крупный капиталист пожирает многих мелких, и, таким образом, силой внутренних законов капиталистического строя совершается процесс экспроприации части класса самих экспроприаторов — капиталистов. Внутренние процессы, присущие капитализму, заменяют постепенно конкуренцию капиталов монополией крупного капитала, и все больше и больше растет несоответствие между крупным общественным производством, теми гигантскими производственными силами, которые оно создает, и частной собственностью на них, собственностью относительно небольшой кучки корыстных и жадных капиталистов, пользующихся этими гигантскими силами не в интересах трудящихся, а в интересах выколачивания прибыли, причем войны, порождаемые столкновением частных

¹ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 765.

² Там же, стр. 766.

интересов отдельных капиталистических клик, приводят к гибели массы людей, приводят к гигантским разрушениям производительных сил и культурных ценностей. Точно также громадные опустошения производят кризисы, неизбежно свойственные капитализму.

4) «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют... Отрицание капиталистического производства производится им самим с необходимостью естественно-исторического процесса»¹. Эта последняя часть изложения Маркса захватывает уже непосредственно настоящее, современное движение. В ней изображается в общих чертах тот процесс, который происходит на наших глазах и участниками которого являемся мы сами. Участие в этом историческом процессе требует не только внимательного и подробного изучения всех его форм и проявлений, охвата его во всей его сложности, но требует и активной борьбы против буржуазии за диктатуру пролетариата, применяясь к данным конкретным условиям.

IV

«Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления».

В. И. Ленин. «Еще раз о профсоюзах»².

Умение охватить процесс *в целом* и во всей его *сложности*, умение правильно понять *связь явлений* в целом и *выдвинуть на первый план* самое *важное*, на что необходимо обратить главное внимание, это умение очень

¹ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 766.

² В. И. Ленин. Соч., т. 32, 4 изд., стр. 72.

характерно для Маркса и для Ленина. В каждый данный момент нужно ухватить именно то «звено цепи», которое является в этот момент наиболее важным, не упуская из вида всей обстановки в целом, *прошлого и будущего*, правильно учитывая, что к чему, по удачному выражению Ленина¹. При этом не следует забывать, что все грани подвижны и условны. Каждое явление может перейти в свою противоположность. Установленное для данной обстановки правильное положение может благодаря изменению обстановки превратиться в неправильное. Война национальная может превратиться в империалистическую и обратно, как это было, например, с войнами Великой французской революции или с франко-прусской войной 1870—1871 гг. Со стороны Германии эта последняя война носила сначала характер национальной войны за единство против раздробления Германии. После же 4-го сентября 1870 г.² война со стороны Германии приняла характер чисто завоевательный, империалистический. Всегда будучи материалистом-диалектиком, Маркс умел не упускать из виду *общего*, обращая должное внимание на *частности* и детали, как раз настолько, насколько этого требовали обстоятельства. Еще в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс писали: «Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они *выделяют и отстаивают* общие, не зависящие от национальности *интересы* всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями *интересов движения* в целом»³. (Курс. В. В. Адоратского.) «Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они *отстаивают и будущность движения*»⁴. (Курс.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 27, 4 изд., стр. 244.

² 1 сентября — разгром главных сил французов при Седане. 2 сентября — взятие в плен французской армии (около 80 000 чел.) вместе с Наполеоном III при Седане. 4 сентября — провозглашение в Париже республики. (Прим. В. В. Адоратского).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 437

⁴ Там же, стр. 458.

В. В. Адоратского.) В противоположность этому так называемое метафизическое мышление представляет вещи и явления неподвижными и разобщенными, тогда как на деле этого нет; существует связь всех явлений, и все грани, разделяющие явления, подвижны и условны.

Взять, например, классы. В современном обществе основное противоречие проявляется в двух противоположных классах: буржуазии и пролетариате. Интересы этих классов диаметрально противоположны. Каждая копейка, выжатая из рабочих при господстве капиталистов, увеличивает барыши буржуазии. Улучшение материального положения пролетариата — это прямой ущерб прибылям буржуазии. Улучшение это может быть вырвано только путем ожесточенной борьбы, причем эта борьба ни на минуту не должна ослабевать. Разница между буржуа и рабочим ясна. Но между этими двумя классами существует промежуточный слой — мелкая буржуазия. Пролетариат состоит из разных слоев, в которых в разных степенях выражены типичные черты пролетариата. Пролетариат происходит из мелкой буржуазии. Ряд его слоев тесно примыкает к мелкой буржуазии и пропитан еще ее предрассудками, ее взглядами. Эти слои пролетариата все еще не порвали со своим прошлым. Возможны превращения и переходы. Мелкий хозяйчик разоряется и превращается в пролетария, но бывают случаи и обратного перехода — от найма к самостоятельному мелкому хозяйству, а потом опять разорение. Мелкая буржуазия, находящаяся между буржуазией и пролетариатом, представляет собой живое противоречие.

Одним из множества примеров разницы между диалектическим методом, изучающим все подробности действительного процесса, и абстрактной метафизикой, видящей лишь исключают друг друга противоположности, — можно привести два разных разрешения вопроса о соотношении между революцией буржуазной и пролетарской, о разнице между ними и о характере нашей революции.

У Ленина на первом плане стояло изучение конкретной действительности, как она есть. Меньшевики же в

1905 г. и позднее больше занимались *доктринерскими рассуждениями* о буржуазном характере нашей революции и о том, что пролетариат должен поддерживать либеральную буржуазию.

Сложная обстановка, как она складывалась в действительности, выдвигала задачи и буржуазной и пролетарской революции. Еще в 1901 г. Ленин указывал, что двойного рода классовые противоположности совмещаются в русской деревне: «во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая — постепенно ослабевает. Первая — вся еще в будущем, вторая — в значительной степени уже в прошлом». И все же, добавлял Ленин, *именно вторая* «имеет [в 1901 г. — В. А.] наиболее существенное и наиболее практически важное значение»¹. В результате подробного анализа конкретной обстановки в 1905 г. Ленин указывал на последовательность тех задач, которые стояли перед пролетариатом: *«Пролетариат, — писал он, — должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»*². Одна революция следует за другой, она может и будет переходить в другую. Как это будет происходить, будет зависеть от обстоятельств, от всей международной обстановки, от того, как пойдет и сложится борьба, и от того, в какой исторический момент эта революция будет происходить. Революция буржуазная, но главная сила и руководитель ее — пролетариат, который больше, чем буржуазия, заинтересован в том, чтобы эта революция доведена была до конца³. Такой

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, 4 изд., стр. 397.

² В. И. Ленин. Соч., т. 9, 4 изд., стр. 81.

³ Там же, стр. 34—36.

диалектический подход совершенно не давался меньшевикам, что происходило, конечно, не в силу недостатков их умственных способностей. В этой неспособности их взглянуть на ход вещей с точки зрения передового пролетариата сказывалась их мелкобуржуазная классовая основа.

Оценивая результаты Октябрьской революции в ее четырехлетнюю годовщину, Ленин подвел итог практическому опыту четырех лет, что подтвердило вполне прежние теоретические построения. Буржуазно-демократическая революция перерастает в пролетарско-социалистическую. «Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удастся второй перерастить первую.

Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую. Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с *буржуазным* демократизмом и возникновение *нового*, всемирно-исторического, типа демократии, именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата»¹. Вот как решил этот теоретический спор действительный процесс истории.

V

«Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития — значит покидать совершенно почву марксизма».

В. И. Ленин. «Партизанская война». 1906 г.²

Известное положение о конкретности истины (нет абстрактной, отвлеченной истины — истина конкретна) является важнейшей характерной чертой диалектиче-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, 4 изд., стр. 32.

² В. И. Ленин. Соч., т. 11, 4 изд., стр. 187.

ского метода, изучающего прежде всего конкретную действительность во всей ее сложности.

Отражение сложной, вечно меняющейся объективной материальной действительности в сознании должно приспособляться к этим изменениям. Истина достигается в процессе познания. То, что добыто исследованием и применимо к определенным обстоятельствам, не может оставаться неизменной, абсолютной истиной на все времена, для всех случаев. Ленин удачно отметил эту черту диалектического метода, говоря о задачах науки в своей ранней (1894 г.) работе: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», указав на то, что задача науки давать в результате подробного изучения правильные лозунги¹. При этом лозунги необходимо уметь вовремя заменять новыми, когда этого требуют изменившиеся обстоятельства.

В качестве одного из примеров можно привести здесь спор о том, какой лозунг надо было выдвигать в Германии в 1914—1915 гг. Этому вопросу посвящена была брошюра Юниуса (псевдоним Розы Люксембург). Заслугой и достоинством этой брошюры было то, что автор выступил решительно против империалистической войны, беспощадно критиковал и разоблачал социал-патриотизм немецких социал-демократов. Ошибкой брошюры Юниуса было недостаточно ясное понимание всей конкретной обстановки и отсюда неправильное определение задач, стоящих перед рабочей партией, неправильное определение лозунга борьбы. В брошюре говорилось, что лучшим средством защиты от нашествия является классовая борьба. Ленин в своей статье «О брошюре Юниуса» указал на *недостаточность* такого ответа. Он недостаточен потому, что слишком общ. «Это верно и по отношению к буржуазии, свергающей феодализм, и по отношению к пролетариату, свергающему буржуазию. Именно потому, что это верно по отношению ко *всякому* классовому угнетению, это *слишком вообще* и потому *недостаточно* по отношению к данному *особому* случаю». Ленин указывал, что «марксова диалектика требует *конкретного анализа каждой особой исторической ситуа-*

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 309.

ции»¹. (*Курс. В. В. Адоратского.*) Учитывая конкретную обстановку 1915—1916 гг., Ленин указывал, что только один вид классовой борьбы — гражданская война пролетариата против буржуазии — может в настоящее время избавить всю Европу (а не одну только страну) от империалистической войны.

В своей брошюре Р. Люксембург выставляла лозунг *единой великой немецкой республики*. Она писала, что германская социал-демократия должна в 1914—1915 гг. «противопоставить империалистической программе войны, — программе, направленной к сохранению Австрии и Турции, т. е. к сохранению реакции в Европе и в Германии, — старую истинно национальную программу патриотов и демократов 1848-го года, программу Маркса, Энгельса и Лассаля»² — именно лозунг единой немецкой республики. Ленин в своей статье указал совершенно правильно, что ««велико-германская республика», если бы она существовала в 1914—1916 гг., вела бы *такую же империалистическую войну*»³. Теперь от войны избавить может только социалистическая революция. Ленин в своей статье дал подробный анализ современного положения и разъяснил дело следующим образом: «Империалистической войне он (Юниус. — В. А.) предлагает «противопоставить» национальную программу. Передовому классу он предлагает повернуться лицом к прошлому, а не к будущему! В 1793 и 1848 гг... стояла на очереди *буржуазно-демократическая революция*. Этому *объективному* историческому положению вещей соответствовала «истинно-национальная», т. е. национально-буржуазная программа тогдашней демократии, которую в 1793 г. осуществили наиболее революционные элементы буржуазии и плебейства, а в 1848 г. провозглашал от имени всей передовой демократии Маркс. Феодално-династическим войнам противопоставлялись тогда, *объективно*, революционно-демократические войны, национально-освободительные войны. Таково было содержание исторических задач эпохи.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, 4 изд., стр. 303.

² Там же, стр. 301.

³ Там же, стр. 303.

Теперь для передовых, крупнейших государств Европы *объективное* положение иное. Развитие вперед — если не иметь в виду возможных, временных, шагов назад — осуществимо лишь к *социалистическому* обществу, к *социалистической революции*. Империалистски-буржуазной войне, войне высоко развитого капитализма *объективно* может противостоять, с точки зрения развития вперед, с точки зрения передового класса, только война *против* буржуазии, т. е. прежде всего гражданская война пролетариата с буржуазией за власть, война, без которой серьезного движения вперед быть *не может*, а затем — лишь при известных, особых, условиях, возможная война в защиту социалистического государства против буржуазных государств»¹.

Что именно таково было положение в 1915—1916 гг. и что именно такая конкретная истина соответствовала данной определенной обстановке, в этом теперь не может быть никаких сомнений. На первом плане стояли уже не буржуазно-демократические задачи, недоделанные прошлыми революциями, на очереди стояла борьба пролетариата за власть против империалистической буржуазии. Лозунг, верный в 40-х годах, перестал отвечать объективной обстановке, которая изменилась.

Учет обстановки и соответственное изменение лозунгов, перестройка тактики и всего стратегического плана — в этом и состоит работа теоретика-вождя, работа всякого сознательного и мыслящего коммуниста. «Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться. В том-то и состоит, между прочим, значение партийной организации и партийных вождей, заслуживающих этого звания, чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое — кроме знания и опыта — политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, 4 изд., стр. 302.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, 4 изд., стр. 50.

VI

«Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма... равно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой... самую отвратительную черту старого буржуазного общества».

В. И. Ленин. «Задачи союза молодежи». 1920 г.¹

В заключение необходимо отметить еще одну чрезвычайно важную сторону марксизма — это его практическую сторону. В приведенном в начале образном сравнении Ленин указал и на эту сторону, говоря, что надо за «звено цепи» *«ухватиться»*, для того чтобы всю цепь *«удержать»* и *«подготовить»* переход к новому звену. Вот эта активность, требующая действия, осуществления того, чего требуют интересы класса, является характернейшей чертой революционного марксизма².

Все учение Маркса проникнуто стремлением к действию, к активной борьбе, к осуществлению на практике задач и целей пролетариата. Особенно ясно это видно в таких отделах учения марксизма, как учение о классовой борьбе, о диктатуре пролетариата, о тактических задачах коммунистической партии. Жизнь требует от революционного класса максимума активности. Революционный марксизм — большевизм как раз и отличался от хвостизма «экономистов» и меньшевиков революционной активностью, и благодаря тому, что революционные марксисты — большевики — умели не только теоретически признавать эту сторону марксизма, но и быть активными на деле, благодаря этому выполнен был ряд гигантских задач, выдвинутых первой в мире социалистической революцией.

В цитированной уже выше статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» Ленин писал, что много есть за границей охотников «спорить» о том, что выйдет «в конце концов» из нашей революции. «Мы не охотники сейчас терять время на эти споры, ибо мы борьбой решаем этот спор и всю массу зависящих от

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, 4 изд., стр. 260.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 27, 4 изд., стр. 244.

него споров. Но нельзя спорить против факта, что мелкобуржуазные демократы восемь месяцев «соглашались» с помещиками, хранящими традиции крепостничества, а мы в несколько недель и этих помещиков и все их традиции смели с лица земли русской до конца»¹.

Революционные марксисты должны не только изучать историю и политику, являться пропагандистами и агитаторами, они должны организовать и руководить стихийно возникающей и растущей борьбой рабочего класса. Они должны быть наиболее передовой, деятельной, энергичной частью этого класса. Для того чтобы выполнить эту свою роль, они должны идти во все слои населения, охватить всю сложную обстановку общественной борьбы, учесть все силы и использовать всякий малейший раскол в рядах противников, использовать всякого, хотя бы и временного союзника. Надо основательно изучить врага и по отношению к каждому из слоев общества применить как раз ту тактику, которая наиболее целесообразна. В Октябрьскую революцию помещиков и крупную финансовую и промышленную буржуазию *экспроприировали*, но уже по отношению к кулакам способ действия был иной — их не экспроприировали, но лишь *подавляли их контрреволюционные выступления*. С теми же слоями, которые в силу хода вещей могли колебаться, возможны были соглашения. При этом передовой отряд пролетариата и тут должен быть активным. Если часть общественных групп начинает выражать сочувствие пролетарской революции, то мало того, что такой поворот надо приветствовать, — «политик, — писал Ленин в ноябре 1918 г., — сознающий свои задачи, должен научиться *вызывать* этот поворот в отдельных слоях и группах широкой мелкобуржуазной демократической массы, если он убедился, что для такого поворота имеются серьезные и глубокие исторические причины»². Причем надо быть и в этом случае наиболее деятельным, искать новых путей, не ограничиваться только одними уже приобретенными навыками. «Разумеется, соглашение с средним крестьянином, с вче-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, 4 изд., стр. 31.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, 4 изд., стр. 170—171.

рашним меньшевиком из рабочих, с вчерашним саботажником из служащих или из интеллигенции требует умения, как и всякое политическое действие в сложной и бурно изменяющейся обстановке. Все дело в том, чтобы не довольствоваться тем умением, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти *непрерывно дальше*, добиваться *непрерывно большего*, переходить непрерывно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве»¹.

Вот один из множества примеров той революционной активности, которая составляет живую душу марксизма.

Давая в заключение краткую характеристику марксистской теории и метода, можно сказать, что марксизм — это есть подытожение опыта, его теоретическое объяснение и подробное изучение конкретной действительности для ее революционного преобразования.

«Спутник коммуниста»
№ 6, 1924

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, 4 изд., стр. 172.

МАРКСИСТСКАЯ ДИАЛЕКТИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕНИНА

Н. Ленин (В. Ульянов). Собрание сочинений, т. XIV, ч. I-я.
От Февральской революции до июльских дней. 317 стр.,
ч. 2-я. От июльских дней до Октябрьской революции. 536 стр.
Государственное издательство, 1921 г.¹

Сочинения Ленина следует оценивать с трех сторон. Это, во-первых, образцы марксистского анализа и применения метода диалектического материализма. С этой стороны Ленин является *теоретиком-марксистом*.

Во-вторых, освещая и объясняя происходящую классовую борьбу, те исторические процессы, которые совершаются в обществе, Ленин является *историком*, так как он, как марксист, все время старается научно объяснить факты, лежащие в основе его политики. А это и есть та задача, которую ставит себе историк.

Наконец, в-третьих, Ленин является *политиком*, и его сочинения представляют собой громадное собрание материалов для изучения особой школы политики — политики революционного марксизма.

Преимущество Ленина и как историка, и как политика заключается в том, что он владеет оружием марксистской диалектики. Он не сидел специально в архивах, но он более правильно понимает исторические события и умеет объяснить исторический процесс правильнее, чем это могут сделать буржуазные историки, потому что ему помогает материалистическая точка зрения, которой лишены буржуазные историки-специалисты, усвоить ее им мешает их классовая идеология.

Как политик, Ленин имеет то же преимущество. Благодаря марксистскому методу, он неизмеримо правильнее может оценивать политическое положение, чем это

¹ См. В. И. Ленин. Соч., 4 изд., тт. 23, 24, 25 и 26.

доступно его противникам — буржуазным политикам. Сильная сторона Ленина, как политика, в том, что он является представителем класса, перед которым будущее. Буржуазные политики представляют класс, безвозвратно осужденный на гибель, и предрассудки этого класса мешают им видеть действительное политическое положение таким, каково оно есть на самом деле.

Ввиду того что и в истории, и в политике основным и решающим является его точка зрения, его метод, мы и рассмотрим, в чем же состоит тот метод, который впервые позволил сделать из истории действительную науку.

Основными правилами этого метода являются следующие:

1. Мышление определяется бытием. Это значит, что одно дело — действительные отношения людей, существующие фактически в материальной действительности, другое дело — сознание о них. Это сознание не является первоначальным, но обусловлено, определяется действительно существующим строем общества и всеми материальными условиями, в которых люди живут. Надо уметь изучать именно действительные общественные отношения, как они существуют на самом деле, не смешивая их с тем, что люди о них думают, с представлениями людей.

Тот факт, что это две вещи разные, очевиден хотя бы из того, что в истории мы на каждом шагу видим, как общественные отношения созревают и существуют в действительности, а сознание о них еще отсутствует, люди еще не понимают во всех подробностях того, что сами они делают. Сначала зреют отношения, а потом приходит сознание, начинают их понимать. В 80-х годах капитализм в России был уже несомненным фактом, а в то же время появлялись «ученые» книжки, доказывавшие, что русский капитализм — это бессмыслица. Еще и в 90-х годах продолжался спор народников с марксистами о том, есть ли капитализм в России.

Капитализм вступил в последнюю фазу своего развития — империалистическую, под руководством своих повелителей; народы истребляли друг друга в течение нескольких лет, общество зашло в тупик; единственный

выход из создавшегося положения — перестройка всего общества под диктатурой пролетариата, а все еще бесконечное количество людей верят в какую-то возможность возрождения капитализма.

Вот уже более 150 лет существует на свете промышленный капитализм, а множество экономистов и до сих пор не может выяснить себе сущность капиталистических отношений и их законы. Мышление определяется бытием и, как видно, иногда поддается этому определению очень медленно.

Последствием того положения, что основным и определяющим должно считать бытие, а не мышление, является правило, что если хочешь правильно судить об обществе и о процессах, совершающихся в нем, то надо обращать внимание на действительно существующие материальные отношения, на материальную действительность и не поддаваться тому, чтобы идеология эту действительность заслоняла.

Ленин в одной статье, в «Правде» от 6 мая 1917 г., приводит слова из речи Маклакова: «Власть будет леветь все больше и больше, пока страна будет праветь все дальше и дальше»¹. Если Маклаков искренне был убежден, что страна правее, — он сильно заблуждался — идеология мешала ему видеть действительность. Ленин указывал, что если под «страной» Маклаков подразумевал капиталистов, то он был прав. «Но «страна» рабочих и беднейших крестьян, уверяю вас, гражданин, — писал тогда Ленин, — раз в 1000 левее Черновых и Церетели, раз в 100 левее нас. Поживете — увидите»².

История подтвердила правильность такой оценки.

Это умение видеть действительность, не заслоненную абстракциями, далеко не легкая вещь. Как в начале революции далеко не многие сразу поняли ясно задачу, вставшую тогда на очереди — движение к диктатуре пролетариата, так в сентябре 1917 г. далеко не все понимали, что настал момент, когда партия пролетариата должна взять власть. А в марте 1918 г. необходимость

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, 4 изд., стр. 330.

² Там же.

заключения Брестского мира тоже была ясна далеко не для всех политических деятелей и т. д.

Причиной этих ошибок была трудность, порой даже невозможность для людей, находившихся еще во власти различных мелкобуржуазных идеологий, видеть действительность, этими идеологиями заслоненную.

Первое правило метода диалектического материализма требует не смешивать материальную действительность человеческих отношений с мыслями об этих отношениях, видеть действительное общество таким, каково оно на самом деле.

2. Второе правило нашего метода требует изучения *действительности*, не заслоненной абстракциями, идеологиями — *во всей полноте*. Оно требует принимать во внимание все существенное, изучать подробно и детально, помнить, что действительность — это единый процесс, части которого находятся в неразрывной связи. В силу ограниченности человека в пространстве и времени и других причин действительность отражается в его сознании не вполне точно и правильно. Некоторые стороны чрезмерно выпячиваются вперед, о других человек склонен забывать. То правило диалектического мышления, о котором мы сейчас говорим, требует, чтобы мысли человека отражали всю сложную и противоречивую действительность во всей полноте. Если этого невозможно достичь вполне, к этому надо приближаться.

В политике осуществление этого правила требует, чтобы принималась во внимание обстановка не только данной страны, но чтобы оценка производилась и с точки зрения всего международного положения. Марксист должен учитывать развитие классовой борьбы и ход событий во всей стране в целом и в международной обстановке в целом.

Это умел делать Маркс в своей политике. Как пример, можно указать на разницу в политике Маркса и Лассаля.

Сильная сторона Ленина, как политика, и заключается в том, что он помнит об этом требовании, принимает во внимание действительное соотношение классов во всей полноте, но не ограничивается этим и

принимает в расчет также и международное положение.

Как пример, приведем оценку и объяснение русской революции в «Прощальном письме к швейцарским рабочим», написанном при отъезде из Швейцарии 8 апреля н. ст. 1917 года¹. Ленин писал там, что русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд революций. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, быть может, очень короткое время застрельщиком пролетариата всего мира. Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно *завершить* социалистической революции. Но он может придать русской революции размах, он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего самого главного, самого надежного союзника — европейского и американского социалистического пролетариата².

Российская социалистическая республика выдерживала борьбу против капиталистов всего мира, поддерживаемая сочувствием всего мирового пролетариата. Как будет разворачиваться борьба европейского и американского пролетариата дальше, — покажет будущее, но что оно разворачивается, и в недалеком будущем развернется для многих, может быть, в совершенно неожиданных размерах — в этом сомнений быть не может.

3. Диалектический метод требует изучать все в движении. Изучать возникновение, развитие и исчезновение явлений. Никогда не забывать об этом движении, помнить о нем, что оно существует, что нет ничего застывшего, неподвижного, на веки прочного, хотя бы данное явление на первый взгляд и казалось таким. Диалектический метод требует обращать внимание на то, как происходит движение и совершается переход из одного состояния в другое. Стараться охватить процесс развития в целом. Следить за борьбой противоположных сил и помнить, что противоречие не есть какая-то ненормальность, но что оно есть неотъемлемое свойство дей-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, 4 изд., стр. 357—364.

² Там же, стр. 362.

ствительности. Эти мысли лежат в основе всех сочинений Маркса и Энгельса, они должны войти в плоть и кровь всякого сознательного пролетария, желающего стать марксистом.

В современной истории и в современной политике основное противоречие — это противоречие между пролетариатом и буржуазией. Всегда помнить об этом противоречии, изучать его развитие и класть его в основу своей политики, для определения конкретных задач всегда учитывая меняющееся положение, — таково требование марксистского метода. Ленин никогда не забывал об этом противоречии, о непримиримом противоречии между пролетариатом и буржуазией и о том, что единственно возможное разрешение этого противоречия, основанное на тщательном изучении действительных отношений капиталистического общества — это свержение буржуазии пролетариатом, ее «диалектическое отрицание», разрушение буржуазного строя и замена его социалистическим. Эта гигантская задача может быть решена только в длинном ряде классовых битв между пролетариатом и буржуазией.

Когда в начале империалистической войны 1914 г. могущество и прочность власти империалистической буржуазии, казалось, были безграничными, Ленин провозгласил лозунг превращения империалистской войны в гражданскую войну. Это вызывало в начале недоверие и насмешки даже в среде людей, по-видимому, близко стоявших к марксизму. Действительное развитие исторических событий блестяще подтвердило этот диагноз Ленина.

Так и в процессе революции Ленин, как политик, оценивая все время меняющееся политическое положение, никогда не забывал об этом основном противоречии и применительно к меняющимся обстоятельствам намечал меняющиеся очередные задачи, которые всегда имели в виду одно: свержение власти буржуазии и торжество пролетариата.

Так было, когда он вел мирную агитацию внутри Советов до июля 1917 г., когда после июльских дней указывал на неизбежность восстания, а в сентябре — октябре настаивал на необходимости организовать вос-

стание и немедленно взять власть, когда летом 1918 г. указывал путь, как можно достать хлеб пролетариату для спасения революции, а зимой 1918—1919 гг. призывал организовать 3-миллионную армию. Все эти очередные задачи ставились на основании строго научного изучения действительной классовой борьбы, развертывавшейся на наших глазах, великой революции, в которой каждый принимал то или иное участие.

4. Революционный марксизм требует не отделять теорию от практики. Надо не только познавать, но и переделять окружающее, не только наблюдать и созерцать борьбу, но и принимать в ней участие, извлекая из нее уроки. «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить его*» (Маркс. «Тезисы о Фейербахе») ¹. Основательное изучение без практики невозможно. Познание необходимо для практики, иначе оно не нужно. Сильная сторона Ленина заключается в том, что он всегда, следуя этому правилу революционной диалектики, умел совмещать основательное, действительно научное изучение процессов, совершающихся в обществе, с деятельностью практического борца, находящегося в неразрывной связи с рабочим классом, с его передовым отрядом. Это являлось точно так же сильной стороной и Маркса.

Сжечь в себе последние остатки утопизма, идеализма и мелкобуржуазности можно, только непосредственно участвуя в организованной борьбе пролетариата, только ближайшим образом связав свою судьбу с судьбою этого класса.

5. Наконец, надо сказать еще об одном правиле марксистской диалектики, которое учит, что нет отвлеченной, абстрактной истины — всякая истина конкретна. Это правило является неизбежным следствием приведенных выше принципов диалектического мышления. Если все меняется в действительности, то, очевидно, и истин не может быть застывших, годных на все времена. В сочинениях Ленина можно найти много примеров того, как надо это правило проводить в жизнь. Кто хочет изучить диалектический материализм в его истин-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, 2 изд., стр. 4.

ном значении, т. е. не теоретизирование о нем, а его практическое применение, тот почерпнет много поучительного для себя, изучая произведения Ленина именно с этой стороны.

Особенно наглядно видна правильность этого принципа на политических лозунгах, которые должны меняться вместе с меняющимися обстоятельствами. Оставаясь неподвижными, они из средства, проясняющего и воспитывающего политическое сознание масс, превращаются в средство затемнения и обмана. Мудрость становится безумством и добро — злом.

Как на пример диалектической оценки событий можно указать на «Письма о тактике» Ленина, написанные им в апреле 1917 года¹. В первом письме Ленин разъясняет, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, заканчивающая буржуазно-демократическую революцию, уже осуществилась в русской революции. Эта формула уже устарела, она стала недостаточна, цеплянье за нее в данный момент приводит на деле к переходу к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы.

«Марксизм требует от нас, — пишет Ленин, — самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики.

«Наше учение не догма, а руководство для действия» — так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать *общие* задачи, необходимо видоизменяемые *конкретной* экономической и политической обстановкой каждой особой *полосы* исторического процесса...»². Марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее,

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 24, 4 изд., стр. 23—34.

² Там же, стр. 24.

лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни. Формула, гласящая, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства заканчивает буржуазно-демократическую революцию, в апреле 1917 г. уже устарела. Жизнь ввела ее из царства формул в царство действительности, облекла ее плотью и кровью, конкретизировала и тем самым видоизменила. Эта диктатура уже осуществилась, но осуществилась своеобразно.

После Февральской революции существовали рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова), и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства (Советы), *добровольно* отдававшая власть буржуазии, *добровольно* превращавшаяся в придаток ее.

«На очереди дня уже иная, новая задача, — писал Ленин, — раскол пролетарских (антиоборонческих, интернационалистских, «коммунистских», стоящих за переход к коммуне) элементов *внутри* этой диктатуры и элементов *мелкохозяйских* или *мелкобуржуазных* (Чхеидзе, Церетели, Стеклов, с.-р-ы и пр. и пр. революционные оборонцы, противники движения по пути к коммуне, сторонники «поддержки» буржуазии и буржуазного правительства)»¹.

В данной конкретной обстановке в апреле, мае, июне 1917 г. это раскалывание пролетарских элементов внутри Советов надо было производить путем длительной терпеливой мирной пропаганды. Надо было выставить лозунг «вся власть Советам» и разъяснить вред и невозможность двоевластия.

Оценивая момент, Ленин говорил на заседании Всероссийской конференции большевиков 24 апреля 1917 года следующее:

«В России первая гражданская война кончилась, мы теперь переходим ко второй войне — между империализмом и вооруженным народом, и в этот переходный период, пока вооруженная сила у солдат, пока Милюков и Гучков еще не применили насилия, эта гражданская война превращается для нас в мирную, длительную и

В. И. Ленин. Соч., т. 24, 4 изд., стр. 25.

терпеливую классовую пропаганду. Если мы говорим о гражданской войне прежде, чем люди поняли ее необходимость, тогда мы, несомненно, впадаем в бланкизм. Мы за гражданскую войну, но только тогда, когда она ведется сознательным классом. Можно свергать того, кто известен народу, как насильник. Теперь же насильников никаких нет, пушки и ружья у солдат, а не у капиталистов, капиталисты не насилем берут сейчас, а обманом, и кричать сейчас о насилии нельзя, это бессмыслица. Надо уметь стоять на точке зрения марксизма, который говорит, что это превращение империалистической войны в гражданскую строится на объективных условиях, а не на субъективных. Мы пока отказываемся от этого лозунга, но только пока. Оружие сейчас у солдат и рабочих, а не у капиталистов. Пока правительство не начало войны, мы проповедуем мирно»¹.

Такое положение, при котором революция могла развиваться мирно, продолжалось до июля 1917 года. После «июльских дней» произошел перелом. В статье «К лозунгам» подводятся итоги этой наступившей перемены и указывается, как это должно изменить и положение большевиков, и их тактику, и их лозунги. Лозунг «вся власть Советам» теперь устарел.

До июльских дней «власть находилась в колеблющемся состоянии. Ее делили, по добровольному соглашению между собой, Временное правительство и Советы. Советы представляли из себя делегации от массы свободных, т. е. никакому насилью извне не подвергающихся, и вооруженных рабочих и солдат. Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом — вот в чем была *суть* дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции. Лозунг: «переход всей власти к Советам» был лозунгом ближайшего шага, непосредственно осуществимого шага на этом мирном пути развития. Это был лозунг мирного развития революции, которое было с 27 февраля по 4 июля возможно и, конечно, наиболее желательно, и которое теперь безусловно невозможно»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, 4 изд., стр. 206.

² В. И. Ленин. Соч., т. 25, 4 изд., стр. 164—165.

Если бы власть своевременно перешла к Советам, то возможна была бы мирная борьба классов и партий внутри Советов. «Главный недостаток мелкобуржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий»¹. Сохранялась бы связь всех советских партий с массами и иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с буржуазией могли бы быть изжиты мирно.

«Переход власти к Советам не изменил бы сам по себе и не мог бы изменить соотношения классов; он ничего не изменил бы в мелкобуржуазности крестьянства. Но он своевременно сделал бы крупный шаг к отрыву крестьян от буржуазии, к сближению, а затем и к соединению их с рабочими»².

«Более 20-ти лет существует массовое социал-демократическое рабочее движение в России (если считать с больших стачек 1896 года). За этот большой промежуток времени, через две великие революции, красной нитью через всю политическую историю России тянется вопрос: рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттащить их назад, к примирению с капитализмом»³.

В промежуток времени от конца февраля по начало июля этот вопрос можно было разрешить мирным путем. «Такой путь был бы самый безболезненный, и потому за него надо было всего энергичнее бороться», — пишет Ленин в той же статье «О лозунгах»⁴. — Но после июльских дней мирное разрешение этого вопроса стало невозможным. «Колеблющееся состояние власти прекратилось, власть перешла в решающем месте в руки контрреволюции». Мирным путем нельзя уже стало взять власть. «Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и *теперь* достаточно пожелать взять власть... будто в Совете находятся еще

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, 4 изд., стр. 165.

² Там же.

³ Там же, стр. 256.

⁴ Там же, стр. 165.

партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, будто можно бывшее сделать небывшим»¹.

Теперь агитацию стало необходимо перестроить так, чтобы она указывала ясно настоящего врага народа, военную клику, кадетов и черносотенцев, и чтобы она определенно разоблачала мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков, которые играют роль пособников палачества. Надо выяснять полную невозможность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть военной клики.

При изменившихся обстоятельствах единственный выход, это тот, что революционный пролетариат, после опыта июля 1917 г., должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть — вне этого победы революции *быть не может*. Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями — вот единственно возможный выход.

В результате новой революции, конечно, должны появиться тоже Советы, но это будут не те органы соглашения с буржуазией, которые после июльских дней превратились в пособников контрреволюции, а новые Советы — органы пролетарской борьбы².

Указывая на необходимость восстания, Ленин в июле не звал к нему немедленно. Он отлично понимал его невозможность в то время.

«3—4 июля восстание было бы ошибкой, — писал Ленин позднее, — мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, .. ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти *и к Керенским, и к Церетели — Черновым*, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер» (статья «Марксизм и восстание» написана в начале сентября 1917 г.)³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, 4 изд., стр. 166.

² Там же, стр. 169—170.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 26, 4 изд., стр. 5—6.

В определившемся, таким образом, после июльских дней положении произошла на короткий момент перемена, созданная мятежом Корнилова. Эту перемену немедленно отметил и учел Ленин и указал, как может соответственно измениться тактика большевиков. Он указал в своей статье «О компромиссах» 1—3 сентября 1917 г. — это положение так изменилось, что, может быть, на какой-то самый короткий момент стало возможно опять мирное развитие революции и что следует предложить компромисс (уступку, соглашение) мелкобуржуазным партиям — меньшевикам и эсерам. Ленин так оценивал тогда положение:

Восстание Корнилова есть крайне неожиданный и невероятно крутой поворот событий. Поддерживать, защищать правительство Керенского даже и теперь нельзя. Сейчас мы воюем с Корниловым, но мы и не поддерживаем Керенского. Сейчас свергать Керенского мы не станем, но борьбу с Керенским и сейчас будем продолжать, только иначе, благодаря изменившейся обстановке. Эта борьба с Керенским состоит в том, что мы должны вести войну с Корниловым революционно, разоблачая слабость и шатание Керенского, вести войну против Корнилова так, как этого не может делать Керенский. Керенский боится масс, боится народа, а мы будем втягивать массы, поднимать их, разжигать их, увлекать¹.

Из компромисса, предполагавшегося Лениным, ничего не вышло. Это подтвердило мысль, высказанную в статье о том, что возможность мирного развития революции чрезвычайно редка. Но все же следует отметить, что тактика революционного марксизма настолько гибка, что учитывает даже и эти редкие возможности, указывает на них и старается использовать их, когда это может быть полезно для развития революции, для развития массовой борьбы против гнета и эксплуатации капитала.

К концу сентября положение окончательно определилось в том смысле, что решительный поворот стал абсолютно невозможен без *новой революции*. Власть

¹ См. В. И. Ленин Соч., т. 25, 4 изд., стр. 263—267.

более уже не находилась в руках «революционной демократии», т. е. в руках мелкобуржуазных партий, — ее захватила контрреволюция и укрепила свою власть.

В июле вооруженное восстание было еще невозможно, положение еще не назрело, массы еще не были готовы. В сентябре положение изменилось, и Ленин в статье «Марксизм и восстание» указывал, что передовому отряду пролетариата обеспечена верная победа, — за него большинство рабочего класса — авангарда народа, большинство народа, понявшего, что крестьянство от эсеров земли не получит. Народ близок к отчаянию, эсеры и меньшевики отвергли предложенный им компромисс. Надо организовывать восстание и как можно скорее¹.

В «Письме в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам», написанном в октябре, Ленин писал, что медлить нельзя, необходимо сейчас же брать власть. Аграрное движение растет. В войске симпатии к большевикам растут. С левыми эсерами явное большинство в стране. При таких условиях ждать — преступление, предательство революции. Если нельзя взять власти без восстания, надо идти на восстание тотчас².

Тактика революционного марксизма учит учитывать момент. Когда возможно мирное развитие, Ленин очень дорожит им, отмечает исчезновение этой возможности, но отмечает и возврат ее сейчас же после корниловского мятежа — хотя бы на мгновение. Когда положение определяется в том смысле, что единственный выход — революционное свержение власти контрреволюционного правительства, Ленин указывает на это, предупреждая о преждевременности восстания, когда нет для него еще объективных условий. Но когда наступает момент, требующий вооруженного выступления, Ленин пишет пламенные призывы к восстанию и не жалеет самой ядовитой иронии по адресу всех колеблющихся (см. «Письмо к товарищам», написанное 17 октября)³.

¹ См. *В. И. Ленин. Соч.*, т. 26, 4 изд., стр. 6.

² Там же, стр. 114.

³ Там же, стр. 166—184.

Установив определенно, что восстание неизбежно, Ленин дает ряд очень ценных правил к вопросу о технике восстания.

Хотя это и не относится непосредственно к нашей теме — о марксистской диалектике в произведениях Ленина, но к революционной тактике это имеет отношение, и, мы надеемся, читатель не будет в претензии, если мы приведем здесь эти правила.

В статье «Советы постороннего», написанной 8 октября 1917 г., Ленин пишет:

«Вооруженное восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное *«восстание, как и война, есть искусство»*.

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, *«моральный перевес»*.

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость»¹.

Мы проследили в общих чертах ход развития революции от февраля до октября 1917 г. и те изменения в оценке момента и в тактике, которые вызывались

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, 4 изд., стр. 151—152.

переменами всей действующей обстановки и были необходимы для того, чтобы действия партии соответствовали требованиям момента. Во всем этом мы видим достаточно примеров того, как применяется на практике правило материалистической диалектики, что абсолютной истины нет, истина конкретна и только строгий учет всей конкретной обстановки дает возможность составить правильное суждение о положении и правильно поставить очередные практические задачи. Абстракции, отвлеченные от действительности представления, представляют громадную опасность.

«Подменять конкретное абстрактным один из самых главных грехов, самых опасных грехов в революции»¹.

Еще один пример того, как всякая истина должна быть конкретной, а абстракция может способствовать лишь сокрытию истины, вводить в заблуждение.

Буржуазные теоретики государства и юристы убеждены, что если всеобщее избирательное право признано законом в стране, то, каков бы ни был общественный строй данного общества, все же в представительных учреждениях обеспечено господство за большинством народа. Это, конечно, совершенно неправильно. Буржуазные идеологи не хотят или не могут видеть действительной жизни, для них абстракция эту жизнь заслоняет. Принадлежит ли власть в данном обществе большинству, может решить только действительно конкретная постановка вопроса. В статье «О конституционных иллюзиях» Ленин так и ставит вопрос. «Если политическая власть в государстве находится в руках такого класса, интересы коего совпадают с интересами большинства, тогда управление государством действительно согласно воле большинства возможно. Если же политическая власть находится в руках класса, интересы коего с интересами большинства расходятся, тогда всякое правление по большинству неизбежно превращается в обман или подавление этого большинства. Всякая буржуазная республика показывает нам сотни и тысячи примеров этого»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, 4 изд., стр. 170.

² Там же, стр. 179.

Только в том случае интересы большинства могут быть защищены, когда политическая власть в современном обществе принадлежит пролетариату, потому что при капитализме большинство находится под гнетом эксплуатации и устранить ее можно, лишь свергнув буржуазию, что может сделать один лишь пролетариат, являющийся в силу объективных условий естественным представителем и защитником всех угнетенных и эксплуатируемых.

Итак, вот каковы основные положения метода диалектического материализма... Умение пользоваться этим методом — вот в чем секрет успеха Ленина как теоретика и как политика.

Мы брали примеры только из некоторых произведений В. И. Ленина за 1917 г. — это лишь небольшая часть того богатого материала, который содержится в его работах за этот период.

По ним можно восстановить полную картину развития русской революции от февраля до октября и найти в них еще больше образцов марксистского анализа и блестящих примеров практического применения метода диалектического материализма.

В конце тома помещена замечательная работа о государстве — единственная вещь в марксистской литературе, вполне определенно выясняющая вопрос, сознательно запутанный оппортунистами.

Ясность, определенность постановки вопросов, доступность пониманию широких слоев сознательного пролетариата делают сочинения Ленина очень неприятными для буржуазии и ее ученых идеологов.

Рабочие почерпнут из них для себя чрезвычайно много полезного и поучительного.

Несмотря на то, что в книгах Ленина очень много «политики», в них очень много и «науки», неизмеримо больше, чем в ученых трудах светил обществоведения.

О ЗАНЯТИЯХ ЛЕНИНА ФИЛОСОФИЕЙ

(ПО ПОВОДУ XII ЛЕНИНСКОГО СБОРНИКА)¹

I

В вышедшем в свет в январе 1929 г. IX Ленинском сборнике, в котором были напечатаны три тетради Ленина, содержащие конспект «Науки логики» Гегеля, была начата публикация так называемых «Философских тетрадей» Ленина. XII сборник содержит в себе все остальные материалы подобного рода из числа тех, которые находятся в архиве Института Ленина. Таким образом, этим сборником завершается публикация философских заметок Ленина². Все хранящиеся в Институте тетради с заметками, выписками, конспектами Ленина по вопросам философии становятся теперь доступны изучению каждого, кто интересуется вопросами теории марксизма.

Значение этих материалов громадно. По богатству содержания «Философские тетради» стоят многих томов. В них даются извлечения из произведений таких представителей философии, как Гераклит, Аристотель, Лейбниц, Гегель, Фейербах, Маркс. В общей сложности прочитанные Лениным книги, по поводу которых написаны все эти заметки, обнимают не менее 8000 страниц. Но особый интерес и ценность тетрадей в мыслях Ленина, которые он записывал при чтении всех этих книг. В отдельных заметках, иногда кратких, иногда

¹ Настоящая статья представляет собой перепечатку с небольшими изменениями предисловия к XII Ленинскому сборнику.

² Все эти материалы теперь входят в т. 38, 4 изд. Сочинений В. И. Ленина.

более подробных, Ленин развивал свою точку зрения, ставил вопросы, намечал задачи дальнейшего исследования, указывал пути дальнейшего развития мысли, темы дальнейшей научной работы.

В состав XII Ленинского сборника входят следующие рукописные конспекты Ленина:

Наиболее ранний конспект относится к 1895 г., это — конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство». Подробный, тщательно составленный конспект этой знаменитой книги 1845 г. — периода, когда Маркс становится уже на почву диалектического материализма, показывает образец того, как внимательно изучал Ленин произведения Маркса и Энгельса. В статье-некрологе «Фридрих Энгельс» (осень 1895 г.) Ленин упоминает о «Святом семействе» и говорит, что там уже «заложены основы... революционно-материалистического социализма»¹.

Затем, следуя хронологическому порядку, идут выписки из книги Паульсена «Введение в философию» и заметки по поводу нее, сделанные около 1904 г. Далее замечания на статью А. М. Деборина «Диалектический материализм», относящиеся к 1909 г.; возможно, что к тому же времени относится подробный конспект лекций Фейербаха «О сущности религии».

Остальные тетради — это результат работ по философии в годы войны — начиная с осени 1914 г. и до 1916 г. включительно. По богатству своего содержания, по гениальности мыслей, собранных в этих тетрадях, они представляют собой исключительную ценность для теории марксизма. В этих тетрадях разрабатывается особая, новая тема — вопрос о диалектике. Этой теме посвящены выписки и заметки на книгу Фейербаха о Лейбнице (стр. 127), конспект «Философии истории» Гегеля, в особенности же ценный обстоятельный конспект двух первых томов «Истории философии» Гегеля, являющейся, по словам Энгельса, одним из гениальнейших произведений и дающей массу материала к вопросу об истории диалектики (стр. 171). Важны точно так же заметки по поводу метафизики Аристотеля (стр. 329)

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, 4 изд., стр. 9.

и книги Лассалья о Гераклите (стр. 295). Сюда же относится и ряд более мелких заметок, относящихся тоже к вопросу о диалектике, о Гегеле, как главном представителе диалектического мышления в немецкой классической философии.

Ленин заботливо собирал материал по интересовавшему его вопросу и всегда умело очищал мысли философов-идеалистов от идеалистической шелухи, гениально использовал их материалистически для выяснения и изучения отдельных сторон, особенностей, существа *материалистической* диалектики.

Было бы большой ошибкой думать, что Ленин стал особенно интересоваться вопросами философии только в это время или с 1908 г., а до того времени был якобы «равнодушен» к вопросам теории вообще, в частности философии. Это, конечно, совершенно неверно.

Правда, в письмах к Богданову 1906 г. Ленин назвал себя «рядовым марксистом» в вопросах философии. Эти письма, к сожалению, до сих пор не найденные, в которых Ленин критиковал богдановскую философию, он собирался даже издать под заглавием «Заметки рядового марксиста о философии».

Но если бы кто-нибудь склонен был истолковать это название в том смысле, что у Ленина тогда было какое-то «рядовое», «среднее», «дюжинное» понимание вопросов философии, то это было бы грубейшей ошибкой. Дело в том, что Ленин, как известно, отличался исключительной научной добросовестностью. Став марксистом, он все внимание обратил на подробнейшее изучение экономического строя России, русского капитализма, на изучение классов русского общества, а затем на выработку программы, организации и политики революционной марксистской рабочей партии. В этих областях Ленин изучал с исчерпывающей полнотой все относящиеся сюда вопросы. Вся сколько-нибудь заслуживающая внимания литература в этих областях была Лениным изучена. С такой полнотой Ленин в 1906 году специально философскую литературу не прорабатывал и потому счел необходимым назвать себя «рядовым» марксистом в этой области. Но та блестящая характеристика диалектического материализма, которая дана

была Лениным уже в 1894 г. в его ранних работах, и то гениальное мастерство, с каким он владел методом марксизма, лучше всего свидетельствуют о том, что им уже в молодые годы были прочитаны, изучены и усвоены все основные произведения Маркса и Энгельса.

В наступившей революции 1905 г. Ленин показал себя лучшим материалистом-диалектиком, чем другие марксисты, как, например, Плеханов.

Это, конечно, ни в коей мере не должно было означать, что Ленину нечего было дальше беспокоиться и утруждать себя дальнейшим изучением философской литературы. Как раз наоборот: то обстоятельство, что Ленин овладел существом материалистической диалектики как никто другой из марксистов, как раз это обстоятельство делало дальнейшее изучение Лениным вопросов философии особенно плодотворными. Два года спустя, в 1908 г., он написал философскую работу, которую и сам не считал уже необходимым называть работой рядового марксиста и которая знаменовала значительный шаг вперед в деле разработки философии диалектического материализма.

Во всех областях марксистской теории Ленин умел двинуть далеко вперед теоретическую мысль. Он сумел это сделать и в области философии. Потому-то такую огромную ценность представляют заметки Ленина по философии.

К сожалению, в распоряжении Института Ленина имеется далеко не все, что вообще было написано Лениным по вопросам философии. Отсутствуют письма к Ленгнику (1899 г.), посвященные критике кантианства. Отсутствуют три тетради «Заметок рядового марксиста о философии» (1906 г.) с критикой философии Богданова. Отсутствуют материалы, относящиеся к работе над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» (1908 г.). Наконец, нет вовсе конспектов раннего времени, когда Ленин начал изучать основные произведения марксизма — «Капитал», «Анти-Дюринг» и другие произведения философского характера. Принимая во внимание, с одной стороны, трудность в те времена добыть такие книги (экземпляр «Анти-Дюринга» был, например, в конце 80-х — начале 90-х годов большой

редкостью в России), с другой стороны, принимая в расчет обычный характер чтения Ленина, делавшего заметки и выписки из книг, которые он читал, можно с уверенностью предполагать, что подобные тетради и выписки существовали, но они утеряны безвозвратно. Единственным исключением является сохранившийся конспект «Святого семейства», написанный, как уже сказано, по всем вероятностям, летом 1895 г., когда Ленин был за границей, где ему, видимо, удалось достать эту редкую книгу, тогда еще не переизданную. Ленин читал ее по изданию 1845 года.

По тем документальным данным, которые находятся в нашем распоряжении, занятия Ленина философией делятся между тремя периодами.

Первый период — канун буржуазной революции в России. Сюда относится начало литературной деятельности Ленина, время ссылки и первой эмиграции.

Второй период — это период первой революции и временной победы контрреволюции. К этому периоду относится большая философская работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Наконец, третий период, обнимающий приблизительно около трех лет (1914—1916), охарактеризованный самим Лениным как период кануна социалистической революции, был последним периодом, в течение которого Ленину удалось много поработать над вопросами философии (особенно в начале империалистической войны).

Начиная с 1917 г., в особенности с конца этого года, наступило время, когда Ленин уделять много времени специально теоретической, научной работе почти совсем не мог. Последние записи философских тетрадей относятся к 1915—1916 гг. Но это ни в коем случае не означало, что Ленин не возвращался к вопросам философии и позднее, в советский период. Несмотря на крайнюю занятость, на необходимость все внимание и все силы отдавать практическим вопросам, Ленин продолжал интересоваться вопросами философии. Это видно и из его чтения. Например, 30 ноября 1920 г. Ленин заказывал книги А. Лабриола «Исторический материализм» и «О философии». 24 июня 1921 г. просил достать ему русский перевод Гегеля «Логики» и «Феноменоло-

гии духа» (см. «Записки Института Ленина», т. III, стр. 94—95). Приблизительно около того же времени Ленин интересовался книгой Ильина о Гегеле¹ и т. д. Но Ленин не только читал, а и писал в то время по вопросам философии. 9/10 заметок на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» относится к вопросу о методе. Несмотря на краткость этих замечаний, они дают бесконечно много, вскрывают слабости и недостатки богдановского эклектизма и идеализма и ошибки, совершаемые Бухариным от неумения овладеть материалистической диалектикой. Разбор и оценка полностью всех этих мест и их теоретического значения требуют особой специальной обширной работы.

Наконец, здесь необходимо упомянуть о замечательном письме Ленина в журнал «Под Знаменем Марксизма», о котором мы скажем подробнее ниже. Все это показывает, что внимание Ленина к философии не ослабевало до конца его жизни. Начал же заниматься вопросами философии Ленин очень рано.

II

Документальным доказательством ранних занятий Ленина вопросами философии являются две большие работы, относящиеся к 1894 г., — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Уже в этих ранних работах Ленин выступил совершенно зрелым материалистом-диалектиком.

Сущность метода Маркса Лениным была самостоятельно продумана, и он владел этим методом в совершенстве, самостоятельно применяя его к вопросам русской экономики, русской истории, к вопросам классовой борьбы и политики. Всякий, кто прочтет указанные работы, убедится, что в 1894 г. Ленин овладел диалектическим материализмом вполне. Ленин прекрасно отдавал себе отчет в том, какое значение для марксизма

¹ Имеется в виду книга И. А. Ильина «Философия Гегеля, как учение о конкретности бога и человека». Тт. 1—2, СПб, 1918.

имеет материализм, и вполне ясно понимал уже тогда особенности диалектического метода Маркса. В книге «Что такое «друзья народа»» он отмечает гениальность самой идеи материализма в общественной науке¹. Он подчеркивает, что материализм Маркса — диалектический². Ранние работы Ленина проникнуты революционной диалектикой. Теория марксизма, по характеристике Ленина, соединяет «строгую и высшую научность» с революционностью — не случайно, а «внутренне и неразрывно»³ не потому, что таковы были индивидуальные особенности Маркса, сочетавшего в себе качества ученого и революционера, а потому, что, как выразился Ленин позднее, в 1923 г., революционная диалектика — это решающее в марксизме⁴.

Характеризуя диалектический материализм, Ленин отмечает, что в противоположность метафизическому методу, который смотрит на общественные отношения, «как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений»⁵, диалектический материализм ставит своей задачей понять и изобразить общественный строй в его целом как «живой организм в его функционировании и развитии»⁶. Основную мысль «Капитала» Маркса Ленин видел в том положении, которое Маркс выдвинул в своем предисловии к первому изданию первого тома: смотреть «на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс»⁷. В этой сжатой формулировке, чрезвычайно богатой мыслями, отмечается и объективная закономерность процесса, который не определяется сознанием людей, а, наоборот, — сам определяет это сознание, и понимание Марксом своеобразной закономерности каждой особой «экономической общественной формации», которую надо изучать в ее особенности и развитии. Тут же подчерк-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 121.

² Там же, стр. 150, 170, 175, 176, 193.

³ Там же, стр. 308.

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, 4 изд., стр. 436.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 171—172.

⁶ Там же, стр. 172.

⁷ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 8.

нута требование диалектического метода выделить особо самое существенное и на изучение его обратить особое внимание, не упуская из виду всю совокупность целого¹. Впоследствии Ленин, постоянно возвращаясь к этой мысли, говорит об основном звене, ухватившись за которое можно овладеть всей цепью². Таким звеном, для того чтобы овладеть пониманием общественного процесса, является изучение строя экономических отношений. Особенным достоинством изложения Лениным исторической теории Маркса, которое необходимо отметить, является подчеркивание значения понятия «экономической общественной формации».

С чрезвычайной ясностью формулирована у Ленина «теория отражения»: «идеальное есть только отражение материального»³.

И Ленин мастерски применяет ее. В соответствии с материалистическим характером теории Ленин указывает на ее задачу: «точно изобразить действительный исторический процесс» и ничего более. Критерием теории является верность ее с действительностью, а вовсе критерий этот не в абстрактных схемах⁴. В ранних работах Ленина отмечается также важнейшее значение противоречий — наличие их свидетельствует об особой силе и жизненности явления⁵, и Ленин, изучая «русскую историю и действительность», всюду вскрывает имеющиеся налицо противоречия классов и классовую борьбу. Он дает гениальное материалистическое освещение экономической истории России⁶, вскрывает особенности русского капитализма (например, вся III часть «Друзей народа» и ряд других произведений, не говоря уже о «Развитии капитализма»), дает необычайно яркое и сильное изображение экономики русской деревни⁷ и т. д., и все это изложение он неизменно ставит в связь

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 197.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 27, 4 изд., стр. 244.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 150, а также см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, 1955, стр. 416.

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 177.

⁵ Там же, стр. 249.

⁶ Там же, стр. 137—138.

⁷ Там же, стр. 217—218.

с практическими задачами рабочего класса, последовательно и систематически изучает, вскрывает, объясняет объективную диалектику капиталистической общественной формации и все особенности ее конкретных проявлений в развитии *русского* капитализма и вырастающей на этой почве классовой борьбы и руководящей роли в этой борьбе российского пролетариата. И делается это для того, чтобы пролетариат *«как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией»*¹.

Неизменная верность этим основным принципам научной работы, последовательное проведение их является характерной особенностью метода Маркса, а также и Ленина, начиная с самых ранних его (известных нам) работ. Никто из других марксистов не был в этом так последователен и так верен марксистскому методу, как Ленин. И особенно характерно, как это отмечалось уже неоднократно в нашей литературе, умение Ленина учесть и *изучить конкретные особенности данного явления, не ограничиваясь рассуждениями вообще*. В разнообразных спорах, которые приходилось вести Ленину, нужно отметить (оставляя в стороне классовую основу существа разногласий, а рассматривая лишь разницу в методе), что противники Ленина не умели понять существа конкретных особенностей рассматриваемого предмета. Примеров этому можно было бы привести без конца. Укажем хотя бы на споры о программе в начале 900-х годов, споры с меньшевиками («Две тактики»), споры по национальному вопросу в 1913—1916 гг. и т. д.

«Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи», — так писал Ленин в 1914 г. в споре с Р. Люксембург по национальному вопросу².

Здесь нет места останавливаться во всех подробно-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 308.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, 4 изд., стр. 373.

стях на всем богатстве теоретического содержания первых работ Ленина и совершенстве их метода. То немногое, что указано здесь нами, дает понятие о громадной их ценности. Было бы очень интересной задачей проследить, как целый ряд мыслей, имеющих в зародыше или в сжатой формулировке в этих ранних работах, нашли себе впоследствии дальнейшее развитие и широкое применение, были подтверждены в дальнейшем ходе борьбы рабочего класса и развития революции и в 1905 и в 1917 годах.

Таков был первый период занятий Ленина вопросами общей теории, философией марксизма. Вполне овладев основами диалектического материализма, изучив и продумав до конца, до полной ясности все выводы из основных работ Маркса и Энгельса, уясняя себе в общем все стороны марксизма, Ленин все свои силы стал посвящать теоретическому и практическому руководству борьбой рабочего класса. Объективные условия выдвигали вперед то одну, то другую сторону марксизма, заставляя его заниматься преимущественно. Как впоследствии Ленин отметил сам, в рассматриваемый нами период «выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности» («Наши упразднители») ¹. Но и в этот период, особенно в ссылке (1898—1899 гг.), Ленин известную часть своего времени уделял изучению вопросов философии. Он знал, конечно, хорошо все произведения Плеханова, читал сочинения Спинозы («Этика», «Богословско-политический трактат», «Усовершенствование человеческого рассудка»), отдельные произведения французских материалистов XVIII в. (Гельвеция «О духе», его же «О человеке»), Юма «О человеческом познании» и представителей немецкой классической философии — Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Фейербаха, т. е. основательно изучал предшествующее марксизму развитие философии. Специальной философской работы Ленин в этот период не написал, но в ряде своих произведений он отводил не мало места вопросу о методе: в полемических работах против народничества, против ревизио-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, 4 изд., стр. 53—54.

низма «легальных марксистов» (работы 1894—1899 гг.), против экономистов («Что делать?», 1902 г.), против меньшевиков («Шаг вперед, два шага назад», 1904 г.).

III

Период подъема революции 1905 г. был, конечно, временем мало подходящим для специально философских занятий. Но в это время теоретическая мысль Ленина непрерывно и напряженно работала. Время революции было временем обучения у жизни, обучения на практике, временем проверки теоретического оружия марксизма. Ленин в 1905 г. очень много раз возвращался к изучению ряда произведений Маркса.

Вслед за спадом революционной волны создалась такая обстановка, в которой для марксиста-теоретика, вождя революционной марксистской рабочей партии, необходимость борьбы на почве философии выступила на первый план. Увлечение идеализмом и религией, распространившееся среди буржуазии после революции 1905 г., было явлением далеко не случайным. Это увлечение захватило и некоторые неустойчивые элементы из среды марксистских литераторов, даже партийных. Религия сложилась давно, и ее старые формы, грубо-наивные, перестали удовлетворять, отталкивали от религии. Религиозная идеология, приспособленная к феодально-крепостническим отношениям, все более и более переставала оказывать влияние. Для того чтобы после опыта пережитой революции держать массы в повиновении, недостаточно было одного физического принуждения. Потребовался «духовный», «моральный» кнут, каким является религия, и потребовалась выработка более тонченных ее форм, приспособленных к потребностям, созданным новыми отношениями. Борьба против религии и против идеализма, являющегося тонченной защитой веры в бога, стала особенно необходимой, приобрела особое значение как борьба против буржуазных влияний на пролетариат и на массы трудящихся. Борьбу против махизма и против поповщины вел и Плеханов, но вел ее так, что это не удовлетворяло Ленина. В-первых, Плеханов недостаточно разъяснял данные во-

просы разногласий с махистами, вопросы теории познания. Ленин в письме к Горькому в марте 1908 г. говорит, что Плеханов по существу прав против Богданова и других махистов, «только не умеет или не хочет или ленится сказать это *конкретно*, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями»¹. Во-вторых, Плеханов использовал свою полемику с махистами во фракционных целях против большевизма, что по существу с философскими разногласиями нисколько не было связано и к делу не относилось.

В том же упомянутом выше письме к Горькому Ленин сообщал, что он непременно напишет критический разбор махистской философии «*по-своему*»². Ленин это и сделал в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» и сделал это действительно по-марксистски. Со времени опубликования «*Анти-Дюринга*» Энгельса эта книга явилась самым крупным философским произведением марксизма. Появление этого произведения было выдающимся событием в области теории марксизма. Помимо того, что книгой этой был нанесен махистам сокрушительный удар, она дала чрезвычайно много нового для теории марксизма.

В этой книге впервые в марксистской литературе с такой полнотой были разъяснены основы теории познания диалектического материализма. По каждому вопросу, о материи и опыте, об ощущении и познании, об объективности пространства и времени, о причинности, об абсолютной и относительной истине, с полнейшей ясностью были показаны две линии в философии.

Энгельс сделал это в полемике с Дюрингом в 70-х годах XIX в., Ленину же пришлось сделать это в новой обстановке, более 30 лет спустя, в полемике с другими противниками — махистами. За эти десятилетия в естествознании произошел целый переворот и надо было овладеть совершенно новым материалом. Ленину пришлось рассматривать и разрешать ряд но-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 34, 4 изд., стр. 338.

² Там же.

вых вопросов. Совершенно новой задачей в марксистской литературе был подробный разбор и разъяснение кризиса современного естествознания. Представители естествознания, как правило, не обладающие философской выучкой, не умели мыслить диалектически. Научное исследование стихийно влечет их к материализму, классовая же их позиция и их неумение владеть диалектическим методом ведет к путанице, заставляет их скатываться к релятивизму и идеализму. Вывод, к которому приходит Ленин в конце V главы о том, что современная физика «рождает диалектический материализм»¹, сохраняет свое значение спустя более 20 лет после того, как он был высказан. Благодаря своему гениальному умению владеть материалистической диалектикой, Ленин и в области методологии естествознания сумел сказать свое новое слово и сказать его не вообще, а давая точные указания, в чем состоят ошибки и отступления «стихийных материалистов-естественников» от диалектического материализма. Ленин критиковал их теории диалектически, поправляя ошибки и выделяя правильное. Такая критика и должна быть признана образцовой.

Необходимо отметить, что, несмотря на строгую научность содержания книги, все изложение ее вполне доступно. При этом сложные теоретические вопросы несколько не упрощались. Ясность изложения объясняется ясностью мысли и определенностью того, что Ленин собирался сказать по вопросам философских споров. Когда он писал эту свою философскую книгу, он точно так же ни на минуту не забывал, что и эта работа пишется для того, чтобы помочь пролетариату, как можно скорее покончить со всякой эксплуатацией².

В этот период Ленин далеко опередил всех марксистов, занимавшихся после Маркса и Энгельса разработкой вопросов философии. Первый из всех виднейших теоретиков марксизма (мы не говорим об Энгельсе) Ленин занялся вопросами естествознания, самостоятельно их разрешил и наметил пути, каким образом

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, 4 изд., стр. 299.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 308.

марксизм должен обеспечить себе влияние и в этой области. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что появление книги «Материализм и эмпириокритицизм» ознаменовало новый этап в развитии теории марксизма.

Основной темой в этот период была борьба за материализм. Но, к сожалению, от этого периода никаких неопубликованных материалов не сохранилось. Ни рукописи книги «Материализм и эмпириокритицизм», ни каких-либо заметок и материалов у нас не имеется. Ни на одной из сохранившихся тетрадей Ленина нет прямых указаний на то, что которая-нибудь из них относится к этому периоду. Ближе всего по содержанию может подходить конспект лекций Фейербаха «О сущности религии». Он может относиться к несколько более позднему периоду (к 1909 г.?). Все остальные записи, кроме этих, относятся к третьему периоду, где преобладающий интерес вызывала к себе тема о диалектике.

IV

В третий из указанных нами периодов, несмотря на относительную краткость того времени, когда Ленин мог заняться целиком научной работой, он проделал громадную работу теоретического характера. Достаточно указать, что в течение 2—3 лет им были проработаны такие большие и сложные вопросы, как вопрос об империализме и о государстве. То, что нам сейчас кажется понятным само собой, после того, как мы все изучили книги Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Государство и революция», что теперь вошло уже в сознание широких кругов рабочего класса, изучающих идеи этих книг в марксистских кружках и в школах политграмоты, то тогда, в 1913—1916 гг., представляло собой целый лабиринт сложных и запутанных вопросов, и путаница эта была создана не только трудами буржуазных теоретиков, но она была в работах марксистов — теоретиков II Интернационала — Каутского, Гильфердинга, Плеханова и ряда других. Ленину удалось разрешить, распутать эти сложные вопросы благодаря тому, что он твердо стоял на почве

диалектического материализма, гениально умел владеть диалектическим методом и неразрывно был связан с тем классом, интересами которого он жил — с пролетариатом. Изучая капитализм мировой и борясь с буржуазными влияниями на пролетариат в лице новейших оппортунистов — социал-империалистов, каутскианцев и т. д., — Ленин подошел к вопросам точно так же, как он это делал в 90-х годах, когда изучал русский капитализм и боролся с буржуазным влиянием на пролетариат в лице русских народников и русских ревизионистов 90-х и начала 900-х годов. Было бы весьма поучительной задачей сравнить во всех подробностях метод ранних работ Ленина с методом его работ 1915—1916 гг. Если бы такая работа была проделана, ясно обнаружилось бы и высота теоретического уровня ранних работ Ленина, и тот же неизменно революционный характер его метода 20 и более лет спустя. От революционной диалектики марксизма Ленин ни в чем не отступал. Не обнаружилось бы разницы в применении диалектики. Но нечто новое в отношении Ленина к вопросам диалектики в этот период появилось. Он занялся этим вопросом специально, собирал все данные, относящиеся к истории диалектического мышления, все характеристики, отмечающие различные моменты диалектики, и отличительные черты, различные оттенки, объясняющие самое существо диалектического мышления, существо материалистической диалектики. Этот теоретический интерес является в области философии преобладающим в этот период и не ослабевает и в дальнейшем.

Причина этого вполне понятна. Мы видели, что уже в ранних работах у Ленина отмечено решающее значение диалектики. В статье о переписке Маркса и Энгельса, в 1913 г., Ленин говорит, что наиболее существенным, наиболее новым, гениальным шагом вперед в истории революционной мысли¹ было то, что Маркс и Энгельс применили материалистическую диалектику ко всем областям знания — к переработке политической экономии, к философии, к естествознанию, к политике и тактике рабочего класса.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 19, 4 изд., стр. 503.

Революционная материалистическая диалектика — решающее в марксизме, живая душа марксизма, его «коренные теоретические основания»¹. Естественно было заняться специально изучением этого, столь важного оружия, особенно в тот период, когда благодаря наступающей социалистической революции особенно важным сделалось практическое значение этого оружия. В теоретических битвах по вопросам текущей политики приходилось особенно часто иметь дело со стремлением противников *извратить* диалектику, *подменить ее софистикой*, и такими противниками все чаще начали становиться бывшие союзники из сторонников пролетариата, превращающиеся во врагов его движения, перешедшие на сторону буржуазии, как это сделал ряд выдающихся теоретиков II Интернационала, особенно с начала империалистической войны. В борьбе против оппортунизма неизбежной была борьба за диалектику против эклектики. В революционную эпоху диалектический характер движения, единство противоположностей, движение в противоречиях особенно резко выступает наружу, становится особенно наглядным, как это отметил еще Энгельс. Ускоренный темп движения, разнообразие, и, если так можно выразиться, сконцентрированность событий расширяет кругозор и дает богатейший материал для теоретической мысли. Пробуждение к сознательной жизни новых и новых масс неизбежно вносит небывалое оживление в развитие теоретической мысли и в частности философии.

В эпоху буржуазных революций в Европе Гегель, идеолог буржуазии (тогда еще в общем и целом революционной), явился крупнейшим представителем диалектики, «дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения»². Первые вожди и теоретики нового революционного класса — пролетариата, Маркс и Энгельс, восприняли это теоретическое завоевание, спасли диалектику от разгрома идеализма³ и, соединив с материализмом, плодотворно

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, 4 изд., стр. 20.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, 1955, стр. 416.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 37.

применили ее к научному исследованию. Гениальный вождь и теоретик пролетариата Ленин в эпоху кануна социалистической революции сделал дальнейшие шаги в направлении углубления теоретического изучения этого революционного метода, проверенного и испытанного в ряде революций и в последней, незадолго перед этим происшедшей, крупнейшей русской революции 1905 г. И не случайно, что именно в стране первой социалистической революции впервые Лениным была поставлена задача специального изучения диалектики и приступлено к ее разрешению.

Из всех европейских стран именно в России в конце XIX — начале XX века сложилась наиболее революционная обстановка. Революционная почва России явилась предпосылкой того, что теоретическое сознание русских революционеров-марксистов было *выше*, чем где бы то ни было в других капиталистических странах. Доказательство этого — борьба Плеханова против кантианства, начиная с 90-х годов, борьба Ленина против махизма в 1908 г. за материализм и за революционную материалистическую диалектику и тогда и позднее — против софистики и извращения этого важнейшего теоретического оружия пролетариата Бернштейном, Каутским и другими.

Из тетрадей, относящихся к теме о диалектике, на первом плане надо, конечно, поставить три тетради с конспектом «Науки логики» Гегеля (IX Ленинский сборник). К этому непосредственно примыкают напечатанные в XII сборнике конспекты гегелевской «Истории философии», в которых Ленин заботливо собрал все, что имеет отношение к диалектике. Замечания по поводу лассалевского «Гераклита» и «Метафизики» Аристотеля содержат в этом отношении точно так же необычайно много ценного. После заметок о «Гераклите» Ленин в большом отрывке о диалектике дает в противовес неправильному пониманию диалектики Гегеля Лассалем свое понимание диалектики. В этом отрывке и в ряде других замечаний («элементы диалектики» в конце конспекта «Науки логики», заметки, помещенные в XII сборнике на стр. 290—292) собраны и сведены воедино основные мысли Ленина о диалектике, вырисо-

ываются общие контуры той теоретической работы о диалектике, как она намечалась Лениным.

К тому же циклу относится и конспект книги Фейербаха о Лейбнице. Если при чтении фейербаховских лекций «О сущности религии» Ленин обращает внимание главным образом на противопоставление материализма идеализму, то здесь, в конспекте книги о Лейбнице уже виден преобладающий интерес к вопросу о диалектике. Преобладание того же интереса бросается в глаза и в тетради с выписками из книги Клаузевица «О войне». Читая ее, Ленин интересовался двумя темами и собрал с исчерпывающей полнотой относящиеся сюда места. Одной из этих тем было: «о применении диалектики к вопросу о войне», другая же тема: «вопрос о связи между политикой и войной».

Остальные заметки меньшего объема примыкают к этим основным работам, содержащим главный материал. Сюда относятся некоторые материалы к вопросу истории науки и техники, тесно связанному с материалистическим изучением диалектики. Ленин приступил к собиранию такого материала, но успел сделать лишь немного, остановившись в самом начале работы. Сюда же относится собранная Лениным библиография работ о Гегеле.

Если Ленин собирался написать работу о диалектике, то материал для этой задачи был им собран богатейший, а в отдельных частях (специально по вопросу «Гегель о диалектике») прямо-таки исчерпывающий. Чтобы написать о диалектике специальную работу, у Ленина, как и у Маркса, времени не нашлось. Но во всех статьях после 1914 г. Ленин начинает отводить место разъяснению сущности диалектики, замечаниям обобщающего характера. Ленин прямо занимается пропагандой диалектики. Например, в статье «Крах II Интернационала» он показывает разницу между диалектикой и софистикой. В статьях «Итоги дискуссии о самоопределении», «О брошюре Юниуса», «Письма о тактике» отмечаются различные моменты, особенности диалектического мышления. Наконец, в 1920—1921 гг. в статье «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина» Ленин дает

ставшее широко известным популярное разъяснение сущности диалектической логики в отличие ее от эклектизма. Все эти замечания опираются на ту работу по изучению диалектики, которую Ленин проделал в особенности в начале империалистической войны.

Понимание диалектики у Ленина отличается особенной ясностью и глубиной. Выработывая это понимание совершенно самостоятельно, Ленин сходится с той характеристикой диалектики, какую дает Энгельс, который, как и Маркс, превосходно изучил Гегеля и проделал самостоятельную работу по превращению идеалистической диалектики Гегеля в материалистическую. Такую работу проделал и Ленин, и вслед за ним должен проделать всякий марксист-теоретик. По Ленину, самое существо диалектики наиболее удачно выражает формула «единство противоположностей». Согласно выражению Ленина, эта формула удачно схватывает «ядро диалектики»¹. Раздвоение единого, противоречивость его частей является внутренним источником всякой деятельности, внутренним импульсом (побудительной силой) развития. Объективный мир, находящийся в непрерывном движении, являющийся бесконечно сложным и разнообразным, в то же время является единым (это единство мира, как говорит Энгельс, состоит в его материальности). Все грани в этом объективном материальном мире относительны и условны, все в нем изменяется и превращается в другое. И наше сознание, отражающее в общем правильно этот объективный мир, отражающее абсолютную истину объективного существования, в то же время относительно. Оно приближается к точному отражению движения объективного мира, никогда его не исчерпывая полностью, потому что это движение, развитие, изменение никогда не останавливается, не прекращается.

Как на основной недостаток метафизического материализма Ленин указывает на его неумение применить диалектику к процессу развития познания. «Подход ума (человека), — пишет Ленин при чтении «Метафизики» Аристотеля, — к отдельной вещи, снятие слепка (= по-

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 215.

нения) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (in letzter Instanz [в последнем счете] = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек **фантазии**¹. Материалистическая диалектика, применяемая к нашему познанию объективно, т. е. памятуя о том, что сознание наше определено независимо от него происходящим процессом, является лучшей гарантией против таких превращений, лучшим оружием против поповщины, окостенения мысли, против подмены живой работы ума мертвой абстракцией, ведущей к умственному застою.

Для ленинского понимания очень характерна его программа изучения и изложения диалектики. И в этом отношении громадная заслуга Ленина состоит в том, что он спасает диалектику от упрощения, от опошления, от превращения ее в софистику, как это происходит у ренегатов II Интернационала Каутского, Вандервельде, Отто Бауэра и др., и восстанавливает ее в том виде, как она имеется у Маркса.

Ленин указывает, что в самом простейшем явлении, в любом предложении необходимо вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики. В этом вскрывании особой диалектики каждой отдельной области, подлежащей исследованию, и состоит диалектический метод. Таким именно образом надо диалектику и излагать и изучать.

Ленин ставит знак равенства между диалектикой и теорией познания и указывает на то, что Плеханов не обратил на это должного внимания, а это *суть* дела.

В рассматриваемом нами третьем периоде Ленин систематически обращает внимание на недостатки плехановской диалектики и критикует их. Подмен Плехановым диалектики софистикой отмечен Лениным еще в 1904 г. В статьях периода войны это делается система-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 370.

тически. Рассматривая ошибки Плеханова, отделявшие его от диалектического материализма и приближавшие его к вульгарному материализму, Ленин отмечает, что плехановская критика кантианцев и юмистов была недостаточной потому, что Плеханов просто отвергал их рассуждения, а не исправлял, как это делал, например, Гегель, критикуя Канта.

Мы выше уже указывали, что критика Лениным махистов, данная в «Материализме и эмпириокритицизме», как раз свободна от этого недостатка. Такая критика, исправляющая, обобщающая, показывающая связь и переходы всех понятий, вообще была свойственна Ленину. Особенно же блестящие образцы такой критики находим мы в произведениях Ленина, начиная с рассматриваемого нами периода. Достаточно указать на такие произведения, как «Государство и революция», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и др. Ленин, везде показывая материальные корни тех или иных явлений в области теории, неизменно вскрывает методологические ошибки противника и показывает, как надо их исправлять.

Придавая такое огромное значение изучению диалектики, Ленин, как уже сказано, наметил программу работ для того, чтобы поставить это изучение систематически. В конспекте «Науки логики» Ленин неоднократно высказывает мысль, что продолжение дела Гегеля и Маркса состоит «в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»¹. Это, так сказать, общая установка, говорящая о том, что материалистическую историю философии, историю развития человеческой мысли нельзя отрывать от истории материального процесса производства. Но далее имеются более детальные указания, в которых дается целая программа изучения. Среди заметок при чтении лассалевского «Гераклита» Ленин перечисляет: история философии, история отдельных наук, история умственного развития ребенка, история умственного развития животных, история языка + психология + физиология органов чувств. Следовательно, короче, история позна-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 136.

ния вообще. «Вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика»¹. Вот целая программа работ по изучению диалектики.

В своем известном письме в журнал «Под Знаменем Марксизма» в 1922 г. Ленин оставил как бы завещание, как надо работать в дальнейшем в области изучения диалектики.

Ленин прежде всего указывает на необходимость борьбы за материализм против «философской реакции» и «философских предрассудков» так называемого «образованного общества»², т. е. против идеализма, против поповщины. Ленин приглашает неуклонно разоблачать и преследовать всех современных «дипломированных лакеев поповщины»³, представителей реакционной буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, вести атеистическую пропаганду. Ленин указывает на необходимость союза со всеми последовательными материалистами и «с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма»⁴.

Ленин напоминает, что из той крутой ломки, которую переживает современное естествознание, сплошь да рядом рождаются «реакционные философские школы и шkolки, направления и направленьица»⁵. И для того, чтобы справиться со всеми сложными и трудными вопросами, возникающими в связи с этим, не дать сбить себя с пути научного исследования, необходимо, как говорит Ленин, быть «сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть... быть диалектическим материалистом»⁶. И Ленин, обращаясь к сотрудникам журнала «Под Знаменем Марксизма», говорит дальше, что надо делать, как работать, чтобы овладеть материалистической диалектикой.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 350.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, 4 изд., стр. 202.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 206.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 207.

«Чтобы достигнуть этой цели, сотрудники журнала «Под Знаменем Марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай) — т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обуславливали до сих пор застои и гниение во многих передовых государствах Европы, — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм.

Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и несомненно первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае»¹.

К тому, что говорит здесь Ленин о необходимости изучения образцов диалектики у Маркса, следует добавить, что столь же важно изучать и ту материалистическую диалектику, которая имеется во всех произведениях Ленина. Это важно особенно потому, что в его работах, речах, выступлениях дается материалистическое освещение и объяснение явлений и событий новейшей истории: первой всемирной империалистической войны и пролетарской революции. В философских же тетрадах Ленина (IX и XII Ленинские сборники) дана исчерпывающая характеристика материалистической диалектики и содержится много ценнейших указаний, как ее изучать.

«Большевик» № 2, 1930

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, 4 изд., стр. 207—208.

О ЗНАЧЕНИИ РАБОТ ЛЕНИНА ДЛЯ ФИЛОСОФИИ

Сознательное применение диалектики, этого более высокого, более совершенного метода мышления по сравнению с метафизическим, возведение диалектики в принцип мышления (как это сделано было Гегелем) явилось результатом развития немецкой философии в конце XVIII — начале XIX века, несомненно, в связи с великой французской буржуазной революцией. Связь такого яркого проявления революционного характера буржуазного общества с диалектическим сознанием не случайна. В эту именно эпоху с характерной для нее начавшейся неустойчивостью всех отношений, когда старинные, веками существовавшие учреждения, старая система общественного строя с ее понятиями, верованиями, складом мышления подвергалась быстрой ломке, — именно в эту эпоху и должна была создаться и созреть теория всеобщего движения.

Маркс неоднократно указывал на революционную основу капиталистических отношений, на невиданно быстрый темп общественного развития при капитализме по сравнению с предшествовавшими эпохами, как на характерные отличительные особенности буржуазного общества.

«Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем

как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен»¹.

Быстрота развития технической основы производства при капитализме оказывает определенное влияние и на все общественные отношения. Об этом прекрасно говорится в *«Коммунистическом манифесте»*. «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других»².

Гегель, в философии своей отразивший революционную эпоху, дает в своих произведениях сознательно примененный диалектический метод, который у него еще облечен, однако, в мистическую форму. Диалектика Гегеля была идеалистической. В этой непоследовательности и в ряде других недостатков гегелевской философии выразилась ограниченность, проявился общественный характер тех кругов, идеологическим выражением которых была эта философия.

Все же, несмотря на свои недостатки, диалектический метод немецкой философии был громадным приобретением. «Именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии,.. — говорит Энгельс, — что философия Гегеля раз и навсегда разделалась со всяким представлением об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия... Диалектическая философия разрушает все представления об окончательной абсолютной истине и о соответствующих ей абсолютных состояниях человечества так же, как буржуазия, посредством крупной промышленности, конкуренции и

¹ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 492.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 427.

всемирного рынка, практически разрушает все устоявшиеся, веками освященные учреждения»...¹

Как известно, диалектический метод — этот лучший плод немецкой философии — был поднят на высшую ступень вождями и теоретиками пролетариата — Марксом и Энгельсом, освободившими, спасшими гегелевскую диалектику от ее непоследовательности, от ее слабости, от идеализма.

Буржуазия была в свое время революционным классом, но, ведя борьбу против феодальной эксплуатации, против феодальных классовых отношений, она стремилась сохранить и упрочить эксплуатацию буржуазную. Установив свое классовое господство, буржуазия всеми силами старалась укрепить новую форму рабства — наемного рабства, явившегося на смену рабства феодального.

Иное дело пролетариат. Он является самым революционным классом, потому что в борьбе своей против традиций старого, против отношений эксплуататорского общества, он идет до конца, до полной отмены всякой эксплуатации, всякого угнетения. Пролетариат ставит своей задачей полное уничтожение классов и создание бесклассового общества. Осуществляет он эту задачу путем классовой борьбы. Пролетариат мобилизует такие массы, развивает такие могучие силы, перед которыми ничто не может устоять. Для своей работы и борьбы пролетариат не может нуждаться ни в каких иллюзиях. Наоборот, величайшая трезвость и ясность теоретического сознания являются непременным условием успешного развития его борьбы. Поэтому диалектический материализм, наносящий окончательный, смертельный удар всякой поповщине, всяким формам идеализма, и является философией пролетариата.

Диалектический материализм — это самый последовательный материализм. Его характерной отличительной чертой является наибольшая конкретность, партийность, забота о практическом проведении в жизнь классовых задач пролетариата. Диалектический материализм вы-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 343.

рабатывает прочное убеждение, что теоретик сможет обогатить действительным содержанием свою работу только при том условии, если он безоговорочно и последовательно встанет на службу пролетарской революции.

Маркс и Энгельс — основоположники научного коммунизма, первые вожди и теоретики современного пролетариата — во всех своих произведениях, во всей своей деятельности были неизменно последовательны и верны материалистической диалектике. В их произведениях гениально отразилась диалектика назревающей революции, в которой пролетариат должен завоевать коммунизм. Дальнейший ход борьбы подтверждал теоретические положения Маркса и Энгельса, их основанное на глубоком изучении предмета научное предвидение — о природе пролетариата, о его классовый борьбе и исторических задачах, о диктатуре пролетариата и переходном периоде, о природе прочих классов современного общества и отношениях к ним пролетариата и т. д. То обстоятельство, что произведения Маркса и Энгельса являются наиболее ценными образцами материалистической диалектики, делает особенно важным изучение марксизма по подлинным произведениям Маркса и Энгельса.

Новая эпоха мировой истории, открытая победой пролетариата, установлением его диктатуры в нашей стране, находит свое выражение в теоретической области, в области философии, в дальнейших успехах и победах диалектического материализма. Лучшим теоретическим представителем и выразителем этой эпохи является Ленин, его произведения, его деятельность. Для всей науки, в том числе и для философии, произведения Ленина представляют исключительное значение. Ленин — продолжатель дела Маркса — в новой исторической обстановке продвинул вперед теорию марксизма и в области философии, и в области политической экономии, и в области социализма, т. е. в области всех трех «составных частей» научного коммунизма.

Для того чтобы сделать хотя бы беглый обзор всего созданного Лениным, необходим ряд статей, даже ряд книг. Достаточно указать хотя бы на то, что в области

одной лишь политической экономии самостоятельная работа Ленина выразилась в исчерпывающем теоретическом освещении таких обширных и сложных вопросов, как вопрос о капитализме в России, аграрный вопрос, вопросы экономики империализма и экономики переходного периода.

Как много сделано Лениным для социализма, станет ясно, если отдать себе отчет в том, что он явился вождем и теоретиком пролетариата, создателем его партии (так как она складывалась под его непосредственным руководством), — партии, сыгравшей и играющей такую выдающуюся, руководящую роль в социалистической революции, в организации пролетарской диктатуры, в социалистическом строительстве.

Мы здесь ограничимся беглым обзором работы Ленина в области философии. В одной статье невозможно, конечно, дать сколько-нибудь полное освещение даже и одной этой стороны его работы. Поэтому здесь мы отметим только несколько существенных моментов и отметим некоторые указания Ленина, в каком направлении надо вести работу изучения материалистической диалектики, как продолжать дело Маркса и Энгельса в этой области и как бороться за материализм.

В том, что сделал Ленин для философии, важно отметить следующие четыре момента:

1. Применение материалистической диалектики к вопросам теории познания и указание на то, в каком направлении должна идти разработка диалектики.

2. Применение материалистической диалектики к вопросам естествознания, в частности к вопросам современной физики, и указание на то, как помогать работе специалистов в области естествознания.

3. Глубокое освещение теории исторического материализма и дальнейшее ее развитие, применение ее к историческим явлениям новой эпохи.

4. Материалистическая диалектика в политике и тактике. Особое внимание необходимо обратить на глубочайшее теоретическое содержание этой стороны деятельности Ленина.

На каждом из этих пунктов следует вкратце остановиться.

В сжатом виде взгляды Ленина на сущность материалистической диалектики изложены им в его заметке «К вопросу о диалектике». Здесь итог, сводка многолетнего продолжительного изучения вопроса. Вот в чем Ленин видит существо вопроса: «Диалектика, — пишет он, — *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»¹. Дальше Ленин отмечает, что основная *беда* метафизического материализма — это его «неумение применить диалектики к *Bildertheorie* [теории отражения], к процессу и развитию познания»². Для Ленина логика, диалектика и теория познания — это одно и то же. Вопросы теории познания можно разрешить лишь сознательным применением диалектики к процессу и развитию познания. Так же, как и Маркс, Ленин считал, что Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину общих форм диалектического движения. Но в то же время Ленин (как и Маркс) ни на минуту не забывает об идеализме Гегеля, отмечает мистифицированный характер гегелевской логики. «Нельзя *применять* в данном ее виде; нельзя *брать* как данное, — говорит Ленин. — Из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от *Ideenmystik* [мистики идей]: это еще большая работа»³.

Неоднократно отмечая повторяющуюся у Гегеля чрезвычайно глубокую мысль о совпадении логического и исторического, Ленин делает заметки по этому поводу в ряде мест своих конспектов гегелевских произведений. Логика — это «итог, сумма, вывод *истории* познания мира»⁴. Диалектика Гегеля — это «обобщение истории мысли. Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на *истории отдельных наук*. В логике история мысли *должна*, в общем и целом, совпадать с законами мышления»⁵. Законы мышления, понятия людей отражают в сознании людей

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 360.

² Там же.

³ Там же, стр. 262.

⁴ Там же, стр. 81.

⁵ Там же, стр. 314.

сквозь призму общественных отношений всю человеческую практику. «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом»¹. «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения»².

Маркс и Ленин, стоя на почве диалектического материализма, считают, что человеческое мышление развивается исторически на основе производственной деятельности общества. «Истина есть процесс, — говорит Ленин, — от субъективной идеи человек идет к объективной истине *через* «практику» (и технику)»³.

Таков именно путь образования понятий человека, развития его мышления. Невозможно понять до конца законов мышления, невозможно создать действительную науку о познании и мышлении, не изучая основательнейшим образом *историю* происхождения и развития мышления в связи с историей развития производительного труда. Маркс в «Капитале» говорит: «Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и приистекающих из них духовных предвставлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса, — некритична»⁴. Изучение логических категорий, законов логики и диалектики ни в коем случае не должно составлять исключения в этом отношении. Нельзя упрощать дела, нельзя забывать о крайней сложности процесса мышления и о сложной, непростой связи между мышлением и внешним миром. Определяющую роль в этом деле играют общественные производственные отношения, накладывающие свою печать на все мышление; и самое отражение в сознании — весьма сложный акт.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 181—182.

² Там же, стр. 209.

³ Там же, стр. 192.

⁴ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 378.

«Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (=понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (in letzter Instanz [в последнем счете]=бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек *фантазии*»¹.

В деле изучения этих сложных вопросов прочной, твердой опорой, гарантией от опасности идеалистических ошибок должна быть материалистическая диалектика, понимаемая и применяемая так, как понимали и применяли ее Маркс и Ленин. Ставя своей задачей материалистическое изучение истории человеческого мышления и развития на основе такого изучения теории познания диалектического материализма, Ленин дает целый обширный план работы в этом направлении:

История философии, пишет Ленин, следовательно: отдельных наук, умственного развития ребенка, умственного развития животных, развития языка + психология + физиология органов чувств — «вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика»². Продолжение дела Гегеля и Маркса Ленин видел «в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»³.

В направлении, указанном Лениным, сделано еще чрезвычайно мало. Подвинуть эту работу быстрее вперед — такова задача в области философии марксизма, в области разработки теории диалектики.

Надо иметь в виду две опасности, преодоление которых необходимо для того, чтобы отстоять материалистическую диалектику. С одной стороны, опасность недооценки теории, непонимание законности и необходимости обобщений, необходимости изучения законов

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 370.

² Там же, стр. 350.

³ Там же, стр. 136.

диалектики. Такой теоретический нигилизм приводит неизбежно к эмпиризму, к механическому материализму, а в конечном счете к эклектизму и идеализму и вообще к подчинению буржуазной идеологии. С другой стороны, представляется другая опасность очутиться во власти абстракции, потерять связь с конкретной действительностью, ограничиться диалектикой понятий (хотя бы она обладала марксистской внешностью), — словом, опасность сбиться на путь идеализма, забыть о требовании материализма идти от вещей к ощущениям и понятиям, а не от понятий к вещам.

Изучение гегелевской диалектики надо вести, опираясь на Маркса и Ленина. Не Гегель, а Маркс находится в центре внимания Ленина, когда он рекомендует в письме 1922 г. в редакцию «Под Знаменем Марксизма», «опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля... разрабатывать эту диалектику со всех сторон»¹. Ошибочно поэтому в изучении диалектики центральной фигурой делать Гегеля, а не Маркса и Ленина, поднявших диалектику на новые ступени.

* * *

Второй крупнейшей философской заслугой Ленина является постановка и разрешение им вопросов теории познания в связи с новейшими теориями в современной физике, т. е. применение диалектического материализма к изучению природы. Не будучи специалистом-физиком, но превосходно владея диалектическим материализмом, Ленин разобрал все важнейшие теории представителей современной физики и показал в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», что вся теоретическая путаница у современных физиков происходит от незнания ими диалектического материализма, если не считать, конечно, добавляет Ленин, тех «очень важных житейских соображений», которые заставляют буржуазных профессоров обычно отрекаться от материализма.

Ленин показал, что новейшие открытия физики блестяще подтверждают диалектический материализм. Если

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, 4 изд., стр. 207.

научное исследование открыло, что атомы, считавшиеся, согласно старым взглядам, последними основными неделимыми частицами материи, разлагаются на гораздо более мелкие составные части — электроны, и как бы исчезают, то отсюда никак нельзя делать вывода, что с исчезновением атома исчезает и материя вообще, что наше познание вообще бессильно, что познать действительный мир нам не дано. Ленин указал на то, что новые открытия, ведущие к отказу от старых научных теорий, ведут к углублению нашего познания материи (т. е. объективной реальности, существующей вне нашего познания) и таким образом подтверждают силу и глубину нашего познания.

«Материя исчезает», — говорит Ленин, — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо *единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания.

Ошибка махизма вообще и махистской новой физики состоит в том, что игнорируется эта основа философского материализма и различие материализма метафизического от материализма диалектического. Признание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» и т. п. не есть материализм, а есть *метафизический*, т. е. антидиалектический материализм. Поэтому И. Дицген подчеркивал, что «объект науки бесконечен», что неизмеримым, непознаваемым до конца, *неисчерпаемым* является не только бесконечное, но и «самый маленький атом», ибо «природа во всех своих частях без начала и без конца» («Мелкие философские работы»). Поэтому Энгельс приводил свой пример с открытием ализарина в каменноугольном дегте и критиковал *механический* материализм. Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т. е. диалектически-материалистической, точки зрения, надо спросить: существуют

ли электроны, эфир и так далее вне человеческого сознания, как объективная реальность или нет? На этот вопрос естествоиспытатели так же без колебания должны будут ответить и отвечают постоянно *да*, как они без колебаний признают существование природы до человека и до органической материи. И этим решается вопрос в пользу материализма, ибо понятие материи, как мы уже говорили, не означает гносеологически *ничего иного*, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им»¹.

Разбирая теории естествоиспытателей, Ленин их критиковал как материалист-диалектик, давая точные указания, в чем состоят их ошибки, как эти ошибки надо исправлять, по каким линиям, в чем состоят отступления их от материализма из-за незнания диалектики.

«Все старые истины физики, вплоть до считавшихся бесспорными и незыблемыми, оказываются относительными истинами, — *значит*, никакой объективной истины, не зависящей от человечества, быть не может. Так рассуждает не только весь махизм, но весь «физический» идеализм вообще. Что из суммы относительных истин в их развитии складывается абсолютная истина, — что относительные истины представляют из себя относительно-верные отражения независимого от человечества объекта, — что эти отражения становятся все более верными, — что в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины, — все эти положения, сами собою разумеющиеся для всякого, кто думал над «Анти-Дюрингом» Энгельса, представляют из себя книгу за семью печатями для «современной» теории познания»².

Такова точка зрения диалектического материализма, последовательно проводимая Лениным. Его книга «Материализм и эмпириокритицизм», написанная более двадцати лет тому назад, и в настоящее время нисколько не потеряла самого злободневного значения, потому что в области естествознания продолжается революция. Научная работа приводит все к новым открытиям и

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, 4 изд., стр. 247—248.

² Там же, стр. 295—296.

разобраться во всем огромном материале новых фактов и теорий невозможно, не овладев методом диалектического материализма.

В своем письме в редакцию журнала «Под Знаменем Марксизма» Ленин усиленно подчеркивал задачу марксистов помочь современным естествоиспытателям найти «в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды»¹.

* * *

По вопросам исторического материализма в произведениях Ленина имеется богатейшее содержание. И в этой области он поднял марксистскую теорию на новую ступень. Отметим несколько особо важных моментов.

Прежде всего необходимо особо подчеркнуть основную отличительную черту всех произведений Ленина, посвященных вопросам общества и дающих материалистическую теорию общества, — это последовательность его материализма, полную свободу от какой-либо даже тени отступлений от материализма в общественных вопросах (как в теории, так и на практике). И в этой области Ленин в своих произведениях стоит неизмеримо выше всех крупнейших марксистских теоретиков эпохи II Интернационала.

Наиболее выдающиеся из них, например Плеханов, не свободны от буржуазных влияний (вопрос о классах и классовой борьбе, о государстве, о революции и т. д.). В произведениях Ленина, как и в произведениях Маркса, мы встречаем непревзойденные образцы материалистического разрешения общественных вопросов, последовательный материализм в понимании истории и в исторической деятельности.

Особенно ярко это сказывается в центральном вопросе, в вопросе о классах и о классовой борьбе. Чрезвычайно важное значение Ленин придавал учению об

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, 4 изд., стр. 208.

общественных формациях, справедливо видя в нем одну из основ исторической теории Маркса. Не общая «социология», а изучение особых законов, свойственных каждой особой общественной формации, — такую цель ставит марксизм.

В своих заметках на «Экономику переходного периода» Бухарина Ленин критикует автора как раз именно за «социалистическую схоластику», за абстрактность «общих» теорий «вобще», «à la Спенсер»¹ и, можно добавить, «à la Богданов».

Излагая суть марксистской теории классовой борьбы, Ленин на первый план выдвинул как особую ее заслугу то, что она выработала «понятие *общественно-экономической формации*. Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт — способ добывания средств к жизни», — говорит Ленин, — теория классовой борьбы Маркса поставила в связь с этим фактом «те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений («производственных отношений» по терминологии Маркса) указала ту *основу* общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли»².

И дальше Ленин подчеркивает, что необходимо изучать именно своеобразную закономерность каждой формации. Сам Маркс, изучая закономерность капитализма, своей задачей вовсе не ставил давать «историко-философскую теорию о всеобщем пути» (письмо в редакцию «Отечественных записок») ³. «Каждая такая система производственных отношений, — говорит Ленин, — является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»⁴.

Как особую заслугу и отличительную черту ленинского понимания исторического материала необхо-

¹ Ленинский сборник XI, стр. 348.

² В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 390.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 315.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 390.

димо отметить последовательное проведение материализма, соединяющее теорию и практику в противоположность профессорскому апологетическому объективизму, совершающему разрыв между теорией и практикой. Ленин, конечно, включает в объективный процесс активность классовой борьбы. Как истинный марксист, он в полной мере учитывает значение исторической деятельности масс революционного класса — пролетариата и руководимых им масс трудящихся.

«Мои идеалы построения новой России, — писал Ленин в 1912 г. в статье «О политической линии», — будут нехимичны лишь тогда, когда они выражают интересы, действительно, существующего класса, которого условия жизни заставляют действовать в определенном направлении. Становясь на эту точку зрения объективизма классовой борьбы, я нисколько не оправдываю действительности, а напротив указываю в *самой* этой действительности самые глубокие (хотя бы и невидные с первого взгляда) источники и силы ее преобразования»¹.

Почти двумя десятилетиями раньше этого Ленин выражал то же самое, подчеркивая, что диалектический материализм последовательнее буржуазного объективизма, «глубже, полнее проводит свой объективизм». Материалист-диалектик «не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость... материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключаящих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, 4 изд., стр. 302.

² В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 380—381.

Здесь, как и во всей своей политической и литературной деятельности, Ленин сочетает теорию и практику, подходит к вопросам не абстрактно «вообще», а ставит и разрешает их конкретно.

Понимая, что дух и суть теории марксизма состоит не просто в повторении того, что было сделано в области теории Марксом, а в применении марксистского метода к новым вопросам изменяющейся конкретной действительности, Ленин указывал на эту именно задачу и в начале своей деятельности и оставался верен этому материалистическому методу до конца. Не догматическое усвоение теории Маркса, а живое применение всего добытого Марксом теоретического богатства к современной классовой борьбе пролетариата — вот чему учил и что всегда проводил на практике Ленин.

И в произведениях его получила теоретическое освещение новая эпоха империализма, пролетарской революции и переходного периода во всей ее конкретности, сложности, во всем своеобразии.

Ленин применил марксистский метод к изучению особенностей русской истории и дал теоретическое объяснение особенностей русского капитализма, развивающейся на этой основе классовой борьбы, русской революции, являющейся составной частью мировой революции, социалистической в силу того, что империалистическая стадия капитализма означает его полную зрелость для социалистической революции.

«Диалектика истории именно такова, — писал Ленин в сентябре 1917 года, — что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между кото-

рой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*¹.

Глубокое понимание исторической теории Маркса, его учения об общественно-экономических формациях, о классовой борьбе и революции и применение этой теории к изучению эпохи империализма и пролетарской революции, разработка учения о государстве и диктатуре пролетариата, о переходном периоде, о классовой борьбе в эту эпоху, учения о партии и ее роли как до завоевания власти, так и при диктатуре пролетариата, учения о строительстве социализма — вот в общих чертах содержание того огромного теоретического вклада, которое внес Ленин в сокровищницу исторического материализма.

В произведениях Ленина получил освещение весь гигантский исторический опыт революционной эпохи.

Изучение всего теоретического содержания произведений Ленина в этих областях, научное исследование современности в направлениях, указанных Лениным, его методом, популяризация ленинских теорий по всем указанным вопросам — вот задачи, стоящие перед коммунистами.

* * *

Делая обзор работ Ленина с точки зрения их значения для теории диалектического материализма, необходимо отметить еще одну огромную область применения им материалистической диалектики — область практического руководства борьбой пролетариата за коммунизм. Здесь с особой выпуклостью видны основные характерные черты ленинской материалистической диалектики. Без изучения всего глубокого теоретического содержания этой области работы Ленина невозможно разработка теории материалистической диалектики.

Вся деятельность Ленина, вся его работа была направлена к одной центральной, важнейшей задаче — к задаче руководства массовой борьбой пролетариата за коммунизм. Эта практическая сторона работы Ленина

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, 4 изд., стр. 333.

чрезвычайно важна. Только при условии связи с действительным движением масс марксизм является настоящим революционным марксизмом. Ленин неоднократно говорит о необходимости неразрывной связи с массами.

«Революционера-марксиста, — писал Ленин в 1918 г. в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский», — отличает от обывателя и мещанина умение *проповедовать* темным массам необходимость назревающей революции, *доказывать* ее неизбежность, *разъяснять* ее пользу для народа, *готовить* к ней пролетариат и все трудящиеся и эксплуатируемые массы»¹. Ленин, как и Маркс, умел это делать, ни капли не принижая глубины теоретического содержания. Работая в ряде областей науки (в том числе и в области философии), Ленин находился на высоте современного развития науки и в то же время нес добытые научным исследованием результаты на службу пролетарской революции. И при этом он умел осуществлять эту связь с массами, сочетая ее с наивысшей активностью, с последовательно проводимой партийностью, с наибольшей конкретностью, помогая массам подняться на высшие ступени.

Плеханов правильно учил тому положению, что «нет абстрактной истины, — истина конкретна». Но повторяя это правильное положение, он не умел провести его на деле, осуществить его в своей деятельности. Для Ленина же характерно, что во всех своих произведениях, во всей практической деятельности он был всегда конкретен, и поэтому у него мы находим наибольшую верность *материалистической* диалектике. Во всех спорах, из которых Ленин неизменно выходил победителем, потому что жизнь подтверждала правильность именно его позиции, сила Ленина состояла в том, что он наиболее точно, наиболее конкретно умел отражать всю совокупность соотношения классов, исчерпывающе осветить всю сложность обстановки не только внутри страны, но и во всех других странах. При этом Ленин рассматривал все классы и страны «не в статическом, а в динамическом виде... (законы которого вытекают из экономиче-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, 4 изд., стр. 268.

ских условий существования каждого класса)»¹. Движение же в свою очередь рассматривалось им «не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего»².

Эти отличительные черты ленинской материалистической диалектики можно проследить и вскрыть на массе примеров, на всей работе Ленина по руководству нашей партией и пролетарской революцией.

Необходимо также обратить особое внимание на сочетание Лениным теории и практики. В полной мере оценивая все значение революционной теории, поднимая ее на все более высокий уровень, Ленин не допускал никакого разрыва между теорией и практикой, отрыва от борьбы масс. Он был неразрывно связан с массами, умел воспринимать от масс все то ценное, что создается массовой борьбой, историческим творчеством миллионов, учиться у масс (как это учил делать Маркс). И в то же время Ленин умел выражать самым лучшим образом те конкретные задачи, которые вытекают из современного движения, облекать выражение их в такую форму, чтобы они воспринимались массами.

Эту глубину содержания всей теоретической и практической деятельности, свой подход к работе Ленин сумел передать воспитанной им и сложившейся под его руководством партии, живой организм которой является лучшим продолжателем ленинских традиций. Партийное руководство верно отражает диалектику классово-борьбы, руководя борьбой пролетариата в ленинском духе, продвигая вперед дело социалистического строительства, ведя пролетарские массы на все более высшие ступени.

В работе нашей ленинской партии, в решениях ее органов, в руководящей работе Центрального Комитета — вот где находит свое лучшее выражение и применение материалистическая диалектика. Вне связи с работой всей партии не может быть никакого марксизма, никакого диалектического материализма. Ленин, умевший быть партийным в философии, сумел научить нашу

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 58.

² Там же.

партию материалистической диалектике. На практике это подтверждено успешной выработкой генеральной линии и успешным ее проведением.

Все указанные отличительные черты Ленина, его произведений, его практической деятельности являются лучшим концентрированным выражением классовых особенностей пролетариата, имеют глубокое основание в самой природе этого класса, необходимы для выполнения им своих исторических задач.

Наибольшая верность материалистической диалектике, наибольшая конкретность в деле борьбы за коммунизм, выражающаяся в тесной связи с массами, наибольшая активность и энергия, страстность борьбы со всеми проявлениями классовых врагов, последовательная партийность, теснейшая связь теории с практикой — без этих свойств своего передового отряда пролетариат не может победить, не может выполнить своей исторической задачи.

Противоположны и враждебны этим чертам особенности буржуазной (и мелкобуржуазной) классовой природы — преобладание отвлеченного над конкретным, аполитичность, беспартийность, профессорский объективизм, отрыв теории от практики, ставка на объективный ход вещей, теория самотека, отрицание роли активности и т. д. и т. п. Проявление и распространение таких влияний на пролетариат, содействие проникновению их в ряды нашей партии (это возможно в самых разнообразных формах) есть содействие подчинению пролетариата буржуазным влияниям, есть одно из проявлений классовой борьбы буржуазии против пролетариата. Ожесточенная борьба против этих тенденций в области теоретической, в области философии, в каких бы формах это ни проявлялось, есть насущная потребность нашего времени — времени последних и решительных боев за коммунизм.

В начале нашей статьи мы отмечали уже, что быстрота темпа общественного развития при господстве буржуазии была поразительна, если ее сопоставить с медленными темпами развития предшествующих эпох.

«Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства, — говорится в «Коммунистическом манифе-

сте», — создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!»¹

Но те темпы, которые мы видим при господстве буржуазии, далеко превзойдены темпами пролетарского развития, как это доказано уже особенно наглядно за последние годы на нашей практике.

Теоретически это обосновывали и на это указывали уже основоположники научного коммунизма. В «Коммунистическом манифесте» говорится о том, что пролетариат, завоевав власть, воспользуется своим политическим господством, чтобы экспроприировать буржуазию и, объединив в своих руках все орудия труда, как можно скорее² «увеличить сумму производительных сил»³.

Энгельс говорит о способности современной крупной промышленности к расширению, что по сравнению с ней способность газов к расширению представляется детской игрушкой. Развитие нашего хозяйства показывает невиданные для буржуазных стран темпы, достигнутые пролетариатом вопреки всем препятствиям, вредительству, низкому уровню нашего производства, явившемуся исходным пунктом социалистической структуры, нашей отсталости и т. д. Та способность современной крупной промышленности к расширению, о которой говорится у Энгельса, может получить полное свое развитие лишь в условиях тех производственных отношений, которые

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 429.

² В переводе Плеханова это слово неточно передано: «möglichst schnell» переведено «по возможности скорее». У Маркса сказано решительнее. В обстановке нашего этапа реконструктивного периода особенно можно оценить правильность употребленного Марксом более энергичного выражения. (Прим. В. В. Адоратского).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 446.

устанавливает пролетариат, вводящий единое плановое хозяйство, трудовую дисциплину на новых основах, когда труд превращается «из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства»¹, когда энтузиазм такого труда и планового социалистического строительства охватывает миллионы и десятки миллионов. Общественный характер средств производства при социализме «превратится, — как говорит Энгельс в «Анти-Дюринге», — из причины расстройств и периодических крахов в сильнейший рычаг самого производства»².

Когда в сентябре 1917 г. Ленин писал свою знаменитую статью «Удержат ли большевики государственную власть?», он указывал на те гигантские силы, которые скрыты, лежат под спудом в тисках эксплуататорских отношений и которые смогут полностью развернуться лишь после того, как пролетариат овладеет властью.

«Силу сопротивления пролетариев и беднейших крестьян мы еще не видали, ибо эта сила выпрямится во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата, когда десятки миллионов людей, раздавленные нуждой и капиталистическим рабством, увидят на опыте, почувствуют... что власть помогает бедноте бороться с помещиками и капиталистами, ломает их сопротивление. Только тогда мы сможем увидеть, какие непочатые еще силы отпора капиталистам таятся в народе, только тогда проявится то, что Энгельс называет «скрытым социализмом», только тогда на каждые десять тысяч открытых или прячущихся, проявляющих себя действием или в пассивном упорстве врагов власти рабочего класса поднимется по миллиону новых борцов, доселе политически спавших, прозябавших в мучениях нужды и в отчаянии, потерявших веру в то, что и они люди, что и они имеют право на жизнь, что и им может служить вся мощь современного централизованного государства, что и их отряды пролетарской милиции с полным доверием зовут к непосредственному, ближайшему

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 315.

² Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 263.

повседневному участию в деле управления государством»¹.

Тот «скрытый социализм» масс, который проявился полностью в деле защиты Советов от контрреволюционного натиска сил белогвардейцев и интервентов, — этот «скрытый социализм» обнаруживается и в деле социалистического строительства.

Материалист-диалектик Ленин этот «скрытый социализм» понимал и учитывал. А многие, воображавшие себя ортодоксальнейшими хранителями марксистских традиций, этого тогда понять не умели и сейчас не понимают.

Но чтобы полностью были развернуты все силы десятков и сотен миллионов, необходимо единое руководящееся революционной теорией партийное руководство, умеющее конкретно подходить к решению всех задач, необходима новая дисциплина, та дисциплина, о которой Ленин говорил еще в 1918 г., основанная на совершенно новых началах «дисциплина доверия к организованности рабочих и беднейших крестьян, дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе»², и необходимо поднятие уровня теоретического сознания всех участников социалистического строительства.

И тут задача борьбы за материалистическую диалектику состоит в том, чтобы не допустить отступления от конкретного к абстрактным, общим положениям, к отрыву от непосредственного выполнения конкретных задач социалистического строительства.

Для выполнения этой грандиозной задачи необходим самый широкий охват сознанием всего планового строительства и сочетания правильного понимания общих задач с точным выполнением отдельных составных его частей, необходимо диалектическое мышление, проведенное на практике, партийность, доведенная до конца.

Вот чем объясняется та страстность борьбы на философском фронте, борьбы против ошибок, допущенных так называемым «философским руководством». Эта

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, 4 изд., стр. 101.

² В. И. Ленин. Соч., т. 27, 4 изд., стр. 475.

борьба имеет самое актуальное политическое значение, так как направлена против опасных, враждебных интересам пролетариата тенденций, против отвлечения его на путь абстракции. Из всех областей общественной жизни именно политика, *мораль* и право оказывают на философию непосредственное, прямое влияние. (См. Энгельс. Письмо К. Шмидту от 27 октября 1890 г.)

Для работы в области философии, в области разработки материалистической диалектики имеется у нас прочная теоретическая основа в работах Маркса и Ленина, на них необходимо опираться, используя все богатство опыта, который дает современная нам борьба классов, пролетарская революция. Блестящее теоретическое освещение этого опыта дано в произведениях Ленина, ценность которых для философии необходимо осознать и использовать в полной мере.

«Пролетарская революция»
№ 10, 1930

МАРКС, ЭНГЕЛЬС, ЛЕНИН И ГЕГЕЛЕВСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

Вопрос о том, в какой мере, в какой части теоретическое наследство Гегеля оказало влияние на теорию и практику современного пролетариата, очень важен для полной оценки значения этого великого немецкого философа-идеалиста диалектика.

Действительное значение жизненного дела выдающегося теоретика, работника науки измеряется тем, что объективно создается в процессе его работы, тем, как его идеи находят свое осуществление в жизни, в какой степени после проверки жизнью они подтверждаются в дальнейшем ходе исторического развития.

Лучшее, что создал Гегель, — диалектический метод — было вылущено из шелухи его идеалистической философской системы, освобождено от идеализма, материалистически переработано, развито дальше великими вождями и теоретиками пролетариата — Марксом, Энгельсом и Лениным. Ход исторического развития, так же как и ход развития изучения природы, подтвердил и подтверждает далее правильность диалектического метода. Материалистическая диалектика стала теоретическим оружием самого революционного в мировой истории класса — пролетариата.

Идеализм служил у Гегеля препятствием для последовательного проведения и применения диалектического метода. Этот метод надо было переработать. «Маркс и я, — писал Энгельс в своем предисловии к «Анти-Дюрингу» (1885), — были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической

философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории»¹. Как выполнена была эта задача, Энгельс подробно рассказал в своей превосходной брошюре «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886—1888). Это «спасение» состояло в том, что Маркс и Энгельс устранили то идеалистическое извращение, которое претерпела диалектика у Гегеля. Она у него стояла на голове, они ее перевернули и поставили на ноги².

«Для Гегеля, — говорит Маркс, — процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург [творец, создатель] действительного, которое представляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»³.

Законы диалектики у Гегеля, по словам Энгельса, не выведены из природы и истории, а навязаны последним как законы мышления⁴. Таким образом, получалось нелепое представление: мир должен согласоваться с логической системой, которая сама является лишь продуктом определенных ступеней развития человеческого мышления. Энгельс указывал, что надо «перевернуть это отношение», и тогда все примет простой вид: тогда «диалектические законы, кажущиеся в идеалистической философии крайне таинственными, немедленно становятся простыми и ясными»⁵...

Мистика у Гегеля состояла в том, что категория является у него чем-то предшествующим, а диалектика реального мира — ее простым отблеском. «В действительности наоборот: диалектика головы — только отражение форм движения реального мира, как природы, так и истории»⁶.

¹ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 10.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 367.

³ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 19.

⁴ См. Ф. Энгельс. «Диалектика природы», 1955, стр. 38.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 159—160,

В своей брошюре «Людвиг Фейербах» Энгельс отмечает в виде характерных особенностей своего мировоззрения и мировоззрения Маркса (диалектического материализма), что они как представители этого нового мировоззрения решили, *во-первых*, подходить к изучению природы и истории без предвзятых идеалистических выдумок (*Schrullen*), безжалостно отбрасывая прочь всякую идеалистическую выдумку, оказывающуюся в противоречии с действительными фактами; *во-вторых*, понимать факты в их собственной, а не в какой-то фантастической связи; и, *в-третьих*, относиться к материалистическому мировоззрению со всей серьезностью и позаботиться о том, чтобы провести его со всей последовательностью во всех встречающихся на практике областях знания¹. Для Маркса и Энгельса и для продолжателя их дела Ленина материалистическая диалектика была лучшим орудием в их научной работе и самым острым теоретическим оружием в их борьбе.

Материалистическая диалектика — это теория познания, метод мышления, это отражение в общественном сознании всеобщего движения материального мира, природы и общества путем борьбы противоположностей.

Всем, изучавшим произведения Маркса и Энгельса, особенно их ранние произведения (Маркс. «Критика гегелевской философии права»; Маркс и Энгельс. «Святое семейство», «Немецкая идеология» и т. д.), должно быть хорошо известно, как основательно прошли они школу гегелевской философии и ее критического преодоления.

Гораздо менее известно, какая огромная работа по переработке гегелевской диалектики проделана Лениным. Памятником этой работы, заслуживающим внимательнейшего изучения, являются «Философские тетради» Ленина, изданные в IX и XII Ленинских сборниках².

В своих записках, конспектируя Гегеля, делая обширные выписки и отмечая свои мысли и оценки, Ленин, так же как и Маркс, переработал Гегеля коренным образом.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. 1955, стр. 366.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд.

Он перевертывал гегелевские положения, ставил их на ноги, толковал материалистически. Ленин отмечал: «Логика Гегеля нельзя *применять* в данном ее виде; нельзя *брать* как данное. Из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от *Ideenmystik* [мистики идей]; это еще большая работа»¹. Выделяя все рациональное в произведениях Гегеля, Ленин в то же время жестоко критикует идеализм, поповщину, вражду Гегеля к материализму и т. д. «Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически, — пишет Ленин, — Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу) — т. е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею»². Ленин, так же как и Маркс и Энгельс, отдавал должное гениальной гегелевской диалектике. «Я, конечно, теперь больше уже не гегельянец, — писал Энгельс Ланге в 1865 г., — но чувствую все еще большое почтение и привязанность к великому старику»³. Ленин называет гегелевскую диалектику великой⁴.

В письме в редакцию журнала «Под Знаменем Марксизма» Ленин предлагал организовать общество материалистических друзей гегелевской диалектики⁵. Но высокая оценка заслуг Гегеля не мешает и Марксу и Ленину критиковать и устранять его идеализм, поправляя его ошибки, переворачивать всю неверную, идеалистическую основу философии Гегеля.

У Гегеля встречаются прямые отступления от диалектического метода, он не справляется со своим собственным методом, и в таких случаях Ленин отмечает, что Гегель идет против самого себя.

В одном месте, в заметках ко второму тому «Истории философии», Ленин пишет: «Диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли и т. д.» «Сторонник диалектики, Гегель, не сумел понять *диалектического* перехода от материи к движе-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 262.

² Там же, стр. 92.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 174.

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 7, 4 изд., стр. 380.

⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, 4 изд., стр. 208.

нию, от материи к сознанию — второе особенно. Маркс поправил ошибку (или слабость?) мистика»¹. Здесь Ленин отмечает слабость, или, лучше сказать, грех против диалектики, совершаемый Гегелем, остающимся на идеалистической точке зрения.

В отличие от того пути выработки теоретических взглядов, который проходили Маркс и Энгельс, в развитии Ленина не было такой полосы, когда его можно было бы назвать гегельянцем. Под влиянием изучения произведений Маркса и Энгельса Ленин стал в конце 80-х годов и в начале 90-х годов материалистом-диалектиком. Ранние работы Ленина, самые первые из его дошедших до нас крупных теоретических работ (1894) — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», — показывают, что Ленин уже великолепно владел методом диалектического материализма.

Вслед за Энгельсом Ленин считал, что у марксизма три источника и три составных части: философия, политическая экономия и социализм. Во всех этих трех областях Ленин произвел огромную теоретическую работу и каждую из этих областей оплодотворил новыми теоретическими завоеваниями, двинул вперед теоретическую мысль в каждой из трех составных частей марксизма. Здесь можно будет лишь кратко сказать о работе Ленина в области философии и в частности о работе его над Гегелем.

Гегелем Ленин занимался еще в 90-х годах. Находясь в ссылке в Сибири, он читал «Энциклопедию» и «Философию права». Кроме Гегеля, Канта, Фихте, Шеллинга, изучая *диалектический материализм*, Ленин читал Спинозу, французских материалистов, Фейербаха и представителей классической немецкой философии. До нас не дошли конспекты и заметки того времени, но в списке книг, имевшихся у Ленина в ссылке, были работы всех перечисленных философов. Занимался философией Ленин наряду с основной своей работой того времени по изучению экономики России, результатом которой явился

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 279.

вышедший в 1899 г. капитальный труд «Развитие капитализма в России».

В дальнейшем работа по созданию партии, руководство газетой, руководящее участие в революции 1905 г. — не оставляли Ленину времени для специальных занятий философией, но он не переставал интересоваться вопросами философии. Во всех своих научных работах и в своей практической деятельности вождя пролетарской партии Ленин показал себя мастером в деле применения метода диалектического материализма.

Снова философией Ленину пришлось заняться лишь в 1906—1908 гг. в связи с борьбой его против махизма. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин подробно разработал вопросы теории познания диалектического материализма. В специальной главе «Новейшая революция в естествознании и философский идеализм», посвященной разбору новейших открытий физики и связанных с этими открытиями научных теорий, Ленин благодаря своему гениальному умению владеть материалистической диалектикой и в вопросах изучения явлений природы сумел сказать свое новое слово, и сказать его не вообще, а подвергая подробному разбору все виднейшие научные теории специалистов-физиков, давая точные указания, в чем состоят ошибки ученых естественников-материалистов, в чем состоят их отступления от материализма из-за незнания диалектики.

Своим анализом новейших теорий Ленин вскрыл и показал, что в физике борются два направления: идеализм и материализм. «Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм»¹ — вот вывод, к которому Ленин приходит в результате основательнейшего разбора, данного в указанной выше главе. Ленин критиковал теории ученых-естественников диалектически, выделяя правильное, исправляя ошибки, указывая, как надо вести исследование. И позднее, в 1922 г., в письме в редакцию журнала «Под Знаменем Марксизма» он давал указания, как марксисты, материалисты-диалектики, должны помогать специалистам преодолевать в области естествознания идеалистические

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, 4 изд., стр. 299.

ошибки, идя единственно научным путем материалистической диалектики.

В годы империалистической войны (1914—1916) Ленин еще раз усиленно занялся Гегелем. От этих занятий до нас дошли тетради с его заметками, о которых было уже сказано выше. За эти два-три года Лениным была проделана громадная теоретическая работа (работа по теории империализма, по теории государства и в области философии).

Темой, которой занимался Ленин в этой последней области, была специально диалектика.

Из гегелевских произведений Ленин внимательнейшим образом проработал и проконспектировал с обширными выписками большую «Логику» Гегеля (целиком), привлекая сюда «Энциклопедию». «Историю философии» Гегеля Ленин изучил тоже очень внимательно (первые два тома), кроме того, внимательно прочел и сделал ряд заметок к «Философии истории».

Здесь нет возможности остановиться на всем богатстве содержания и на громадной теоретической ценности работы Ленина по вопросам диалектики.

В написанной в 1913 г. статье «Три источника и три составных части марксизма» Ленин дает следующее краткое определение сущности диалектики, являющееся образцовым. Диалектика — это «учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи»¹.

В этом определении подчеркнуто, как мы видим, то, на что указывалось уже выше: движение, развитие всего объективного материального мира, природы и общества, путем борьбы противоположностей и отражение его в мышлении.

В краткой статье, конечно, невозможно последовательно вскрыть все богатство теоретического содержания диалектики и показать исчерпывающе, во всем объеме, те моменты, которые марксизм взял у Гегеля и развил дальше. Мы отметим здесь только важнейшее.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, 4 изд., стр. 4.

1. ПРОТИВОРЕЧИЕ КАК ВНУТРЕННИЙ ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ

Давая характеристику диалектики, Ленин отмечает как самый характерный момент диалектики *внутренний импульс движения*, развития. Борьба противоположностей — вот что является наиболее универсальным свойством всего мира, природы, общества и мышления. «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, относительно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»¹.

Этот закон диалектики, по определению Ленина, означает: «признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*)»².

«Все вещи в самих себе противоречивы, — говорит Гегель, — и именно смысл этого предложения таков, что оно сравнительно с прочими скорее выражает истину и сущность вещей... противоречие следовало бы считать за нечто более глубокое и существенное. Ибо в противоположность ему тождество есть определение лишь простого непосредственного, мертвого бытия; противоречие же есть *корень всякого движения и жизненности*: лишь поскольку нечто имеет в себе самое противоречие, оно *движется, обладает импульсом и деятельностью*»³, и т. д.

У Гегеля противоречие понимается идеалистически. Основой у него является диалектика понятий. «На самом деле, — говорит Гегель, — формы понятия суть, как раз наоборот, *живой дух действительного*, а в действительном истинно лишь то, что *истинно в силу этих форм, через них и в них*»⁴. Но гегелевский идеализм — это объективный, а не субъективный идеализм. Этим — призна-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 358.

² Там же, стр. 357—358.

³ Гегель. «Объективная логика», т. IV, ч. I, 2-й отдел учения «О сущности». (Прим. В. В. Адоратского.) См. также В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 127—128.

⁴ Гегель. «Энциклопедия», т. 1, стр. 267. (Прим. В. В. Адоратского.)

нием существования объекта — он приближается к материализму. В этом смысле Ленин и говорит, что Гегель — это «поставленный на голову материализм»¹. Хотя противоречия у Гегеля — это только диалектика понятий, но он признает за ними объективное значение. Делая выписки из второго отдела «Логики» — «О сущности», Ленин замечает: *«Хорошо сказано!! «Обычное нежничанье с вещами, заботящееся лишь о том, чтобы они не противоречили себе, как в этих так и в других случаях забывает, что таким путем противоречие не разрешается, а переносится лишь в другое место, в субъективную или внешнюю рефлексию вообще, и что последняя действительно содержит в себе в одном единстве, как снятые и соотнесенные друг с другом, оба момента, которые вследствие такого удаления и перемещения провозглашаются просто как положенность».*

(Эта ирония мила! — замечает Ленин. — «Нежничанье» с природой и историей (у филистеров) — стремление очистить их от противоречий и борьбы)...

Результатом сложения + и — будет нуль. *«Результат противоречия не есть только нуль»*².

В противоположность идеалистической диалектике понятий материалистическая диалектика признает противоречия материальной действительности.

Ленин подводит итог сделанных им длинных выписок и пишет: «Движение и *«самодвижение»* (это NB! самопроизвольное (самостоятельное), спонтаннейное, **внутренне-необходимое** движение), «изменение», «движение и жизненность», «принцип всякого самодвижения», «импульс» (Trieb) к «движению» и к «деятельности» — противоположность *«мертвому бытию»* — кто поверит, что это суть «гегелевщины», абстрактной и abstrusen (тяжелой, нелепой?) гегельянщины?? Эту суть надо было открыть, понять, hinüberretten [спасти], вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс.

Идея универсального движения и изменения (1813, «Логика») угадана до ее применения к жизни и к обще-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 92.

² Там же, стр. 124.

ству. К обществу провозглашена раньше (1847), чем доказана в применении к человеку (1859)»¹.

Марксизм применил этот метод к изучению природы и общества. В деле изучения общества применение метода материалистической диалектики привело к созданию теории классовой борьбы Маркса.

2. ПРИЗНАНИЕ ОГРОМНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ТРУДА

Следующий момент, который необходимо отметить, — это крупное значение, отводимое Гегелем труду. В 1844 г. Маркс писал в одном из своих очерков, оставшемся неопубликованным², что Гегель понимает создание человеком самого себя как процесс, понимает существо труда и считает, что телесный человек, истинный, действительный человек — есть результат своего собственного труда. Здесь нет надобности особо иллюстрировать это ссылками на Гегеля.

Однако недостатком гегелевского понимания было то, что Гегель принимал в расчет лишь умственный труд. Он «знает и признает только один вид труда, именно *абстрактно-духовный труд*»³.

Это было исправлено Марксом.

Но в некоторых случаях Гегель вопреки своему идеализму очень близко подходит к историческому материализму, выдвигая, например, мысль о важном значении орудий труда. «Орудие сохраняется, — пишет Гегель в «Логике», — между тем как непосредственные наслаждения проходят и забываются. **В СВОИХ ОРУДИЯХ ЧЕЛОВЕК ОБЛАДАЕТ ВЛАСТЬЮ НАД ВНЕШНЕЙ ПРИРОДОЙ, ТОГДА КАК В СВОИХ ЦЕЛЯХ ОН СКОРЕЕ ПОДЧИНЕН ЕЙ.** Ленин отмечает «исторический материализм как одно из применений и развитий гениальных идей — зерен, в зародыше имеющих у Гегеля»⁴.

Результатом такого развития была историческая теория Маркса. Учение о всемирно-исторической роли ра-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 130.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 517—642.

³ Там же, стр. 627.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 181.

бочего класса и руководство действительной борьбой пролетариата за освобождение всех эксплуатируемых — таково дальнейшее развитие той глубокой мысли, которая была высказана Гегелем об исторической роли труда.

3. О ЕДИНСТВЕ ПОЗНАНИЯ И ПРАКТИКИ

Далее необходимо отметить также чрезвычайно важный момент диалектики, взятый у Гегеля и развитый марксизмом, примененный им материалистически: это *признание необходимости единства познания и практики*, признание громадного теоретико-познавательного значения практики.

Можно было бы привести множество цитат из Гегеля, иллюстрирующих это положение. Укажем здесь одно место, где Гегель говорит, что «абсолютная идея есть, как оказалось, тождество теоретической и практической идеи, каждая из которых для себя еще односторонняя»¹. Имея в виду подобные места, Ленин отмечает, что, по его мнению, «несомненно, практика стоит у Гегеля, как звено, в анализе процесса познания и именно как переход к объективной («абсолютной», по Гегелю) истине. Маркс, следовательно, — добавляет Ленин, — непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания»². Или в другом месте у Гегеля говорится: «Воля поэтому сама противостоит достижению своей цели тем, что воля отделяет себя от познания и что внешняя действительность не сохраняет для нее формы истинно-сущего...»³. Ленин по поводу этого замечает: «Неисполнение целей (человеческой деятельности) имеет своей причиной (Grund) то, что реальность принимается за несуществующее (nichtig), что не признается ее (реальности) объективная действительность»⁴.

Марксизм развил и обосновал это материалистически: он стоит на той точке зрения, что необходимо строго

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 211—212.

² Там же, стр. 203.

³ Там же, стр. 208.

⁴ Там же, стр. 210.

принимать в расчет объективную действительность, но не для того, чтобы пассивно ей подчиняться, а для того, чтобы, найдя в ней соответственные силы, руководить ими для преобразования этой объективной действительности. «Мои идеалы построения новой России, — писал Ленин в 1912 г., — будут нехимеричны лишь тогда, когда они выражают интересы, действительно, существующего класса, которого условия жизни заставляют действовать в определенном направлении. Становясь на эту точку зрения объективизма классово́й борьбы, я нисколько не оправдываю действительности, а напротив указываю в *самой* этой действительности самые глубокие (хотя бы и невидные с первого взгляда) источники и силы ее преобразования»¹. Когда Маркс и Энгельс боролись в 50-х годах против «левых», Виллиха и Шаппера, занимавшихся игрой в революцию, когда Ленин вел борьбу против «отзовистов» в 1909 г. или «левых коммунистов» в 1918 г., они настаивали именно на необходимости не отрывать от действительности, а признавать ее реальность, принимать ее в расчет во всей ее конкретности и на таком изучении действительности строить тактику революционной пролетарской партии.

4. КОНКРЕТНОСТЬ

Одной из самых ценных основ метода мышления Гегеля было требование, предъявляемое им к научному мышлению, чтобы оно было конкретным. Наши мысли схватывают всеобщее, но, говорит Гегель, они должны схватывать ««не только абстрактно всеобщее, но всеобщее, охватывающее собой также и богатство особенного»»². Гегель ставил требование, чтобы научное мышление было ««не абстрактное, мертвое, неподвижное, а конкретное»»³. Ленин по этому поводу замечает, что в этом «дух и суть диалектики!»⁴.

Тут же необходимо еще раз напомнить, что у Гегеля речь идет о конкретном *понятии* и что понятие, по

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, 4 изд., стр. 302.

² В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 87.

³ Там же, стр. 88.

⁴ Там же.

Гегелю, — основа мира. «Понятие, — говорит Гегель, — правда, следует рассматривать как форму, но как бесконечную, творческую форму, которая заключает внутри себя всю полноту всякого содержания и служит вместе с тем его источником. Можно также называть понятие абстрактным, если мы под конкретным будем понимать лишь чувственно-конкретное и вообще непосредственно воспринимаемое; понятия как такового нельзя ощущать руками, и мы должны вообще оставить слух и зрение, когда дело идет о понятии. И однако понятие, как мы заметили выше, в то же время всецело конкретно, а именно постольку, поскольку оно содержит внутри себя в идеальном единстве бытие и сущность и, следовательно, все богатство этих двух сфер»¹. Гегель целиком во власти той иллюзии, что реальное является результатом мысли.

Научная мысль движется от простого к сложному и в результате воспроизводит сложное явление в целом, стремясь осветить его со всех сторон. Но метод восхождения от абстрактного к конкретному — это есть лишь способ мышления, ведущий к усвоению конкретного, — к тому, чтобы в мышлении воспроизвести конкретное, — а вовсе не ход возникновения самого конкретного. Маркс указывает на это в предисловии «К критике политической экономии»². Наши понятия лишь отражают объективно существующую материальную действительность и ближе подходят к ее изображениям в научных теориях, чем в простых чувственных восприятиях. Но это не дает еще никаких оснований к тому, чтобы подменять материальную действительность понятием.

Гегель ставит требование, чтобы понятия наиболее правильно выражали конкретную действительность. И эту особенность воспринял и последовательно материалистически развил дальше марксизм. Как раз главное научное произведение Маркса «Капитал» является образцом того, как в общих научных понятиях вопло-

¹ Гегель. «Энциклопедия», т. I, стр. 264—265. (Прим. В. В. Адоратского.)

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, 2 изд., стр. 5—9.

щается «все богатство особенного, индивидуального, отдельного»¹.

Еще в 1843 г. Маркс в одном из своих писем указал путь, каким образом философия, теория, наука может стать истиной: именно через связь с политикой. Эта связь была установлена революционным марксизмом Маркса и Энгельса и в дальнейшем расширена, укреплена, развита Лениным. Теория марксизма — не догма, а руководство к действию²: она является наиболее конкретной, учитывающей все богатство и разнообразие «особого и отдельного» в действительной жизни. Метод марксизма-ленинизма — это развитие, конкретизация, усовершенствование, освобождение от непоследовательностей и слабостей этого выдвинутого Гегелем диалектического метода, который требует конкретности, сочетания теории с практикой, исторического подхода со стороны изучающего «самодвижения» и т. д. Только материалистическая диалектика может быть действительно конкретной.

Но перечисляя здесь существеннейшие элементы диалектики, воспринятые марксизмом от Гегеля, необходимо еще раз и со всей силой отметить, что все эти мысли надо было освободить, «вышелушить» из идеалистической шелухи гегелевской системы, что сам Гегель не делал и не мог делать революционных выводов из созданного им метода, так как он стоял на почве созданной им системы идеалистической философии. Как представитель немецкой буржуазии конца XVIII и начала XIX вв. Гегель отразил ее сильные и слабые стороны. То обстоятельство, что перед немецкой буржуазией стояли тогда задачи революции, освобождения от пут феодализма и абсолютизма, нашло свое выражение в великих идеях диалектики. В системе же Гегеля, в его идеализме сказалась ограниченность и слабость немецкой буржуазии.

Последующее развитие диалектики, превращение ее в диалектику материалистическую (посредствующим звеном при переходе от Гегеля к диалектическому материализму явился Фейербах) было совершено теорети-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 87.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 396.

ками пролетариата — Марксом и Энгельсом — и продолжено дальше, развито, конкретизировано в новых условиях Лениным.

Марксизм-ленинизм последовательно применяет к изучению всех явлений исторический подход. Но в отличие от Гегеля он ставит изучение истории на последовательно материалистическую почву. Марксизм находит ключ к истории общества в истории развития труда. Но труд здесь рассматривается во всей его конкретности как производительная деятельность человеческого общества во всем ее целом.

Человеческую практику марксизм рассматривает прежде всего как практику классово-борьбы пролетариата, борющегося за уничтожение классового общества, угнетения и эксплуатации, за создание коммунистического общества.

«Историзм» марксизма, как отмечал неоднократно Ленин, состоит не только в *изучении прошлого, но в безбоязненном предвидении будущего и в смелой практической деятельности*, направленной к выполнению исторической задачи пролетариата.

В противоположность гегелевской диалектике понятий материалистическая диалектика есть диалектика всего объективного материального мира природы и общества. Мы здесь не имеем возможности остановиться на вопросах материалистической диалектики природы, которой занимались и Маркс, и Энгельс, и Ленин. Мы остановимся только на одном вопросе диалектики общественного развития — на вопросе о классово-борьбе.

Выше мы уже указывали, что в применении к истории законы диалектики находят свое яркое выражение в классово-борьбе.

Первая заслуга глубокого теоретического изучения и разъяснения закономерности развития капиталистического строя, его диалектики, принадлежит, как известно, Марксу. Начав с 1843 г. изучение капиталистического производства, капиталистических производственных отношений, закономерности их развития и исторических тенденций, заложенных в них, и в то же время ведя борьбу против наемного рабства — этой последней формы эксплуатации, — Маркс в ряде произведений

(и всего полнее в своем бессмертном классическом произведении — в «Капитале») дал научное, т. е. строго отвечающее действительности, изображение диалектики возникновения, развития капитализма и объективную неизбежность его превращения в коммунизм через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата.

Как на основу всех противоречий капитализма Маркс указал на могучее развитие производительных сил крупного общественного машинного производства, встречающее невыносимое препятствие в рамках буржуазных производственных отношений, имущественных отношений частной собственности.

«Средства производства и производство по существу своему стали общественными. Но они остаются подчиненными той форме присвоения, которая своей предпосылкой имеет частное производство отдельных производителей, когда каждый, следовательно, является владельцем своего продукта и выносит его на рынок. Способ производства подчиняется этой форме присвоения, несмотря на то, что он уничтожает ее предпосылки (мелкое частное производство. — В. А.). Это противоречие, сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, заключало в зародыше все коллизии современности»¹.

Это противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением находит свое выражение в борьбе пролетариата против буржуазии. Пролетариат является представителем могучих общественных производительных сил, развившихся в рамках капитализма. И в силу своего положения в обществе он вынужден бороться против этих рамок, ставших невыносимо узкими, препятствующими дальнейшему развитию. Положение рабочего класса в буржуазном обществе таково, что «рабочий выключается из действительности вплоть до голодной смерти»², что «чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается»³, потому что сам рабочий низводится в буржуазном обще-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 130.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 561.

³ Там же, стр. 562.

стве до положения товара. Рабочий продает свою рабочую силу, неотделимую от его личности, которая лишь формально остается свободной. С развитием техники этот товар все дешевеет. В своих заметках 1844 г. Маркс писал, что труд рабочего в буржуазном обществе «не добровольный, а вынужденный; это — *принудительный труд*»¹.

Это происходит оттого, что средства производства, а вместе с тем и самый продукт труда рабочих принадлежат не рабочим, а находятся в частной собственности капиталиста-буржуа. Оказывается, таким образом, что рабочий может существовать только тогда, когда он находит работу, а находит он ее до тех пор, пока его труд увеличивает капитал.

Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает как противоположность между организацией планомерного производства на отдельной фабрике и анархией производства во всем обществе.

Эти противоречия не выдуманные, это вовсе не «диалектика понятий» (*Begriffsdialektik*). Все подобные противоречивые понятия, — как наемный труд и капитал, буржуа и пролетарий, общественное производство и частное присвоение и т. д., — выражают имеющиеся налицо противоречия действительной жизни, противоречия, которые на самом деле существуют, на которые напрасно было бы закрывать глаза, так как они все равно заявляют о своем действительном существовании ежеминутно и весьма ощутительно.

Такая реальность, как современный мировой экономический кризис, является ярчайшим подтверждением правильности того объяснения противоречий капитализма и неизбежного их разрешения, которое дано Марксом: «*Способ производства восстает против способа обмена*»².

Мы видим воочию, как «весь механизм капиталистического способа производства перестает действовать под

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 563.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 136.

тяжестью им же самим созданных производительных сил. Он не может уже превращать в капитал всю массу средств производства; они остаются без употребления, а потому вынуждена бездействовать и промышленная резервная армия. Средства производства, средства к жизни, рабочие, находящиеся в распоряжении капитала, — все элементы производства и общего благосостояния имеются в избытке. Но, как говорит Фурье, этот «избыток становится источником нужды и лишений», потому что именно он-то и препятствует превращению средств производства и средств к жизни в капитал. Ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут вступать в действие иначе, как превратившись сначала в капитал, т. е. в орудие эксплуатации человеческой рабочей силы. Как призрак стоит между рабочими, с одной стороны, и средствами производства и средствами к жизни, с другой, необходимость превращения этих средств в капитал. Она одна препятствует соединению вещественных и личных рычагов производства; она одна мешает средствам производства действовать, а рабочим — трудиться и жить. Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства изобличается в своей собственной неспособности к дальнейшему управлению производительными силами. С другой стороны, сами производительные силы с возрастающей мощью стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, *к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил*¹.

Ученые апологеты буржуазии, и в том числе социал-демократы, отрекшиеся на деле от марксизма, но все еще продолжающие именовать себя марксистами, вроде Каутского, Гильфердинга, Отто Бауэра и др., свято верят в прочность капитализма и твердят о превращении его в социализм мирным путем. Они извращают учение Маркса и Энгельса, превращают их в либералов. Время революции, по их мнению, безвозвратно прошло. Место

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 136—137.

анархии производства занял, как они утверждают, «организованный капитализм». При таких условиях немислимы кризисы.

«Ожидания, — писал Каутский в своей большой работе 1928 г. «Материалистическое понимание истории», — что кризисы сбыта когда-нибудь достигнут такой интенсивности и продолжительности, что сделают невозможным продолжение капиталистического производства и неизбежным замену его социалистическим регулированием, — эти ожидания теперь не имеют больше под собой почвы»¹.

Каутский совершенно неверно считает, что причины кризиса лежат в несоответствии между гигантским расширением промышленности и неизмеримо более медленным развитием сельского хозяйства, не поспевающего за могучим развитием промышленности. Другую причину он видит в последствиях мировой войны, которую считает случайной катастрофой, не понимая неизбежности подобных войн в условиях империализма, когда идет борьба за передел мира между конкурирующими друг с другом империалистическими державами, их группировками. Умалчивая о главной, указанной Марксом и Энгельсом, причине кризисов — самом капиталистическом способе производства, Каутский заявляет, что кризисы вытекают из «особых положений, из политических и военных катастроф и ошибок законодательства, а не из самого существа капиталистического воспроизводства вообще»²!

В настоящее время — вот уже два-три года — свирепствует кризис, превосходящий по своей силе, глубине, широте охвата и массовым бедствиям, сопутствующим ему, все случившиеся до сего времени. Небывалое в истории капитализма сокращение производства: армия безработных, насчитывающая уже не один десяток миллионов людей, разорение десятков миллионов крестьянских хозяйств, уничтожение гигантских запасов самых разнообразных продуктов (например, уничтожение

¹ К. Каутский. «Материалистическое понимание истории», стр. 546 (нем. изд.). (Прим. В. В. Адоратского).

² Там же, стр. 550.

части урожая хлопка в САСШ и т. п.), биржевые крахи, банкротства, захватившие такие цитадели мирового капитализма, как САСШ, Англия, Франция, — все это принимает невиданные до сих пор грандиозные размеры, захватывая все страны капитализма.

Кризис наглядно показывает, что буржуазия неспособна оставаться далее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. «Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т. е. ее жизнь несовместима более с обществом»¹.

И в то же время в недрах капитализма уже созрели материальные предпосылки для перехода к коммунизму.

Буржуазные теоретики II Интернационала обнаруживают полную беспомощность, полную неспособность разобраться во всей совокупности этих явлений. Только Ленин, являющийся представителем диалектического материализма, продолжателем дела Маркса и Энгельса, развивший, конкретизировавший их учение в новых условиях, сумел вскрыть все противоречия новейшей стадии развития капитализма — империалистической его стадии. Маркс доказал неизбежность роста монополии при развитии капитализма, но он нигде, никогда не говорил, что монополия устранил конкуренцию. Пока существует капитализм, конкуренция будет продолжать существовать.

«Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, — говорит Ленин, — «спутывает» со свободой конкуренции монополии, но *устранить* обмена, рынка, конкуренций, кризисов и т. д. империализм не может.

Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, кон-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 435.

куренцией, кризисами, — вот существеннейшая особенность империализма вообще»¹.

Ленин, как никто другой, глубоко изучил все противоречия, все особенности империализма и убедительно, теоретически доказал в ряде работ еще задолго до начала революции 1917 г., что время социалистической революции наступило. Метод диалектического материализма, помогающий видеть действительность во всей ее конкретности, был в руках Маркса, Энгельса и Ленина могучим теоретическим оружием. Пользуясь им, они давали поразительные образцы научного предвидения. Так, например, Энгельс в 80-х годах нарисовал удивительно правильную картину будущей войны в «Введении к брошюре Боркгейма «На память ура-патриотам 1806—1807 гг.»»². В октябре 1916 г. Ленин отчетливо наметил своеобразие, последовательность и ход неизбежно наступающей социалистической революции. «Социалистическая революция в Европе *не может быть* не чем иным, — писал Ленин в 1916 г., — как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия *не возможна массовая* борьба, не возможна *никакая* революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но *объективно* они будут нападать на *капитал*, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков»³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, 4 изд., стр. 426.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, 1 изд., стр. 299—304.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 22, 4 изд., стр. 340—341.

Теперь, после огромного опыта пролетарской революции, на основе опыта диктатуры пролетариата в СССР, существующей уже 15 лет, мы видим, как глубоко верна картина хода революции, нарисованная Лениным. Можно было бы проследить, как в его формулировках намечены линии развертывавшихся впоследствии событий.

Ленин показал неизбежность социалистической революции, и исторический ход блестяще подтвердил и это теоретическое предвидение.

«Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*¹.

Являясь верным, последовательным представителем революционного марксизма, который своей необходимой составной частью предполагает «смелую историческую деятельность», Ленин не только теоретически изучил особенности империалистической стадии капитализма, вскрыл противоречия империализма и показал, что империализм — это канун пролетарской революции, он принял непосредственное участие в практическом совершении перехода от капитализма к коммунизму через диктатуру пролетариата. Под прямым руководством Ленина совершилось взятие власти пролетариатом и организация Советской власти. Так осуществилось теоретическое научное предвидение Маркса о диктатуре пролетариата. И эта новая власть победила вооруженное

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, 4 изд., стр. 333.

сопротивление эксплуататоров в продолжительной гражданской войне.

Переход к коммунизму совершается через классовую борьбу пролетариата, через его диктатуру. На это со всей ясностью указал Маркс. Учение о диктатуре пролетариата является основным в марксистской теории перехода от капитализма к коммунизму. Такова диалектика исторического развития, и ее непреложная необходимость полностью подтверждается на деле, на практике, тем историческим развитием, которое происходит в СССР.

После взятия пролетариатом власти классовая борьба не прекращается, а, наоборот, обостряется. Вот какое разъяснение дает Ленин значению и содержанию этого диалектического процесса.

В статье «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое», написанной им вскоре после установления диктатуры пролетариата в России, в январе 1918 г., Ленин говорит, что все запуганы «доведением классовой борьбы до крайнего обострения, ее превращением в гражданскую войну, единственно законную, единственно справедливую, единственно священную, — не в поповском, а в человеческом смысле слова священную войну угнетенных против угнетателей за их свержение, за освобождение трудящихся от всякого гнета. В сущности все эти придавленные, оглушенные, запуганные буржуа, мелкие буржуа и «служащие при буржуазии» руководятся, часто сами не сознавая этого, тем старым, нелепым, сентиментальным, интеллигентски-пошлым представлением о «введении социализма», которое они приобрели «понаслышке», хватая обрывки социалистического учения, повторяя перевертывание этого учения невеждами и полужнайками, приписывая нам, марксистам, мысль и даже план «ввести» социализм.

Нам, марксистам, такие мысли, не говоря о планах, чужды. Мы всегда знали, говорили, повторяли, что социализма нельзя «ввести», что он вырастает в ходе самой напряженной, самой острой, до бешенства, до отчаяния острой классовой борьбы и гражданской войны, — что между капитализмом и социализмом лежит долгий период «родовых мук», — что насилие всегда бывает

повивальной бабкой старого общества, — что переходному периоду от буржуазного к социалистическому обществу соответствует особое государство (т. е. особая система организованного насилия над известным классом), именно: диктатура пролетариата. А диктатура предполагает и означает состояние подавленной войны, состояние военных мер борьбы против противников пролетарской власти. Коммуна была диктатурой пролетариата, и Маркс с Энгельсом ставили в упрек Коммуне, считали одною из причин ее гибели то обстоятельство, что Коммуна *недостаточно* энергично пользовалась своей вооруженной силой для подавления сопротивления эксплуататоров.

В сущности, все эти интеллигентские вопли по поводу подавления сопротивления капиталистов представляют из себя не что иное, как отрывку старого «соглашательства», если говорить «вежливо». А если говорить с пролетарской прямоотой, то придется сказать: продолжающееся холопство перед денежным мешком, вот — суть воплей против современного, рабочего насилия, применяемого (к сожалению, слишком еще слабо и не энергично) против буржуазии, против саботажников, против контрреволюционеров...

Когда буржуазия и привыкшие служить ей чиновники, служащие, врачи, инженеры и пр. прибегают к самым крайним мерам сопротивления, это ужасает интеллигентов. Они трепещут от страха и вопят еще более визгливо о необходимости вернуться к «соглашательству». Нас же, как и всех искренних друзей угнетенного класса, крайние меры сопротивления эксплуататоров могут лишь радовать, ибо мужания, созревания пролетариата к власти мы ждем не от уговоров и уговариваний, не от школы сладеньких проповедей или поучительных декламаций, а от школы жизни, от школы борьбы. Чтобы стать господствующим классом и окончательно победить буржуазию, пролетариат должен *научиться* этому, ибо сразу ему неоткуда взять такого умения. А научиться надо в борьбе. А учит только серьезная, упорная, отчаянная борьба. Чем более крайним является сопротивление эксплуататоров, тем энергичнее, тверже, беспощаднее, успешнее будет подавление их эксплуати-

руемыми. Чем разнообразнее будут попытки и потуги эксплуататоров отстоять старое, тем скорее обучится пролетариат выгонять своих классовых врагов из их последних закоулков, подрывать корни их господства, устранять самое почву, на которой наемное рабство, нищета масс, нажива и наглость денежного мешка могли (и должны были) произрастать.

По мере роста сопротивления буржуазии и ее прихлебателей растет сила пролетариата и присоединяющегося к нему крестьянства. Эксплуатируемые крепнут, мужают, растут, учатся, скидывают с себя «ветхого Адама» наемного рабства по мере того, как растет сопротивление их врагов — эксплуататоров. Победа будет на стороне эксплуатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья», рабочих и крестьян. За ними победа»¹.

Таков урок материалистической диалектики, преподанный Лениным. Это лишь один из бесконечного количества образцов, которых можно было бы привести множество. Этот образец показывает, что научный социализм Маркса, Энгельса и Ленина основан на классовой борьбе (это открытие составляет заслугу Маркса), а не на утопиях, на добрых пожеланиях, т. е. на фантазиях. Марксизм-ленинизм вскрывает глубокую правду, как бы тяжела и неприятна она ни была, правду действительного хода исторического развития, действительного перехода от капитализма к социализму. То, что говорит здесь Ленин, является лишь развитием того, что говорили Маркс и Энгельс.

В 1846 г. Маркс и Энгельс писали в своей работе «Немецкая идеология»: «Революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, 4 изд., стр. 361—362, 363—364.

основу общества»¹. На одном из заседаний Союза коммунистов в 1850 г. Маркс в своей речи говорил, обращаясь к рабочим: «Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству»². В 1871 г. в знаменитой брошюре «Гражданская война во Франции», написанной по поводу Парижской Коммуны, Маркс опять повторяет эту мысль. Он говорит там, что рабочий класс знает, что «для того чтобы добиться своего освобождения и вместе с тем достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей»³.

И действительный ход истории подтверждает правильность великого диалектического закона, закона развития через борьбу противоположностей. Это блестяще подтверждает опыт борьбы и строительства в СССР.

И еще один закон диалектики, материалистически примененный и обоснованный марксизмом, подтверждается ходом исторического развития — закон диалектического отрицания. Коммунистическая революция является диалектическим отрицанием капитализма в том смысле, что пролетариат не просто разрушает и отбрасывает прочь капитализм, но, уничтожая капиталистические производственные отношения, возводит на высшую ступень, дает полное развитие всем тем культурным завоеваниям, которые достигнуты предшествующим развитием.

«Громадная способность крупной промышленности к расширению, перед которой, — говорит Энгельс, — расширяемость газов оказывается настоящей детской игрушкой»⁴. В рамках капитализма нет еще простора для этой

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, 2 изд., стр. 70.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, 2 изд., стр. 431.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, 2 изд., стр. 347.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 135.

могучей силы, нет еще вполне соответствующей возможности полного развития. Только советская система является той формой, в которой возможно быстрое развитие современного крупного общественного машинного производства. Эта форма дает достаточно простора для рационального применения и использования всех завоеваний современной техники, для развертывания всех неисчерпаемых сил многомиллионных масс пролетариата и трудящихся. Только при условии планового социалистического хозяйства возможно произвести электрификацию всей страны. Только в советском строе современные производительные силы находят себе адекватную форму. Особенно наглядно видно это из сравнения и сопоставления того, что происходит в настоящее время в странах капитализма и в Советском Союзе.

В странах капитализма — сокращение производства (САСШ в апреле 1929 г. — 620 тыс. автомобилей, в августе 1931 г. — 70 тыс.). В СССР — бурный рост крупного машинного производства, строительство и пуск гигантских предприятий. В странах капитализма безработица — десятки миллионов безработных. В СССР — полное отсутствие безработицы, недостаток рабочих рук. В странах капитализма — снижение зарплаты, ухудшение положения рабочих. В СССР — непрерывный рост зарплаты, улучшение положения рабочих при сокращении рабочего дня и т. д. и т. д.

В СССР завершено построение фундамента социалистической экономики, и все преимущества советской системы успели уже сказаться на ходе хозяйственного развития страны.

Тов. Сталин в своем докладе на XVI съезде ВКП(б) указал на следующие преимущества:

«1) власть класса капиталистов и помещиков свергнута и заменена властью рабочего класса и трудового крестьянства;

2) орудия и средства производства, земля, фабрики, заводы и т. д. отобраны у капиталистов и переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства;

3) развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли,

а принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся;

4) распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплуататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне;

5) систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантирует трудящихся от кризисов перепроизводства, роста безработицы и нищеты;

6) рабочий класс и трудовое крестьянство являются хозяевами страны, работающими не на капиталистов, а на свой трудовой народ¹.

Указанные черты советской системы ведут к необычайному подъему трудовой энергии масс, к превращению труда из тяжелой каторги в условиях капитализма «в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма»².

Темпы хозяйственного развития СССР таковы, каких не бывало в истории развития ни в одной из капиталистических стран.

Прирост народного дохода в САСШ, в Англии, в Германии в наиболее счастливые периоды «процветания» никогда не превышал 8%. В СССР в 1927/28 г. он составлял 9,8%, в 1928/29 г. — 12,6%, в 1929/30 г. — 20%. В 1930/31 г. сумма народного дохода достигла 49 млрд. руб., и прирост по сравнению с прошлым годом — более 40%.

Особенно поразительно быстрое развитие крупного сельского хозяйства — колхозов и совхозов. СССР стал в течение последних лет страной крупного сельского хозяйства.

Могучие силы социалистического труда создают чудеса. В течение 2—3 лет вырастают крупные промыш-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 321.

² Там же, стр. 315.

ленные центры в тех местах, где до этого была тундра, тайга, глушь, степь. Там, где население на квадратный километр изображалось в мелких дробных цифрах, вырастают крупные промышленные центры (Магнитогорск, Хибиногорск, Кузбасс и т. д. и т. п.).

В крайне трудных условиях, преодолевая сопротивление всего капиталистического мира, используя лишь собственные средства, пролетариат и сотни миллионов трудящихся СССР строят социалистическое хозяйство, совершают тот переход, тот скачок из царства необходимости в царство свободы, о котором писал Энгельс в 1877 г. в своем «Анти-Дюринге».

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем господство продуктов над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется плановой, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своей обобществленной жизни. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству... И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»¹.

Великое дело могучего культурного строительства пролетарской диктатуры, перехода в «действительно

¹ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 267.

человеческие» условия совершается в настоящее время в Советском Союзе. Пролетарии всех стран знают, что борьба за социализм была провозглашена и начата под руководством великих вождей и теоретиков пролетариата, материалистов-диалектиков Маркса и Энгельса. Власть буржуазии была свергнута, и было начато социалистическое строительство в СССР под руководством Ленина, гениального продолжателя их дела. Социалистическое строительство расширяется и крепнет под руководством ленинской партии ВКП(б) с ее ленинским Центральным Комитетом во главе.

Теоретическим оружием, содействующим успехам этого дела, является материалистическая диалектика, которую Маркс, Энгельс и Ленин создали и развили, продолжая те глубокие идеи, которые, правда, в мистифицированной форме были выдвинуты Гегелем.

*«Гегель и диалектический
материализм». М., 1932*

КАК ЛЕНИН ИЗУЧАЛ МАРКСА

Ленин — гениальный продолжатель дела Маркса — во всей своей работе всегда опирался на учение Маркса. Ленин — вождь Коммунистической партии — руководил борьбой пролетариата в новую эпоху — эпоху империализма и пролетарской революции. Он развивал и конкретизировал марксистскую теорию, обогащал ее новым содержанием, подытоживая опыт революционной борьбы пролетариата в новых исторических условиях.

Само собою понятно, какое большое значение имеет для нас изучение того, как Ленин работал над Марксом. Тема эта огромна. Материал к этой теме чрезвычайно обширен. Он должен быть извлечен из всех произведений Ленина, из ряда его заметок, конспектов, черновиков, сохранившихся в рукописном наследстве Ленина, и в значительной мере уже опубликованных в Ленинских сборниках.

Ленин, согласно его собственному выражению, как об этом передает Н. К. Крупская, имел обыкновение «советоваться» с Марксом¹. Как раз в самые трудные, переломные моменты революции Ленин снова и снова перечитывал произведения Маркса, глубоко их изучал, чтобы почерпнуть содержащийся в них ценнейший исторический опыт и применить его к разрешению вопросов, возникавших в процессе развития пролетарской революции, в ходе борьбы.

¹ Н. Крупская. «Будем учиться работать у Ленина», 1933, стр. 21.

В настоящей статье мы рассчитываем затронуть только некоторые вопросы нашей обширной темы. Мы остановимся на том, как Ленин понимал теорию марксизма, коснемся работы Ленина над Марксом в ранние годы его деятельности и посмотрим, как в двух важнейших вопросах Ленин опирался на Маркса, какие уроки он извлекал из изучения его произведений по вопросу о роли пролетариата в буржуазно-демократической революции и по вопросу о роли пролетариата в социалистической революции — о диктатуре пролетариата.

I

Необходимо в начале остановиться кратко на том, как Ленин понимал марксизм, как он относился к марксистской теории. Для нашей темы выяснить это очень важно, потому что это даст возможность лучше понять отношение Ленина к произведениям Маркса, его метод изучения их. Ленинское понимание марксизма — это единственно правильное его понимание. Оно вполне соответствует тому, как Маркс и Энгельс сами относились к своему учению, к вопросам теории.

Миросозерцание марксизма — диалектический материализм. Он учит, что недостатком всего домарксовского материализма было игнорирование практической деятельности; мир только объясняли, а его надо изменить. Таким образом, для марксизма особенно характерна тесная связь теории с практикой. Ничего общего с марксизмом не имеет одно лишь внешнее, словесное признание теории Маркса социал-демократией, отрыв теории от практики. Социал-демократы признают марксизм только на словах, на деле же извращают, уродуют революционное учение Маркса; марксистская фраза прикрывает у них измену делу пролетариата, служит для того, чтобы сохранить буржуазное влияние на пролетариат, обеспечить господство буржуазии.

Главное в марксизме — это учение об исторической роли пролетариата, вождя всех угнетенных и эксплуатируемых, и практическое выполнение им этой своей исторической роли, заключающееся в том, что пролетариат

свергает буржуазию, учреждает свою диктатуру и создает бесклассовое общество.

Для марксиста на первом плане стоит происходящее в действительности массовое революционное движение. Марксизм научно обосновывает революционную политику пролетариата. Диалектический материализм требует конкретного изучения действительности, познания закономерности капиталистического развития, изучения капиталистического строя как системы производственных отношений и учета опыта международного революционного движения. Критерием правильности теории является ее соответствие с действительным процессом общественно-экономического развития.

Для Ленина так же, как и для Маркса и Энгельса, «коммунизм не доктрина, а движение. Он исходит не из принципов, а из фактов»¹.

Теория марксизма непосредственно связана с практикой массового революционного движения. Марксизм не дает шаблонов. Необходима самостоятельная разработка теории. В ранних своих произведениях 1894 г., в статьях, написанных в 1899 г. для популярной рабочей газеты², Ленин, выдвигая на первый план значение теории, неизменно подчеркивает громадное значение практических задач классовой борьбы пролетариата. Марксист-теоретик должен дать «лозунг борьбы», выработать программу, создать организацию партии, выработать основы ее тактики. Ленин отмечает необходимость критики старых революционных теорий, необходимость «связи программы со стихийным народным движением в фабрично-заводском пролетариате», необходимость выработки «приспособленной к данным условиям организации движения». Марксист-теоретик — это прежде всего вождь пролетарской партии, руководящей массовой революционной борьбой пролетариата.

В строгом соответствии с учением Маркса Ленин во всей своей деятельности руководился убеждением, что «самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, 2 изд., стр. 281.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 4, 4 изд., стр. 185—208.

умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском мирозерцании»¹. Причем Ленин так же, как и Маркс и Энгельс, указывает, что теория не может быть преподнесена в виде готовой догмы, но должна быть проверена и усвоена массами на основе собственного опыта.

Приводя пример, как Энгельс критиковал английских социал-демократов с Гайндманом во главе за то, что они поступали «по-сектантски, не умея примкнуть к бессознательному, но могучему классовому инстинкту тред-юнионов»², Ленин в то же время указывал, что в случае, если есть «объективные условия, задерживающие рост политической сознательности и классовой самостоятельности пролетарских масс, надо уметь терпеливо, выдержанно работать рука об руку с ними, не делая уступок в своих принципах, но и не отказываясь от деятельности *в гуще* пролетарских масс»³.

Можно было бы привести сотни мест из произведений Маркса и Энгельса и из их переписки, где они развивают и обосновывают эту мысль, особенно поскольку им приходилось высказываться по поводу руководства английским и американским рабочим движением. Отличие революционера-марксиста от обывателя и мещанина, говорил Ленин, состоит в том, что он умеет «*проповедовать* темным массам необходимость назревающей революции, *доказывать* ее неизбежность, *разъяснять* ее пользу для народа, *готовить* к ней пролетариат и все трудящиеся и эксплуатируемые массы»⁴.

Коммунистическая партия — авангард пролетариата, и вся сила ее в том, что она умеет не отрываться от масс, способствовать их подъему на новые, высшие ступени организованности, сознательности участия в активном строительстве своей жизни. Это и гарантирует от сектанства и от догматизма. Это отличает социализм марксистский, «научный», от «утопического».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, 4 изд., стр. 319.

² В. И. Ленин. Соч., т. 15, 4 изд., стр. 214.

³ Там же, стр. 214—215.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 28, 4 изд., стр. 268.

«Тем и отличается марксизм от старого утопического социализма, что последний хотел стрѣбить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей. Эта смешная мысль теперь всем смешна и всеми оставлена, но не все хотят или умеют продумать обратное учение марксизма, продумать, как это можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма, мелкого раздробленного хозяйничанья, войной всех против всех из-за местечка на рынке, из-за более высокой цены за продукт или за труд»¹.

Задача марксистской рабочей партии — передового отряда рабочего класса — «внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы, связать его с социалистическими убеждениями, которые должны стоять на уровне современной науки»². Вождь пролетарской партии должен руководить массовым пролетарским движением, изучая всю конкретную обстановку, используя накопленный уже исторический опыт предшествующей борьбы, освещенный в произведениях основателей научного коммунизма, учитывая новый опыт и борясь против оппортунистического приспособленчества. «История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения, — таков тот *материал*, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии»³.

И в позднейших своих работах Ленин развивает те же мысли о решающем значении революционной теории, о ее конкретности, о тесной связи ее с практическим движением масс. В статье «Честный голос французского социалиста» в 1915 г. Ленин писал: «Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без рево-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, 4 изд., стр. 365.

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, 4 изд., стр. 197.

³ Там же.

люционной теории. Ее нельзя выдумать, она *вырастает* из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света. И такая теория *выросла* со 2-й половины XIX века. Она называется марксизмом. Нельзя быть социалистом, нельзя быть революционным социал-демократом, не участвуя по мере сил в разработке и применении этой теории, а в наши дни в беспощадной борьбе против уродования ее Плехановым, Каутским и К^о»¹.

Мы видим, как Ленин, говоря о теории марксизма, всегда подчеркивает связь теории с массовым движением, необходимость разработки теории на основе нового исторического опыта и претворения ее в жизнь, необходимость борьбы против извращения и уродования ее оппортунистами.

Давая характеристику теории Маркса, Ленин всегда отмечает широту теоретической основы марксизма. Он говорит, что марксизм возник на столбовой дорожке «развития мировой цивилизации»², что марксизм критически переработал все, «что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания»³, что марксизм воспринял все лучшее, что было создано человечеством за его историческое развитие.

«Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»⁴.

И Маркс и Ленин, отстаивая величайшую принципиальность, ведя борьбу против извращений революцион-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, 4 изд., стр. 321.

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, 4 изд., стр. 3.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, 4 изд., стр. 262.

⁴ Там же, стр. 292.

ной теории, в то же время постоянно подчеркивают необходимость извлечь все ценное из развития также и буржуазной науки, переработать завоевания, сделанные всем развитием науки, отсекая реакционные тенденции, имеющиеся в работах буржуазных ученых, воспитанных в духе служения потребностям и интересам эксплуататорских классов, заставить всех специалистов в различных областях науки работать на пользу пролетарского коммунизма. В своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин называет профессоров-экономистов «учеными приказчиками класса капиталистов», а профессоров философии — «учеными приказчиками теологов». Но в работах этих «приказчиков» имеется и известное положительное содержание. «Вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, — говорит Ленин, — не пользуясь трудами этих приказчиков»¹. Ленин в своих произведениях показал яркие образцы того, как надо «усваивать и перерабатывать» «завоевания» этих «приказчиков», как «отсекать реакционную тенденцию», как «вести свою линию» и как бороться «со всей линией враждебных сил и классов». Как на особенно яркие примеры, укажем на такие работы, как «Материализм и эмпириокритицизм» (1908 г.) и «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916 г.).

В соответствии с этим пониманием марксизма, как оно обрисовано нами выше, Ленин и изучал произведения Маркса. Ленин изучал Маркса в тесной связи с конкретными задачами текущей борьбы. Он «советовался» с Марксом при разрешении очередных вопросов, кладя в основу этих решений детальное, глубокое изучение действительной борьбы классов, всей политической ситуации. Борьба Маркса и Энгельса против прудонизма, бакунизма, лассальянства, против продажных вождей тред-юнионизма, против оппортунизма в рядах германской социал-демократии и т. д. была для Ленина примером его борьбы против новейших форм оппортунизма самых разнообразных оттенков. В области теории и в области практической политики линия, проводимая

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, 4 изд., стр. 328.

Лениным, была гениальным продолжением дела Маркса, претворением его учения в жизнь и дальнейшим его развитием.

II

В теме «Как Ленин изучал Маркса» большое место должен занимать вопрос о том, как Ленин начал изучать марксизм, каким образом он стал марксистом. К сожалению, по этому вопросу имеется довольно немного материалов. Документов, которые показывали бы, как шла выработка марксистских взглядов Ленина, у нас не имеется. Все данные, какими мы располагаем — это воспоминания, рассказы лиц, близко знавших Ленина в годы, непосредственно предшествовавшие его выступлению как вождя и теоретика пролетариата. И здесь на первом плане — воспоминания родных Ленина, его сестер и брата.

По свидетельству А. И. Елизаровой, изучение «Капитала» Ленин начал в Казани с осени 1888 года.

«Помню, как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать, он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывает. Помню его, как сейчас, сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом. И тогда не умел он, изучая что-нибудь, находя новые пути, не делиться этим с другими, не завербовать себе сторонников»¹.

Изучение «Капитала» и всех произведений Маркса, какие только можно было достать, Ленин продолжал в Самаре, куда семья Ленина переехала летом 1889 года. В этот период Ленину приходилось готовиться к государственному экзамену для окончания университетского курса по юридическим наукам. Но основной его работой было изучение произведений Маркса и Энгельса и изучение русской истории и действительности.

¹ О Ленине, о комсомоле, 1933, стр. 176.

М. И. Ульянова рассказывает о том, как систематически работал Ленин в годы жизни в Самаре.

«Я помню, что, когда мы жили в деревне, в Самарской губернии, Владимир Ильич каждое утро после чая отправлялся, нагруженный книгами, словарями и тетрадями, в укромный уголок сада, чтобы там заниматься. Там стояли стол и скамейка, и там проводил Владимир Ильич большую часть дня за научными занятиями. Он умел не только читать книги, он умел изучать их, он штудировал их, составлял конспекты, делал выписки... У нас сохранилось много его тетрадок и выписок, и по ним можно судить, какое громадное количество литературы по всем отраслям знаний успел за свою жизнь проштудировать Владимир Ильич»¹.

О том же времени, когда Ленин жил на хуторе в деревне Алакаевке близ Самары рассказывает брат Ленина Д. И. Ульянов: «Жили в небольшом деревянном доме, к которому примыкал густой, запущенный сад, отделенный от поля рвом. В северо-западном углу сада был «Володин» уголок — деревянный столик и скамья, укрепленные в земле; этот уголок был весь в зелени, и солнце почти не заглядывало туда. Около столика Володя очень скоро протоптал дорожку в 10—15 шагов, по которой часто ходил, обдумывая прочитанное. Обычно около 9 часов утра он приходил сюда с книгами и тетрадями и работал до 2 часов без перерыва. В течение пяти лет, с 1889 по 1893 гг., это был настоящий *рабочий кабинет* Ильича. Занятия были настолько систематичны, что я с трудом могу вспомнить то утро, когда он не работал там»².

Чтобы дать представление о методе работы Ленина, мы приведем здесь рассказ Д. И. Ульянова о том, как работал Ленин над сочинениями в старших классах гимназии. Уже тогда Ленин умел превосходно организовать свою работу.

«В. И. учился в гимназии прекрасно, переходил из класса в класс с круглой пятеркой и первой наградой и окончил гимназию 17 лет с золотой медалью.

¹ Ленин в Самаре, 1933, стр. 62.

² Там же, стр. 83.

Когда задавали на дом сочинения, он никогда не писал их накануне подачи, наспех, просиживая из-за этого ночь, как это делало большинство гимназистов в наше время. Наоборот, как только объявлялась тема и давался примерно двухнедельный срок, В. И. сразу брался за работу. Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения, с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновик, проставляя буквы и цифры, согласно составленному плану. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них в последующие дни он вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу, — смотри там-то, страница такая-то.

Постепенно, день за днем, правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д. Тогда, незадолго до срока подачи сочинения, он брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, справляясь по своим пометкам в различных книгах, которые у него уже были припасены заранее. Теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами набело вполне обработанное и готовое сочинение.

Между прочим, В. И. никогда (в гимназии) не писал черновиков чернилами, исключительно карандашом. При этом он очинивал карандаш чрезвычайно тонко, с какой-то особою любовью, так что буквы получались как тонкие нити. Как только карандаш тупился или ломался, он с новым усердием очинивал его вновь и вновь, доводя до идеального состояния.

Мне, мальчику 12—13 лет, очень нравилось следить за тем, как В. И. пишет сочинения, я пробирался в его отсутствие к первому листу черновика и удивлялся, как быстро первая половина листа дополнялась все новым и новым.

Преподавателем словесности у В. И. и ближайшим оценщиком его сочинений был тогдашний директор симбирской гимназии Федор Михайлович Керенский, отец известного эсера. Тот восхищался сочинениями В. И. и очень часто ставил ему не просто пять, а пять с плюсом. Не раз он говорил нашей матери, что ему особенно нра-

вится в сочинениях В. И. продуманная система, полнота мыслей и в то же время сжатость, ясность и простота изложения.

У матери долгое время хранились некоторые гимназические сочинения В. И., но, к сожалению, в связи с многочисленными переездами из города в город, с жандармскими обысками и т. д., они все растерялись.

В. И. Ленин в своих ученических сочинениях уже тогда проводил хорошее правило, которому многим надо было бы следовать и теперь: *чтобы мыслям было просторно, а словам тесно*¹.

Приемы, которые здесь описаны, в общем сохранились у Ленина и в дальнейшем. Как на пример можно указать на его черновики к статье «Новые задачи и новые силы» (1905 г.). Конспекты и наброски этой статьи опубликованы в Ленинском сборнике V (стр. 95—115). Та же тщательность в работе, та же основательная проработка предмета была у Ленина в его изучении марксизма.

За время жизни в Самаре Ленин основательно изучил всю доступную тогда марксистскую литературу. По рассказам лиц, знавших Ленина, а также по тому, на какие произведения Маркса и Энгельса ссылается Ленин в своих ранних произведениях, мы знаем, что им был проработан целый ряд основных произведений Маркса и Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Положение рабочего класса в Англии», «Нищета философии» (он читал ее в немецком переводе, изданном под редакцией Энгельса), «Классовая борьба во Франции», «18 брюмера», «Критика Готской программы», «Гражданская война во Франции». Первый и второй тома «Капитала» были у Ленина в самарский период настольными книгами. Третий том он читал уже в Петербурге².

¹ О Ленине, воспоминания, кн. IV, 1925, стр. 51—52.

² З. П. Кржижановская в своих воспоминаниях под заглавием «Несколько штрихов из жизни Ильича» (журнал «Молодая Гвардия» № 2—3, 1924 г.) рассказывает, что весной 1895 г., когда Ленин был болен воспалением легких и лежал в постели, он читал III том «Капитала», комментировал его и привлекал других к обсуждению. (Прим. В. В. Адоратского).

В самарский же период Ленин проработал «Анти-Дюринга». Узнав о существовании этой книги, в которой изложено все миросозерцание марксизма, Ленин постарался достать ее, как он сам потом рассказывал об этом. Услышав, что книга эта есть в Петербурге у одного профессора (возможно, что это был профессор Технологического института Явейн, о котором упоминает А. И. Елизарова в своих воспоминаниях), Ленин поехал в Петербург и достал там эту книгу. Прочтя ее, он сделал из нее выписки. К сожалению, этот конспект «Анти-Дюринга» не сохранился, как вообще не сохранились тетради этих ранних лет.

Единственный относящийся к девяностым годам, дошедший до нас конспект произведений Маркса — это конспект «Святого семейства», который был сделан Лениным, вероятно, летом 1895 г., во время его первой поездки за границу. Этот конспект ценен для нас тем, что показывает, с какой тщательностью Ленин изучал произведения основателей научного коммунизма, и дает возможность составить себе некоторое представление о конспектах других работ Маркса и Энгельса, сделанных Лениным в те годы.

В конспекте «Святого семейства» Ленин изучает *переход* Маркса от гегелевской философии к социализму. «Переход наблюдается явственно, — пишет Ленин в конспекте, — видно, чем уже овладел Маркс и как он переходит к новому кругу идей»¹.

Ленин выписывает места, где выдвигается «рельефно» «почти уже сложившийся взгляд Маркса на революционную роль пролетариата»².

Выписав одно место, где речь идет о том, что под формой правовых отношений надо видеть отношения экономические, Ленин замечает: «Это место характерно в высшей степени, ибо показывает, как Маркс подходит к основной идее всей своей «системы», *sit venia verbo* [да будет позволено так сказать], — именно к идее общественных отношений производства»³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 6.

² Там же, стр. 8.

³ Там же, стр. 13.

Отчеркнуты двумя чертами и отмечены знаком NB такие места, которые характерны для материалистической философии Маркса, — например:

«*«Идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса»*»¹.

«*«Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является»*»².

«*«Идеи никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу»*»³.

По поводу того отдела, где речь идет о французском материализме, Ленин замечает: «*Эта глава — одна из самых ценных в книге. Тут совершенно нет подстрочной критики, а сплошь положительное изложение. Это — краткий очерк истории французского материализма. Выписывать здесь надо бы всю главу сплошь, а потому я ограничиваюсь кратким конспектом содержания*»⁴.

В конце конспекта этого отдела подчеркнуто то место, где отмечается заслуга Фейербаха, наметившего «*«основные черты критики гегелевской спекуляции и, тем самым, всякой метафизики вообще»*»⁵.

В конспекте подчеркнут ряд мест, содержащих критику гегелевского идеализма и отмечающих в то же время элементы *действительной* характеристики *человеческих* отношений⁶, имеющих у Гегеля, в противоположность бессодержательности писаний левых гегельянцев — Бруно Бауэра и К^о.

Из этих отдельных замечаний мы видим, как тщательно Ленин изучает диалектический материализм Маркса, как он изучает процесс развития материалистического мирозерцания Маркса, как он вдумывается

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, 4 изд., стр. 15.

² Там же.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ Там же, стр. 29.

⁶ Там же, стр. 32.

в каждую деталь метода Маркса. Судя по этому конспекту, можно составить себе известное представление о том, как выглядели конспекты других работ Маркса и Энгельса, которые Ленин штудировал в конце восьмидесятых — начале девяностых годов.

Тщательно изучая произведения основоположников научного коммунизма, Ленин заботился о распространении их, об их популяризации. А. И. Елизарова упоминает о реферате, прочитанном Лениным в кружке молодежи и содержавшем изложение «Нищеты философии». Мартов в воспоминаниях рассказывает, что в 1895 г. Ленин считал необходимым издать «Жилищный вопрос» Энгельса ввиду антипрудонистских взглядов Энгельса, бьющих по народничеству. Мартов был против издания брошюры Энгельса.

Интересно отметить здесь мотив, почему Ленин настаивал на издании «Жилищного вопроса». Эта брошюра была ему важна как образец борьбы против мелкобуржуазного социализма. В брошюре мелкобуржуазным взглядам прудониста Мюльбергера противопоставлены взгляды пролетарского социализма, говорится о диктатуре пролетариата. Эта брошюра, как и все почти произведения Маркса и Энгельса периода I Интернационала и позднейшего периода их борьбы с оппортунизмом вождей германской социал-демократии, социал-демократами, как правило, не переиздавалась.

Овладев методом Маркса, Ленин основательно занялся изучением российской экономики, историей развития капитализма, аграрным вопросом, и наряду с этим он повел энергичную борьбу против идеологии мелкобуржуазного мещанского социализма — народничества девяностых годов. Ленин критиковал и его научную теорию, и его практическую программу как в рефератах и выступлениях в дискуссиях, так и в своих ранних произведениях «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Экономическое содержание народничества и его критика в книге г. Струве» (1894 г.).

Работа «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» представляет для нашей темы особый интерес, потому что Ленин там широко

использует произведения Маркса и Энгельса и особенно «Капитал». У нас не сохранилось заметок и конспектов Ленина, в которых отразилась бы его работа над «Капиталом». Поэтому то, что Ленин приводит из «Капитала» в этой ранней своей работе, что выдвигает он на первый план, — все это дает нам известные указания, позволяет делать известные выводы относительно того, как Ленин изучал основное произведение марксизма, на что обращал он особое внимание.

Ленин прежде всего подчеркивает материализм Маркса. Он отмечает, что «уже сама по себе эта идея материализма в социологии была гениальная идея»¹.

Для Ленина «Капитал» — это гениальный образец созданного Марксом метода диалектического материализма. В. И. Ленин отводит очень много места изложению существа этого метода. Как основную особенность марксистского метода Ленин отмечает его конкретность. Маркс «бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал *научный* анализ *одного* общества и *одного* прогресса — капиталистического»².

«Капитал» Ленин характеризует, как «образец научного анализа одной — и самой сложной — общественной формации по материалистическому методу»³. Приведем слова Маркса, что его задачей было «показать экономический закон развития современного общества» и другое место из предисловия Маркса к 1-му изданию «Капитала», где Маркс заявляет, что он смотрит «на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс»⁴, — Ленин говорит, что тут заключается основная идея «Капитала».

Изучив в течение не менее 25 лет систему товарного хозяйства в ее развитии, Маркс, по словам Ленина, на основании гигантской массы данных дал подробный анализ «законов функционирования этой формации».

Для объяснения хода развития Маркс *ни разу* не прибегает «к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 121.

² Там же, стр. 127—128.

³ Там же, стр. 125.

⁴ Там же, стр. 118.

производственных отношений» (исторический материализм). Маркс показывает, «как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата». В капиталистической организации развивается производительность труда и таким образом вносится элемент, «который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации»¹.

Таков «скелет «Капитала»»², говорит Ленин. Но, прибавляет он, у Маркса этот скелет облечен плотью и кровью. Маркс дает полную картину жизни и развития этой общественной формации и показывает неизбежность ее гибели. Могильщиком капитализма является пролетариат. Ленин неоднократно подчеркивает, что теория марксизма соединяет «строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно»³. Для революционной борьбы пролетариата «Капитал» имеет прямое непосредственное практическое значение. Он дает «лозунг его борьбы. Этот лозунг найден был Марксом... совсем не посредством каких-нибудь перспектив, а посредством научного анализа современного буржуазного режима, посредством выяснения *необходимости* эксплуатации при наличии этого режима, посредством исследования законов его развития»⁴.

Усвоив в совершенстве метод Маркса, овладев его теорией, Ленин первый сумел применить ее к практике русского революционного движения, став создателем и вождем партии нового типа.

«Теория Маркса, — писал Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», — состоит в исследовании и объяснении эво-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 124.

² Там же.

³ Там же, стр. 308.

⁴ Там же, стр. 168.

люции хозяйственных порядков известных стран, и «приложение» ее к России может состоять только в том, чтобы, **ПОЛЬЗУЯСЬ** выработанными приемами **МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО** метода и **ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ** политической экономии, **ИССЛЕДОВАТЬ** русские производственные отношения и их эволюцию»¹.

Такое исследование Ленин произвел в девяностые годы; в результате этой работы им был опубликован ряд статей и книга «Развитие капитализма в России». Эта книга — образец марксистского анализа российских производственных отношений во всей их совокупности. Ленин изучает развитие капитализма в сельском хозяйстве, разорение и пролетаризацию крестьянства, переход от барщинного хозяйства к капиталистическому, рост капиталистической крупной машинной промышленности, вопросы торговли и рынка. В исследовании своем он все время опирается на теорию Маркса, применяя ее самостоятельно к изучению новых фактов. Ввиду невозможности за недостатком места рассмотреть подробно ход исследования Ленина, мы ограничиваемся лишь тем, что отмечаем здесь важнейшее значение для нашей темы материала, имеющегося в книге «Развитие капитализма в России». Вся огромная работа по изучению русских производственных отношений дала Ленину основу для ясного понимания всей сложившейся в России обстановки, разделения общества на классы, их отношений друг к другу и их борьбы. На этой основе Ленин выработал программу, организацию, стратегию и тактику пролетарской партии, партии нового типа. На этой основе он вел борьбу против либерально-буржуазных (легальный марксизм (струвизм), освобожденцы) и мелкобуржуазных течений (народничество девяностых годов, эсеры) и против оппортунизма в рядах самой пролетарской партии (экономизм, меньшевизм и т. д.).

Ленин показал гениальное мастерство в овладении марксистским методом, диалектическим материализмом. Ведя последовательную борьбу с реакционными утопическими теориями народничества, он в то же время сумел (чего не мог сделать Плеханов) полностью учесть

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, 4 изд., стр. 248—249.

«исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества, как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского», против капитализма «прусского»»¹.

Учитывая гигантское значение крестьянства в революции, Ленин все время уделял чрезвычайно много внимания изучению аграрного вопроса. Изучая произведения Маркса и Энгельса в эпоху кануна русской революции, Ленин тщательно собирал все, что он находил у Маркса и Энгельса о крестьянстве, о его положении при капитализме и о его роли в революции. Наряду с этим Ленин учел также всю важность национального вопроса в России (мы скажем об этом несколько подробнее ниже) и сумел по-марксистски поставить и гениально разрешить на практике вопрос о пролетарской партии, о «партии нового типа» — вопрос для успеха и победы революции не менее важный.

Среди материалов и заметок по аграрному вопросу, напечатанных в Ленинском сборнике XIX, мы встречаем ряд заметок, относящихся к вопросу о крестьянстве и его роли в революции, о его значении как союзника пролетариата. Так, Ленин выписывает из статьи Маркса в «Новой Рейнской газете» следующее место:

*«Великие земледельческие страны между Балтийским и Черным морем могут избавиться от патриархально-феодалного варварства только посредством аграрной революции, превращающей крепостных или обязанных повинностями (frotanpflichtigen) крестьян в свободных землевладельцев, — революции, вполне аналогичной (ganz dieselbe) с французской революцией 1789 г. в деревне»*².

Ленин отмечает, как заслуживающие особого внимания, такие выражения Маркса, как: «борьба *«аграрной демократии»* против патриархально-феодалного абсолютизма»³. Эти слова как раз ярко выражали одну из ближайших и важнейших задач революции в России. Делая выписки из брошюры Энгельса «Крестьянский

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, 4 изд., стр. 102.

² Ленинский сборник XIX, 1932, стр. 303.

³ Там же.

вопрос во Франции и Германии» (в бумагах Ленина имеется даже начало перевода этой брошюры, и выписки и перевод относятся к 1902 г.), Ленин отметил ряд моментов, представляющих сугубый интерес и показывающих, как основные мысли, принципиальные установки, имеющиеся в произведениях основателей научного коммунизма, получили у Ленина и у большевиков дальнейшее развитие и конкретизацию.

Ленин подчеркивает двумя жирными чертами и ставит знак NB к тому месту, где Энгельс говорит об *отличии* крестьянина как работника, владеющего собственными средствами труда, от современного пролетария. Он отмечает также слова Энгельса, что крестьянин «является остатком отошедшего уже в область прошлого способа производства», что «крестьянин, как и всякий остаток устаревшего способа производства, безвозвратно осужден на гибель», что он «будущий пролетарий», что «принадлежность средств производства отдельным производителям не дает уже им в настоящее время *настоящей свободы*», что крестьяне — это «измученные рабы долгов» и т. д.

Теоретическое понимание различия между крестьянином-мелким собственником и пролетарием, критика иллюзий мелкобуржуазного социализма составляют один из краеугольных камней марксистской теории и политики.

Ленин отмечает и подчеркивает ряд мест, где Маркс и Энгельс говорят о политике по отношению к крестьянству, где они показывают, что действительное освобождение крестьян может произойти лишь под руководством пролетариата, при диктатуре пролетариата, который сумеет перевести мелкокрестьянское частное хозяйство в общественное *силой примера*, оказывая крестьянству в этом реальную помощь. «У нас во всяком случае, — писал Энгельс, — *будет тогда!*» (т. е. при диктатуре пролетариата. — В. А.) *достаточно средств*», чтобы поставить на вид мелкому крестьянину, такие выгоды, которые ему должны (бы) быть ясны уже и теперь»¹.

¹ Ленинский сборник XIX, 1932, стр. 290.

Приведенные слова отчеркнуты Лениным тройной жирной чертой. Отмечая таким же знаком то место, где Энгельс говорит о *полукрепостном состоянии* остэльбского сельского рабочего, Ленин выписывает слова Энгельса:

«Поэтому привлечение на свою сторону остэльбского сельского пролетария для нас несравненно важнее, чем мелкого крестьянина западной или даже южной Германии. Здесь, в остэльбской Пруссии, находится поле решительной для нас битвы...»¹

Ленин отмечал также неоднократно то место в письме Маркса Энгельсу 16 апреля 1856 г., где Маркс писал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны. Тогда все будет прекрасно»².

Глубокое изучение аграрного вопроса, глубокое понимание положения крестьянства при капитализме дало Ленину основу для правильного разрешения вопроса о политике пролетариата по отношению к крестьянству, о роли крестьянства в революции, создало основы ленинской политики в крестьянском вопросе. Ленинское разрешение аграрного вопроса целиком опиралось на теорию Маркса и на практике блестяще выдержало историческую проверку.

Ленинская политика, которую продолжает ВКП(б), произвела небывалую революцию в сельском хозяйстве. Впервые в мировой истории десятки миллионов людей, занимавшихся каторжным трудом в условиях патриархальщины, при помощи устарелых, отсталых способов земледелия, пошли теперь по пути действительного освобождения, по пути создания крупного земледелия на основе науки и передовой машинной техники.

III

Марксизм, как это неоднократно отмечает Ленин, чрезвычайно высоко оценивает революционные периоды в развитии человечества. Такая высокая оценка, го-

¹ Ленинский сборник XIX, 1932, стр. 293.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 434.

ворит Ленин, «вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса»¹.

По Ленину (и по Марксу), революции — это «самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ». В эти периоды «проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни»², обнаруживается настоящая природа различных классов, массы активизируются, новые слои, до того времени спавшие, втягиваются в борьбу, революционные классы получают боевое крещение, происходит особый подъем всех творческих сил. «Революцию осуществляют, — говорит Ленин, — в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов»³. Поэтому особенно поучительно остановиться на вопросах, встающих именно в эти революционные эпохи. Мы остановимся здесь на одном вопросе, занимавшем центральное место в революции 1905 г., — на вопросе о тактике пролетарской партии в демократической революции. Мы здесь не можем, конечно, осветить этот вопрос полностью. Мы скажем только о том, как Ленин, изучая Маркса, находил в его произведениях опору своим взглядам, своей тактике. Эти взгляды, эта тактика были развитием и конкретизацией взглядов Маркса в данной исторической обстановке.

В революции 1905 г. особенно ярко вскрылась разница между революционным и оппортунистическим крылом российской социал-демократии. В процессе нарастания революционного подъема с особой ясностью обнаруживалось, что меньшевики стоят в сущности на буржуазной почве, что вся их установка, вся их политика направлена к тому, чтобы не покидать этой буржуазной почвы. Меньшевики ориентировались на гегемонию буржуазии в революции и на то, что в результате революции буржуазное господство должно упрочиться

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, 4 изд., стр. 22.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, 4 изд., стр. 75.

надолго. Меньшевики (и крупнейший из меньшевиков Плеханов) не умели правильно определить природу классов и их роль в революции. Они совершенно неправильно оценивали роль и значение либеральной буржуазии. Они не понимали значения и роли крестьянства в революции, не понимали его двойственной природы, его революционной роли; не умели понять конкретной обстановки (также и международной), в которой шло развитие русской революции. Если отвлеченно меньшевики различали демократический переворот от социалистического, то на деле оказывалось, что и в этом вопросе у них не было ясности, они спутывали одно с другим. Резко обнаруживалась разница между большевизмом и меньшевизмом, между Лениным и Плехановым, также и в отношении к марксистской теории, в подходе к произведениям Маркса и Энгельса.

Ссылки на Маркса у Плеханова сводились к поверхностным аналогиям и к оперированию цитатами. По поводу статьи Плеханова «К вопросу о захвате власти» в № 96 «Искры» Ленин отмечал, что у Плеханова весь багаж из цитат; газета «Вперед» разбирала конкретные русские условия, о которых у Плеханова не было ни слова: соотношение пролетариата и крестьянства.

Два крупнейших вопроса русской революции были Плехановым прямо не поняты. Ленинское же решение этих вопросов особенно ярко показало все мастерство в овладении Лениным материалистической диалектикой, которая требует изучения всей конкретной обстановки, того нового, что создано ходом общественного развития.

Как надо пользоваться произведениями Маркса, особенно ярко показано у Ленина в статьях «О временном революционном правительстве», «Маркс об американском черном переделе» и в брошюре «Две тактики».

В статье «О временном революционном правительстве» Ленин говорит о том, что нельзя применять к обстановке 1905 г. как шаблон то, что Маркс писал в 1850 г., учитывая обстановку, когда реакция победила революционный народ. Надо изучать конкретную ситуацию и, пользуясь опытом Маркса, решать новые вопросы, все те вопросы, которые выдвигаются в настоящий момент. Ленин отмечает новую обстановку,

создавшуюся в начале XX века. В брошюре «Две тактики» он говорит о *новой* ситуации в Европе: «Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти непрерывно со времен Парижской Коммуны», слишком приучившая нас «наблюдать борьбу только оборонительную», сменилась теперь новой эпохой. «Начался период политических потрясений и революций», и мы должны готовиться к новым формам борьбы. «Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным, наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий»¹.

Ленин разъясняет обязанность революционеров воспитывать и убеждать народные массы в необходимости вооруженного восстания, свержения самодержавия.

Ведя борьбу против меньшевизма, скатывающегося к поддержке либералов, Ленин ищет и находит подкрепление своей линии на «*вооруженное восстание*», на «революционно-демократическую диктатуру», на «*якобинские*», «*плебейские*» методы борьбы с реакцией, «на доведение революции до конца» в произведениях Маркса и Энгельса, относящихся к тем моментам их деятельности, когда они имели дело с революционной ситуацией, а не с периодом победы реакции. Ленин находит ценные указания в статьях Маркса периода революции 1848 г. и в статьях Энгельса относительно революционных событий в Испании 1873 г. («Бакунисты за работой»).

И большевики и меньшевики были согласны, что надо много работать над *воспитанием* и *организацией* рабочего класса. Но весь вопрос заключался в том, в каком направлении должно идти воспитание, где же должен быть «главный политический центр тяжести этого воспитания и этой организации?»². Должен ли он быть в профессиональных союзах и легальных обществах, или в вооруженном восстании, «в деле создания революционной армии и революционного правительства?»³. Опираясь на авторитет Маркса и Энгельса, Ленин и большевики выдвигали на первый план второе,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, 4 изд., стр. 16.

² Там же, стр. 4.

³ Там же, стр. 5.

правильно учитывая, что лишь при этом условии пролетариат может выполнить свою историческую роль — роль руководителя народной революции.

В бумагах Ленина, среди его заметок 1905 г., мы находим ряд выписок из статей Маркса в «Новой Рейнской газете», где проводится именно эта линия.

Ленин выписывает места, которые дают яркие характеристики самого существа содержания революции, определяют ее движущие силы, намечают революционную тактику. Так, например, из статьи «Германское национальное собрание» (31 мая 1848 г.) Ленин выписывает основные мысли о задачах революционного правительства. Расстроить покушения реакции, «удалить из фактически существующего строя... все противоречащее принципу самодержавия народа»¹.

В послесловии к брошюре «Две тактики» Ленин использует эту заметку. Он делает выписку из статьи Маркса от 6 июня 1848 г.: ««Национальное собрание должно было бы диктаторски выступить против реакционных поползновений отживших правительств, и тогда оно завоевало бы себе такую силу в народном мнении, о которую сломались бы все штыки... А это собрание утомляет немецкий народ скучными словами вместо того, чтобы увлечь его с собой или быть увлеченным им». Национальное собрание должно было бы, по мнению Маркса, «удалить из фактически существующего строя Германии все противоречащее принципу самодержавия народа», затем «укрепить ту революционную почву, на которой оно стоит, обезопасить завоеванное революцией самодержавие народа от всех нападений».

Следовательно, по содержанию своему те задачи, которые ставил Маркс в 1848 году революционному правительству или диктатуре, сводились прежде всего к демократическому перевороту: защита от контрреволюции и фактическое устранение всего противоречащего самодержавию народа. Это и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, 4 изд., стр. 111.

² Там же, стр. 111—112.

В 1848 г. прусское королевское правительство стягивало войска, готовилось вооруженной силой подавить революционное движение, ставило «штык в порядок дня»¹, а буржуазные демократы, вместо того чтобы «по-плебейски» расправиться с реакцией, занимались болтовней. Маркс резко критиковал их за это. И Ленин приводит большое количество выписок из его статей в подкрепление своей полемики с меньшевиками, которые, объявляя себя ортодоксальными последователями Маркса, в эпоху революционного подъема вместо линии на вооруженное восстание, на создание революционной армии и революционного правительства, способного диктаторски расправиться с реакцией, приглашали пролетариат «оставаться партией крайней революционной оппозиции», считали «решение организовать учредительное собрание»² победой революции и т. д., словом, скатывались к точке зрения либеральной буржуазии.

«Великие вопросы в жизни народов решаются только силой, — писал Ленин в брошюре «Две тактики». — Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первые к насилию, к гражданской войне, «ставят в порядок дня штык», как сделало русское самодержавие и продолжает делать систематически и неуклонно, везде и повсюду, начиная с 9-го января. А раз такое положение создалось, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание оказалось необходимым и неотложным, — тогда конституционные иллюзии и школьные упражнения в парламентаризме становятся только прикрытием буржуазного предательства революции, прикрытием того, как «отшатывается» буржуазия от революции. Действительно революционный класс должен тогда выдвинуть именно лозунг диктатуры»³.

В той же брошюре «Две тактики», сделав выписку из статьи «Министерство Кампгаузена», где говорится о том, что, несмотря на победу народа в Берлине, власть попала не в его руки, а в руки крупной буржуазии, Ленин указывает на возможность того, что подобная

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, 4 изд., стр. 111.

² Там же.

³ Там же.

обстановка сложится и у нас, что «даже после частичной победы в вооруженной борьбе... возможна «неоконченная», «не доведенная до конца» революция»¹. У Маркса Ленин находит ответ на вопрос, какие же силы Маркс считает способными довести революцию до конца.

Ленин приводит одобрительные отзывы Маркса о якобинцах, о плебейских методах расправы с контрреволюцией. В ряде мест Маркс говорит о революционном народе. «Употребляя слово: «народ», — пишет Ленин, — Маркс не затушевывал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию»².

И Ленин приводит из одной ранней статьи Маркса разъяснение того, что он понимает под словом народ, какие элементы включает он в понятие «революционный народ».

«Крупная буржуазия, антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, то есть перед рабочими и демократической буржуазией»³.

Демократическая буржуазия — это мелкая буржуазия городов и крестьянство. В заметках Ленина отмечены мысли Маркса из его статьи «Министерство Ганземана», разъясняющие это:

«Французская революция 1789 и ее союзники крестьяне.

Немецкая 1848 изменила крестьянам, ее естественным союзникам».

Эту заметку Ленин затем опять-таки использует в брошюре «Две тактики», где он приводит из этой статьи Маркса длинную выписку, содержание которой кратко резюмировано в приведенных выше двух положениях.

«...Немецкая революция 1848-го года есть лишь пародия французской революции 1789-го года.

4-го августа 1789 г., три недели спустя после взятия Бастилии, французский народ в один день осилил все феодальные повинности.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, 4 изд., стр. 113.

² Там же, стр. 112.

³ Там же, стр. 113.

11-го июля 1848 г., четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности осилили немецкий народ. *Teste Gierke cum Hansemanno*. (Свидетели Гирке с Ганземаном. — В. А.).

Французская буржуазия 1789-го года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян. Она знала, что основой ее господства было уничтожение феодализма в деревне, создание свободного землевладельческого (*grundbesitzenden*) крестьянского класса.

Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает крестьян, своих самых естественных союзников, которые представляют из себя плоть от ее плоти и без которых она бессильна против дворянства.

Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа — таков результат немецкой революции 1848-го года. Гора родила мышь»¹.

Вывод из приведенного выше места Ленин делает следующий:

«1) Неоконченная немецкая революция отличается от оконченной французской тем, что буржуазия изменила не только демократизму вообще, но в частности и крестьянству. 2) Основой полного осуществления демократического переворота является создание свободного класса крестьянства. 3) Создание такого класса есть уничтожение феодальных повинностей, разрушение феодализма, отнюдь еще не социалистический переворот. 4) Крестьяне — «самые естественные» союзники буржуазии, именно демократической буржуазии, без которых она «бессильна» против реакции»².

В заключение Ленин пишет, что с соответствующими изменениями конкретных национальных особенностей (вместо феодализма надо подставить крепостничество) все эти положения целиком применимы и к России 1905 года. «Извлекая уроки из опыта Германии, освещенного Марксом, мы не можем прийти ни к какому иному лозунгу решительной победы революции, кроме: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, 4 изд., стр. 113—114.

² Там же, стр. 114.

³ Там же.

Мы видим здесь один из множества образцов работы Ленина над Марксом. При чтении Ленин выписывает яркие, сжатые формулировки, выражающие существо мысли Маркса. Ленин всегда учитывает ту обстановку, в которой писалось то или иное произведение Маркса. Беря, как пример, лозунг Маркса, тактический принцип, исторический урок, Ленин применяет его при разрешении современных задач, учитывая конкретные особенности современного ему положения. На основе изучения всей конкретной обстановки он вырабатывает новый лозунг, подкрепляя его опытом, извлеченным из произведений Маркса. В лозунге Ленина ясно выражается то, что массы смутно ощущают, в нем выражается историческая правда, и это дает лозунгу несокрушимую силу, он находит отклик в сердцах миллионов.

Лозунг «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», выработанный на основе глубокого изучения всей конкретной обстановки, опирающийся на марксистскую теорию, — этот лозунг вызвал со стороны меньшевиков отчаянную полемику. Они обвиняли Ленина и большевиков в мелкобуржуазности, в народовольчестве, кричали о том, что лозунг этот противоречит марксизму, что нельзя опираться на крестьянское движение, так как оно реакционно. Ленин в статье «Маркс об американском «черном переделе»», основываясь на высказываниях Маркса, показал, что отворачиваться от крестьянского движения было бы «безнадежным филистерством и педантизмом»¹.

«Диктатура пролетариата и крестьянства противоречит всему ходу хозяйственного развития», — писали несколько позднее меньшевистские историки в своей истории русской революции 1905 г.

Ленин в письме Скворцову-Степанову в 1909 г. называл эту идею меньшевиков «чудовищной, идиотской, ренегатской»².

«Я стою на том, — писал Ленин Скворцову-Степанову, — что борьба с этим чудовищным извращением марксизма была основой «классической постановки»»³,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, 4 изд., стр. 300.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 16, 4 изд., стр. 102.

³ Там же, стр. 103.

т. е. указанной выше на доведение революции до конца, установки на «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства». «Вот этот аграрный вопрос и есть *теперь* в России *национальный* вопрос буржуазного развития, — пишет дальше Ленин. — Вот чтобы не впасть в ошибочное (механическое) перенесение к нам во многом верного и во всех отношениях крайне ценного немецкого образца, надо ясно себе представить, что национальным вопросом *вполне* утвердившегося буржуазного развития Германии было объединение и т. п., но не аграрный вопрос, а *национальным* вопросом окончательного утверждения в России буржуазного развития *является* именно аграрный (даже уже: крестьянский) вопрос»¹.

Вот образцы постановки и разрешения вопроса, как давать «лозунг борьбы». Ленин гениально учитывал именно данную ситуацию и давал решение вопроса в строгом соответствии с теорией марксизма, учитывая революционный опыт, содержащийся в произведениях Маркса.

Особенность положения в России состояла в том, что пролетариат гораздо больше, чем буржуазия, был заинтересован в «доведении до конца» буржуазно-демократической революции. Капитализм в Европе и во всем мире созрел настолько, что на очередь встала пролетарская социалистическая революция. Пролетариат в России был заинтересован в том, чтобы всемерно обеспечить победу буржуазной революции. Но большевики призывали пролетариат и крестьянство свергнуть самодержавие совсем не для того, чтобы надолго упрочилась власть буржуазии, а для того, чтобы возможно быстрее свергнуть буржуазию. Победа буржуазной революции над самодержавием и крепостничеством нужна была пролетариату для того, чтобы немедленно же, с удесятеренными силами повести борьбу за социализм, ту борьбу, о которой Ленин и большевики не забывали ни на минуту, в духе которой они воспитывали пролетариат все время.

Особенность положения заключалась в том, что кроме пролетариата в России огромной революционной силой было еще и крестьянство. Глубокие корни революцион-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, 4 изд., стр. 103.

ности крестьянства состояли в том, что налицо были «громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права при невиданном сбищении и разорении крестьянской бедноты»¹.

Отличительной особенностью крестьянской массы было ее «внутренне противоречивое классовое строение», ее «мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее»². И Ленин отчетливо указывал, что на этой основе революция неизбежно будет буржуазная.

Но наряду с противоречием между крестьянами и помещиками шла уже давно классовая война между пролетариатом и буржуазией, и поэтому демократическая революция должна неизбежно перерасти в социалистическую. И Ленин отчетливо ставил задачи революционной борьбы. Он предостерегал от смешения «мелкобуржуазной борьбы за полный демократический переворот» с «пролетарской борьбой за социалистический переворот». В заключение своей брошюры «Две тактики» Ленин писал:

«Во главе всего народа и в особенности крестьянства — за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых — за социализм! Такова должна быть на деле политика революционного пролетариата, таков классовый лозунг, который должен проникать и определять собой решение каждого тактического вопроса, каждый практический шаг рабочей партии во время революции»³.

Классовая война пролетариата против буржуазии развивалась, шла непрерывно, начиная с появления современного пролетариата. Вся деятельность Ленина была направлена на то, чтобы подготовить пролетариат к совершению социалистической революции. Но Ленин всегда отчетливо указывал, что борьба за социализм не может развернуться так, как это нужно, прежде чем не будет сметено с пути самодержавие и крепостничество. В результате четкого разграничения этих двух за-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, 4 изд., стр. 9.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 9, 4 изд., стр. 94.

дач, в результате ясного понимания того, что нельзя, не разрешив первой задачи, разрешить вторую, в результате этого и был выдвинут Лениным лозунг: «*революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства*»¹. Только такая постановка вопроса исключала возможность смешения задач двух различных революций, исторически сближавшихся друг с другом, перераставших одна в другую (демократическая в социалистическую), но имевших каждая свои особые задачи и свои движущие силы.

Меньшевики, готовившиеся к тому, что буржуазное господство должно упрочиться надолго, отодвигавшие социалистическую революцию в отдаленное будущее, как будто бы гарантировали себя от смешения двух переворотов — буржуазного и социалистического. Но на деле оказывалось, что они, как это и полагалось мелкобуржуазным социалистам, путались в этом вопросе. Невзирая на отвлеченное признание меньшевиками общего положения о различии между буржуазным и социалистическим переворотом, на деле, когда под давлением революционного прилива им приходилось выдвигать более левые лозунги, двигаться влево, чтобы сохранить влияние на массы, у них происходило смешение того и другого. Так было с меньшевиками, выдвинувшими летом 1905 г. лозунг «революционные коммуны». Ленин отмечает эту путаницу в брошюре «Две тактики». В примечании к § 10 он пишет:

«Смешение мелкобуржуазной борьбы за полный демократический переворот с пролетарской борьбой за социалистическую революцию грозит политическим крахом социалисту. Это предостережение Маркса вполне правильно. Но именно лозунг «революционные коммуны» и ошибочен как раз по этой причине, ибо известные в истории коммуны как раз смешивали демократический и социалистический переворот. Напротив, наш лозунг: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства всецело гарантирует от этой ошибки. Признавая безусловно буржуазный характер революции, неспособной *непосредственно* выйти из рамок только

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 9, 4 изд., стр. 94.

демократического переворота, наш лозунг *толкает вперед* этот, данный, переворот, — стремится придать этому перевороту наиболее выгодные для пролетариата формы, — стремится, следовательно, к наибольшему использованию демократического переворота в целях успешнейшей дальнейшей борьбы пролетариата за социализм»¹.

Необходимо здесь отметить еще один важнейший момент. За недостатком места, мы можем именно только отменить это. Изучая конкретно вопрос о стратегии и тактике пролетарской партии в условиях России, Ленин, наряду с таким союзником пролетариата в его борьбе с самодержавием и крепостничеством, как крестьянство, видел и другого серьезнейшего союзника — угнетенные национальности. Царская Россия была «тюрьмой народов». Это было средоточие всяческого угнетения, в том числе и национального угнетения. Поэтому угнетенные народности не могли не быть заинтересованы в свержении царизма. Они не могли не быть участниками революционной борьбы и далее, потому что не могли не бороться против империализма, угнетающего и эксплуатирующего сотни миллионов колониальных и полуколониальных народов. Ленин в противоположность Плеханову особенное внимание уделял изучению национального вопроса. Опираясь и тут на пример Маркса, Ленин учел в постановке и разрешении вопроса то новое, что внесено было эпохой империализма.

Мы здесь, конечно, далеко не исчерпали всех вопросов, возникавших в связи с вопросом о тактике пролетарской партии в демократической революции. Мы далеко не исчерпали и того материала, который имеется у нас (в Сочинениях Ленина и в Ленинских сборниках) по вопросу об изучении Лениным Маркса в 1905 г. и использовании Лениным произведений Маркса в своих работах за этот период. Но того, что было здесь приведено, достаточно вполне, чтобы понять особенности ленинского метода в деле использования опыта марксизма и различие в этом отношении между большевизмом, продолжавшим линию Маркса и Энгельса, и меньшевиз-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, 4 изд., стр. 69.

мом на словах «ортодоксальным», на деле же прямо изменяющим марксизму, не имеющим с революционным методом Маркса, с его материалистической диалектикой ничего общего.

Ленин в предисловии ко второму изданию своей основной работы девяностых годов «Развитие капитализма в России» резко проводит различие между диалектическим материализмом Маркса, с одной стороны, и меньшевистской фальсификацией марксизма, с другой.

Для того, чтобы точно определить значение того или иного общего положения марксистской теории в применении к тому или иному вопросу, необходимо всегда класть в основу «конкретный анализ положения и интересов различных классов»¹, — говорит Ленин. Ничего общего не имеет с этим методом обратный «способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опoшление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом. Про таких людей, которые выводят, напр., руководящую роль «буржуазии» в революции или необходимость поддержки либералов социалистами из общей истины о характере этой революции, Маркс повторил бы, вероятно, приведенную им однажды цитату из Гейне: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»².

В эпоху реакции, в период нового подъема, во время войны Ленин продолжал, руководя большевистской партией, конкретизировать, развивать марксистскую теорию. Ленин вел борьбу против меньшевизма (ликвидаторства), против троцкизма — этой разновидности меньшевизма, против «левого» течения — «впередовства», против примиренчества, против социал-шовинизма, каутскианства и т. д. В «Материализме и эмпириокритицизме», этом гениальном философском произведении, Ленин, борясь против идеалистического извращения и опoшления марксизма махистами, развил и конкрети-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, 4 изд., стр. 10.

² Там же.

зировал вопросы теории познания диалектического материализма. Ленин показал образцы постановки и разрешения коренных вопросов научного исследования как в области общественных наук, так и в области естествознания (физика). Далее ряд важнейших вопросов марксистской теории нашли глубокое освещение в «Философских тетрадах» Ленина, где он собрал исчерпывающий материал по теории материалистической диалектики.

IV

Еще на одном вопросе считаем мы необходимым остановить внимание читателя в связи с темой нашей статьи — это на вопросе о государстве и о диктатуре пролетариата. Вопрос о диктатуре пролетариата у Ленина был основательно проработан и решен в самом начале его деятельности. В ранних его произведениях мы встречаем полную ясность в этом основном вопросе пролетарской революции. В конце 1916 — начале 1917 г., накануне начала революции в России, Ленин специально занялся этим вопросом снова. Вполне понятно, почему Ленин взялся за тему о государстве. В условиях революционной ситуации, созданной войной, этот вопрос приобрел особое значение. Коренный вопрос революции, вопрос о власти, о роли революционного насилия, вопрос о *диктатуре пролетариата* был сознательно запутан фальсификаторами марксизма — оппортунистами. Необходимо было восстановить истинные взгляды Маркса и Энгельса по этому вопросу. И Ленин в конце 1916 — начале 1917 г. занялся тем, что тщательно собрал все важнейшее, что характеризует взгляды Маркса и Энгельса на государство. Ленин изучил и проанализировал с этой стороны следующие произведения Маркса и Энгельса: «Коммунистический манифест», «18 брюмера», «Жилищный вопрос», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг»; статьи в итальянском сборнике 1873 г.: Энгельса «Об авторитете» и Маркса «Политический индифферентизм», «Критика Готской программы» Маркса, письма Маркса к Кугельману и ряд писем Энгельса.

В результате получилась тетрадь, озаглавленная «Марксизм о государстве». Она представляет для нашей темы особую ценность, потому что это — один из наиболее ярких образцов работы Ленина над изучением произведений Маркса и Энгельса, и потому что в ней с исчерпывающей полнотой собран материал для освещения чрезвычайно важного вопроса о том, как пролетариат должен относиться к государству. На основе этой тетради Ленин накануне Октябрьской революции, скрываясь в подполье, написал свою знаменитую работу «Государство и революция». Проследить, как в этой работе Ленин развивает марксистскую теорию, мы здесь не можем. Мы отметим лишь основные моменты в тетради Ленина «Марксизм о государстве» и общие выводы, к которым он в ней приходит.

Прежде чем перейти к общей характеристике тех выводов, которые Ленин делает в ходе своей работы, необходимо подчеркнуть, как внимательно отмечает Ленин все, что относится к методу Маркса, к его материалистической диалектике. На этом Ленин никогда не забывает сосредоточить внимание. Здесь он отмечает, в чем состоит извращение оппортунистов с теоретической стороны. В письме Энгельса Каутскому 29 июня 1891 г. Ленин подчеркивает место, где Энгельс говорит о приеме оппортунистов, которые вместо детального разбора ближайших конкретных вопросов выдвигают общие, абстрактные вопросы. Ленин резюмирует этот прием оппортунизма: «Абстрактное на 1-ый план, конкретное затушевать!! *Nota bene!* NB Прелесть! Главное взято!»¹.

Замена конкретного изучения вопроса общими рассуждениями — наиболее широко распространенный прием оппортунистической фальсификации марксизма.

Ленин перечисляет, в чем состоит по вопросу о государстве расхождение между марксистами и анархистами, между марксистами и оппортунистами.

«От анархистов нас отличает, — пишет Ленин, — (α) использование государства *теперь* и (β) во время

¹ В. И. Ленин. «Марксизм о государстве», 1958, стр. 19.

революции пролетариата («диктатура пролетариата») — пункты, важнейшие для практики...

От оппортунистов более глубокие, «более вечные» истины о (αα) «временном» характере государства, о (ββ) *вреде* «болтовни» о нем теперь, о (γγ) не совсем государственном характере диктатуры пролетариата, (δδ) о противоречии государства и свободы, (εε) о более правильной идее (понятии, программном термине) «общины» вместо государства, (ζζ) о «разбитии» (*Zerbrechen*) бюрократически-военной машины.

Не забыть еще, что *диктатуру пролетариата* открытые оппортунисты Германии (Бернштейн, Кольб и т. д.) прямо отрицают, а официальная программа и Каутский *косвенно*, молча о ней в повседневной агитации и *терпя* ренегатство Кольбов и К⁰»¹.

Сделав ряд больших выписок из упомянутого уже письма Энгельса Каутскому, где Энгельс критикует проект Эрфуртской программы (письмо это было опубликовано в «*Neue Zeit*» в 1901—1902 гг., а затем социал-демократы постарались его забыть), Ленин подводит итог, делает выводы.

«Итак, Энгельс в 1891 г. (29. VI. 1891), рассуждая о политической программе социал-демократии:

(1) прямо борется с *оппортунизмом*, говоря о его росте в партии, определяя его, как «забвение крупных, великих, главных (соотношений) «точек зрения»».

(2) повторяет определение «диктатуры пролетариата».

(3) настаивает на республике (как «специфической форме для диктатуры пролетариата»).

(4) настаивает на отмене всех назначаемых государством чиновников в местном самоуправлении.

(5) против иллюзии *только* мирного, *только* законного пути.

Картина ясная!»²

Необходимо обратить внимание на последние замечания Ленина. Это очень важный пункт. В тексте «Обращения ЦК к Союзу коммунистов», написанного Марксом и Энгельсом в марте 1850 г., упоминается между про-

¹ В. И. Ленин. «Марксизм о государстве», 1958, стр. 45.

² Там же, стр. 27.

чим о строжайшей централизации управления, якобы проведенной революционной партией во Франции в 1793 году. В издании 1885 г. Энгельс сделал к этому месту примечание, в котором он вносит поправку.

«Благодаря бонапартистским и либеральным фальсификаторам истории, — пишет Энгельс, — тогда считалось установленным, что французская централизованная машина управления была введена великой революцией и что Конвент пользовался ею, как необходимым и решающим орудием для победы над роялистской и федералистской реакцией и над внешним врагом. Но теперь стало уже общеизвестным фактом, что все управление департаментов, округов и общин в продолжение всей революции, вплоть до 18 брюмера, состояло из властей, которые избирались самими управляемыми и пользовались полной свободой в рамках общегосударственных законов; что это провинциальное и местное самоуправление, аналогичное американскому, стало как раз наиболее сильным рычагом революции, в такой мере, что Наполеон непосредственно после государственного переворота 18 брюмера поспешил заменить это самоуправление хозяйничаньем префектов, которое сохранилось еще до настоящего времени и которое, таким образом, с самого начала было чистейшим орудием реакции»¹.

Эта мысль о необходимости дать простор активности на местах повторяется неоднократно у Маркса и Энгельса. В революции как раз и ценно то, что самые широкие массы приходят в движение, разворачивается их самостоятельность. Содействие этому — одна из важнейших директив. Отмеченная здесь Лениным директива получила широкое применение в русской революции, в создании самими массами своих Советов, которые, превращаясь в органы революционной власти на местах, действительно являлись сильными рычагами Октябрьской революции.

В связи с замечаниями Энгельса на Эрфуртскую программу в указанном выше письме Ленин не ограничивается резюмированием того, что сказано Энгельсом, но, опираясь на огромный проработанный уже им

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, 2 изд., стр. 266.

материал по изучению империализма, учитывая опыт революции 1905 г., обстановку, созданную войной, делает выводы о том, как применить положения Маркса и Энгельса к современности.

«Буржуазия, — пишет Ленин, — переняла от феодальной + абсолютной монархии «чиновнически-военную» государственную машину и развила ее. Оппортунисты (особенно 1914—1917) вросли в нее (империализм, как эпоха в передовых странах, вообще громадно усилил ее). Задача пролетарской революции: **«разбить»**, сломать эту машину, заменить ее полнейшим самоуправлением внизу, на местах, и *прямой* властью вооруженного пролетариата, его диктатурой наверху.

Чем объединить, связать общины? Ничем, говорят анархисты (α). Бюрократией и военной кастой, говорит (и делает) буржуазия (β). Союзом, организацией вооруженных рабочих («*Советами рабочих депутатов!*»), говорит марксизм (γ).

(α) = «отмена» государства; (β) = увековечение (точнее: отстаивание) государства; (γ) = революционное использование государства (диктатура пролетариата; разбить старую машину; подавить сопротивление буржуазии; объединить и связать вполне демократические общины вооруженным, централизованным пролетариатом) для *перехода* к отмене классов, к *коммунизму*, ведущему к *отмиранию государства*.

Ad(α) — аполитизм; ad(γ) — участие в политической борьбе для подготовки к революционному использованию государства»¹.

Здесь важно отметить, как ясно формулирует Ленин взгляды противников, как мастерски передает он суть этих взглядов и с какой четкостью противопоставляет им взгляды революционного марксизма.

Особый интерес представляет подробный анализ важнейших для вопроса о государстве произведений Маркса «Гражданская война во Франции» (1871 г.) и «Критика Готской программы» (1875 г.), а также предисловия Энгельса к изданию «Гражданской войны во Франции»

¹ В. И. Ленин. «Марксизм о государстве», 1958, стр. 29.

в 1891 г. и его письма Бебелю по поводу проекта Готской программы в марте 1875 года.

«*Чрезвычайно* большую важность по вопросу о государстве имеет письмо *Энгельса* к *Бebelю* от 18/28.III. 1875»¹, — пишет Ленин и, выписав из него главнейшее место: «Это, пожалуй, самое замечательное и, наверное, самое резкое место, так сказать, *«против государства»* у Маркса и Энгельса»², — анализирует его и отмечает восемь важнейших пунктов. К пункту 7 «Когда будет свобода, тогда не будет государства», — Ленин пишет свое замечание:

«Обычно понятия «свобода» и «демократия» считают тождественными и употребляют часто одно вместо другого. Очень часто вульгарные марксисты (Каутский, Плеханов и К^о во главе их) именно так рассуждают. На деле демократия исключает свободу. Диалектика (ход) развития такова: от абсолютизма к демократии буржуазной; от буржуазной демократии к пролетарской; от пролетарской к никакой»³.

Выписывая важнейшие места из «Критики Готской программы», Ленин еще раз отчетливо изображает «диалектику (ход) развития» и показывает, что у Маркса нет противоречия, когда он говорит о «будущей государственности коммунистического общества»...

«I — в капиталистическом обществе государство в собственном смысле — государство нужно буржуазии

II — переход (диктатура пролетариата): государство переходного типа (не государство в собственном смысле) — государство нужно пролетариату

III — коммунистическое общество: *отмирание* государства — государство не нужно, оно отмирает»⁴.

Из «Критики Готской программы» Ленин выписывает место о двух фазах коммунистического общества и затем подробно развивает это в своей книге «Государство и революция».

Центральное место в тетради «Марксизм о государстве» занимает анализ Ленина брошюры Маркса «Гражд-

¹ В. И. Ленин. «Марксизм о государстве», 1958, стр. 39.

² Там же, стр. 41.

³ Там же, стр. 43.

⁴ Там же, стр. 53.

данская война во Франции». Ленин отметил 19 пунктов, отличительных черт, особенностей пролетарской государственности. Маркс, изучая исторический опыт Парижской Коммуны, «историческую инициативу масс», тщательно проанализировал, обобщил, подвел итог этому опыту борьбы масс, поднимающих все движение на высшую ступень. Ленин, изучив во всех деталях изложение Маркса, не упустив из виду ни одного замечания, ни одного малейшего штриха, резюмирует изложение Маркса следующим образом:

«Из этого сопоставления важнейших рассуждений Маркса о Коммуне ясно видно, что Маркс из всех сил подчеркивает необходимость «упразднить» (армию и чиновничество), «уничтожить» ту государственную власть, «сломать современную государственную власть» и т. д., уничтожить, сломать, устранить (*beseitigen*), что? не государство, а «современную государственную власть», «готовую государственную машину», чиновничество и армию в первую голову»¹.

И далее Ленин, указывая на необходимость «разбить» старую, «готовую машину буржуазного государства», характеризует установленные Марксом основные черты новой пролетарской государственности.

Ленин отмечает следующие пункты:

Замена постоянной армии вооруженным народом; «уничтожение бюрократии, судей в том числе: (а) прогнать «*hohe Staatswürdenträger*», «высших государственных чиновников»; (б) свести остальных на чисто исполнительную роль; (γ) сменяемость; (δ) плата обыкновенного рабочего.

...Замена парламентского народного представительства.. «коммунальным»..., т. е. и законодательным и исполнительным в одно время...

...Местное самоуправление без надзора и опеки государства сверху...

...Полная демократия вообще...

Условие всего этого: пробуждение (революционным пожаром, революционной активностью) трудящихся масс, большинства населения, их активное участие вме-

¹ В. И. Ленин, «Марксизм о государстве», 1958, стр. 91.

сто чиновников в государственных делах, — пролетарское руководство, ими должны руководить организованные, централизованные пролетарии.

Условие всего этого: сокращение рабочего дня до 8—6—4 часов; — соединение производительного труда *всех с участием всех* в «государственном» управлении»¹.

Здесь Ленин опять-таки не ограничивается одним воспроизведением, восстановлением взглядов Маркса. Он подводит итоги нового исторического опыта и отмечает, что русская революция (1905), создавшая «Советы рабочих депутатов», «железнодорожных депутатов», «солдатских и матросских депутатов», «крестьянских депутатов», «*подошла к этому же приему слабее (более робко)*», подошла к приему создания новых органов революционной власти, уничтожающих бюрократию, вводящих местное самоуправление «без опеки сверху», осуществляющих «полный демократизм» и т. д., но, с другой стороны, показала эти органы «гораздо шире». В выполнении перечисленных Марксом задач русская революция 1905 г. пошла в том же направлении, в каком шла Парижская Коммуна.

Учитывая «новое» в общей ситуации, сложившейся в 1916 г., изменения в обстановке, созданные империализмом и войной: «бешеный» рост бюрократизма «и в парламентаризме, внутри его, — и в местном самоуправлении — и в акционерных компаниях — и в тресте и т. д.», «врастание» «социалистических» рабочих партий в такой же бюрократизм, — Ленин указывает и на видоизмененные задачи, стоящие перед революционной партией.

«Реформисты и социал-патриоты *«совершенствуют»* бюрократически-государственную машину..., а революционеры должны *«сломоть»* ее... заменив «коммуной», новым *полугосударством»*².

Ленин далее дает краткую формулу, выражающую суть дела: «Замена старой («готовой») государственной машины и парламентов *Советами рабочих депутатов* и их доверенными лицами». На вопрос, а как же нерабочее население, Ленин отвечает: «Кто не работает,

¹ В. И. Ленин. «Марксизм о государстве», 1958, стр. 93.

² Там же, стр. 95.

тот не должен есть (а не то, что государством управлять)»¹, и этим ярко определяет классовое существо и задачи нового государства трудящихся.

Так именно Ленин формулировал в конце 1916 — начале 1917 г., еще до начала революции, всемирно-историческую задачу, которая была разрешена в России в октябре 1917 г. только благодаря тому, что во главе пролетариата была большевистская партия, руководимая Лениным.

Мы видели, откуда Ленин почерпнул материал для постановки и разрешения этой задачи установления нового типа государства, который должен стать характерным для целой исторической эпохи перехода от классового к бесклассовому обществу. С одной стороны, из исторического опыта, подытоженного и освещенного в произведениях Маркса и Энгельса, с другой — из самостоятельного изучения новой исторической борьбы рабочего класса, участия в ней и развития марксистской теории, разработки ее на основе этого нового опыта.

Ленин намечает путь, каким это новое государство, открытое массовой борьбой парижского пролетариата в 1871 г. и борьбой российского пролетариата в 1905 г., должно быть осуществлено в жизни. Именно оно должно быть осуществлено «созданием направления и партии», борющейся с развращением рабочего класса, с оппортунизмом — *по всей линии*. Партия эта должна воспитывать рабочий класс для революции, используя все методы и формы борьбы и современную государственную власть (буржуазную) и парламент в том числе, соединяя легальную и нелегальную работу. Партия должна служить массовому революционному рабочему движению «под контролем его», «в постоянной борьбе до конца, до раскола с оппортунистами и *чиновниками* рабочего движения». Партия эта должна быть партией нового типа — такой же, какой являются большевики, которые «выросли из борьбы с оппортунизмом 1894—1914 гг.!!»².

¹ В. И. Ленин. «Марксизм о государстве», 1958, стр. 95.

² Там же, стр. 97.

В заключение, в конце тетради «Марксизм о государстве», Ленин подробно разбирает, каким путем Каутский, бывший в девяностых — начале девятисотых годов видным представителем марксизма, содействовавший одно время своими работами распространению учения Маркса, приносивший известную пользу рабочему движению, превратился в ренегата. Изучением работ Каутского «Социальная революция», «Путь к власти», полемики его с Бернштейном и Паннекуком Ленин устанавливает тот особый, каутскианский путь, путь «недомолвок», «умолчаний», «обходов вопроса», «уклончивостей», какой привел Каутского к полной измене, к превращению в оголтелого врага пролетарской диктатуры, в социал-интервента, в апологета фашизма.

Каутскианское извращение марксизма было особо вредным и особо гнусным, потому что оно не открыто порывало с марксизмом, а прикрывалось полным признанием марксизма, полной ортодоксальностью.

В брошюрах Каутского «Социальная революция» и «Путь к власти», написанных еще в то время, когда он в общем стоял на марксистских позициях, как раз вопрос о государстве оставался у него не выясненным до конца. Каутский в «Социальной революции» говорил, как отмечает Ленин, о «государстве» вообще, о «завоевании политической власти» пролетариатом, о «пролетарской революции», о «пролетарском режиме»..., *не говоря* о задаче «разбить бюрократически-военную машину», об «уничтожении государства», даже ни слова о борьбе с «суеверной верой в государство»...¹ То есть по существу Каутский ограничивался общей постановкой вопроса, которая была у Маркса еще до революции 1848 г. и которая тогда была вполне правильной, а потом стала недостаточной, потому что вопрос Марксом был разработан дальше, конкретизирован, уточнен на основе исторического опыта — в первую очередь на основе опыта французской революции 1848 г., классовой борьбы во Франции 1848—1851 гг. и затем на основе опыта Парижской Коммуны. Маркс в предисловии к изданию «Коммунистического манифеста» 1872 г.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 28, 4 изд., стр. 209—250.

специально оговорил, в каком пункте программа «Коммунистического манифеста» устарела. Именно недостаточно стало говорить просто о завоевании власти, надо ставить вопрос конкретнее, надо ставить задачу «разбить» бюрократически-военную машину буржуазного государства.

В «Государстве и революции» Ленин подводит итог каутскианской эволюции в вопросе о государстве в следующих словах:

«Германская социал-демократия, в лице Каутского, как бы заявляла: я остаюсь при революционных воззрениях (1899 г.). Я признаю в особенности неизбежность социальной революции пролетариата (1902 г.). Я признаю наступление новой эры революций (1909 г.). Но я все же таки иду назад против того, что говорил Маркс уже в 1852 году, раз вопрос ставится о задачах пролетарской революции по отношению к государству (1912 г.)»¹.

Резюмируя разногласия с анархистами и оппортунистами, Ленин в заключительной главе «Государства и революции» указывает, что анархист — за разрушение государственной машины, но не желает изучать и анализировать уроки прежних революций для того, чтобы знать, чем конкретно заменить разрушенную машину буржуазии. Оппортунист полон суеверного почтения к государству, смертельно боится революции, не желает бесповоротно порывать с буржуазией и ломать орудие буржуазного угнетения и насилия — государство.

«Маркс учит нас избегать обеих ошибок, учит беззаветной смелости в разрушении всей старой государственной машины и в то же время учит ставить вопрос конкретно: Коммуна смогла в несколько недель *начать* строить *новую*, пролетарскую, государственную машину вот так-то, проводя указанные меры к большему демократизму и к искоренению бюрократизма. Будем учиться у коммунаров революционной смелости, будем видеть в их практических мерах *намечание* практически-насушенных и немедленно-возможных мер и тогда, *идя таким*

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, 4 изд., стр. 454.

путем, мы придем к полному разрушению бюрократизма»¹.

В 1917 году под руководством Ленина пролетариат одержал великую всемирно-историческую победу. Он с «беззаветной смелостью» разрушил старую угнетательскую государственную машину и создал Советскую власть, власть трудящихся. Теория Маркса о диктатуре пролетариата получила свое осуществление в жизни. В деле организации и проведения вооруженного восстания Ленин тоже опирался на опыт, подытоженный в произведениях Маркса и Энгельса. В статье «Советы постороннего» (октябрь 1917 г.) Ленин приводит правила тактики вооруженного восстания из «Революции и контрреволюции в Германии». И в дальнейшем, став во главе первого в мире пролетарского государства, руководя осуществлением того, что в гигантской перспективе было намечено в работе «Марксизм о государстве», более подробно развито в «Государстве и революции» и в ряде других работ, — Ленин также опирался на теорию Маркса. Чтобы изучить это во всех подробностях, требуется большая работа. Такое изучение имеет и огромное теоретическое значение: оно наглядно показывает всю громадную научно-теоретическую работу, проделанную Лениным — вождем современного пролетариата; оно помогает более глубокому пониманию теории марксизма-ленинизма. Это изучение имеет для каждого участника социалистического строительства и громаднейшее практическое значение, особенно в наше время, когда пролетариат под руководством ленинской партии ставит задачу завершить построение бесклассового общества, преодолеть пережитки капитализма в экономике и сознании людей.

Тот по необходимости беглый обзор, который нами сделан в нашей статье, дает некоторое общее представление о том, как Ленин относился к учению Маркса и как изучал его произведения. Мы видим, что Ленин изучал Маркса в тесной связи с конкретными очередными задачами идущей в действительности революционной массовой борьбы пролетариата. Руководя этой борьбой,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, 4 изд., стр. 459.

Ленин изучал «всю совокупность взаимоотношений всех без исключения классов данного общества» и всю международную обстановку. Изучая Маркса, Ленин черпал из его произведений уроки для разрешения конкретных задач текущей борьбы. Учитывая новое, Ленин конкретизировал учение Маркса, развивал его дальше и, ведя неуклонно беспощадную борьбу против оппортунистического опошления и извращения марксизма, осуществлял учение Маркса в действительности, руководил подготовкой пролетариата к революции, его победой над буржуазией, организацией его власти — диктатуры пролетариата — и социалистическим строительством.

«Пролетарская революция»
№ 3, 1934

ЗА ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

I

Мне приходилось встречаться с Владимиром Ильичем начиная с 1904 г., когда я впервые попал за границу. Весной 1904 г. мое знакомство с Владимиром Ильичем началось, когда я стал читать его речи в протоколах II съезда. Речи эти сразу же привлекли мое внимание и покорили меня своей логикой, ясностью и последовательной революционностью. Живую речь Владимира Ильича я услышал впервые на собрании, посвященном памяти Парижской Коммуны, 9(22) марта 1904 г., происходившем в одной из женевских зал (кажется, Handwerk на Plainpalais).

Председателем этого собрания был, помнится, П. Н. Лепешинский. Как оратор Владимир Ильич мне очень нравился простотой своей речи, отсутствием каких-либо искусственных приемов.

В то же время, весной 1904 г., Владимир Ильич вел кружок по изучению Устава партии. Помню хорошо, что Владимир Ильич, видимо, скучал в своей роли руководителя кружка. В мае 1904 г. я поехал в Казань, нагруженный особо приготовленными альбомами, бюварями и пр. Картон, из которого были сделаны эти вещи, был склеен из множества тончайших листов нелегальной литературы. Домой ехал я определенным сторонником большевизма.

Еще раз попасть за границу мне удалось в марте — апреле 1905 г. после 8 месяцев работы в Казанском комитете РСДРП. В этот второй приезд я познакомился с Владимиром Ильичем уже лично, видался с ним

несколько раз и имел с ним продолжительный разговор. В первой же беседе с ним я почувствовал сразу, что это совершенно необыкновенный, выдающийся, прямо гениальный человек. Мне в моей жизни никогда не приходилось встретить другого человека, равного ему по силе ума. Личное общение с Владимиром Ильичем, даже самый короткий разговор с ним давали всегда что-то новое, необыкновенное, чего другим путем нельзя было получать так легко и просто.

Есть писатели, которые дают в своих произведениях все, что они вообще могут дать. Личное общение с такими людьми не прибавляет ничего нового. Владимир Ильич был больше своих литературных работ, несмотря на все богатство их содержания и их глубину. Затем необходимо отметить необычайную способность дать собеседнику за очень короткий разговор чрезвычайно много. И как-то само собой выходило, что он это говорил для того, чтобы я и все другие товарищи воспользовались его опытом и не повторяли раз уже сделанные ошибки.

По поводу полемики с Плехановым он сообщил интересную подробность, которая также имела практическое значение. Плеханов в своих полемических статьях прибегал к резкостям и обидным выпадам, чтобы разозлить противника. Владимир Ильич, смеясь, говорил, что он этот прием хорошо знает: цель этого приема состоит в том, чтобы заставить противника в злобе наговорить лишнего, написать в состоянии раздражения какие-нибудь глупости. После того как противник на такую удочку попался, — тут-то его и можно разделить.

Владимир Ильич говорил, что *пока* он решил молчать. Это было весной 1905 года. Стратегический план Владимира Ильича состоял в том, чтобы самих меньшевиков поймать в ту же самую ловушку. Это ему в значительной степени удавалось с помощью известных карикатур П. Н. Лепешинского и брошюр Галерки (М. С. Ольминского).

Во время разговора, узнав, что я окончил юридический факультет Казанского университета, Владимир Ильич стал расспрашивать о профессорах, читавших там еще в те времена, когда он в осенний семестр 1887 г.

был в Казанском университете. Некоторые из этих профессоров читали лекции еще и в начале 900-х годов¹.

Владимир Ильич вспомнил, между прочим, один случай в связи со студенческими беспорядками, происходившими в конце 1887 года. Он помнил один разговор с арестовавшим его приставом, который вез его на извозчике. Владимир Ильич так живо рассказал этот разговор, что он мне врезался в память. Видимо, приставу, судившему по наружности молодого студента, которому было тогда всего 17 лет, показалось, что этот молодой человек попал в историю случайно, благодаря «дурным» влияниям товарищей. Пристав заговорил: «Ну что вы бунтуете, молодой человек, — ведь стена!». Ответ, однако, получился совершенно неожиданный: «Стена, да гнилая, — ткни, и развалится!» — отвечал Владимир Ильич.

Во время нашего разговора, который был очень оживленным, удалось коснуться и некоторых интересовавших меня тогда теоретических вопросов, бывших для меня неясными. Несколько замечаний Владимира Ильича дали мне тогда чрезвычайно много.

Если чтение его речей, статей и брошюры «Что делать?» сразу же сделали меня его горячим сторонником, то после этого личного знакомства я был им совершенно очарован. Владимир Ильич обнаружил необычайную осведомленность в самых разнообразных областях, очень широкий круг интересов.

Узнав, что я ходил по Швейцарии пешком, руководясь Бедеккером, Владимир Ильич очень сочувственно к этому отнесся. По его словам, такие пешие прогулки по новым местам доставляли ему громадное удовольствие. Он рассказал мне, как он, живя в Самаре, совершал так называемую «кругосветку» — путешествие по Волге в лодке вниз до конца Самарской луки, переправа с лодкой в речку, которая течет на север, сплав по ней до Волги, принимающей в себя эту речку у начала

¹ Помнится, он вспоминал Н. П. Загоскина (профессор истории русского права), а также Рейнгардта — присяжного поверенного и редактора казанской газеты «Волжский вестник». (Прим. В. В. Адоратского).

Жигулей, и возвращение обратно в Самару опять-таки вниз по течению.

После личного, более близкого знакомства с Владимиром Ильичем, я стал видеть в нем не только гениального вождя, которому можно смело верить, который поведет правильным путем, — он стал для меня дорогим человеком, к которому я почувствовал неизменную личную привязанность, для которого я готов был выполнить все, что угодно.

Позднее, летом 1905 г., когда мы — казанские партийные работники — всем комитетом читали его замечательную брошюру «Две тактики», мы все чувствовали, что нельзя более правильно, более последовательно и более талантливо защищать интересы развития революции, чем это делал Владимир Ильич. Он умел зажигать сердца всех, кому было дорого дело революции. Помнится, приблизительно около того же времени, летом 1905 г., как-то вечером, между несколькими товарищами был разговор о Владимире Ильиче: сможет ли он быть вождем победоносной революции? Тогда мы формулировали так: сможет ли он быть Робеспьером? В разговоре тогда принимал участие и Г. И. Крамольников. Помнится, что восторжествовало мнение, что, конечно, сможет и выполнит свою роль, вероятно, еще лучше. По крайней мере, таково было мое твердое убеждение.

Мне хотелось бы отметить вообще могучее влияние личности Владимира Ильича на всех, кто имел счастье лично сталкиваться с ним. В 1911 г. мне пришлось много ходить по Парижу вместе с одним молодым сормовским рабочим, товарищем Н., который, пройдя школу в Болонье, был пропитан богдановскими идеями и к Владимиру Ильичу относился несколько скептически. Меня с этим рабочим познакомила Надежда Константиновна для того, чтобы он вместе со мной мог осматривать Париж и его достопримечательности. И в Россию он должен был ехать вместе со мной, так как иностранными языками он не владел, а я как раз должен был возвращаться в Россию. В наших разговорах по вопросам философии и тактики Н. не очень-то поддавался моим убеждениям, когда я старался доказать ему правоту Ленина и неправильность точки зрения Богданова.

Наконец, наступил день отъезда, и мы условились, что встретимся на вокзале, куда Н. должен был приехать прямо от Владимира Ильича, у которого должна была с ним быть беседа. Владимир Ильич должен был проверить, насколько он усвоил проработанные им материалы, и, кроме того, дать ему различные инструкции.

Уже сидя в вагоне, Н. много и восторженно говорил мне о том громадном впечатлении, которое произвело на него напутственное слово Владимира Ильича. В речи, длившейся около часа, Владимир Ильич успел развернуть перед Н. такие перспективы и дать ему столько, сколько тот не получил за весь курс, прослушанный им в школе, в Болонье. Так уверял меня сам Н., таковы были — почти буквально — его слова.

Владимир Ильич был такой сильной индивидуальностью, что влияние его не ограничивалось одной идейной стороной. Мне приходилось потом встречать много товарищей, которые как будто даже внешне становились похожими на Владимира Ильича, повторяя, видимо, невольно и безотчетно его жесты, его выражения, его интонации, вплоть до выражения глаз.

II

Следующий раз мне пришлось встретиться с Владимиром Ильичем в Швейцарии, в Женеве, в 1908 г., где я жил с 1906 г., отбывая высылку за границу. Весной 1908 г. на лекции о Шекспире, которую читал лектор английского языка в Женевском университете м-г Mobbs и на которой присутствовал и я, сидя в одном из задних рядов, — в зал вошел человек и сел рядом со мной. Это был Владимир Ильич, но я сразу его не узнал — он был без бороды. К концу лекции мы стали посматривать друг на друга, и Владимир Ильич заговорил со мной. Он припомнил наше знакомство. Нечего и говорить о том, как я обрадовался такой неожиданной встрече. Мы вышли на улицу, и я проводил его до квартиры.

Я задал ему вопрос, о чем он вспоминает с наибольшим удовольствием из всего того, что он делал в России в этот его приезд. Он рассказал мне, что огромное удовлетворение доставил ему один большой митинг, на

котором ему удалось единственный раз выступить и где он провел свою резолюцию, разъяснив ее во всех подробностях, так что принята она была вполне сознательно, т. е. растолкована и разъяснена до конца. Его рассказ об этом митинге мне отчетливо врезался в память. Это, по-видимому, был митинг в доме графини Паниной.

Еще остался у меня в памяти рассказ Владимира Ильича о том, как его на Невском окружили четыре шпики и готовы были уже арестовать, но он все-таки от них ушел.

На мой вопрос, что он думает о будущем, когда наступит снова революция, Владимир Ильич отвечал, что «мужик сосет лапу», — когда он перестанет этим заниматься, тогда наступит революция. Владимир Ильич возмущался кадетами, которые, в сущности, дали царю заем, потому что — выступи они во Франции с решительным заявлением о том, что заем, совершенный без согласия Думы, не будет признан народным представительством, — царь не получил бы французских денег помимо Думы.

Я должен был вскоре уехать в Россию, так как кончался срок моей высылки из пределов России. До отъезда я заходил несколько раз к Владимиру Ильичу. Он заставил меня написать подробные воспоминания о 1905 г., об октябрьских днях и особенно о тех уроках, которые относились к вопросам о вооружении рабочих, о боевых дружинах, об организации восстания и о взятии власти.

В один из вечеров, когда я пришел к Владимиру Ильичу, он пригласил меня пойти в пивную. Мы сели за столик, спросили себе пива и начали разговор. Владимир Ильич интересовался моими занятиями. Я тогда усердно изучал социологическую и историческую литературу и пытался самостоятельно выбраться из сетей юридической идеологии. Вдруг Владимир Ильич прервал разговор словами: «This man is suspicious»¹ и сделал незаметный жест в сторону некоего субъекта, только что подсевшего к нам, по-видимому, шпики. Мы немедленно встали и вышли.

¹ Этот человек подозрителен. — *Ред.*

Готовясь уезжать из Женевы, я ликвидировал все свое небольшое квартирное оборудование и был очень рад, когда Владимир Ильич выразил согласие, чтобы я поставил к нему мою книжную полку. Я ему отвез ее дня за два до моего отъезда из Женевы.

Мне удалось после этого попасть за границу только в январе 1911 года. Я поехал туда с наброском моей работы о государстве, в которой я старался преодолеть буржуазное идеологическое понимание государства. Мне хотелось посоветоваться об этой работе и выяснить ряд теоретических сомнений. В Берлине я был у Каутского, беседа с которым для разрешения моих вопросов решительно ничего не дала. Приехав в Париж, я прямо с вокзала отправился к Владимиру Ильичу на Rue Marie-Rose. Владимир Ильич встретил меня очень радушно, указал дом, где можно было поблизости поселиться. Я прожил с неделю в Париже. Несколько раз я был у Владимира Ильича, один вечер просидели довольно долго в разговорах. Владимир Ильич просмотрел мою рукопись и заинтересовался ею. Говоря о юристах, Владимир Ильич вспомнил удачное выражение Бебеля: «Juristen sind durchaus reaktionäre Leute»¹ и выражение Маркса: «Juristisch — also falsch»². Я этих выражений не знал. Последнее особенно мне понравилось, так как целиком подтверждало мои выводы.

Мне было тогда не вполне ясно все громадное историческое значение той как будто мелкой повседневной работы, которую вел тогда Владимир Ильич, т. е., вернее сказать, я понимал, что она чрезвычайно нужна, но мне было как-то обидно, что такая теоретическая сила, как Владимир Ильич, такой гениальный ум, мыслитель с таким образованием должен тратить свои силы и время на то, чтобы растолковывать такие вещи, справедливость которых можно было легко понять без особого напряжения ума, а именно, — что в период реакции нелегальная организация должна быть сохранена во что бы то ни стало, несмотря ни на какие трудности, и что

¹ Юристы — крайне реакционные люди. — *Ред.*

² Юридически — значит фальшиво. — *Ред.*

легальные возможности должны быть самым тщательным образом использованы для развития политического сознания масс и т. д. Когда я высказал Владимиру Ильичу свои соображения на эту тему, говоря, что ведь вот масса важных теоретических вопросов не разработана и что он должен заняться ими, Владимир Ильич ответил: «Может быть, вы и правы». Но я почувствовал, что иначе он поступать не может и что то дело, которое он делает, и есть самое важное и необходимое. Особенно ясно это стало впоследствии.

Перед отъездом моим в Лондон Владимир Ильич прямо растрогал меня своим заботливым отношением. Он дал мне множество полезных советов, начиная с того, что сообщил мне, что место хранения ручного багажа называется по-английски *cloak-room*, что ехать из Парижа в Лондон лучше всего через Boulogne—Folkestone, что в Лондоне мне придется сойти с поезда на вокзале Charing Cross Station и т. д. Он дал мне также адрес М. М. Литвинова («Папаши»), который жил тогда в Лондоне.

На обратном пути в Россию, возвращаясь из Лондона, я снова недели две-три задержался в Париже. За это время я мог видеть, с какой заботой Владимир Ильич относился к рабочим, приезжавшим за границу, как он следил за их занятиями, проверял их знания. Я выше уже рассказывал о сормовском рабочем Н.

При отъезде моем в Россию Владимир Ильич дал мне адрес В. Д. Бонч-Бруевича в Питере для того, чтобы он помог мне напечатать мою работу о государстве. Но тогда мне это сделать так и не удалось, я напечатал ее только в 1923 году в издании Социалистической академии.

При расставании Владимир Ильич дал мне, между прочим, полезный совет. Видя, что мои книги исписаны на полях иногда английскими фразами (я усиленно занимался тогда английским языком, стараясь им овладеть), Владимир Ильич, лукаво улыбаясь, заметил, что фразы эти имеют иногда своеобразную орфографию; он посоветовал мне делать различные заметки для памяти, выписки из резолюций и подобный материал, который нежелательно было бы показывать жандармам, по-ан-

глийски, придавая им вид цитат из Диккенса, Теккерера или из библии. Жандармы, действительно, на такие вещи не обращали внимания.

III

Зиму 1911/12 гг. я жил с семьей — женой и дочерью — в Берлине. Приезжая за границу, я всегда сообщал Владимиру Ильичу свой адрес; так же я сделал и в этот раз. В это время как раз тянулась история с деньгами нашего ЦК, которые очутились в руках «держателей» — германских социал-демократов, и именно в руках Каутского. И германские социал-демократы вообще, и в частности Каутский, совсем не разбираясь в русских делах, воображали тем не менее, что они призваны играть роль третейских судей. Владимир Ильич писал мне, что необходимо информировать Каутского, и предлагал мне взять на себя это дело. Он писал, что информация Каутского исходит от разного рода интриганов, которые, будучи сами политическими нулями, стараются играть роль и занимаются всевозможными интригами.

Я бывал раза два у Каутского, но мне было там не по себе. Там бывал Гильфердинг, имевший вид скорее банкира, чем революционера. Кроме того, я в то время не вполне еще владел немецким языком, чтобы выдержать конкуренцию с меньшевистскими информаторами Каутского. Я счел себя для этой роли не подходящим и написал об этом Владимиру Ильичу.

Однажды, когда меня не было дома, к нам позвонил Владимир Ильич. Жена, которая ему отперла, сначала его не узнала. Но когда он сел писать мне записку и она увидела подпись «Ленин», она стала спрашивать его остаться, говоря, что я буду прямо в отчаянии, если его не увижу. Тогда Владимир Ильич, улыбаясь, обещал обязательно зайти немного позднее.

Действительно, некоторое время спустя Владимир Ильич зашел снова. Я был уже дома. Оказалось, что он приехал, чтобы лично переговорить с Бебелем и Каутским. В тот же день ему это сделать не удалось и приходилось переночевать в Берлине. Я решительнейшим образом запротестовал против того, чтобы он шел в

гостиницу, и он согласился переночевать у нас. Он расспрашивал меня о моей работе. Помню, как, перебирая мои книги, он очень заинтересовался двухтомным словарем Weigand «Deutsches Wörterbuch» (прекрасный словарь немецкого языка с множеством филологических и исторических сведений).

Вечером Владимир Ильич пошел смотреть драму в театре Рейнгардта, а затем переночевал у нас на диване (Ильич спал, закрывшись с головой пледом, причем около дивана стоял игрушечный деревянный щелкунчик с саблей наголо, поставленный там моей маленькой дочкой, которая заботилась, чтобы «Ленину не было скучно»).

Наутро после кофе Владимир Ильич пошел по делам, а днем у него было назначено свидание с В. Слуцкой, которая должна была прийти ко мне. Владимир Ильич, вернувшись, раздраженно рассказывал, что Бебель принял его очень нелюбезно — «смотрел зверем», как выразился Владимир Ильич. По поводу Каутского Владимир Ильич отзывался весьма непочтительно и с возмущением говорил, что тот «суется» решать вопросы, абсолютно не будучи в состоянии разобраться в русских делах. Действительно, Каутский, совершенно не зная русского языка, не мог знать толком положения ни в России, ни в русской партии и был совсем некомпетентен, чтобы «совать» со своими решениями.

Уехав из Берлина, Владимир Ильич решил предъявить Каутскому иск и взыскать с него деньги судом. Владимир Ильич письмом просил меня отыскать хорошего адвоката в Штутгарте — место издания журнала «Die Neue Zeit», редактировавшегося Каутским. У меня в Берлине никого знакомых из немцев не было, кроме самого Каутского. Тогда Владимир Ильич рекомендовал мне такой способ: подписаться на «Vossische Zeitung» — буржуазную газету, вроде старых «Русских ведомостей». У этой газеты есть, конечно, свой юрисконсульт из числа видных адвокатов; как подписчик газеты я получу право пойти к нему за советом, он отнесется ко мне не как к первому встречному с улицы и даст адрес хорошего адвоката в Штутгарте.

Я все это проделал, был у юрисконсульта «Фоссово́й газеты» и, действительно, после разговора с ним

получил от него требующийся адрес, который немедленно и был мною сообщен Владимиру Ильичу. Воспользовался ли Владимир Ильич штутгартским адвокатом, я не помню. Помню только, что им была выпущена статья на немецком языке, напечатанная отдельной листовкой, где излагались подробно все обстоятельства этого спора о деньгах.

Когда я весной 1912 г. снова поехал в Россию, Владимир Ильич дал мне поручение непременно принять участие в выборах в IV Государственную думу и постараться провести депутата от рабочих, воспользовавшись тем, что в Казани выборщики — кадеты и черносотенцы — были почти одинаковы по численности. Попытка моя потерпела неудачу.

IV

Попав за границу летом 1914 г., я опять немедленно списался с Владимиром Ильичем, который тогда жил в Поронине. Меня интересовал тогда национальный вопрос, и, помнится, Владимир Ильич в своем письме рекомендовал мне брошюры Паннекука и Штрассера. Мне очень хотелось съездить к Владимиру Ильичу, но заставшая нас внезапно война помешала это сделать. Я на целых четыре года застрял в Германии в положении гражданского пленного вместе с женой и дочерью.

Только в августе 1918 г. мне удалось вернуться в Россию, после того как приехала в Германию наша миссия. Я немедленно же написал ей, прося дать мне возможность вернуться в Россию, на время же до моего отъезда я выражал свою полную готовность, если это нужно, взять на себя обязанности консула в Мюнхене. За справкой обо мне я просил обратиться к Владимиру Ильичу.

Разрешение выехать с первым эшеленом русских гражданских пленных пришло скорее, чем выяснился вопрос, нужен ли в Мюнхене консул, и в первых числах августа я был уже в Москве.

По приезде я первым же долгом пошел к Владимиру Ильичу.

Пришел я к нему около 4 часов. Написал ему записку. Меня немедленно пропустили к нему. Он стоял в своем кабинете на стуле у карты Европейской России и рассматривал северную ее часть. Я не видал его с 1912 года. На мой взгляд, он несколько не изменился. Это был тот же веселый, милый, простой Владимир Ильич. Мы с ним поцеловались. Он меня усадил и, по видимому, поразился моим истощенным видом. Он сказал, что получил запрос обо мне по поводу возможности назначения меня консулом в Мюнхене, на этот запрос он немедленно ответил согласием и рекомендовал меня как человека, ему известного, поэтому думал, что я получил уже это назначение. Вошел Я. М. Свердлов, которого я знал как товарища Андрея еще по работе в Казани в 1905 году. Разговор зашел о Германии и о будущей германской революции. Я сообщил те факты, которые были мне известны. Настроение в Германии тогда начинало отдаленно напоминать настроение в России кануна 1905 года.

По состоянию своего здоровья, сильно надорванного систематическим голоданием в последние годы германского плена, я не мог заняться какой-либо работой, кроме чисто кабинетной. С Владимиром Ильичем мне приходилось встречаться только изредка.

Зиму 1919/20 гг. я провел в Казани. Владимир Ильич несколько раз спрашивался о том, как я живу, не нужно ли мне чего-нибудь, просил писать ему, пересылая письма через военные власти. В письме от 6 апреля 1920 г. Владимир Ильич писал:

«г. Адоратский!

Я передал т. Ходоровскому, прося помочь Вам на счет пайка, дров и пр.

Он обещал это сделать.

Пишите мне с оказией (через военных лучше)

1) сделано ли что-либо для помощи Вам? пайком? дровами?

2) не надо ли еще чего?

3) можете ли собрать материалы для *истории гражданской войны и истории Советской республики?*

Можно ли вообще собрать в Казани эти материалы? Могу ли я помочь?

Комплекты «Известий» и «Правды»? Многого не хватает?

Могу ли я помочь достать недостающее?

Прошу Вас написать мне, *дать Ваш адрес.*

Лучшие приветы! Ваш *Ленин*¹.

Заваленный массой работы, Владимир Ильич находил время помнить о тех разговорах, которые мы с ним вели перед моим отъездом в Казань, и думать о том, как помочь товарищу и не нужно ли ему чего.

V

В августе 1920 г. я был вызван в Москву для того, чтобы работать по собиранию материалов по истории Октябрьской революции. Приехав в Москву и не увидев Владимира Ильича около года, я, конечно, счел себя вправе пойти к нему. Он расспрашивал меня о работе, о моей жизни в Казани. Я рассказал ему, между прочим, что весной 1920 г. я провел с большим удовольствием в течение приблизительно месяца один созыв губпартшколы, но что состав этой школы был несколько ниже созыва 1919 г., на котором я тоже читал лекции. Услышав об этом понижении уровня состава, Владимир Ильич сейчас же забеспокоился и просил меня через секретаря губкома выяснить причины этого.

Речь зашла у нас о переписке Маркса и Энгельса. Мне ее не удавалось до сих пор прочесть целиком, а я, конечно, ею очень интересовался. Владимир Ильич стал развивать мне план работы, которую, по его словам, необходимо было произвести возможно скорее. «Бebel и Бернштейн, — говорил Владимир Ильич, — похоронили богатейшее наследство Маркса и Энгельса в четырех толстых томах, которые будут читать только ученые дураки, вроде нас с Вами». Необходимо сделать выборку важнейшего, сделать это доступным широким кругам рабочих, сделать так, чтобы действительно подлинного Маркса читали. Такой относительно небольшой сборник необходимо перевести на европейские языки, потому что Маркса на Западе знают, может быть, еще меньше, чем у нас, в России. По словам Владимира Ильича,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, 4 изд., стр. 379.

«Критика Готской программы» во Франции, например, совсем неизвестна.

Я, конечно, с восторгом согласился заняться этой предложенной мне работой. Владимир Ильич поспешно пошел к себе на квартиру и вернулся оттуда с четырьмя томами переписки. Кроме того, он дал мне еще различной литературы и разрешил пользоваться его библиотекой. Он хотел мне дать также свои заметки, оставшиеся у него еще от 1913 г., когда он впервые читал все четыре тома переписки, но тетрадка эта не находилась. Она все же потом нашлась, и Владимир Ильич прислал мне ее, когда у меня все уже письма были прочитаны. Я все тщательно пересмотрел снова. Целый ряд замечаний в его тетради мной был использован. Переписав себе все заметки Владимира Ильича, я вернул ему его тетрадь.

Вначале и Владимиру Ильичу и мне казалось, что всю работу можно будет выполнить очень быстро, месяца в три. Но прошел год после первого нашего разговора, а я подготовил только еще сырой материал. Правда, все отрывки, выбранные мной, были уже переведены, но все в целом нуждалось еще в серьезной проработке. Владимир Ильич, интересовавшийся все время моей работой, писал после беглого просмотра всего материала в письме 2 августа 1921 года:

«На письма мог лишь взглянуть. Конечно, придется Вам еще сильно сократить, связать, разместить, — 2 и 3 раза обдумать, потом *кратко* комментировать. Работы, видимо, больше, чем казалось сначала.

Порядок (пожалуй, Вы правы) хронологический едва ли не удобнее»¹.

Это обдумывание два и три раза и комментирование заняло у меня всю зиму 1921/22 года. Ускорить эту работу я не мог, потому что был занят еще и другими делами.

В апреле 1922 г. я получил от Владимира Ильича записку, где он писал следующее:

«Я по болезни не работаю и еще довольно долго работать не буду. Черкните, как Ваши дела. В частности, черкните насчет писем Маркса. (Я уеду на много недель...). Надо это дело двигать и *довести до конца*. Ваш Ленин».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, 4 изд., стр. 440.

Когда я получил эту записку, у меня сжалось сердце, я почувствовал, что положение Владимира Ильича серьезно. В ответе ему я писал, что работа по письмам Маркса у меня все время идет и что до конца я ее доведу во что бы то ни стало, но, к сожалению, целиком заняться этим делом не позволяют обстоятельства. В ответе Владимир Ильич писал, между прочим:

«Займитесь побольше письмами: важное *международное* дело. Выберите важнейшее. Примечания должны быть кратки, ясны, точны (сопоставлять отзывы Маркса с *такими-то* «авторитетными» буржуазными учеными *реакционерами*). Привет. Ваш Ленин».

В конце апреля Владимир Ильич как-то вызвал меня к себе. Он, одетый, лежал в постели и читал. Это было вскоре после операции. Владимир Ильич начал расспрашивать меня о работе, причем интересовался мельчайшими подробностями: каковы условия, в каких я живу, могу ли работать дома или в библиотеке и т. д. Узнав, что я сдал в печать рукопись моей книги «Программа по основным вопросам марксизма», Владимир Ильич без моего ведома произвел нажим, и благодаря этому работа была очень быстро отпечатана.

В последний раз я видел Владимира Ильича в конце 1922 г., когда он, вернувшись было к работе, снова почувствовал себя нехорошо и по предписанию врачей должен был ослабить напряженность своих занятий. Владимир Ильич позвонил как-то вечером по телефону и позвал зайти к нему. Он сидел у себя в кабинете. Я принес с собой и мог показать ему уже отпечатанные чистые листы моего сборника писем Маркса и Энгельса. Владимир Ильич заглянул в него и смеялся по поводу помещенного в конце вводной статьи письма Энгельса Марксу, где Энгельс советует Марксу пить вино, чтобы сохранить свой пыл.

Владимир Ильич выглядел бодрым и оживленным, но все же с грустью сказал мне, что теперь он инвалид и не может уже заняться работой вплотную. Я не хотел думать, что вижу его в последний раз...

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ АДОРАТСКИЙ

(биографический очерк)

Среди старейших членов Коммунистической партии Советского Союза, помимо крупнейших ее деятелей, непосредственных соратников великого Ленина, известен широкий круг талантливых людей, до конца преданных партии и ее делу, образующих ее славную когорту. Освещение проделанной ими работы в различных областях партийного и государственного строительства помогает представить деятельность Коммунистической партии более конкретно, на живых примерах, в процессе осуществления ее генеральной линии активными участниками великого поступательного движения на путях к коммунизму. К числу таких работников нашей партии принадлежал Владимир Викторович Адоратский.

В. В. Адоратский родился в Казани 7 августа 1878 года. Отец его, юрист по образованию, рано умер от туберкулеза, и Владимир Викторович жил с матерью на ее скромные средства. В годы обучения в гимназии юноша увлекался математикой, литературой, театром. У него оказались незаурядные способности к музыке, к рисованию. Но сильнее всего в нем было страстное, непреодолимое стремление к приобретению знаний. В 15—16 лет он уже читал произведения Дарвина, Геккеля, Фейербаха. По окончании гимназии Адоратский поступает (в 1897 г.) в Казанский университет, сначала на математический, затем на юридический факультет.

Огромное впечатление произвел на молодого Адоратского «Манифест Коммунистической партии»

К. Маркса и Ф. Энгельса. Он изучает его, переводит на русский язык. С этого времени у него возникло, писал он, «определенное желание узнать социализм, изучать Маркса». Двадцатилетний Адоратский начинает серьезно интересоваться социал-демократическим движением, изучать марксистскую литературу. С 1900 г. он своим адресом, квартирой, хранением нелегальной литературы и другими услугами оказывает содействие социал-демократам и затем становится активным членом Казанской партийной организации.

В конце 1903 г. Адоратский (к этому времени окончивший университет) выезжает за границу с явкой в ЦК партии. В Женеве происходит его знакомство с В. И. Лениным. Здесь он изучает партийную литературу, знакомится с протоколами Второго съезда РСДРП. Речи В. И. Ленина в протоколах Второго съезда сразу привлекли внимание и покорили Адоратского своей логикой, ясностью, последовательной революционностью. В. В. Адоратский становится большевиком.

Весной 1904 г. в Женеве Адоратский посещает кружок по изучению партийного устава, которым руководил В. И. Ленин. Здесь же Адоратский перечитывает большое количество нелегальной литературы, читает работы Г. В. Плеханова, знакомится с произведением Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах». 18 марта он присутствовал на собрании, посвященном памяти Парижской Коммуны, на котором выступал Владимир Ильич.

В мае 1904 г. В. В. Адоратский возвращается в Казань, нагруженный особо изготовленными альбомами, бюварями и другими вещами; картон, из которого они были сделаны, был склеен из множества листов нелегальной литературы. Адоратский всецело отдается работе в Казанском комитете РСДРП — в качестве члена и секретаря комитета и наиболее активного пропагандиста. Свою революционную работу он выполняет под руководством Н. Е. Вилонова (Михаила Заводского), замечательного пролетарского борца. Революционная страсть огненного «Михаила» заражала Адоратского.

В 1904 г. В. В. Адоратский пишет «Программу по основным вопросам марксизма» — пособие для работы пропагандистов, ведет с большим успехом пропагандист-

скую работу в учебных заведениях, а затем в кружках рабочих и ремесленников.

В начале 1905 г. В. В. Адоратский опять направляется за границу. «В этот второй приезд, — читаем мы в его воспоминаниях о В. И. Ленине, — я познакомился с Владимиром Ильичем уже лично, видался с ним несколько раз и имел с ним продолжительный разговор».

Возвратившись в Казань, он застаёт партийную организацию значительно разросшейся, увеличилось и количество членов комитета. В составе комитета в то время работал Я. М. Свердлов. Помимо пропагандистской работы на Адоратского ложится теперь значительная часть особо законспирированной работы по «технике» и денежные дела организации. К «технике» относилась организация типографии, печатание и распространение по районам литературы, нелегальных книг, брошюр, воззваний, листовок. Адоратский принял участие в создании боевой дружины комитета.

Во время всеобщей Октябрьской забастовки 1905 г. Адоратский — неперемный участник многолюдных митингов, на которых он неоднократно выступал от имени большевиков. После массовой демонстрации, вспоминал он, «в комитете мы ставили вопрос о захвате власти и пороховых складов». «В это время, — записывал он в своем дневнике, — понял многое на практике и даже заглянул в глаза смерти... начал чувствовать уверенность, чувствовал, как у меня вырастают крылья».

Огромное впечатление произвело на Адоратского чтение книги В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Эту работу Ленина казанские партийные активисты читали всем комитетом. «Мы все чувствовали, — вспоминал Адоратский, — что нельзя более правильно, более последовательно и более талантливо защищать интересы развития революции, чем это делал Владимир Ильич. Он умел зажигать сердца всех, кому было дорого дело революции».

Вместе с другими руководящими деятелями Казанской партийной организации В. В. Адоратский использовал местную легальную прессу для пропаганды ленинских идей. На страницах «Волжского листка» в

ноябре — декабре 1905 г. он поместил ряд статей, в которых с ленинских позиций характеризовал расстановку классовых сил в революции, ее движущие силы, вел страстную полемику с меньшевиками¹.

10 декабря 1905 г. Адоратский выступил с докладом о текущем политическом моменте в Юридическом обществе, а 12-го был арестован вместе с другими членами Казанского комитета РСДРП. «Сначала мы сидели в одиночках, — рассказывал Адоратский, — потом нас объединили, и мы на суде отказались дать всякие показания». «В тюрьме, — вспоминал он, — меня согрело братски сочувственное отношение товарищей, слияние с ними душой, солидарность... Доставляло нравственное удовлетворение сознание исполненного долга».

После тюрьмы последовала ссылка на три года в Астраханскую губернию. Потом ссылка была заменена выездом за границу на два года без права въезда в Россию.

За границей (в Швейцарии) Адоратский ведет усиленную работу по накоплению знаний. «Я читал без разбора все, что интересовало, — вспоминал он, — а интересовали — первобытная история, что такое государство, вопросы языка, религии, исторические вопросы. Читал по указанию Меринга... Перечитал плодотворно Бельтова... Перечитал брошюры Маркса и Энгельса, стал их лучше понимать».

И в это время Адоратский неоднократно встречается с В. И. Лениным, ведет с ним продолжительные беседы, выполняет ряд его поручений. «До отъезда, — писал он, — я заходил несколько раз к Владимиру Ильичу. Он заставил меня написать подробные воспоминания о 1905 г., об октябрьских днях и особенно о тех уроках, которые относились к вопросам о вооружении рабочих, о боевых дружинах, об организации восстания...»

¹ См. ст. Л. Б. Муллиной ««Волжский листок» в 1905 году» в сб. «Из истории местной периодической печати». Изд-во Казанского университета. 1960. Автор, выявивший ранее неизвестные статьи В. В. Адоратского, напечатанные в указанном органе, пишет: «Названные три статьи характеризуют Адоратского как видного марксиста, глубоко изучившего историю западноевропейского рабочего движения, философию марксизма, страстно защищающего тактику большевиков во всеоружии марксистской теории» (там же, стр. 33)

В 1908—1910 гг. Адоратский, по возвращении из-за границы в Казань, продолжает усиленно заниматься вопросами теории марксизма, уделяя особое внимание вопросу о государстве. «В 1909 г. — сообщал он, — желая изложить свои мысли о государстве, подводя таким образом итог почти 3-летней работе, я открыл, что не знаю как следует метода диалектического материализма. Я стал изучать философию и между прочим и Гегеля. В 1910—1911 гг. я написал работу «Государство с материалистической точки зрения». Напечатать эту работу Адоратскому не удалось. Это было для него тяжелое время. «Бросился к Университету, — записывал он, — и тут после полутора лет работы выяснилась невозможность получать деньги и не поступаться лучшими своими идеями».

В 1911 г. Адоратский проводит некоторое время за границей. Уезжает в Париж с рукописью своей работы о государстве с тем, чтобы выяснить там ряд теоретических вопросов. Несколько раз бывает у Владимира Ильича, который просмотрел рукопись и заинтересовался ею.

Проведя в Париже две недели с большой пользой для своей теоретической работы, Адоратский выезжает в Лондон. Здесь он усиленно работает в библиотеке Британского музея, приобретает необходимую для занятий литературу, совершенствует свои познания в английском языке, старается ознакомиться с положением рабочих в Лондоне, посещает рабочие кварталы, рабочие столовые, сообщая в своих письмах, что такой нищеты и грязи, как в лондонских рабочих кварталах, он нигде не видел.

1912 г. Адоратский живет некоторое время в Берлине, выполняя ряд партийных поручений и продолжая свои научные занятия. Он постоянно заботится о поддержании своей связи с партийным центром. Так, выехав за границу в 1914 г., он немедленно пишет письмо В. И. Ленину. Его интересовал тогда национальный вопрос, по поводу которого он советуется с Владимиром Ильичем. Ленин отвечает ему, рекомендует специальную литературу.

Империалистическая война 1914—1918 гг. застала В. В. Адоратского в Германии. Связи с партийными кругами порвались. Четыре года он провел в плену, в качестве гражданского пленного. На другой день после объявления войны ему и жене было объявлено, что они лишены права менять местожительство и обязаны два раза в неделю ходить отмечаться в полицию, десятилетней дочери их было запрещено посещать школу. Что касается работы, то разрешался только поденный физический труд.

Хроническое голодание подрывает здоровье Адоратского и его семьи. Мучительнее всего был для него вынужденный отрыв от партийной деятельности. «Я связан по рукам и ногам, — горестно сетовал он, — и вместо любимого дела, к которому готовился чуть ли не 15 лет, к которому чувствую себя готовым, вместо него физический труд поденщика...» И в этих тяжелых условиях Адоратский продолжает свои занятия теорией, изо дня в день он составляет хронику событий периода империалистической войны 1914—1918 годов.

Сохранившиеся многочисленные записи, статьи, дневники 1917—1918 гг. рисуют В. В. Адоратского как человека с цельным мировоззрением, устойчивого в идейном и политическом отношении, непримиримого к оппортунизму, страстно преданного родине и партии. Его записи представляют несомненную ценность для историков. Это яркие свидетельства современника великих событий, хотя их автор и находился за кордоном, был оторван от родины. Глубокое чувство партийности помогало Адоратскому правильно ориентироваться в сложном потоке самых различных событий, преодолевать искажения и ложь враждебной народу буржуазной печати.

С восторгом и необыкновенным подъемом воспринимает В. В. Адоратский известия о революционных событиях 1917 г., об Октябрьской социалистической революции. При первой появившейся возможности он с семьей возвращается (в августе 1918 г.) на родину, является к В. И. Ленину и сразу же берется за работу в Наркомпросе. Подтверждая партийный стаж Адоратского, В. И. Ленин пишет: «Я знаю т. Адоратского (и знаю

его хорошо) с периода реакции после 1905 года. Вопреки течению вправо, он уже тогда был большевиком и остался им. Приехал из Германии он совсем больным. Теоретик и пропагандист. Считал бы безусловно справедливым продлить ему стаж, признать его членом с 1904 года».

Одновременно с работой в Наркомпросе, Адоратский назначается заведующим так называемого Новоромановского архива, в котором были сосредоточены личные архивы Романовых и бывших царских сановников. В это же время он принимает участие в разборе секретного архива б. Министерства иностранных дел. В ноябре 1918 г. он избирается членом-соревнователем Социалистической (позднее Коммунистической) Академии при ВЦИК, являясь одним из ее основателей.

1919 год Адоратский проводит в Казани, с горячим увлечением читает лекции в Университете, на рабочем факультете, на факультете общественных наук и на различных курсах. Темы его лекций: история социализма, история классовой борьбы на Западе, исторический материализм, социализм утопический и научный, общее учение о государстве и праве в связи с Советской Конституцией.

Весной 1920 г. Владимир Ильич Ленин пишет Адоратскому письмо, в котором просит собирать материал по истории гражданской войны. Одновременно он направляет председателю Казанского губисполкома И. И. Ходоровскому письмо следующего содержания:

«В Казани есть (при Университете, доцент или профессор и т. п.)

Адоратский.

Я знаю его больше 10 лет. Надежнейший человек. Хорошо образованный марксист.

Я дал ему поручение написать очерк истории революции.

Прошу.

- 1) использовать его усиленно для лекций и т. п.
- 2) помочь ему пайком (*усиленным*) ему и семье, дровами и пр.

3) телеграфировать мне его адрес (и что для него сделано)» (Ленинский сборник XXXVI, стр. 101—102).

В августе 1920 г. Адоратский вызывается в Москву для работы по истории РКП(б) и Октябрьской революции в Истпарте при ЦК РКП(б), созданном по инициативе В. И. Ленина. В. И. Ленин способствует опубликованию работы В. В. Адоратского «Программа по основным вопросам марксизма». В письме на имя секретаря ЦК РКП(б) В. В. Куйбышева, рекомендуя автора представленной ему рукописи как *«знающего марксиста»*, Ленин писал: «Прошу издать быстро; с именем автора; *не солить»* (Ленинский сборник XXXVI, стр. 469—470). Эта работа Адоратского выдержала четыре издания.

Постановлением Политбюро Центрального Комитета РКП(б) от 8 декабря 1920 г. В. В. Адоратский был назначен заведующим Государственным архивом РСФСР и членом Коллегии Главархива. Работа В. В. Адоратского в Центральном архивном управлении продолжается непрерывно до 1929 года. В качестве представителя Центрального архивного управления он участвует на Международном историческом конгрессе в Осло, где выступает с докладом об архивном строительстве в СССР. Вместе с историками М. Н. Покровским, Б. Д. Грековым, А. М. Панкратовой и др. В. В. Адоратский развертывал археографическую деятельность в нашей стране, способствовал развитию археографии как научной дисциплины.

Одновременно в 20-е годы Адоратский ведет большую педагогическую работу в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, на курсах марксизма-ленинизма, в Институте красной профессуры (В. В. Адоратский был первым директором Историко-партийного института красной профессуры).

В 1920 г. В. В. Адоратский начал подготовку издания избранных писем Маркса и Энгельса. Это было задание Владимира Ильича Ленина. «Важное международное дело», — говорил об этом Ленин. В беседе с Адоратским Владимир Ильич указывал, что изданная Бебелем и Бернштейном переписка Маркса и Энгельса (в 4-х томах) не могла удовлетворить насущную нужду

пролетариата в освоении богатейшего идейного наследства основоположников марксизма, так как этому препятствовал самый характер издания (Бернштейн произвольно обращался с текстами документов, в своих предисловиях искажал смысл важнейших положений марксизма). В. И. Ленин предлагал для начала произвести отбор важнейшего, сделав его доступным широким кругам рабочих... «Сделать так, — подчеркивал Ленин, — чтобы действительно подлинного Маркса читали». Такой относительно небольшой сборник он предлагал перевести на европейские языки, говоря, что «Маркса на Западе знают, может быть, еще меньше, чем у нас, в России»¹.

Владимир Ильич лично следил за ходом работы над этим важнейшим изданием, оказывая всяческое содействие составителю и редактору его; разрешал Адоратскому пользоваться своей библиотекой, давал ему свои тетради 1913 г., в которых содержались записи, сделанные при чтении изданных на немецком языке 4-х томов переписки Маркса и Энгельса. «В последний раз я видел Владимира Ильича, писал Адоратский, — в конце 1922 года... Владимир Ильич позвонил как-то вечером по телефону и позвал зайти к нему... Я принес с собой и мог показать ему уже отпечатанные чистые листы моего сборника писем Маркса и Энгельса».

Первое издание этого сборника вышло еще в 1922 г., затем он переиздавался несколько раз; в тридцатых годах вышли издания на немецком и английском языках. Подготовленное Адоратским издание писем Маркса и Энгельса сыграло весьма положительную роль, облегчив доступ широкой массе читателей к сокровищам переписки основоположников марксизма.

В своей научной работе В. В. Адоратский наибольшее внимание уделял вопросам марксистско-ленинской философии и учению о государстве. Вопросу о государстве, его возникновении, сущности, формах и исторических судьбах он посвятил свою первую крупную работу «О государстве» (1923), которой заинтересовался В. И. Ленин, содействовавший после Октября ее изда-

¹ См. настоящее издание, (стр. 595.)

нию. Основное содержание работы Адоратского состоит в развернутой критике буржуазной идеологии и в постановке вопроса о применении марксистского диалектического метода к разработке науки о государстве и праве.

Работы В. В. Адоратского, написанные в 1924 и 1925 гг. целиком посвящены памяти Владимира Ильича Ленина, анализу его трудов, значению его деятельности: «Ленин как философ», «Теория и практика ленинизма», «О теории и практике ленинизма», «О теории и практике революционного марксизма», «Ленинизм, революционный марксизм», «Политическая деятельность Ленина и его лозунги», «Теория и практика у Ленина», «Наследство Ленина», «Что значит быть марксистом», «Как и что читать из произведений Ленина», «Исторический материализм. Хрестоматия по Ленину». В 1924 г. в журнале «Пролетарская революция» были напечатаны весьма ценные воспоминания В. В. Адоратского о В. И. Ленине под названием «За восемнадцать лет».

Верный сын партии, Адоратский в период борьбы партии против троцкистско-зиновьевской оппозиции выступает со статьями, направленными на разоблачение ревизионистских взглядов и антипартийной деятельности троцкистов и зиновьевцев («Ленин в борьбе с оппозицией», «Методология ленинизма и ревизия ее оппозицией» и др.). Обращаясь к историческому прошлому партии, он показывает ее борьбу с оппортунистическими предшественниками оппозиции двадцатых годов. Он пишет о борьбе партии с ликвидаторами, отзовистами и троцкистами в годы реакции. Одна из этих работ выпускается издательством «Московский рабочий» отдельной книгой: «Большевизм в годы реакции (в борьбе с ликвидаторством, отзовизмом и троцкизмом)».

В 1929—1934 гг. В. В. Адоратский выступает с работами, посвященными преимущественно анализу философских трудов В. И. Ленина и вопросам, связанным с разработкой его научной биографии. Это статьи и доклады: «Ленин о гегелевской логике и диалектике (по «Философским тетрадам)», «О работах В. И. Ленина по философии», «О значении работ Ленина для философии», «О теоретических основах марксизма-ленинизма»,

«Материализм и эмпириокритицизм», «К вопросу о научной биографии Ленина» и другие. Адоратский убедительно показывает, что труды В. И. Ленина знаменуют новый этап в развитии марксистской философской мысли.

Работы Адоратского обнаруживают большую эрудицию и самостоятельную постановку ряда принципиальных научных вопросов. Они являются примером партийности и боевой публицистичности. Выступления Адоратского способствовали овладению ленинским теоретическим наследством, помогали глубже изучить историю марксизма.

В. В. Адоратский отличался исключительной научной добросовестностью. Наметив тему для исследования, он стремился ознакомиться со всеми источниками и, разумеется, со всей литературой изучаемого предмета. Подводя итоги исследования, он продолжал проверять и обогащать сделанные первоначально выводы, привлекая все новые материалы, новые источники.

Марксист должен быть революционером как в жизни, так и в науке. Адоратский любил повторять мысль В. И. Ленина о том, что теория марксизма соединяет «строгую и высшую научность» с революционностью — не случайно, а «внутренне и неразрывно» (*В. И. Ленин. Соч.*, 4 изд.; том 1, стр. 308).

Адоратский умело сочетал свои специальные научные исследования с научно-популяризаторской деятельностью. Как подлинно народный ученый, он постоянно стремился сделать достижения науки доступными широким массам трудящихся. Он прекрасно понимал и всегда стремился реализовать важнейшее положение В. И. Ленина о том, что «нельзя быть идейным руководителем без... теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы... пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации» (*В. И. Ленин. Соч.*, 4 изд.; том 1, стр. 279).

С 1928 г. Адоратский работает заместителем директора Института Ленина, с 1931 г. — директором Института Маркса — Энгельса — Ленина и затем, в 1938—1945 гг. — главным редактором Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Свою большую деятельность по развертыванию научно-издательской работы Института Маркса — Энгельса — Ленина В. В. Адоратский совмещает с руководящей работой в Институте философии Академии наук. С 1932 г. он — действительный член Академии наук СССР.

Всестороннее образование, широкая осведомленность в международной литературе по общественным наукам и глубокое знание трудов Маркса, Энгельса, Ленина заслуженно поставили академика Адоратского в число видных знатоков истории марксизма.

В. В. Адоратский является одним из основных организаторов первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, потребовавшего весьма сложной и чрезвычайно трудоемкой научной работы коллектива работников Института Маркса — Энгельса — Ленина. Из 29 томов этого издания 15 были отредактированы Адоратским. Под его редакцией вышло первое издание Избранных произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в двух томах, неоднократно переиздававшихся в СССР и выходивших на многих иностранных языках, а также несколько томов международного издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала и ряд томов Архива Маркса и Энгельса.

Редактируя переводы произведений основоположников марксизма, В. В. Адоратский стремился в русском переводе как можно более точно воспроизвести идейное содержание классических трудов Маркса и Энгельса и сохранить литературную форму произведений этих великих мастеров слова¹.

¹ В 1941 г. в коллективе сотрудников Института Маркса — Энгельса — Ленина была проведена дискуссия о «проблеме перевода». Владимир Викторович принял в ней живейшее участие, изложив свои соображения в форме следующих «заповедей» для переводчика:

«1. Не халтурь. Дай перевод точный и литературный. Не перевод, как ремесленник.

2. Знай хорошо оба языка — и тот, с которого переводишь, и тот, на который переводишь.

3. Не подражай Марку Твену в его переводах с итальянского.

4. Не думай, что точность перевода состоит в дословности. Не грешь против законов того языка, на который переводишь (порядок слов, синтаксические правила, свойственные языку обороты и т. д.).

Будучи одним из очень немногих исследователей, хорошо разбиравших почерк Маркса и Энгельса, Адоратский уделял много внимания изучению рукописного наследства основоположников научного коммунизма. По основным рукописям, по различным вариантам, наброскам, подготовительным материалам он составлял картину исследования и оформления главного творения Маркса «Капитала».

В последние годы жизни В. В. Адоратским была написана «Биография Карла Маркса» (оставшаяся в рукописи). Это своего рода итог его большой и тщательной работы над литературным наследием и биографией основоположника научного коммунизма.

По инициативе и под руководством Адоратского вышло весьма ценное издание Института Маркса — Энгельса — Ленина, явившееся результатом работы по собиранию и изучению документов о жизни и деятельности Маркса, — «Даты жизни Карла Маркса» (1934 г.).

Наряду с подготовкой к печати Сочинений Маркса и Энгельса, В. В. Адоратский принимал большое участие в редактировании большого числа томов Сочинений В. И. Ленина и Ленинских сборников. По поручению Центрального Комитета партии на протяжении многих лет он выступал на торжественных заседаниях с научными докладами о В. И. Ленине, о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об их литературном наследстве, о значении их теоретического творчества. Много было сделано Адоратским для перевода сочинений классиков марксизма-ленинизма на иностранные языки.

5. Не допускай различных «измов» (англицизмы, галлицизмы, германизмы и пр.).

6. Не думай, что одно знание греческого языка обеспечивает понимание греческой философии. Знай предмет, о коем идет речь в переводимом тобой тексте.

7. Задача переводчика — точно передать на правильном литературном русском языке мысль, выраженную автором на своем языке.

Если эти «заповеди» выполнены — «проблема перевода» получит разрешение. Если условий для разрешения этих задач и выполнения этих заповедей нет налицо, то сколько ни бейся — «проблема перевода» будет оставаться неразрешенной».

Помимо основной деятельности по подготовке публикации работ классиков марксизма-ленинизма, В. В. Адоратский принимает участие в ряде других изданий («Библиотека материализма», «Библиотека марксиста» и др.), редактирует ряд очень важных документальных сборников: («Письма рабкоров Парижской Коммуны», «Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны», «Базельский конгресс I Интернационала», «Лондонская конференция I Интернационала»).

В. В. Адоратский был одним из инициаторов и редакторов важнейшего издания — сборника партийных документов «Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК».

В годы Великой Отечественной войны В. В. Адоратский, движимый горячим патриотическим чувством, преодолевая тяжелую болезнь, не прекращал своей обычной работы и стремился принести как можно больше пользы народу. Из наследия Маркса и Энгельса он выделяет все наиболее актуальное для текущего момента, для духовного вооружения масс. Он пишет работы: «Маркс и Энгельс о войнах», «Маркс и Энгельс о Германии», выступает перед офицерами Советской Армии и партийным активом с докладами о жизни и деятельности великих вождей рабочего класса.

Литературное наследие академика В. В. Адоратского значительно по своему объему. Список его трудов, увидевших свет, составляет свыше сотни названий. Все они посвящены пропаганде великого учения марксизма-ленинизма.

Свою работу в области пропаганды марксизма-ленинизма Адоратский начинал при непосредственной помощи В. И. Ленина. Пример отношения Ленина к коммунисту-ученому Адоратскому представляет собой замечательный образец чрезвычайно заботливого отношения к ценнейшему достоянию партии — ее кадрам.

Верный идеям и делу Коммунистической партии, В. В. Адоратский честно и бескорыстно трудился во имя торжества марксистско-ленинской науки.

Р. Конюшая

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ КАРЛА МАРКСА	11
<i>Глава I. Утопический социализм</i>	—
§ 1. Утопический социализм и научный коммунизм	—
Народ	12
§ 2. Утопический социализм	15
§ 3. Отдельные представители утопического социализма	20
§ 4. Мелкобуржуазный социализм	24
§ 5. Анархизм	28
§ 6. Сознание мелкого буржуа	30
§ 7. Отдельные представители мелкобуржуазного социализма	32
а) Луи Блан (1811—1882)	—
б) Народники	33
в) Современный мелкобуржуазный социализм (оппортунизм, меньшевизм)	35
<i>Глава II. Научный коммунизм и его основатели</i>	
Маркс и Энгельс	38
§ 8. Научный коммунизм Маркса	—
§ 9. Карл Маркс (1818—1883)	41
§ 10. Фридрих Энгельс	43
<i>Глава III. Метод диалектического материализма</i>	46
§ 11. Логика формальная и диалектическая	—
§ 12. Основные принципы диалектики	52
§ 13. Все в движении, а не в покое	56
§ 14. Всеобщая связь	60

§ 15. Борьба противоположностей. Переход в противоположность	63
§ 16. Отрицание отрицания	66
§ 17. Переход количества в качество	69
§ 18. Материалистическая диалектика	72
§ 19. Нет абстрактной истины, истина всегда конкретна	79
§ 20. Основные правила диалектического метода	81
<i>Глава IV. Историческая теория</i>	<i>82</i>
§ 21. Идеалистический и материалистический взгляд на историю	—
§ 22. Доказательства правильности материалистического взгляда на общество	89
§ 23. Развитие взглядов на человеческую историю	96
§ 24. Что такое материальные производительные силы	98
§ 25. Уровень развития материальных производительных сил обуславливает строй общественных отношений	102
§ 26. Диалектический метод в применении к основному вопросу о человеческом обществе	105
§ 27. Об идеологиях	108
§ 28. Развитие религиозной идеологии	113
§ 29. О нравственности	121
§ 30. О праве	127
§ 31. О государстве	136
§ 32. Философия	142
МАРКС — ВОЖДЬ ПРОЛЕТАРИАТА	148
I	—
II	150
III	153
IV	157
V	160
VI	162
VII	165
VIII	168
IX	170
X	174
XI	178
XII	180
К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ «КОММУНИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА» (Подготовка и развитие основных идей. Начало Коммунистической партии)	183

ВЕЛИЧАЙШИЙ ПРОГРАММНЫЙ ДОКУМЕНТ МАРКСИЗМА <i>(90 лет «Манифеста Коммунистической партии»)</i>	221
РАБОТА МАРКСА НАД «КАПИТАЛОМ»	248
I. Первые экономические работы (1843—1851)	—
II. Рукопись 1857—1858 гг. и книга «К критике политической экономии»	253
III. Глава «О капитале» для книги «К критике политической экономии» (1861—1862)	265
IV. Рукопись «К критике политической экономии» и начало рукописи «Капитала» (1863—1864)	275
V. Окончание рукописи всех трех книг «Капитала» и выход в свет его первого тома (1865—1867)	287
VI. После выхода I тома «Капитала» (1868—1878)	300
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА	312
I	313
II	317
III	326
IV	334
V	341
КАРЛ МАРКС И I ИНТЕРНАЦИОНАЛ (1864—1872)	349
Возникновение Интернационала	—
Работа Маркса в Интернационале. Руководство Генеральным Советом	353
Борьба Маркса с прудонизмом, тред-юнионизмом и бакунизмом	361
Маркс и Парижская Коммуна	365
Борьба с бакунизмом. Лондонская конференция в сентябре 1871 г.	372
Конец I Интернационала	376
О РАБОТАХ ЭНГЕЛЬСА И ИХ ИЗДАНИИ	383
СУДЬБЫ МАРКСИЗМА В РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ	394
О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА	416
I	—
II	420
III	428
IV	432
V	436
VI	440

МАРКСИСТСКАЯ ДИАЛЕКТИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕНИНА	443
О ЗАНЯТИЯХ ЛЕНИНА ФИЛОСОФИЕЙ (<i>По поводу XII Ленинского сборника</i>)	460
I	—
II	465
III	470
IV	473
О ЗНАЧЕНИИ РАБОТ ЛЕНИНА ДЛЯ ФИЛОСОФИИ	484
МАРКС, ЭНГЕЛЬС, ЛЕНИН И ГЕГЕЛЕВСКАЯ ДИАЛЕКТИКА .	507
1. Противоречие как внутренний импульс развития	514
2. Признание огромного значения процесса труда . .	516
3. О единстве познания и практики	517
4. Конкретность	518
КАК ЛЕНИН ИЗУЧАЛ МАРКСА	537
I	538
II	544
III	556
IV	570
ЗА ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ	583
I	—
II	587
III	591
IV	593
V	595
<i>Р. П. Конюшая</i> . ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ АДОРАТСКИЙ (<i>биографический очерк</i>)	598

АДОРАТСКИЙ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ
Избранные произведения, М., Политиздат, 1961
616 с., 1 л. парт. (Ин-т марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС).

ЗК16 + ЗК26

Технический редактор *Е. М. Сербин*
Корректоры *Е. И. Щукина*
и *О. В. Сапрыкина*

Сдано в набор 10 февраля 1961 г. Подписано
к печати 15 июля 1961 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Физ. печ. л. 19¹/₄ + 1 вклейка. Условн. печ.
л. 31,67. Уч.-изд. л. 31,31. А-07621. Тираж
17 тыс. экз. Заказ № 1876. Цена 93 коп.

Государственное издательство
политической литературы, Москва,
А-47, Миусская пл., 7.

Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление полиграфической промышлен-
ности. Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького, Ленинград, Гат-
чинская, 26.

В.В. АДОРАТСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ
МАРКСИЗМА
ЛЕНИНИЗМА
ИМ. ЦК КПСС

Общественная библиотека

93 к.